MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80074-1

MICROFILMED 1991

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

[SNEGIREV, IVAN M.]

TITLE:

RUSKIE PROSTONARODNYE PRAZDNIKI

PLACE:

MOSKVA

DATE:

1837-1839

Master Negative #

91-80074-1

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

947.01
Sn263

Snegirev, Ivan Mikhailovich, 1793-1868.
Рускіе (!) простонародные праздники и суевѣрные обряды. Москва, 1837-39.
4 v.

Title transliterated: Ruskie prostonarodnye prazdniki ...

1. Russia - Social life and customs.
2. Folk-lore - Russia. 3. Folk-songs - Russia.
4. Holidays - Russia.

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35 mm REDUCTION RATIO: 10 X
IMAGE PLACEMENT: IA (IIA) IB IIB
DATE FILMED: 6-12-91 INITIALS G.G.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

VOLUME 1

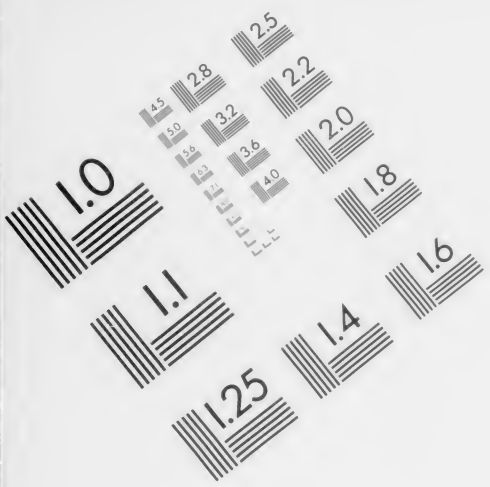
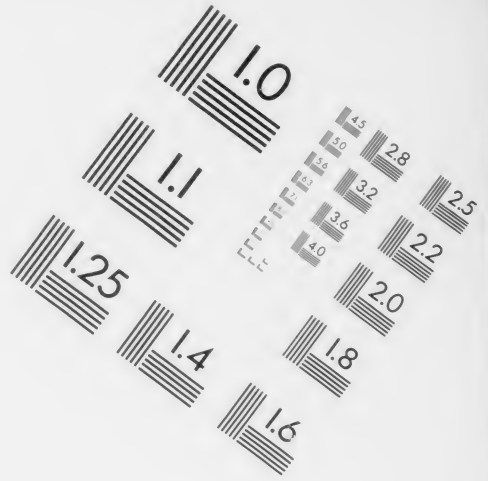
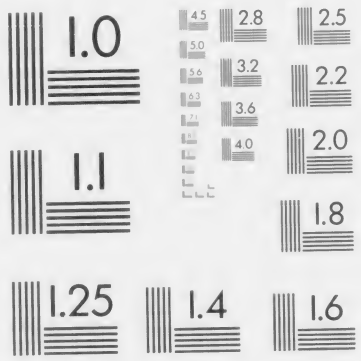
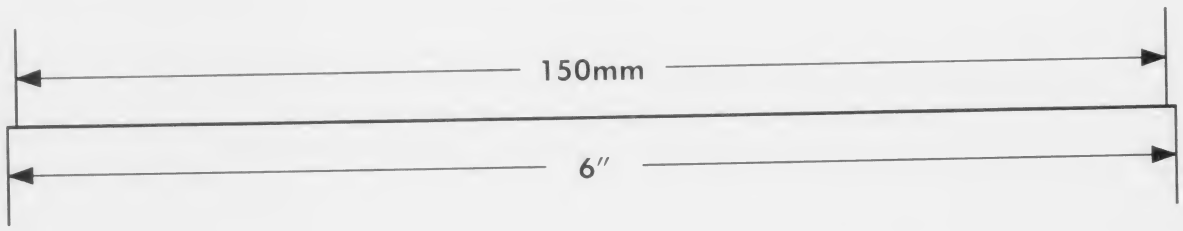
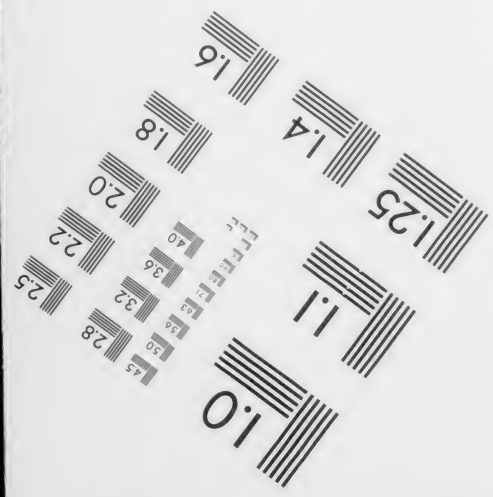


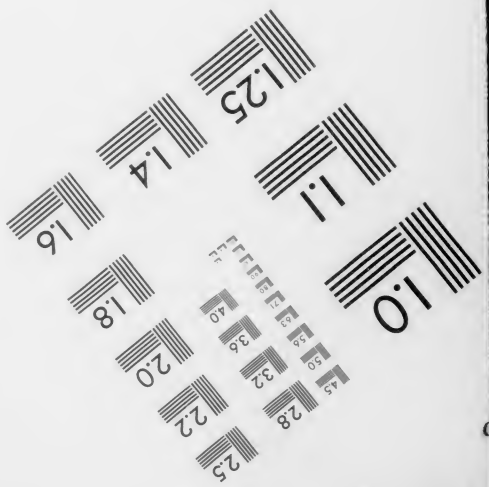
IMAGE EVALUATION TEST TARGET (MT-3)



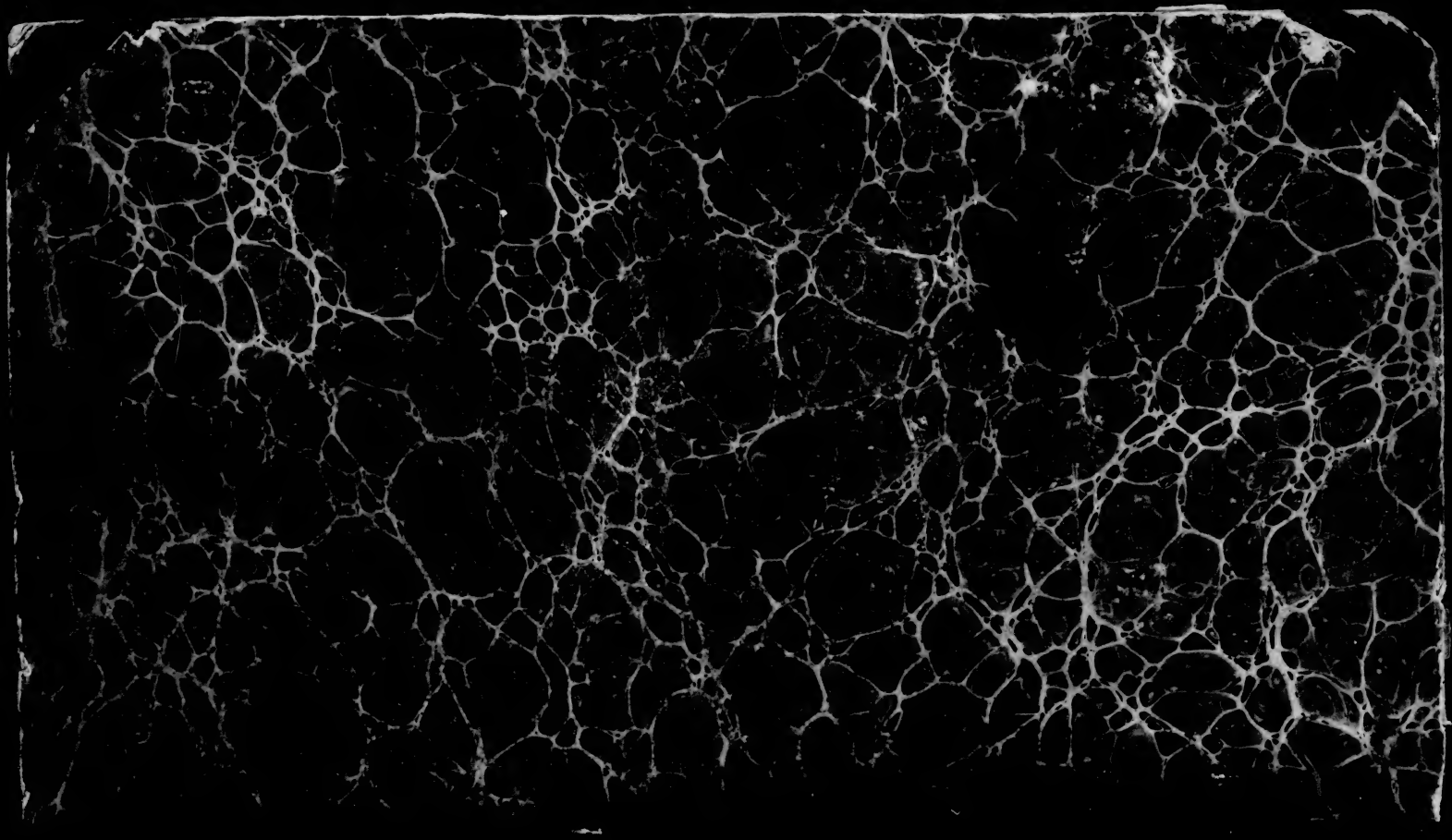








PHOTOGRAPHIC SCIENCES CORPORATION
770 BASKET ROAD
P.O. BOX 338
WEBSTER, NEW YORK 14580
(716) 265-1600



4 BE

Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

SIGILLVM · COLLEGII · COLVMBIAE · NOVI · EBORACI
IN LVMINE TVO VIDEBIMVS LVMEN

Снегерев 3 Pes. 4(1-4)
997
18

Государственный Книжный Фонд

170
18
136
17
30-60

p. 168-69
192

32
170
224
32
54-40

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

и

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

Б/5 № 216

ВЫПУСКЪ I.

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

№ 1820/I

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1837.

947.01
Sn263
v.1

20468C

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Февраля 20 го дня 1837 года.

Ценсоръ Д. Перевощиковъ.

ИМУТ

COLUMBIA
UNIVERSITY
LIBRARY

Jan. 13, 1949 от

РУСКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ.

Введеніе.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Господину Министру Народнаго Просвѣщенія, Государственнаго Совѣта Члену и разныхъ орденовъ Кавалеру

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ

съ досподолжнымъ высокопочтеніемъ

посвящаетъ

сіи воспоминанія отечественной народности

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рускіе праздники простонародные и соединенныя съ ними древнія повѣрья, составляя завѣтныя стихіи народности, входятъ во внутреннюю Исторію Рускаго народа и его Древности. О важности и необходимости изслѣдованія сего предмета говорили Шлёцеръ, Карамзинъ и Митрополитъ Кіевскій Евгеній. Представлено было нѣсколько опытовъ, достойныхъ вниманія, Гг. Глаголевымъ, Макаровымъ и И. Сахаровымъ. Почтенный Сочинитель книги: *о великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ*, *Кіевъ*, 1835 г., при нѣкоторыхъ изъ нихъ приводитъ *народные обычаи*. Послѣ этого, наконецъ и я отваживаюсь представить свой опытъ *Рускій Евртологіи*, въ коемъ излагается общій и частный обзоръ простонародныхъ праздниковъ съ обрядами и относящимися къ нимъ пѣснями. Сколько можно, мною обращено вниманіе на время и мѣсто, гдѣ и когда возникали и продолжаются сіи праздники. Самое происхожденіе, содержаніе и цѣль оныхъ рѣшительно отдѣляетъ ихъ отъ церковныхъ св. празднествъ.

Я не ограничивался извѣстными и доступными мнѣ источниками письменными (*). Какъ старинные обычаи живутъ болѣе въ народѣ, чѣмъ въ книгахъ: то я собиралъ мѣстныя объ этомъ свѣдѣнія и живыя преданія посредствомъ переписки или путешествій по Россіи. Не могу умолчать искренней моей благодарности тѣмъ почтеннымъ особамъ, кои содѣйствовали мнѣ въ трудѣ моемъ совѣтами, указаніями и доставленіемъ матеріяловъ: Гг. Профессорамъ Ѳ. А. Голубинскому, П. М. Терновскому, И. И. Давыдову, М. П. Погодину, Ѳ. Л. Морошкину, С. П. Шевыреву, Г. Магистру М. С. Гастеву и достойнѣйшимъ сочленамъ по Обществу Исторіи и Др. Рос. А. Ѳ. Вельтману, Н. А. Полевому и Князю М. А. Оболенскому. Гг. Директоры Гимназій, Костромской Ю. Н. Барщевъ и Тверской И. И. Лажечниковъ радушно сообщали мнѣ свѣдѣнія, собранныя ими по учебному округу чрезъ Гг. Смотрителей и Учителей. Профессоръ Н. Н. Лобойко въ Вильнѣ, для меня отобравъ отъ своихъ студентовъ, уроженцевъ изъ малой, бѣлой, красной и черной Руси, записки о мѣстныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, обогатилъ мое собраніе. Почтенный членъ по Обществу Исторіи и Древностей Росс., нашъ ревностный изыскатель отечественной старины, М. Я. Діевъ дополнялъ мои изслѣдованія своими наблюденіями въ Костромской, Ярославской и частію во Владимірской Губерніяхъ. Касательно Славянскихъ Древностей я пользовался совѣтами и матеріялами Гг. Ю. И. Венелина и І. М. Бодянскаго; а въ Литовскихъ и Польскихъ руководителями моими были Гг. В. Г. Анастасевичъ и Н. Н. Лобойко. Самъ постигая всю важность и обширность избраннаго мною предмета, объемлющаго внутреннюю жизнь Рускаго народа въ разныхъ ея эпохахъ, нахожу, что онъ требуетъ бо́льшихъ и разнообразнѣйшихъ познаній и средствъ, постоянѣйшихъ наблюденій и изслѣдованій, нежели какія я имѣлъ. Чѣмъ далѣе идти по этому поприщу, чѣмъ глубже вникать въ этотъ предметъ, повидимому, столь обыкновенный и знакомый, но по существу многосложный и разносторонній, тѣмъ болѣе откроется новыхъ свѣдѣній и сообра-

(*) Жалѣю, что я не могъ пользоваться Ключемъ къ Карамзину, сост. П. М. Строевымъ, изданіями Археографической Експедиціи, новыми сочиненіями о Миѳологіи и Древностяхъ Гримма, Шеллинга и Шафарика.

женій, важныхъ для Исторіи, Филологіи и Философіи. Какъ во время печатанія книги попадались мнѣ неизвѣстные матеріалы: то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были неизбѣжными повторенія и отступленія; въ чемъ я прошу извиненія у строгихъ требователей порядка.

Кажется, мой опытъ уже сдѣлается полезнымъ, если послужитъ матеріаломъ для будущихъ изыскателей Руской Древности въ живыхъ ея источникахъ, кои время отъ времени изсякаютъ въ народѣ; а трудъ мой будетъ награжденъ, если вызоветъ новыхъ изслѣдователей (*) и если заслужитъ вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ, и тѣмъ самымъ поощритъ меня къ продолженію сего изданія, въ коемъ помѣстится самое описаніе простонародныхъ праздниковъ въ древнія и новыя времена.

П. Снегиревъ.

1837 г.
Февраля 3.

(*) Я готовъ съ благодарностію помѣщать въ слѣдующихъ книжкахъ дѣльныя замѣчанія благонамѣренныхъ наблюдателей для того, чтобы въ одномъ сочиненіи соединялось то, что къ нему относится.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ сближенію людей и народовъ и однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутренней жизни каждаго народа служатъ его праздники съ относящимися къ нимъ суевѣрными обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Вмѣстѣ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по откровенію самой природы, при образованіи перваго общества, они выражаютъ въ себѣ древній бытъ народа, климатъ той страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ Астрономіи, Естествовѣдѣніи, Нравственности — его Вѣрованіе, Исторію и Поэзію. Какъ Вѣрованіе проникаетъ цѣлую жизнь народа: то и гражданскія постановленія и семейные обычаи связуются тѣснѣйшимъ союзомъ съ его миѳами и повѣрьями, съ его преданіями и сказаніями, съ колыбельными пѣснями его младенчества, къ коему сердце невольно обращается во всѣхъ возрастахъ человѣка. Народные праздники торжественно и радостно обнаруживая нравственныя и религіозныя чувствованія, доставляютъ участникамъ въ оныхъ льготу и наслажденіе. Нигдѣ съ такою полно-

той и свободою не раскрываетсѧ личность народная, какъ въ праздникахъ; нигдѣ столько, какъ въ нихъ, не сближаются люди душею и сердцемъ. Тамъ укрѣпляется старое и заводится новое знакомство, тамъ обмѣниваются мыслями и чувствованіями, тамъ частное дѣлается общимъ, прошедшее и будущее обращается въ сладостное настоящее: тамъ любимый *просторъ уму* и *разгулъ душѣ*.

Большая часть праздниковъ народныхъ родилась въ древнемъ Язычествѣ, гдѣ съ богослужебными обрядами соединяемо было судопроизводство и промышленность; отъ сего гдѣ былъ торгъ, тамъ судъ и расправа. Имѣя тѣсную связь съ внѣшнею природой и съ внутреннею жизнію народа, праздники ведутъ свое начало отъ его глубокой Древности, входятъ въ составъ его Исторіи, живописуютъ его духъ и характеръ, намѣкаютъ на коренный бытъ и на основныя его идеи. Учрежденные по естественнымъ епохамъ года, они объясняются и освящаются миѳами народными, кои содержатъ въ себѣ повѣрья о божествѣ, человѣчествѣ и природѣ. Какъ поезія жизни народной, они сливаются съ символами и иносказаніями, пѣснію и пляскою — языкомъ душѝ и се́рдца для всѣхъ понятнымъ.

Всѣ народы имѣютъ природную склонность выражать торжественно радость и печаль. Самъ Богъ учредилъ и освятилъ праздники въ народѣ Еврейскомъ для воспоминанія Своихъ къ нему благодѣяній, для возбужденія въ немъ благоговѣйныхъ чувствованій и для обвеселенія сердецъ въ дни покоя и свободы (1). »Первые праздники у Грековъ, говоритъ Аристотель, ознаменованы были радостію и благодареніемъ. По собраніи плодовъ земныхъ, народъ сходился въ избранныя мѣста для жертвоприношеній и для веселія, ощущаемаго имъ при изобиліи благъ земныхъ.« (2)

Хотя праздники у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра имѣютъ общія нача̀ла, какъ бы прирожденныя человѣчеству; однако естественныя и нравственныя причины различія людей отличаютъ оные по цѣли и по выраженію: отъ сего происходитъ различіе въ праздникахъ у воинственныхъ и мирныхъ племенъ, у земледѣльческихъ и пастушескихъ, у дикихъ и просвѣщенныхъ, у языческихъ и Христіанскихъ, у жителей горъ и

(1) Dictionnaire historique, critique etc. de la Bible, par *A. Calmet*, t. III. à Toulouse, 1783. 8.

(2) *Aristot.* polit. 2, 7. — *Strabo* Geogr. IX. Wachsmuths Hellenische Alterthümskunde. T. I. Halle, 1826. 8.

долинъ, у восточныхъ и сѣверныхъ народовъ. Вмѣстѣ съ переселеніемъ и смѣшеніемъ племенъ переселяются и смѣшиваются съ другими ихъ повѣрья и обычаи; отъ сего въ Римскихъ праздникахъ находимъ слѣды Греческихъ, въ Славянскихъ вліяніе тѣхъ и другихъ, съ примѣсью Скандинавскихъ, Германскихъ, Финнскихъ и Восточныхъ.

Болѣе или менѣе явственные останки Славяно-Рускаго богоученія въ Язычествѣ замѣтны въ повѣрьяхъ, обрядахъ и праздникахъ народныхъ, какіе сохранились преданіями и донынѣ существуютъ въ Россіи и въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ только прокладывало себѣ слѣдъ Славянское племя и гдѣ звучало его слово. Священныя торжества у сего племени, подобно какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ, сопровождались мольбами, обѣтами и жертвоприношеніями, гаданіемъ, пѣніемъ и плясками, или играми, общественными пиршествами и взаимными дарами: онѣ служили къ утвержденію союза и братства, свойственнаго пастушескимъ и земледѣльческимъ племенамъ. Сіи дни общаго веселія, приурочиваясь къ временамъ *года*, бывали у нихъ днями судовъ народныхъ и торговъ, сроками работъ и полюбовныхъ сдѣлокъ. У Поляковъ gody

значитъ народный увеселительный праздникъ, пиршество, которое у другихъ Славянскихъ племенъ называется Swatki (Святки) и Lato. Руское слово *торжество* происходитъ отъ *торга*, сроднаго съ Свео-Готоскимъ torg. Самое слово *праздникъ* выражаетъ упраздненіе, свободу отъ будничныхъ трудовъ, соединенную съ веселіемъ и радостью. *Праздникъ* есть свободное время, освященное богопочтеніемъ, *обрядъ* — знаменательное дѣйствіе, принятый способъ совершенія торжественныхъ дѣйствій; послѣдній содержится въ первомъ.

Рускіе народные праздники, по ближайшему отношенію къ миѳамъ и повѣрьямъ, къ внутренней Исторіи и Древностямъ народа, составляютъ часть Археологіи — *Еортологію* (ἑορτὴ праздникъ и λόγος ученіе), или ученіе о праздникахъ, входящихъ въ составъ народнаго календаря. Различествуя по цѣли и существу своей отъ церковныхъ, христіанскихъ празднествъ, древніе праздники народа остались отъ древняго его быта, какъ отечественные обычаи, обратившіеся въ игру его жизни (3).

---

(3) Die Feste der alten Christen, von D. J. Augusti, I — IV. Leipzig. 1817. 8. — Religions de l'Antiquité,

Источникомъ простонародныхъ праздненствъ и обрядовъ суть вѣрованія и обычаи, кои даютъ имъ особенную форму и характеръ сообразно съ мѣстностію. Отъ различія въ духѣ тѣхъ и другихъ происходитъ различіе въ самыхъ праздникахъ, какое видимъ въ Россіи, по количеству великой и малой, по качеству бѣлой, черной и красной. Древній лѣтописецъ изобразилъ намъ несходство нравовъ и обычаевъ у старожиловъ и заморскихъ пришлецовъ въ Рускомъ мірѣ (4), у которыхъ были свои вѣрованія и обряды, такъ какъ у племенъ, въ послѣдствіи населившихъ южную и сѣверовосточную Россію. Хотя у сихъ племенъ, и потомковъ и преемниковъ ихъ, открывается нѣкоторое сходство въ повѣрьяхъ и обычаяхъ; однако есть многія мѣстныя особенности, о коихъ гласитъ и пословица: *Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье.*

Съ перемѣною образа жизни и правленія, вѣры и нравовъ, перемѣнялись въ суще-

---

ouvrage du F. *Creuzer*, trad. par I. Guignaut, t. I—III. à Paris. 1825. 8. — Antisymbolik von *I. F. Voss*, Stuttg. 1824. 8.

(4) Лѣтопись Несторова по Лаврент. сп. М. 1824, въ 4.

ствѣ и видѣ своемъ, или совершенно уничтожались древніе миѳы и праздники въ Рускомъ мірѣ, замѣняясь священными, хрістіанскими, или обычаями благочестивыми, кои противоположны были языческимъ. Ревность пастырей Церкви истребляла капища и кумиры отечественныхъ боговъ, строго запрещая суевѣрія, кои называли они въ посланіяхъ своихъ *Еллинскими, Латинскими, бѣсовскими, дьявольскими* (5). О подробностяхъ языческой религіи умалчиваютъ благочестивые лѣтописцы наши, вѣроятно по тому, чтобъ самымъ напоминаніемъ не подать повода къ соблазну соотчичамъ, еще неутвердившимся въ православіи. Охуждая внѣшніе языческіе обычаи, обряды и повѣрья, какъ противные чистотѣ вѣры Хрістіанской, первые ея проповѣдники въ Россіи — Греки не говорили о чуждыхъ себѣ божествахъ, въ честь коихъ по привычкѣ совершались оные, и даже послѣ введенія Хрістіанской вѣры, еще удерживались въ народѣ древнія суевѣрія, съ коими онъ сроднился и не легко могъ отъ нихъ отстать; подъ видомъ обычной игры и попѣхи онъ уклонялся въ дремучія дубравы или въ клѣти совер-

---

(5) Antichità Romantiche d'Italia: sulle feste. Milano. 1829. 8.

шать тайкомъ завѣтные обряды. Въ двухвѣковое владычество Татаръ надъ Россіею священные уставы Церкви, по выраженію Царя Іоанна IV, *поизшаталися*, и возобновились суевѣрные обряды, *поганскіе обычаи*, *игры*, *коби бѣсовскія*, *Радуницы*, *Русалки* объ Ивановѣ дни и *кудесы*, кои запрещаются Стоглавомъ и о коихъ въ послѣдствіи предложится объясненіе. Изъ лѣтописи видимъ, что Новгородцы 1358 г. „утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ играния бѣсовскаго не любити и бочекъ не бити (6).“ Кормчая, Номоканонъ, Стоглавъ, Духовный Регламентъ и пастырскія посланія Святителей Россійскихъ упоминаютъ о разныхъ повѣрьяхъ Язычества, кои изъ городовъ переселялись въ села и деревни, отъ высшаго сословія народа переходили къ низшему. Сколь ни вытѣснялись и ни изкоренялись старые народные обычаи въ вѣкъ Петра I; однако они пробивались въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ случаяхъ. Что истреблялось въ одномъ мѣстѣ, то удерживалось въ другомъ. Нерѣдко отъ древняго языческаго богослуженія оставались въ народѣ однѣ принадлежности онаго — игра, хороводъ, пѣсня, пиршество, заповѣдное дерево, камень, источникъ, городище, мѣста прежнихъ *требищъ*, *тризнищъ*, *торжищъ*, или сборовъ праздничныхъ (7). Но какъ самородныя, коренныя мысли народа и признаки древняго его быта и вѣрованія открываются и въ сихъ немногихъ остаткахъ: то изъ нихъ мы постараемся вывести черты его Миѳологіи, какъ основанія праздниковъ народныхъ.

(6) Софійскій временникъ, или Руская лѣтопись съ 862 по 1534 г. М. 2 ч. 1820. 4.

Дунайскіе Славяне, извѣстные Византійскому Историку Прокопію, VI вѣка по Р. Х., по свидѣтельству его, „признавали единымъ Богомъ и владыкою міра, Творца молніи; сверхъ того, почитали рѣки, нимфъ и другихъ духовъ (8).“ Но когда сіи Славяне разселились и раздробились по сѣверо-восточнымъ странамъ Европы: то и религіозныя понятія ихъ смѣшались съ понятіями тѣхъ народовъ, съ коими они сближались; отъ сего и различіе въ Миѳологіи Славянъ юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ, у которыхъ единство мысли о божествѣ, произшедшее отъ первобытнаго единства вѣрованія, распалось на части и образы.

(7) Примѣчанія на Исторію Леклерка, соч. *Болтина*. 2 ч. С.П. 1788. 4. (8) de bello gothico, III, 14. *Helmoldi* Chron. Slavorum, I, c. 84.

Вѣроятно, что и религія заморскихъ пришлецевъ слилась съ религіею Финновъ и Славянъ; по тому что тѣ и другіе находили сходство въ божествахъ своихъ. Скандинавскій *Фіёргинъ* (Fiörgyn), жизнодатель, нечуждымъ показался Славянскому *Перуну* (πῦρ огнь, piorun молнія), оплодотворяющему землю, а *Волосъ* послѣднихъ *Валассу* (Vali-áss, Val-ass) первыхъ, какъ божества, покровительствующія земледѣлію и скотоводству. Скандинавскій *Белъ*, или Балъ, божество огня и свѣта, сходное съ Азіатскимъ Баломъ, и *Торъ* громоносный, съ млатомъ въ рукѣ (Mjölner молнія?) перешли въ *Бѣлбога* и *Чернобога*, означающихъ двойственность Славянской религіи, отъ коей Германская различается своею пройственностію; Скандинавскій *Одинъ* или *Водинъ* вѣроятно преобразился въ *Водянаго* (9).

В. К. Владиміръ I въ язычествѣ своемъ, вмѣстѣ съ соединеніемъ разныхъ народцевъ, населявшихъ тогдашнюю Русь, соединилъ въ стольномъ градѣ своемъ Кіевѣ и семь ихъ главныхъ Божествъ, именно: *Перуна, Волоса, Даждъбога, Стрибога, Хорса, Семаргла* и *Мокоша*. Кумиръ первенствующаго изъ нихъ, Перуна, обо-

(9) Wassermann. Edda Saemund. t. III. Havniae, 1828. 4. Волосъ (Val-ass) состоитъ изъ словъ: *волъ*, *туръ* и *асъ*, *азъ* (Скандин. ás, áss) богъ.

жаемъ былъ и на Днѣпрѣ и на Волховѣ, первый низринутъ былъ по введеніи Христіанства (10). Въ Четьи Минеи Св. Димитрія описываются слѣдующія, поставленныя въ Кіевѣ Владиміромъ божества: „Начальнѣйшій *Перунъ*, его же вѣроваху быти бога грому и молніямъ и облакомъ дождевымъ; вторый *Волосъ*, мнимый быти богъ скотовъ; третій *Позвиздъ* или *Вихоръ*, богъ воздуха; четверный *Лado*, богъ веселія; пятый *Купало*, богъ плодовъ земныхъ; шестый *Колядѣ*, богъ празднованія, въ зимѣ бывающаго, и иніи меньшіи боги, не точію въ Кіевѣ, но и по всѣмъ Россійскія державы странамъ“ (11). Въ большой Макарьевской Минеѣ упоминаются только испребленные В. К. Владиміромъ идолы: *Перунъ, Хорсъ, Дажбъ, Мокошь, Волосъ*.

Подъ вліяніемъ Христіанства, народъ, забывая наконецъ своихъ главныхъ боговъ, припоминалъ только второстепенныхъ и особенно миоы физическіе, кои имѣютъ предметомъ олицетворенныя явленія и силы естества, или символы житейскихъ потребностей,

(10) Краткое обозрѣніе Миѳологіи Славянъ Росс. *П. Строева*. М. 1815. 8. — Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von Dr. Thany. 2 Th. Znaim, 1827. 8.

(11) *Четьи Минеи*, Іюля 15, житіе В. К. Владиміра.

каковы: *Ярило, Купало, Ладъ, Чуръ, Авсень,* или *Таусень, Зничь, Веснянки, Осенянки* и *Зимнянки, Водяны,* или *Водяныя, Моряны, Огняны,* извѣстныя и Карпаторосcамъ, *Вѣтряны*, также *Русалки* (12), *Кикиморы, Карачуны, Яга-баба* и *Вѣдьмы.* По мнѣнію народа, въ лѣсахъ владычествовалъ *Лѣшей,* въ поляхъ *Полевой,* въ домахъ *дѣдушка Домовой,* который бывалъ и *Постенемъ,* а въ подпольяхъ *Лизуномъ.* Всѣ сіи существа миѳическія болѣе или менѣе входятъ въ семейный бытъ простаго народа, содѣйствуютъ или противодѣйствуютъ ему въ жизни, ублажаются жертвами или изгоняются заклинаніями и особенными обрядами (13), изъ коихъ многіе недавно истребились. Только 1765 г. уничтоженъ Тихономъ I въ Воронежѣ, 1771 г. въ Костромѣ Симономъ, а въ Твери Меѳодіемъ 1805 г. праздникъ въ честь *Ярила,* нашего Ерота и Лингама (14), который, по словамъ Іерарха, въ тѣхъ странахъ почитаемъ былъ за

(12) По свидѣтельству Татищева, Св. Димитрій Рост. написалъ *о Русалкахъ* пространное сочиненіе, которое онъ у него самъ видѣлъ. И. Р. кн. I, г. 2.

(13) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, Г. *Успенскаго,* 2 ч. Харьковъ. 1818. въ 8.

(14) Описаніе жизни и подвиговъ Преосв. Тихона. изд. 2. М. 1820. 8.

бога до введенія Хрістіанской вѣры: Ярилу представлялъ избранный отъ міра человѣкъ, котораго, предъ заговѣньемъ Петрова поста, обвязывали всякими цвѣтами, лентами и колокольчиками, и надѣвъ на голову высокій колпакъ съ лентами, водили съ плясками по площади. Такое жъ почти празднество бывало въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской Губерній. — Хотя *Лады*, Нарушевичъ не находитъ ни въ Липовской Миѳологіи, ни у Германскихъ Славянъ, но у однихъ Рускихъ, у которыхъ Ладо вспоминается въ слѣд. пословицѣ: *Не недобно и кладъ, коли у мужа съ женою ладъ* (15); однако въ екземплярѣ Кромеровой Исторіи, хранящемся въ Рижской публ. библіотекѣ, написано старинным почеркомъ слѣдующее: „И въ „наше время Липовцы, равно какъ Лепты „и Кури призываютъ Ледо или Ладо около „Иванова дня. Тогда, по старинному суевѣ„рію, украшаютъ они цвѣтами и древесными „листьями источники, и собираютъ травы, „кои почитаютъ полезными отъ всякой бо„лѣзни.“ Ладѣ у Карпато-Россовъ празднуется въ день Купалы. Нашъ *Ладъ* и *Ладо,* какъ

(15) Извѣстный припѣвъ: ай *дидо ладо*, не состоитъ ли изъ Греческаго слова δείδω *дидо*, боюсь и *ладо*—мужа? что̀ подтверждается смысломъ пѣсни.

купа, сходны съ Римскими *Яномъ* и *Яною*, (Deiva Jana), богомъ солнца и богинею луны, воспѣваемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ. Хотя Карамзинъ и говоритъ, будто не извѣстно ни одной старинной пѣсни, гдѣ бы воспѣвалось имя *Купала* (16); но мы представимъ довольно такихъ пѣсенъ. *Купало* и *Купальница*, какъ увидимъ, извѣстны почти во всей Россіи.

Сколько въ Россіи есть урочищъ, запечатлѣнныхъ именемъ языческихъ боговъ и служащихъ мѣстомъ для игрищъ! *Перунъ* есть урочище въ Новгородской Губерніи въ Устюженскомъ уѣздѣ; *Перушина пустыня* въ Весьегонскомъ уѣздѣ на ручьѣ Задворевскомъ; *Перуново* или *Ладовичшо* въ Ржевскомъ уѣздѣ; *Перуновъ* въ Полоцкомъ повѣтѣ; *Перунова рѣка* въ Кіевѣ. Воспоминаніе о Волосѣ сохранилось въ *Волосовой улицѣ* или *Волосовѣ* въ Новгородѣ и въ суевѣрныхъ обрядахъ *Опахиванья*, или *Коровьей смерти*. *Туръ* часто повторяется въ названіяхъ рѣкъ, горъ, селеній *Туровыхъ*, *Туровскихъ*. По Троицкой дорогѣ близъ Воздвиженскаго есть городецъ *Бѣлые боги*, нынѣ *Бѣльскій станъ*, или *Бѣлухинская роща* (коптома́), гдѣ, по старому преданію, на высокомъ холмѣ стояла дубрава

(16) *Карамз.* И. Г. Р. I. прим. 208. Сходство есть съ Лат. copula, союзъ, купа.

заповѣдная, а въ ней было капище. *Яриломъ* слыветъ ярмарка въ Оренбурской Г., а *Купальницею* — въ Переславлѣ Залѣсскомъ, гдѣ, подобно какъ въ Ростовѣ въ XII в., при Царѣ Василіѣ Шуйскомъ существовалъ камень (Волосъ вѣроятно), въ честь коего совершалось празднество 19 Іюня (16). Подобно древнимъ народамъ міра, у Славянъ огромные камни были предметами обожанія: слѣды сего донынѣ сохранились суевѣріемъ. Недалеко отъ Москвы близъ села Архангельскаго въ лѣсу находится яма, которую почитаютъ мѣстомъ идола *Тучева*, вѣроятно, аеролита, упавшаго изъ тучи. Въ описаніи древнихъ городовъ Рускихъ дальнихъ и ближнихъ упоминается *Корочюновъ камень* (17). Въ Тульской Губерніи въ Одоевскомъ у. у просполюдиновъ находятся въ великомъ уваженіи два большіе камня, *Башъ* и *Башиха*, подобно Черемисскому Чембулапкѣ; на Ладожскомъ озерѣ, на островѣ Коневцѣ лежитъ въ лѣсу *Конь камень*, коему въ XV вѣкѣ ежегодно приносили въ жертву коня (18), а въ Ефремовскомъ у. на берегу Красивой Мечи вокругъ *Коня камня* совершается

(16) рукоп. житіе Преп. Иринарха Ростовскаго.
(17) *Карамз.* И. Г. Р. IV, прим. 387.
(18) Исторія Росс. Іерархіи, ч. IV, М. 1812. стр. 627.

Опахиванье во время скопскаго падежа. Доселѣ еще не истребилось въ простомъ народѣ особенное почтеніе къ нѣкоторымъ колодезямъ или студенцамъ и озерамъ, коимъ, по свидѣтельству лѣтописей нашихъ, онъ приносилъ требы и тамъ совершалъ гаданія и омовенія, также древнимъ дуплованнымъ деревьямъ, особенно дубамъ, кои и въ Сѣверной Германіи почитались священными даже по водвореніи Христіанства.

Вообще все, что сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богоученія, болѣе и болѣе принимало форму простаго суевѣрія и теряя коренное свое значеніе, присоединялось къ христіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ стараго обычая и повѣрья; нерѣдко невѣжество и закоснѣлая привычка смѣшивали давно знакомыя имъ принадлежности языческихъ божествъ съ христіанскими святыми, съ торжествами церкви обряды капищъ идольскихъ, на мѣстѣ коихъ, большею частію, сооружены первыя церкви или часовни, какія находятся въ Кіевѣ, Новгородѣ и т. д. Не возможно было искоренить однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и что поддерживало самобытность народа, который старался удержать празднества и повѣрья своей древности потому еще,

что они соединены были съ различными играми и увеселеніями. Константинъ Великій, уже по введеніи Христіанской вѣры въ Имперіи, не запретилъ продолжать древніе обычаи, въ постановленіи своемъ касательно оныхъ. В. К. Владиміръ I, уже просвѣщенный Евангеліемъ, допускалъ нѣкоторые обычаи старинные — *живяше по устроенію дѣдню и отчу* (19). Изъ снисхожденія къ закоснѣлымъ суевѣріямъ и простотѣ ума народа, проповѣдники Христіанской вѣры, желая ослабить языческія суевѣрія, терпѣли ихъ между самыми Христіанами (20), у которыхъ унижались оные превращеніемъ въ потѣхи и увеселенія; они переводили имена отечественныхъ боговъ народа на имена святыхъ, и чѣмъ прежде въ его быту завѣдывали первые, тѣмъ въ послѣдствіи стали завѣдывать другіе: отъ сего вѣроятно произошли прозванія святымъ, заимствованныя отъ стихій, климата, временъ года, отъ предметовъ домашняго быта и сельскихъ трудовъ, напр: *Борисъ* и *Глѣбъ*, въ Бѣлоруссіи черный и бѣлый хлѣбъ, по всей Россіи *Илья Пророкъ*, представитель грома, заступившій мѣсто

(19) Обозрѣніе книги Кормчей, объясн. *Барона Розенкампфа*. М. 1829. 8.

(20) Вѣстникъ Европы, 1826, No 4.

Перуна (21), Св. Іеремія *запрягальникъ*, Св. Ѳеодосія *колосяница*, Св. Агриппина *купалыщица* и пр. д. Св. Власій замѣнилъ низверженнаго *Волоса*, бога скотія, о которомъ донынѣ напоминаетъ праздникъ *Велъ-оксъ*, отправляемый Мордвою, потомками Росповской Мери; *Богданъ* замѣнилъ *Даждь-бога*. И наоборотъ, иногда Хріспіанскимъ свяпымъ невѣжество черни придавало видъ кумировъ своего Язычеспва: такъ Св. Крестителя Іоанна оно обратило въ Купалу, Св. Випа на островѣ Рюгенѣ, по свидѣпельспву Гельмольда, въ Свѣтовида на бѣломъ конѣ, или свяпаго випязя, котораго смѣшивали съ Св. Георгіемъ (22), даже св. иконы называли *богами* и св. церкви *божищами*. Поморяне, въ 1124 г., изъявляли желаніе покланяться и старымъ божкамъ своимъ и вмѣстѣ Іисусу Христу; въ старинныхъ пѣсняхъ Рускихъ Троица и Богородица воспѣвается вмѣстѣ съ Ладо. Потомъ, собспвенныя имена боговъ переходили въ нарицапельныя, подобно какъ онѣ прежде изъ нарицапельныхъ сдѣлались собспвенными, оличая предметы чувспвенные, ихъ дѣйспвія и

(21) Рускіе въ своихъ пословицахъ. И. С. кн. 4, 1834. 12.

(22) Pommerische Kirchenchronik, d. D. Cramerum. zu alt. Stettin, an. 1603. 4.

свойспва, напр: *Перунъ*, *Погода*, *Ладъ*, *Чуръ* и пр. д. Возбужденное благоговѣніемъ къ Хр. вѣрѣ омерзѣніе къ древнему идолопоклонспву превращало имена боговъ въ ругапельспва — *Тора* въ *чёрта*, въ Нѣмецкаго Thor болвана, дурака, сходнаго съ Черемисскимъ *чортомъ*, *Бога* или *Бука* въ пугалища, кумиры боговъ въ *болваны* и *чурбаны* (23), такжe самыхъ божичей, не упоминая ихъ настоящія имена, просто называли *бѣсами*.

Чествовать предметы своего благоговѣнія праздниками сродно человѣку, для котораго вѣрованіе заключаетъ въ себѣ протекшее и будущее, божество и міръ духовный, природу и его самого. Въ его праздникахъ выражаются его обѣты, надежды и воспоминаніе собственнаго прошедшаго, которое для него становится кумиромъ. Съ истребленіемъ внѣшняго идолослуженія при введеніи вѣры Хріспіанской въ Россію, понятія тогда преобладавшаго Язычества, внѣдрясь въ духъ и бытъ народа, проявлялись въ древнихъ праздникахъ его и повѣрьяхъ, даже Хріспіанскія торжества Церкви получали названія языческихъ, какъ напр: *Русальская недѣля*, *Купало*, *Ра-*

(23) У Исландцевъ Puki, у Шведовъ Puke, у Англичанъ Puck, встрѣчающійся у Шекспира.

дница. Но праздники церковные и народные по духу и цѣли своей различны, хотя суевѣріе и невѣжество примѣшиваютъ одни къ другимъ. Церковные праздники, кои свидѣтельствуютъ объ истинѣ событій, составляющихъ сущность Вѣры Хрістіанской, представляютъ разительную противоположность съ древними языческими, простонародными; ибо одни, какъ живые уроки объ истинахъ Евангельскихъ, введены Церковію для возбужденія въ насъ благоговѣнія и благодарности къ Богу (24), а другіе, созданные свободною фантазіей народа во тьмѣ Язычества, имѣютъ отношеніе и приложеніе къ древнему его быту, жизни, и какъ поэтическое выраженіе оныхъ. У первыхъ предметомъ духовность, у другихъ болѣе чувственность: одни возбуждаютъ благоговѣйныя и высокія ощущенія, а другіе обращаются въ веселіе и забаву, какимъ предается народъ по естественному влеченію поврежденнаго человѣчества и по укоренившейся привычкѣ. Хотя послѣдніе иногда совпадаютъ въ дни первыхъ; но мы будемъ разсматривать отдѣльно простонародные праздники Рускихъ Славянъ, какъ

(24) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835. 12.

остатки языческихъ, отъ хрістіанскихъ торжествъ, подчиняя первые, сколько возможно, условіямъ времени и мѣста.

§ 1. Въ первомъ отношеніи они *древніе* и *новые*: одни образованные въ Язычествѣ и удержавшіеся въ Хрістіанствѣ до XVIII, а другіе съ XVIII вѣка до нашихъ временъ.

Не извѣстно, какъ Славяне жили въ дикомъ и грубомъ состояніи — сперва родами, потомъ и племенами; праздники ихъ климата и духа, вѣроятно начинаются вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ главныхъ потребностей жизни, вытекаютъ изъ общежительства. Глубокая древность есть причина, что мы не знаемъ съ хронологическою точностію установленія религіозныхъ торжествъ, кои древнѣе житейскихъ; праздники, происходящіе отъ разныхъ занятій въ году, у Славянъ Рускихъ появились позднѣе, чѣмъ у Славянъ западныхъ; ибо въ Руской землѣ, по суровому климату и мѣстности, жили единообразно; начало ихъ праздниковъ съ вѣроятностію отнести можно не далѣе, какъ къ VII или VIII вѣку по Р. Х.

Праздники съ жертвоприношеніями были главною принадлежностію древняго богослуженія у Славянъ, такъ какъ у наро-

довъ древняго міра; жрецы, которые вѣ-дали лѣтосчисленіе и времена праздниковъ въ честь разныхъ божествъ, назначали мѣстаніемъ жребія торжества и жертвоприношенія, на кои стекались мужи и жены съ дѣтьми (25). У народцевъ, населявшихъ Сѣверъ нашъ, въ самой Древности существовали *игрища межу селу*, на коихъ они брали себѣ женъ, и *Тризна* надъ мертвецемъ; отечественные писатели наши, упоминая о сходбищахъ на игрища, на плясанье, пѣніе, на борьбы и битвы дреколіемъ, кои бывали въ божественные праздники, умалчиваютъ о томъ, въ честь какихъ божествъ совершались сіи позорища. Съ точностію нельзя сказать, чтобы существовали на нашемъ Сѣверѣ храмы и капища боговъ и божницы, изъ коихъ упоминается въ лѣтописи одна *Турова божница* (26). Вѣроятнѣе, что мѣстами богослуженій были городищи, камни жертвенные, берега рѣкъ и озеръ, мосты, горы и дубравы священныя, кои у Германскихъ племенъ были также мѣстами суда и расправы, а жрецы ихъ судьями.

(25) *A. Crantz* Saxonia. Francof. 1611, f.

(26) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

Въ приписанномъ В. К. Владиміру Уставѣ, впрочемъ важномъ для насъ по своей древности, упоминаются обряды и повѣрья Язычества, какъ-то: „о моленьѣ подъ овиномъ и рощею, „или у воды, чародѣяніи, волхвованіи“ и т. д. Преп. Несторъ, близкій ко временамъ Язычества въ Россіи, свидѣтельствуетъ, что еще при немъ „схожахуся на игрища, и на „плясанье и на вся бѣсовская игрища. Видимъ „бо игрища уполоченна и людій много множе-„ство, яко упихати начнутъ другъ друга, позо-„рища дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла.“ Сходное съ симъ упоминается въ Кормчей кн. гл. 17. Рускій переводчикъ Св. Григорія Богослова въ XI вѣкѣ вставилъ отъ себя въ текстъ слѣдующее замѣчаніе, касающееся суевѣрій его отечества: „Овъ трѣбоу ствo-„ри на стоуденьци дьжда искы отъ ніего, „забывъ яко Богъ съ небесе дьждь даетъ. Овъ „несущимъ богомъ жьрепь и Бога сворь-„шаго небо и землю раздражаетъ. Овъ рѣку „богиню нарицаетъ и звѣрь живющь въ ней „яко Бога нарицая, трѣбу творіпь“ и т. д. (27). Въ Номоканонѣ, напечатанномъ во Львовѣ 1646 г., пишется слѣдующее: „О

(27) Библіографическіе листы *П. Кеппена*, С. П. 1825, No 7. стр. 88. 4.

„вѣрныхъ, послѣдующихъ Еллинскимъ обыча-
„ямъ и плясаніемъ на брацѣхъ, и на стогну
„творящихъ, или русалкомъ, или гласовомъ
„птичимъ вѣрующихъ, или новомѣсячію, или
„оустрѣшеніямъ, или испязаніемъ внимаю-
„щыхъ, или огня паленія на стогнахъ, яже
„творяху Еллини древле. А нынѣ яко же
„видимъ хрістіанскія дѣти сія творятъ (ку-
„пала), въ навечерія праздничныя по нѣко-
„ему обычаю древнему: или въ одежду жен-
„скую мужіе облачатся и жены въ муже-
„скую: или наличники, яко же въ странахъ
„Лапинскихъ злѣ обыкши творятъ.“ Митро-
політъ Рускій Кирилль, въ XIII в., въ пра-
вилѣ своемъ замѣчаетъ: „Паки же увѣдѣхомъ
„бѣсовская еще дьржаще обычая прекляпыхъ
„Еллинъ, въ божественныя праздьники позоры
„нѣкакы бѣсовскыя твориши, съ свистаниемъ
„и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣкы
„скарѣдныя пьяница, и бьющеся дрьколѣіемъ
„до самыя смерти и вьзимающе отъ убивае-
„мыхъ порты. На укоризну се бываетъ Бо-
„жиимъ праздникомъ и на досажение Божи-
„имъ церквамъ. Паче о семъ досажаютъ на-
„шему Спасу и Заступу, иже насъ избави
„Отъ проказы смерьтныя и Отъ туги дьяво-
„ля и Обьвеселивый сердца наша святыми
„честьными праздьники“ и т. д. Изъ древ-

нихъ письменныхъ памятниковъ видно, что
съ самаго приняпія Хрістіанской вѣры по
XVIII столѣтіе было много язычниковъ въ
областяхъ Россіи и древнихъ суевѣрій, къ
коимъ относится и встрѣча съ монахомъ,
какъ предвѣстіе несчастія, обливаніе во-
дою въ праздники и на свадьбахъ и волшеб-
ства, противъ коихъ возставали Іерархи
Россійскіе. Даже въ XVII вѣкѣ Митрополітъ
Бѣлогородскій и Обоянскій Мисаилъ въ гра-
мотѣ своей въ Курскъ упоминаетъ, что тамъ
„въ Воскресные, Господскіе и Богородичные
„дни умножилось великое пьянство и бѣсовское
„глумленіе и скоморошество со всякими бѣсов-
„скими играми; сходились по вечерамъ и во
„всенощныхъ позорищахъ по улицамъ и на
„поляхъ, слушать богомерзкихъ пѣсней и
„всякихъ бѣсовскихъ игръ; а о Рождествѣ Хр.
„и до Богоявленьяго дни сбиралися по вече-
„рамъ и въ нощи на бѣсовскія игры“ и т. д. (29).

Какъ у Римлянъ гладіаторскія игры (ludi funebres), такъ у Славянъ *Тризна*, соотвѣтствующая Скиоо-Гуннской Strava, Чехской Strowa, учреждены были въ память усопшихъ. „Уже поздно, говоритъ Тертулліанъ,

---

(29) Рускія достопамятности. ч. I. М. 1815. — Руская Вивліоѳика, *изд. Н. Полеваго.* ч. I. М. 1834. 8.

„игры перешли отъ чествованія боговъ и „усопшихъ къ чествованію живыхъ.“ Пиршество въ честь мертвыхъ, или *Страва*, по свидѣтельству Византійскихъ историковъ, было причиною великаго бѣдствія Славянъ въ VI вѣкѣ, тогда побитыхъ Греками (30). У Сѣверныхъ народовъ, по мнѣнію Вормія, de rebus Danicis, *Страва* было пиршество въ память и честь усопшихъ, на ихъ могилахъ; объ немъ упоминаетъ и Карлъ Великій въ Капитул. VI, с. 194. В. К. Ольга, въ Язычествѣ совершившая по своемъ мужѣ тризну, соединенную съ убійствами, въ Христіанствѣ своемъ, по сказанію нашихъ лѣтописателей, запретила сыну своему дѣлать въ память себѣ тризну по обычаю языческому (31). Какъ лѣтописи ясно говорятъ, что Кривичи, Сѣверяне, Вятичи и Радимичи, подобно Римлянамъ, сожигали мертвыхъ: по заведеніе сіе на Сѣверѣ, особливо въ Скандинавіи общее, пере-

(30) *Jornandes* de reb. Geticis, c. 49, de Attilla: Postquam talibus lamentis est defletus, *stravam* super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes, luctum funereum mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver ejus terrae reconditum.

(31) Dissertations sur les antiquités de Russie, par *M. Guthrie*, à S. P. 1795. 8.

несено Варяго-Руссами въ Россію, и недавно повторялось при борьбѣ Греціи съ Турціей; тогда Паргиноты, проданные Али-пашѣ, покидая свою родину, сожгли кости своихъ предковъ. Самое слово *Тризна*, сходное съ Богемскимъ trúzneni, умерщвленіе, *терзаніе*, объясняется въ Словарѣ Памвы Берынды поединкомъ, ширмѣрствомъ (32). Посему очевидно, что она сопровождалась единоборствами, убійствами и *терзаніями* себѣ лица и груди, на могилѣ покойника, какъ благоугодными тѣни его жертвами, и пиршествомъ, на коемъ поминались дѣла его съ похвалами. Къ признамъ отнести можно *Родительскія* (Parentalia, Ὀσία) и наши *Радунцы*, о коихъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Во многихъ Германскихъ и Славянскихъ земляхъ доселѣ сохранились слѣды праздниковъ въ честь мертвыхъ: въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ народъ хаживалъ 1го Марта, въ часъ разсвѣта, съ факелами на кладбища, и тамъ приносилъ жертвы усопшимъ. На кладбищахъ, кои въ Псковской и Тверской губерніяхъ называются *бу-*

(32) Лѣтопись Несторова по Лаврент. сп. М. 1826. 4. Исторія Княжества Псковскаго, соч. *М. Евгенія*. Кіевъ. 1831. ч. I — 4. 12.

ми и *буйвищами*, донынѣ въ Святки дѣлаютъ гаданія. Празднованіе Семика приходилось въ тотъ самый день, когда, по древнему обычаю, погребали и поминали убогихъ на скудельницахъ, или убогихъ домахъ. Въ Троицкую субботу, какъ видно изъ Стоглава, „сходи„лись мужи и жены на жальники, т. е. на „кладбища, и плакали на могилахъ съ вели„кимъ кричаніемъ, и когда шамъ станутъ „играть скоморохи и гудошники: то они „перестанутъ плакать и начнутъ скакать, „плясать и въ ладоши бить на тѣхъ жаль„никахъ.“ Съ исключеніемъ послѣдняго, подобный обрядъ наблюдается и донынѣ въ Смоленской губерніи. Олай великій и другіе описываютъ сіи древніе обряды предъ наступленіемъ великаго Поста въ мертвое воскресеніе (Todtsonntag), изгнанія зимы, или смерти, кои встрѣчаются у Славянскихъ и Германскихъ племенъ, а въ Польшѣ извѣстенъ подъ именемъ *Маржаны*. Въ сіе же время Франки совершали подобное торжество въ память усопшихъ, соединенное съ мимическими представленіями и пѣснопѣніями.

Къ древнимъ праздникамъ Язычества принадлежатъ *Русаліи*, кои совершались на Русальной недѣлѣ, т. е. недѣлѣ Св. Отецъ.

Вальсамонъ называетъ сіотъ праздникъ *древнимъ*, *чужестраннымъ*, о коемъ упомянемъ особенно. При Длугошѣ въ XV. в. у Поляковъ повторялось въ Пятидесятницу языческое празднество *Стадо*, сходное съ Сибирскою и Московскою *Тюлпою*, или *Семикомъ* (33).

Иностранные путешественники въ Россію XVII вѣка описываютъ древній народный *праздникъ*, приходившійся въ *Петровъ день*; тогда жены и дѣвицы, доволѣ сидѣвшія въ заперти до́ма, наряженныя выходили на луга и шамъ качались на качеляхъ и скакали на доскахъ, пѣли пѣсни въ веселыхъ хороводахъ съ рукоплесканіями (34). Въ Стоглавѣ упоминается о *наливкахъ*, на кои хаживалъ народъ въ первый понедѣльникъ Петрова поста. Торжество сіе вѣроятно совершалось въ честь Ярилы, который и нынѣ около сего времени воспоминается въ разныхъ губерніяхъ Россіи, особливо сѣверныхъ и южныхъ. Въ Тульской Г. на Петровъ день за часъ до разсвѣта крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ нарядахъ сбираются на холмъ *карaулить*

(33) *I. Dlugossi* historiae Polonicae libri XII, ed. G. Groddeckii. Lipsiae, 1711. f.

(34) Status et ritus ecclesiae graecae, graece descr. a *Chr. Angelo*, latine a G. *Fhelavio*. Francof. 1655, 12.

солнце (35), которое, по ихъ мнѣнію, согласному съ мнѣніемъ Исландцевъ (36), на своемъ восходѣ *играетъ*, такъ какъ и въ свѣтлое Воскресенье. Ладо воспѣвается въ *праздникъ солнца* и въ Семикъ, прообразующій въ себѣ символическій союзъ неба съ землею и плодотворную любовь между обоими полами.

Изъ явленій въ природѣ, столь ощутительныхъ для человѣка, повороты солнца, раздѣляющіе годъ на двѣ равныя части, были сильнымъ поводомъ къ учрежденію среди племенъ Славяно-Рускихъ праздниковъ *Коледы* и *Купалы*, сколь важныхъ своимъ отношеніемъ къ нуждамъ человѣка, столь же древнимъ и по своему происхожденію. Они не только существовали у Славянъ, но и у многихъ народовъ Европы и Азіи подъ разными только именами, имѣя символами своими въ одномъ воду, въ другомъ огонь. Въ нихъ замѣтно сродное человѣку стремленіе къ сближенію съ духовнымъ міромъ, и поклоненіе первенствующимъ стихіямъ міра, которое, вѣроятно, есть остатокъ Славянскаго богослуженія; ибо на сѣверѣ

(35) Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга В. *Броневскаго*. 2 ч. Москва. 1828. 8.

(36) Edda Saemundina, t. III.

Россіи доселѣ простой народъ величаетъ огонь и воду *Царемъ* и *Царицею*. Относящіеся къ тому и другому празднику миѳы болѣе физическіе, чѣмъ историческіе. Византійскіе историки упоминаютъ о принадлежностяхъ праздника Коледы (рожденіе непобѣдимаго Солнца, natalis Solis invicti, у Римлянъ), извѣстнаго у Скандинавовъ подъ именемъ Jol, у Англо-Саксовъ подъ именемъ Материнской но́чи (Moedre-nicht) (37).

У земледѣльческихъ племенъ древнѣйшіе и важнѣйшіе праздники были послѣ жатвы, коихъ только одни упоминаются у Гомера въ Одиссеи и Иліадѣ (38). Какъ Славяне были земледѣльческимъ народомъ, который имѣя свою систему земледѣлія, сообщилъ оную и другимъ сосѣдственнымъ племенамъ: то они отправляли при началѣ и концѣ сельскихъ работъ разные праздники, коихъ слѣды и донынѣ сохраняются въ *дожинкахъ*, *обжинкахъ*, *засѣвкахъ*, *досѣвкахъ*, *толокахъ*.

Данчанинъ Саксонъ въ XII в. повѣствуетъ о праздникѣ, совершавшемся къ Арконѣ, по со-

(37) *Homeri* Il. I, 530. Od. XXI, 258.

(38) Edda rhythmica, s. antiquior, Saemundina, p. III. Havniae. 1828. 4. v. Lexicon mythol.

браніи хлѣба, въ честь Свѣтовида, которому приносился медовый пирогъ (пряникъ) въ ростъ человѣческій. Самый Бѣлъ-богъ, какъ виновникъ хорошей жатвы (39), назывался *богомъ мухъ* вѣроятно потому, что въ концѣ лѣта бываетъ множество мухъ. Славяне посвящая земледѣльческіе труды свои и плоды оныхъ разнымъ божествамъ, учреждали въ честь ихъ празднества, сходныя съ Іудейскимъ праздникомъ жатвъ первородныхъ. Обычай этотъ перенесли они въ свое Христіанство, и донынѣ во многихъ странахъ Россіи послѣ жатвы приносятъ въ церковь для освященія первые снопы и хлѣбъ изъ первыхъ зеренъ, а послѣ выемки сотовъ изъ ульевъ, первые соты меда. Родившіеся отъ нуждъ и отношеній общественныхъ праздники *житейскіе* на Югѣ и Сѣверѣ Россіи получали различную физіономію какъ отъ климата, почвы и давности заняпія земли, такъ равно и отъ нравовъ и образа жизни жителей; чѣмъ дальше къ Сѣверу, тѣмъ ихъ было менѣе.

Какъ религіозные языческіе, такъ и житейскіе праздники, по своей внѣшности, внутренности и знаменованію измѣнялись въ разныя епохи, въ кои они процвѣкали, именно: въ *Языческую*, или дохристіанскую, *Греческую* до Татаръ, въ *Восточно-Европейскую* отъ вліянія Татаръ, Литвы, Польши, и въ *Западно-Европейскую* отъ Петра I до нашихъ временъ.

(39) Въ Палестинѣ былъ идолъ Аккаронскій *Веелзевулъ* (Beelzebul), начальникъ надъ житницами, который отгонялъ мухъ и также почитался хранителемъ навоза. 4 *Царствъ*. I, 2. *Матѳ*. X, 25. *Луки* XI, 15.

Не останавливаясь болѣе здѣсь на Язычествѣ Славяно-Рускомъ, о коемъ выше сказано, перейдемъ къ Греческой Христіанской епохѣ, въ коей являлись слѣды онаго; тогда коренныя идеи у народа облекались въ разные новые образы и проникали чуждыя ему мысли: нерѣдко выходила *старая погудка на новый ладъ*.

Въ разныхъ областяхъ Россіи еще оставались древнія повѣрья и обряды долго послѣ введенія Вѣры Христіанской въ Кіевѣ и Новгородѣ.

При Несторѣ лѣтописцѣ, въ праздники церковные св. храмы стояли пусты и народъ сходился на игрища *дѣять позоры* и, по его выраженію: *Христіане суще, а жили по поганскимъ обычаямъ*. Являлись кудесники, или волхвы, какъ представители древняго Язычества, и нерѣдко возмущали простодушныхъ жителей Россіи, еще не твердыхъ въ Христіанствѣ, которые колебались между старымъ вѣрованіемъ и вновь принятою ими вѣрою, между заблужденіемъ и истиною. При Новгородскомъ Епископѣ Ѳеодорѣ весь народъ

принялъ сторону такого кудесника и хотѣлъ убить своего Архипастыря; на сторонѣжь Епископа оспался одинъ съ боярами Князь Глѣбъ, который поразилъ топоромъ проповѣдника Язычества и тѣмъ кончилъ мятежъ (40). Въ XII вѣкѣ Св. Авраамій, сокрушившій чудесно кумиръ Велеса, или Волоса, крестилъ въ Ростовѣ многихъ язычниковъ тогда, какъ етотъ городъ былъ Владимірскою областью (41); въ XIII вѣкѣ Муромъ наполненъ былъ язычниками, какъ видно изъ жизнія Благовѣрнаго Князя Константина (42).

Въ ету епоху встрѣчаются языческія имена и прозвища, какія давались Христіанамъ, напр: *Волосы*, *Водовики*, *Русалки* (43), двойственныя имена языческія и Христіанскія.

Когда Татары изневоливали Россію, когда ея Великіе Князья хаживали въ Орду съ выходомъ въ теченіе болѣе нежели двухъ вѣковъ; тогда свободнѣе продолжались различныя языческія суевѣрія между жителями разобщен-

(40) Софійскій Временникъ. I. стр. 167.
(41) *Карамз.* И. Г. Р. III, прим. 153.
(42) *Карамз.* И. Г. Р. II, прим. 463. Въ Прологѣ и Мінеѣ (Октября 29) сказано: въ XI вѣкѣ.
(43) Исторія Росс. Іерархіи. ч. 2, и Соф. Временникъ, 2 ч. М. 1820. 4. *Карамз.* И. Г. Р. III. пр. 331.

ныхъ областей Россіи, закоснѣвшими въ оныхъ. Хотя при Монголо-Татарахъ, съ XIV вѣка Магометанъ, самые Князья и вельможи Русскіе принуждены были проходить сквозь огонь, *покланяться кусту и идоламъ*; но какъ народъ гнушался *погаскими обычаями*: то они и не могли въ немъ укорениться. Если и было вліяніе Татаръ на Россію: то болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее (44).

Хотя съ освобожденіемъ Россіи отъ Татарской неволи и съ постепеннымъ уничтоженіемъ Удѣльной системы истреблялись или измѣнялись древніе обычаи и повѣрья Язычества; однако при переселеніи жителей изъ Новгорода, Пскова и другихъ областей, переносились съ пепелищъ на новоселья, гнѣздясь то въ дремучихъ лѣсахъ, то на горахъ, то на погостахъ и жальникахъ, то на берегахъ рѣкъ и озеръ. — Послѣ родственнаго союза Іоанна III съ домомъ Палеологовъ, на Московщинѣ, какъ средоточіи Россіи, изъ Греціи и Рима перешли нѣкоторые тамошніе обычаи и преданія: тогда, по выраженію лѣтописца, *земля наша замышалася и ста-*

(44) Собраніе путешествій къ Татарамъ въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. С. П. 1825. 4.

рые обычаи переставились (45). Но какъ *обычай*, по старой пословицѣ, *не клѣтка, не переставишь*: то многіе изъ нихъ оставались у простаго народа въ своей силѣ даже и тогда, когда между высшимъ сословіемъ замѣнялись новыми, иноземными.

Грамоты Новгородскихъ Архіепископовъ, Макарія въ Водскую пятину 1534 г. и Ѳеодосія 1548 г. и посланіе Игумена Памфила, 1505 г., въ Псковъ, свидѣтельствуютъ о существованіи тамъ языческихъ требищъ и обрядовъ (46). Въ Стоглавѣ упоминаются совершавшіяся дополѣ *Русалки* объ Ивановѣ дни, сходбища въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія на нощное плещеваніе, безчинный говоръ, бѣсовскія пѣсни и пляски, кои оканчивались на утренней зарѣ омовеніемъ въ рѣкахъ, и *Кликаніе мертвыхъ* въ Великій Четвергъ, въ который утромъ жгли солому, *Оклички* въ первый день Пасхи, *Выонецъ* на Радоницы, *Наливки* въ понедѣльникъ Петрова поста. Тамъ же запрещается присутствіе кудесниковъ и ворожей при судебныхъ поединкахъ и скомороховъ на жальникахъ въ Троицкую субботу, въ которую тамъ на могилахъ за воплями и плачемъ слѣдовали скоморошскія игры съ

(45) *Карамз.* И. Г. Р. VI.

(46) Библіографическіе листы *П. Кеппена*, 1825, No 19.

пѣніемъ, плясками и рукоплесканіемъ и т. д. Но и самъ предсѣдатель Стоглаваго собора, Царь Іоаннъ Васильевичь, съ опричниками надѣвалъ на себя личины о Святкахъ и Масляницѣ (47). Въ Русскихъ соборахъ XVI и XVII вѣковъ, въ грамотахъ, пастырскихъ посланіяхъ и житіяхъ Святыхъ въ Россіи упоминаются древнія языческія суевѣрія и обычаи, кои иногда входили въ составъ расколовъ и ересей, тогда возникавшихъ. — По сближеніи Россіи съ Европейскимъ Западомъ черезъ Литву и Польшу и по присоединеніи малой Россіи къ великой, перешли на Сѣверъ нѣкоторыя западныя суевѣрія и обычаи. Въ судебныхъ актахъ того времени часто встрѣчаются слѣдствія о *колдовствѣ* и *чародѣйствѣ*, составляющихъ также народное вѣрованіе, и о другихъ дѣйствіяхъ Магіи, коимъ вѣрили во всей Европѣ.

Въ 1684 г. Патріархъ Іоакимъ указомъ своимъ запретилъ бывшія на Москвѣ »сквер»ная и бѣсовская дѣйства и игрища въ на»вечеріи Рождества Христова. Тогда — пи»шетъ онъ — ненаказанніи мужескаго полу »и женскаго собравься многимъ числомъ, отъ »старыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и »дѣвки ходятъ по улицамъ и переулкамъ къ »бѣснованнымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сло-

(47) *Карамз.* И. Г. Р. VIII.

»женнымъ ими, многія сквернословія присо»вокупляютъ, и плясаніе творятъ, на раз»женіе блудныхъ нечистотъ и прочихъ грѣхо»паденій, и преображающеся въ неподобная отъ »Бога созданія, образъ человѣческій премѣня»юще, бѣсовское и кумирское личатъ, косма»тые, и иными бѣсовскими ухищреньми со»дѣянные образы надѣвающе, плясаньми и »прочими ухищреньми православныхъ Христі»анъ прельщаютъ; такожъ и по Рождествѣ »Христовѣ во 12 днѣхъ до Крещенія Господа »нашего І. Христа таковая жъ бѣсовская игра»лища и позорища содѣваютъ.« Такъ какъ Кормчая запрещаетъ *Христіаномъ играти и на позорища ходити:* то Патріархъ Адріанъ 1697 г. въ инструкціи своей старостамъ поповскимъ предписываетъ »не хоронить ни на »кладбищѣ, ни на убогомъ дому, а на полѣ »и въ лѣсу тѣхъ, которые играя утонутъ »или съ качели убьются.«

Въ епоху преобразованія Россіи Петромъ І личность народная сильно измѣнилась отъ вліянія Европейскаго образованія; многіе старые обычаи въ городахъ вытѣснились новыми, иноземными, или запрещались Царскими указами; самая одежда, жилища, образъ жизни испытали перемѣны, кои неохотно принимали не только просто-

ны, но и высшее сословіе народа. Изъ духовнаго Регламента, Розыска Св. Димитрія Туптала, проповѣдей и указовъ того времени видно, что въ теченіи 40 лѣтъ борьбы старины съ новизною не вездѣ и не совсѣмъ истребились прежнія суевѣрія Язычества, являясь въ разныхъ мѣстахъ Россіи, какъ-то: благоговѣніе къ старымъ деревьямъ въ лѣсахъ, олицетвореніе Пятницы и т. п. Самъ преобразователь иногда невольно обращался отъ чужеземныхъ забавъ къ Рускимъ потѣхамъ, давая *просторъ Рускому уму:* въ Святые вечера онъ съ любимцами своими святошничалъ переряженный, славилъ Христа по домамъ (48) и совершалъ другіе старинные обряды, вѣроятно, для того, чтобы сдѣлать оные смѣшными и ещимъ средствомъ уничтожить. Указомъ 1722 г. Сентября 27, позволены »въ храмовые праздники при монастыряхъ и знатныхъ приходахъ, по совершеніи литургіи и крестнаго хожденія, *народныя забавы для народнаго полированія, а не для какого безобразія.*«

Святѣйшій Правительствующій Синодъ 1721 Апр. 17 приказали объявить нарочно: »Понеже въ Правительствующемъ Духовномъ »Синодѣ вѣдомо учинилось, что въ Россійскомъ

(48) Дѣянія Петра І. т. I—XX. см. Донесеніе Посошкова въ Рус. Достоп. М. 1815. 8.

»Государствѣ какъ въ городахъ, такъ и въ ве»сяхъ происходитъ отъ невѣждъ нѣкоторое »непотребство, а именно, во всю Свѣтлую »седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у »утрени, таковаго, аки бы штрафуя, обли»ваютъ водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ ку»паютъ; и хотя сіе простый народъ дѣлаетъ »себѣ будто за забаву праздничную, однако »отъ той суетной забавы дѣется не токмо »здравый, но и животу человѣческому пще»па; ибо онымъ отъ невѣжд купаніемъ въ »глубинахъ, иногда людей потопляютъ или »разбиваютъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ, внезап»нымъ обліяніемъ, ума лишаютъ; къ тому жъ »будто бы воспоминаютъ *мерзкихъ идоловъ*, »*въ нихъ же былъ нѣкій идолъ Купало, ему же* »*на Великъ день приносили жертву оными ку*»*паніемъ; о чемъ пространно зрится въ лѣто*»*писцѣ Кіевскомъ.* Но понеже во оныя вре»мена Россійскій народъ еще не совершенно »воспріялъ святую православную Вѣру и въ »ней не крѣпко утвердился, а нынѣ уже ми»лосердіемъ Божіимъ оный во благочестіи сі»яетъ, а помянутаго обычая невѣжды оста»вить не могутъ: того ради оный богопро»тивный и животъ человѣческій вредящій »обычай весьма истребить, и впредь того въ »Россійскомъ Государствѣ отнюдь не было бы.«

Послѣ Бироновскихъ ужасовъ, стѣснившихъ Рускую душу, Рускіе, въ царствованіе Елисаветы Петровны, стали свободнѣе дышать, какъ говорится: *жить припѣваючи.* Тогда народъ увидѣлъ самую Государыню, въ старинномъ Рускомъ платьѣ, услышалъ ея голосъ въ своихъ пѣсняхъ среди веселыхъ хороводовъ на игрищахъ; при самомъ Дворѣ бывали и святочныя игры и оперы Италіанскія и маскарады. Въ сіе время пробудилась народность въ своихъ праздникахъ и потѣхахъ, откликнулась въ пѣсняхъ и прибаушкахъ, сказкахъ и загадкахъ: не боялись о Масляницѣ кататься, въ Святки ходить наряженные по улицамъ гурьбами, спрашивать имена у встрѣчныхъ и поперечныхъ, подслушивать подъ окнами, на перекресткахъ гадать, свободно носили по улицамъ въ городахъ и селахъ березку въ Семикъ съ пѣснями. Сіе продолжалось и при Екатеринѣ II, которая любила Рускія игры и одежды, сама сочиняла сказки въ Рускомъ вкусѣ, сбирала пословицы народныя и писала Исторію Рускаго Государства.

Съ открытіемъ Намѣстничествъ въ Россіи послѣдовала большая перемѣна какъ въ нравахъ и обычаяхъ народныхъ, такъ въ общественныхъ празднествахъ, потѣхахъ и играхъ, кои сдѣлались скромнѣе и пристойнѣе; постепен-

но оставляемы были буйства и безчинства, коими сопровождались оныя. Вдали отъ столицъ, въ разныхъ областяхъ Россіи старинные праздники и повѣрья Язычества сохранялись одни въ бо́льшей, другіе въ меньшей силѣ; дни оныхъ праздновались гуляньями или увеселеніями на прежнихъ мѣстахъ, нерѣдко самыя ихъ названія или преданы забвенію, или получили другое значеніе, отдаленное отъ древняго, до коего трудно и добраться. Наслѣдственныя преданія у народа нерѣдко согласуются съ лѣтописями, или дополняются ими, самыя игрища и гульбища своими названіями напоминаютъ о древнемъ бытѣ, подтверждаемомъ повѣрьями и обычаями, пѣснями и сказаніями, пословицами и сказками: изъ нихъ слагается, хотя и въ неясныхъ чертахъ, картина древняго вѣрованія народа, самородное произведеніе его почвы, совокупность его изконныхъ праздниковъ, а въ нихъ проявляется его духъ, его жизнь внутренняя. Преслѣдуя сіи остатки древняго вѣрованія и быта народа въ разныхъ епохахъ его жизни, видимъ, что языческія торжества сперва удерживались какъ отеческіе благоговѣйные обряды, а потомъ превратились въ игры и увеселенія, сдѣлавшіяся какою-то житейскою

необходимостью. Хотя древнее иногда уступало мѣсто новому; однако оно часто клало свою печать на послѣднее (49).

Къ новымъ праздникамъ относится *Первомайское гулянье* (Meye-tag), или *Нѣмецкіе станы* въ Москвѣ, которое, по преданію, заведено при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ Нѣмцами, имъ вызванными. Какъ у Европейскихъ народовъ прежде годъ начинался Маіемъ: то Вальпургіева ночь, на 1е Маія, и относящіяся къ ней суевѣрія остаются еще при перемѣнѣ времени года. Забавный обычай обманывать *перваго Апрѣля* перенесенъ на Русь Нѣмцами, которые въ 1700 г. сдѣлали изъ сего первое представленіе въ Москвѣ. *Новый годъ* съ XV вѣка въ Россіи празднованъ съ Сентября по церковному чиноположенію, въ день Симеона *лѣтопроводца*, въ который Государи Россійскіе назначали срокъ личнаго суда своимъ подданнымъ; съ 1700 г. новолѣтіе начинается Январемъ мѣсяцемъ, который Петръ I ознаменовалъ торжествомъ въ Европейскомъ вкусѣ съ невиданными дотолѣ на Руси церемоніями и обрядами. Вѣроятно, съ того времени старый Сентябрскій годъ прослылъ *бабьимъ лѣ-*

(49) *Карамз.* И. Г. Р. XI, прим. 68.

томъ (50), которое Г. Шишковъ правдоподобно производитъ отъ созвѣздія *Бабы* (семь звѣздъ, утичье гнѣздо, Плеяды), появляющагося съ половины Августа до половины Сентября (51). Но сіе названіе найдемъ у Нѣмцевъ, Поляковъ и Сербовъ. По примѣру Европейскихъ Государствъ, Петръ I давалъ всенародные праздники по случаю знаменитыхъ побѣдъ и заключенія мира, полезнаго или славнаго для отечества, завелъ ассамблеи; въ его царствованіе блистательны были праздники Князя Меншикова, такъ какъ при Екатеринѣ II Князя Потемкина. Кому не извѣстенъ достопамятный этнографическій маскерадъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, рыцарскій карусель и другіе великолѣпнѣйшіе праздники при Екатеринѣ II, достойные особеннаго описанія (52); ибо въ нихъ выражается духъ того времени и память великихъ событій.

§ 3. Какъ сама природа имѣетъ свои праздники, на кои приглашаетъ человѣка; то и онъ, торжественно и благоговѣйно встрѣчая и провожая каждое время года, заимствуетъ

(50) Библіотека для чтенія, Январь, 1836.
(51) Но сіе созвѣздіе видимо во всю зиму. Сочиненія *А. Шишкова*, т. V, стр. 48.
(52) Haigold's Beylagen. II, 54.

отъ природы бѣлые или черные краски, радостные или унылые звуки, дѣлитъ съ нею веселье и горе; ощущая жизнь въ природѣ, самъ въ ней живетъ и все собою олицетворяетъ. Видимыя періодическія перемѣны въ природѣ, раздѣляющія продолженіе времени на равныя части, подали поводъ ознаменовать каждое время года сперва религіозными, потомъ житейскими праздниками, кои относятся къ земледѣльческимъ трудамъ и хозяйственнымъ занятіямъ; въ нихъ впадаютъ сроки и сдѣлки, торги и сходы мірскіе, какъ по: въ *Юрьевъ* и *Семенъ дни*, въ *Пятницы* и т. д.

Подобно Англо-Саксамъ, Славяне раздѣляли годъ свой на зиму и лѣто, или на зимнее и лѣтнее солнцестояніе, Коледу и Купало, коихъ символами было колесо (коло), эмблема солнечнаго поворота, а самые праздники на *зимніе* и *лѣтніе*, сообразно своему климату и мѣстности. У древнихъ Нѣмцевъ годъ раздѣлялся на три части: *зиму, весну и лѣто;* первая починалась священнѣйшею порой, когда торжествовались главные праздники въ честь боговъ (53). При распространеніи Славяно-Рускихъ племенъ по черной, чермной и бѣлой, малой и великой Рос-

(53) Menzel's Geſchichte der Deutſchen bis auf die neueſten Tage. I Th. Stuttgart u. Tübingen. 1834. 8.

сіи, въ послѣдствіи праздники ихъ религіозные и житейскіе, съ умноженіемъ нуждъ и отношеній, съ развитіемъ ихъ народности и гражданственности, умножались и могли уже дѣлиться на *весенніе* и *лѣтніе*, *осенніе* и *зимніе*.

Съ красною весною празднуется союзъ (ладъ) двухъ нача́лъ одушевленнаго человѣкомъ міра, который представляетъ небомъ и землею оба пола; растенія, животныя, люди суть плоды етого лада (54). Въ древности у Рускихъ *пролѣтіемъ* назывались три весенніе мѣсяца, съ коихъ начинаются обновленіе природы, новолѣтіе и праздники народные, какими встрѣчается весна при появленіи первой хлѣбной птицы, грача, и весенней пташки, жаворонка: по ихъ прилетанію народъ дѣлаетъ свои авгуріи объ урожаѣ хлѣба и печетъ изъ тѣста изображенія сихъ перелетныхъ пташекъ. Первый пролѣтній мѣсяцъ, или Березозоль, Мартъ, коему самъ Богъ даровалъ первенство (55), у Славянскихъ и Скандинавскихъ племенъ, такъ какъ у Пер-

(54) Religions de l'Antiquité, par F. *Creuzer*, refondu et developpé par *J. D. Guignaut*. t I, et 2 partie, à Paris. 1825. 8.

(55) Исхода XII, 18.

совъ, сопровождается разными торжествами и играми въ честь усопшихъ; Богемцы, отчасти Германцы етотъ день почитаютъ первымъ весеннимъ (56); въ Россіи у простолюдиновъ тогда празднуется *Авсень*, *Овсень*, или *Таусень*, который перенесенъ на новый годъ съ Января и заключаетъ въ себѣ другіе праздники, такъ какъ *Васильевы вечера*, или *Святки* предъ Январемъ и послѣ онаго (57). Но какъ, по различію климата, въ разныхъ полосахъ Россіи праздники сіи переходятъ въ разные дни мѣсяцевъ, кои посему имѣютъ названія народныя, кромѣ книжныхъ (58); то пастушескія и земледѣльческія празднества въ средней и сѣверной полосѣ Россіи начинаются позднѣе, чѣмъ въ южной, заимствуя отъ мѣстности и отъ нравовъ жителей особенное выраженіе. Такимъ образомъ собственно *красная весна* и *Красная горка*, начинающаяся *Закликаніемъ весны* и *Радуницею*, празд-

(56) Edda Saemundina, t. III.

(57) М. Н. Макаровъ полагаетъ, основываясь на преданіяхъ, что прежде преполовеніе Святокъ было въ день С. Василія, 28 Февраля, а потомъ перенесено къ 1 Января. см. *Дамскій Журналъ*, No 34, 1832 г.

(58) *Карамз.* И. Г. Р. V, прим. 254, подъ 1409 г.

нуется или въ *Ѳоминъ понедѣльникъ*, или въ Егорьевъ день, въ срокъ хозяйственныхъ условій и время выгона скота въ поле съ пѣснями объ охраненіи спадъ и съ ночными хожденіями: что̀ и донынѣ бываетъ около Буя, Солигалича и въ другихъ странахъ Россіи. Олицетворяя *Пятницу*, народъ особенно празднуетъ ей, въ *обѣтныя пятницы* не работаетъ, во *временныя* послѣ Пасхи по разнымъ мѣстамъ сбирается на ярмарки или торги, на кои, по преданію, вывозили изображеніе св. Параскевіи, обвѣшенное платками и лентами. Въ Духовномъ Регламентѣ замѣчено, что »въ малой »Россіи, въ полку Спародубскомъ, въ пятокъ »водятъ жонку просповласу, подъ именемъ »Пятницы, и водятъ въ ходѣ церковномъ и »при церкви честь оной отдаетъ народъ съ »дары и со упованіемъ нѣкія пользы.« Самыя часовни съ образомъ св. Параскевіи Пятницы, стоящія обыкновенно на перекресткахъ, слывутъ между просполюдьемъ *Пятницами*. Переходомъ отъ весеннихъ праздниковъ къ лѣтнимъ служитъ *Первомайское гуляньс*.

Изъ лѣтнихъ праздниковъ извѣстны въ Россіи: *Семикъ*, или Тюльпа, *Ярило*, *Девятая пятница*, *Купало и Купальница*, *Русаліи*, о коихъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Изъ осеннихъ: *Обжинки*, *Спожинки*, *овинные имянины*, *Бабье лѣто*, или *Семенъ день*, или *Лѣтопроводца*, *Аспосовъ* день, или *Госпожка* въ Минской Губерніи 8 Сент., *Осенины*, *Дмитріевская суббота*, соотвѣтствующая Дѣдинамъ и Задушному дню въ Литвѣ и Польшѣ (Dziady, Dzien zaduszny), а въ Костромской губ. называемая *вселенскою*, *поминальною*, *Юрьевъ день* или *Егорій осенній* и пр.

Къ зимнимъ относятся: *Каледа*, или *Святки*, извѣстныя у Карпаторossовъ и другихъ Славянскихъ племенъ, подъ именемъ *Корочуна*, *Васильевъ вечеръ*, *Масляница* съ предшествующею ей *родительскою*, которая приходится въ Февралѣ, бывшемъ у Римлянъ послѣднимъ мѣсяцемъ года, когда у нихъ отправлялись Feralia и когда въ Германіи на сѣверѣ и югѣ и у Славянъ совершались пиршества и игрища, съ коими соединялось драматическое представленіе — *изгнаніе зимы*, или *смерти*, какъ бы предпразднество обновленія года съ наступленіемъ весны и символическое представленіе борьбы смерти съ жизнію въ природѣ (59). Какъ весна въ Малороссіи *встрѣчается закликаньемъ*, или *веснянкою*, сходною съ Грече-

(59) Edda Saemund. t. III. Lex. Mythol. *Карамз.* И. Г. Р. I. стр. 287 и пр.

скимъ *χελιδόνισμα*, такъ равно *провожается* весна и зима съ разными обрядами, особенно ношеніемъ соломенной куклы, одѣтой въ сарафанъ кумачный и въ кокошникъ, и украшенной лентами и цвѣтами: что̀ донынѣ бываетъ въ Саратовской Губерніи не только при проводахъ весны и зимы, но и въ Госпожинки по уборкѣ хлѣба. Въ другихъ праздникахъ представляетъ главное дѣйствующее лице, вѣроятно, какое либо божество, избранный отъ міра человѣкъ, иногда юноша, иногда старикъ, иногда дѣвица, напр: въ Ярилу, въ Семикъ, въ Всесвятское заговѣнье водятъ избраннаго человѣка, украшеннаго цвѣтами и лентами; объ Масляницѣ возятъ на колесѣ, укрѣпленномъ на столбѣ, въ большихъ саняхъ наряженнаго мужика, который напоминаетъ собою древняго Крода, и пр. д.

Кромѣ сихъ народныхъ праздниковъ, бываютъ въ теченіи четырехъ временъ года *братчины*, *ссыпчины*, *холки*, *посидѣлки*, *бѣсѣды*, *Никольщины*, *приходскіе праздники* и пр. д., на кои сборомъ со всего міра готовится кушанье и варится пиво.

§ 4. По отношенію къ годовымъ временамъ и къ самымъ церковнымъ празднествамъ, въ кои впадаютъ народные праздники, одни

изъ нихъ предшествуютъ Пасхѣ, другіе послѣдуютъ за оною (60); одни изъ нихъ приходятся въ разныя чи́сла мѣсяцевъ, то ранѣе, то позже, и называются *подвижными*, напр: *Радуница*, *Семикъ*, *Масляница*; а постоянно случающіеся въ одинакія числа мѣсяцевъ именуются *неподвижными*, какъ-то: *Семинъ день*, или *Бабье лѣто*, *Купало* и *Купальница*, *Святки*. Въ разныхъ полосахъ Россіи нѣкоторые изъ сихъ праздниковъ, особливо примѣненные къ годовымъ временамъ по климату, столь разнообразному, отправляются то ранѣе, то позднѣе, напр: *Авсень*, *Ярило*, *Красная горка*, *Госпожинки* и пр.

Нѣкоторые изъ праздниковъ и обрядовъ бываютъ *чрезвычайные*, или *обѣтные*, какіе отправляются по особеннымъ случаямъ, напр: во время мора, скотскаго падежа и другихъ напастей, какъ-то: *Пятницы*, *изгнаніе коровьей смерти* или *опахиванье* и пр.

Какъ народные, такъ и семейные праздники продолжаются обыкновенно при дни, а иногда и цѣлую недѣлю. Какъ у Скандинавовъ Іолійскія игры, такъ у Рускихъ Святки

(60) Руководство къ Пасхаліи соч. *А. Тяжелова*, изд. 2. М. 1830. 8.

продолжались двѣнадцать сутокъ (die zwölf Nächte) , см. выше стр. 38.

Большая часть праздниковъ народныхъ отправляется днемъ , а нѣкоторые изъ нихъ ночью , какъ увидимъ въ частномъ описаніи оныхъ : одни изъ нихъ цѣлый день съ утра до́ ночи , другіе послѣ полудня вечеромъ и даже ночью, особливо соединенные съ гаданіями. Въ Тверской и Новгородской Г. съ Петрова дни дѣвушки цѣлый мѣсяцъ гуляютъ по ночамъ. Навечерія и кануны нѣкоторыхъ праздниковъ церковныхъ посвящались простымъ народомъ на празднества и обряды языческаго происхожденія : что̀ самое подтверждается Номоканономъ , Стоглавомъ и Прологами. Такое навечеріе описывается въ Стоглавѣ слѣд. словами : »На канунѣ , на вечеріи »праздниковъ Рождества Христова , Богоявленія и Ивана Предтечи сходились мужи , »жены и дѣвицы на нощное плещованіе, безчинный говоръ , на бѣсовскія пѣсни и скака»ніе до самаго разсвѣта до заутрень , когда »они, умывшись въ рѣкѣ водою, расходились »по домамъ.« Сходно съ Стоглавомъ свидѣтельствуетъ Кранцъ въ описаніи Саксоніи , въ XVII в., что »въ Гальберштадтской дерев»нѣ Шолбекѣ на канунѣ Рождества Христова »ночью, на погостѣ Св. Магна, юноши и мужи съ дѣвицами провожали всю ночь въ пьян»ствѣ и безчинныхъ плескахъ , коими пре»рывали утреннее богослуженіе« (61).

§ 5. Естественно , народныя повѣрья и праздники должны дѣлиться на *отечественные* и *заимствованные* отъ чуждыхъ племенъ, съ коими сближались Славяне въ предъисторическія и историческія времена. Но весь объемъ нѣхъ и другихъ указать и съ точностію разграничить едва ли возможно , такъ какъ описать ихъ начало, измѣненіе, переходы, развитіе, распространеніе и заимствованіе; посему должно ограничиться только главными чертами.

Судя по степени образованности Рускихъ Славянъ, какъ намъ описываютъ ихъ западные и восточные историки, между ними возникли немногіе праздники , испекшіе изъ мѣстности , быта и духа , кои положили на оные свою печать. Сколь время ни изглаживало ее ; однако описки ея проглядываютъ на почвѣ родной, какъ черты древней живописи изъ подъ новыхъ красокъ, на нее наложенныхъ.

У южныхъ Славянъ, жившихъ на щедрой землѣ и подъ яснымъ небомъ, на привольѣ лу-

(61) *A. Grantz* Saxonia. Francof. MDCXXI. p. 109—110.

говъ и лѣсовъ, могли скорѣе родиться праздники, чѣмъ у сѣверныхъ, у которыхъ была продолжительнѣйшая зима, обширныя болота и скудныя средства для житья-бытья. Когда стала развиваться жизнь народная въ обществахъ и городахъ у жителей Рускаго сѣвера и когда они вошли въ сношенія съ другими племенами: тогда у нихъ съ торгами появились праздники, кои носятъ на себѣ знаменіе любимыхъ ихъ занятій скотоводствомъ и земледѣліемъ, отпечатокъ качествъ ихъ климата, мѣстности и нравовъ. Какъ годовое время дѣлилось у нихъ на *зиму* и *лѣто:* то и весь кругъ ихъ прудовъ и религіозныхъ и житейскихъ празднествъ заключался зимнимъ и лѣтнимъ солнцестояніями, или *Коледою* и *Купалою,* о коихъ сказано выше. Въ этотъ кругъ внѣшней и внутренней ихъ жизни входили всѣ торжественныя проявленія народности и вѣрованія. Хотя въ Славянскомъ переводѣ Кормчей въ 62 пр. пропущены *Русаліи,* о коихъ упоминается въ Споглавѣ; но Патріархъ Вальсамонъ и Дмитрій Хоматинъ въ толкованіяхъ на Кормчую приводятъ *Русаліи,* кои отъ нихъ вошли и въ Споглавъ. Они называютъ сей праздникъ происходящимъ въ чужихъ земляхъ (ἐν ταῖς ἔξω χώραις γενόμενα). Такъ какъ Греки употребляли сіе выраженіе, говоря о странахъ *сѣверныхъ* въ отношеніи къ себѣ, по замѣчанію одного изъ схоліастовъ на Basilica (62): то и относится оно къ Болгарскимъ Славянамъ, у коихъ существовали Русаліи, извѣстные и у Рускихъ Славянъ на югѣ: любимый свой цвѣтъ *красный* или *русый* клали они на близкіе къ нимъ предметы: на времена года, на стихіи, на страну, на горы, на лѣса и на жито, отсюда: *красная весна, красное лѣто, красное солнце, красная* (*червонная*) *Русь, красная горка, красный холмъ, красный лѣсъ, красный хлѣбъ* и т. д. Какъ *бѣлый* цвѣтъ былъ символомъ воды и воли, такъ *красный* — огня и войны, а *черный* — неволи и смерти. Кромѣ Русалій, праздника духовъ, коимъ присвоивались и свадьбы на водахъ, *тризна* принадлежала Славяноруссамъ и *родительскія,* совершавшіяся съ языческими обрядами. Поклоненіе *Перуну,* главному божеству Руссовъ, Поляковъ, Пруссовъ, Вендовъ, Чеховъ и Моравовъ, сопровождалось празднествами, такъ какъ служеніе богу скотоводства, *Волосу* и другимъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ кумирамъ Славяно-рускаго міра. Особенное благоговѣніе

(62) Pandectae canonum Beveregii, can. LXII. Ea, quae dicuntur *Rusalia*, quae post sanctum Pascha ex mala consuetudine fiunt in externis regionibus. — Въ Потребникѣ, напеч. въ Москвѣ 1639 г. въ листъ, упоминаются между Еллинскими обычаями *Русаліи.*

къ силамъ міровымъ и планетнымъ огню и водѣ, какое видимъ въ *Купалѣ* и *Купальницѣ*, безъ сомнѣнія, есть остатокъ древняго Славянскаго богослуженія, общаго съ Восточными племенами и принесеннаго на югъ и сѣверъ Россіи изъ общей ихъ колыбели. По свидѣтельству Византійскихъ и отечественныхъ писателей, Славяно-рускія племена чтили *рѣки* и *колодези*, или *кладенцы*, *студенцы* (63), покланялись дубамъ, подобно Германцамъ, и приносили тѣмъ и другимъ жертвы, по коимъ дѣлали гаданія, кидали жребіи (64). На островѣ Рюгенѣ въ дремучемъ лѣсу находилось святое озеро *Студенецъ*, предъ коимъ благоговѣли Славяне. Слѣды етого благоговѣнія къ водѣ остались въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи: между прочимъ въ Буѣ, уѣздномъ городѣ Костромской Губерніи, доселѣ дѣвки въ великій Четвертокъ

(63) *Procopius* de bello Gothico, III, 14. — *Constantini* porphir. de administratione. 44. — Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Руской Исторіи, А. Х. *Лерберга*. С. П. 1819. 4.

(64) Имена рѣкъ, по замѣчанію Г. Глаголева, на сѣверѣ имѣютъ родъ и окончаніе одинакіе съ городами на *а* женск. р.; а на югѣ, т. е. въ областяхъ древнихъ Рускихъ и вообще Славянскихъ (въ Новгор. области также) есть рѣки женскаго и мужескаго рода. см. Журналъ Д. М. вн. д. Январь, 1835.

кликаютъ весну и, ежели раскрылась вода, входятъ въ рѣку и, одна съ другою схватясь за руки, припѣваютъ: *весна, весна красна, приди весна, съ милостью, съ милостью, съ великою благостью!*

Особенное вниманіе заслуживаютъ обряды, совершаемые при свадьбахъ, погребеніяхъ, на сельскихъ праздникахъ и въ хороводныхъ играхъ. Многіе изъ нихъ столь древни, что напоминаютъ намъ объ изконномъ сродствѣ нашемъ съ Греками и Римлянами, или, по крайней мѣрѣ, объ одинакомъ съ ними происхожденіи изъ древняго уголка Азіи — разсадника всѣхъ Европейскихъ народовъ и всего земнаго населенія (65).

Если по сходству обычаевъ и языка одного народа съ другимъ можно заключать о сродствѣ оныхъ: то и о сродствѣ Славяно-Руссовъ съ Восточными, Германскими племенами, Греко-Римлянами и другими народами можно судить по сходству нѣкоторыхъ ихъ повѣрій, религіозныхъ обрядовъ и многихъ словъ въ языкахъ. Время и мѣсто такого сродства между сими народами скрываясь во мракѣ предъисторическихъ временъ, объясняются отчасти соображеніями, внѣшними и

(65) Журналъ Министерства вн. дѣлъ. С. П. 1835, Іюнь.

внутренними признаками: къ нимъ относится бытъ и духъ народа съ его повѣрьями, обычаями и праздниками, изъ коихъ обыкновенно заимствуетъ одинъ народъ у другаго болѣе сообразные съ мѣстностію своей и съ естественными и нравственными потребностями. Кромѣ сего, сходство можетъ быть въ символахъ, почерпаемыхъ изъ одного общаго источника — природы, по врожденному человѣку побужденію. Поклоненіе первенствующимъ стихіямъ огню и водѣ, благоговѣніе къ рѣкамъ, напр: Бугу, Дунаю, Дону, прославляемымъ въ пѣсняхъ народныхъ, частыя омовенія и купанье, сожиганіе мертвыхъ, общи у жителей Востока съ Славяно-Руссами въ ихъ Язычествѣ. О перескакиваніи черезъ огонь для очищенія, о почтеніи къ священнымъ дубравамъ и горамъ упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ о памятникахъ древняго идолопоклонства, заимствованныхъ Евреями отъ Сyріянъ и Финикіанъ (66). Гебры и Парсы въ Остъиндіи исповѣдуя Сабеизмъ и признавая единство Бога подъ именемъ Yerd, почитаютъ солнце и огонь его символами. У Халдеевъ небесное божество называлось Nebo, по Санскритски Nabo, Nibu, по Арабски nèba — наше *небо*.

(66) IV Царствъ, XVII. Archaeologia biblica, in epitomen redacta a *J. Jahn*. Viennae, 1814. 8.

въ богоученіи восточныхъ Индѣйцевъ встрѣчается Славянскій *Перунъ*, въ честь котораго совершается въ Январѣ, во время зимняго солнцестоянія, праздникъ *Перунъ - Понголъ*, или великій Понголъ, сопровождаемый гаданіями — *Угадами* (Ougahdy): оный продолжается три дня, въ кои приносятся жертвы землѣ и огню: первый день называется *радостью*, другой днемъ *солнца*, третій днемъ *быковъ и коровъ*. Представители огнепоклоненія у Персовъ именовались *Пирами* и *Магами*. Кто не узнаетъ въ Индѣйскомъ *Копалѣ*, покаянникѣ, нашего *Купалу?* Самая обитель усопшихъ предковъ, темное мѣсто, Индра, у Индѣйцевъ именуется *Ямою* (Yama), священныя игры 1 Апрѣля — *Гулями* (Houli, Huli, Holaca), *гулючками*? и т. д. (67). Знатоки при дальнѣйшемъ изслѣдованіи Восточныхъ писателей и обычаевъ найдутъ болѣе сходнаго Восточныхъ съ Славяно-Рускими.

(67) Voyage aux Indes orientales et à la Chine, par *Sonnerat*. à Paris, 1807. t. I, p. 240. 8. — *Карамзина* II. Г. Р. т. VIII. — Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde, per *I. A. Dubois*, á Paris, 1825, t. I, 8. — Edda Saemundina, t. III. — Religions de l'Antiquité par *F. Creuzer*. t. I — III. — Ueber die Sprache u. Weisheit der Indier. Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumskunde, von F. Schlegel. Heidelberg. 1805. 8.

По сходству Греческихъ миѳовъ и обрядовъ съ Индѣйскими многіе ученые заключали, что они вмѣстѣ съ Славянскими почерпнуты изъ одного источника въ предъисторическія времена. Послѣ переселенія народовъ, возобновилась связь Славянъ съ Греками — первые проникли въ самую Грецію и тамъ въ Пелопоннесѣ запечатлѣли слѣды свои въ наименованіи разныхъ урочищъ. Въ послѣдствіи войны, мирные и торговые договоры, путешествія Славяно-Руссовъ въ Грецію, наконецъ принятіе ими Хріcтіанской вѣры отъ Грековъ, служили проводниками въ Рускій міръ Греческихъ обычаевъ, повѣрьевъ и рѣченій, изъ коихъ многія еще могли быть общими у Славянъ съ Греками въ тѣ предъисторическія времена, когда сіи народы, по всему вѣроятію, составляли одно племя: посему сходство въ словахъ и повѣрьяхъ того и другаго было не случайное, а существенное, основанное на происхожденіи сихъ племенъ древняго міра отъ одного корня. Какъ Византійцы называли язычниковъ *Еллинами* для отличія отъ правовѣрныхъ — Грековъ (68), а языческіе

(68) Antiquités grecques, trad. de l'Anglais de *Robinson*. 2 v. à Paris, 1822. 8.

обряды *Еллинскими*: то и Рускіе именовали свои древніе, дохріcтіанскіе обычаи *Еллинскими*. Безъ сомнѣнія, отъ Грековъ заимствованы, кромѣ церковныхъ праздниковъ, и жнитейскіе, вмѣстѣ съ ихъ обычаями и уставами, кои больше дѣйствовали на высшія сословія народа, чѣмъ на просполюдиновъ, приверженныхъ къ древнимъ обычаямъ и повѣрьямъ своихъ предковъ. Гомеровскій епитетъ Ареса (Марса) Θοῦρος ярый, столь сходный съ Арабскимъ шавромъ, съ Скандинавскимъ *Туромъ* и Епрускимъ Turan, находится и въ Игоревой пѣсни Буй-*Туръ*, такъ равно епитетъ Вулкана *παλίγκοτος* паки-гнѣвающійся, близокъ съ прозваніемъ С. Бориса въ Бѣлоруссіи, который слыветъ *палкотомъ* или *палкопомъ*, потому что, подобно древнему Вулкану, на нечтущихъ памяти его низводитъ перуны! Въ самомъ словѣ *Перунъ* отзывается Греческое πῦρ огнь. Наша *мать земля* близка съ Γῆ μήτηρ, или Δᾶ μάτηρ земля мать, или Церера, кормилица рода человѣческаго. Въ древностяхъ Еллинскихъ встрѣчаются сходныя съ Славянскими *родительскія* (Γενέθια, Ὄθια), *птицеволхованіе* (οἰωνομαντεῖα), *литье воска въ воду* (κηρομαντεία), *гаданіе* или *колядованіе* (κληδόνες, новогреч. κλήδονα), при коемъ и донынѣ кладутъ не только женщины,

но и мущины въ сосудъ перстень или монету, которую вынимали подъ пѣсни (69). У Грековъ также извѣстенъ былъ божескій судъ — испытаніе желѣзомъ (*μύδρος*) (70). Нашъ Семикъ имѣетъ сходство съ Адонисовымъ праздникомъ, при окончаніи коего Греки бросали въ море или рѣку вѣнки, цвѣты и древесные листья (71), или съ упоминаемымъ въ Осодосіевомъ Уложеніи *Δενδροφορία* — ношеніемъ вѣтвей древесныхъ по городу въ честь одного божества; Руская игра *живъ, живъ* (*ζῇ, ἔζῃ?*) *курилка*, похожа на торжественное въ честь Промепея бѣганье со свѣточами (*λαμπαδοφορία, λαμπαδοῦχος ἀγών*) (72). Гнѣдичь объясняетъ праздникъ и пѣсни Коляды Греческимъ словомъ *χολάδες*, т. е. внутренности, кишки, по сходству съ Малороссійскимъ обычаемъ при коледованіи просить въ награду *кольцо колбасы* (73). У Гомера въ Иліадѣ

(69) *I. Sauberti* de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709. 12. Wachsmuth Hellen. Alterthumsk. II. 2.

(70) *Sophocl.* Antig. 264.

(71) Умозрительныя и опытныя основанія Словесности, въ IV част. сочин. Г. *Глаголева*. С. П. 1834. 8.

(72) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. *Guthrie*. à S. P. 1795. 8.

(73) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. Н. *Гнѣдичемъ*. С. П. 1825. 8.

надъ трупомъ Гектора дѣлается *причитаніе* (*ἰάλεμος*), какія сохранились въ лѣтописяхъ нашихъ и какія употребительны у простолюдиновъ. Самое слово *игра* однородно съ Греческимъ *ὑγρὰ*, кои были хороводы при таинствахъ Цереры (74), даже нашъ *хороводъ*, или *короводъ*, у другихъ Славянскихъ племенъ извѣстный подъ именемъ *коло* (75), Еллинскаго происхожденія, отъ *χορὸς хоръ*, ликъ поющихъ и пляшущихъ, и *ἄγω веду*, какъ бы *посолонь*, или отъ *χοροβατέω* ступаю въ хоръ; ибо собственно хороводъ прообразовалъ теченіе солнца. Многіе изъ праздниковъ Еллинскихъ, также какъ у Рускихъ, продолжались *три дня* (*τριημερία*); самое слово *сорокоустъ* есть позднее Греческое *Σαράκοντα* и *Σαράντα* сорокъ дней. Ф. Грефъ доказываетъ изъ Иліады VII п. ст. 171, что нашъ простой народъ также метаетъ жребіи, какъ метали Греки на поляхъ Троянскихъ (76).

(74) *P. Köppen's* die dreygest. Hekate. Wien, 1823. 8. *Horat.* IV, od. 7: choros ducere вести хоры, лики.

(75) Впрочемъ можно производить и отъ *коло*: тогда выдетъ *коловодъ*, выражая также понятіе круга, какъ и на Греческомъ.

(76) Antiquitatis Graecae et Romanae loca quaedam e Rossorum lingua et usibus illustrata, auct. F. *Graefio*. part. I. Petropoli. 1827. см. Библіогр. листы, 1825. No 22.

Нынѣшніе Греки удержали у себя многіе обычаи и повѣрья древнихъ предковъ своихъ: у нихъ есть родники, *криницы* (*κρῆναι*), почитаемыя священными, такъ какъ у насъ, куда они приносятъ больныхъ для исцѣленія (77). *Перваго Мая* (*Πρωτομαΐα*) у нихъ двери всѣхъ домовъ, какъ у насъ въ Семикъ, украшаются цвѣтами и вѣтвями древесными и вся Греція встрѣчаетъ начáло лѣта увеселеніями народными. Грекамъ, вѣроятно, Славяне Рускіе подражали въ замѣненіи боговъ Язычества Святыми Христіанства. Какъ все прекрасное и благое происходитъ отъ Бога чрезъ посредство Ангеловъ и Святыхъ, которые у Грековъ заступили мѣсто полубоговъ и геніевъ: посему у нихъ также Сорокъ Мучениковъ приводятъ весну и соловьевъ, С. Николай Чудотворецъ утишаетъ бури, а С. Георгій, весьма уважаемый самыми Турками, покровительствуетъ земледѣлію и скотоводству, и тамъ его днемъ торжественно открывается годъ пастушескій и празднуется семейнымъ пиршествомъ, на коемъ съѣдаютъ первенца стадъ (78).

(77) Вѣстникъ Европы, 1821, No 14.

(78) Voyage dans la Grèce par *F. C. Pouqueville*, à Paris, 1820. 5 v. 8.

Отъ древняго сродства, въ предъисторическія времена, Славянъ съ Римлянами, которые сами хвалились происхожденіемъ своимъ отъ Венетовъ, Славянскаго племени, потомъ отъ сосѣдства Латинскихъ колоній съ Славянскими народами по Дунаю и наконецъ, отъ вліянія Греко-Римлянъ въ средніе вѣка̀ на Россію, вошло въ Рускій міръ много повѣрій и обычаевъ, а въ языкъ много словъ Римскихъ. Древній Римскій языкъ, по мнѣнію Арндта и Г. Мейдингера, ближе съ Славянскимъ, чѣмъ съ Нѣмецкимъ (79). Сколько Римскаго доселѣ осталось въ общихъ чертахъ Рускаго народа, въ его быту, въ законахъ, въ календарѣ и т. п.! Выше замѣтили мы о сходствѣ нѣкоторыхъ народныхъ суевѣрій и религіозныхъ обрядовъ у Римлянъ съ Славяно-Руссами, къ которымъ могли перейти оные посредствомъ Нѣмцевъ и Литовцевъ. Геній хранитель, *постынь*, (incubus, succubus, *ἐφιάλτης*), *домовой* (domiducus, ca), *родительскія* (parentalia), *девятины* (novemdialia) и пр., возводятъ насъ къ религіямъ Пеласгійскимъ, столь сходнымъ съ древне-Италійскими. Если ближе сличить происхожденіе и знаменованіе нѣкоторыхъ боговъ Римскихъ: то они, мо-

(79) C. v. Arndt über den Urspr. u. die Verwandschaft der europ. Spr. Frkf. 1827. 8. — H. Meidinger die deutschen Volksstämme. Frkf. am M. 1833. 8.

жетъ статься, найдутся нечужими Славянскимъ. Скандинавская Freya, вѣроятно, родственница съ Римскою Frutis-Seja, или Seiana, и Славянскою *Стьваною*, происходящею отъ *стьянія*, какъ Vertumnus богъ садовъ и плодовъ отъ *верта*, сада (80). Древнія Рускія слова *дивъ* и *дива* близки съ Латинскими divus, diva, или съ упоминаемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ Deivos sanos и Deiva sana, божествъ солнца и луны, сходныхъ съ нашими *Ладо* и *Ладою*. см. стр. 14. Неопредѣленность пола божествъ ясно выражается въ самыхъ молитвахъ Квиринювъ: sive deus, sive dea (81). Благоговѣніе къ аеролитамъ и камнямъ одинакое почти было у Славянъ Русскихъ съ Римлянами и Греками, которые имѣли у себя ombria, lapides sacri, baetyli, *κεραυνίας* и Jupiter lapis, которымъ они клялись.

У Латинъ хожденія вокругъ полей предъ посѣвомъ и послѣ посѣва Ambarvalia, Sementinae похожи на подобные Рускіе обряды, кои и донынѣ существуютъ между простымъ народомъ. Упомянутые въ Святославѣ *гудцы* и *прегудницы*, игравшіе со скоморохами на могилахъ покойниковъ, близки съ Латинскими tibicines и fidicines, а *плакуши* съ praeficae. Подобно древнимъ Римлянамъ, народцы, населявшіе Русь, сожигали своихъ умершихъ для того, чтобы плѣнные остатки сохранить отъ поруганія и душу очистить отъ скверны плоти. У Рускихъ и донынѣ, по Уставу церковному, бросаютъ землю на мертваго, какъ бывало у жителей Лаційскихъ (82), по совершеніи же похоронныхъ обрядовъ, даютъ обѣдъ въ память усопшихъ — Латинскій silicernium, charistia. Какъ у Римлянъ дѣлались возліянія (libationes, manibus parentabatur) на жертвенникъ, сооруженный предъ гробницею (83), такъ доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, напр. въ Галичѣ, въ родительскія, трепины, девятины и сорочины льютъ панихиду (канунъ) на могилы покойниковъ. Изъ Луціана и Ювенала видимъ, что Греки и Римляне клали на гробницы яицы, какъ очистительныя жертвы: что̀ донынѣ наблюдается въ Радуницу между простымъ народомъ въ Россіи. Упоминаемыя въ Кормчей *Каланды Январскія*, неизвѣстныя Елли-

(80) Edda Saemundina, t. III. L. M. — Die Etrusker, IV B. von K. O. Müller. Breslau, 1828. 8.

(81) Religions de l'antiquité par *F. Creuzer*, trad. par D. J. *Guigniant*. t. II, 1 p. à Paris, 1829. 8.

(82) *Ciceronis* de legibus, (ed. Goerenz, Lipsiae, 1809. 8.) c. 22: in os injecta gleba est. См. о двусмыслии слова os кость и лице, Гёренцовъ екскурсъ: de gleba post crematum corpus, ad complendam sepulturam, in os mortui injecta.

(83) *J. Sauberti* de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709. 12.

намъ, во многомъ сходны съ играми святочными, такъ какъ и старинныя слова *скураты* и *ларвы*, или личины, хари, встрѣчающіяся въ отеческихъ книгахъ, въ свойствѣ съ Латинскими scurra и larva; даже въ Номоканонѣ Аѳонской горы, напеч. въ Кіевѣ 1624 г. говорится, что „нынѣ »въ одежду женскую мужіе облачатся, и жены »въ мужескую, или наличники, якоже въ спра»нахъ *Латинскихъ* (Христіанъ Запад. Церкви) злѣ »обыкоша, творятъ.« Впрочемъ можетъ быть и то, какъ замѣчаетъ Р. Тимковскій, что »наряды въ маски и разныя странныя одѣянія, какія и теперь бываютъ во время Масляницы, заранѣе перешли къ предкамъ нашимъ отъ Скандинавовъ и Грековъ (84).“ Римляне во время *Палилій*, праздника основанія Рима, какъ у насъ въ Купалу, *палили* сухое дерево и хворостъ, и черезъ оное огонь проскрапино перескакивали. Канне въ Миѳологіи своей вмѣстѣ съ издателями Edda Saemundina находитъ очевидное сходство Латинской *Палесы* Pales съ Азіатскимъ Bal, Baal, Скандинавскимъ Bál огнь, пламя, и Рускимъ *палити* жечь и *палило*. *Палѣмъ* въ Малороссіи прозывается Св. Пантелеймонъ потому, что онъ *палитъ* копны сѣна и скирды хлѣба у тѣхъ, кто работаетъ въ его праздникъ. ср. стр. 61.

(84) Рускія достопамятности, ч. I, М. 1815. 8.

Въ Маѣ мѣсяцѣ совершался въ Римѣ при Осиіи праздникъ (Maiuma), во время коего мущины обливали другъ друга водою (85), какъ бывало на Руси во время всей Свѣтлой седмицы, см. выше стр. 40. Въ Римѣ, въ идахъ Мая, торжественно кидали съ священнаго моста въ Тибръ XXX тростниковыхъ болвановъ (simulacra scirpea): Нѣмецкіе Славяне и жители нѣкоторыхъ областей Россіи доселѣ бросаютъ въ рѣки съ различными обрядами соломенныя чучелы весной и лѣтомъ. Какъ у Римлянъ, такъ и у Рускихъ, Май мѣсяцъ почитался неблагопріятнымъ для супружествъ; у первыхъ была пословица: Mense Maio nubunt mali, сходная съ примѣтою послѣднихъ: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ маяться* и съ Французскою: Noces de Mai, noces mortelles (86). Въ свадебныхъ обрядахъ Римлянъ и Рускихъ находится много сходнаго: самое слово *свадьба*, старин. *сватба*, одного корня съ Латинскимъ suada, т. е. привлекательная, прозваніе Веперы, такъ равно и свадебный *коровай* съ Латинскимъ древнимъ обрядомъ бракосочетанія confarreatio, при коемъ, по свидѣтельству Т.

(85) J. *Sauberti* de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709, 12. — Вѣстникъ Европы, 1811, No 20.

(86) *Ovidii* Fast. V. v. 489, 90. Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt, Mense malas Maio nubere vulgus ait.

Варрона, въ древности у Римлянъ на порогѣ ставились огонь и вода — первый знаменовалъ мужа, а вторая — жену: ибо огонь оплодотворяетъ, а вода производитъ.

Кто не узна́етъ въ приводимомъ церковными книгами *вороногра*ѣ, *птицеволхвованіи* и въ сохранившихся доселѣ между простымъ народомъ гаданіяхъ по клеванію, пѣнію и полету птицъ Епруско - Римскія auguria и auspicia? Сколько было примѣтъ у нихъ сходныхъ съ нашими! Чиханіе (sternutatio), при коемъ они говорили, также какъ и мы, *здравствуй* (salve) (87), *звонъ въ ушахъ* (tinnitus aurium) (88), *чесотка зубовъ* (pruritus dentium) (89), *просыпаніе соли* и сполѣ и т. д.

У Римлянъ, вѣрившихъ также *призору очесъ* или *изурочиванью*, было и божество Fascinus, предохранявшее отъ сглаго и младенцевъ (custos infantium); они оговари-

(87) *Ovidii* ep. ad H. L. v. 151. Sternuit, et vobis prospera signa dedit. Въ харат. спискахъ Нестора о современныхъ ему суевѣріяхъ находится слѣд: „На„рицающеся хрестьяне, а погански живуще — дру„зіи же и зачиханью вѣруютъ, еже бываетъ на „здравіе главѣ.“ *Карамз.* И. Г. Р. т. II, прим. 113.

(88) *Plinii* H. N. 28, 2, 5. Absentes tinnitu aurium praesentire sermones.

(89) *Plauti* Amph. I. 1, 159. Perii! dentes pruriunt. *Theocr.* Id. III, v. 37.

вались и оплевывались, когда кто хвалилъ ихъ дородство или красоту, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Петронія sat. p. 805: Hoc peracto carmine, me expuere jussit. У нихъ были, также какъ у насъ, *черные* или *злые дни* (dies atri), въ кои они ничего не начинали. Мѣстами жертвоприношеній и совершенія другихъ св. обрядовъ, подобно Славянамъ и Нѣмцамъ, были у Римлянъ священныя дубравы (luci) и источники (fontes); ибо, по словамъ Линсія, древнее существовало повѣрье, что „источники и рѣки почитались меньшими богами и геніями.“ Это сходно съ словами, включенными въ Слав. рукопись XI в., о коей выше приведено: „Овъ рѣку „богиню нарицаетъ и звѣрь живущь въ ней яко „бога нарицая, требу творитъ.“ Римляне также приносили богамъ своимъ цвѣты, ладанъ (90), свѣчи (91), медъ, кромѣ обыкновенныхъ жертвъ живопными, дѣлали изъ металловъ по обѣщанію привѣски изображеній больныхъ частей тѣла (e voto), очищали луспральною водою людей, осквернениыхъ преступленіями, поля, домы и города (lustratio ordinaria et extraordinaria) (92). „Весну, по свидѣтельству I.

(90) Thurea dona. *Virgil.* Aen. VI, v, 225.

(91) *Senecae* ep. 95.

(92) *Virgil.* Aen. VI, v. 229. *Plutarch.* Quaest. IV. Cic.

Лаврентія Лудійскаго, называли они *зеленою*, присвоивая сей цвѣтъ землѣ, а лѣто *красным*ъ, посвящая красный цвѣтъ огню и Марсу (93)." Праздники у Римлянъ продолжались, по большей части, три дни, такъ какъ у Русскихъ (94).

Западные писатели о Славянской Миѳологіи, по нелѣпому обычаю Грековъ и Римлянъ, часто сравнивали Славянскія божества съ Римскими, составили новыя, небывалыя (95).

Выше замѣтили мы о сходствѣ Славянской Миѳологіи во многихъ чертахъ съ Скандинавскою, нашли въ ней *Перуна, Волоса* своего, и другіе миѳы; тоже сходство найдется и во многихъ обрядахъ и праздникахъ народныхъ. Скандинавы, или Варяги, раздѣляли также годъ на два равноденствія, кои знаменовались праздниками — зимнее Іольскимъ (Iuul, Joel), который отправлялся въ Норвегіи болѣе въ честь Тора, а въ Даніи посвящался Одину для испрошенія благословенной жатвы и скораго возвращенія солнца: оный соотвѣтствуетъ нашимъ Святкамъ, кои у Датчанъ

(93) J. *Laurentii Lydi* de mensibus. Lipsiae, 1794. 8.

(94) Ferias indicere in triduum. *Liv.* III, 5. *Cic.* de legg. II, 2.

(95) Моск. Вѣстникъ, 1828, No 2.

называются Iuul; онѣ прежде сопровождались переряживаніемъ (96) людей въ козловъ, лошадей и быковъ. Извѣстный въ святошныхъ нашихъ играхъ *суженой ряженой* почти одинакую роль играетъ съ Скандинавскимъ Julevetten, который внезапно является въ домы. При Византійскомъ дворѣ Варанги (Варяги) и Готоы, составлявшіе Царскую дружину, по свидѣтельству Константина порфир. и Кодина (97), объ Рождествѣ Христовѣ являлись въ личинахъ и шубахъ, вывороченныхъ на изнанку, вертѣлись, ударяли жезлами въ щиты и пѣли пѣсни подъ музыку. Сіи святочныя игры слыли въ Царьградѣ *готическими* и продолжались до самаго разрушенія Византійской Имперіи (98). Въ лѣтнее равноденствіе (Midsommersnat, или Sankt Hans Aften) у Датчанъ, вездѣ на сѣверѣ зажигались костры, нѣкогда посвящавшіеся Балдеру и называемые въ Россіи *купальскимъ огнемъ*; тамъ, подобно какъ у насъ, въ этотъ день купаются для здоровья и собираемыя травы (Sank

(96) Мейнихенъ въ своей *Сѣверной Миѳологіи*, изд. на Датскомъ языкѣ въ Коппенгагенѣ, говоритъ, что Iuul происходитъ отъ слова Hjul колесо; ибо годъ тогда поворачивается колесомъ.

(97) *Constantini porph.* de cerem. aulae Byzantinae. Lipsiae. 1754 f.

(98) Edda Saemundina, t. III. L. M.

Hans Urt) почитаются цѣлительными отъ порчей и недуговъ.

День Торовъ или Туровъ, четвергъ, слывущій у Данчанъ въ простонародіи *зеленымъ* и *легкимъ* для дѣлъ, изъ языческаго праздника 692 г. по Р. Х. превращенъ въ Христіанское торжество Римско-католической Церкви подъ именемъ dies viridium, на основаніи псалма XXIII, 2., въ коемъ слово viridis выражено на Слав. *злачный*. Издревле въ Исландіи, при началѣ весны, праздновали въ четвергъ Тору и донынѣ празднуютъ, такъ какъ въ Россіи *Семицкій четвергъ*. Тогда, по мнѣнію Скандинавовъ, Торъ, побѣдивъ Тіасса, зимняго гиганта, воспринималъ полное владычество въ природѣ. Исландскому названію соотвѣтствуетъ Нѣмецкое: der grüne, der hohe Donnerstag, Англійское holy Thursday, т. е. святый Туровъ день, и Шведское Helig Thorsdag (99), въ который простолюдины въ Германіи имѣли обыкновеніе ѣсть зелень. Вѣроятно, что къ міру Славяно-Рускаго Язычества относится народная

(99) Въ Edda Saemundina. t. III: Specimen Calendarii Borealium cum seriore ac recentissimo nostratium annui spatii computo, variis cognatarum gentium festis vel ceremoniis collatum.

поговорка о чемъ либо несбыточномъ: *После дождичка въ четвергъ*. Майскій *праздникъ*, по-Тевтонски Meye-tag, былъ радостнѣйшимъ у Шведовъ, Данчанъ, Германцевъ, Англовъ: онъ отправлялся и въ Германіи и Даніи, въ извѣстное время года, съ пѣснями и хороводами вокругъ Майскаго дерева. Какъ у насъ въ Семикъ, такъ у нихъ въ етотъ Майскій праздникъ поселяне увѣнчиваютъ себя цвѣтами и носятъ въ рукахъ зеленыя древесныя вѣтви. Майскій праздникъ при Олаѣ великомъ торжественно совершался въ Швеціи самимъ Королемъ и его дворомъ, который вмѣшивался въ веселыя толпы народа. То же бывало и въ Даніи. Какъ Персіане въ новый свой годъ, при возвращеніи весны, имѣютъ обыкновеніе дарить друзей своихъ раскрашенными яицами, такъ Скандинавы и Рускіе въ продолженіи Пасхи христосуются и мѣняются красными яицами. *Первое Апрѣля* обманываютъ другъ друга не только на Руси, но и въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, гдѣ также празднуется 23 Апрѣля *Егорьевъ день* (Jörgen на Датск., Göran на Швед.), когда въ Исландіи и Финляндіи торжествуется наступленіе весны, или лѣтней поры, съ различными языческими обрядами. Св. Георгію суевѣріе жителей Скандинав-

скихъ придавало почти такія же качества и дѣла, какія Тору или Одину. Крещенные Варяги прежде вѣровали въ Славяно-Рускаго Перуна и въ Тора. Между именами Руссовъ, заключившихъ договоръ, находятся *Туръбидъ* и *Туръберн*ъ, которые повидимому соотвѣтствуютъ Скандинавскимъ Thorfrid, Thorfid и Thorbern (100). Въ Костромской губерніи доселѣ поютъ пѣсню въ честь Тура:

Ой Туръ молодецъ удалой!
Туръ изъ города большаго,
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травѣ побороться,
Ой Дидъ Ладо, побороться и пр.

Когда, по низверженіи въ Скандинавіи кумировъ Тура, одержавшаго, по народному преданію, побѣду надъ дракономъ, поставленъ былъ ликъ С. Михаила Архангела, низринувшаго сатану: суевѣріе народа спало смѣшивать лица и дѣйствія того и другаго; день Архангела (Mihiltag) празднуется, особенно въ Даніи, веселыми пиршествами, кои называются *осенними*, *жатвенными* (Höst-Gilde), а въ Борнголмѣ *Михайловскими*; изображеніе его осталось въ древнихъ храмахъ Скандинавіи.

(100) *Карамз.* И. Г. Р. I.—Также Турвуди, Турдовъ. см. Лѣтопись Нестерова по Лаврент. сп. М. 1824. 4.

Въ мірѣ Скандинавскомъ такъ же, какъ и въ Славянскомъ, есть обрядъ *изгнанія зимы и встрѣча лѣта*; въ Васильевъ вечеръ на Новый годъ тамъ дѣлаются гаданія о будущемъ, замѣчаются разныя примѣты. У Исландцевъ тогда простолюдины толпами ходятъ ночью по улицамъ съ пѣснями и крикомъ, бьютъ горшки у дверей домовъ; также наряжаются мущины женщинами, а женщины мущинами, надѣваютъ на себя разныя личины, и т. д.

При ближайшемъ сравненіи простонародныхъ Мѣсяцослововъ Скандинавскихъ, вѣроятно, откроется еще бо́льшее сходство древняго ихъ богоученія и богослуженія съ Славяно-Рускимъ. Что жъ касается до Германской Миѳологіи, то она занимаетъ средину между Цельтическою и Сѣверною. Древнѣйшее сосѣдство и смѣшеніе Славянскихъ племенъ съ Нѣмцами, которыхъ они называли и *Фрягами*, разумѣя вообще подъ симъ именемъ западныхъ Европейцевъ (101), особливо въ сѣверной и восточной Германіи, сильно подѣйствовало на языкъ тѣхъ и другихъ, въ коемъ находится множество сходныхъ словъ, выражающихъ потребности житейскія; тамъ чисто Славянскія названія

(101) Въ Потребникѣ, изд. въ Москвѣ 1639 г. въ л. сказано: о Франзѣхъ: „Логговарди и Фрянзи, иже и Германи нарицаются.“

многихъ городовъ, селеній, горъ, долинъ, рѣкъ, лѣсовъ повторились и въ сѣверо - восточной, части Россіи, куда могла переселиться Балтійская Русь съ береговъ Ельбы, Одера, Вислы. Изъ сего можно заключить, что они заимствуя одни отъ другихъ слова, заимствовали и многія повѣрья, обычаи и праздники, какъ выраженіе ихъ мѣстности, быта и духа; Русь заморская перенесла въ міръ Славянскій шуземныя преданія, поговорки и пословицы, кои у насъ обрусѣли. Какъ богоученіе, такъ и богослуженіе западныхъ Славянъ, жившихъ среди Нѣмцевъ, во многомъ было различно отъ сѣверо-восточныхъ. Когда первые отъ единобожія перешли къ многобожію; то у нихъ расплодились божества, неизвѣстныя послѣднимъ и общія съ Нѣмцами и даже сходныя съ Римскими, которые оставили тамъ слѣды свои колоніями и станами. Хотя Славяне, подобно Германцамъ, предпочтительно покланялись своимъ божествамъ на горахъ и въ священныхъ дубравахъ (Heiden), отъ коихъ и получили свое названіе язычники, такъ какъ *поганые* (pagani) отъ pagi селы, гдѣ они укрывались; однако имѣли храмы, куда стекались въ праздники на богослуженіе съ женами и дѣтьми. Столицею Славянскаго Язычества и торговли былъ *Рюгенъ*, пріютъ *Руси*, смѣшавшейся съ

Славянскими племенами (102), кои иногда выдавались за Англо-Саксовъ. Нѣкоторыя божества у ней были общія съ Поруссами, или Пруссами, напр. Перунъ, который у нихъ назывался Perkun и обожаемъ былъ вмѣстѣ съ Потримпомъ юношею и Пиколомъ старцемъ; символомъ перваго былъ огонь, другаго—змія, третьяго—мертвая голова человѣческая. Sema, или Semina, была богиня земли. Венды Люнебургскіе, долго спустя по принятіи Христіанства, приносили у священнаго дерева въ жертву пѣтуха, который у Скандинавовъ былъ символомъ огня, что̀ дало поводъ къ Датской поговоркѣ о пожарѣ: der röde Hane galer over Taget, т. е. „красный пѣтухъ поетъ на кровлѣ.“ Въ Германіи говорятъ простолюдины: den rothen Hahn aufstecken, вмѣсто: зажечь. Въ Самаріи пѣтухъ былъ символомъ бога огня (103). Какъ въ Германіи на Брокенѣ горѣ въ Вальпургіеву ночь сбирались колдуньи, такъ и въ Кіевѣ слетались на Ивановъ день вѣдьмы на Лысую гору: къ такому суевѣрному мнѣнію вѣроятно дали поводъ древнія сходбища язычниковъ, ихъ

(102) Опытъ Исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, соч. Профессора *А. Рейца*, изд. Профессора Ѳ. Морошкина, М. 1836. 8.

(103) Edda Saemundina, t. III. L. M.

жертвоприношенія и совершеніе языческихъ обрядовъ на сихъ мѣстахъ (104).

Нѣмцы и Славяне, бывшіе въ близкихъ между собою отношеніяхъ по своей мѣстности и политическому вліянію, представляютъ разительное сходство во многихъ повѣрьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и словахъ, такъ что трудно рѣшить, кто отъ кого прежде заимствовался; но вѣроятнѣе — съ чѣмъ соглашаются Клуверій и другіе — первые отъ послѣднихъ (105). Подобно Нѣмцамъ, Славяне покланялись на *горахъ* и въ *заповѣдныхъ рощахъ* и *дремучихъ лѣсахъ*, гдѣ хоронились усопшіе, благоговѣли предъ водою и огнемъ, старыми деревьями, особливо *дубами* и *липами*, подъ коими у нихъ чинился судъ и расправа (106). Большіе *камни* (Götzensteine, Altartische) въ нижней Германіи, Скандинавіи и Целтическихъ странахъ были мѣстами жертвоприношеній и судопроизводства. Вендскій богъ *вода* (Wodha), коего особенно чтили въ Ретрѣ, принимается за одно съ Нѣмецкимъ *Воданомъ* или *Одиномъ*, такъ какъ *Водяникъ* или *дѣдушка водяной* съ Wassermann,

(104) Mythologie der alten Deutschen u. Slaven, von Tkany. 2 Th. Znaim. 1827. 8.
(105) *Cluver*. Germ. ant. I. 1.
(106) Deutsche Rechtsalterthümer, von J. Grimm. Göttingen, 1828. 8.

Русалки съ Nixen, Undinen, и съ Нѣм. провинціальнымъ словомъ Rüschelchen, родъ духовъ женскаго пола, а *домовые* съ Hausmänner, Gütgen, и т. д. Разныя племена Германскія имѣли различныхъ боговъ покровителей (Schulzgötter), даже всякое сѣмейство — своего бога въ источникѣ, деревѣ и оружіи, коимъ они клялись. Другія божества, особливо у западныхъ Славянъ сходствуютъ съ древними Нѣмецкими и съ Англо-Сакскими; тоже почти можно сказать и о праздникахъ.

Какъ у Славянъ, народа земледѣльческаго, и годъ назывался *лѣтомъ*: то у Германскихъ племенъ, заимствовавшихъ земледѣліе отъ первыхъ, годы считались жатвами; на древнемъ Готическомъ языкѣ year, aar, Исландск. и Датск. aar (выгов: *оръ*) и ar, годъ, весна, лѣто, жатва, потомъ Jaar, Jahr значило собственно жатву; ибо на Вендскомъ языкѣ *лѣто* именуется *яръ*, а лѣтній плодъ *ярина*, *ярица*: отсюда и наше *яровое*. У Нѣмцевъ Mittelwinter средина зимы и Mittelsommer средина лѣта соотвѣтствовали Іолійскому празднику и Иванову дню.

Въ 742 году запрещалось законами первымъ Христіанамъ Германіи праздновать *первое Января* переодѣваніемъ мущинъ въ женскія платья, а женщинъ въ мужскія, и маскиро-

ваніемъ тѣхъ и другихъ: иогда совершался въ Европѣ извѣстный *праздникъ дураковъ* (das Narrenfeſt, festival of fools, la fête des foux) до XVI вѣка. Донынѣ даже о Святкахъ (Weihnachten) въ Германіи дѣвицы лыотъ олово и свинецъ въ воду, когда желаютъ узнать, какого ремесла будетъ у нихъ мужъ; въ полночь стучатся въ куряшникъ, съ особенными прибаутками; ежели въ ето время запоетъ пѣтухъ: то онѣ вѣрятъ, что скоро будутъ за мужемъ и т. п. (107). Многія другія суевѣрія совершались въ 12 дней сего праздника. Какъ Богоявленіе нѣкогда было праздникомъ средины зимы у Готоовъ, Германцевъ, Дапчанъ и другихъ; отъ сего и различныя названія етому дню, напр: das groſſe neue Jahr, das Bohnenfeſt, т. е. великій новый годъ, бобовый праздникъ. Сіе названіе относится къ обычаю подавать въ етотъ день большое блюдо съ однимъ бобомъ; кому бобъ достанется, тотъ и называется *Царь - бобъ* (Bohnenkönig, Roi de la fève), который вѣроятно перешелъ къ намъ подъ именемъ *Царя-гороха* (108). Въ етотъ день Датскія поселянки призываютъ трехъ Царей, (heilige drey Könige), которымъ и въ Костромской Губ.

(107) Вѣстникъ Европы, 1823, No 1, стр. 75.
(108) Edda Saemundina, t. III. Lex. Myth.

есть славленье; а въ Пруссіи въ Гумбинненскомъ округѣ, отъ Р. Х. до праздника трехъ Царей, всякой вечеръ проводятъ въ забавахъ, переходя изъ дому въ домъ, на свѣтлое Воскресенье обливаютъ водою мущины женщинъ, а женщины мущинъ, такъ какъ и въ Польшѣ и Россіи. О сходномъ обрядѣ *изгнанія зимы* (Bild des Winters) у Германскихъ Славянъ выше упомянуто нами. Дни *С. Георгія* весенняго, Христіанскаго витязя, и Св. *Михаила Архангела* (Jürgens-, или Georgienstag, Michelstag) служили сроками работъ и наймовъ, праздновались съ разными языческими обрядами въ Даніи, Швеціи и Германіи, особенно первою встрѣчею весны, или лѣтняго періода (109).

Первое Апрѣля обманывать — было древнимъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ; у Нѣмцевъ ето называлось: in den April ſchicken, а у Французовъ donner un poisson d'Avril, провести кого; отъ сего и произошла пословица: Es iſt der erſte April, da man einen jeden Narren hinſchikt, wohin man will, т. е. Первое Апрѣля всякаго дурака проводятъ, какъ хотятъ (110). *Первое Мая* (Maietag), по Тев-

(109) D. J. F. Eiſenhart's Grundſätze der deutſch. Rechte in Sprüchwörtern. 3 Aufl. Leipzig. 1823. 8.
(110) Энциклопедич. Лексиконъ, т. II.

тонски Meye или Meyge-Tag, сопровождался и въ Германіи и въ Даніи веселыми пѣснями вокругъ Майскаго дерева, березки (Maipole, Maien), которое замѣняется Семицкою березкой въ Россіи: мы выше замѣтили о сходбищѣ вѣдьмъ на Брокенѣ (Bructerus) подъ первое Мая, какъ на Лысой горѣ (Щекавицѣ) у Кіева на Ивановъ день. Въ Германіи, въ Тюрингенѣ, предъ Троицынымъ днемъ бываетъ сходный съ Рускимъ Семикомъ праздникъ вѣнковъ (das Kränzefeſt) (111); нашъ *Ивановъ день*, или *Купало*, въ существѣ своемъ одинаковъ съ Нѣмецкимъ Johannistag, или der Mittelſommer, когда зажигается *Ивановъ огонь* (Johannisfeuer). У Пруссовъ было божество весны и веселья — *Лиго*, близкій съ нашимъ Ладо. Въ честь его зажигался *подъ липою* огонь на Ивановъ день и тамъ плясали во всю ночь съ пѣснями, кои оканчивались припѣвомъ: *Лиго! Лиго!* (112).

О Троицынѣ днѣ, называемомъ цвѣтною Пасхою, и въ Германіи во многихъ провинціяхъ донынѣ употребляются Pfingſt-Maien и Pfingſt- или Maien-Tänze, т. е. Троицкія

(111) Mythologie der alten Teutſchen u. Slawen, von A. Tkany. Znaim. 2 T. 1827. 8.

(112) Prutena, od. preussische Volsklieder, von *L. Rhesa*. Königs. 1809. 12.

деревья и пляски; церкви и колокольни украшаются березками (Maien, betulae). Этотъ обычай, столь близкій съ обрядами Іудейскаго праздника кущей, многіе писатели выводятъ изъ Римскаго Язычества, почитая оный остаткомъ игръ въ честь богини *Маи*, матери проводника душъ, Меркурія, (Majuma). Въ Англіи бываютъ въ Гренвичскомъ паркѣ *Троицкія игры* (Whitsunday and holy day's stories) (113).

Извѣстное въ Россіи *бабье лѣто* соотвѣтствуетъ Нѣмецкому alter Weiber Sommer, т. е. старое женское лѣто, или Marienfäden, нити паутинъ, бывающія въ Сентябрѣ (114). Въ началѣ Ноября, когда горными Шотландцами возжигаются костры въ память усопшихъ, называемые у нихъ *огнемъ мира и покоя;* иногда Нѣмцы пекутъ родъ хлѣба или блиновъ die Seelenwecke, или Zucker-Seele, сахарная душа: этотъ день (2 Ноября) у Датчанъ извѣстенъ подъ именемъ Sialudagr, день всѣхъ душъ, соотвѣтствующій нашей осенней родительской. У древнихъ Германцевъ, по свидѣтельству Та-

(113) Die Feſte der alten Chriſten, von D. J. C. Auguſti. Leipzig. II B. 1818. 8.

(114) Die Gründung Prag's, ein hiſtor. romant. Drama, von C. Brentano. Peſt. 1815. 8. — Edda Saemundina t. III.

ища (115), трупы знаменитыхъ мужей сожигались, а надъ прахомъ ихъ насыпаемы были курганы. У Естовъ, прибрежныхъ жителей Балтійскаго моря, въ IX вѣкѣ погребеніе именитыхъ мужей сопровождалось *тризною*, которая состояла въ пиршествѣ и конскомъ ристаніи, на коемъ побѣдители по жребію получали имѣніе покойнаго (116). Праздники предъ сѣяніемъ полей и по окончаніи жатвы (Erntefeſte), у Нѣмцевъ сходны съ Рускими, у которыхъ *Авсень* одинаковъ съ Awſten, или Ausſäen посѣвъ (117). см. стр. 12. У Нѣмцевъ бездѣльный понедѣльникъ (blauer Montag) Масляницы сопровождался обжорствомъ, пьянствомъ и разными потѣхами: тогда ѣли блины (Kringeln), или оладьи, также качались на качеляхъ.

У Славянъ Рускихъ и у Нѣмецкихъ племенъ былъ *судъ Божій* (Dei judicium, examen, Gottes Gericht), или Ордаліи, кои ведутъ свое начало отъ Язычества, изъ глубокой древности, и кои столько укоренились въ вѣрованіи народа; онѣ долго терпимы были въ самомъ

(115) *Taciti* de mor. Germ. c. 27. Geſchichte der Meinungen älter. u. neuerer Völker, von J. Lindemann. Stendal, 1784. 12.

(116) *Несторъ* Рускія лѣтописи, ч. III. перев. Д. Языкова. СПБ. 1819. 8.

(117) Plattdeutſches Wörterbuch, von J. Dähnert. Stralſ. 1781. 4.

Христіанствѣ (118); употребительные у Нѣмцевъ и Славянъ Рускихъ Божіи суды были: *испытаніе огнемъ* (Feuerurtheil, judicium ignis), *водою*, (Waſſerurtheil, judicium aquae, или aquaticum Dei judicium) и *судебный поединокъ*, или *поле* (Kampfurtheil, judicium pugnae, duellum, judicium campi) (119). Первое у Рускихъ Славянъ *правда желѣзо, на желѣзо* (120), у Сербовъ mazija, или испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ употреблялось въ важнѣйшихъ дѣлахъ, а другое *(на воду)* въ менѣе важныхъ, преимущественно въ судѣ колдуновъ, чародѣевъ и воровъ, коихъ бросали въ воду, подобно какъ и кумиры отверженныхъ боговъ. Единоборствомъ, или полемъ, какъ способомъ славнѣйшимъ и благороднѣйшимъ, рѣшались тяжбы (121). Нѣмцы и Скандинавы клялись Одиномъ и Торомъ, Славяне Перуномъ, а Липовцы Перкуномъ — божествами грома; онъ держалъ въ рукѣ кусокъ желѣза, разжигаемаго при испытаніи огнемъ обвиняемыхъ. Можетъ быть, и самое слово *право* происходитъ отъ *Прове, Правно*, у

(118) Deutſche Rechtsalterthümer von J. Grimm. Göttingen, 1828. 12.

(119) Опытъ Исторіи Росс. государственныхъ и гражданскихъ законовъ, Профессора А. *Рейца*, изд. Профессора Ѳ. *Морошкина*. М. 1836. 8.

(120) *Карам.* II, Г. Р. III, прим. 248.

(121) Рускіе въ своихъ пословицахъ. М. 1831 — 34. IV ч.—Ewer's älteſtes Recht der Ruſſen. Dorp. 1824. 8.

Нѣмцевъ Probe, Prowe, или даже наоборотъ. Вагры почитали Прове богомъ права, правосудія, одинакаго съ Перуномъ (122). У древнихъ Скандинавовъ торжественное приняпіе клятвы выражалось словомъ taka, сходнымъ съ нашимъ *такъ*; очистительная присяга, или клятва называлась Lâde, на старомъ Нѣм. Leita: отсюда и глаг. *такать* и *ладить* въ значеніи присягать и клясться, на пр. въ посл: *Новгородцы такали, да Новгородъ и протакали.*

Между повѣрьями есть довольно одинаковыхъ у Нѣмцевъ и Славяноруссовъ, напр: *сглазить*, или *изурочить*, beschreien, einen böſen Blick haben; у первыхъ есть Springwurzel, такъ какъ у другихъ *разрывъ-трава*, или *спрыгъ-трава*, которая отпираетъ всѣ замки и открываетъ сокровища. Вѣра въ *волшебницъ* и *колдуней* (Hexen, Wettermacherinnen) сходна у Рускихъ Славянъ съ Нѣмцами (123), равно какъ и другія суевѣрія, кои у послѣднихъ не могла совершенно истребить и самая Реформація. Отъ Миѳологіи древне-Нѣмецкой, столь сходной во многихъ чертахъ съ Славянскою, перейдемъ къ Финнской и Липовской.

(122) D. J. F. Eiſenhart's Grundſätze der deutſchen Rechte in Sprüchwörtern. Leipzig. 1823. 8.

(123) Mythologie der alten Teutſchen u. Slaven, von U. Kany. Znaim. 2 Th. 1827. 8.

Въ началѣ Исторіи нашей Финны и Чудь суть развалины какихъ-то огромныхъ народовъ, претворившихся въ массу другихъ племенъ—Варяговъ и Славянъ: осѣпки Финнскихъ поколѣній находятся въ разныхъ Россійскихъ Губерніяхъ, особенно сѣверныхъ и восточныхъ, подъ разными названіями. Посему и самыхъ Россіянъ можно раздѣлять на Россіянъ Славенскаго и Финнскаго происхожденія, хотя при такомъ превращеніи не возможно, чтобы у нихъ не сохранились коренныя и кровныя ихъ качества въ позднѣйшихъ ихъ поколѣніяхъ (124).

Сѣверные Славяне, поселясь между Финнскими племенами и по сосѣдству съ оными, и превышая ихъ своею образованностью, болѣе сообщили имъ своихъ понятій и обычаевъ, чѣмъ сами отъ нихъ заимствовали. Послѣдніе долѣе оставались въ Язычествѣ, чѣмъ первые: у нихъ глубже укоренились древнія суевѣрія, нежели у Рускихъ Славянъ. Въ именахъ миѳологическихъ между Рускимъ и Финнскимъ почти нѣтъ сходства, кромѣ весьма малаго, напр: *Перунъ* въ Piru, родит. Pirum (125). У Финновъ также празднуется Ивановъ день, въ который ночью зажи-

(124) Несторъ Шлецеровъ, III, стр. 116.

(125) Ueber die Finniſche Sprache u. ihre Literatur, von Dr. A. J. *Sjögren*. S. Petersb. 1821. 8.

гается косперъ хворосту и сучьевъ, извѣстный подъ именемъ Kokko (126), а въ Новгородской Губерніи, гдѣ есть и селеніе *Кокуй*, называется отонъ огонь *кокуемъ*, отъ коего вѣроятно получила свое наименованіе *Кукуевой* Нѣмецкая слобода въ Москвѣ (127). Въ XVI вѣкѣ Чудь и Рускіе на Ивановъ день, 24 Іюня, собирали травы въ пустыняхъ и дубравахъ съ суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопѣляхъ и гудкахъ; молодицы и дѣвицы плясали, обнимались съ юношами, забывая стыдъ и цѣломудріе (128).

Абевега и Георги свидѣтельствуютъ, что Ижорцы, племя Финское, на Ивановъ день подъ дубомъ закалаютъ бѣлаго пѣтуха, который у Скандинавовъ былъ символомъ огня. *Колдовство, волшебство, коби* и *кудесы*, или *чудеса* господствовали между Финскими племенами и Чудинами, даже самые Новгородцы нерѣдко ходили къ Чудскимъ *кудесникамъ*, для гаданій. Сами Скандинавы почитали Фин-

(126) Lexicon linguae Finnicae, auct. G. *Renvall*. Aboae, 1823. 4.

(127) *Карамз.* И. Г. Р. XI, пр. 68. Въ Уставѣ *В.* К. Святослава Ольговича упоминается въ Обонежскомъ ряду *Кукуева горà*. см. Руск. Достопамятности, ч. I. М. 1815. 8.

(128) тамъ же, т. VII, 193.

новъ величайшими колдунами и чародѣями, а землю ихъ — страною чудесъ и превращеній. Въ средніе вѣки имя *Финнъ* тоже значило, что *колдунъ*: даже и до сихъ поръ въ Финляндіи есть колдуны (Tietyät, Noijat)(129). Какъ у Балтійскихъ Славянъ главный храмъ находился въ Ретрѣ, такъ у Финновъ въ Біарміи и посвященъ былъ Юмалѣ: въ Ретрійскомъ Пантеонѣ находились вмѣстѣ съ Славянскими и Тевтонскими Финнскія божества.

Достойно замѣчанія и изслѣдованія то, что суевѣрныя понятія почти одинаковы у всѣхъ жителей глубокаго Сѣвера: Финнскіе колдуны, Татарскіе шаманы, Гренландскіе ангекоксы сходны въ своихъ дѣйствіяхъ. У Шведовъ и Рускихъ Финны заимствовали многія повѣрья, обычаи и обряды. Они думаютъ, что въ лѣсахъ живетъ пара страшныхъ лѣшихъ — одинъ мужескаго пола Liekköner, являющійся иногда въ видѣ птицы, собаки, человѣка; другой женскаго, Ajattara, сбивающій съ дороги прохожихъ и проѣзжихъ. У Шведовъ домовой, извѣстный подъ именемъ Мага, у Финновъ называется pajnajainen, т. е. гнетущій, давящій — ходитъ въ

(129) Вѣстникъ Европы, 1828, No 13, статья И. Лагуса, Москов. Наблюдатель, 1836, Іюль: Мысли о старобытности Славянъ въ Европѣ.

видѣ бѣлой кошки или бѣлой женщины, освѣщающей собою всю комнату; какъ *постѣнь*, наваливается на спящаго и давитъ грудь его такъ, что онъ не можетъ повернуться. Въ Карелiи, недалеко отъ Выборга есть гора каменная, слывущая у Финновъ Tyrjän wuori, т. е. *гора Тура*, или *Тора*, прославляемаго въ нѣкоторыхъ Финнскихъ и Рускихъ пѣсняхъ и столь извѣстнаго въ Скандинавской Миѳологiи. Какъ на югѣ Россiи вѣдьмы слетаются на Лысую гору подъ Ивановъ день: такъ, по мнѣнiю Финновъ, въ ночь на Свѣтлое Воскресенье онѣ уносятъ собранную ими шерсть и хвосты на высокую гору, называемую по-Фински Bläkulla, или Blocksberget — острововъ, находящiйся въ Кальмарскомъ проливѣ.

Въ праздничные дни у Финновъ совершаются разные суевѣрные обряды, частiю остатки отъ временъ Католицизма, напр: въ *Егорьевъ день* (23 Апрѣля), который празднуется пѣснями, играми и попойками, въ *Екатерининъ* (25 Ноября), *всѣхъ Святыхъ*. Какъ у Велико-Россiянъ въ день Бориса и Глѣба, такъ у Финновъ въ день с. Олова (29 Iюля), не занимаются сельскими работами, чтобы не лишиться плода оныхъ. Христiанскiе праздники отправляются у Финновъ съ многими увеселенiями и играми; на Святой они пригоповляютъ прѣсныя лепешки изъ муки (mämmi), объ Рождествѣ Христовѣ въ честь грома пекутъ большой хлѣбъ, выставляемый на канунѣ сего праздника и хранимый до весенняго посѣва, во время коего онъ раздается всѣмъ домашнимъ. Рождество (Joulu) почитается величайшимъ въ году торжествомъ; на третiй день онаго (27 Декабря, память Св. Стефана) молодые мущины, ходя со двора на дворъ, спрашиваютъ: *дома ли Стефанъ?* Отвѣтомъ служитъ угощенiе пивомъ и виномъ. Въ Саволаксiи, особливо въ Карелiи и сѣверной Остроботнiи, день всѣхъ Святыхъ (Kekri, или Köyry) есть большой праздникъ жатвы, совершаемый со многими суевѣрными обрядами и пѣснями. Во вторникъ на Масляницѣ во всей Финляндiи ѣдятъ блины и другiя жирныя кушанья, катаются на саняхъ и лыжахъ по горамъ, а на Святой недѣлѣ, подобно Рускимъ, качаются на качеляхъ. Въ весенніе и лѣтніе праздники бываютъ *хороводы*, кои прежде важивали старухи.

Какъ Литовская Миѳологiя и Ерпологiя представляютъ намъ многiя черты, общiя съ Славяно-Рускими и древне-Прускими: то, преж-

де чѣмъ приступимъ къ сличенію оныхъ, скажемъ о самомъ значеніи *Литвы*. Подъ словомъ Литвы разумѣются два разныхъ племени, именно 1) Литва означаетъ Великое Княжество Литовское въ наибольшемъ его распространеніи. А какъ собственная Литва, говорящая своимъ особеннымъ языкомъ, составляла самую малую часть народонаселенія: то подъ Литвою разумѣли Россіянъ, или Русиновъ Великаго Княжества Литовскаго; 2) Литва — народъ отличнаго отъ Славянъ племени, говорящій языкомъ недовѣдомаго происхожденія и извѣстный въ Виленской Г. подъ именемъ *Жмуди*. У Польскихъ писателей Литва часто употребляется вмѣсто Литовской Руси и вмѣсто *Жмуди* или *Самогиціи*. Въ отечественныхъ лѣтописяхъ Литва называется *погапою*, вѣроятно, по приверженности оной къ поганскимъ, т. е. языческимъ, обычаямъ.

Литовская Миѳологія подвергалась сильному вліянію Римскихъ переселенцевъ, Германцевъ и Славянъ. Между великими и малыми богами и богинями оной встрѣчаются сходные съ Римскими и Греческими (130). У

(130) Dzieje starozytne narodu Litewskiego p. T. *Narbutta*, t. I. Mitologia Litewska. Wilno, 1835. 8.

Литовцевъ Perkunas, какъ у Славянъ Перунъ, почитался богомъ грома, которымъ они клялись; самое слово на Литовскомъ значило громовой ударъ. Когда гремитъ громъ; то и донынѣ Литовцы говорятъ: *Перкунъ ѣдетъ на своей колесницѣ*. У Литовскаго города Ромове стоялъ огромный вѣчнозеленый дубъ, посвященный Перкуну, предъ коимъ теплился неугасаемый огонь. Вмѣстѣ съ городомъ истребленъ и дубъ Гедеминомъ въ XIV в. Къ имени Перунъ придавалось у первыхъ Dewas, или Div, т. е. богъ см. выше Литовскій Gurko, извѣстный также подъ именемъ Ziemienikas, по мнѣнію Бандке (131), соотвѣтствовалъ Славянскому *Горовиду*, а можетъ быть, и *горкѣ*, преобразившейся въ уменьшительное отъ имени *Георгія*: Гурко былъ богомъ земнымъ урожая хлѣба. Богинею, матерью святаго огня, была у Литовцевъ Praurime, сходная съ Римскою Вестою. Ладо, какъ выше замѣтили мы на стр. 18, извѣстна была у Литовцевъ, у которыхъ, съ 25 Мая по 25 Іюня, дни посвящались сему божеству, коему приносили въ жертву бѣлыхъ пѣтуховъ, въ честь его пѣвались дѣвицами на лугахъ пѣсни съ припѣвами, какіе и въ Рускихъ

(131) Исторія Польскаго народа. С. П. 1830. 2. ч. 8.

есть пѣсняхъ: Lado, Lado, Lado, didie musu dewe, т. е. Ладо! великая наша богиня. Просполюдины величали ее *золотою Ладою*, которая, повидимому, тоже была, что у Обдорцевъ *Золотая баба*, имѣвшая храмъ свой на Оби. Мать перуновъ и молній именовалась Perkunatele, раздѣлявшая съ Перуномъ владычество на землѣ и на небѣ; въ Жмуди давалось сіе прозваніе Пресвятой Богородицѣ: Ponna Marya Perkunatele, или Perkunija. Въ Виленской Губ. 2 Февраля празднуется Пресв. Богородицѣ Маріѣ *громницъ* (Gromniczey Nayswietssey panny Maryi); во время богослуженія народъ стоитъ въ церкви со свѣчами, кои называетъ gromnicy. (132) Руская Литва въ поговоркахъ и пѣсняхъ своихъ упоминаетъ богиню Dola и Pilwis, сходную съ Римскою Fortuna и Славянскими *Дажба*, *Дажьбогъ*. Извѣстная въ сказаніяхъ и поговоркахъ Рускаго народа *мать земля* соотвѣтствуетъ Литовской Zemmes mahti, подземной богинѣ, пребывавшей въ срединѣ земли. Что у Россіянъ на югѣ Русалки, то у Литовцевъ Dukna, у Жмуди Gudelka, а на Украйнѣ *Мавки* — особенный родъ Русалокъ. Свадебный божокъ Lubleniczu и Lubicz, происходящій отъ Рускаго г.л. *любить*, есть Литовскій Гименей. Посредники между людьми и богами, похожіе на Рускихъ *домовыхъ*, у Литовцевъ были Siemi dewas, Koboli, *постень* — Ajtwaros, *злыдни* — Zlydni, кои завсегда дѣлаютъ пакости и разореніе; гдѣ они водворятся, тамъ спорынью съѣдаютъ (oni spor zjadają) (133). Подобно Славянамъ Рускимъ, Литовцы благоговѣли къ *камнямъ*, кои назывались Gamaheu, Gamaheus lapis, *горамъ* (katnar), къ священному огню, *Знічю* (134), сходно съ Индѣйцами къ *рѣкамъ священнымъ*, *святымъ озерамъ*, и изъ *деревъ*, почитаемыхъ священными: бузинѣ, дубу, липѣ, соснѣ, вербѣ, вязу, подъ коими у нихъ совершались въ извѣстные дни года особые обряды языческаго происхожденія (135).

Въ Волынской лѣтописи упоминается о крещеніи Миндовга въ XIII в., что оно было „лестиво; жря бо богомъ своимъ втайнѣ: „пръвому Нонадѣеви, Телявели и Деверикзу, „заечему богу, и Медѣину; егда же выѣхаше „на поле и выбѣжаше заецъ на поле въ лѣ-

(132) Записки Профессора И. Н. Лобойки.

(133) Dzieje storożytne narodu Litewskiego. t. I.

(134) *Naruszewicz* Hist. nar. Pol. t. I. str. 451.

(135) de la poësie Lithauniennc. v. *Catholique*, à Paris, 1826, t. I. No 3.

„сороценія (рощи), не вхожаше в ну и не „смѣяше ни розги уломиши; и мертвыхъ шѣ„леса жьжигаше (136).“ Примѣта сія о перебѣжаніи зайцемъ дороги, существовавшая у древнихъ Римлянъ, общая у Литовцевъ съ Рускими. Извѣстно, что въ Литвѣ, долго по принятіи Хрістіанской вѣры, оставались въ народѣ старыя суевѣрія, съ коими онъ не хотѣлъ разстаться, какъ бы съ наслѣдственной святыней и часто углублялся въ дремучіе лѣса совершать оныя.

Литовцы съ глубокой Древности дѣлили время на часы (валунда) денные и ночные, по 12ти въ каждой половинѣ; долгота оныхъ въ разныя времена года намъ не извѣстна. Седмицу, или недѣлю нашу они называли Septinin diem, семидневіе, начиная счетъ съ пятницы, которая была днемъ покоя, какъ наше воскресенье, и почиталась праздникомъ Перкуна. Жрецы ихъ измѣряли время по теченію свѣтилъ небесныхъ, знали зодіакъ, дѣлили годъ на мѣсяцы (Ménуо) съ одного новолунія до другаго; годы ихъ были лунные

(136) *Карамз.* И. Г. Р. ч. IV, прим. 102. — Абсвега Рускихъ суевѣрій идолопоклонническихъ, соч. М. Ч. М. 1786. 8.

и, въ сравненіи съ солнечными, имѣли болѣе 12 мѣсяцевъ. Еще считали они время девятью періодами (кругами), заимствованными отъ Скандинавовъ. Миѳологическій ихъ годъ начинался съ Апрѣля, голубинаго мѣсяца, посвященнаго Мильдѣ, богинѣ любви, оканчивался же Мартомъ (Кавасъ), который посвященъ былъ богу войны. Имена прибавочныхъ мѣсяцевъ намъ не извѣстны. Латыши вѣрнѣе сохранили память мѣсяцевъ по счисленію отъ одного новолунія до другаго, и потому ихъ мѣсяцы не совпадаютъ съ нашими календарными. Изъ празднествъ Литовскихъ, коихъ память дошла до нашихъ временъ, извѣстны слѣдующія, болѣе или менѣе сходныя съ Славяно-Рускими (137).

1. *Новомѣсячія.* Каждая первая пятница по новолуніи праздновалась болѣе другихъ.

2. *Первый день* (Swięto Wiosny) въ году торжественно праздновался въ честь богини Пергрубы, Литовской Флоры и весны: онъ приходился въ 1 день Апрѣля (по новому штилю 22го), который донынѣ празднуютъ въ южной

(137) Dzieie starożytne narodu Litewskiego, p. 7. *Narbutta.* t. I. Wilno. 1835. 8.

Литвѣ по селамъ: дѣвушки босикомъ, въ легкой одеждѣ выбѣгаютъ за село до восхода солнца и при первыхъ его лучахъ поютъ, что идутъ встрѣчать весну: такъ бываетъ и въ южной Россіи на Веснянкѣ (138). Прибѣжавъ къ концу села, возвращаются обратно скачутъ, и съ пѣснями и рукоплесканіемъ пробѣгаютъ по всему селенію; потомъ въ одномъ домѣ находятъ готовую пирушку, гдѣ собравшись молодежь, долго веселится. Стрыйковскій, очевидный свидѣтель остатковъ сего праздника языческаго, описываетъ намъ, что въ его время приносили жертвы богамъ первостепеннымъ, особливо Пергрубѣ. Нѣсколько селъ, сдѣлавъ складку хлѣбомъ на пиво и кушанье, собиралися въ одинъ обширный домъ, гдѣ Вуршайтъ (жрецъ) за кружкою пива, стоявшаго на столѣ, начиналъ молитву, начинающуюся словами: „о госпоже наша богиня Пергруба, ты прогоняешь непріятную „зиму, возвращаешь любезную весну, зеленишь „рощи и лѣса! молимъ тебя, умножай щедро „хлѣбъ нашъ посѣянный, дабы онъ росъ колосисто, а весь куколь выпопчи.“ и т. д. Послѣ молитвы, приносили жертвы одну

(138) см. въ Вѣстникѣ Европѣ, 1829, ст. Праздники, забавы и суевѣрія въ Новогрудскомъ повѣтѣ и пр.

за другою: Пергрубѣ, потомъ Перкуну, чтобы „онъ оправилъ отъ земли Литовской грады, молніи, громы, ливни, бури „и всякіи вредныя воздушныя перемѣны“, и наконецъ, ублажаютъ Свайстикса, бога свѣта, чтобы „онъ яснымъ и милостивымъ лицемъ озарялъ нивы, луга, огороды,“ и богиню Пильвиту, чтобы помогла наполнить житницы плодами.

3. Литовское *Секмине*, сходное съ Зелеными Святками, но неимѣющее никакой связи съ Христіанскимъ праздникомъ Троицынымъ и Духовымъ днемъ, явно языческое, миоическое, хотя и впадаетъ въ оный. Его праздникъ пастуховъ, которые воспоминаютъ своего божка Гонигля, Литовскаго Велеса, богиню Ладу и Солнце (139). И теперь еще сохранились остатки онаго въ нѣкоторыхъ селахъ, а прочее въ преданіяхъ. Въ его день пастушки съ пастухами, нарядясь въ праздничныя платья, съ вѣнками на головѣ, утромъ ходятъ по всему селу, отъ одного дома къ другому, гдѣ ихъ даряютъ и подчуютъ; въ полдень на пастбищѣ разводится большой огонь, вокругъ коего дѣлаютъ

(139) Prutena, oder preussische Volkslieder, von *L. Rhesa*. Koenigsb. 1809. 12.

ся пирушка; избранный старикъ изъ пастуховъ, или за неимѣніемъ его, старуха распоряжаетъ оною. Между тѣмъ играютъ на свирѣлкахъ и трубахъ, пляшутъ и поютъ, вспоминая Гонигля. Такъ пастухи коровъ поютъ: „Гонигле божекъ, паси мою коровку, паси „моего бычка, не допускай вора волка!“ Хоръ пастуховъ овецъ: „Пасу, пасу овцы; тебя, волкъ, „не боюсь; ибо солнцевласый богъ вѣрно не до„пуститъ тебя.“ Оба хора вмѣстѣ: „Ладо, „Ладо, солнце“ и пр. Громада (міръ) или волость собравшись въ одну пространную стодолу (ригу), приводили туда козла и посреди оной раскладывали огонь, а женщины замѣшивали тѣсто изъ пшеничной мукѝ. Когда все было готово: тогда жрецъ (вейдалѝота) садился на возвышенномъ мѣстѣ и, по произнесеніи рѣчи, выводилъ козла на средину и, призвавъ боговъ, возлагалъ на него руки. Потомъ поднявъ козла къ верху, какъ очистительную жертву, извѣстную у Евреевъ, пѣли св. пѣснь и наконецъ закалали его и кровью его окропляли народъ. Между тѣмъ, пока варилась пища, пекли калачи, перебрасывая черезъ огонь; начиналась пирушка, во всю ночь продолжавшаяся. Поутру рано выходили въ поле для жертвоприношенія подземнымъ богамъ, которое состояло въ зары-

ваніи въ землю костей и всѣхъ останковъ отъ сей трапезы. — По наблюденіямъ открывается, что торжество сіе съ обрядами и жертвоприношеніями, болѣе или менѣе сходными, было общимъ не токмо по всей Литвѣ, но и въ Литовской Руси (140). Въ южной Россіи, по свидѣтельству Г. Срезневскаго (141), пѣли слѣдующую пѣсню, которая изображаетъ жертвенный обрядъ, похожій на Литовскій:

За рѣкою, за быстрою, ой калѝодка!
Лѣсà стоятъ дремучіе, — —
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ —
Огни горятъ великіе —
Вокругъ огней скáмьи стоятъ —
Скамьи стоятъ дубовыя —
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы —
Добры молодцы, красны дѣвицы —
Поютъ пѣсни калѝодушки. —
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ; —
Онъ точитъ свой булатный ножъ. —
Возлѣ его козелъ стоѝтъ. —

4. Накануне С. Іоанна Предтечи, 23го Іюня (или Ивана Купала) въ Литвѣ отъ-

(140) Dzieje staroż. narodu Litew. t. I.
141) Украинскій Вѣстникъ, Апрѣль, 1817 г.

правлялся *праздникъ росы* (Rassa), по старопруски *Кекирисъ*, въ честь Ладо. Начиная отъ праздника пастуховъ до праздника росы продолжались между работами сельскими пѣсни, игры, забавы: въ ету пору и теперь Литовскіе поселяне вообще веселятся. Изъ этого, можетъ статься, лѣтописцы и заключили, что праздникъ Ладоны продолжался цѣлый мѣсяцъ; но онъ въ самомъ дѣлѣ начинался наканунѣ 24го Іюня: ета ночь собственно называлась *Роса*, которую праздновали почти всѣ сѣверные народы; ибо почитаніе богини Ладо было у нихъ общее. Праздникъ Росы на Руси извѣстенъ подъ именемъ *Купала*, въ Литвѣ *Купайла*, а въ Польшѣ — *Соботки* отъ гл. *собить*, *собина*, *приспособить*, какъ бы день, приготовляющій къ полевымъ работамъ; ибо въ теплѣйшихъ странахъ праздникъ этотъ почти сходится съ сѣнокосомъ (142). Литовцы по селамъ и городамъ празднуютъ Ивановскую ночь. Поздно вечеромъ всегда сбираются они на извѣстномъ мѣстѣ, избранномъ и освященномъ изконными обычаями: тамъ на оболоньи (полянѣ) ставятся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, танцы и разведенные огни

(142) Gry i zababony różnych stanów. p. *L. Gołębiowskiego*. w. Warschawie, 1831. 8.

продолжаются во всю ету ночь. Донынѣ въ Вильнѣ, 24 Іюня, народъ вечеромъ сходится въ лѣсъ за городъ пить, ѣсть и веселиться; ето называется у нихъ: *итти на росу*. Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣтетъ для счастливцевъ папоротъ (paproć), которой извѣстенъ во всей Бѣлостокской области, на Волынѣ. Сходбище на одномъ мѣстѣ народа называется *стадомъ* (stado), а пляска — *коркодономъ*. Въ Литовскомъ язычествѣ етотъ праздникъ имѣлъ свои религіозные обряды, до насъ не дошедшіе, кромѣ перескакиванія черезъ огонь и ношенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день почитался святымъ; тогда собирались правы для врачеванія скота, также для чарованія или колдовства: что̀ дѣлалось и на Руси. Миѳологи замѣчаютъ, что сей праздникъ, у Славянъ слывущій *Купалою*, соединяемъ былъ съ молитвами рѣкамъ и источникамъ. Вѣроятно, и Литовцы, которые святили свои воды текучія и стоячія, въ етотъ день приносили имъ жертвы, бросая ихъ въ воду. Даже, можетъ быть, названъ онъ *праздникомъ росы* въ слѣдствіе мнѣнія Древнихъ, что рѣки суть дѣти моря, родящіяся отъ испареній морскихъ, отъ коихъ бываетъ и роса. Замѣчательно, что оный пѣмъ отличенъ

отъ другихъ, что не оканчивался поминовеніемъ усопшихъ.

5. Когда солнце вступаетъ въ знакъ Льва, тогда, при началѣ жатвы, совершается у Литовцевъ праздникъ *Зажинокъ* (Papiumene). По описанію Ласицкаго, самъ хозяинъ, сжавъ первый снопокъ ржи, приносилъ его въ домъ и ставилъ въ переднемъ углу; на другой день начиналась жатва. Во время Язычества, вѣроятно, этотъ снопокъ нуженъ былъ для какихъ нибудь религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся въ домѣ. Прусскіе лѣтописцы основываютъ весь этотъ торжественный обрядъ на общемъ пирѣ всего села, гдѣ вкушали новый хлѣбъ. Нынѣ въ Литвѣ при этомъ случаѣ остались только слѣдующіе обряды: 1) жница, при самомъ началѣ жатвы, какъ скоро захватитъ и отрѣжетъ серпомъ первую горсть ржи, откладываетъ ее въ сторону; между тѣмъ работа продолжается съ особенными пѣснями, поющія жницы смѣняютъ однѣ другихъ. По окончаніи дневной работы, первая жница, украшенная цвѣтами, несетъ первенца жатвы впереди всѣхъ жницъ на барскій дворъ, гдѣ угощаютъ ее съ сотрудницами. Все время жатвы въ Литвѣ услаждается пѣніемъ и весельемъ: оно дѣлается непрерывнымъ праздничествомъ. У древнихъ этотъ праздникъ назывался Praorsiae, а у простолюдиновъ Praeacturiae, и отправляемъ былъ съ нѣкоторыми духовными обрядами. — *Толока* (Tłoka) извѣстна вездѣ въ Литвѣ, гдѣ такъ какъ и Кіевской и другихъ Губерніяхъ, на полевую работу приглашаются охотники за хорошее угощеніе, сопровождаемое пѣснями и увеселеніями.

6. *Послѣдній день жатвы*, празднуемый въ Литвѣ каждымъ земледѣльцемъ, называется Dapiumeno, коего слѣды есть въ великой, малой и бѣлой Россіи. Изъ послѣдней горсти сжатаго хлѣба жнецы сплетаютъ вѣнокъ, украшенный цвѣтами и травами. Изъ среды своей они выбираютъ молодую вѣнцательницу, и по окончаніи работы, идутъ на барскій дворъ. Избранная предшествуетъ имъ съ онымъ вѣнкомъ на головѣ: шествіе сопровождается громкимъ пѣніемъ; хозяинъ встрѣчаетъ вѣнокъ, съ хлѣбомъ и стаканомъ пива на блюдѣ, и въ горницѣ принимаетъ отъ жницы вѣнокъ, какъ Божій даръ. Въ старыя времена, кромѣ такого частнаго празднованія, у всякаго хозяина бывало общее торжество для всего селенія и жертвоприношеніе богамъ, какія описываетъ Груновій, свидѣтель оныхъ въ XVI вѣкѣ.

7. Въ Сентябрѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, когда въ Великой Россіи празднуются *Семенъ день, Семенна недѣля, бабье лѣто, Аспосовъ день; въ Литвѣ* отправлялся *великій праздникъ*, который называетъ Стрыйковскій *главнѣйшимъ*, въ честь *Земенника*. Въ сіе время приносили на жертву множество домашнихъ животныхъ самцовъ и самокъ, вѣроятно, въ честь отечественныхъ боговъ и богинь. По свидѣтельству позднѣйшихъ лѣтописцевъ и по преданію народному, на сіемъ праздникъ собирался народъ изъ всей общины въ одно мѣсто, принося каждый по достатку свою часть въ складчину. Въ обширнѣйшемъ зданіи по срединѣ накрывался столъ столешниками или скатертями; на четырехъ углахъ онаго ставили большія чаши (цебры) съ пивомъ, приносили туда связанныхъ попарно тельца и телицу, барана и овцу, козла и козу, борова и свинью, пѣтуха и курицу, гуся и гусыню и т. д. Жрецъ, прочитавши молитву надъ сими животными, начиналъ бить ихъ палкою, а присутствовавшіе добивали съ такими словами: „Сіе тебѣ, „о Земленикъ, боже нашъ, жертвуемъ и кла„немся, что въ минувшее лѣто ты насъ „сохранилъ въ здравіи, обиліи всякаго добра „и въ достаткѣ, соблюдалъ отъ огня, меча,

„моровой язвы и отъ всѣхъ враговъ.“ — Такимъ образомъ, побивъ звѣрей и птицъ безъ пролитія крови, варятъ, жарятъ мясо, приготовляя кушанья для пирушки, которая сопровождалась игрою на трубахъ. Сей праздникъ у Пруссовъ оканчивался при храмѣ Швентѣ (свяпынѣ, нынѣ *святая спкира*), гдѣ находился кумиръ бога Курко, или Сѣменника, обрядомъ сокрушенія онаго и приготовленіемъ новаго.

8. Торжественныя поминки, или Родительская въ Литвѣ извѣстна подъ именемъ *Хавтурей* (Chauturas) отъ Chau, *ховъ*, смерть: отсюда chowai хоронить, погребать: она представляла посмертные дары и подчиваніе покойниковъ. Поминки сіи *Дѣдины*, *Осенины*, (*Обіа*?) отправлялись въ Октябрѣ почти въ то же время, какъ у насъ бываетъ *Дмитріевская суббота*, въ память усопшихъ родителей, родственниковъ, друзей и благодѣтелей. У Латышей день сего благоговѣйнаго обряда назывался Deewa deenos, т. е. *Божій день*, или Welli, т. е. праздникъ богини вѣчности Веллоны; въ Древности, обряды въ честь ея напоминали будущую жизнь и трудный путь въ вѣчность. Древнѣйшій сіемъ обычай, общій съ Литовскою Русью, въ западной Руси слыветъ Dziady дѣды, нищіе, которымъ въ

ето время раздается щедрая милостыня, или по объясненію Мухлинскаго, ето торжество совершалось въ память душъ усопшихъ предковъ, которое прежде называлось *пиромъ козла*, гдѣ первенствовалъ *козляръ*, *гусляръ*, жрецъ и пѣснопѣвецъ (143). Тогда пекли лепешки, (Sikies wellonia pamixlos): ето были родъ Русскихъ блиновъ, печеныхъ на сковородѣ, на коихъ изображался знакъ *немикеліосъ*, т. е. кружокъ, а надъ нимъ подобіе креста, или ключь миѳическій (☥). Такіе блины употребляются еще при поминкахъ у Татаръ Липовскихъ подъ названіемъ *Джамы*, кои на Персидскомъ значатъ образки. Подобный праздникъ у Римлянъ извѣстенъ былъ подъ именемъ circumpotatio, круговая чаша, а у древнихъ Славянъ *стыпа*, или *страва*; на Польскомъ и донынѣ stypa значитъ похороны, a strawa харчь, кормъ. Радуница, празднуемая въ великой и бѣлой Россіи во вторникъ на Оминой недѣлѣ, въ Рязанской Г. называется *паскòй* и *навій день*: что̀ сходно съ Липовскимъ словомъ navie мертвецъ (144); ибо въ етотъ день сбираются на могилки на кладбище поминать родителей.

(143) Huslarz Польск., а Богемское Hozlar знач. чародѣй, кудесникъ: ето сходно съ происхожденіемъ Греческой *трагедіи*.

(144) Ср. *Карамз.* И. Г. Р. т. II, прим. 189.

Мѣстомъ заупокойнаго пира у Литовцевъ бываетъ или кладбище, или домъ близъ онаго. При погребеніи усопшихъ Литовцы употребляли *причитанія*, сходныя съ Рускими простонародными, напр.: „Для чего ты умеръ? „развѣ у тебя не было пищи и питья? „Для чего ты умеръ? развѣ у тебя не было „красной молодицы?“ и пр. У нихъ также въ трепины, девятины, сорочины дѣлались поминки пиршествами (145). Достойно примѣчанія, что обыкновеніе дѣлать пиршества въ честь усопшихъ, было почти общимъ у всѣхъ языческихъ племенъ, даже и у народа *Божія*, какъ видно изъ Пророка Іереміи (XVI, 6, 7) и другихъ.

9. *Ильги* (Ilgi), долгій праздникъ въ началѣ Ноября, неизвѣстный въ Россіи, продолжался двѣ недѣли; по свидѣтельству лѣтописцевъ, состоялъ изъ великихъ жертвоприношеній Перкуну, бесѣдъ, игръ (гусляровъ). Липовскій лѣтописецъ говоритъ, что Самогитяне учредили *долгій праздникъ* по такому именно случаю: когда Крыжаки (рыцари креста), овладѣвъ всею Самогиціей, вездѣ имѣли свои усадьбы и долго

(145) Сѣверный Архивъ, 1824, No 3 и 4, статья о Липов. Миѳологіи.

державъ природныхъ жителей въ неволѣ и угнѣтеніи, вывели ихъ изъ терпѣнія грабежами и насиліемъ: тогда Самогитяне, сговорившись тайно, 3 Ноября, 1281 года, вырѣзали всѣхъ своихъ утѣснителей и потомъ, пируя двѣ недѣли сряду, приносили благодарственныя жертвы богамъ, и въ воспоминаніе этого событія учредили *долгій праздникъ*.

10. На третій день послѣ предъидущаго отправлялся праздникъ *Вайжганта;* для онаго избиралась въ селеніи прекрасная, дородная и ловкая дѣвица, которая съ вѣнкомъ на головѣ, въ бѣломъ платьѣ и съ передникомъ, наполненномъ блинами и аладьями (sikies), вводилась въ сподолу, или обширное зданіе, гдѣ приготовлялось пиршество, соединенное съ особливыми обрядами. Стоя на одной ногѣ на скамьѣ, а другую нѣсколько приподнявъ, съ лицемъ, обращеннымъ къ дверямъ, она держала въ лѣвой рукѣ длинную ленту, а въ правой стаканъ пива, и произносила слѣдующія слова: „Божокъ Вайжгантосъ, уроди „намъ ленъ такой долгій, какъ я; не допу„сти, чтобы мы нагіе ходили!“ Троекратно повторивъ сіе, она сперва выпивала разомъ пиво, потомъ лила его на лѣвую сторону скамьи своей, а наконецъ бросала стаканъ на

правую сторону. Наконецъ бросала изъ фартука всѣ блины вверхъ; упавшіе направо съѣдались присутствовавшими при этомъ обрядѣ, упавшіе налѣво обращались въ собственность земли и боговъ подземныхъ, а потому и глубоко зарываемы были въ землю. Ежели сія дѣвица, родъ жрицы, не могла устоять во все продолженіе обряда на одной ногѣ, теряла равновѣсіе, или падала со скамьи: изъ сего заключали о неурожаѣ льна. За тѣмъ слѣдовали пляски вокругъ скамьи; дѣвушки взявшись за руки, скакали, припѣвая: „Возьмемъ веретены, сдѣлаемъ ку„дели, уставимъ красны! Ванджантосъ бу„детъ милостивъ до насъ; ибо *башота*, пре„краснѣйшая дѣвушка нашего села, исправно „простояла на одной ножкѣ!“

11. Въ Февралѣ м. совершается *праздникъ Рагута* попойкою. Въ опредѣленное на это время, черезъ восемь дней, народъ въ Липвѣ предавался разнымъ увеселеніямъ и пьянству въ честь сѣвернаго Бахуса, коего болванъ, или нѣчто похожее на него, возили на саняхъ, запряженныхъ пестрыми быками, изъ деревни въ деревню, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи объ Масляницѣ. Поѣздъ сопровождался масками и толпою на-

рода. У древнихъ Литвиновъ ещопъ праздникъ названъ: Kurzeemi, или Kurzumi.

12. *Коледою* (Okkaat-gimimas) у нихъ оканчивался старой годъ, который, по новому Римскому календарю, приходился почти въ половинѣ Марта, т. е. на исходѣ луны сего мѣсяца. Въ послѣдствіи времени, при перемѣнѣ календаря, сей праздникъ впадалъ уже въ 25 Декабря и отправлялся въ честь бога Оккапирмоса, съ ворожбою и загадываніемъ, примиреніемъ со врагами и приготовленіемъ себя къ жизни добродѣтельной въ новомъ году: для сего соединены были съ ещимъ празднествомъ угощенія, навѣщанія и поздравленія. Такой праздникъ извѣстенъ былъ почти всѣмъ древнимъ народамъ. У Литовцевъ на-канунѣ Коледы бывалъ *вечеръ колодокъ*, который они пускали изъ селенія въ селеніе, перескакивали черезъ оный и потомъ сжигали его съ разными странными обрядами и пѣснями. Лапыши до сихъ поръ помнятъ *Блокковой*, или *вечеръ колодокъ*, который бывалъ о Рождественскихъ Святкахъ. Въ Кіевѣ и даже во всей почти Малороссіи донынѣ женатые привязываютъ къ ногамъ холостыхъ колодку, отъ коей послѣдніе откупаются угощеніемъ и деньгами. Ещо на Масляницѣ называется: *волочить колодку*. По наблюденіямъ Нарбутта, въ окрестностяхъ Бовска, по сожженіи старой колоды, показывали новый болванъ изъ дерева, убранный лентами, который вырывали женщины и куда пряпали съ пѣснями и криками. Повидимому, ещо долженъ быть символъ возрожденія Оккапирмоса, Литовскаго Сатурна. На-канунѣ Рождества Христова былъ у нихъ родъ земледѣльческаго пиршества, на коемъ были варива изъ разныхъ хлѣбныхъ зеренъ и овощей (кромѣ бобовъ), приправленныя медомъ: ещо вариво и теперь въ Литвѣ называется *кутьею* (kucya). Въ Украйнѣ въ ещоже время приготовляется подобная кутья, или кутя, и ставится на покути, т. е. въ углу подъ образами: въ одномъ горшкѣ пшеница, въ другомъ яблоки, сливы, груша, вареныя въ меду: оба горшка ставятся въ сочевники. Въ ночь на новый годъ, по вѣрованію Литовцевъ, являлись духи; они гадаютъ о будущемъ липьемъ воска и олова, такъ какъ у насъ въ Васильевъ вечеръ. О чертяхъ, упыряхъ, вулколакахъ и оборотняхъ въ Литвѣ утвердилось вѣрованіе изъ старинныхъ преданій (146).

(146) Lud Polski jego zwyczaje, p. Ł. *Gołębiowskiego*. Warszawa. 1830. 8.

Между свадебными обрядами у Липовцевъ вечеръ передъ вѣнчаніемъ начинается обрядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *кунигованія*, который состоитъ въ томъ, что невѣста сопровождается съ пѣснями къ господскому дому, гдѣ минувъ первую дверь, бросаетъ подарокъ въ уголъ каждой комнаты. Подарки сіи состоятъ изъ шерстяныхъ поясовъ, ею окрашенныхъ, изъ платенецъ, или кусковъ холста. Нѣсколько разъ поклонясь господину въ ноги, она возвращается домой съ пѣснями въ сопровожденіи взрослаго парня, называемаго ея братомъ. Въ этомъ обрядѣ видѣнъ родъ окупа за дѣвицу, выходящую за мужъ; онъ извѣстенъ былъ во всей Европѣ подъ названіемъ: Cunagium, Panienskie, или Kunica, дѣвичье, а на Руси: *куничное, свадебная, вѣнечная куница* (147). Въ Костромской губ. доселѣ поютъ въ свадебныхъ пѣсняхъ:

А попу то куницу, куницу,
А попадьѣ то лисицу, лисицу;
А попову то сынку
Бумажечку синю.

(147) см. Собраніе Госуд. грамотъ, ч. 1. стр. 411. „А мировая куница и свадебное имати по шести грошей, а со вдовы имати по томужъ, которая пойдетъ за мужъ.“

Славяне въ танцахъ своихъ вѣрно имѣли что нибудь торжественное и религіозное. Когда собиралось *стадо Господне*: тогда съ дѣвичей горы сходили будущія невѣсты рыцарей, пригожіе молодцы, замужніе и женатые, старики и дѣти, хлопая въ ладоши и крича *Ладо Ладо!* среди танцевъ и пѣсенъ шли къ городищу, гдѣ приносились жертвы и совершались обряды (148). Какъ въ Сѣверовосточной Россіи вожденіе танцовъ или тонкóвъ именуется *короводомъ* (см. стр. 68): такъ Русь и Литва танцы свои прозываютъ *короходомъ* (korohod), говоритъ Гвагнинъ, вѣрно *скороходомъ*, при коемъ хлопаютъ въ ладоши и поютъ *Ладо*. — Собошки представляютъ тоже древніе танцы, а слѣды спада Господняго (stado boże) едва уже нашелъ Ходаковскій.

Литва почитается гнѣздомъ повѣрьевъ Славяно-Рускаго Язычества; нынѣшняя Самогиція носила имя *Святой земли*. При сличеніи же Миѳологіи и Еортологіи Липовцевъ съ Славянскими, открывается, что онѣ ближе къ Римскимъ и Греческимъ, чѣмъ Славянскія и что онѣ мало имѣли связи съ Польскими миѳами и праздниками, исклю-

(148) Длугошъ говоритъ, что въ Духовъ и Троицынъ день еще на его памяти народъ именно въ Литвѣ

чая тѣ обряды, кои были общими почти всѣмъ языческимъ народамъ (149). Въ чемъ же сходствуютъ божества, повѣрья и обряды Славянорускіе съ Индѣйскими, Греко-Римскими, въ томъ и Литовскіе съ ними почти тождественны, напр: вѣчный огонь, благоговѣніе къ водамъ, превращенія, прорицанія, колдовства, жертвы и даже самыя названія боговъ и духовъ.

Какъ о Язычествѣ Россіянъ и Чеховъ, такъ равно и Поляковъ въ IX и X вѣкахъ, дошло до насъ мало свѣдѣній, какія сохранились у Длугоша, М. Меховскаго и Бѣльскаго; но свѣдѣнія сіи, замѣчаетъ Бандтке (150), такъ перепутаны съ Римскими мнѣніями, что трудно отдѣлить одни отъ другихъ; ибо, сіи историки нерѣдко называли Польскія и Славянскія божества именами Греческихъ и Римскихъ. Кромѣ господствовавшей мы-

---

и Руси подъ симъ именемъ проводилъ идолопоклонническія игрища. — Dzieje star. narodu Litewskiego. p. *T. Narbutta*. t. I. Wilno. 1835. 8.

(149) Исторія Государства Польскаго, соч. *Г. С. Бандтке*. т. I. СПБ. 1830. 8. Библіотека для чтенія, 1835, т. XIII, стр. 25, *Свитригайло*.

(150) Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. *Бандтке*, перев. съ Польск. т. I. Спиб. 1830. 8.

сли о единомъ Творцѣ неба и земли, приводимыя Длугошемъ и его послѣдователями божества встрѣчаются сходныя съ божествами народовъ, сплеменныхъ Полякамъ, на пр: *Перунъ* (piorun громъ), *Бѣлый и Черный богъ*, *Даждьбогъ*, или *Дашуба*, *Чуръ*, богъ предѣловъ, *Коляда*, *Купало*, *Ладо*, или *Лада*, *Хорсъ*, или *Корша*, одинъ изъ Кіевскихъ боговъ, также *Макошь*, или *Мокошь*, *Волосъ*, *Прове*, или *Прово*, *Стриба*, или *Стрибогъ*, *Посвистъ*, или *Похвистъ* и пр. Въ преданіяхъ, сказкахъ, поговоркахъ и пѣсняхъ у Поляковъ и Рускихъ упоминаются *Кикиморы*, *Дубыни*, *Горыни*, *Полканы*, *Волоты*, *Кащеи*. *Русалки* въ Польшѣ называются по Нѣмецки и Свитезю, то *Нѣмняками*, то *Свитезянками*, см. стр. 12. Мѣховита замѣчаетъ, что какъ въ Россіи припѣваютъ *Лада, Лада*: такъ Мазуры восклицаютъ *Дана Дана, Дада Дада*. Гданинъ говоритъ, что Поляки развеселясь, восклицали: Lelum polelum, сходное съ Рускимъ: *Ай люли люли!* Отъ этого и поговорка: Lelum polelum, swistum poświstum. Леля и Позвиста Войцицкій почитаетъ за языческія божества въ Польшѣ.

Длугошъ утверждаетъ, что божества сіи имѣли капища и требища; вѣроятно что онѣ, такъ какъ велось у Славянъ, чти-

мы были въ заповѣдныхъ дубравахъ и на холмахъ, гдѣ совершались торжественные обряды и праздники, на кои, по свидѣтельству Длугоша, въ опредѣленные дни сходились мущины и женщины съ дѣтьми для принесенія жертвъ и исполненія обѣтовъ. Въ честь божествъ учреждались игры, сопровождаемыя соблазнительными пѣснями, плясками, скачками и рукоплесканіями, о коихъ упоминаютъ и домашніе наши писатели. „Остатки сихъ игрищъ и обычаевъ „у Поляковъ — продолжаетъ Длугошъ — „существуютъ донынѣ и по истеченіи „нѣсколькихъ вѣковъ ихъ Христіанства; такъ на прим: ежегодно въ дни Пятидесятницы повторяется игрище древнихъ языческихъ суевѣрій, которое называется у нихъ *Стадомъ* (Stado); ибо народъ раздѣлясь на толпы, празднуетъ попойками, крикомъ и неистовыми плясками.“ *Стадо* его сходно съ нашею *Тюльпою* или *толпою* (turba?), какая бываетъ на Семицкой, или Троицкой недѣлѣ (151).

Праздникъ смерти зимы и возобновленія весны (Umorzona zima) сопровождается въ

(151) *Ioannis Długossii* Historiae Polonicae libri XII. ed. *Gabrielis Grodeckii*. Lipsiae. 1711. f.

Великой Польшѣ и Силезіи тѣмъ, что топятъ въ водѣ *Маржану*, убравши чучело въ видѣ женщины. Этотъ обрядъ совершается въ Мартѣ мѣсяцѣ, о коемъ и пословица гласитъ, что Miesiąc Marzec zwykł starych straszyć *marami*, т. е. мѣсяцъ Мартъ привыкъ *морочить* (стращать марами, мечтами) старыхъ. Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, извѣстно Márcowe piwo, *Мартовское пиво*, которое варится къ этому празднеству. Нарушевичъ говоритъ, что Маржана, или Марана у Поляковъ, Силезцовъ, Лузатиновъ, Сорабовъ, и даже Семиградцевъ, имѣла божескія почести, какъ богиня смерти; ибо и въ Индіи *Марана* значитъ смерть (152). Мартынъ Бѣльскій въ Хроникѣ своей говоритъ слѣдующее о происхожденіи сего торжественнаго обычая: „Мѣшко слѣпорожденный, послѣ отца своего изъ„бранъ на царство. У него было семь любовницъ, отъ коихъ не имѣлъ дѣтей: что и „печалило его; и потому уговаривали его нѣкоторые христіане, чтобы онъ крестился, если хочетъ имѣть потомковъ. Онъ „послалъ къ Чехамъ за дочерью Короля

(152) Въ Малороссіи ругаются: *Мара свитова*, т. е. Ека ты сашана! разумѣя душегубнаго злаго духа.

„Болеслава, что убилъ брата Вацлава, име-
„немъ Домбровку. Король Чешскій на ето
„согласился съ тѣмъ, если приметъ св.
„крещеніе. Мѣшко принялъ ето условіе и
„крестился въ лѣто отъ Р. Х. 965 въ
„Гнѣзнѣ: тамъ назвали его *Мечиславомъ* отъ
„*славы* доброй, а прежде именовался *Мѣшко*
„отъ *замышательства* въ Государствѣ и отъ
„того, что родился слѣпымъ. Онъ приказалъ
„богатымъ и бѣднымъ креститься 7 Марта,
„ввергши въ огонь деревянныхъ болвановъ и
„побросавъ въ воду каменныхъ. Отъ того и
„нынѣ еще тотъ обычай въ Великой Польшѣ
„и Силезіи, что седьмаго Марта, топятъ
„Маржану, нарядивъ ее женщиною, и вышед-
„ши изъ деревни, припѣваютъ: „*Смерть вьется*
„*по заборамъ, щца хлопотъ.*“ Ибо не задолго
„предъ тѣмъ они почитали планеты, *Погоду*,
„*Погвизда, Гелу, Ладу, Дзьвану*, т. е. Діану,
„Маржану и многихъ другихъ.“ Въ продолже-
ніи Хроники М. Бѣльскаго, изданномъ его сы-
номъ Іоакимомъ въ 1597 г., подтверждается
ето слѣдующимъ свидѣтельствомъ: „Поляки,
„принявъ Христіанство, перебили изображенія
„болвановъ, въ коихъ почитали чертей за бо-
„говъ, вездѣ по городамъ и деревнямъ, а другихъ
„сожгли: также уничтожили всѣ языческія
„мольбища, назначивъ для сего извѣстный день,

„т. е. седьмое Марта. Таковые болваны ви-
„дѣлъ Мѣховита позолоченные въ церкви С.
„Троицы въ Краковѣ, гдѣ они долго валялись
„на землѣ. Во время того же Мѣшка, въ Кра-
„ковѣ надъ Вислою, гдѣ нынѣ женскій мона-
„стырь Св. Агнешки, было Греческое капи-
„ще, изъ коего также Мѣшко повелѣлъ вы-
„бросить черповскіе болваны и на мѣсто
„оныхъ поставить изваянія страстей Христо-
„выхъ. На моей еще памяти, велся у насъ
„по деревнямъ тотъ обычай, что въ бѣлую
„недѣлю послѣ поста топили болвановъ, сдѣ-
„лавъ изъ снопа или конопли подобіе чело-
„вѣка и нарядивъ его въ одежду, провожали
„до озера или лужи, куда бросали его, снявъ
„одежду съ жалобными припѣвами.“ Етотъ
обычай, существующій въ Славянскихъ зем-
ляхъ, совершается и въ Саратовской Г.,
гдѣ при *провожаніи весны* дѣлаютъ также
соломенное чучело, наряженное въ кумачный
сарафанъ и убранное цвѣтами, съ чуплюкомъ
(кокошникомъ) на головѣ, съ ожерельемъ на
шеѣ; наканунѣ Петрова дни носятъ оное
по всему селенію, потомъ раздѣвъ, бро-
саютъ въ рѣку.

Первые дни Мая у Поляковъ (Maj, majówki), такъ какъ и Славянъ, посвящались ве-

селости и гулянью. Голембовскій говоритъ, будто у древнихъ Поляковъ была богиня *Мая*, покровительница сего мѣсяца, которую прославляли въ пѣсняхъ и плясках. Она сходствуетъ съ Финскимъ Ма земля; самъ Туръ или Торъ, по свидѣтельству Сагъ Исланд., былъ сынъ земли (Maja) (153), обновляющейся въ Маѣ мѣсяцѣ, который находится въ созвѣздіи Тура (Тельца). Въ Литвѣ, 1го Мая, на лугу прежде вкапывали дерево, украшенное разноцвѣтными лоскупками, и вокругъ его плясали въ зеленыхъ вѣнкахъ, припѣвая:

Kolo toho da zielonoho kusta
Posijano soczyweczku z husta,
Kto tuju soczyweczku porwe,
To tuju dzieweczku za muż wozme.

Какъ въ Литвѣ и Россіи, Великой и Малой, такъ и въ Польшѣ празднуется почти съ одинакими обрядами *Ивановская ночь*, или *Купала* (Kupalna noc), въ послѣдней подъ названіемъ Sobótki (154), а у Волоховъ и Италіанцевъ подъ именемъ Sabatina: зажигаемые на горахъ сего имени огни въ етотъ день могли имъ сообщить сіе названіе. „Какъ у насъ на „канунѣ Иванова дня женщины зажигали огни, „также плясали вокругъ ихъ, пѣли, воздавая поклоненіе діаволу (говоритъ Маршинъ, „писатель XVI вѣка): такъ и донынѣ въ „Польшѣ не оставляютъ сего обычая, принося „жертвы изъ чернобыльника (bielicy, artemisia), „который вѣшаютъ по домамъ и опоясываются имъ, отправляютъ Собопки, зажигая „огни, кои добываются треніемъ дерева объ „дерево“ (155). Въ день Святаго Ивана у Поляковъ сельскіе жители имѣютъ обыкновеніе опоясываться чернобыльникомъ и цѣлую ночь возлѣ огня прыгать, говоритъ *Голембовскій*. Краковскія Собопки праздновались на Кремонкахъ и звѣринцѣ, Варшавскія на берегу Вислы и на островѣ, нынѣ называемомъ *Саксонскимъ*; въ цѣломъ краю зажигали Собопку, на площадяхъ и близъ лѣсовъ: вездѣ можно было видѣть по домамъ цвѣты и травы, говоритъ въ своемъ путешествіи по Польшѣ *Огіеръ* 1635 въ 3 томѣ Памятниковъ Нѣмцевича. Ивановскій огонь назывался Krèsz.

(153) *Maia* также мать Меркурія.

(154) Гора есть въ 5 мил. отъ Врацлава Sobotka Соботка, описываемая Кохановскимъ; отправлялась въ воеводствѣ Сендомирскомъ; гора Zobten есть по Нѣмецкому произношенію названіе города и горы въ Силезіи, и по Польски, Соботка.

(155) Marcin Urzędow herbarz czyli zielnin. 1595. f.

Янъ Кохановскій въ изданныхъ имъ 1639 г. пѣсняхъ Свято-Собопскихъ такъ изображаетъ епопъ обрядъ: „Когда солнце согрѣваетъ „рака, а соловей болѣе не поетъ: Суботка, „какъ было встарь, запалена въ Черномъ „лѣсѣ. Такъ намъ передали матери, сами „также занявъ опъ другихъ, чтобъ на день „С. Іоанна завсегда горѣла Суботка.“ Епа Суботка зажигалась или на лугу, или при лѣсѣ.

Бабье лѣто (Babie lato) извѣстно у Поляковъ, которые подъ симъ именемъ разумѣютъ ясную, продолжительную осеннюю погоду. Линде объясняетъ ето lato swięto-Marcińskie: можетъ спашься, потому, что осень продолжается до 11 Ноября, до Marcina Biskupa. Народъ празднуетъ етотъ день; въ Вильнѣ во всякомъ домѣ жарятъ для служителей гуся, который называется *Мартынскимъ*. Канунъ новаго года (Wilia nowego roku, kolenda) сопровождался угощеніями, поздравленіями и наблюденіемъ примѣтъ: что и донынѣ продолжается (156). Какъ у насъ на Новый годъ въ Васильевъ вечеръ, такъ во всей Польшѣ въ Андреевъ день (30 Ноября) дѣвушки

(156) Вѣстникъ Европы 1826, No 3 и 4.

тайно гадаютъ о будущей судьбѣ своей литьемъ воска и олова въ воду и капышками хлѣба.

У Поляковъ и Русиновъ въ Древности совершался праздникъ Kolęda, ko Lado, коего обряды съ нѣкоторыми перемѣнами донынѣ повторяются. Во время Коледы, въ Польшѣ гадали и игрывали Нѣмецкія комедіи. Въ Прусской Польшѣ, въ Гумбингенскомъ округѣ, опъ Рождества Христова по Богоявленіе съ дѣвицами съ цѣлой деревни сбираются въ одну какую нибудь избу забавляться разными играми и плясками до самаго пѣнія пѣпуха. Какъ *Юрьевъ день весенній*, такъ и *Михайловъ осенній* бываютъ въ Литвѣ и Польшѣ предѣлами сроковъ и сдѣлокъ; съ нихъ начинаются и оканчиваются ими хозяйственныя условія.

Въ праздникъ *трехъ Царей* (trzech królów), о коемъ мы выше упоминали, въ Литвѣ и даже въ нѣкоторой части Польши наряжаются въ маски и ѣздятъ одинъ къ другому въ гости. Масляница, у Поляковъ Zapusty, бывала временемъ забавъ и веселостей, кои состояли въ маскированіи и наряженіи въ разные образы, пляскахъ, пѣніи, въ катаньѣ и пиршествахъ. Въ Россіенскомъ повѣтѣ Виленской г. привязываютъ чучело, похожее на человѣка, къ колесу, съ коимъ оно вертится. Что бываетъ, какъ

увидимъ, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Великой Россіи. Запустные дни были въ великомъ уваженіи у старобытныхъ Поляковъ (157).

Какъ на Рождество Христово, Новый годъ, на Свѣтлый праздникъ, въ Троицынъ и Духовъ дни, такъ особенно отъ масличнаго четверика до пепельной середы первой недѣли Великаго поста бывали въ Польшѣ по разнымъ домамъ пляски и пированья, кои оканчивались въ четвергокъ *полосканьемъ* рта, какъ у Русскихъ просполодиновъ чистымъ понедѣльникомъ.

При похоронахъ у Славянъ Польскихъ отправляемы были тризны съ пиршествами, кои извѣстны и въ Россіи подъ именемъ *Тризны*, а у западныхъ Славянъ—*Стравы:* strawa значитъ на Польскомъ кушанье, приготовленное на огнѣ; отсюда trawić ogniem, сожигать огнемъ. Длугошъ свидѣтельствуетъ, что подобныя тризны и пиры языческіе при похоронахъ отмѣнены были владѣтельными Князьями. Надъ прахомъ усопшихъ насыпались могилы, называемыя въ Россіи *курганами;* оныя насыпи въ Великой Польшѣ, въ землѣ

(157) Gry i zabawy rożnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach. p. L. *Gołębiowskiego.* Warschawa, 1831. 8.

Добрѣнской, въ Куявахъ и въ землѣ Хельминской въ Пруссіи извѣстны подъ именемъ *жалей*, а въ Новгородской г. подъ именемъ *жальниковъ*.

При сравненіи свадебныхъ обрядовъ, именинныхъ и родинныхъ пировъ, игръ и забавъ Польскаго народа съ Рускими, найдется много сходнаго, общаго или заимствованнаго однимъ у другаго. Не останавливаясь на этихъ предметахъ, о коихъ подробно пишетъ Голембовскій въ приведенныхъ нами сочиненіяхъ, пойдемъ далѣе. О древнемъ обычаѣ Славянъ, вѣроятно, языческомъ свидѣтельствуетъ поговорка у Поляковъ Jak kamén w wodę, сходная съ Русскою: *Какъ камень въ воду* — которая означала вѣчное забвеніе гнѣва и оскорбленія. Этотъ обрядъ совершался при заключеніи мира съ врагами (158).

Съ водвореніемъ Католичества въ Польшѣ водворились и распространились въ ней разныя сценическія представленія и обряды, смежные съ Римскимъ Язычествомъ, кои допустила къ себѣ Римско-Католическая цер-

(158) *Вѣстникъ Европы*, 1827, No 16 ст. „о происхожденіи нѣкоторыхъ пословицъ Польскихъ.“

ковъ. Оно вытѣснило многіе древніе Польскіе обычаи, такъ что въ нихъ осталось мало *народности*, хотя Мазуры и твердятъ объ оной. Безпрерывныя сношенія Россіи съ Поляками и владычество ихъ въ югозападной части оной запечатлѣли слѣды свои въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и языкѣ Рускаго народа.

Ближайшее и точнѣйшее сравненіе Миѳологіи и Еортологіи Славянъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ съ вѣрованіями и праздненствами Славянъ Рускихъ могло бы открыть: что̀ у тѣхъ и другихъ сохранилось общаго, характеристическаго и въ чемъ именно они различались по мѣстности, духу своему и образу жизни на Западѣ и Югѣ. Но какъ не у всѣхъ народовъ Славянскаго племени описана съ точностію и полнотою Миѳологія и Еортологія и не всѣ существующіе источники у насъ подъ руками: то мы и ограничимся здѣсь нѣкоторыми только извѣстными, болѣе общими чертами, а другія присоединимъ къ частнымъ описаніямъ праздниковъ народныхъ (159). Такъ называемая Славянская Миѳо-

(159) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Kany. Znaim. 2 T. 1827. in 8.

логія и Еортологія не можетъ ограничиться одними Рускими, но должна быть изслѣдована у всѣхъ прочихъ народовъ Славянскаго племени, живущихъ около Вислы къ Западу до Эльбы и Везера, а къ Югу до Адріатическаго моря; ибо у нихъ болѣе осталось древнихъ памятниковъ Язычества; а миѳы и обряды ихъ служатъ къ дополненію и исполкованію первыхъ.

Ни у какихъ народовъ, замѣчаетъ Тунманнъ, не было столько мѣстныхъ боговъ; сколько у Славянъ, которые издревле слыли набожнѣйшими (160). Какъ сами Славяне являются въ мірѣ политическомъ подъ разными именами: такъ нерѣдко одни и тѣ же божества у нихъ носятъ различныя наименованія, отъ коихъ размножилось число оныхъ у позднѣйшихъ Миѳографовъ. Гельмольдъ, Кромеръ, Длугошъ, Мартинъ Бѣльскій и другіе, слѣдуя обычаю Грековъ и Римлянъ, сравнивали истинныя и мнимыя божества Славянъ съ Римскими и Греческими, и наоборотъ, сіи послѣдніе объясняли Славянскими. Въ Словарѣ Лашино-Чешскомъ, Соломона, IX вѣка, отысканномъ Ганкою въ Пражской библіотекѣ, находимъ слѣдующія объясненія миѳологическихъ именъ: Лѣто Siva, Ваалъ bel

(160) *Helmoldi* Chronica Slavorum. l. I. 2 — 10.

boh, Діана Dewana, Дріады Poludnice, Латона Letnice, Марсъ Zuatovit, Панъ Veless, Пенаты Screti, Пикъ сынъ Сатурновъ Ztracec Sitivratow zin, Сатурнъ Sytivrat, Сирена Lichoplesi, Тифоны Sani, Венера Lada, Церера Siva, Юпитеръ Perun, Меркурій Radigost wnukk Kirtow, Прозерпина Poritata и т. д. (161). Цесарь и Тацитъ также объясняли именами Римскими Германскія. Хотя миѳографы и историки причисляютъ большую часть приведенныхъ здѣсь божествъ и духовъ къ Миѳологіи Славянъ Рускихъ; но оныя болѣе принадлежатъ къ Задунайскимъ и Закарпатскимъ Славянамъ, которые имѣли свои вѣрованія и свою систему Миѳологіи. Рюгенъ и Ретра были столицами богоученія, богослуженія и торговли Славянъ (162); изъ сихъ разсадниковъ Язычества могли распространяться повѣрья и на Югъ и на Сѣверо-востокъ. Какъ въ единоплеменныхъ и соплеменныхъ народахъ господствуетъ одинъ общій духъ, не смотря на случайныя уклоненія: то и у Славянъ, говорившихъ нарѣчіями одного слóва, могли

(161) Москов. Вѣстникъ, 1828, No 2.

(162) Wyklad čili přjmětky a Wyswětlitwky kn Sláwy Dceře. od *I. Kollára*. w Pesti. 1882. 8.

быть общія, коренныя и взаимно сходныя понятія. Византіецъ Прокопій говоритъ объ Иллирійскихъ Славянахъ, что „они признавали Творца молніи за единаго Бога.“ Вѣроятно, что Славяне на Одерѣ смѣшавшись съ тамошними Нѣмцами, упрапили чистое познаніе о единствѣ Бога, покланялись ему подъ видомъ многообразныхъ и многочастныхъ предметовъ и явленій природы. *Перунъ* былъ общимъ божествомъ у племенъ Славянскихъ. У Люнеѳбургскихъ Вендовъ и день Юпитера громовержца, четвергъ (dies Iovis), назывался peren dan, т. е. Перуновъ день. На Виндійскомъ нарѣчіи растѣніе Perúnica знач. iris Germanica. Perunova dubrava и Cerneborg находятся въ Сербіи; въ Далмаціи есть лѣсъ Pirun Dabrava (163). Тунманнъ и Славянскаго Прона почитаетъ за одно съ Перуномъ (164). По мнѣнію Карпато-Россовъ, (165) Перунъ владычествуетъ надъ *весняками*, *осенянками*, *зимнянками* и *упырями*. Славянскій Панъ *Велесъ*, *Волосъ*, о сходствѣ коего съ Скандинавскимъ

(163) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I, примѣч. 185, 203.

(164) Ученыя Записки И. М. У. 1835. No IV: о Руской Правдѣ.

(165) Въ Жупанствахъ (Графствахъ) Венгр. Мараморошскомъ, Угочьскомъ, Берегскомъ и Унгварскомъ.

Vali-ass выше замѣчено, былъ божествомъ общимъ, особенно у Славянъ, занимавшихся скотоводствомъ. *Ладо* воспѣвалась и донынѣ воспѣвается не только у Русскихъ, но и у Сербовъ, Болгаръ, Словаковъ, Славонцевъ, Хорватовъ (166). У южныхъ Славянъ вспоминается Ладо въ слѣд. пѣснѣ:

Лели Иве шерга роже,
Теби Ладо свепи боже,
Ладо, слушай насъ Ладо!
Пѣвкѣ Ладо пева моши
Сердце паша вскланямоши,
Ладо, слушай насъ, Ладо! (167)

У Алдербургцевъ (Старогородцевъ) главнымъ божествомъ былъ *Проне*, у Полабовъ богиня *Сива*, у Обдрицовъ *Радигастъ*, коимъ праздновали въ извѣстные дни года съ великимъ торжествомъ. Въ Моравіи есть гора Radgost, а Proyo гора на Ругенѣ. Покровителемъ зем-

(166) Въ Болгаріи также въ разныхъ пѣсняхъ есть припѣвъ:

Ой Ладо, Ладо;
Моиче Ладо, т. е. дѣвица Ладо.

(167) *Ditmar Merseb.* str. 181; Est urbs in pago Riedererum Riedigost nomine, in eadem est fanum de ligno artificiose compositum. Huius parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae.

ли Ругенской былъ Свѣтовидъ (Zwantewitz), которому въ Ругенѣ покланялись подъ именемъ *Бѣлаго* и *Чернаго бога* (Belbog, Zernebog), по свидѣтельству П. Шпёкмана. Ему воздвигнутъ былъ великолѣпный храмъ, коему Балтійскіе Славяне платили десятину (168). Какъ въ Ругенскомъ, такъ и въ Шпешинскомъ храмѣ были вѣщатели и совершались гаданія (169). У Западныхъ Славянъ въ особенномъ почтеніи былъ *Кродо* (*отъ краду?*), игравшій роль Меркурія, которому покланялись на горахъ, особливо на Брокенѣ, подъ видомъ старца, державшаго въ одной рукѣ колесо, а въ другой сосудъ съ цвѣтами и плодами: отсюда преданіе о чествованіи діавола на сей горѣ, особливо въ первомайскую ночь. Въ Помераніи на островѣ Волинѣ (Юлинѣ) главнымъ покровительствующимъ божествомъ почитался *Триглавъ*, получившій названіе отъ владычества своего надъ воздухомъ, водою и землею, или отъ трехъ пристаней острова: его признаютъ за одно съ *Свѣтовидомъ*. см. стр. 18.

(168) Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Законовъ, соч. А. *Рейца*, перев. Ѳ. Морошкина. Москва. 1836. 8.

(169) A. *Krantzii* Saxonia. Francof. 1621. in f.

О существованіи *Триглава* напоминаютъ остатки города Trojeglava въ Славоніи и гора Treglau въ Краинѣ. Голову отъ кумира Триглава С. Оттонъ изъ Шпеепина послалъ въ Римъ къ Папѣ Гонорію. — Что̀ у Карпато-Россовъ *Русалки*, то у Виндійцевъ и Сербовъ *Вилы*, кои, по ихъ мнѣнію, живутъ на горахъ и на прибережныхъ скалахъ, изображаются молодыми, въ бѣломъ платьѣ, съ долгими распущенными по плечамъ и по груди волосами изъ осоки. У древнихъ Чеховъ Morusi туже ролю играли, что у Римлянъ incubi. Булгары вѣрятъ, что *Варколаки*, или *Полтеники* могутъ входить въ домы и вредить. Мы выше замѣтили, что поклоненіе источникамъ и старымъ дуплистымъ деревьямъ, особливо дубамъ, было общимъ не только у Славянскихъ, но и у Германскихъ племенъ (170). Наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Русскіе Славяне *клали требы* озерамъ, рѣкамъ и кладезямъ. см. спр. 23. Изъ пѣсенъ и обычаевъ на Руси видно, что *у воды* дѣлались гаданія, какъ напр. въ Семикъ; въ одной старой пѣснѣ, какую поютъ въ Подольской Г. подъ Межибожьемъ, замужняя жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ криницу (ручей), который дѣлаетъ имъ отвѣты,

(170) *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 212. 214.

какъ оракулъ. Въ рукописномъ житіи XVI в. Князя Константина Муромскаго сказано, что Русскіе язычники „отъ очныя немощи умыва„лись въ кладезяхъ и бросали въ нихъ сребряники“; что и донынѣ дѣлаютъ на святыхъ колодезяхъ, ключахъ, родникахъ, озерахъ. Подобныя обыкновенія встрѣчаются у Сербовъ. Въ упомянутомъ житіи пишется, что ду„плинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣ„шивающе, и симъ покланяющеся.“

Хопя Длугошъ приписываетъ фетишизмъ только Пруссамъ и Литвѣ языческой; однако оный, по мнѣнію Бандтке, господствовалъ въ томъ или другомъ племени Славянъ. *Гроды*, *гродки*, *огродки*, *городища*, *лысыя*, *красныя* (чермныя, червонныя), *поклонныя горы* и *рощи*, *дубравы заповѣдныя*, какъ-то: Swaty bor близъ Салы въ Мерзебургѣ и Branibor въ Брандебургѣ, были мѣстами священными, гдѣ совершались жертвоприношенія и другіе обряды въ честь боговъ, умилостивительные или благодарственные, обѣтные, обычные или чрезвычайные (171).

Время опредѣленное и неопредѣленное у Славянъ называлось *годомъ*, *рокомъ*, *лѣтомъ*: у Вин-

(171) *M. Frenzelii* dissertationes historicae de idolis Slavorum. Vitebergae. 1688. 4. — Lauſitziſche Merkwürdigkeiten von Sam. Groſſer. Leipz. 1714. 2 t. f.

дійцевъ и Чеховъ *годъ* (Hod) то же значитъ, что prásdnik, svétik. Собственно годъ дѣлился у однихъ племенъ на двѣ половины: *лѣто* и *зиму* (см. стр. 45); у другихъ на три или на четыре, и на XII мѣсяцевъ, кои имѣли особенныя названія, различныя по мѣстности; по нимъ считались *праздники весенніе, лѣтніе, осенніе* и *зимніе*, распредѣлялись работы, сроки и отдыхи. Какъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ, такъ равно у Предкарпатскихъ Славянъ, т. е. Поляковъ, Русскихъ и Малороссіянъ, одни и тѣже древніе народные праздники нерѣдко впадаютъ въ различныя времена года по различію мѣстности и климата, бываютъ то позже, то раньше другихъ, носятъ на себѣ по этому различныя названія, сопровождаясь особенными обрядами. Мѣстные праздники, произшекши отъ свойствъ мѣстности, духа и вѣрованія жителей, извѣстны только отдѣльнымъ племенамъ Славянскимъ.

Коледа и *Купало*, какъ выше замѣчено нами, составляли два главныя празднества въ году, къ коимъ примыкаютъ другія. Въ Силезіи и Богеміи Рождественскія Святки называются Vonoce, Wánoce и Январь Vonocnik; у Румыновъ *Кречуномъ;* у Карпато-Россовъ канунъ Рождества Христова извѣстенъ подъ именемъ *Кречунь-вечеръ*,

а въ Венгріи Karátson. Въ Рускихъ лѣтописяхъ и Рождественскій постъ именованъ *Корочуномъ* (172) отъ *короткихъ* дней, по мнѣнію Карамзина. Въ Валахіи и Болгаріи родившійся 25 Декабря обыкновенно называется *Крачунъ* (173). *Корочуновъ камень* упоминается въ началѣ Воскресенской Лѣтописи. Въ Шелонской пятинѣ упоминается въ XVII вѣкѣ *Карачунщкій* погостъ. У Карпато-Россовъ *Карачунъ* (Хорсъ?) причисляется къ языческимъ божествамъ. Руская поговорка *дать Корочунъ* тоже имѣетъ значеніе, что *къ Ляду*, т. е. погубить. — Чехи подъ именемъ *Коледы* разумѣютъ бываемое у нихъ около праздника трехъ Царей благословеніе домовъ: отсюда Kóledowat, благословляютъ домы. У Виндійцевъ Koléda нѣкогда было божество празднествъ, или нѣкоторые религіозные обряды; а теперь только крестьянскіе мальчишки ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями и плясками: это называется у нихъ kolédovati (174). Описанное Константиномъ Багрянороднымъ празднество, или

(172) *Новгор. Лѣтоп. л.* 1143. „Стояла вся осенина „дождева отъ Госпожина до Корочуна."

(173) Библіогр. листы. *П. И. Кеппена*, 1825. No 12. въ 4.

(174) Slovénsko-Némshki in Némshko-Slovénsky Kózhni Besédnik. sloshil A. I. *Murko*. v Grádzi. 1833. 2 t. 8.

игрище, о коемъ выше сказано, подъ именемъ *τὸ Γοτθικὸν*, бывшее на девятый день Рождества Христова, при вечерней трапезѣ Императора, принадлежитъ къ Славянской Еортологіи; ибо подъ именемъ Готоовъ Византійцы разумѣли иногда народы Славянскаго племени, и оно сходствуетъ съ Коледованьемъ и Святочными играми. см. выше. На стр. 52 мы привели изъ Кранпца бывшіе, при Болеславѣ Храбромъ и Генрихѣ II, въ нижней Саксоніи хороводы и пѣсни безчинныя въ навечеріе Рождества Хр. на погостѣ С. Магна, сходныя съ описаніемъ въ Споглавѣ празднованія навечерія Р. Х. и въ Никон. Лѣтоп. подъ 1068 г. Когда за сіе безчиніе и буйство прокляты были Гальберштадскіе жители священникомъ: „тогда они, пишетъ Кранпцъ, безпрестанно кружась, вертѣлись (girabantur *жировали?*) день и ночь.“ Богемскій Историкъ Дубравій свидѣтельствуетъ, что Чешскій Князь Брячиславъ (Бретиславъ II), по вступленіи своемъ на престолъ, 1093 г., немедленно изгналъ всѣхъ колдуновъ, предсказателей и оборотней изъ своихъ владѣній; уничтожилъ всѣ суевѣрные обряды и злоупотребленія, кои еще оспавались отъ временъ Язычества; наконецъ повелѣлъ Пражскому Епископу такъ распорядиться, чтобы каждый

священникъ въ праздникъ Рождества Христова посѣщалъ своихъ прихожанъ съ св. крестомъ и св. мощами, давая знать Правительству о тѣхъ, которые не станутъ лобзать сію святыню. Набожный обычай сей, говоритъ Дубравій, сохранился до нашихъ временъ въ Богеміи, гдѣ слываетъ *Коледою*. Сіе сходно съ Малороссійскою *Колядкою* и *Колядованьемъ* (175). — Зеленыя Святки, или Духовъ день, у Словенцевъ и Чеховъ называются Turice отъ Тура, въ честь коего онѣ праздновались, у Словаковъ Letnice, а у Чеховъ Swatodusné Swatki. Карпато-Россы именуютъ Купало *Русальемъ*, которое празднуется болѣе въ рощахъ. Тотъ же Чешскій Князь Брячиславъ II велѣлъ вырубить всѣ заповѣдныя дубравы, въ кои Чехи собирались по старому обычаю совершать языческіе обряды. Купало, или Ивановъ день подъ собственнымъ, или подъ другими именами, извѣстенъ во всемъ Славянскомъ мірѣ. Сербы говорятъ доселѣ, что *Иванъ дан* столь великій праздникъ въ году, что на оный и солнце при-крапы отъ страха останавливается на небѣ (176).

---

(175) Вѣстникъ Европы, 1827, No 21, стр. 75.

(176) Сриски рѣчникъ *Вука Стефановича*. Вѣна, 1818, въ 8. *Bernolák* Lexicon Slavicum, VI t. Budac. 1827—27. въ 8.

Купальскіе огни, зажигаемые въ Иванову ночь на Карпатахъ, Судетахъ и Корконосныхъ, между Силезіею и Чехами, представляютъ великолѣпное и торжественное зрѣлище на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

У Чеховъ первый день Марта называется Letnice, вѣроятно отъ *Летницы*, Славянской Лапоны, или Лепы (Letho), Ženske Letňičky — нашъ древній *пролетній мѣсяцъ*. Въ Мартѣ праздникъ заморенной зимы и возобновляющейся весны, или изгнанія зимы и встрѣчи лѣта; извѣстный у южныхъ Шведовъ и Готѳовъ (177), повторяется въ Силезіи и Богеміи; гдѣ Магана значитъ весну. Виндійцы именуютъ дни Пасхи: Letnizchki Svétki, а Свѣтлое Воскресенье — Létnize. Въ Богеміи поютъ тогда:

Giż nesm smret ze wsy;
Nové léto do wsi.

(177) По переводу Исторіографа: „Уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь. Здравствуй, любезная весна и зелень!“ Вѣрнѣе здѣсь: обиліе зеленое. *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 232.

Wjtey léto libezné,
Obiljćko zelene (178).

Семенъ день и *Бабье лѣто* (Babj léto, Paucˇu) извѣстны у Чеховъ и Сербовъ; у первыхъ Рождество Богородицы называется Semenná Panna Maria, у другихъ *Бабины дни* значитъ спѣтъ, идущій въ Мартѣ мѣсяцъ. У Карпатской Руси названіе *Бабинъ морозъ* основывается на сказаніи, что Марота, Марта, заморозилъ (окаменилъ) на Полонинѣ (Альпѣ) чародѣйку бабу. Намекъ на происхожденіе каменныхъ бабъ на Карпатскихъ Альпахъ.

Въ *Юрьевъ день* (праздникъ Св. Георгія) у Сербовъ рано поутру; до солнечнаго восхода начинаютъ купаться. Этотъ день Спасителемъ Маріи Терезіи (Urbarium, 1791) крестьянину назначенъ срокомъ для перехода отъ одного господина къ другому; какъ бывало на Руси до XVII в., а день С. Михаила — срокомъ для предварительнаго съ обѣихъ сторонъ объявленія (179). Сербы; Илли-

(178) Historia de gentibus septentrionalibus, auth. *Olao magno*, Gotho. Antverpiae. 1608. 12.

(179) Путешествіе отъ Трieста до С.-Петербурга. изд. *В. Броневскаго*, 2 ч. Москва. 1828. 8.

рійцы, Далматы и Черногорцы въ епіопь день поюпъ молебенъ на колодцахъ, и, окропивъ скопъ св. водою, гонятъ его вербою въ поле, шакъ какъ бываепъ въ Россіи (180). У Карпашской Руси въ Берегскомъ, Угочьскомъ и Унгварскомъ Жупанствахъ въ Венгріи выгоняепся скопъ въ ночь Юрьева дни на самой зарѣ, съ коего, по ихъ мнѣнію, прекращаепся власть вѣдьмъ надъ рогашымъ скопомъ. Опъ Юрьева до Дмипріева дни, полгода, срокъ у Булгаръ, Сербовъ и Турковъ. Въ Булгаріи, въ дни С. *Георгія*, С. *Параскевы* и С. *Архангела Михаила* приносящъ симъ свяпымъ въ жерпву агица, коему къ рогамъ прилѣпивъ по свѣчкѣ и окуривъ его ладапомъ, рѣжупъ его надъ сосудомъ шакъ, чпобы ни капли крови не попало на землю; кровью епой крепообразно мажупъ дѣшей на лбу, щекахъ и бородѣ; пошомъ зажаривъ его, съ молипвою съѣдаюпъ, а коспи зарываюпъ въ землю. Тоже самое дѣлаепся съ нѣкоторыми перемѣнами въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ.

(180) Сѣверн. Архивъ, 1825, No 14, стр. 114, No 15, стр. 221.

По собраніи хлѣба, у Славянъ языческихъ было главное пюржесшво. Въ Арконѣ, первосвященникъ выметя наканунѣ праздника свяпилище храма, въ самый день пюржесшва взявъ изъ руки у Свяповидова кумира рогъ, смопрѣлъ, полонъ ли онъ виномъ, и по епому предсказывалъ будущій урожай хлѣба, и пр. д. Другіе Славяне праздновали собраніе хлѣба обреченіемъ пѣпуха въ даръ богамъ и обливаніемъ скопа пивомъ, освященнымъ для предохраненія спадъ опъ болѣзней. Въ Богеміи славился *Майскій праздникъ источниковъ*. Въ Вагріи дни народнаго суда были порою общаго веселія: пюгда спарѣйшины, подъ сѣнію священныхъ дубовъ, въ присупспвіи бога Прове, рѣшали судьбу согражданъ (181).

У Западныхъ Славянъ погребальные обряды весьма сходны съ Римскими, въ коихъ проявлялось глубокое благоговѣніе къ усопшимъ и вмѣспѣ нравспвенное чувспво, какъ испочники оныхъ. Сербская Zadusnice соопвѣпспвуепъ нашей Родипельской и Радуницѣ: у Виндійцевъ поминки называюпся Zádusní Obed. Слово Strawa вспрѣ-

(181) *Карамз.* II. Г. Р. I. стр. 100. — Pommerische Kirchenchronik, d. D. *Cramerum.* zu alt. Stettin. 1603. 4.

чается во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; на Чешскомъ Stráwa значитъ: пища, трапа, напутствіе. У Карпато-Россовъ во всѣхъ Русскихъ Графствахъ Венгріи *стравою* называется кушанье на заупокойномъ пиру или поминкахъ (*парастасъ* отъ *παράσασις*). Strawa, по словамъ Іорнанда, состояла въ великолѣпномъ надгробномъ пиршествѣ, на коемъ плачъ и сѣтованіе смѣшивались съ веселіемъ: Карлъ Аквинскій производитъ Strawa, или Sdrawa, отъ Иллирійскаго слова sdrav, отсюда sdraviza, то же что здравіе (182). Что-жъ касается до *Тризны*, то слово сіе происходитъ, какъ и выше замѣчено на стр. 27, отъ *терзанія*, какое бывало у Евреевъ и Грековъ (183), или отъ гл. *τρίζω* шумлю, крушусь, близкаго съ Чешскимъ Tryzeň прудъ, жалость. Она состояла у сѣверныхъ Славянъ въ плачѣ надъ гробомъ, въ насыпаніи земли надъ могилою и въ питьѣ меда. Менкенъ изображаетъ *Тризну* Нѣмцевъ сходною съ Тризною Славянъ: „по „совершеніи погребенія въ лѣсахъ и поляхъ, „они по языческому обычаю, дѣлали сценическія представленія на распутіяхъ и пере„кресткахъ для упокоенія душъ усопшихъ, на„дѣвъ на себя разныя личины, играли и по„пѣшались.“ О тризнѣ въ XVI вѣкѣ упоминается въ Споглавѣ, изъ коего выше приведено нами свидѣтельство. И такъ, по дѣйствію *Тризну* можно производить отъ *терзанія*, по времени отъ *трехдневнаго* празднованія, а по мѣсту самому сходствуетъ она съ trivium распутіемъ, на коемъ и у Римлянъ совершались религіозные обряды (184). Какъ нѣкоторыя племена Славянскія сжигали своихъ усопшихъ, по обычаю Индѣйцевъ, Римлянъ и Скандинавовъ: то, вѣроятно, у нихъ слова *Тризна*, *Тризнище* ведутъ свое начало отъ *Знича*, представителя огня, обоготворенной у нихъ стихіи, все очищающей и *царствующей* надъ стихіями; посему слова *три-Знича* составляютъ и *Тризну* и *Тризнище*. Священный же огонь, на пр. *купальской*, такъ вѣроятно и *тризнищный*, добывался *треніемъ* дерева объ дерево. Такое созвучіе въ вѣтвяхъ корня *Тризна*, выражающаго сходныя идеи, роднитъ народы, у коихъ существовали сіе слово и сіемъ обрядъ въ разныхъ видахъ: то сжиганія усопшихъ, то

(182) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. Halae. 1784. t. I—VI. 8.

(183) Archaeologia biblica, red. a *I. Iahn*. ed. 2. Viennae. 1814. 8.

(184) *Mencken* S. Rer. Germ. t. I. p. 2074. ср. *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 232, 236.

въ борьбахъ на могилахъ, но въ попойкахъ, но въ сценическихъ представленіяхъ и играхъ въ память усопшихъ. *Тризнище* и *Тризна* по знаменованію своему тождественны съ *игрищемъ*, съ Греческими *Ἀγῶνες*, съ Римскими certamina, по изъясненію Лексикона Памвы Берынды: „борбище, мѣсто, гдѣ бываютъ поединки, воіованіе.“ Такой же смыслъ имѣетъ слово сіе въ Славянской Библіи (185). —

У Сербовъ существуетъ *отмица*, или похищеніе дѣвицъ; о подобномъ обычаѣ на Руси Несторъ говоритъ слѣдующее: Радимичи, Вятичи и Сѣверяне „схожахуся на игрищи, „и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кто „съвѣщаваше.“ (186).

Въ пѣсни Чешской *Забой, Славой и Людов* (Извѣст. Росс. Акад. 1820,) упоминается объ *укладах* (вкладах) на города, кои составляли духовный сборъ или дань, *божничье*, собиравшееся и въ Новгородѣ Князьями, подобно восточной десятинѣ у Славенъ въ Щепинѣ (Шпешпинѣ) на Одрѣ, добычамъ храмовъ въ Арконѣ у Ранювцевъ, въ Радогощѣ у Сырбовъ; нами поютъ, по свидѣтельству Ходаковскаго:

(185) *Макк.* II, 18: Бывши же пятолѣтнему *Тризнищу* въ Тирѣ и пр. — *Hase* Griech. Alterth. 1818. I.

(186) Лѣтопись Несторова, по Лаврентьевскому списку. Москва. 1824, въ 4.

И дашь покормъ боговомъ,
И намо боговомъ спасамъ,
Дашь множество обѣти:
Ай имъ глашашь милыхъ словъ
И имъ оружье побитыхъ враговъ.

Наши хороводы, называемые по Славянски *колами*, т. е. кругами, въ употребленіи у Морлаковъ и Далматовъ (187): такія точно пляски изображены рѣзьбою на гробницахъ въ Захлумской землѣ (въ Герцеговинѣ). Въ Богеміи, между прочими играми, встрѣчается совершенно сходная съ нашими *Жмурками* Z`múrka, Zmúrki, или slepa Baba; отсюда и выраженіе: Na slepu Babu (na Zmúrki,) sa hrat, играть въ Жмурки, пряпаться въ игрѣ. Изъ сравненія старинныхъ пѣсенъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянъ съ Рускими можно вывести общія имъ коренныя идеи, подъ разнообразнымъ покроемъ. Въ свадебныхъ обрядахъ и жнитейскихъ праздникахъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянъ проявляются слѣды Язычества, во многомъ сходные съ Рускими, кромѣ различій, произшедшихъ отъ мѣстности,

(187) Podróże w Krajach Sławiańskich odbywane w Latach 1802 i 3 roku przez X. S. (Сапѣга). Warschawa, 1811. въ 8.

духа ихъ и вліянія сосѣдственныхъ, разноплеменныхъ съ ними народовъ. Съ ихъ вѣрованіями и нравами соединено было гостепріимство, какъ отличительная черта, проведенная въ ихъ характерѣ патріархальными временами. У нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, какъ-то у Морлаковъ, дружба между особами того и другаго пола освящается вѣрою и обычаемъ подъ именемъ *побратимовъ* и *посестримъ*. Кровавое право мести у Морлаковъ произвело пословицу: *Ко се не освети, онъ се не посвети*, т. е. кто за себя не отмстишъ, тотъ не посвятится (188).

Издревле Славяне, живши среди Германскихъ племенъ, и тогда превышая ихъ своею многочисленностью, мѣнялись съ ними повѣрьями и понятіями. Не смотря на политическія отношенія тѣхъ и другихъ, первые дѣйствовали на послѣднихъ большинствомъ голосовъ. Нерѣдко случалось, что миѳы Славянскіе, подобно словамъ, обнѣмечивались, такъ что божества и суевѣрія, слывущія у Западныхъ писателей *Нѣмецкими*, собственно Славянскія. Аделунгъ въ Исторіи

(188) Соревнователь просвѣщенія и благотворенія. Спб. 1816. No 10.

Нѣмецкаго языка говоритъ, что Славяне въ Мейсенѣ и вообще въ Саксоніи смѣшались и превратились въ Нѣмцевъ, сообщивъ языку сихъ послѣднихъ нѣкоторыя свóйства и словà своего языка. Такъ вѣроятно Финнскія племена превратились въ Рускія или Норманскія.

Какъ на Югѣ и Западѣ у Славянъ болѣе, чѣмъ на Сѣверѣ и Востокѣ развилась гражданственность, прозябла жизнь народная, а съ нею вѣрованія и преданія: то тамъ полнѣе образовалось богоученіе, многочисленнѣе и торжественнѣе совершаемы были священные обряды, праздники религіозные и житейскіе и игрища: зодчество, ваяніе и живопись содѣйствовали къ распространенію идей Славянскаго Язычества, коего памятники, найденные въ Ретрѣ, Шверинѣ, Ней-Стерлицѣ, Штетинѣ, Волинѣ, Ругенѣ (188), Мекленбургѣ, доселѣ сохраняются. Народныя вѣрованія, находясь въ тѣсной связи съ жизнью гражданскою и домашнею, проникнули бытъ и бытіе народа, такъ что Христіанское ученіе долго не могло истребить пер-

(188) Библіогр. листы П. И. *Кеппена*. Спб. 1825. 4.

(189) *L. A. Gebhard's* Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staten, Halle. 1790. 97. 4 B. 4.

выя. Поморяне въ XII вѣкѣ изъявляли желаніе покланяться старымъ божкамъ своимъ и І. Христу; Чехи (894—967), принявъ вѣру Христіанскую, покушались обратиться къ Язычеству (190). На Сѣверѣ у Рускихъ Славянъ скуднѣе была природа и жизнь народная, скуднѣе Миѳологія и Ерѳологія, чѣмъ на Югѣ, такъ что не извѣстны были храмы и капища, замѣняемые сѣнью дубравъ заповѣдныхъ и темянемъ горъ поклонныхъ. Немногіе отечественные боги перенесены съ пепелищъ переселенцами на новыя мѣста, гдѣ они могли смѣшаться съ пуземными старожилами, или отъ нихъ заимствовать цвѣты свои.

Три стихійныя имена Руси отъ огня, земли и воды: *красной*, *черной* и *бѣлой*, повидимому, соотвѣтствуютъ *Перуну*, *Черно-богу* и *Бѣлъ-богу*. Древніе Руссы, замѣчаетъ Еверсъ, въ географическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ обыкновенно называли первобытное *бѣлымъ*, а измѣнившееся, производное — *чернымъ*, первымъ также свободное, другимъ рабское. Въ этой трехъцвѣтной Руси донынѣ остались болѣе или менѣе

(190) Исторія Рускаго народа, *Н. Полеваго*, М. т. I, 1829. 8.

замѣтные слѣды Славянскаго Язычества въ обрядахъ и обычаяхъ, въ праздникахъ и суевѣріяхъ, въ простонародныхъ пѣсняхъ и пословицахъ (191); самыя названія урочищъ, рѣкъ и лѣсовъ, травъ и цвѣтовъ и тѣлъ небесныхъ напоминаютъ о древнихъ миѳахъ и символахъ.

Идея *о красномъ*, *русомъ*, *чермномъ* есть господствующая въ Славяно-Рускомъ мірѣ, гдѣ многіе предметы чувственные и отвлеченные отличены симъ цвѣтомъ народнымъ. *Червенная* или *красная Русь*, или какъ жители оной называютъ, *твердая Русь*, содержитъ въ себѣ Русаковъ отъ Вислы на Востокъ до Синяго (Чернаго) моря; красивая по своему мѣстоположенію, она была однимъ изъ главныхъ разсадниковъ Славянорускаго богоученія и богослуженія, откуда онѣ распространились на Западъ и на Востокъ Россіи, которая владѣла еще въ X вѣкѣ Червенскими городами, когда В. К. Владиміръ собралъ седмерицу боговъ въ Кіевѣ, сосредоточившемъ подъ однимъ владѣніемъ съ Галичемъ. Хотя она переходила изъ рукъ въ руки отъ Рускихъ къ Венграмъ и отъ нихъ къ Полякамъ, а отъ сихъ послѣднихъ

(191) Предварительныя критическія изслѣдованія *І. Еверса* для Росс. Исторіи. М. кн. I. 1825. 8.

къ Нѣмцамъ; однако доселѣ сохранила свою самобытность въ языкѣ, обычаяхъ и повѣрьяхъ. Въ Галиціи почти тѣ же миѳы, что и въ Малороссіи. Вѣроятно и *Перунъ*, символъ огня, происходящій отъ Чешскаго слова Pírenì, краснота, багръ, цвѣтъ огня, перенесенъ вмѣстѣ съ Ладою и Русалками (192) изъ Червенной Руси на Днѣпръ и Волховъ, такъ равно оттуда перешло на Сѣверо-востокъ Россіи повѣрье и названіе *красныхъ*, *червонныхъ* и *лысыхъ горокъ*; въ Богеміи извѣстны въ городкѣ Берунскѣ Krásnà hora, въ Венгріи мѣстечко и городъ Krásna horká (Schönberg). Подъ именемъ *жалей* находятся въ Галиціи, Лодомиріи и Венгріи *жальники*, кои почитаются за языческія кладбища. Въ Номоканонѣ, изданномъ во Львовѣ, 1646 г., въ 4, приводятся въ первый разъ *Купало* и *Русалки*. Миѳы о *Волколакахъ* и *Оборотняхъ* во всемъ сходны съ преданіями жителей Литвы и Волыни.

Черная Русь, между Припетью, Пиною и Сырпью, состоя изъ воеводства Новогрудскаго и повѣтовъ Минскаго воеводства Мозырскаго и

(192) Отъ *Ладо* произошли многія названія мѣстъ: *Ладога*, *Ладомирія* и ш. д. У Чеховъ Pekna Lada прекрасная дѣвица.

Рѣчицкаго, по смежности своей съ Червонною, представляетъ многіе миѳы, обычаи и повѣрья, сходныя съ Краснорускими и Волынскими. Въ божествахъ Язычества заключаются идеи внѣшней и внутренней жизни жителей той и другой стороны, ихъ мѣстности, и климата, обильнаго черными лѣсами и топкими болотами. Тамъ *Купало*, или *Купайло*, и *Коледа* (Риздво) воспѣваются въ пѣсняхъ, сопровождаясь первое — раскладываніемъ въ полѣ огня и плясками ночными, а другая — пѣснями и гаданіями: колядники тамъ именуются *Лалымниками*. *Въ Новый годъ* (Новый рокъ), такъ какъ въ Малороссіи, дѣти ходятъ по домамъ поздравляютъ господъ и обсыпаютъ ихъ зернами пшеницы и *жита*, особливо *горохомъ*. Игрище называется *стадомъ*, какъ въ Литвѣ и Польшѣ; *Купало*, игра, извѣстна на Украйнѣ, Подоліи и Волынѣ: тамъ въ Ивановъ день, по захожденіи солнца, сбираются дѣвицы въ одно мѣсто съ вербою, убранною цвѣтами, которую втыкаютъ въ землю. Около этого дерева, слывущаго у нихъ *Купайло*, онѣ ходятъ, схватясь руку за руку и поютъ жалобныя пѣсни въ честь Купайла. Послѣ нѣкотораго времени, холостые, стоящіе въ сторонѣ, бросаются, уносятъ и разрываютъ вербу, защищаемую дѣвицами, и

шѣмъ оканчивается етотъ обрядъ. Въ Подольской г. около Межибожья поселяне на играхъ въ день Пасхи поютъ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подъ Брестомъ Литовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ* (193). Въ Минской г. въ округѣ мѣстечка Юрьевичи дѣвицы пляшутъ на игрищахъ во всю Свѣтлую недѣлю танецъ *Метелицу* и *Завѣйницу*. *Въ Юрьевъ день*, или такъ называемая *обыдная*, въ Минской г. святятъ хлѣбъ: тамъ же *Борисо-Глѣбскій* праздникъ извѣстенъ подъ именемъ *Паликопа*, сожигающаго хлѣбъ въ полѣ у тѣхъ, кто работаетъ въ етотъ день, соотвѣтствующій Малороссійскому *Палеѣ*, или С. Пантелеймону. *Проводами* у нихъ называется вся недѣля послѣ Свѣтлаго Воскресенія, которую они проводятъ въ пьянствѣ, подобно Запустамъ (194). Въ Черной Руси, на Волынѣ и Подолѣ празднуется день основанія церквей (*празники*) угощеніемъ посѣтителей изъ сосѣднихъ деревень, и разными весельями. Каждая церковь, однажды въ годъ, для своего праздника варитъ медъ съ пряными кореньями, продаваемый отъ нея поселянамъ.

(193) Сѣверн. Архивъ, 1824, No 3 и 4.

(194) Записки Профессора И. Н. *Лобойки*.

Въ Черной и Бѣлой Руси, совершаются *меньшіе* и *большіе Осенины*, или *Дѣды*, къ коимъ присоединить должно *Прикладины*, или окладываніе могилокъ дерномъ, которое сопровождается служеніемъ паннихидъ, попойкою, гуляньемъ и музыкою. Изъ земледѣльческихъ праздниковъ также извѣстны, какъ и въ Литвѣ, *Дожинки*, кои отправляются во всякой деревнѣ по окончаніи жатвы жита и пшеницы, а послѣ посѣва, *Досѣвки*; при етомъ случаѣ господинъ угощаетъ крестьянъ своихъ, которые проводятъ цѣлую ночь въ пѣніи и пляскѣ.

Въ свадебныхъ, родильныхъ, именинныхъ и похоронныхъ обрядахъ видны еще слѣды Язычества и кореннаго суевѣрія, кои сроднились съ ихъ бытомъ.

Бѣлая Русь, состоявшая изъ воеводствъ Минскаго, Полоцкаго, Мстиславскаго, Витебскаго и Смоленскаго, представляетъ множество повѣрій и обычаевъ, похожихъ на Литовскія и Польскія, коихъ она была проводникомъ въ Великую Россію. Тамъ многія урочища напоминаютъ своими именами Славяно-Рускія божества (195) и обряды

(195) на пр: *Піоруново* въ Полоцкомъ повѣтѣ при озерѣ Щешилнемъ.

Язычества, какіе проявляются въ народныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ и сказаніяхъ, въ коихъ выразился неизгладимыми чертами древній бытъ народный съ его коренными идеями. Какъ вѣрованіе и языкъ служатъ единственною связью между единоплеменными народами, такъ равно и сходныя проявленія того и другаго въ праздникахъ религіозныхъ и жизненскихъ служатъ доказательствами единства ихъ происхожденія.

Въ Бѣло-Руссіи встрѣчаются многіе одинаковые съ Малороссійскими и Великороссійскими праздники и обычаи народные, кромѣ особенныхъ, на коихъ отпечатались мѣстность, климатъ и духъ туземцевъ (196). Хотя народъ Бѣлорускій имѣетъ глубокое уваженіе къ св. Вѣрѣ; однако въ немъ господствуютъ мнѣнія миѳологическія: онъ вѣритъ *Русалкамъ*, *Хлѣвникамъ*, или домовымъ, *Волколакамъ*, или оборотнямъ (197), присут-

(196) Сѣверн. Архивъ, 1822, No 24.

(197) О подобныхъ превращеніяхъ въ *Потребникѣ мірскомъ*, М. 1630 г. пишется: „И есть же ина злая волхвованія, яже в велицѣй Россіи, ово убо звѣрски рыкати творятъ, яко же медвѣдь и волкъ, і инъ скотски всяко и птическими гласы и песьими мучится“ и пр.

ствію злыхъ духовъ на мѣльницахъ, въ баняхъ и пустыхъ жилищахъ. *Купало*, извѣстное во всей Южной Россіи до самыхъ горъ Карпатскихъ и рѣки Сана, повторяется также въ Бѣлорусіи и на Западѣ къ Райгороду на предѣлахъ Пруссіи (198).

Годовые церковные праздники, въ Бѣлой Руси, какъ-то: Рождество Христа и Богоматери, Пасха, или *Великъ день*, Троицынъ день, Успеніе Богоматери, С. Іоанна Предтечи (24 Іюня), Бориса и Глѣба и пр., сопровождаются такимижъ почти обрядами и играми у просполюдиновъ, какіе найдемъ въ Великой и Малой Россіи. Праздникъ Срѣтенія Господня въ Бѣлоруссіи называется *Громницею*, Успеніе Богоматери — *большею Пречистою*, Рождество Богородицы — *малою Пречистою*, или первое — *Госпожею*, второе — *Госпожкою*, С. Борисъ и Глѣбъ — *Паликопомъ*. см. стр. 95. День, предшествующій Рождеству Хр., слыветъ *Коледою*, которая есть *Васильева*, или *богатая*, наканунѣ Новаго года, и *крещенская*, или *постная*, на канунѣ Богоявленія.

(198) Исторія Малой Россіи *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*, ч. 2. Москва. 1830. 8.

У простаго народа праздникъ Рождества Христова починается первымъ изъ годовыхъ; съ него онъ ведетъ начало года въ разныхъ условіяхъ. О Святой недѣлѣ поютъ такъ называемыя *великоденныя пѣсни* съ музыкою, ходя по домамъ ночью подъ окнами ватагами, кои именуются *Волочебниками*, а предводитель ихъ, или запѣвало — *Починальникомъ*. Они первую пѣснь обращаютъ къ хозяину и хозяйкѣ, прославляя благоразумное ихъ домостроительство, обиліе и благодать Божію, упоминаютъ, что *Святой Юрій запасаетъ ихъ коровъ, Святый Николай коней, Св. Илія зажинаетъ жнивo, Пречистая Мать засѣваетъ, а Покровъ собираетъ* и т. д. Послѣ всякой строфы припѣваютъ *Христосъ воскресе!* Въ Бѣлоруссіи, такъ какъ и въ Болгаріи, зарываютъ въ землю на поляхъ кости ягненка, освященнаго на Пасху, въ той вѣрѣ, что онѣ предохраняютъ засѣянный хлѣбъ отъ града. Послѣ *проводной недѣли*, во вторникъ на кладбищѣ совершается *Радуница*, сопровождаемая *причитаньемъ*, пиршествомъ и катаньемъ яицъ на могилкахъ, на кои иногда дѣлаются возліянія виномъ и водкою изъ рюмокъ. *Юрьевъ день* весенній въ Бѣлоруссіи есть праздникъ пастуховъ, которые выгоняютъ скотъ верьбою *на Юрьеву росу*; а *Николин ъдень* весенній праздникъ

конюховъ, которые тогда вечеромъ ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь гуляютъ. Послѣднимъ весеннимъ праздникомъ починается *Троицынъ день*, въ который жители украшаютъ свои домы *Маемъ*, а пастушки вѣнки на рога у коровъ. На сей недѣлѣ, слывущей тамъ *Разгарою*, завиваютъ вѣнки съ пѣснею:

Русалочки, земляночки,
На дубъ лезли, кору грызли,
Звалилися, забилися.
Тройца.

Развивъ вѣнки, бросаютъ ихъ въ воду, для гаданія о судьбѣ своей, съ пѣснею:

На Тройцу мы вѣнки завили,
На разгары развили,
Горѣлочку попили
И яикню поѣли (199).

Изъ лѣтнихъ праздниковъ примѣчательнѣйшій Рождество С. Іоанна Крестителя; тогда носятъ въ церковь травы и цвѣты для освященія. Недѣля, предшествующая сему празднику, называется *Русальною*; въ

(199) Gry i zabawy różnych stanów, p. *L. Gołębowskiego*. w Warschawie, 1831. 8.

Купальскую ночь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собираются въ поле при зажженныхъ кострахъ пѣть *купалыныя пѣсни*, какъ и въ другихъ областяхъ Россіи: тѣже тамъ повѣрья о Русалкахъ и о кладахъ.

Между Ивановымъ и Петровымъ днемъ на Бѣлой Руси *разыгрываются навозныя толоки.*

Изъ осеннихъ праздниковъ главнѣе всѣхъ *Спасъ*, съ коего начинается торжественно посѣвъ, хотя Бѣлорусцы считаютъ осень обыкновенно съ Ильина дни, по ихъ пословицѣ: *На Илью, до обѣда лѣто, а послѣ обѣда осень.*

Важнѣйшимъ и въ каждое время года обыкновеннымъ увеселеніемъ простаго народа суть *Игрища*, на кои онъ сбирается по шинкамъ въ праздники. Какъ въ Черной, такъ и въ Бѣлой Россіи, по случаю приходскихъ праздниковъ отправляются *Кермаши*, соединенные съ угощеніемъ и весельями. Когда же почетные прихожане хотятъ почтить складчиной праздникъ какого либо святаго: сіе называется *Братчиной*, коихъ собственно двѣ: *Михайловская* и *Никольская*. Братщики на свои издержки приготовляютъ большую свѣчу къ празднику, поютъ молебенъ и дѣлаютъ угощеніе. Братчины, часто упоминаемыя въ монастырскихъ грамотахъ

до XVII в. (200), бывали городскія и сельскія: нерѣдко совершались на погостахъ, какъ видно изъ Двинской грамоты Царя Іоанна Васильевича. Онѣ отправляются болѣе осенью, такъ какъ *свадьбы, большія и меньшія Осенины*, или *помники*, *Окладины*. Ежели къ упомянутымъ здѣсь праздникамъ Бѣлорусскимъ прибавить освященіе полей, хлѣвовъ и гуменъ, веселья во время *Толокъ*, *Обжинокъ*, *Запашекъ*, *Увозокъ* и пр.; то число общественныхъ и домашнихъ праздниковъ въ Бѣлоруссіи покажется слишкомъ значительно (201).

---

(200) Исторія Росс. Іерархіи. ч. I—VI.

(201) О Бѣлоруссахъ Патріархъ Филаретъ въ указѣ своемъ пишетъ слѣд: „Ихъ убо бихъ в Польскомъ и Литовскомъ Государствѣ, и многая в нихъ видѣ несогласія церковная, в самѣхъ тѣхъ Хрістіанехъ, яже суть Бѣлорусцы в нихъ нарицаются. — И во единомъ убо дому у нихъ у отца с дѣтьми и у мужа с женою и у господина с рабы, вѣры три или четыре: и овъ держитъ в нихъ вѣру Хрістіанскую, инъ же Папежскую, і инъ Люторскую, и инъ Калвинскую, і инъ Новокрещенскую, и иже Сасскую, і инъ Аріанскую. И вкупѣ убо на единой трапезѣ ѣдятъ и піютъ и бракомъ совокупляются, а инін вкупѣ и молитву творятъ". *Книга глаголемая Потребникъ мірской.* М. 1639. въ л.

Хотя югозападная половина Руси въ XIV вѣкѣ присоединена была къ Польшѣ вмѣстѣ съ Литвою; однако она удержала въ нѣдрахъ своихъ много кореннаго, самобытнаго, отъ коего отличается чужеземная примѣсь, какъ насыпь отъ материка. Сколько тамъ ни изглаживалась народность Татарами, Литвою и Польшею; однако она всегда пробивалась изъ самыхъ развалинъ и снова прозябала на почвѣ родной, какъ сродное ей растеніе. Малороссія, гдѣ съ началомъ общежитія возникли многія повѣрья, обряды и обычаи, воспитала первыя стихіи нашего отечества, пробудила жизнь гражданскую и на нашемъ Сѣверѣ. Когдажъ, въ XVII вѣкѣ, снова присоединилась она къ Великой Россіи: тогда нравственное общеніе сдѣлалось ближе и живѣе (202). Благорастворенный воздухъ, чистое небо, приволье цвѣтущихъ полей и луговъ, веселые лѣса кленовые, тополевые и дубовые съ плодовитыми деревьями, пріятнѣе возбуждали фантазію народа, по природѣ безпечнаго и гульливаго, родили многіе мифы,

(202) Путевыя записки *Вадима* (Пассека). Москва. 1834. въ 8. — Журналъ Министерства народн. просвѣщенія, Спб. 1836, Іюнь.

вдохнули пѣсни, въ коихъ разыгрывается душа Малороссіянина. Остатки Украинской Миѳологіи сохранились въ миѳическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ (думахъ), къ коимъ можно причислить и *Слово о полку Игоревѣ*, въ сказкахъ и поговоркахъ, праздникахъ и обычаяхъ. Въ первыхъ упоминаются древнія языческія божества, какъ-то: *Бѣлъ-богъ, Черно-богъ, Стри-богъ* (203), *Сытный-богъ, Коляда, Купало, Даждь-богъ, Ладо, Туръ, Лѣло, Полелѣ, Марана, Дивъ* (204), *Злота-Баба* и пр. Онѣ переносятъ насъ на какое нибудь древнее городище или на берега Дуная, съ вѣнкомъ въ рукахъ, или къ священному огню купальскому, или въ таинственный мракъ лѣсовъ дремучихъ и т. д. (205). Въ миѳическихъ сказкахъ главныя дѣйствующія лица: *бисы, водяные, лѣшіе, мавки,*

(203) Ученыя записки И. М. У. ч. VI, 1834 г. No 4, статья: Взглядъ на памятники Украинской народной поезіи, соч. *И. Срезневскаго.*

(204) *Дивъ* на Польскомъ Dziw диво, диво, чудище. Въ No 7 Библіогр. листовъ, на стр. 88: *Овъ Дыю жретъ, а другіи Дивіи.*

(205) *Стри-богъ, Даждь-богъ* и *Велесъ* упоминаются въ Игоревой пѣсни — вѣроятно, произведеніи южнаго края Россіи. Боянъ пѣвецъ называется *внукомъ Велесовымъ*, вѣщры — *Стрибожими внуками.* Слово внуки (nepotes) употребляется вмѣсто потомковъ, отраслей. см. *Virgilii* Aen. v. 682, 757, 787.

русалки, *вѣдьмы*, *вѣдьмаки*, *великаны*, *змѣи* и т. д. Въ Украйнѣ также между злыми духами есть *Рарашекъ*, который находится у Словаковъ и Чеховъ; объ немъ есть и поговорка: *сердитъ какъ Рарашекъ*. Вообще можно сказать, что въ Малороссіи болѣе сохранилось миѳовъ, чѣмъ въ Польшѣ.

Изъ Малороссійскихъ народныхъ праздниковъ и суевѣрныхъ обрядовъ одни сходны съ Великороссійскими по названію, а другія по содержанію своему; нѣкоторые изъ нихъ мѣстные, болѣе похожіе на западные; иные соединены съ различными повѣрьями и увеселеніями и извѣстны подъ особенными именами.

Празднованіе *Коледы* и *Купалы* въ Малороссіи сопровождается обрядами, во многихъ отличными отъ Велико россійскихъ. Въ самый праздникъ Рождества Христова, до обѣдни, дѣти ходятъ по домамъ *виршовать*, т. е. говорить поздравительные стихи, обыкновенно сочиняемые дьячками (206), носятъ *звѣзды*, родъ фонарей, и *вертепы*, родъ маріонетокъ. Въ *богатый вечеръ*, на канунѣ Новаго года, холостые мущины ходятъ по дворамъ зажиточныхъ подъ окна *щедровать*, т. е. выпрашивать пироговъ, кишекъ, куски сала свинаго и т. д. Въ Новый годъ, предъ

(206) Малороссійскія пѣсни, изд. *М. Максимовичемъ*. Москва. 1827 г. 16.

обѣднею, мальчики ходятъ по дворамъ съ разными сѣменами въ рукавицѣ или мѣшечкѣ, кои они разсыпаютъ въ хатахъ, приговаривая: *На счастье, на здоровье, на новое лито, роди, Боже, жито, пшеницю и всяку пашницю* (207)! Они также поютъ *посыпальную* пѣсню:

Ходитъ Илья
На Василья,
Но́ситъ пу́гу
Житяную,
Де́ замахне —
Житто роспе,
Роди, Боже!
Житто, пшеницю,
Всяку пашницю;
У полѣ ядро,
А въ домѣ добро! —

Такое *Колядованье* продолжается отъ Рождества Христова до *Щедрованья*. Маркевичъ въ запискахъ своихъ о Малороссіи ссылается на старинную пѣснь Украинскую, въ коей за каждымъ стихомъ повторялось: *Славенъ еси, Коледо, нашъ милый боже!* Пѣсня сія, о коей упо-

(207) Исторія Малой Россіи, соч. *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*. ч. 2. Москва. 1830. 8.

минаетъ сочинитель Сvнопсиса, была извѣстна въ Украйнѣ еще за тридцать лѣтъ и донынѣ. Въ Махновскомъ уѣздѣ (повѣтѣ) Кіевской и даже Полтавской Губерніи, такъ какъ и въ Бѣлоруссіи, нарядивъ вола, коня, козла и барана, вводятъ на Новый годъ въ горницу къ помѣщику и говорятъ ему привѣтствіе, на которое онъ отвѣчаетъ угощеніемъ.

О *Купалѣ* упоминаетъ первый Гизель въ своемъ Сvнопсисѣ, изданномъ въ Кіевѣ, 1679 г. Въ Иллирійскомъ Словарѣ Іос. Вольтиджи *Купало* объясняется *купѣлью*, по Польски kapiel. Гизель такъ описываетъ сіе игрище: „Пятый идолъ Купало, егоже бога плодовъ „земныхъ быти мняху, и ему прелестію „бѣсовскою омраченніи благодаренія и жертвы „въ началѣ жнивъ приношаху. Тогожде Ку„пала бога, или истиннѣе бѣса, и доселѣ по „нѣкіимъ странамъ Россійскимъ еще память „держится; наипаче же въ навечеріи Рожде„ства Св. Іоанна Крестителя, собравшеся „въ вечеру юноши, мужеска, дѣвическа и „женска полу, соплетаютъ себѣ вѣнцы отъ „зелія нѣкоего, и возлагаютъ на главу и „опоясуются ими. Еще же на томъ бѣсов„скомъ игралищи кладутъ и огнь, и окрестъ „его емшеся за руцѣ, нечестиво ходятъ и „скачутъ, и пѣсни поютъ, сквернаго Купала

„часто повторяюще и чрезъ огнь преска„чуще, самыхъ себе тому же бѣсу Купалѣ „въ жертву приносятъ.“ Подобнымъ образомъ описывается Купало у С. Димитрія Ростовскаго въ Четьи Минеи. Въ Махновскомъ повѣтѣ, сходно съ Чернорусцами и Бѣлорусцами, дѣвушки вечеромъ закапываютъ въ землю дерево, украшенное вѣнками подъ именемъ *Купалы* и зажигаютъ огни съ пѣніемъ. Близъ города Бѣлицы на Днѣпрѣ, въ Гомлѣ тогда поютъ:

У Пана Ивана посередь двора
Стояла верба,
На вербѣ горѣли свѣчи.
Съ той вербы капля упала,
Озеро стало:
Въ озерѣ самъ богъ купался
Съ дѣтками, судѣтками.

Въ Малороссіи, на канунѣ сего праздника, молодые люди обоего пола купаются въ рѣкахъ до захожденія солнца, въ сумерки, потомъ раскладываютъ огонь на выгонахъ, на полянахъ, въ садахъ, и попарно, держась рука объ ру́ку, перепрыгиваютъ черезъ огонь. Если во время перепрыгиванія руки не разойдутся: ето означаетъ, что ета пара совокупится бракомъ. Подобно какъ на Карпатахъ и

Судепахъ, молодежь препоясавшись цвѣтными перевязями и надѣвъ на головы вѣнки изъ цвѣтовъ и травъ благовонныхъ, составляютъ вокругъ огня хороводы съ пѣснями въ честь Купалы (208).

Веснянка въ Малороссіи есть остатокъ *Марены*, забытый въ Польшѣ и неизвѣстный въ Великой Россіи, гдѣ впрочемъ во многихъ мѣстахъ *кличутъ*, или *закликаютъ, весну*. Въ Слободско-Украинской Г. дѣвки пляшутъ съ пѣснями въ Семикъ и Купалу вокругъ *Марены* — чучелы изъ черноклена, одѣтаго въ женское платье. Въ Украйнѣ дѣти, нося въ рукахъ ласточку, сдѣланную изъ дерева, ходятъ изъ дому въ домъ славить весну (219). Пѣсни же называются *веснянками*; ихъ поютъ дѣвушки, сбираясь по вечерамъ, съ того времени, какъ запоетъ овсянка, до Троицы. Въ Черниговской г. *веснянки* начинаются съ Благовѣщенья.

Что въ Великой и Бѣлой Россіи извѣстно подъ именемъ *Радуницы*, то въ Малороссіи называется *Гробками*, кои продолжаются

(208) Опытъ краткаго повѣствованія о древностяхъ Христіанскихъ; собрано Протоіереемъ *Іоанномъ Кутеповымъ*. Москва. 1814. въ 12.

(209) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. *Н. Гнѣдича*. Спб. 1825. въ 8.

три дни, отъ понедѣльника до середы Осминой недѣли. Тогда приносятъ на могилки родительскія всякаго рода кушанье *(страву)* и яицы, кои тамъ капаютъ до Юрьева дни. Поминки, или *проводы*, сопровождаются попойками при церквахъ и пѣснями. Въ Махновскомъ уѣздѣ етотъ праздникъ извѣстенъ подъ именемъ *бабскаго*.

Троицкая недѣля во всей Малороссіи именуется *зеленою, клечальною* отъ клéчанья, или Мая (210), т. е. зеленыхъ вѣтвей, *Зелеными святками*, а въ древности *Русальною* (211). Около Спародуба ета седмица слыветъ *Греною*, пѣсни — *гренухами*, или *гренушками*. Въ Малороссіи Духовымъ днемъ называется Воскресенье, что у насъ Троица, а Троицынымъ днемъ — слѣдующій за нею понедѣльникъ, въ который у насъ празднуется Духовъ день. Въ Черниговской г. въ Новгородѣ Сѣверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ *Заручейская криница*, или *Сухомлинская*, иначе *родникъ Ярославовъ*, впадающій въ Десну;

(210) Въ Лютеровомъ переводѣ Библіи, III кн. Моисеевой, 23, т. 44: Schmücket das Fest mit Mayen (вѣтвями древа).

(211) *Карамз.* II. Г. Р. ч. I, прим. 210, II. прим 115. III, прим. 10, 44, 89.

на срубѣ етой криницы, на разсвѣтѣ въ Зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ *Кринищы*, прекрасныя дѣвицы съ русыми волосами, кои онѣ разчесываютъ. Сіи *Кринищы* суть Русалки, кои по названію своему отъ *кринищы*, или *ручья*, и отъ *русла*, ложа рѣчнаго, представляютъ одинакія понятія (212), подтверждая свидѣтельства, выше приведенныя нами изъ Славянской рукописи XI вѣка, что „рѣки нарицались богини и звѣри, живущіе въ нихъ „почитаемы были богами, коимъ приноси„лись требы.“ — Огни, видимые на многихъ древнихъ курганахъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, по мнѣнію суевѣрныхъ поселянъ, разводятся Днѣпровскими Русалками, чтобы привѣтнымъ свѣтомъ заманить странниковъ къ крутизнамъ и низвергнуть ихъ въ пучины Днѣпровскія (213). Въ одной старой пѣснѣ Русалка загадываетъ загадку: *Ой що росте безъ кореня?* — и сама разгадываетъ подобно Линнею: *Камень росте безъ кореня.* Вообще Украинцы думаютъ, будто въ Русалокъ, или Мавокъ, превращаются дѣти, умершія

(212) Отечественныя записки П. С. Спб. 1828, Апрѣль.

(213) Одесскій Альманахъ. Одесса. 1831. 12.

безъ крещенія; и будто злые духи похищаютъ души сихъ младенцевъ, давая имъ свободу являться только въ день Сошествія Св. Духа и въ Троицынъ. Такихъ младенцевъ хоронятъ въ Кіевской г. въ Махновскомъ повѣтѣ подъ фигурою (крестомъ) на раздорожіи (перекресткѣ). По народному мнѣнію, души ихъ черезъ семь лѣтъ уносятся на воздухъ и просятъ себѣ крещенія три раза. Если кто услышитъ етотъ зовъ и подастъ имъ св. крещеніе, говоря: *Я тебя крещаю Иванъ и Марья во имя Отца и Сына и Святаго Духа;* тогда сіи души возьмутся Ангелами; а въ противномъ случаѣ дьяволами. По сказаніямъ суевѣрныхъ поселянъ, въ глубокую полночь Мавки о Троицынѣ днѣ бѣгаютъ по берегамъ рѣкъ и озеръ, поютъ, хохочутъ, хлопаютъ въ ладоши и *мякаютъ* на подобіе кошекъ: отъ чего онѣ и получили свое названіе. Въ *Клечальную субботу* на-канунѣ Духова дня, бѣгая по ржи, они бьютъ въ ладоши и кричатъ: *Бухъ, бухъ! соломенный духъ! мене мати народила, некрещену положила.* Въ Горобиныя (воробьиныя) ночи бываютъ *свадьбы и танцы Русалокъ* (214); тогда поселяне

(214) Малороссійскія пѣсни, изд. М. А. *Максимовичемъ.* М. 1827. въ 16.

не купаются въ рѣкахъ и не ходятъ поодиначкѣ въ поле и лѣсъ, чтобы *Мавки не защекотали* (залоскотали) или не закачали. Мущины и женщины наканунѣ сихъ дней запасаются зорею и полынью, какъ предохранительными средствами противъ нападенія Русалокъ (215). Въ Малороссіи, въ Троицынъ день приносятъ въ церковь охапку зори, калуфера, мяты и кадила (chamaepitys), которая связывается веревкою, а въ срединѣ ставится тройная свѣча, называемая *Троицею* и горящая въ продолженіе обѣдни: травы сіи храняться дома для лѣченія отъ разныхъ болѣзней, а тройная свѣча дается въ руки умирающему при послѣднемъ издыханіи. Въ Малороссіи, Духовъ и Троицынъ дни почно праздники духовъ: впрочемъ тамъ также завиваютъ и развиваютъ вѣнки въ Троицкую недѣлю, на коей поютъ:

Ой завью вѣнки, да на всѣ святки!
Ой на всѣ святки, на всѣ празднички,
Да рано, рано на всѣ празднички!

Мы уже сказали выше о сборищѣ вѣдьмъ на Ивановъ день въ Кіевѣ на Лысой горѣ,

(215) Исторія Малой Россіи, соч. *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго*. ч. 2. Москва. 1830. въ 8.

для совѣщанія; въ сію-то ночь они сбираютъ вѣдемскія травы, снимаютъ съ неба звѣзды и держатъ ихъ въ кувшинахъ на погребахъ: въ Малороссіи также вѣрятъ, что кому посчастливится сорвать цвѣтъ папороня (папоротника, кочедыжника) въ Иванову ночь, тотъ найдетъ кладъ.

Какъ въ Бѣлоруссіи, Гродненской и Виленской Губерніяхъ, Бѣлостокской области день Св. Бориса и Глѣба почитается праздникомъ *Паликопы*, такъ на Волынѣ Pantáleona Męczenika, а въ Малороссіи день *Палея*, т. е. Св. Пантелеймона: етотъ день проводится въ праздности изъ опасенія, чтобы за нарушеніе оной не *спалились* молніею копны хлѣба и стоги сѣна. —

Въ Малороссіи извѣстно и *Бабье лито*, которое въ Богеміи, по свидѣтельству Юнгманова Словаря, называется также Pawúčj léto, паутинное лѣто, отъ коего и поговорка: Babj léto ljta, бабье лѣто лѣтаетъ. см. стр. 85 и 143. Въ Кіевѣ *женить Семена* значитъ у ремесленниковъ: начинать работать при свѣчахъ вечера съ *Семена дня*.

Въ Малороссіи празднуется какъ весенній, такъ и осенній *Юрьевъ день* (26 Ноября); ибо и праздникъ церковный въ честь освященія храма Георгія на златыхъ вратахъ установленъ въ

Кіевѣ въ подражаніе Греческому. Тамъ употребительнѣ былъ законный обычай перехода крестьянъ отъ помѣщика къ помѣщику и поговорка: *Отъ тыбѣ, бабо, и Юрьевъ день* (216).

Тамъ бываютъ также земледѣльческія празднества: *Дожынки*, послѣдній день жатвы, *Оборки*, послѣдній день оранія, *Досѣвки*, послѣдній день сѣянія, и *Толоки* съ играми и *забобонами*. *Масляница*, у Сербовъ *бѣлая недѣля* (217), въ Малороссіи не въ такомъ уваженіи, какъ въ Великой Россіи: тамъ не катаются на горахъ; а только ѣдятъ блинцы и вареники и пьютъ горѣлку.

Въ Кіевской г. такъ же, какъ въ бѣлой и черной Руси, *праздникомъ* преимущественно называется тотъ день, въ который заложена церковь: онъ отправляется прихожанами съ большимъ торжествомъ, лѣтомъ при церкви, а зимою въ домахъ церковнослужителей. На этомъ праздникѣ, слывущемъ и тамъ *каноном*ъ, а въ Черниговской г. *Братчиною*, пьютъ медъ вареный. *Вечерницы* и *Досвѣтками* въ Малороссіи называются сходбища въ одну хату въ осенніе и зимніе вечера; тамъ работаютъ, поютъ, играютъ, *жартуютъ* (шутятъ) и *женихаются*.

(216) Русскіе въ своихъ пословицахъ, Москва кн. IV.
(217) Енциклоп. Лексиконъ, Спб. т. VII.

Ограничиваясь въ этомъ сочиненіи только простонародными праздниками въ Великой Россіи, замѣтимъ, что одни изъ нихъ общіе, о коихъ выше упомянули, другіе мѣстные, произшекшіе изъ духа вѣрованія, нравовъ и мѣстности туземцевъ, которые вѣроятно чествовали свои отечественныя божества, каковы въ однѣхъ странахъ были Ярило, въ другихъ Волосъ и т. д. — Общіе праздники, по мѣстамъ извѣстные подъ различными названіями, являясь тамъ въ особенныхъ формахъ, нерѣдко соединяются съ особенными обрядами, или смотря по климату страны, отправляются ранѣе или позднѣе.

Что разумѣютъ подъ именемъ *Коледы* въ Чермной, Черной, Бѣлой и Малой Россіи, такъ равно и у другихъ Славянскихъ племенъ, то въ Великой Россіи называютъ обыкновенно *Святками*, *Святыми вечерами*, а въ Новгородской Г. *Кудесами*, *Окручаньемъ*, въ Псковской *Субботками*. Однако Коледа вспоминается на Поволжьѣ; въ Костромской и Ярославской Г. поютъ: *Шла Коледа изъ Новагорода* и пр.; что̀ свидѣтельствуетъ о переселеніи обычаевъ изъ вольнаго города при Іоаннахъ III и IV. Въ Муромскомъ уѣздѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской Губ., съ Коледою воспѣвается *Таусень* или *Авсень*. Тамъ

же въ Чухломѣ, о Святкахъ ребятишки слѣдующею пѣсней напоминаютъ западный праздникъ *трехъ Королей:*

Двоимъ, троимъ,
Давно стоимъ:
Пожалуйте копытце;
Вамъ спасенье,
Намъ прибыльнѣе.
Пожалуйте *Королю* и т. д.

Въ Тульской Г. по селамъ 1 го Января бываетъ *засѣвъ*; подобно Малороссіанамъ, крестьянскія дѣти ходятъ по избамъ сѣятъ изъ рукавицы зерны хлѣба яроваго, кои сбираются старухами и берегутся до посѣва осенняго. — *Соботка*, знакомая Полякамъ, Силезцамъ и Чехамъ, извѣстна также и поселянамъ по рѣкѣ Лугѣ, текущей изъ болотъ Новгородской Губерніи въ С. Петербургскую (218). По Волхову знаютъ сіе игрище подъ названіемъ *Коккуя*, см. выше стр. 90. Въ спарой Ладогѣ при рѣкѣ, впадающей въ Волховъ, на горѣ Побѣдищѣ, по свидѣтельству Ходаковскаго, его купальское ликованіе ежегодно совершается въ Ивановъ день при огнѣ, который добываютъ посредствомъ тренія дерева объ

(218) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. *Бантышъ-Каменскаго*. ч. 2. Москва, 1830. въ 8.

дерево, называя его въ той сторонѣ *живымъ огнемъ*, *Царь-огнемъ* и *Коккуемъ*.

Въ Переславлѣ-Залѣсскомъ ярмарка, бывающая въ день Агриппины, по просторѣчію Купальницы, слыветъ въ народѣ *Купальницею*. *Иванъ Купало*, празднуемый отъ Днѣпра до Нѣменя, между чернью называется *Ярилою* въ Ярославской, Тверской и Рязанской Губерніяхъ.

Въ Костромской Г. недѣли съ Богоявленьева дня до Масляницы у крестьянъ называются *свадебными*; потому что они всегда около етого времени играютъ свадьбы. Отъ етого же вѣроятно и Февраль въ лѣтописяхъ означенъ *Свадьбами* (219).

Красная горка, столь извѣстная въ Великой Россіи и по празднеству оной въ опредѣленное время и по многимъ урочищамъ, означаетъ мѣсто и время: въ Смоленской Г. именуется *Толпищемъ*, и напоминаетъ древнее Славянское *Стадо*. Въ однихъ краяхъ *Горкою* называется гуляньe на Святой недѣлѣ, въ другихъ въ Юрьевъ день; но вездѣ Красная Горка почитается временемъ свадебъ и сопровождаема бываетъ *кликаньемъ весны*, какъ первый весенній праздникъ, съ коего, по большей части, начинаютъ *играть въ*

(219) *Карамз.* И. Г. Р. V, прим. 222, 386.

горѣлки, а когда спанутъ распускаться листья на деревьяхъ — *играть хороводами*. *Семикъ*, или семицкій четвергъ, праздникъ погребенія убогихъ и завиванія вѣнковъ, въ Вологдѣ называется *Поляною* отъ мѣстоположенія, гдѣ была, по преданію, могила двухъ чудесныхъ *витязей бѣлоризцевъ* (220). Позорищемъ Семика бываетъ кладбище и роща. Всесвятское заговѣнье извѣстно въ Костромѣ и Твери подъ именемъ *Ярилы*, въ Нерехтѣ — *Конюковки*, а въ Ярославлѣ — *Солонины*. — *Бабье лѣто* въ однихъ мѣстахъ начинаютъ съ 1го Сентября, или Семена дни, въ другихъ съ 8го Сентября, или съ Рождества Богородицы; оно слыветъ въ Саратовской и Пензенской Губерніяхъ *Пасиковымъ днемъ* отъ уборки ульевъ, въ Ярославской и Вологодской Губерніяхъ *Луковымъ днемъ* отъ сниманія съ грядъ лука и чеснока, въ Рязанской *Аспосовымъ* и *Спосовымъ*, вѣроятно, *отъ Спаса* или отъ другаго неизвѣстнаго доселѣ слова. Въ селеніяхъ Тульской Г. подъ Великъ день жители *заклинаютъ морозъ*, губителя овса, льна и конопель. Поселянинъ беретъ ложку киселя и просунувъ голову въ волоковое окно, говоритъ:

Морозъ, морозъ!
Приходи кисель ѣсть.

(220) Вѣстникъ Европы, 1814, No 14.

Морозъ, морозъ!
Не бей нашъ овесъ,
Ленъ, да конопли
Въ землю вколоти!

Окончивъ такія слова, онъ оборачивается въ избу, гдѣ окачиваетъ его водою старшая изъ женщинъ.

Въ Галицкихъ мѣстахъ и въ Тверской Г. послѣднее воскресенье, называемое шамъ *прощальнымъ*, а въ Сибири *Цѣловникомъ*, молодежь проводитъ въ катаньи по улицѣ, одѣляетъ пряниками окликальщиковъ, которые носятъ въ рукахъ вѣтвь еловаго дерева. Его окликанье и вѣтвь означаютъ богатую и роскошную жизнь; ель ставятъ также на дворѣ у хозяевъ, которые еще болѣе угощаютъ окликальщиковъ, возглашающихъ: *О Лелё! О Лелё! Прощальнымъ*, или *Цѣловникомъ* Воскресенье его именовано потому, что предъ наступленіемъ Великаго поста цѣлуются со всѣми въ знакъ Христіанскаго примиренія и ходятъ на кладбище прощаться съ усопшими родственниками. Тамъ же въ Ѳомину недѣлю, именуемую *Радоницами*, гуляетъ народъ послѣ полуночи и до свѣта, распѣвая подъ окнами: *Юница, молодица, подай яицо въ перепечу!*

Тогда подаютъ парнямъ вино, пиво, ладышки, казанки, а дѣвкамъ пряники и красныя яица. Епопъ *Юнецъ* или *Вьюнецъ* упоминается въ 25 вопросѣ Споглава: „и на Радоницѣ „Вьюнецъ, и всяко в нихъ бѣсованіе.“

Изъ мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи извѣстенъ въ Вятской Губерніи подъ названіемъ *Свистопляски*, который совершается ежегодно въ четвертую субботу послѣ Пасхи, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1480 г. Вятчане подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, сражаясь ночью съ союзниками своими, Устюжанами, по невѣденію, побили ихъ девять тысячь (221). Послѣ паннихиды въ часовнѣ, въ день Свистопляски продаются разныя закуски и дѣлаемыя нарочно для сего праздника глиняныя куклы, свистки и шарики, коими бросаютъ другъ въ друга, становясь по обѣ стороны рва, и свистятъ. Липовская Swistoplaska описана въ Виленскомъ Денникѣ. — Въ верстахъ семи отъ Вологды, по Архангельской дорогѣ есть въ лѣсу на полянѣ могила воина Аники, на которую прохожіе кидаютъ сломленныя вѣпки деревъ. Отъ

(221) Записка Преосвящ. Кирилла, бывшаго Епископа Вятскаго, а нынѣ Архіепископа Брацлавскаго.

этого тамъ накопляется большой ворохъ, который сжигается въ одинъ лѣтній день собравшимся народомъ. На этомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ. — Предъ Троицынымъ днемъ, въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской Губерніи, бываетъ народный праздникъ *Маргостье*, во время коего одна кума къ другой ѣздитъ на метлѣ и угощаются пирогами. Орловской и Тульской Губ., въ этожъ время бываетъ извѣстное и въ другихъ мѣстахъ *крещеніе кукушекъ*, которое состоитъ въ томъ, что въ рощѣ избранные кумъ и кума надѣвъ крестикъ на птичку кукушку или на травку погожъ имени, кладутъ ихъ на разостланный платокъ, садятся вокругъ его, мѣняются крестами своими, цѣлуются и съ прочими подругами ѣдятъ яишницу и поютъ пѣсни. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ *Савинѣ городкѣ*, въ Троицкую субботу служатъ молебны на ржаномъ и яровомъ поляхъ, а потомъ вплоть до ночи поютъ и пляшутъ въ честь Ярилы.

Въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня бываетъ гульбище для *погребенія Костромы*, во Владимірѣ для *погребенія Лады*, а въ Твери недавно прекратился праздникъ *погребеніе Ярила*, совершавшійся 24 го Іюня близъ Трехъ-святскаго сада.

Въ етомъ же краю съ перваго Воскресенья послѣ Петрова дни начинаются гулянки, называемыя *Петровками*, кои продолжаются по первый Спасъ. Въ Рязанской Губерніи, въ Скопинѣ, съ понедѣльника Русальной недѣли до самаго заговѣнья, съ вечера до ночи дѣвки и женщины водятъ хороводы змѣйкою, держась за конецъ платка и припѣвая: *Лелій, лелій, лелій зеленый, и Ладо мое!* — Въ Пензенской и Симбирской Г. въ Духовъ день дѣвки выбравъ изъ себя одну, нареченную *Костромою*, кладутъ ее на доску, на коей несутъ ее на рѣку, гдѣ сложивъ ее, купаютъ другъ друга въ рѣкѣ; потомъ сдѣлавъ изъ лубка барабанъ, подъ звукомъ его, возвращаются, домой и, нарядясь, выходятъ на улицу играть въ хороводы до вечера. Сія миѳическая или символическая *Кострома* извѣстна и въ другихъ краяхъ Россіи.

Въ Воронежской Губерніи на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, строивали жители села Горохова, подъ Троицынъ день, какъ гласитъ преданіе, на полянѣ шалашъ, украшали его вѣнками изъ цвѣтовъ и душистой зелени — внутри спавили на возвышенномъ мѣстѣ болвана изъ

дерева или соломы, одѣтаго въ богатое мужское и женское платье. Около шалаша сбирались тамошніе жители, принося съ собою отборную пищу и питье, и составляли около шалаша хороводы, плясали, пѣли пѣсни и пировали *сколько душѣ было угодно.* Въ Воронежѣ, такъ какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, молодыя дѣвушки, особливо низкаго состоянія, на Троицынъ день сбирались къ какой нибудь изъ подругъ своихъ *завивать вѣнки*, а на другой день сходились *развивать.* Обыкновенный припѣвъ въ пѣсняхъ при етомъ праздникѣ, или лучше сказать, съ самаго открытія весны до 25 Іюня, есть: *Ладо, диди и Ладо.* Въ Орловской Г. есть обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, которое состоитъ въ томъ, что приготовляется одинъ общій каравай для стола, а другой для рощи, куда съ нимъ послѣ обѣда отправляются гулять и завивать вѣнки. Въ Псковской Губерніи пучками цвѣтовъ, съ коими стояли обѣдню и вечерню въ Троицынъ день, обметаютъ могилы родительскія; ето называется: *глаза у родителей прочищать.* — Въ Воронежѣ отправлялось, до Тихона I, ежегодно предъ заговѣньемъ Петрова поста буйное игрище, имъ уничтоженное 1763 г., въ честь *Яри-*

ла, который, по словамъ сего Архипастыря, „въ сихъ странахъ за бога почитаемъ „былъ, пока еще не было тамъ Христіан„скаго благочестія.“ Его игрище соединялось съ плясками и пированьемъ, также съ кулачными боями, на коихъ случались и смертоубійства и жестокія увѣчья (222). Въ Кинешмѣ до нынѣ совершается празднество въ память Ярилы о заговѣньѣ Всесвятскомъ. — Въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской Г. простой народъ около Петрова дни стекается на поклоненіе двумъ камнямъ, какъ на могилы родителей, послѣ молебна въ церкви Божіей Матери Умиленія. Сіи камни, коимъ приписывается суевѣрами чудодѣйственная сила, называются *Башь* и *Башиха*; одни ихъ почитаютъ за мущину и женщину, а другіе за супруговъ, иные за кума и куму, или за богатырей, превращенныхъ въ камень. Въ городѣ Тюменѣ Тобольской Г. въ десятое воскресенье послѣ Пасхи бываетъ за бѣлымъ городищемъ праздникъ *Ключь* (223), начинаемый водосвятіемъ и оканчиваемый гуляньемъ, борьбою и пѣснями; нынѣ предается онъ забвенію.

(222) Описаніе жизни и подвиговъ Преосвящ. Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго, сочин. *Митрополита Кіевскаго Евгенія*. изд. 2. М. 1820, въ 8.

(223) Сѣверная Пчела. 1827, No 24.

У нынѣшней Мордвы, потомковъ Росповской Мери, переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Мордвою во время крещенія земли Росповской, донынѣ лѣтомъ совершается языческій праздникъ въ честь Велеса подъ названіемъ *Вель-Оскъ*; а близъ Нерехты, также Мерянскаго поселенія, среди рѣки Нерехты лежитъ чудный *камень*, похожій на большую бочку съ обручами. Просполюдины вѣрятъ, что кто осмѣлится брать воду близъ этого камня, тотъ впадетъ въ сумасшествіе. Какъ мы замѣтили выше, что Меря покланялась Велесу подъ видомъ камня; то сіе даетъ поводъ почитать этотъ камень за Велеса (224). Въ Шенкурскѣ и Верховажьѣ, начиная отъ самаго Рождества цѣлую недѣлю ходятъ парни по домамъ, такъ какъ въ Малороссіи, *со звѣздою*, которая дѣлается изъ бумаги въ аршинъ величиной и освѣщается свѣчею. Тамъ хожденіе съ такою звѣздой и пѣніе *виноградья* называется вообще *Коледою*. Въ Бабье лѣто, въ Серпуховѣ на полѣ дѣвушки и молодцы съ плачемъ торжественно *хоронятъ мухъ* въ гробкахъ, вырѣзанныхъ изъ моркови и свеклы. Тогда женихи смотрятъ себѣ невѣстъ: что̀ бываетъ

(224) Записки М. Я. Діева изъ Нерехты.

и въ другіе праздники и т. д. см. стр. 32. Въ Новгородѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, совершались *обрядъ Пещнаго дѣйствія*, родъ сценическаго представленія, какія бывали и въ Римской церкви (225), въ Вербную недѣлю *обрядъ хожденія на ослятѣ*, а 1 Сентября *чинъ лѣтопровожденія*.

Въ Оспашковѣ, по воскресеньямъ бываетъ вечернее гулянье, извѣстное тамъ подъ именемъ *Беззаботной площади*. Въ Цывильскѣ сборища дѣвицъ на веселье называются *Холками*. Во всей почти Россіи празднуются *Пятницы*, соединенныя съ мѣстными торгами, или ярмарками. *Пятница* именуется *временною*; потому что день С. Параскевы, 28 Октября, временно приходится въ пятокъ. Въ Кинешемскомъ округѣ торжествуется *Обжорная Суббота*, а въ Буевскомъ *Обжорная Пятница*, на третьей недѣлѣ Великаго поста, когда зятья тещей и тещей угощаютъ киселемъ съ масломъ, который привозится туда обыкновенно въ гробкахъ. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ, по Ваге простой народъ ежегодно отправляетъ праздникъ въ пятокъ первой недѣли Петрова поста *Девятой Пятницы*, или въ честь С. Параскевіи, нареченной *Пятницы*, особенно у

(225) Древняя Росс. Библіоѳика, ч. VI. М. 1788. 8.

древней часовни въ пяти верстахъ отъ Верховажья, куда бываетъ изъ церкви крестное хожденіе, сопровождаемое множествомъ народа изъ окрестностей. За молебствіемъ слѣдуютъ пиршество и игрище; тамъ дѣвки и парни составляютъ два круга, кои постоявъ нѣсколько времени въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, потомъ сходятся вмѣстѣ и попарно дѣвки съ парнями бѣгаютъ въ запуски; на бѣгу стараются разорвать ихъ чепу дѣвка или парень, у которыхъ нѣтъ пары. Сія игра тамъ называется *Полукрестомъ*.

Въ Пермской Губерніи, въ селѣ Обыченскомъ, въ *Ильинъ день*, по свидѣтельству Лепехина, убиваютъ въ складчину быковъ и телятъ, а въ *Прокопьевъ день* — барановъ, коихъ съѣдаютъ всемъ міромъ (226).

Приходскіе праздники какъ въ Великой Россіи, такъ равно и въ Бѣлой, сопровождаются общимъ гостепріимствомъ и весельемъ, которое продолжается обыкновенно три дни. Около Галича и Буя, на монастырѣ, въ приходскіе праздники угощаютъ прихожанъ и пришлыхъ кашицей, варенымъ мясомъ и пивомъ; сіе

(226) *И. Лепехина* Дневныя Записки. Спб. 1768 — 69. ч. I. въ 8.

шамъ называется: *угощаться у праздника.* Самая поговорка *на нашей улицѣ праздникъ*, выражаетъ всю полноту удовольствія и торжество, какое доставляетъ поселянину его праздникъ, приносящій ему отдыхъ отъ трудовъ, разгулъ и веселье въ жизни. Ежели ближе и глубже вникнуть въ народную, жизнь развившуюся на разныхъ полосахъ сѣверо-восточной Россіи: то, вѣроятно, откроется еще болѣе мѣстныхъ повѣрій и обрядовъ древнихъ, смѣшанныхъ и новыхъ, а въ нихъ духъ народа, отлившійся шамъ въ разныхъ формахъ. Такое разнообразіе повѣрьевъ и обычаевъ подтверждаетъ и самая пословица народная: *Что городъ, то норовъ* (нравъ, обычай); *что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье.*

Въ етомъ сочиненіи мы ограничиваемся только праздниками и обрядами Великой Россіи, кои здѣсь при общемъ обзорѣ разсматриваемъ сравнительно съ другими, съ нею сходными по внѣшности или сущности; въ слѣдующихъ книжкахъ предложимъ каждый праздникъ особенно съ его подробностями и съ относящимися къ нему пѣснями.

---

§ 6. По отношенію къ мѣсту, народные праздники такжe могутъ быть раздѣлены на *сельскіе* и *городскіе.* Въ Древности,

въ епоху языческую они не имѣли такого различія; въ первые же вѣка, при постепенномъ переходѣ Язычества къ Христіанской вѣрѣ въ Россіи, они стали разнишься своимъ содержаніемъ и цѣлію, кои измѣнялись въ епохи наращенія: Греческую, Восточно-Европейскую или Азіатскую и Западно-Европейскую.

Религіозные древніе праздники и обряды истекши изъ внутренней, семейной жизни; развились и образовались вмѣстѣ съ развитіемъ и образованіемъ общества, сперва въ селеніяхъ, потомъ въ городахъ, гдѣ празднества, сопряженныя съ торговлею, судьбищемъ и гостепріимствомъ, служили средствами къ соединенію не только единоплеменныхъ, но и къ сближенію съ разноплеменными народами. Выше приведенное нами мѣсто изъ отечественнаго лѣтописца — *игрища межю селы* — доказываетъ, что онѣ начались вмѣстѣ съ началомъ общинъ, когда удовлетворены были главныя потребности жизни. Поетому вѣроятно, что селы имѣли свои средоточія, гдѣ бывали *требища, мольбища, игрища, призница.* *Погосты* и *городища* составляли такое средоточіе, гдѣ, въ назначенное старѣйшинами селеній время, сбирались *мужи* и *жены* для совершенія богослужебныхъ обрядовъ, кои сопровождаемы были играми и пѣснями; сходство

тѣхъ и другихъ предполагаетъ сношеніе между етими разсадниками народонаселенія и богослуженія. На игрищахъ Вятичи, Радимичи и Сѣверяне, по сказанію нашего лѣтописателя, „умыкаху жены себѣ, с нею „же кто совѣщавашесь.“ Подобная игра донынѣ существуетъ на Сѣверѣ: играющіе раздѣляются на двѣ стороны, изъ коихъ каждая поетъ поперемѣнно и одна изъ нихъ беретъ у другой *дѣвицу* за выкупъ *перенятыхъ ею коней* (227).

Хотя лѣтописцы наши и не говорятъ о священныхъ обрядахъ и празднествахъ въ честь боговъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, кромѣ благодарственной жертвы выбраннымъ по жребію Варягомъ при Владимірѣ I и торжественной клятвы Перуномъ и Волосомъ; однако упоминаютъ о *позорахъ*, *игрищахъ*, *русальяхъ* и *тризнахъ*, кои принадлежали къ обрядамъ древняго вѣрованія и совершались какъ въ селахъ, такъ равно въ городахъ и пригородахъ.

Когда жь Хрістіанская вѣра съ X вѣка стала вытѣснять изъ городовъ обряды и праздники древняго народнаго Язычества: тогда тамъ съ перемѣною образа мыслей и

(227) Краткое обозрѣніе Миѳологіи Славянъ Россійскихъ. Москва. 1815. въ 8.

жизни они обратились въ обыкновенныя гулянья и катанья, сдѣлались гражданскими увеселеніями, съ коими соединяемы были другія чувствованія, другія мысли. Между тѣмъ древнія повѣрья и завѣтные обычаи укрывались въ колыбели своей — въ сельскихъ приютахъ, гдѣ они зачались, родились и возмужали вмѣстѣ съ народностію: тамъ они нашли себѣ приволье и разгулье на поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ, на горахъ и на улицахъ селеній. Приурочками ихъ служили лѣтнее и зимнее солнцестояніе, прилетаніе и отлетаніе птицъ, развертываніе и паденіе листьевъ древесныхъ, замерзаніе и вскрытіе рѣкъ, начало и окончаніе полевыхъ работъ, кои смѣнялись днями покоя и веселья, посвященными на совершеніе праотеческихъ обрядовъ по преданію и по привычкѣ. Забвеніе или нарушеніе завѣтныхъ обычаевъ почиталось у простолюдиновъ преступленіемъ, за коимъ по ихъ мнѣнію, неминуемо слѣдовала напасть: по етому исполненіе сихъ обычаевъ сдѣлалось необходимостію. — Въ городахъ нерѣдко древніе обычаи замѣняемы были новыми, чужеземными. Въ Хрістіанскую епоху Государями и Духовенствомъ давались народу праздники по случаю важнѣйшихъ событій. Выше сказали о торжествахъ по освященіи церквей и о

праздникахъ приходскихъ. О пирахъ народныхъ при В. К. Владимірѣ I въ Язычествѣ и Христіанствѣ упоминаютъ лѣтописи наши и старинныя пѣсни:

Во славномъ городѣ Кіевѣ,
У Князя у Владиміра,
У солнышка Святославича,
Было пированіе почетное,
Почетное и похвальное
Про Князей и про Бояръ,
Про сильныхъ могучихъ богатырей,
Про всю поляницу удалую, и пр.

Хлѣбосольный В. К. Владиміръ, по сказанію Макарьевской Минеи, „памяти „святыхъ въ церквахъ творяше пѣніемъ и „молитвами, и праздноваше свѣтло праз„ники господскія: и при трапезы поставляше, первую Митрополіту съ Епіскопы, „и съ черноризцы и съ попы, вторую ни„щимъ и убогимъ, третію себѣ и бояромъ „своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ.“ Великій Князь Владимірскій Константинъ Георгіевичь, по освященіи въ Ростовѣ церкви Св. Бориса и Глѣба, сотворилъ пиръ для угощенія народа и роздалъ милостыню. Изъ Печерскаго Паперика видно, что братія Печерскаго монастыря вкушали трапезу въ

обители Св. Димитрія въ храмовый праздникъ и обѣдали съ боярами въ Вышгородѣ по случаю праздника перенесенія Св. мощей Бориса и Глѣба; для нихъ же было въ самомъ монастырѣ *учрежденіе веліе*. Князья Святославъ и Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава изъ Кіева, приглашали къ себѣ Св. Ѳеодосія на обѣдъ (228). Такія учрежденія бывали въ лаврахъ и другихъ монастыряхъ, гдѣ въ храмовые праздники безмездно угощали богомольцевъ, какъ видно изъ Исторіи Россійской Іерархіи. Со временъ Всероссійскихъ Митрополитовъ, по образцу Византійскихъ церемоній (229), въ Москвѣ, въ день Успенія Богоматери донынѣ дается въ Крестовой палатѣ обѣдъ, слывущій *Царскимъ*. Въ Древности Государи и вельможи творили пиры монахамъ, гдѣ иногда забывались уставы воздержанія и приличія, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ Митрополита Іоанна: „Иже в манастырехъ часто пиры творятъ, „съзываетъ мужа вкупѣ и жены, и в тѣхъ „пирѣхъ другъ другу преспѣваютъ, кто лу́чи „творитъ пиръ. И оже сихъ творятъ и собѣ

(228) *Карамз.* И. Г. Р. III, прим. 80.
(229) *Constantini porph.* de cerimoniis aulae Byzantinae, Lipsiae, 1754. f. cap. 52. — Древняя Росс. Вивліоѳика. ч. VI.

„иже с ними пьютъ чернѣци и съ черньчѣ „погубляютъ, и мнѣтъ, что добро творятъ „нищелюбія (230)".

Древняя Исторія свидѣтельствуетъ намъ, что Государи, по случаю знаменитыхъ побѣдъ, славнаго мира, полезнаго союза и другихъ великихъ событій, дѣлали народу празднества и угощенія. Такъ Царь Давидъ при торжественномъ перенесеніи кивота во градъ, „раздалъ опъ мужа даже до жены коемуждо по „укруху хлѣба печенаго и по части печенаго „мяса и по *сковрадному млиу* (231)".

Въ отечественныхъ лѣтописяхъ встрѣчаются примѣры народныхъ обѣдовъ, какіе давали Великіе Князья. В. К. Владиміръ I далъ народу свѣтлый праздникъ послѣ спасенія своего опъ Печенѣговъ: „створи праздникъ великъ, варя 40 про„виръ меду и съзываше боляры своя и по„садники, старѣйшины по всѣмъ градомъ и „люди многи, и раздая убогимъ 40 гривенъ." Въ 1148 г. В. К. Изяславъ Мстиславичь сдѣлалъ великолѣпное пиршество народу на Городищѣ, по прибытіи своемъ въ Новгородъ, гдѣ внукъ

(230) Рускія Достопамятности, ч. I. М. 1815. 8.
(231) II *Царствъ*, VI, 19. Млинъ тоже что блинъ.

Мономаховъ веселился съ народомъ, какъ отецъ съ дѣтьми. Въ 1195 г. В. К. Рюрикъ Ростиславичь и сынъ его Ростиславъ Бѣлогородскій съ Кіевлянами дали пиръ Князю Давиду Смоленскому, который угостилъ тамъ не только Князей, но и Берендѣевъ, Торковъ и даже самыхъ чернецовъ и нищихъ (232). Княжескіе съѣзды оканчивались пиршествами. Послѣ взятія Казани, Царь Іоаннъ Васильевичь, 1552 г., сдѣлалъ пиршество воинству, народу, Духовенству и Сановникамъ. Петръ I праздновалъ съ народомъ свои побѣды. По образцу вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, издревле Россійскіе Государи по совершеніи сего священнаго обряда давали народу праздникъ, на коемъ угощали его. Въ чинѣ и поставленіи на царство Царя Алексія Михайловича 1646 г. значится, что „вси царстѣй „трапезѣ пріемники бываютъ, пиру же зѣло „честну и велику сотворяему новымъ Ца„ремъ — и вси люди весели бываютъ, и мнози „и честніи дарове опъ Царя износятся (233)". Извѣстно, что и донынѣ въ день коронованія своего Государи Россійскіе даютъ на-

(232) Опытъ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія, ч. I. Москва. 1774. 8.
(233) *Карамз.* II. Г. Р. III, стр. 187 и прим. 331.

роду праздники съ разными потѣхами, или какъ говорится, *пиръ на весь міръ—пиръ горой.*

Такимъ образомъ городскіе, или гражданскіе праздники приняли совсѣмъ другой характеръ, происшекая изъ новыхъ, болѣе иноземныхъ источниковъ; чтожъ касается до сельскихъ народныхъ праздниковъ, то они еще удерживаютъ остатки древняго своего характера; потому что бытъ поселянина донынѣ мало измѣнился въ существѣ своемъ.

На погостахъ и доселѣ въ праздники бываютъ сборы или торги, на кои спекаются гости изъ сосѣднихъ весей и селеній. Самое слово *погостъ* значитъ округъ нѣсколькихъ деревенскихъ дворовъ, приходы, тоже что прежде извѣстно было подъ именемъ *верь*, упоминаемомъ въ Руской Правдѣ (234), также бѣлую землю вокругъ церкви, и кладбище или буйвище, какое почти всегда бываетъ въ концѣ селенія. До XVI вѣка Новгородъ и Псковъ раздѣлены были на погосты, такъ какъ Сербія на жупанства. *Погостъ* сроденъ въ Греческимъ πάγος холмъ, деревня, и съ Латинскимъ pagus (235), отъ коего произошло и paganus (ἰδιώτης, κωμητικὸς) поганый не только по производству, но и по знаменованію. При введеніи въ Римской Имперіи Христіанской вѣры, язычники и идолопоклонники обыкновенно назывались pagani (236); потому что они укрывались въ весяхъ, селахъ (in pagis) и тамъ на привольѣ совершали запрещенные законами обряды Язычества. Отъ сего paganus значилъ также сокровенный, тайный (237). Константинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ (238), что у Славянъ слово παγάνοι употреблялось для означенія *некрещеныхъ деревенскихъ обывателей*. Вѣроятно, оно въ семъ смыслѣ перешло на Русь отъ Болгаръ и Сербовъ, у которыхъ находится въ языкѣ. Съ того времени, а можетъ быть, и ранѣе, слово *паганъ* обратилось въ укоризнен-

(234) Руская Правда, изд. *А. Шлецера*. Спб. 1767. въ 8. — Въ Славенороссномъ Лексиконѣ Памвы Берынды гробъ и гробище толкуется *жупище*. Что у Сербовъ было *жупа* (Zupa, Juppa), по замѣчанію Князя М. А. Оболенскаго, то у Рускихъ погостъ, какъ средоточіе селенія или волости.

(235) По мнѣнію Сервія Грамматика: *Pagi* dicti a fontibus; quod eadem aqua uterentur: aquae enim lingua Dorica παγαί appellantur.

(236) *Augustin.* Retract. 42: Deorum falsorum multorumque cultores, *paganos* vocamus.

(237) Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Halae. I—VI. 8. — Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. *Б. Розенкампфа*. М. 1829. 8.

(238) de administrando imperio, p. 29, 36. c. 32 p. 99.

ное прозвище невѣрнаго человѣка, какъ напр: у Чухонцевъ въ Естляндіи и у Рускихъ поселянъ *поганый* значитъ нечистый, скверный. Въ Кормчей, Номоканонѣ, Стоглавѣ, Требникахъ и въ посланіяхъ Рускихъ Святителей именуются *поганскими* древніе языческіе обряды, какіе явно и тайно отправлялись въ селахъ и даже городахъ. У Римлянъ также сельскіе праздники назывались Paganica; а Paganalia праздновались въ каждомъ округѣ Римской области ежегодно въ честь бога хранителя окружнаго, обыкновенно по окончаніи жатвы. У Византійскихъ писателей Далмація и Сервія именуются Pagania (239). По етому, не безъ основанія, простонародныя повѣрья и обычаи называются *сельскими, деревенскими*, какъ удѣломъ черни, необразованныхъ простолюдиновъ.

О земледѣльческихъ праздникахъ мы замѣтили еще прежде. Трудъ земледѣльца услаждается весельемъ; рабочая пора, или *страда, страдная пора*, у него соединенасъ особенными обрядами и пиршествами: предъ посѣвомъ и жнитвомъ и послѣ жнитва бываютъ крестные ходы съ св. образами. Начатки житъ и первые соты, такъ равно и первые

(239) *Stritteri* memoriae populorum. t. IV. in 4.

плоды приносятся въ храмъ Божій. Въ Симбирской и Пензенской Губерніяхъ, по окончаніи жнитва, весь народъ сбирается въ поле дожинать послѣдніе загоны, и когда уже свяжутъ послѣдній снопъ: то нарядивъ его въ сарафанъ и кокошникъ, несутъ на барскій дворъ, гдѣ господа подчиваютъ ихъ пивомъ и виномъ, поздравляя съ окончаніемъ жатвы. Въ сѣверныхъ Губерніяхъ, напр. Костромской, когда измолотятъ хлѣбъ (что обыкновенно бываетъ въ день *Ѳеклы Заревницы*, 24 Сентября): тогда *овинъ* нарекаютъ *именинникомъ* и варятъ для него кашу молотильщикамъ, которые когда измолотятъ на гумнѣ хлѣбъ, приговариваютъ: *Хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ.* — У Мордвы, также и въ разныхъ полосахъ Великой Россіи, въ Августѣ бываетъ пиршество, называемое *Помочью*: малосемейные зажиточные люди сзываютъ сосѣдей себѣ на помощь для сжатія созрѣвшаго хлѣба. Тогда, для угощенія помощниковъ, ставятся на дворѣ кадки съ пивомъ и столы съ хлѣбомъ и солью, калачами, пирогами. На *сиротскую* и *вдовью Помочь* не требуется никакого иждивенія; но сиротъ и вдовъ снабжаютъ всѣмъ тѣмъ, что нужно для такого пиршества: имъ безмездно помогаютъ не только сжать хлѣбъ, но

и запасти на цѣлый годъ дровъ и лучины (240). Въ Яранскомъ и Уржумскомъ имѣніяхъ Вятской и Пермской Губерній начинаютъ удобреніе полей съ Петрова дни *Помочами;* ето называется шамъ: *пазьмы грать*, т. е. играшь (241). Такія Толоки, или Помочи для унавоживанія полей извѣстны въ Смоленской и другихъ Губерніяхъ. Кельхенъ въ Лифляндской Исторіи такъ описываетъ Толоку: „Въ половинѣ крапкаго лѣта, во „время жатвы тѣ, которые имѣютъ обшир„ную ниву, обыкновенно сзываютъ довольное число сосѣдей для того, чтобы съ ихъ „помощью скорѣе окончить жатву; етимъ „помощникамъ ввечеру они дѣлаютъ угоще„ніе, которое тамъ называется *Талкомъ* „(Talckus). Слово сіе происходитъ отъ древ„няго Естскаго, или Прускаго Talck, значащаго работу не за какую либо плату, но „за кушанье и питье, и хотя приглашенные „на толоку занимаются цѣлый день тя„гостными трудами; однако слѣдующую за

(240) *И. Лепехина* Дневныя записки. Спб. 1768 и 69. ч. I. въ 4.

(241) Журналъ Министерства внутр. дѣлъ, 1836, No 4. стр. 73.

„ними ночь проводятъ въ пѣніи, пляскахъ и „весельяхъ“ (242).

Кромѣ земледѣльческихъ праздниковъ, существующихъ тамъ, гдѣ процвѣтаетъ земледѣліе, есть *пастушескіе*, какъ мы замѣтили, особливо во дни св. Георгія, св. Флора и Лавра и св. Власія. Въ Сибири, въ концѣ Октября, бываетъ у рыбаковъ праздникъ, или *Юровая*, когда они за нѣсколько верстъ по Иртышу ѣздятъ за красною рыбою. Какъ въ Германіи и Франціи собираніе винограда, такъ въ Россіи *рубленіе и сѣченіе капусты*, или *капустницы*, составляютъ родъ празднества, на какое въ приволжскихъ Губерніяхъ собираются дѣвицы въ лучшихъ нарядахъ, переходя съ пѣснями изъ дому въ домъ, гдѣ ихъ угощаютъ хозяева (243).

---

§ 7. Кромѣ упомянутыхъ нами постоянныхъ и подвижныхъ праздниковъ и торжественныхъ обрядовъ, подчиненныхъ условіямъ мѣста и времени, приведемъ здѣсь въ дополненіе къ сказанному нами выше на стр. 51, еще *чрезвычайные* или *запосѣдные*, *объят-*

(242) Liefländische Historia, oder kurze Beschreibung der denkwürdigsten Kriegs u. Friedens Geschichte Esth-Lief u. Lettlandes. Rudolfst. 1695. 4.

(243) Письма Рускаго Офицера, *Ѳ. Глинки*. М. 1821. ч. 5.

ные: они учреждались по какому нибудь чрезвычайному случаю, во время мора или другой напасти. Изъ нихъ замѣчательно *Опахиванье*, или *Коровья смерть* во время скотскаго падежа. Опахиванье совершается въ полночь однѣми женщинами, которыя собираются у околицы, извѣстивъ напередъ, чтобы никто изъ мущинъ не выходилъ на улицу. Шествіе обыкновенно начинается дѣвкою съ образомъ св. Власія; за нею слѣдуетъ женщина верхомъ на помелѣ, съ распущенными волосами, въ одной рубахѣ: она сопровождается толпою бабъ и дѣвокъ съ ухватами и кочергами, косами и серпами, коими они бьютъ въ сковороды съ дикимъ воплемъ; за ними другая толпа съ зажженными лучинами, въ срединѣ ея нагая старуха въ хомутѣ, запряженная въ соху, коею прежды опахиваютъ всю деревню и тѣмъ самымъ, по ихъ вѣрованію, пересѣкаютъ путь коровьей смерти (244). Между простолюдинами встрѣчались примѣры самопожертвованія, или обреченія на вольную смерть, въ случаѣ моровой язвы: по суевѣрному мнѣнію, для прекращенія мора, избранную міромъ по жребію женщину, или даже мущину, зарывали живыхъ въ землю съ пѣтухомъ и кошкою.

(244) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга, изд. *В. Броневскаго*. Москва, 1828, 2 ч. въ 8.

На Руси извѣстны, кромѣ *временныхъ, обѣтныя Пятницы*, въ кои крестьяне зарекаясь работать, обѣщаются праздновать: это бываетъ по случаю безведрія, неурожая, падежа и другихъ напастей. Для этого даже писались отъ міра такъ называемыя *заповѣдныя записи*; въ собраніи грамотъ И. Н. Царскаго есть двѣ записи *заповѣдныя* XVI вѣка, въ томъ, чтобы по воскресеньямъ и „пятницамъ работы не работати, дѣла не дѣлати никакого чернаго, ни угодья, ни бѣлки, ни лѣсованіи, ни рыбы ловити, ни ягодъ, ни „губней не носити.“

---

§ 8. Главныя и важнѣйшія дѣйствія жизни человѣческой, *рожденіе, свадьба* и *смерть*, у всѣхъ почти народовъ ознаменованы особенными праздниками и обрядами. Торжественныя сіи дѣйствія у Рускихъ Славянъ происшекли изъ древняго ихъ быта и вѣрованія, обратились въ обычаи и отчасти привились къ Христіанскимъ обрядамъ, коими сопровождаются сіи три акта жизни семейной. По связи оныхъ съ простонародными праздниками мы ограничимся здѣсь только очерками этихъ семейныхъ праздествъ, кои требуютъ подробнаго мѣстнаго описанія и изслѣдованія.

Вмѣсто бракосочетаній, у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ бывали, по свидѣтельству лѣтописца, въ Язычествѣ *игры*, (ἴγρα, см. выше), на коихъ они себѣ *брали* (умыкаху) женъ; отсюда, вѣроятно, выраженіе: *играть свадьбу*. Супрасльскій лѣтописецъ (245) такъ изображаетъ древнѣйшее игрище, вмѣсто брака: „Бяху бо „законъ и обычаи браныи въ нихъ (Славенахъ): „не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху „вечеръ, а утре приношаху по ней, что уза„конено. А Древляне потомъ начаша жити „звѣрьскимъ образомъ скотьски: убиваху дроугъ „друга, ядуще все нечисто, и бракъ въ нихъ „не былъ, но умыкаху девици. А Радимичи, „и Вятичи, и Сѣвера единъ обычаи имяху: „начашя же по малѣ и тіи ясти, нечисто „живоуще въ лѣсехъ, и срамословне и нестыдѣние діаволоу угажающи възлюбишя, и прѣдъ „отци, и снохами, и матерми, и мраци (браци?) „не возлюбиша, но игрища, межи сѣлъи ту слѣ„тахоуся рищюще на плясаніа, и отъ плясанія „познаваху, которая жена или дѣвица до мла-

(245) Сравни Лѣтопись Несторову по Лаврент. сп., изд. Р. *Тимковскимъ*. Москва, 1824, въ 4. и Супрасльскую рукопись, содержащую въ себѣ Новгородскую и Кіевскую сокращенныя Лѣтописи, изд. Княземъ *М. А. Оболенскимъ*. Москва. 1836, въ 4.

„дыхъ похотеніе имать, и отъ очного воззрѣнія, „и отъ обнаженія мышца и отъ пръстъ руч„ныхъ показаніа, и отъ прьстней даралага„ніа на пръсты чюжая, тажъ потомъ це„лованіа съ лобзаніемъ и плоти съ сердцемъ „ражедшися слагахоуся, иныхъ поимающе, „а другыхъ поругавше, метааху на насмѣа„ніе до смерти: имяхоу же и по в, и по г, „жены: зане слабъ соущи женскый обычаи, „и начаша дроуга предъ другою червити лице „и белимъ прьти абы оуношя въжелѣ ея „на похоть.“ Извѣстно, что свадьбамъ предшествуютъ общія гаданія, какія бываютъ о Святкахъ, когда дѣвицами призывается *суженой ряженой*. *Свадьба*, по Чешски Weselí, веселье, состоитъ изъ *помолвки*, *рукобитья*, или сговора, *дѣвишника* и *вѣнчанія*; симъ обрядамъ предшествуютъ и послѣдуютъ бани, пиры и наблюденіе разныхъ примѣтъ. Въ Костромской Г. свадебные пиры: *пропой*, *гостинцы*, *сговоръ* на канунѣ бракосочетанія, то что на Московщинѣ *дѣвишникъ*; а столъ въ первый день брака — *Княжій*. Въ старину употребительно было еще *осыпаніе хмѣлемъ* жениха и невѣсты предъ вѣнчаніемъ и послѣ онаго (246). Выше упомянули мы о *кучномъ*, или *вѣнечной ку-*

(246) Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. XIII. —

нищь, стр. 116, что̀ досель̀ сохраняется у простолюдиновъ, или упоминается въ свадебныхъ пѣсняхъ разныхъ краевъ Россіи. Въ Костромской Г., болѣе въ крестьянскомъ быту, невѣста сирота, за день до вѣнчанія, ходитъ ночью въ сопровожденіи подругъ *прощаться* съ родителями на кладбище; тамъ помолясь на могилахъ, она приговариваетъ: *родимые батюшка и матушка, не надо ни злата, ни серебра, прошу родительскаго благословенія!* Также послѣ вѣнчанія *крутятъ* молодую, т. е. заплетаютъ ей волосы на головѣ въ двѣ косы и надѣваютъ повойникъ или кокошникъ: етотъ обрядъ сопровождается *окрутильнымъ обѣдомъ*. Символическими явствами на свадьбѣ бываетъ *коровай*, *перепеча*, *сыръ* и *яишница*. Въ Вельской округѣ и по Вагѣ тещи приносятъ въ Петровъ день на второй годъ брака *сыръ въ почесть зятьямъ*, которые по сему случаю дѣлаютъ пиршество (247). Вѣнчальныя свѣчи служатъ предметами загады-

Moscoviae ortus et progressus. auth. *D. Printz a Buchau.* Gubenae. 1679. 12. Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 г. Февр. 5 при бракосочетаніи Государя Царя Михаила Ѳеодоровича съ Государынею Царицею Евдокіею Лукьяновною. М. 1810. 4.

(247) *Карамз.* И. Г. Р. ч. VI. стр. 254. VII, стр. 223.

ванія о долголѣтіи молодыхъ и зажигаютъ во время трудныхъ родовъ для облегченія родильницѣ. О свадебныхъ обрядахъ говоритъ Исторіографъ, что они „отчасти Славянскіе, „отчасти Скандинавскіе и что смыслъ оныхъ „легко отгадать: нѣкоторые изъ нихъ обра„зовали любовь, согласіе, чадородіе, богат„ство; другіе должны были удалять дѣйствіе „злаго вещества.“

Въ разныхъ Губерніяхъ Великой Россіи встрѣчаются различные свадебные обряды, въ коихъ нерѣдко подъ грубымъ покровомъ скрывается нравственное основаніе, напр: въ первый день свадьбы, разуваніе мужа женою, отъ коего отказалась Рогнѣда Полотская, невѣста В. К. Владиміра I (248), вскрываніе новобрачныхъ послѣ первой но́чи или торжественное свидѣтельствованіе невинности дѣвической, какое бывало у восточныхъ народовъ (249) и какое запрещено было Петромъ I, и т. д.

Подобные обряды, оставшіеся теперь у сельскихъ жителей или у мѣщанъ, прежде наблюдались и на Великокняжескихъ, Цар-

(248) Софійской Временникъ, ч. I. М. 1820. въ 4.

(249) *Iahn* Archaeologia biblica. Viennae, 1814. въ 8.

ских и боярских свадьбах, как видно из описания оных (250).

Родины празднуются пиршеством, на коем главное блюдо занимает *каша*. Что ж касается до обычая *класть на зубок*, то вероятно оный есть подражание принесению даров волхвами рожденному І. Христу. Кроме суеверных обрядов, примет и предзнаменований, предшествующих и последующих родинам, известны *розмывание* рук *роженицы* с *бабкою* на девятый день, и *опоясывание младенца* через шесть недель после рождения. В Славянских землях издревле существовал обряд, вероятно языческий, первого обрезания волос, или *Постриги* и *Посажденіе на коня* младенцев мужескаго пола от 4 до 7 лет: что до донынѣ наблюдается у козаков (251): у них отец и мать, посадив на коня младенца, у котораго прорезывались зубы, возили его в церковь, где служили молебен Св. Іоанну воину о том, чтобы сын их был *храбрым козаком*. Древнейший Польский Историк Маршин Галл

(250) Опыт повествования о древностях России, *Г. Успенскаго*. Харьков, 1818, 2 ч. в 8.

(251) Руская старина, изд. *А. Корниловичем*. Спб. 1825, в 16. — Сюда вероятно относится пословица: *Невыста родится, а жених на конь садится.*

свидетельствует, что два странника, угощенные Пястом, *постригли волосы* сыну его младенцу и дали ему имя Семовита. Кадлубко говорит, что еще рыцарский обряд вступления детей в бывшие гражданское раздал между людьми духовное свойство и что мать постригаемаго считалась названою сестрой постригающаго. После Постриг, говорит Татищев, свидетель оных, дети переходили из женских рук в мужскія (252). Из летописей отечественных видно, что торжественные *Постриги* Великих Князей совершались в церкви, как сделал В. К. Всеволод III в Суздале с сыном своим Юріем; Князь Михаил в Новгороде у Софіи с сыном Ростиславом и Князь Константин Всеволодович с детьми своими Власіем и Всеволодом. Еще обряд с XIII в. сопровождался молитвою и пиршествами

День плотскаго *рождения* у Руских не столько празднуем был, сколько день духовнаго, или *именины*; однако летописи свидетельствуют, что Царь Иван Васильевич праздновал в Коломенском селе день своего рождения пиршеством: „праздник

(252) *Татищева* Росс. Исторія. кн. III, 502. — *Карамзина* И. Г. Р. III, стр. 137, 259.

„творяше рожденію своему ; тамо бо во вся „лѣта празднованіе“ (253).

Еще и въ XVI вѣкѣ продолжался древній обычай давать особенныя имена и прозванія, кромѣ полученныхъ при св. крещеніи : отъ этого встрѣчаются въ Исторіи лица, имѣющія по два имени, какъ бывало у Евреевъ (254). Знатные люди писывались въ самыхъ государственныхъ бумагахъ *Дружинами, Истомами, Неудачами, Невѣжами, Тишинами* и т. д. Баронъ Майербергъ въ 1661 г. замѣтилъ, что Рускіе Бояре имѣли по два имени, одно, полученное при рожденіи, а другое при крещеніи ; послѣднее они таили изъ опасенія, чтобы ихъ не испортили колдовствомъ или чародѣйствомъ (255). Въ доказательство приведемъ здѣсь слѣдующіе примѣры изъ лѣтописей. Въ Воскресенской Л. сказано : „родися у В. Князя Всеволода сынъ „Ѳеодоръ, а прозванъ бысь Ярославъ 6698 г.“ Въ Никоновскомъ Л. подъ 6718 г: „родися „Князю Константину Всеволодичю сынъ „Иванъ, глаголемый Всеволодъ.“ Царь Иванъ

(253) *Карамз.* И. Г. Р. т. VIII, прим. 409.

(254) *Iahn* Archaeologia biblica. Viennae. 1814. въ 4.

(255) Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древн. Росс. ч. III.

Васильевичь названъ былъ также Варѳоломеемъ.

Одинъ изъ торжественныхъ семейныхъ праздниковъ Рускаго народа — *Именины*, или *Тезоименитство* (ἐπωνυμία) : послѣднее происходитъ отъ Чешскаго слова tés или téz, *тотъ же*, соотвѣтствующаго Рускому: *тёзка*. Именинное празднество обыкновенно продолжается три дня, сопровождаясь дарами имениннику; отъ этого и пословица : *Добрый именинникъ до трехъ дней* (256). Главною принадлежностью имениннаго пира есть пирогъ, который, по старому обычаю, разламывается надъ головою именинника, въ предзнаменованіе благополучія. У Сербовъ *итти на красный колачь* значитъ : *итти на именинный пиръ*, который у нихъ также празднуется три дня : первый называется *краснымъ*, другой — *поутріемъ*, третій — *уставцемъ*. Въ старину у Рускихъ, именинникъ хаживалъ съ пирогами или съ сгибнями къ роднымъ и знакомымъ. Царь Алексѣй Михайловичь въ день своего тезоименитства носилъ именинный пирогъ къ Патріарху ; послѣ поднесенія пирога Свя-

(256) Абевега Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786. въ 8.

шителю, онъ жаловалъ пирогами Патріаршихъ бояръ и дьяковъ (257).

При похоронахъ и поминкахъ въ трепины, девятины, полсорочины, сорочины, полугодовщины и годовщины наблюдаются въ разныхъ краяхъ Россіи особенные, старинные обычаи и примѣты, кои суевѣріе и право давности приобщило къ Христіанскимъ обрядамъ.

Катаніе яицъ и возліянія на могилахъ, въ Родительскія, скаканіе и пѣсни скоморошескія послѣ плача на кладбищахъ, наконецъ попойки представляютъ сходство съ обычаями Грековъ и Римлянъ Скандинавовъ. см. стр. 28. Присутствовавшіе при поминкахъ *скоморохи*, коихъ толпы хаживали по селамъ и деревнямъ, происходятъ отъ *Скамаровъ*, народа хищническаго, жившаго въ V и VI вѣкахъ при нижнемъ Дунаѣ (258). *Радуница*, или *Навій вторникъ*, и Троицкая суббота соединялись въ Древности съ *окличками мертвыхъ*. Установленныя православною Церковью для поминовенія усопшихъ *семь вселенскихъ панихидъ*, а Россійскою Церковью *Дмитріевская суббота* въ Октябрѣ, безъ сомнѣнія, имѣли цѣлію и замѣщеніе древнихъ языческихъ обрядовъ. Въ Гжатскѣ и вообще въ Смоленской Г. у просполюдиновъ въ родительскія сбираются родственники на свои кладбища плакать и пировать; а ввечеру сходятся туда молодцы и дѣвки свыкаться, оправдывая дѣломъ Русскую пословицу: *Начинаютъ за упокой, а кончатъ за радость.*

(257) Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. VI.

(258) Московскій Наблюдатель, Іюль, 1836, стр. 66. Отъ Скамаровъ происходитъ, по мнѣнію Шаффарика, Славян. скомрахъ и Руское скоморохъ (latro, nebulo).

Къ домашнимъ праздникамъ причисляется также *Новоселье*, сопровождаемое особенными обрядами и примѣтами. На *Новоселье* приносятъ хозяину *хлѣбъ-соль*, какъ знаменіе спорыньи, довольства и хлѣбосольства — Русской патріархальной добродѣтели. *Ѣздить на пиры, братчины и свадьбы* было въ Русской древности какою-то повинностью, отъ коей освобождались монастырскіе крестьяне жалованными грамотами (259); въ нихъ запрещается „намѣстничимъ людямъ и волостельнымъ и помѣщиковымъ незваным ѣздить на свадьбы, пиры и братчины.“

(259) Исторія Росс. Іерархіи, т. I—VII.

§ 9. Самородная поезія есть главная стихія нравственнаго образованія народа, начинающаяся съ первыми его вѣрованіями, съ первыми понятіями о себѣ и природѣ. Изъ вѣрованій проистекаютъ праздники и обряды съ обрядовыми и миѳическими пѣснями, приговорами и причитаніями. Сіи гласные, самородные памятники Словесности, не смотря на всѣ измѣненія и обновленія въ языкѣ оныхъ, живутъ народнымъ безсмертіемъ, составляютъ завѣтную стихію отечественности. Во всѣхъ населенныхъ странахъ міра, на всѣхъ языкахъ гласъ радости и печали превращался въ пѣснопѣніе. И дикія племена и образованные народы пѣснями выражаютъ свои моленія и проклятія; ибо пѣть — для сердца человѣческаго значитъ жить. У древнихъ изкони пѣты были законы, бытія племенъ, похвалы богамъ и богатырямъ (260). Пѣснь предшествовала письму. Всякое наставленіе въ религіи и мудрости, воспоминанія о важнѣйшихъ событіяхъ въ народѣ передавались въ пѣ-

(260) Отъ сего *νόμος* значитъ пѣснь и законъ, также carmen принимается въ смыслѣ пѣсни, молитвы и словъ закона. Encyclopédie des gens du monde, t. V. à Paris. 1835. art. chanson.

сняхъ, кои были не писаны, но переходили изъ устъ въ уста и пѣвались съ игрою на музикійскихъ орудіяхъ и плясками при богослужебныхъ и народныхъ торжествахъ. Изслѣдованія старинныхъ обычаевъ и народныхъ пѣсенъ у Нѣмцевъ и Славянъ показываютъ, что у нихъ богослужебные праздники сопровождались пѣснями, наставительными для народа (261). Въ остаткахъ древнихъ пѣсенъ увѣковѣчены нѣкоторыя важнѣйшія епохи Рускаго народа; что умалчиваетъ лѣтопись, то иногда досказываетъ пѣсня; самая пословица Руская: *Пѣсня быль*, сходная съ Нѣмецкою: Die Sage lebt im Geſang — свидѣтельствуетъ, что въ пѣсняхъ сохранялись *былины древнихъ лѣтъ*.

Главнѣйшее словесное богатство Славянскихъ племенъ состоитъ въ п ѣ с н я х ъ, коими онѣ отличаются предъ всѣми другими народами свѣта: въ VI вѣкѣ онѣ слыли у Византійцевъ пѣснолюбивыми (262); Славянскіе странники брали съ собою въ путь

(261) Dissertations sur les antiquités de Russie, par *M. Guthrie*. à S. Pet. 1795. въ 8. — Новое и полное собраніе Росс. пѣсенъ. Ч. 1 — 4. Москва, 1780, въ 12.

(262) *Stritteri* Memoriae populorum. t. II.

гусли (киоары), а не оружіе. Неизвѣстный пѣвецъ Игорева похода упоминаетъ о *вѣщемъ Боянѣ*, *соловьѣ*, *пѣснотворцѣ стараго времени*, а Волынская лѣтопись о *словутномъ пѣвцѣ Митусѣ*. Когда Кн. Данінлъ, по переходѣ чрезъ рѣку Нарову, избавилъ многихъ Хрістіанъ: тогда, по выраженію той же лѣтописи, *пѣснь славну пояху цма*. Ляхи въ XIII в. побѣду надъ К. Владіміромъ Рюриковичемъ торжествовали *древними пѣснями*. Въ сихъ завѣтныхъ лѣтописяхъ души и сердца заключаются бытія, мнѣнія, мысли, чувства, надежды народа. — Хотя древнее вѣрованіе не могло удержаться у Рускихъ Славянъ, при обращеніи ихъ въ Хрістіанскую вѣру; но существенная часть онаго для поезіи, внутренняя сила поетическая проникнула нѣкоторыя старинныя народныя пѣсни и приговоры, какъ отклики древняго времени, повторяемые въ настоящемъ (263). Народная пѣснь находится во внутренней связи съ чувственною жизнію сказанія. Богослуженіе у Славянъ Рускихъ не могло обойтись безъ пѣснопѣній: въ чемъ удостовѣряютъ насъ свидѣтельства лѣтописцевъ и остатки старинныхъ хороводныхъ пѣсенъ, мнѣническихъ думъ и сказаній

(263) *Карамзина* И. Г. Р. т. IV и X.

Сколько время ихъ ни искажало; однако не могло совершенно изгладить кореннаго ихъ свойства, которое оставило свои слѣды при всѣхъ новѣйшихъ измѣненіяхъ и прикрасахъ (264).

Однѣ изъ старыхъ Рускихъ пѣсенъ носятъ на себѣ мнѣнческій цвѣтъ; другія, намекающія на древніе богослужебные обряды и жертвоприношенія, принадлежатъ къ обрядовымъ пѣснямъ, къ коимъ относятся причитанія и приговоры пѣсенные. Въ остаткахъ немногихъ мнѣническихъ пѣсенъ и припѣвовъ упоминаются древнія божества и рѣки, въ честь коихъ онѣ были пѣты, на пр: *Ладо*, *Дидиладо*, *Купало*, *Туръ*, *Ярило*, *Таусень*, *или Авсень — Дунай*, *Донъ*. Нерѣдко въ нихъ смѣшиваются языческія вѣрованія съ хрістіанскими понятіями, на пр. въ Тульской г. въ Троицынъ день поютъ:

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти,
Вѣнокъ сплести,
Ой дидь Ладо (265)! —

(264) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, ч. II, М. 1830. 8.

(265) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга, изд. *В. Броневскаго*, 2 ч. Москва, 1828, въ 8.

Пѣснями поселяне привѣтствуютъ въ Россіи *солнце* на Петровъ день, подобно какъ въ Литовскомъ Секминѣ. См. стр. 30. Пѣснями поселяне встрѣчаютъ первый весенній *дождикъ* и *закликаютъ красную весну*. Пѣсни, какія пѣвались въ сѣверныхъ странахъ среди веселыхъ хороводовъ и плетней вокругъ Майскихъ деревъ, относятся къ языческимъ обрядамъ, выражаютъ союзъ между обоими полами, между небомъ и землею (266).

По отношенію пѣсенъ къ народнымъ праздникамъ въ разныя времена года, ихъ раздѣлить можно на *святочныя* (подблюдныя), *колядскія*, *весенніе*, *семицкія* и *троицкія*, или *русалныя*, *купальскія*, или *ладовыя*, по названію Карпато-Россовъ, которые празднуютъ Ладу въ день Купала и пр. Почти всѣ сіи роды пѣсенъ миѳологическихъ, нашихъ сагъ, имѣютъ характеръ хороводныхъ и примѣненіе къ особливымъ обрядамъ (267), на пр: А мы просо сѣяли—Заплетися плетень и пр. Въ разныхъ краяхъ Великой Россіи онѣ представляютъ мѣстныя отмѣны по своему содержанію и выраженію, достойныя изслѣдованія;

(266) Edda Saemundina, t. III. in 4.

(267) Умозрительныя и опытныя основанія Словесности, соч. *А. Глаголева*. Спб. 1834. въ 8.

что онѣ утратили въ одномъ мѣстѣ, то сохраняютъ въ другомъ. Такимъ образомъ, одно дополняясь и объясняясь другимъ, составляетъ цѣлое, стройное проявленіе духа народнаго въ живущихъ, гласныхъ памятникахъ.

Рускія *заклинательныя пѣсни*, какія извѣстны въ Бѣлоруссіи, Литвѣ, Польшѣ и Швеціи, вѣроятно суть остатки древней восточной жизни, переходившей черезъ всѣ народы и достигшей до нашихъ временъ. У Финновъ *чародѣйныя пѣсни* (Lugut) древнѣе всѣхъ прочихъ самородныхъ стихотвореній; на Англосаксскомъ онѣ называются Runstafas (268). У Литовцевъ загадочныя пѣсни извѣстны подъ именемъ Misles. Сюда же можно отнести, (269), собранныя И. П. Сахаровымъ *пѣсни русалокъ*, *вѣдьмъ* и *солнцевыхъ дѣвъ*.

„Безспорно, говоритъ ученый Тредьяков„скій, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ „богослужители были первенствующими сти„хотворцами. Стихами не только прославляли „они божество; но и достоинство свое от„мѣняли симъ родомъ рѣчи отъ общаго и про-

(268) Соревнователь просвѣщенія и благотворенія, СПБ. 1820, No III.

(269) Catholique, à Paris. 1826, t. I. No 3.

„стаго слова. Почему и наши языческіе жре-
„цы, безъ сомнѣнія, такое жъ равно преиму-
„щество имѣли, и были главные и лучшіе,
„въ нашихъ обществахъ, слагатели стиховъ.
„И такъ, способъ, бывшій у нихъ обыкновен-
„нымъ въ составленіи стиха, долженствуетъ
„быть самое древнее стихотвореніе наше.
„Неподозрительными и живыми свидѣтелями
„*простонародныя пѣсни* наши сіе точно свой-
„ство имѣютъ въ стихосложеніи своемъ. На-
„родный составъ стиховъ есть подлинный
„списокъ съ богослужительскаго. Воззримъ те-
„перь на начало нашего Христіанства: ви-
„димъ мысленно сущую нужду его, такмо то
„изтребить у насъ, что непосредственно
„касалось до богослуженія ложнаго: на народ-
„ныя, гражданскія и дружескія употребленія
„не съ толикимъ съ начала ревнованіемъ оно
„взирало. — И такъ, многодѣльное тогда
„первое наше Христіанство, хотя искоренило
„всѣ многобожныя служенія и пѣсненныя про-
„славленія богамъ и богинямъ; однако, съ
„пренебреженія, или за упражненіями,
„не коснулось къ простонароднымъ обыкно-
„веніямъ: оставило ему забаву общихъ уве-
„селительныхъ пѣсенъ, а съ ними способъ
„сложенія стиховъ. Сіе точно и есть перво-
„родное и природное наше стихосложеніе,

„пребывающее и до днесь въ простонарод-
„ныхъ молодецкихъ и другихъ содержаній пѣ-
„сняхъ живо и цѣло. Начавшееся у насъ Хрі-
„стіанство, истребившее всѣ идольскія бо-
„гослуженія и уничтожившее вконецъ сплѣ-
„тенныя пѣсни стихами въ похвалу идоламъ,
„лишило насъ безъ мала на 600 лѣтъ богочти-
„тельнаго стихотворенія. Пребывало двою-
„родное родство его такмо, чтобъ, такъ
„сказать, какъ въ залогѣ у самаго онаго про-
„стаго народа въ подлыхъ пѣсняхъ; и пре-
„ходило отъ вѣка въ вѣкъ не безъ преспа-
„рѣнія“ (270).

Изъ Исторіи Саксоніи и Польши извѣстно, съ какимъ стараніемъ истреблялись тамъ языческія пѣсни въ XI вѣкѣ, кои замѣняемы были христіанскими пѣснопѣніями (271).

Духовные наши писатели, изъ ревности къ Православію и изъ презрѣнія къ суевѣрію, называютъ старинныя пѣсни, какія пѣвались о праздникахъ простонародныхъ, *сатанинскими*, *бѣсовскими*, *отъ бѣса замышленнымъ дѣломъ*. Объ нихъ упоминаютъ Номоканоны и

---

(270) Въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, въ Спб. 1755, Апрѣль.

(271) Miscellanea Cracoviensia, an. 1806. fasc. II.

Споглавъ. Препод. Памфилъ, при описаніи Купальскаго праздника, въ посланіи своемъ къ Намѣстнику Псковскому, говоритъ, что тогда „егда не весь градъ возмятется и въ „селѣхъ возбѣсятся въ бубны и сопѣли и гу„деніемъ спрунным, и всякими неподобными „играми сатанинскими, плесканіемъ и пля„саніемъ, женамъ же и дѣвамъ, и главами кива„ніемъ, и успинами ихъ непріязненъ кличь, всѣ„скверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніе и „ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе“ (272).

Въ *свадебныхъ пѣсняхъ*, нашихъ епиталамахъ, споль обильныхъ и разнообразныхъ въ Россіи, проявляются еще непростывшіе слѣды обрядовъ древняго вѣрованія, живая картина нравовъ и обычаевъ народныхъ. Онѣ нерѣдко проникнуты бываютъ глубокими и умильными чувствованіями. Едва ли есть народъ, кромѣ Рускихъ, особливо Малороссіанъ, у коего можно бъ было собрать цѣлую книгу свадебныхъ пѣсенъ. Малороссійскія пѣсни со всѣми обрядами настоящая опера-водевиль и едва ли гдѣ она имѣла споль естественное происхожденіе.

(272) *Карамз.* И. Г. Р. ш. I.

Похороны и поминки сопровождаются *причитаніями* или *голошеньемъ*, въ коихъ плачевнымъ речитативомъ вычисляются достоинства покойника и жалобы оспорѣвшихъ. Мы сравнивали сіи причитанія съ Греческими ϑαλεμοὶ, съ Римскими laudes funebres, naeniae и Литовскими заупокойными пѣснями. По свидѣтельству Кельхена (273), Финны и Латыши Балтійскіе, въ XIII вѣкѣ, совершая тайно свои языческіе обряды во глубинѣ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которымъ клали въ могилы пищу, питье, топоръ и нѣсколько денегъ съ слѣдующими причитаніями: „Ступай, бѣднякъ, въ лучшій міръ, „гдѣ не тобою Нѣмцы, но ты Нѣмцами бу„деш повелѣвать! Вотъ тебѣ на дорогу за„пасъ, оружіе и деньги.“ — Сарницкій говоритъ: „на Руси пѣвались елегіи въ па„мять двухъ храбрыхъ братьевъ Спрусевъ, „павшихъ 1506 г. въ битвѣ съ Варягами. „Елегіи сіи назывались у Рускихъ думами.“ „Соглашая заунывный голосъ и мелодвиженія „со словами, они иногда сопровождаютъ пѣніе „оныхъ печальными звуками свирѣли (274).“ Въ нашихъ лѣтописяхъ, умильныхъ повѣ-

(273) Liefländiſche Historia. Rudolfſtadt. 1695. 4.
(274) Annales regni Polonici. II.

стяхъ, сказаніяхъ и въ иностранныхъ писателяхъ о Россіи сохранились остатки таковыхъ причитаній, кои и досель употребляются между просвѣщенными и старовѣрами. *Пѣсни дьявольскія* (carmina diabolica), какія простой народъ имѣлъ обыкновеніе пѣть ночью надъ усопшими, запрещаются пастырскимъ посланіемъ къ пресвитерамъ Епископа Веронскаго Раперія (275).

Напѣвы старинныхъ обрядовыхъ пѣсенъ почти всѣ заунывные и часто торжественные: они отзываются не звуками рабства Татарскаго, какъ думаютъ иностранные писатели; но какимъ-то благоговѣйнымъ тономъ, восторгомъ о прошедшемъ и будущемъ, какъ таинственные отголоски умиленной души. Если всѣ они будутъ собраны и изданы отчетливо: тогда только съ достовѣрностію можно вывести изъ нихъ заключенія о духѣ самородной поэзіи Руской.

Что касается до *игръ*, говоритъ О. Миллеръ (276), то „надобно допустить такое время въ древней Исторіи народовъ, когда

(275) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. t. II. Halae, 1775. 8. v. vox *carmen*.

(276) Die Etrusker von O. Müller. Breslau, 1828. 8.

всякая игра, всякая пляска бывала въ честь боговъ, такъ какъ всякое большое пиршество, на коемъ съѣдались мяса, было жертвенною трапезой. По крайней мѣрѣ, историческое преданіе вездѣ объясняетъ намъ сію загадку и постепенное отдѣленіе. Также въ его раннее время искусства соединялись въ одно искусство: праздничное дѣйствіе, музыка, борьба — все составляетъ съ капищемъ и кумиромъ одно цѣлое, коего части, когда спали отдѣляшься или входишь въ кругъ обыкновенной жизни, мало по малу отпадали отъ своего цѣлаго.“ Всѣ праздники у Грековъ сопровождались танцами, играми и пирами. У Римлянъ въ Древности ludi составляли часть богослуженія. То же почти можно сказать о древнихъ народныхъ праздникахъ Рускаго міра.

О значеніи и происхожденіи слова *игра* мы сказали выше; здѣсь прибавимъ только, что Υγρά (ὄρχησις), описанная Ксенофонтомъ, была родъ военной пляски, заимствованной Греками отъ Персовъ (277). Степенная книга, Стриковскій и Герберштейнъ свидѣтельствуютъ, что въ Новгородѣ была *игра палицами* на мосту въ память того, что Перунъ, брошенный

(277) *Xenophon Κύρου παιδείας*, l. VIII.

въ Волховъ, кинулъ Новгородцамъ на мостъ палицу съ слѣдующими словами: *Храните ее, граждане, въ память мою!* (278). О подобной игрѣ говорится въ правилахъ Кирилла Мипрополита Рускаго, какъ о *бѣсовскомъ позорѣ треклятыхъ Еллинъ*, и въ договорѣ Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами въ XII в., гдѣ сказано, что „неистовая забава, въ коей „люди бьются дрекольемъ, не должна быть „терпима на улицѣ между дворами Нѣмец„кими, чтобы Россіане и гости не имѣли „повода къ ссорамъ.“ — Выше упомянутое *битье бочекъ* Новгородцами, по мнѣнію М. Я. Діева, похоже на Самоѣдскій Пендеръ, описанный Бруиномъ въ путешествіи. — Что-жъ касается до *игрушекъ*, или *игръ*: то онѣ были родъ богатырскихъ потѣхъ, или турниров, о какихъ говорится въ лѣтописяхъ. Волынская лѣтопись свидѣтельствуетъ, что когда Князь Ростиславъ въ XIII вѣкѣ стоялъ у Ярослава, *сотвори игру* предъ градомъ. Кіевская лѣтопись говоритъ, что „Угри на фарѣхъ и на „скокохъ играаху на Ярославлемъ дворѣ (279).“

(278) *М. Евгенія* разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. Москва. 1803. 4.

(279) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, т. II, прим. 456 и т. IV, прим. 146.

Въ 1390 г. „въ Коломнѣ была игрушка, на „коей смертельно уязвленъ былъ сынъ Велико„княжескаго пѣстуна, Осей“ (280). — Къ древнимъ потѣхамъ также принадлежатъ *колыски*, или *качели*, кои Стриковскій и сочинитель Synopsis называютъ *дьявольскою стѣю* (281). Изъ лѣтописей, Номоканона и Пролога видно, что въ святки и другіе праздники Рускіе надѣвали на себя маски, личины, или *наличники*, кои также называются *скуратами* отъ Латинскаго scurra шутъ. Въ харатейной Кормчей XIII в. маскированье святочное называется: „ѡбличья игрьць и ликъственикъ.“ Въ Патерикѣ Печерскомъ упоминается *о лудѣ на бѣсъ въ образъ Ляха* (282): отсюда и *Москолюдство*, состоящее, по мнѣнію Р. Тимковскаго, изъ словъ *маска* и *лудъ*. Въ харатейномъ Прологѣ 1432, въ листъ, хранящемся въ Императорской Публ. Библіотекѣ, говорится въ житіи Преп. Нифонта, что „въ церковные празд-

(280) *Карамз.* II. Г. Р. т. V, прим. 251.

(281) *I. Рапча* Исторія разныхъ Славянскихъ народовъ. Спб. 1795. въ 4.

(282) см. Was bedeutet das in den russ. Chroniken unter dem J. 1024 vorkommende Wort luda? eine antiquarische Abhandlung von A. J. *Sjögren*. S. Petersb. 1834. 4.

„ники ови бьяху в бубны, друзіи же въ ко-„зицѣ и в сопѣли сопяху, иніиже възложив-„ше на лица скурапы, идяху на глумленье „человѣкомъ, и мнози оспавивше церковь на „позоръ шечаху, и нарекоша игры шѣ *Ру-„салья.*“ Русальные сіи хороводы въ харашей-номъ спискѣ Нестора названы *Русальче*, по изъясненію Карамзина, игрище (283). Кромѣ кулачнаго бою, мы приводили выше *Жмурки*, или *Слѣпа баба*, извѣспныя въ Кіевской Г. подъ названіемъ *Желѣзной бабы*, *Горѣлки*, *Гулочки* и проч. Описаніе игръ Рускаго народа составитъ особенный отдѣлъ, занимательный по своему содержанію и немаловажный въ отношеніи къ духу народному. Сочиненія Гг. Голембовскаго, Нарбута, Гюпри и И. П. Сахарова могутъ быть руководствами въ этомъ предметѣ народности.

При обозрѣніи Рускихъ простонародныхъ праздниковъ вмѣстѣ съ суевѣрными обрядами открывается, что большая часть оныхъ относится къ Славяно-Руской Миѳологіи, которая образовалась въ ту эпоху человѣческой мысли, когда неопредѣленность оной равняет-

(283) *Карамз.* И. Г. Р. т. II, прим. 113.

ся ея смѣлости и когда собственная Исторія народа смѣшивается съ его богоученіемъ и богослуженіемъ. Отечественныя божества народа соотвѣтствовали образу его жизни и мѣстности; священные обряды и праздники — его вѣрованіямъ и мнѣніямъ. Какъ въ отношеніи одного вѣрованія къ другому открывается отношеніе между народами единоплеменными и сплеменными: то и въ праздникахъ и обрядахъ у Славянъ, разсѣянныхъ по Европѣ подъ разными именами, проявляется сходство въ главныхъ чертахъ, а различіе въ частныхъ. Такое родовое сходство въ характеристическихъ чертахъ, основываясь, по большей части, на единствѣ происхожденія и духѣ сихъ племенъ, составляетъ личность народную. Но какъ есть коренныя понятія въ человѣчествѣ, кои развиваются въ свойственныхъ имъ формахъ: то у всѣхъ почти извѣстныхъ народовъ встрѣчаются общія вѣрованія и произшедшіе изъ нихъ обряды, сходные по сущности и различные по внѣшности; ибо онѣ, уклоняясь отъ своего истока и пробегая сквозь міръ и человѣчество, заимствуютъ отъ мѣстности, климата и духа народовъ различные образы. Какъ сѣмена растѣній часто заносятся вѣтромъ на чуждую имъ землю, такъ и по-

вѣрья путемъ преданій переходятъ изъ одной страны въ другую, и тамъ перераждаясь, принимаютъ особенные виды и цвѣты.

Изслѣдованіе общаго и родоваго сходства въ вѣрованіяхъ, въ обрядахъ и праздникахъ полезно и важно для познанія человѣчества и народности, коимъ столь же сродно вѣрованіе и богопочтеніе, какъ самопознаніе и самосохраненіе. Оно открываетъ коренныя черты общей жизни человѣчества и отличительныя черты народности въ завѣтныхъ ея стихіяхъ: одинъ объясняются другими.

Различіе же въ простонародныхъ Русскихъ повѣрьяхъ и праздникахъ происходитъ отъ различія стихій народности, какія входили въ оные, въ предъисторическія времена, путями мало еще изслѣдованными. Славяно-Русскія преобладающія стихіи миѳическаго міра *Восточная*, *Греческая* и *Скандинавская* проявляются въ трехъ главныхъ средоточіяхъ, или узлахъ Россіи: Кіевѣ, Новгородѣ и Московщинѣ, гдѣ разселялись Задунайскіе и Балтійскіе выходцы. Какъ иноземныя стихіи народности нерѣдко у Русскихъ Славянъ перелицовывались на свой ладъ: то отъ сліянія оныхъ вѣроятно проистекали новыя повѣрья и суевѣрные обряды, какіе бывали у старожиловъ и

насельниковъ Рускаго Сѣверо-Востока; слѣды оныхъ остались въ тѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ жили Финны, Меря, Мурома и прочіе народцы, исчисленные у лѣтописцевъ нашихъ. Самыя сказки наши намекаютъ о появленіи *Руси* въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ *Рускаго духа слыхомъ не слыхано, и видомъ не видано.* Хотя, при постепенномъ переходѣ Русскихъ Славянъ отъ отечественнаго Язычества къ Христіанству, живыя нѣкогда вѣрованія и суевѣрные обряды время отъ времени истреблялись, или замѣняемы были другими вновь введенными обычаями; однако они, какъ завѣтныя стихіи древней народности, обращались въ игру жизни, и подъ видомъ привычныхъ и срочныхъ потѣхъ и увеселеній, сквозь ряды вѣковъ и переворотовъ, достигли нашихъ Временъ, допускались, скажемъ словами Петра Великаго, *для народнаго полированія.* Простолюдины, живущіе болѣе по отеческимъ преданіямъ и не перемѣняющіе своего древняго быта, не хотѣли и не могли разстаться съ оными и замѣнить старые обычаи другими новыми, имъ чуждыми. Они тѣмъ болѣе старались удержать древнія отечественныя празднества, что онѣ соединены были съ различными играми и увеселеніями, что онѣ составляли стихію его жизни общественной и семейной.

Доказательства ж о происхожденіи народныхъ Рускихъ праздниковъ и обрядовъ изъ Славяно-Рускаго Язычества находятся:

1) Въ свидѣтельствѣ нашихъ лѣтописцевъ и Церковныхъ писателей, которые сами называютъ сіи праздники *языческими, еллинскими, погаными, идольскими требами* и т. д.

2) Въ миѳическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ народныхъ и сказкахъ, въ коихъ нерѣдко вспоминаются имена древнихъ божествъ, также *красное солнце*, *свѣтелъ мѣсяцъ*, *мать земля* и суевѣрные обряды. см. стр. 223.

3) Въ обычаѣ дѣлать чучелы и болваны при нѣкоторыхъ народныхъ праздникахъ, какъ-то: при изгнаніи зимы и при встрѣчѣ весны, въ Дожинки и Обжинки; въ представленіи избранными отъ міра лицами *Ярилы* (284), *Тура* (285), *Костромы*, *Масляницы*,

(284) На празднествѣ Ярилы въ Костромѣ, по свидѣтельству старожиловъ, въ Всесвятское заговѣнье одинъ мужикъ надѣвалъ изображеніе мущины, украшеннаго лентами съ большимъ дѣпороднымъ удомъ, въ ящикѣ; вокругъ его ходили женщины съ пѣснями, потомъ съ плачевными причётами зарывали въ землю. Это похоже на поклоненіе Фаллу и Лингаму.

(285) Прошлаго года найденные въ селѣ Туровскѣ близъ Галича, мѣдные маленькіе идолы доставлены въ Истор. Моск. Общество. *Туръ* вѣроятно тотъ же *Ярило*.

Пятницы и т. д. Сюда же отнести должно особенное въ народѣ благоговѣніе (восточнаго происхожденія) къ нѣкоторымъ огромнымъ *камнямъ*, къ старымъ дуплистымъ *деревьямъ* и т. д. Въ томъ и другомъ случаѣ Славяно-Руская Миѳологія представляетъ въ себѣ соединеніе Антропоморфизма съ Фетишизмомъ, такъ равно дуализмъ въ Бѣлбогѣ и Чернобогѣ, въ Купалѣ и Купальницѣ, Дидѣ и Ладѣ, Царѣ-огнѣ и Царицѣ-водицѣ и т. д.

4) Въ благоговѣніи къ первенствующимъ, *царственнымъ* стихіямъ, *огню* и *водѣ*, олицетворяемымъ по *Перуномъ*, по *Зимцемъ*, по *Купалою*, по *Купальницею*, священными рѣками и озерами, кои боготворимы были собственно не для нихъ самихъ, но для духовъ, по мнѣнію народному, въ нихъ живущихъ, или ими владѣющихъ. Что-жъ касается до перескакиванія черезъ огонь и омовенія или обливанія, то онѣ не столько произошли изъ обоготворенія рѣкъ и огня, сколько изъ идеи очищенія, какую находимъ въ вѣрованіяхъ у Грековъ и Римлянъ подъ разными образами. По свидѣтельству Плано-Карпина, очищеніе огнемъ и водою употреблялось у Татаръ при Баняхъ.

5) Въ разныхъ суевѣрныхъ примѣтахъ и предзнаменованіяхъ, гаданіяхъ, чародѣйствахъ и заговариваніяхъ, съ какими особенно соеди-

нены *Святки* и *Семикъ*. см. *Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ*, изд. *И. Сахарова*. Спб. 1836. ч. 1.

Вѣроятно, что нѣкоторыя кощунства и примѣты возникли во время борьбы Христіанства съ Язычествомъ, такъ на пр: встрѣча съ монахомъ и попомъ (286) и пр.

Самыя позорища празднествъ и игрищъ народныхъ, по большей части, тѣ же, какія бывали въ Язычествѣ: *берега рѣкъ и озеръ*, проводниковъ народонаселенія на Сѣверѣ и мѣста богослужебныхъ обрядовъ идолослуженія — *горы* и *курганы*, сіи колыбели и могилы (287) человѣчества, сдѣлавшіяся для него алтарями — *дубравы*, первые его пріюты и кущи языческихъ требищъ. Когда же развилась общественная и семейная жизнь въ селеніяхъ: иногда и праздники народа вышли *на улицу*, иногда само-

(286) Изъ ругательствъ воиновъ Ростиславовыхъ на Григорія Чудотворца видно, что встрѣча съ монахомъ почиталась и въ древности Руской предзнаменованіемъ бѣдствія. см. *Патерикъ Печерскій*. Владиміръ Мономахъ въ духовной тоже говоритъ. *Въ Потребникѣ*, М. 1639, упоминается: о вѣрованіи *въ чохъ и встрѣчу*.

(287) Многія старинныя кладбища и жальники на горахъ: въ Ярославлѣ и въ Костромской Г. *Туговы горы* отъ слова *туга — тужить*.

бытность и общежительность высказались въ пословицѣ: *На нашей улицѣ праздникъ*.

Впрочемъ не всѣ народные праздники и повѣрья родились въ епоху языческую Славяно-Руссовъ; нѣкоторые изъ нихъ, особливо относящіеся къ житейскимъ потребностямъ, образовались въ первые вѣка Рускаго Христіанства и подчинялись идеѣ онаго, когда еще оно имѣло черезполосное владѣніе съ древнимъ закоренѣлымъ вѣрованіемъ, шло съ нимъ рука объ руку, и когда еще первое не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ; остатки послѣдняго истреблялись постепенно въ городахъ, но еще удерживались въ селахъ и погостахъ, какъ завѣтные, отеческіе обычаи, освященные правомъ незапамятной давности. Въ сію епоху языческіе обряды и народные обычаи нерѣдко примѣшивались къ христіанскимъ, коль скоро не пропиворѣчили онымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ.

Христіанство и Язычество иногда почерпало символы изъ общаго источника оныхъ — природы, только съ различнымъ знаменованіемъ и съ различною цѣлью. Первое возводило отъ чувственнаго къ духовному, другое напротивъ того низводило отъ духовнаго къ чувственному; одно стремилось къ единству, другое къ многообразію и многочастности,

какія проявились въ миоахъ физическихъ и религіозныхъ; одно было чисто нравственное, другое, обращаясь въ кругу жизни чувственной, покланялось и спихіямъ міра и страстямъ своимъ, представляло божественное въ сліяніи съ силами природы. Мысль о первообразномъ, священномъ въ символѣ имѣетъ своимъ источникомъ древнее народное вѣрованіе, которое одушевляя весь міръ, его силы и явленія, сближаетъ человѣка съ духовными, сверхъ-естественными силами, ему содѣйствующими или противодѣйствующими, кои обращаются въ предметы его благоговѣнія. Если бы въ символахъ не было историческаго, нравственнаго и священнаго знаменованія: то они не возбуждали бы одинакихъ чувствованій, одинакихъ религіозныхъ понятій, не были бы повсемѣстными. Большая часть оныхъ просты и разрѣшаются на три составныя нача́ла, соотвѣтствующія тремъ стихійнымъ цвѣтамъ: землю, воду и огонь. По такой общности символовъ, грубое суевѣріе нерѣдко облекало въ свои пелены чистѣйшія Христіанскія понятія: отъ сего удержались въ юномъ мірѣ Рускаго Христіанства *Волосы*, *Купалы*, *Купальницы*, *Коледы* и пр. Простонародныя прозванія Святыхъ, празднуемыхъ Церковію, заимствованныя отъ

годовыхъ временъ, отъ сельскихъ работъ и житейскихъ потребностей, превратились въ какія-то знаменія, имѣющія цвѣтъ миѳическій, напр: *Літопроводецъ* (св. Симеонъ), *Солоноворотъ* (св. Спиридонъ), *Запрягальникъ* (св. Іеремія), *Заревница* (св. Ѳекла), *Колосяница* (св. Ѳеодосія), *Гречишница* (св. Акилина) и т. д.

Первые проповѣдники св. Вѣры, чтобы отвлечь простой народъ отъ языческихъ праздностей, противопоставляли имъ благочестивыя учрежденія во дни оныхъ, напр: въ день Семика обычай погребать и поминать убогихъ собраній на убогихъ домахъ, или отечественныхъ скудельницахъ и т. д. Такъ въ Римскихъ областяхъ проповѣдники Евангелія при Константинѣ Великомъ иногда снисходили тѣмъ языческимъ обычаямъ, съ коими не могъ или не хотѣлъ разстаться народъ, закоснѣвшій въ отеческихъ повѣрьяхъ, если они не представляли явнаго нечестія и разврата (288). Тамъ, вмѣсто нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ, установлялись крестныя хожденія.

Патріархъ Вальсамонъ въ XII в. такъ описываетъ Греческіе обряды, совершенно

---

(288) Обозрѣніе Кормчей книги въ истор. видѣ, соч. *Барона Розенкампфа*. М. 1829, въ 8.

сходные съ Рускими купальскими и свя-
тошными: „Язычники въ 23 день Іюня,
„ввечеру, сбирались на берегахъ рѣкъ, и въ
„нѣкоторыхъ домахъ мужи и жены укра-
„шали перворожденную дѣву на подобіе не-
„вѣсты. Притомъ пировали и плясали, кру-
„жились, совершая предпразднество въ честь
„богини Весты. Между тѣмъ бросали разныя
„вещи въ сосудъ, наполненный водою. Пря-
„женная дѣвица, по вынутіи каждой вещи,
„предсказывала будущее тому, кто клалъ
„оную. На другой день, съ музыкою и пля-
„ской всѣ выходили за водой и кропили оною
„свои домы, а потомъ во всю ночь прыга-
„ли чрезъ зажженные костры. Церковные
„учители, постепенно отклоняя новыхъ Хрі-
„стіанъ отъ языческихъ обычаевъ, почли за
„нужное при водоосвященіи сочинить для
„онаго пѣсни въ честь Пресвятой Дѣвы Ма-
„ріи“ (289). Папа Иннокентій III писалъ слѣ-
дующее о позорищахъ въ Рождественскихъ святк-
кахъ къ Гнѣзненскому Архіепископу Генриху:
„Въ церквахъ совершаются позорища и не толь-
„ко вводятся для потѣхи чудовищныя личины,

(289) Новая Скрижаль, или пополнительное объясне-
ніе о церкви, о литургіи и пр., сочин. *Архіепи-
скопа Веніамина.* Москва. 4 ч. 1803 и 6. въ 4.

„но даже въ нѣкоторыхъ праздникахъ участ-
„вуютъ сами діаконы и пресвитеры.“ Та-
ковы были въ Римской церкви *праздники ослій,*
дураковъ, *пьяныхъ діаконовъ* и пр. п. Св.
Григорій Великій въ письмѣ своемъ къ Аббату
Меллиту замѣчаетъ слѣдующее объ Англо-
саксонскомъ идолопоклонствѣ (въ VI вѣкѣ),
сходномъ во многомъ съ Скандинавскимъ и Сла-
вянскимъ: „Долго я размышлялъ о томъ,
„что у Англовъ отнюдь не должно испреб-
„лять капища, но только уничтожать на-
„ходящіеся въ нихъ идолы и, по окропленіи
„св. водою, сооружать въ нихъ св. алтари.
„Такимъ средствомъ надобно обращать на-
„родъ отъ служенія демонамъ къ поклоненію
„истинному Богу въ томъ самомъ мѣстѣ, куда
„онъ издавна привыкъ стекаться. А какъ при
„жертвоприношеніи демонамъ обыкновенно
„убивали многихъ быковъ; то и сіе пирше-
„ство должно также измѣниться: пусть въ
„праздники церковные дѣлаются шалаши изъ
„древесныхъ вѣтвей вокругъ св. храмовъ, пре-
„вращенныхъ изъ капищъ, и тамъ празднуютъ
„дни сіи благоговѣйнымъ пиршествомъ, снѣдая
„мясо животныхъ во славу Божію и за насы-
„щеніе принося благодареніе Подателю благъ.“

Такія пиршества въ храмовые праздники
имѣли связь съ торгами или ярмарками,

такъ что промышленность и торговля издревле шли по слѣдамъ религіи и вмѣстѣ съ нею соединяли людей въ города и селенія. Такъ у Еллиновъ *ἀγορά* значило собраніе и мѣсто онаго, сборъ въ смыслѣ торга, а *πανήγυρις* торжественное собраніе для празднованія. И въ Славянской древности *торжки* и *торги* учреждались при капищахъ во время празднествъ въ честь божествъ: въ Корелін при храмѣ Золотой Бабы, на Ругенѣ при капищѣ Святовида, въ Росіовѣ *сборъ* вѣроятно бывалъ въ праздникъ Мерянскаго Волоса, такъ какъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ ярмарка *Купальница* въ память Купальницы. По древнему обычаю, въ Россіи въ храмовые праздники обыкновенно сбираются торги и ярмарки и извѣстныя десять *торговыхъ пятницъ* (290). Мы выше замѣтили, что на торгахъ бывали судъ и расправа: слѣды этого остались въ мірской сходкѣ.

Нигдѣ столько не обнаруживается духъ и характеръ народа въ полнотѣ и свободѣ, какъ въ праздникахъ его, кои имѣютъ особенную характеристику, измѣняемую, какъ мы сказали, мѣстностію. Рускіе народные

(290) Академическія извѣстія на 1781 г. ч. VII. Спб. въ 8. стр. *О ярмаркахъ въ Россіи.*

праздники, подобно Греческимъ, отличаясь своею веселостью и игривостью, превышаютъ ихъ своею разгульностію, какой предается просполюдинъ во дни своего покоя и свободы отъ трудовъ. Онъ ждетъ праздника какъ дня жизненной отрады, и являясь на оном въ праздничномъ кафтанѣ, веселится съ упоеніемъ, оправдывая свою отечественную пословицу: *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ.* Въ его понятіи праздникъ есть льгота и веселье, въ коихъ онъ почерпаетъ новыя силы къ тягостнымъ трудамъ и къ борьбѣ съ суровою своей природой. Такъ праздники народа, поезія его жизни, имѣютъ тѣсную связь съ его семейнымъ бытомъ и нравственностію, съ его прошедшимъ и настоящимъ.

Исторія всякаго извѣстнаго народа обыкновенно начинается темными временами, событіями чудными и занимательными, но и сомнительными. Осторожная критика не отвергаетъ однако этихъ древнихъ сказаній изъ предъисторическихъ временъ, находя въ нихъ часто сѣмена истины, такъ что нерѣдко невозможное дѣлается вѣроятнымъ, а вѣроятное несомнительнымъ. Съ такимъ намѣреніемъ народныя повѣрья, обряды, праздники и остатки Язычества подвергались

внимательному испытанію Философа, Историка и Филолога, служили имъ средствами къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, кои могутъ открыть разныя черты характеристическія, составляющія физіогномію древней народности. Предметы сіи всегда подстрекаютъ ученое любопытство постигнуть древность народа, его переселенія, связи съ другими племенами, открываютъ отдаленные памятники Миѳологіи и языка, необходимые для его Исторіи, и такимъ образомъ распространяютъ кругъ историческихъ и филологическихъ познаній. Что же не входитъ въ составъ Исторіи, тѣмъ пользуется народная поезія, которая обогащается изъ этого источника. По такому-то отношенію Руской Еортологіи къ Археологіи, Исторіи и Филологіи отечественной, изслѣдованіе Рускихъ простонародныхъ праздниковъ не только можетъ быть любопытнымъ, но и важнымъ для познанія завѣтныхъ стихій жизни народной, развивавшихся въ разныя ея епохи и въ разныхъ мѣстахъ.

Прибавленія и поправки.

Слово *Московщина* употреблено мною потому, что я въ такомъ значеніи встрѣчалъ его въ древнихъ грамотахъ, а *Новгородье* въ Супрасльской рукописи, изданной Княземъ М. А. Оболенскимъ. М. 1836. въ 4.

Къ стр. 67. Въ странахъ *Латинскихъ* означаетъ исповѣдывающихъ Латинскую вѣру, преимущественно въ Италіи и Германіи. Римскіе карнавалы, сопровождаемые народными маскерадами, вездѣ, безъ сомнѣнія, были предметами для подражанія. *Bál* въ *Галдерзоновомъ* Исланд. Словарѣ означаетъ также strues lignorum, rogus, pyra.

Къ стр. 73. Sankt Н. А. Св. Іоанна вечеръ.

На 78 стран. стр. 13: вм. der читай den.

Къ стран. 85. стр. 14. Sialudagr, по Ислан.: Sáladagr, а по Датски Sjaeledag.

Въ Скандинавскій вѣкъ различался Bruna-old вѣкъ сожженія и Haug-old вѣкъ погребенія. Потомъ употреблялись оба сіи способа по произволу. Замѣчаніе *Сума*, сочинителя Исторіи Даніи, Норвегіи и Голштейна Шлезв., Лейпц. 1797.

Къ стран. 61. 'Ar по Ислан. annus, annona.

Къ стран. 87. Taka есть старинное Исландское слово. Кофобъ Анкеръ въ объясненіи Ютландскаго права говоритъ: *tak* cautio fideiiussoria, порука, поручитель.

Къ стран. 91. *Mara* по Исландски incubus, ephialtes, Kobold, *κόβαλος*. *Мара* по Малоросс. призракъ; по Польски то же; по Нижнесаксонски: Mahr; отсюда Mährchen. Польск. пословица: Sen mara, bóg

wiara, сонъ — мечта, а вѣрить должно Богу. Сюда же принадлежитъ Marzana, которую Кромеръ сравниваетъ съ Церерою.

На стран. 93, вм. подъ именемъ Жмуди, читай: подъ симъ именемъ и Жмуди.

Къ стран. 93. У Католиковъ с. Стефану празднуется 26 Д

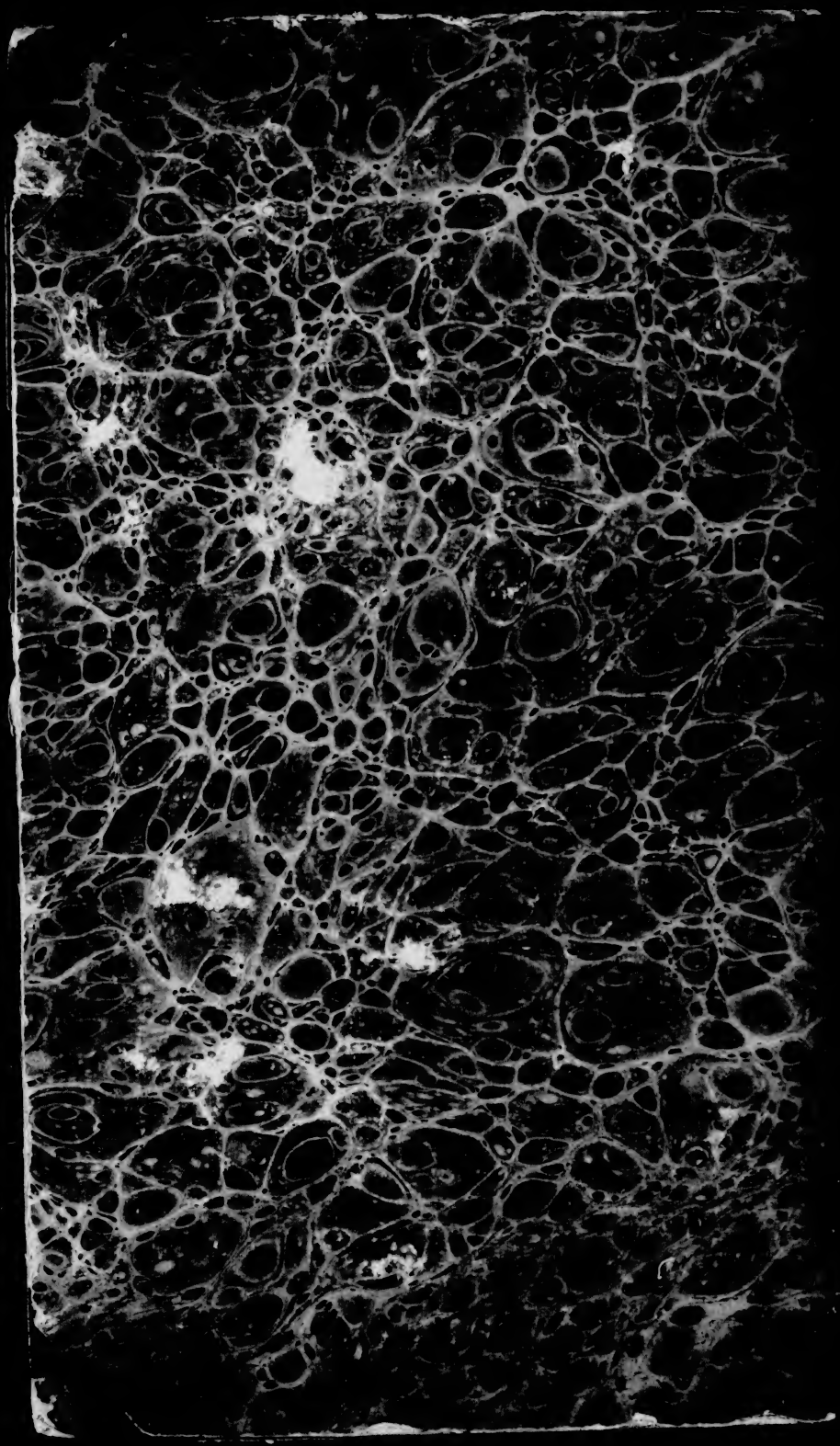
На стран. 173, на стр. 10 вм. Орловской читай: Въ Орловской.

На стр. 218, въ концѣ слова *сказаній* поставить точку.

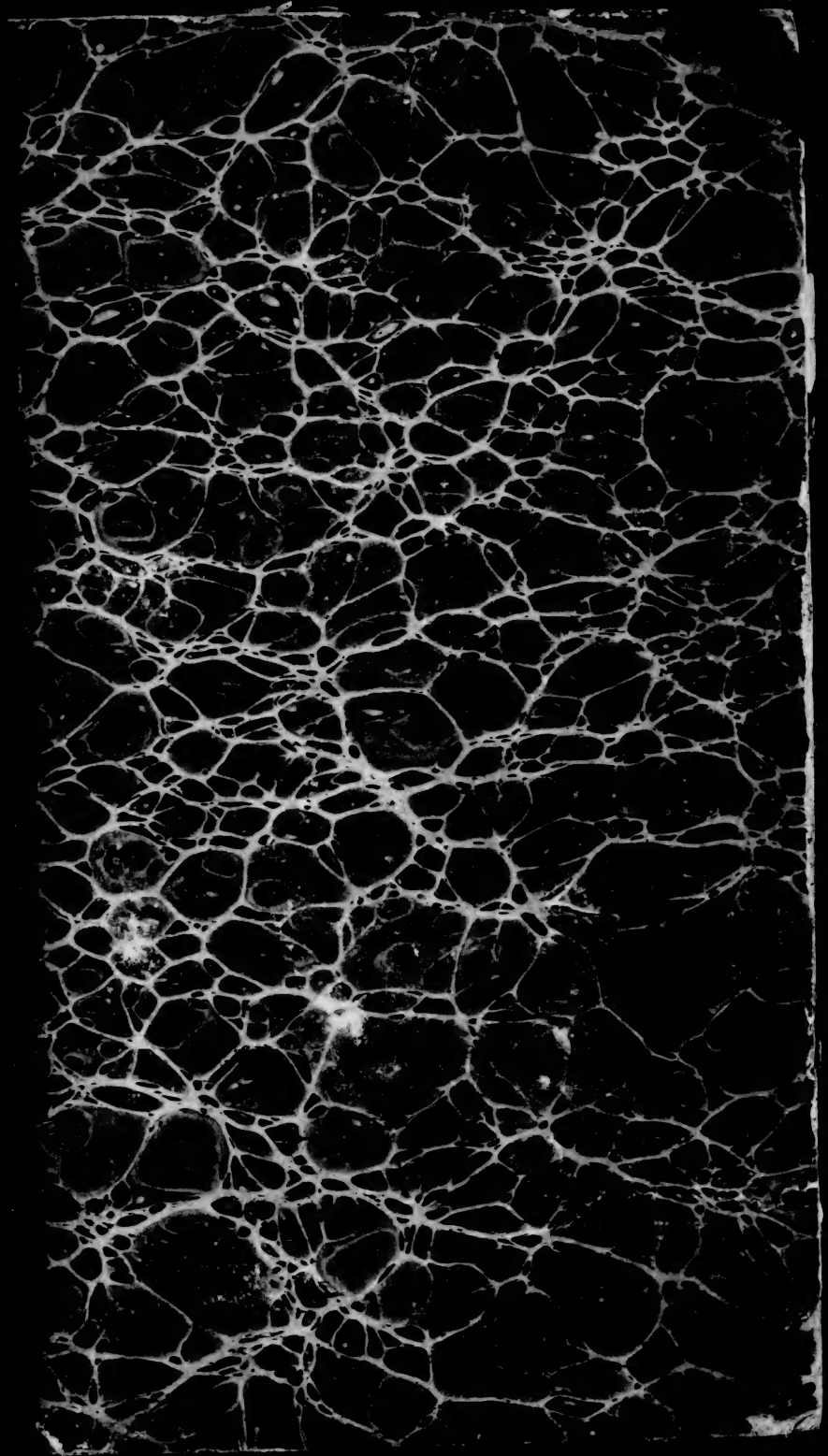
262

DUPLICATE
0021138389

JAN 26 1949



VOLUME 2



Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

Государственный Книжный Фонд

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

Б/Б № 217

ПРАЗДНИКИ

и

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ II.

№ 1820/II

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

Фундаментальная библиотека Воронской Историко-учительской школы.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1838.

UNIVERSITY LIBRARY

947.01
Sn263
v.2

20468C

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 19 го дня 1838 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

ЛИУП

Дон. 13.1949 г.

РУСКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

I. СВЯТКИ.
II. АВСЕНЬ.
III. МАСЛЯНИЦА.

I.

СВЯТКИ.

Святки, или *Святые вечера*, составляютъ народный зимній праздникъ, коимъ оканчивается одинъ годъ и начинается другой; онъ продолжается 12 дней, отъ Рождества Христова до Богоявленія. *Святками* въ просторѣчіи называются дни праздника Рождества Христова, съ 25 го Декабря по 5 е Января; они слывутъ также *Святыми вечерами* и по названію своему соотвѣтствуютъ *священнымъ ночамъ* у Нѣмцевъ (Weihnächten). На другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ *Святки* (Swatki) значатъ *праздники*, какъ мы замѣтили въ 1 й части сей книги. Кромѣ сего, ни одинъ изъ церковныхъ и народныхъ праздниковъ въ великой Россіи не именуется *Святками*, между тѣмъ какъ въ Малороссіи, Бѣлоруссіи и Польшѣ другіе праздники извѣстны подъ именемъ *Святокъ* (Swiątki), на пр: *Зеленыя Святки*, или Троицкая недѣля. По сему заключить можно, что и названіе и большая часть святошныхъ игрищъ перешли на Сѣверъ съ Юга и Запада Россіи.

Ни въ одномъ праздникѣ народномъ не заключается столько обычаевъ, обрядовъ, примѣтъ, сколько отношеній къ жизненскимъ потребностямъ и времени года, какъ въ Святкахъ. Въ немъ представляется странная смѣсь совершенно разнородныхъ стихій: тутъ мы видимъ и суевѣрные языческіе обычаи и нѣкоторыя Христіанскія воспоминанія о Рождествѣ Спасителя міра. Къ первымъ относятся *гаданье*, *наряжанье* и разныя *игры*, отличающіяся сценическою изобразительностію; ко вторымъ *славленье*, или хожденіе дѣтей по домамъ съ рацеями, вертепомъ, звѣздою и т. п. По имени и цѣли своей Святки собственно должны свящить благочестіемъ великое и отрадное для Христіанскаго міра событіе; но какъ незапамятная давность ввела въ сіи торжественные дни обычаи и обряды, ведущіе начало свое отъ древняго Славянорускаго Язычества и извѣстные во всемъ Славянскомъ мірѣ подъ разными именами: то мы и обратимся къ тѣмъ временамъ и мѣстамъ, гдѣ они проявлялись, потомъ изложимъ описаніе Святокъ въ Древности и въ новѣйшія времена у Русскихъ въ разныхъ областяхъ великой Россіи.

Въ малой и бѣлой Россіи и у Славянскихъ племенъ Святки именуются *Каледою*, или *Коледою*, *Колядками*, кои, по видимому, сходны съ Римскими Kalendae отъ *καλεῖν* звать,

или kalare опредѣлять *время*, по Санскр: Kâla. „Кала́нди, по толкованію Кормчей книги, „суть первіи въ коемждо мѣсяцѣ дніе, въ нихъ „же обычай бѣ Еллиномъ творити жертвы „и воты, и врумаліи: еллинстіи бяху праз„ницы.“ Въ харатейной Кормчей, XIII в., хранящейся въ Патріаршей библіотекѣ, подъ No 8 (152), упоминаются: „сице глаголемыя „Коляды.“ Въ 62 правилѣ Стоглава то же повторяется съ нѣкоторыми дополненіями, относящимися къ отечественнымъ обычаямъ, именно: „Празднованіе веліе торжественно „сотворяюще, и игранія многа содѣвашеся по „еллинскому обычаю.“ Хотя Каланды, Календы, Kalcandach, т. е. Календы, въ Кормчей и Стоглавѣ называются *еллинскими* праздниками; но извѣстно, что не у Грековъ, а у Римлянъ были календы въ мѣсяцахъ и что Св. Отцы именовали *Еллинами* всѣхъ язычниковъ въ противоположность какъ православнымъ Грекамъ, такъ равно Іудеямъ (1): слѣдственно здѣсь разумѣются подъ именемъ Еллинскихъ языческіе *поганскіе* обычаи.

Въ Египетскомъ, Индѣйскомъ, Греческомъ и Римскомъ мірѣ Исторія открываетъ слѣды подобнаго Славяно-Рускому празднe-

(1) J. C. *Suiceri* Thesaurus ecclesiasticus. Amstel. 1772, f.

ства, которое состояло въ маскированіи, переряживаніи и гаданіи: что̀ вѣроятно, перешло черезъ всю Европу и повторилось въ Скандинавіи. Египетскіе жрецы, празднуя возстаніе Озириса, или новый годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ надѣвъ на себя личины и подъ видомъ различныхъ божествъ, шествовали по стогнамъ города. Пляски и пиршества слѣдовали за празднованіемъ таинствъ, о коихъ мы не имѣемъ совершеннаго понятія. Барельефы и гіероглифы на стѣнахъ храмовъ Мемфійскихъ и Ѳивскихъ доказываютъ, что сіи маскарады были дѣйствіемъ священнымъ для народа и что они отправлялись въ новолѣтіе (2). — Тогда же праздновалось у Персовъ рожденіе Миѳры, у Индѣйцевъ Перунъ-Понголъ и Угады (Ougadhy).

Греки, народъ веселый и изобрѣтательный, дали этому празднику, означавшему переходъ отъ стараго года къ новому, видъ болѣе радостный и торжественный: у нихъ при этомъ случаѣ юноши переряжались въ дѣвицъ, а жены въ мужей; и три дня, посвященные на празднованіе начала года, у Византійцевъ названы были праздникомъ Календовъ

(2) *Kreuzers* Symbolik, I t. p. 164—275. W. Wachsmuth Hellen. Alterthumskunde. 2 Th. Halle. 1830. 8. — Замѣчанія о Календахъ *Барона Розенкампфа*, въ рукописи.

(Καλανδῶν ἑορτὴ). Между гаданіями у Грековъ, которые нѣкогда имѣли въ Смирнѣ и храмъ κληδόνες, было κληδῶν, похожее на наше святошное съ подблюдными пѣснями. Молодыя Гречанки, въ Іюнѣ, собравшись въ одно мѣсто, клали свои кольцы, перстни, серьги и монеты въ сосудъ, наполненный водою и, при пѣніи гадательныхъ пѣсенъ, вынимали ихъ, и чья вещь вынется при какой пѣсни, тому то, по ихъ мнѣнію, и сбудется. Это подтверждается словами Валсамона. см. ч. I сей книги, стр. 240.

У Римлянъ также распространились такія торжества и таинства, кои сдѣлались у нихъ болѣе шумными, чѣмъ у Грековъ, обращены были въ важнѣйшіе гражданскіе праздники, въ дни обѣтные (dies votivae), кои имѣли характеръ политическій и религіозный. Календы даже поощажены и терпимы были Константиномъ великимъ, который тогда, видя невозможность совершенно истребить сіи обычаи, укоренившіеся въ народѣ, старался, по крайней мѣрѣ, прекратить безчинства слѣдующимъ закономъ, изданнымъ за четыре года до Никейскаго собора (3):

(3) Sicut indignissimum videbatur *dies solis* veneratione sui celebres altercantibus jurgiis et noxiis partium contentionibus occupari, ita gratum ac jucundum est iis diebus, quae sunt maxime votivae compleri. Atque ideo emancipandi et manumittendi die festo cuncti licentiam habeant.

„Какъ постыднымъ казалось въ *дни солнца* (такъ назывался въ Древности этотъ праздникъ у Римлянъ, прежде чѣмъ онъ перенесенъ былъ на 1 Января подъ именемъ Январскихъ календъ), „именитые по уваже„нію къ нимъ, заниматься тяжбами и непозволительными состязаніями: такъ, напро„тивъ того, приятно и благородно поздрав„лять въ сіи дни, кои суть обѣтные. Также „всѣмъ позволяется въ праздникъ отпускать „на волю и освобождать отъ власти отцов„ской.“ Подъ словомъ contentiones partium, по мнѣнію Б. Розенкампфа, разумѣлись безчинства маскарадовъ, въ коихъ участвовали мущины и женщины. Въ концѣ IV вѣка Императоръ Валентиніанъ издалъ особенное постановленіе о Январскихъ календахъ, именно: „Повелѣваемъ во всѣ дни чинить „судъ и расправу. Однако же надлежитъ „оставаться праздничными тѣмъ днямъ, „кои даются въ продолженіи двухъ мѣся„цевъ года, для успокоенія отъ трудовъ по „причинѣ лѣтнихъ жаровъ и осенью для „сняшія плодовъ земныхъ и древесныхъ, „также освобождаемъ отъ трудовъ въ извѣ„стные дни Январскихъ календъ. Къ нимъ „присоединяемъ дни основанія знаменитѣй„шихъ городовъ Рима и Конспантинопо„ля, также священные дни Пасхи, пред„шествующіе и послѣдующіе въ числѣ се„ми, день Рождества и Богоявленія Хри„ста“ и пр. (4).

Св. проповѣдники Христіанства, утверждая благоговѣйныя торжества и праздники, поставляли ихъ въ противуположность съ языческими, кои замѣнялись оными, и понятія народа, относившіяся къ предметамъ чувственнымъ, обращали къ духовнымъ. Такъ учрежденіе Церковію въ 24 д. Декабря высокаго праздника рожденія Свѣта міру, Солнца правды, смертію смерть поправшаго, было противоположностію языческимъ Врумаліямъ и празднеству Солнца, рождеству Непобѣдимаго (Natales Invicti sc. solis), которое отправлялось въ Римѣ 24 и 25 Декабря, и рожденія Миѳры, коему подъ разными именами покланя-

---

(4) Въ VI вѣкѣ только Юстиніанъ опредѣлилъ праздникъ Р. Х. слѣдующимъ закономъ: Omnes dies jubemus esse juridicos. Illos tamen manere feriarum dies fas erit, quos geminis mensibus ad requiem laboris indulgentior annus excepit: aestivis fervoribus mitigandis: et autumno fructibus discerpendis; kalandarum quoque Ianuarinarum consuetos dies otio mancipimus. His adjicimus natalitios dies urbium maximarum Romae et Constantinopoleos. Sacros quoque Paschae dies, qui septenno numero vel praecedunt vel sequuntur. Dies etiam natalis, atque Epiphanarium Christi и п. См. Обозрѣніе Кормчей книги въ испор. видѣ. сочин. *Б. Розенкампфа*. М. 1829, въ 8.

лись отъ Днѣпра до Парижа (5). Вотъ почему иногда дѣлается примѣненіе и сравненіе рожденнаго Христа съ возраждающимся и объюнѣвшимъ солнцемъ, какъ сказано въ словѣ на Р. Х. „*Свѣтла Августови показа дѣвицу младенца на руку держащую* (6). Яснѣе еще сдѣлано такое примѣненіе въ слѣдующемъ древнемъ пѣснопѣніи Римско-Католической церкви, гдѣ оно называлось Koledo (7):

Солнце на зимнюю грань едва лишь спало — внезапно
Новое съ нимъ возтекло свѣтило, бури сметая:
Воплотился Христосъ! и лучь проливая спасенья,
Днямъ растущимъ велѣлъ питаться добычею ночи!

Календы принадлежали еще народу, который съ перемѣною религіи и законовъ не хотѣлъ перемѣнить своихъ старыхъ обычаевъ и увеселеній, не смотря на всѣ старанія Духовенства отвратить его отъ ѣшихъ обычаевъ, кои часто превращались въ безчинства. Тертулліанъ вооружался противъ Календскихъ бѣснованій и особенно противъ маскированія. С. Іоаннъ Златоустъ укоряетъ Христіанъ въ томъ, что „они вѣ„рятъ, что если проведутъ новолуніе сего „мѣсяца въ удовольствіи и весельи, то и

(5) Réligions de l'antiquité, par Dr. *Creuzer*, refondu en partie et complété par *J. D. Guigniaut*. t. I. à Paris. 1826.
(6) Четьи Минеи, Декабрь. (7) прелож. *А. Н. Муравьева*.

„цѣлый годъ будетъ для нихъ такимъ же.“ Таковая примѣта соединялась съ трапезою наканунѣ Рождества Хр. у Славянскихъ племенъ. Этотъ языческій обычай вспрѣчается въ древности, какъ видно изъ словъ Пр. Исаіи, г. 65 спп. 11: „Вы же оставшіи мя, „и забывающіи гору святую мою, и *уготов„ляющіи демону* (*Gad*) *трапезу* и исполняю„щіи *частію раствореніе*, и пр.“ Въ объясненіи на это мѣсто блаж. Іеронимъ пишетъ, что „во всѣхъ городахъ, особенно въ Египтѣ и Александріи существуетъ древній языческій обычай: ставить въ послѣдній день года трапезу, наполненную всякаго рода кушаньями, и чашу вина въ знаменіе плодородія прошедшаго или наступающаго года.“ Папа Захарій въ декретѣ своемъ запрещаетъ „отправ„лять Январскія календы по языческому обы„чаю и учреждать трапезы въ домѣ своемъ.“ Бонифацій, Апостолъ Нѣмцевъ, этому Папѣ доноситъ, что „въ ночь Январскихъ календъ язычники ходятъ по улицамъ въ хороводахъ съ восклицаніями и нечестивыми пѣснями.“ То же вспрѣчается и въ Скандинавіи. — Блаж. Августинъ въ бесѣдѣ своей de Kalendis Januariis (8) говоритъ, что они происходятъ отъ Яна, вождя язычниковъ, котораго они боялись, какъ

(8) Homelia B. Augustini de kalendis Ianuarii. Parisiis. 1611, in 12.

„бога; его представляютъ они съ двумя ли„цами, однимъ спереди, другимъ сзади. Въ „дни праздника его одѣваются въ кожи звѣ„риныя, придѣлываютъ на себя головы ско„товъ и т. д. Въ Календы Январскія также „совершаютъ гаданія, никому не даютъ огня „изъ своего дома, а нѣкоторые невѣжды на„крывъ столы со всякимъ кушаньемъ, остав„ляютъ ихъ на цѣлую ночь, воображая, что „Календы могутъ доставить имъ такое же „изобиліе на цѣлый годъ.“ Переряжаніе сіе выражается у бл. Августина и другихъ словами cervum и cervolum facere: что̀ значитъ представлять, играть оленя; оно сходно съ Рускимъ: *козу играть*. см. *Масляница*.

Епотъ обычай произошелъ отъ того, что язычники представляли любовныя дѣла̀ своихъ боговъ; *рога̀* же (*κέρατα*, cornua) суть символы прелюбодѣянія: поетому и Юпитеръ называется рогатымъ любовникомъ (cornutus amator); ибо онъ похитилъ Европу въ видѣ тельца и забавлялся въ образѣ Сатира. *Tertull.* in Apologet. dist. 94. Артемидоръ въ книгѣ о снахъ, кн. 2 гл. 12, утверждаетъ, что издревле говорилось *приставить рога̀* о женахъ, измѣнившихъ въ цѣломудріи мужьямъ: *ὁ τε ἡ γυνὴ σου πορνεύσει καὶ τὸ λεγόμενον κέρατα αὐτῷ ποιήσει*, т. е. если прелюбодѣйствуетъ жена, то говорится: „рога дѣлаетъ.“ Ето дало поводъ къ извѣстной поговоркѣ:

Cornua qui faciunt, cur cornua ferre recusent? По сей то причинѣ язычники иногда изображали боговъ своихъ съ оленьими головами. У Франковъ употреблялось слово Chervali и Chermari о вступающихъ во второй и третій браки, подверженныхъ болѣе измѣнѣ.

Хотя всѣ такія игрища въ Христіанскомъ мірѣ запрещались Церковію; однакожь привычка ихъ столько укоренила въ народѣ, что онѣ не могли совершенно искорениться; ибо переряжанье вошло въ обычай и у самыхъ церковнослужителей. Таковъ былъ праздникъ иподіаконовъ — не отъ того, чтобы дѣйствительно одни иподіаконы совершали сіе нечестивое празднество; но потому, что въ народѣ подъ симъ шуточнымъ наименованіемъ слылъ епотъ праздникъ, въ коемъ участвовали и пьяные клирики. Праздникъ иподіаконовъ, по свидѣтельству Белета въ XII в. извѣстенъ также былъ подъ именемъ *праздника дураковъ, фатуевъ* (stultorum, fatuorum), отправлявшійся иными въ день Обрѣзанія, другими въ Крещеніе. Обычай переряжаться существовалъ болѣе на Западѣ, чѣмъ на Востокѣ. Въ 16 правилѣ восьмаго собора, непринятаго Восточною Церковью, мы читаемъ, что были тогда „такіе міряне, которые изъ ко„щунства одѣвались попами и Епископами, „выбирая себѣ начальника“ и пр. Въ Римско-

Католической Церкви введено было неприличное празднество въ концѣ Декабря подъ именемъ *Декабрской вольности* (libertas Decembrica), которая дозволяла Епископамъ съ подчиненными своими въ киновіяхъ потѣшаться разными играми, по примѣру язычниковъ, у которыхъ въ этомъ мѣсяцѣ пользовались свободою рабы, рабыни и пастухи, участвуя вмѣстѣ съ господами въ общихъ празднествахъ по собраніи жатвы. *Beletus*, c. 120 (9). Таковъ *Керегупъ вечеръ* у Карпаторossовъ. Папа Иннокентій III (1198 — 1216) такъ писалъ къ Гнѣзненскому Архіепископу Генриху касательно позорищъ въ церкви о Р. Х.: „Поелику въ церквахъ совершаются позорища и не только вводятся для потѣхи чудовищныя личины (monstra larvarum), но даже при нѣкоторыхъ праздникахъ сами діаконы, пресвитеры и поддіаконы участвуютъ въ безчинныхъ играхъ: то тебѣ возлюбленному о Христѣ брату надлежитъ искоренять въ подвѣдомственныхъ церквахъ подобные обычаи, да не обезчестится домъ Господень таковою мерзостію.“ Праздникъ дураковъ, отправлявшійся въ Парижской и другихъ церквахъ, запрещенъ былъ Парижскимъ соборомъ 1212 г. и другими. Однако въ описи Іоркской

(9) Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie, von J. C. Augusti. Leipz. 1822, 6 t. in 8.

церкви 1550 г. читается слѣд.: „Малая митра „съ каменьями для Епископа дѣтей; также „одинъ перстень и двѣ панагіи на подобіе „креста, осыпаннаго каменьями“ и пр. Что же касается до Франціи, то Парижскій богословскій факультетъ въ 1444 г. приговоромъ своимъ способствовалъ къ совершенному уничтоженію этого праздника, во время коего „священники и клирики, выбравъ „Архіепископа или Епископа, или Папу, именовали его *Папою дураковъ*: ибо тогда уже „начинали въ Европѣ возставать на Римскаго Первосвященника. Даже во время „самаго священнодѣйствія они плясали въ „чудовищныхъ личинахъ и въ одеждахъ женскихъ или шутовскихъ и въ кожахъ львиныхъ, пѣли срамныя пѣсни, на алтарѣ ѣли „блины (offas pingues), и бѣгали по всей церкви.“

Вѣроятно, этотъ обычай Западной церкви узналъ Петръ I во Франціи или Германіи и, по возвращеніи своемъ въ Россію, наряжалъ Зотова Папою, а другихъ любимцевъ своихъ Кардиналами, діаконами и церемоніймейстерами, и въ сопровожденіи хора пѣвчихъ о Святкахъ ходилъ съ ними къ боярамъ по домамъ славить (10). см. ниже.

(10) I. Haigold's (A. L. Schlözer) Beylagen zur verändert. Russland. Leipz. 1769 — 70, II Th. p. 79.

Въ Кормчей книгѣ, на основаніи XXII гл. ст. 5 Второзаконія (11), подобныя переряживанія запрещаются слѣдующими словами: „Да „отвержены будутъ отъ вѣрныхъ жившія и ко„мическая и сатирическая и козляя лица. С. „Отцы не повелѣваютъ мужамъ облачатися „въ женскія ризы, ни женамъ въ мужескія, „еже творятъ на праздникъ Діонисовъ пля„шуще: ни лицъ же косматыхъ возлагати на „ся, ни козлихъ, ни сатирскихъ. Косматая „убо лица суть наруганіе нѣкимъ ухищрена, „козляя же, яко жалостна и на плачь подви„зающа“ и пр. Валсамонъ, Патріархъ XII в. свидѣтельствуетъ, что, не смотря на запрещеніе церкви, „на Западѣ продолжалось наряжанье въ шутовское платье, въ сатировъ, комедіантовъ и трагиковъ или въ скоповъ, кумировъ и чудовища, и вмѣсто сего представляли рожденіе Сына Божія, явленіе Ангеловъ пастырямъ, Обрѣзаніе, звѣзду, трехъ Царей и тому подобное“ (12). Что̀, какъ увидимъ, перешло и въ Россію.

Константинъ багрянородный въ описаніи церемоній Византійскаго Двора упоминаетъ о *Готскихъ играхъ*, кои отправлялись

(11) „Да не будетъ утварь мужеска на женѣ, ни да облачится мужъ въ ризу женску.“

(12) *Balsamo* synodi Trullensis, c. 62.

о Рождествѣ Хр. при Дворѣ, въ присутствіи Императора. „Назначенные для такихъ потѣхъ люди — пишетъ онъ — являлись въ личинахъ и въ шубахъ, вывороченныхъ на изнанку: бѣгали, вертѣлись, ударяли жезлами въ щиты̀ и пѣли пѣсни подъ музыку.“ По свидѣтельству Кодина, святочныя потѣхи въ Византіи отъ того назывались *Готскими*, что Греки, перерядясь Готами, какъ можно страннѣе, приходили къ Императору съ поздравленіемъ и за то получали отъ него деньги.“ Въ праздникъ Р. Х. — продолжаетъ Кодинъ — подходилъ къ Императору вельможи и чиновники; потомъ Варанги и другіе иноплеменники, составлявшіе Царскихъ тѣлохранителей, возглашали многолѣтіе Государю; а пѣвчіе пѣли кондакъ: *Дѣва днесь пресущественнаго раждаетъ* — и оканчивали многолѣтіемъ.“ Двору, вѣроятно, подражали и вельможи. Въ продолженіи близкихъ сношеній Россіи съ Византійскимъ Дворомъ могли сіи обычаи перейти въ нее, если еще они прежде не были извѣстны въ племенахъ Славяно-Рускихъ, изъ коихъ находились тѣлохранителями при Византійскихъ Императорахъ то подъ именемъ *Варяговъ*, то *Готовъ*, или вообще *Варваровъ*. Въ сихъ *Готскихъ играхъ* мы узнаемъ наши *Святки*, кои подъ разными именами извѣстны у Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ.

„Готскія игры встрѣчаются у насъ, говоритъ Саксонецъ Рейске, подъ именемъ die Knechte Ruperte, Робертовы воины. Въ продолженіи 12 дней праздника Рождества Христова молодые люди одѣвались въ звѣриныя шкуры, съ рогами на головѣ, марали себѣ лица сажею, а въ зубы брали горящіе уголья, бѣгали по улицамъ съ мѣшками, въ кои стращали запрятать дѣтей, ударяли съ крикомъ въ цимбалы“ и т. д. (13).

Въ Скандинавіи Рождественскія Святки извѣстны подъ именемъ Іольскаго или Юльскаго праздника (Iuul, Ioel), какъ важнѣйшаго и продолжительнѣйшаго изъ всѣхъ: онъ отправлялся въ Норвегіи въ честь Тора среди зимы, а въ Даніи въ честь Одина для благословенной жатвы и скораго возврата солнца. Обыкновенно начинался онъ въ полночь 4 Января и продолжался цѣлыя три недѣли. Первые три дня сего празднества провождаемы были въ благоговѣреніяхъ; а послѣднее время въ пиршествахъ и весельи. Названіе Iuul, вѣроятно, произошло отъ Hjul, по Датски колесо; потому что годъ тогда поворачивался колесомъ. Въ послѣдствіи времени, говоритъ сочинитель Сѣверной Миѳологіи Мэнхенъ, тоже самое названіе дано введенному на мѣсто языческаго Христіанскому празднику. Древность Іоль на Скандинавскомъ Сѣверѣ усматривается изъ того, что объ оном упоминаетъ Прокопій, писатель Византійск. VI в. Долгайшая и мрачнѣйшая ночь въ году, которая предшествовала и содѣйствовала рожденію Фрейера, или Солнца, называлась у древнихъ Англо-Саксовъ *Материнскою ночью* (Moedrenecht); ибо почитаема была матерью солнца, или солнечнаго года. Въ сіе время, по вѣрованію сѣверныхъ народовъ, являлся духъ Юлеветтенъ въ образѣ черноликаго юноши, съ женскою повязкой на головѣ, закутаннаго въ черный плащь длинный: въ такомъ видѣ является онъ ночью въ домы, какъ у Русскихъ *суженый ряженый*, принимаетъ подарки. Сіе нынѣ на всемъ Сѣверѣ обратилось въ забавную игру безъ всякаго суевѣрія (14). Почти такую же ролю играютъ на Германскомъ Сѣверѣ Филліи. На Іольскомъ праздникѣ убиваемъ былъ въ честь Фрейера большой вепрь въ присутствіи Короля; надъ симъ священнымъ животнымъ, положивъ руки, клялись въ ненарушимой вѣрности подданные его. По окон-

(13) *Constantini porph.* l. 11, de caeremoniis aulae Byzantinae, ed. I. Leichii et Reiskii. Lipsiae. 1754 f.

(14) Edda Saemundina, t. III. p. 326.

чаніи жертвы, всѣ предавались Іольскимъ весельямъ, кои состояли въ ѣдѣ, питьѣ, пляскахъ и разныхъ играхъ: онѣ продолжались семь дней. Даже донынѣ о Святкахъ убиваются свиньи и пекутъ пироги на подобіе свиней (15). Остатки сего празднества не только на Скандинавскомъ Сѣверѣ, но и въ Англіи и Германіи сохраняются по различнымъ областямъ въ играхъ, пляскахъ и пѣсняхъ, къ коимъ присоединяются многія суевѣрныя примѣты и гаданія. см. ч. I.

Въ Англіи, за нѣсколько дней до Р. Хр., начинаются въ большей части городовъ ночное пѣніе и музыка по улицамъ. Въ Голландіи 8 ночей предъ праздникомъ и 8 ночей послѣ *Клапперманъ*, или сторожъ, возглашая часы, подъ утро прибавляетъ къ етому смѣшную пѣсню, въ коей совѣтуетъ обывателямъ ѣсть кашу съ изюмомъ, по случаю праздниковъ, и класть въ нее патоки, отъ чего она будетъ еще вкуснѣе. Обряды, какими сопровождается канунъ Рождества, и какіе были прежде общеупотребительны на Западѣ Европы, дышатъ весельемъ, представляющимъ пріятную пропивуположность съ печальнымъ временемъ года. Домы и церкви

(15) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Thany. Znaim. 2 B. 1827, 8.

украшаются вѣтвями зеленыхъ деревъ, веселыя пѣсни раздаются въ деревняхъ, слышится музыка ночныхъ сторожей; въ полночь начинаютъ звонить въ колокола. У простаго народа бездна смѣшныхъ преданій по случаю етого дня, и ночь предъ Рождествомъ бываетъ свидѣтельницей множества суевѣрныхъ наблюденій. Въ цѣлой Англіи существуетъ повѣрье, что если войти въ хлѣвъ ровно въ полночь, то найдешь весь скотъ на колѣняхъ. Многіе убѣждены, что пчелы поютъ въ ульяхъ, привѣтствуя наступающій день праздника. Ето повѣрье распространилось по всей Католической и Протестантской Европѣ (17). Вечеромъ женщины ни за что не оставятъ кудели на прялкахъ, чтобы чортъ не вздумалъ вмѣсто ихъ сѣсть за работу. Молодыя дѣвки даютъ етому другой толкъ: онѣ говорятъ, что, если не допрясть кудели наканунѣ Рождества, прялка придетъ за ними въ церковь при вѣнчаніи и мужья ихъ подумаютъ, что они Богъ-вѣсть какія лѣнтяйки. Если не досугъ допрясть: онѣ, по крайней мѣрѣ, солятъ кудель, чтобъ сохранить и отъ сатанинской силы. Если нитки останутся на моповилѣ, ихъ не снимаютъ, какъ обыкно-

(17) Poetical works of *Sir Walter Scott*, v. IV. Eding. 1823, въ 12.

венно, а разрѣзываютъ. Это торжество было у народовъ сѣверо-западной Европы порою великихъ жертвоприношеній. Датчане приносили тогда человѣческія жертвы; Готѳы кабана, потому что это животное посвящено солнцу, какъ у Персовъ конь. И до сего времени крестьяне въ этихъ краяхъ пекутъ въ Рождество кабановъ изъ тѣста, ставятъ ихъ на столъ вмѣстѣ съ другими яствами и не трогаютъ во весь праздникъ, думая, что отъ этого зависитъ ихъ благополучіе. Печеный кабанъ называется Iulagalt. Въ другихъ мѣстахъ довольствуются печенымъ поросенкомъ. Въ Шотландіи берегутъ послѣднюю горсть хлѣба, сжатую лѣтомъ, и раздаютъ ее лошадямъ и коровамъ утромъ въ Рождество, чтобы предохранить ихъ на годъ отъ болѣзней. Въ старину, первое блюдо, которое подавали въ этотъ день у каждаго добраго Англичанина, была кабанья башка въ уксусѣ и съ лимономъ въ пасти. При этомъ пѣли пѣсню, которая и теперь еще сохранилась въ одномъ Оксфордскомъ коллегіумѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Шотландіи есть примѣта, что кто первый отворитъ дверь въ праздникъ Юля, тотъ будетъ счастливъ во весь слѣдующій годъ; потому что онъ впустилъ Юля. Для этого языческаго божества иные по-сю-пору накрываютъ при-

боръ и ставятъ хлѣбъ съ сыромъ и какой-нибудь напитокъ, такъ какъ дѣлали Восточные народы. см. выше стр. 9. Каждый гость долженъ отвѣдать этой жертвы; если жъ уйдетъ безъ этого, дурная примѣта. Объ Рождествѣ, въ Новый годъ, въ первый Январскій понедѣльникъ и 3го Мая, суевѣрные люди въ Шотландіи ни за что не дадутъ угольевъ сосѣдямъ, опасаясь колдовства и порчи, какъ древніе Римляне. Въ западныхъ областяхъ Англіи объ Рождествѣ кланяются яблонямъ, чтобы онѣ на слѣдующій годъ были плодоноснѣе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обыватели совершаютъ ходы по плодовитымъ садамъ и кланяются одному какому-нибудь дереву, произнося родъ заклинанія или заговора; послѣ того орошаютъ дерево яблочнымъ сокомъ, или разбиваютъ объ него кубокъ съ этимъ напиткомъ — все для урожая. Также къ Рождественской ночи дѣлаютъ особенныя свѣчки, такія толстыя, что онѣ горятъ съ вечера наканунѣ праздника до исхода слѣдующаго дня, и если погаснутъ прежде, это предзнаменуетъ несчастіе въ семействѣ. Въ сѣверной Шотландіи лавочники дарятъ Юлевыя свѣчи своимъ покупщикамъ: строгіе наблюдатели суевѣрныхъ обрядовъ даютъ имъ горѣть до тѣхъ поръ, пока онѣ сами погаснутъ; другіе напротивъ задуваютъ ихъ

прежде, и берегутъ огарки въ видѣ талисмановъ. Тамъ есть также ночное гаданье Tag-hairm, на воловьей кожѣ, сходное съ Рускимъ, какъ увидимъ ниже. Въ Англіи въ Святки (Christmass holy-days) есть множество другихъ суевѣрій, изъ коихъ ограничимся двумя или тремя примѣрами. Кто-нибудь изъ членовъ семейства встаетъ въ Рождество ранѣе всѣхъ другихъ и приготовляетъ завтракъ, который они должны скушать на постели. Завтракъ этотъ обыкновенно состоитъ изъ пирожковъ съ яйцами. На каждаго человѣка въ домѣ печется по пирожку, и чей пирогъ развалится во время печенія, тому не дожить до будущаго праздника. Наканунѣ Рождества кладутъ въ огонь преполстое полѣно, которое должно горѣть во весь слѣдующій день, а если можно, и долѣе. Для зажженія его стараются имѣть головню, сбереженную отъ прошлогодняго полѣна, подобно Сербскому *Бадняку*, и служившую предохранительнымъ средствомъ отъ всякой напасти. Пока Рождественское полѣно не потухнетъ, всей домашней челяди отпускается къ столу пиво. 29 Декабря, когда празднуется память избіенія младенцевъ царемъ Иродомъ, вспарину обыкновенно будили дѣтей плетью, чтобы хорошенько вбить имъ въ память его кровопролитіе.

День, въ который приходился этотъ праздникъ, почитали *черным*ъ во весь годъ и боялись больше, нежели Рускіе понедѣльника (18).

Въ Германіи во время священныхъ ночей (Juelfest, Weihnacht) простолюдины наряжаются. Между многими повѣрьями существуетъ одно, будто наканунѣ Рождества Христова говорятъ скоты, и обычай ставить для дѣтей дерево, обвѣшенное плодами, конфектами и игрушками (Weinachtsbaum), представлять въ лицахъ исторію рожденія І. Христа и т. д. „Въ Саксоніи, въ деревнѣ Шолбекѣ, по свидѣтельству Кранца, юноши и мужи съ женщинами проводили навечеріе Р. Хр. на погостѣ С. Магна въ безчинныхъ плескахъ и въ нечестивыхъ пѣсняхъ.“ Тоже мы читаемъ въ Стоглавѣ, гдѣ описывается, что „на навечеріи Р. Христова и Крещенія „сходятся мужи и жены на нощное плещо„ваніе, игры, глумленіе и бѣсовскія пѣсни.“ Нѣкоторые способы *ворожения* (Wahrsagen) у Нѣмцевъ сходны съ Славяно-Рускими; у первыхъ доселѣ дѣвушки для узнанія судьбы своей льютъ воскъ и олово (Wachsgießen, Bleygießen), дѣлаютъ птицеволхвованіе и пр.

„Декабря 24 — пишетъ Карамзинъ — „Язычники Рускіе славили Коляду, бога тор-

(18) Библіотека для Чтенія, 1835 г. № XI.

„жествъ и мира. Еще и въ наше время, на-
„канунѣ Рождества Хрістова, дѣти земле-
„дѣльцевъ собираются *колядовать* подъ окнами
„богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина
„въ пѣсняхъ, твердятъ *Коляды* и просятъ
„денегъ. Святочныя игрища и гаданія ка-
„жутся остаткомъ сего языческаго празд-
„ника“ (19). Хотя многіе производятъ *Ко-
леду* отъ Римскихъ *Календъ* по тому, что
празднованіе оной приходится въ одно по-
чти съ ними время и самыя слова созвучны
между собою; но *Календы* у Римлянъ были
не въ одномъ Январѣ, а во всѣхъ мѣсяцахъ.
Что жъ касается до замѣченнаго нами сход-
ства въ нѣкоторыхъ частяхъ этого празд-
ника Янусова съ Славяно-Рускимъ: то вѣро-
ятно оно произошло отъ Славянскихъ пле-
менъ, бывшихъ подъ Римскимъ владычест-
вомъ и въ послѣдствіи передавшихъ этотъ
обычай своимъ переселенцамъ на Западъ и Югъ
Россіи, гдѣ донынѣ воспѣвается *Коледа* и про-
должается *Коледованье*, а на Сѣверъ, пола-
гать надобно, онѣ перенесены Балтійскими
Славянами. Какъ народъ, принимая и усвоивая
себѣ чуждыя понятія и вѣрованія, всегда ищетъ

(19) *Харамз.* И. Г. Р. I, стр. 61 и 101. Въ рукоп. XVI вѣка въ житіи С. Борися и Глѣба день кончины ихъ означенъ *Календами*.

въ нихъ сходства внѣшняго или внутренняго
съ коренными своими понятіями и вѣрованіями:
то и *Коледа* у разныхъ Славянскихъ племенъ и
Рускихъ получила разное знаменованіе и про-
изводство, болѣе соотвѣтственное ихъ духу,
мѣстности и обычаямъ. У Виндійцевъ Koléda
почитается за божество празднествъ, или
нѣкоторые религіозные обряды; а Kolédowati
выражаетъ: хожденіе крестьянскихъ дѣтей
по домамъ съ пѣснями и плясками. Koliado, или
Koleda, также wanočnj pisničky, по свидѣтельству
Словарей Бернолака, Юнгманна и Вука Сте-
фановича, у Чеховъ, Сербовъ и Болгаровъ зна-
читъ святошная пѣснь; choditi po Kolede, по-
здравлять съ новымъ годомъ и за ето полу-
чать подарки. Koléda у Словаковъ знаменуетъ
благословеніе домовъ, какое у нихъ бываетъ
около праздника Трехъ Царей, а kóledowat, бла-
гословлять домы. Богемская Исторія объ-
ясняетъ *Коледу* набожнымъ обычаемъ хо-
дить священнослужителямъ по домамъ съ
св. крестомъ и мощами о Рождествѣ Хрі-
стовѣ; ето учреждено въ XI вѣкѣ Чешскимъ
Княземъ Бретиславомъ, по изгнаніи всѣхъ
колдуновъ и оборотней изъ своихъ владѣній.
Кроаты, Босняки и другіе народы Славян-
скаго племени подъ *Коледою* разумѣютъ по-
дарокъ въ Новый годъ: тогда въ Римско-
Католическихъ церквахъ раздавались на-

роду сдѣланныя изъ тѣста ясли, пеленки и другія принадлежности къ мѣсту рожденія І. Христа: что̀ называлось *Календами*. И теперь Римское Духовенство разсылаетъ на канунѣ Р. Х. тонкіе изъ тѣста, какъ облашки, листки разныхъ цвѣтовъ съ выписнутыми на нихъ изображеніями, относящимися къ етому празднику, и хозяева, разговляясь съ семействомъ или гостями, берутъ вмѣстѣ такой листокъ съ обоихъ концевъ, и, разламывая вдругъ, съѣдаютъ каждый свою часть въ знакъ единовѣрства и братства Христіанскаго, и сіе собственно значитъ у нихъ поздравленіе другъ друга съ праздникомъ Рождества Христова. Подобный западному обычай существовалъ въ Шенкурскѣ до 1780 г: тамъ въ каждомъ домѣ приготовляли къ празднику Рождества Христова изъ пшеничнаго тѣста фигуры, изображающія маленькихъ коровъ, быковъ, овецъ и другихъ живопныхъ и пастуховъ. Такія фигуры ставились на окна и столы, посылались въ подарокъ роднымъ. Обычай етотъ, прекратившійся въ городахъ, сохраняется въ Шенкурской и Вельской округахъ (20).

(20) Свѣденія о народныхъ праздникахъ въ Шенкурской и Вельской округахъ М *Мясникова*, въ рукоп. 1829.

Гваньини говоритъ, будто у Рускихъ боярскія дѣти часто получали отъ Великаго Князя *кіовую Календу*, т. е. палочный подарокъ. Линде въ Словарѣ своемъ производитъ *Коленду* отъ *колѣнѡ-даванія*, т. е. отъ колѣнопреклоненія предъ рожденнымъ Спасителемъ міра. Самый стихъ, поемый въ Западной церкви *Collaudemus, collaudemus* Christum regem, даетъ поводъ производить отъ него Colenda, соотвѣтствующее Малороссійскому *Коледованью*, или славленью, и средне-Греческому сл. *κογλαδῶ* славлю, воспѣваю. Сверхъ того, по свидѣтельству Боёція и другихъ Западныхъ писателей, священнослужители Римской церкви именовались отъ colendo Colidei и Culdei, богочтецы, ублажавшіе Бога пѣснопѣніемъ (21). Наконецъ Г. Гнѣдичъ производитъ Коледу отъ *χολαδεῖς* (кишки) колбасы, коей кольцо выпрашиваютъ себѣ Колядовщики въ Малороссіи. — На Рускомъ Югѣ и Сѣверѣ, гдѣ Декабрь назывался *Студенымъ*, *Коледа* получила другое знаменованіе и примѣненіе, соотвѣтственное климату, мѣстности, нравамъ и обычаямъ жителей; по отношенію къ времени года, она имѣетъ такое же значеніе, какъ Скандинавскій Юль (юла?), т. е. колесо; ибо въ ету пору годъ обращался колесомъ, кото-

(21) *Ducange* Glossarium mediae et infimae Latinitatis. VI v. 8.

рое на Славянскомъ называется *коло*, сходно съ Греч. *κύκλος* кругъ, колесо, отъ *κυλίω*, или *καλινδέω* качаю. Какъ во время Руской *Коледы колдуютъ*, такъ и Западное *коледованье* сближено на Рускомъ Сѣверѣ съ *колдованьемъ*.

Коледы не находится въ числѣ божествъ Владиміровыхъ, приводимыхъ Несторомъ и Макаріемъ; къ нимъ онъ присоединенъ въ Четьи Минеи С. Димитріемъ Тупталою, въ житіи В. К. Владиміра I, какъ богъ зимняго празднованія. Гизель, руководствуясь Стрыковскимъ, говоритъ: „Коляда шестый идолъ, „богъ праздничный, ему же праздникъ велій „мѣсяцъ Декемврій въ 21 день сочиняхуть.“ Послѣдователи ихъ сопричислили Коляду къ богамъ Славянскимъ, и внесли въ систему Миѳологіи, хотя нигдѣ въ древнихъ памятникахъ онъ не попадается въ такомъ значеніи. По етому вѣроятнѣе, согласно съ Копыпаремъ, *Коляду* признать можно не божествомъ, а праздникомъ, который олицетворяется въ сказаніяхъ и пѣсняхъ народныхъ (22).

Коледа въ Южной и Западной Руси собственно есть канунъ праздника Рождества Христова, который извѣстенъ на Сѣверо-Востокѣ Россіи болѣе подъ именемъ *Авсеня*, или

22) Россія въ истор. статист. и геогр. и лит. отношеніяхъ, *Ѳ. Булгарина*. Спб. ч. 2. 1837, въ 12.

Таусеня, у Литовцевъ, *вечера колодокъ*, или *Блоккова*, въ которой почти вездѣ въ Славянскомъ и Рускомъ мірѣ готовится изъ зерноваго хлѣба *каша* и изъ пшена и плодовъ *кутья*, напоминающая Индѣйскій Перунъ-Понголъ и *Угады*, въ кои по варенію пшена угадывали жребій въ наступающемъ году. Коледа бываетъ *Васильевская* наканунѣ Новаго года и *Крещенская* наканунѣ Богоявленія, или *Водокрещей*, первая *богатая*, другая *постная*. Въ Малороссіи хожденіе съ вертепомъ и звѣздою, сдѣланною изъ бумаги, и пѣнье виноградья, извѣстно подъ именемъ *Коледы*. Даже около Москвы, гдѣ Колядою называется день, предшествующій Р. Христову, тогда поютъ:

Уродилась Коляда
Наканунѣ Рождества,

и возятъ на саняхъ дѣвку въ бѣлой рубашкѣ сверхъ одежды: ета дѣвка слыветъ *Коледою*. Во Владимірской Губерніи, особливо въ Муромскомъ уѣздѣ, тогда въ пѣсняхъ припѣваютъ *Коледа Таусень*.

О переходѣ сего праздника и имени изъ Новгорода въ Костромскую и другія Великороссійскія Губерніи, вѣроятно, во время *разводовъ* въ XV и XVI вѣкахъ, свидѣтельствуетъ слѣд. пѣсня, которую тамъ поютъ о Святкахъ:

Шла Коледа
Изъ Новагорода и т. д.

У Румыновъ Святки именуются *Кречуномъ*, у Карпато-Россовъ канунъ Р. Христова— *Кречунъ*, который у нихъ почитается за божество, а *коледованье* за празднованье. *Корочуномъ* у Рускихъ въ старину назывался и Рождественскій постъ, по мнѣнію Карамзина, отъ *короткихъ* дней (23). Но *Корочунъ* созвученъ съ Сербск: *кóрачити* ходить, шествовать, съ Рускимъ *корчить*, въ значеніи представлять изъ себя что или кого, и съ *Хорсомъ*, или *Корсомъ*, однимъ изъ семи Кіевскихъ божествъ. Не относится ли также сюда упоминаемое въ Словѣ *чародѣяніе* надъ *корчагами*?

Въ Великороссійскія Святки, кромѣ *славленья* дѣтей по домамъ, бываютъ *наряжанья* въ разныя лица и въ разные костюмы, и *загадыванья*. То и другое совершается вечеромъ, а послѣднее болѣе въ самую полночь: сценою ихъ избираются домы и улицы, особливо перекрестки, двери церковныя, также погосты, или кладбища, проруби рѣкъ, поляны, гумны, овины, бани, куряшники и т. д.

§ 1. Святочное переряживанье есть Русскій народный маскарадъ, который издревле извѣстенъ на Руси, такъ равно и во всей

(23) *Карамз.* И. Г. Р. ч. II, пр. 288. — см. I ч. сей книги.

Европѣ. Маски же, употребительныя въ глубокой древности, въ оргіяхъ Бахусовыхъ, какъ средства противъ очарованія, назывались у Рускихъ Славянъ *личинами*, а въ Кормчей рукоп. XIII в. *обличьями игрѣць и ликъственникъ*, также *наличниками*, въ Словѣ *скаредными образованіями*, попомъ *лицами косматыми, козлими, сатирскими, окрутами, скуратами* и *лудами*, а самое маскированіе и переряживанье — *москолюдствомъ* и *окручаньемъ*: первое вѣроятно происходитъ отъ соединенія словъ Тосканскаго masca, *маска* и *люда* (24), а другое сходно съ Греческимъ *γρύτη, γρυτάριον* вѣтошь, рубище, въ какое *окручались* окрушники. Въ поученіи Архіепископа Луки, XII вѣка, запрещается *москолюдство имѣти*. Упоминаемая въ Патерикѣ Печерскомъ *луда на бѣсѣ въ образѣ Ляха*, означаетъ личину, или маскерадное платье ludix (25). Въ Прологѣ подъ 25 Декабря личины и хари называются *скуратами* отъ Лат. слóва scurra шутъ, или отъ стариннаго Рускаго *скóра*, удержавшагося нынѣ въ сл. *скорнякъ*, то же что шкура, Лат. corium, Чешское kura. см. ч. I. стр. 230. Перея-

(24) сравни: Was bedeutet das in den russischen Chroniken unter dem I. 1024 vorkommende Wort луда? antiq. Abhandl. von A. I. *Siogren*. S. P. 1834. in 4.

(25) Рускія достопамятности, ч. I. М. 1815, въ 8.

живанье состояло, также какъ у Византійцевъ Гошское, въ надѣваніи на себя вывороченныхъ наизнанку шубъ, или винчуръ, *гунь* (γοῦναι) и страшныхъ личинъ: *корчили* изъ себя разныхъ звѣрей: то медвѣдей, то козловъ съ рогами и другія пугалища; мущины переряжались женщинами, а женщины мущинами съ тѣмъ, чтобы другіе не могли ихъ узнать. Въ такомъ видѣ они хаживали, *колобродили*, вечеромъ по домамъ знакомыхъ и даже незнакомыхъ. Въ Номоканонѣ, издан. въ Кіевѣ 1624 г., на стр. 56, говорится слѣд: „Нынѣ Хрістіанскія дѣти сія „творятъ: въ одежду женскую мужіе облачатся и жены въ мужескую; или наличники, якоже въ странахъ Латинскихъ „злѣ обыкоша, творятъ, различныя лица себѣ „претворяюще.“ Между Греками и Латинами, въ средніе вѣки, существовало мнѣніе, будто въ продолженіе осьми дней послѣ Рождества Христова дьяволы скитаются по земли, и, при наступленіи разрушенія ихъ царства, изгоняемые, въ тревогѣ и тоскѣ рыскаютъ по улицамъ въ мрачномъ и огнезрачномъ видѣ, терзая, муча и увлекая встрѣчныхъ и поперечныхъ. Переряженные, или святошники, умышленно представляютъ воплощенныхъ дьяволовъ, и исторія Тюрпеня называетъ ихъ *личинами брадатыми*, *рогатыми* и *похожими* на *демоновъ*. Одинъ древній писатель объясняетъ силу отвораживанія масокъ тѣмъ, что онѣ своимъ страннымъ и нелѣпымъ видомъ удаляютъ очарованіе отъ самыхъ лицъ, кои ихъ носятъ (26). Но какъ личины сіи оскверняютъ людей (ибо, по изъясненію Нантскаго собора, *маски* суть *личины демоновъ*): то посему тѣ, которые рядились на Святкахъ, имѣли обыкновеніе очищаться купаньемъ въ рѣкахъ въ день Крещенія Господня.

Въ Новгородѣ Святки извѣстны подъ именемъ *Окрутниковъ*, которые со втораго дня праздника Р. Х. до Богоявленія наряженные ходятъ по городу въ тѣ домы, гдѣ въ знакъ приглашенія ставятся на окнахъ, зажженныя свѣчи, и тѣшатъ хозяевъ шутками, каррикатурными представленіями, пѣснями и плясками. Въ Тихвинѣ о Святкахъ снаряжается большая лодка, которая ставится на нѣсколько саней и по улицамъ везется множествомъ лошадей, на коихъ сидятъ верхомъ окрутники. Сію лодку занимаютъ подъ разноцвѣтными флагами святочники въ разныхъ личинахъ и нарядахъ: они тамъ называются то *окрутниками*, то

26) см. Masken въ Allgemeine Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände. VII B. Leipz. 1830. 8.

кудесниками, но *куликами* и *щеголями*. Во время поѣзда они поютъ, играютъ на разныхъ инструментахъ и выкидываютъ разныя штуки. Толпы народа провожаютъ ихъ, а зажиточные граждане подчуютъ ихъ виномъ и кушаньемъ. Въ Новгородской и Вологодской Губерніяхъ Святки донынѣ называются *Кудесами*, такъ какъ въ лѣтописяхъ чародѣи, колдуны, *арбуи* — *кудесниками* и *кобниками*, которые гадали и вѣроятно *кудесили*, какъ *колдуны*, и *кобенились*, какъ *Шаманы*; а въ 41 главѣ Стоглава запрещается *кудесы бить*. Архіепископъ Новгор. Макарій въ XVI вѣкѣ посылалъ инока Илію для истребленія *кудесъ* въ Новгород. пятинахъ и погостахъ. Новгородцы еще въ XII вѣкѣ ходили гадать къ *кудесникамъ* (чудесникамъ?), которые умѣли призывать бѣсовъ; ибо Чудь, или Финны и отъ самыхъ Скандинавовъ почитались величайшими колдунами и чародѣями, а земля ихъ — страною чудесъ и превращеній. По всему видно, что *кудесы* означали гаданія и чарованія, кои составляли часть языческой религіи у Чуди и Славянъ. Въ Торопцѣ, Псковской Губерніи Святки слывутъ *Субботками*. Тогда незамужнія дочери Торопецкихъ обывателей собираются въ домы бѣдныхъ, но честныхъ вдовъ, у коихъ дѣлаются къ этому случаю

нарочныя приготовленія: для посѣтительницъ устроиваются скамейки уступами съ полу до потолка, въ родѣ амфитеатра; посреди горницы вѣшается огромный фонарь, сдѣланный изъ цвѣтной бумаги, украшенный разноцвѣтными лентами и со множествомъ свѣчь. По сторонамъ горницы ставятся скамейки для мущинъ. Богатыя и бѣдныя Торопчанки, одѣвшись, какъ можно лучше, по своему старинному обычаю, вмѣняютъ себѣ въ обязанность присутствовать на Субботкахъ. Когда всѣ мѣста въ этомъ амфитеатрѣ займутся дѣвицами: тогда отпираются запертыя до того ворота и начинается пріѣздъ холостыхъ мущинъ. При входѣ каждаго гостя, дѣвушки величаютъ его пѣснями, кои изстари поются на Субботкахъ, съ припѣвомъ къ каждому стиху:

Дунай, Дунай! многолѣтствуй
И съ твоею полюбовницей!

Гости должны платить за эту честь; собранныя деньги отдаются въ пользу бѣдной хозяйки. На этомъ праздникѣ женихи высматриваютъ себѣ невѣстъ, а невѣсты жениховъ. Женатые и замужніе не допускаются на Торопецкія субботки (27). — Въ другихъ странахъ великой Россіи *игрища свя-*

(27) Сообщено отъ И. П. Нефедьева.

точныя различествующія между собою только нѣкоторыми обрядами и обычаями мѣстными, кои къ нимъ примѣшиваются.

Святочныя игры издревле, какъ видно изъ Кормчей и Стоглава, состояли въ *безчинномъ говорѣ*, *поцномъ плещованіи*, *бѣсовскихъ пѣсняхъ*, *въ козлогласованіи и баснословіи*, *скаканіи* и такъ называемыхъ *бѣсовскихъ играхъ*, какими именовали церковные учители *переряживаніе*, *загадываніе* и пр. Отечественная Исторія свидѣтельствуетъ, что и Царь Иванъ Васильевичъ съ опричниками своими маскировался, подобно скоморохамъ, и казнилъ К. Рѣпнина за то, что онъ не позволилъ надѣть на себя личины (28). Петръ I любилъ святочныя игрища, въ коихъ и самъ участвовалъ, какъ выше замѣчено нами. Въ его время святочныя игры бывали не только въ городахъ и въ сельскихъ пріютахъ, но и въ Царскихъ теремахъ, гдѣ Царевны святочничали съ верховыми сѣнными дѣвушками и боярынями. Патріархъ Іоакимъ въ 1684 году описываетъ Московскія Святки: „Тогда ненаказанніи мужескаго полу и женскаго собрався многимъ числомъ, отъ спа-

(28) *Карамз.* И. Г. Р. т. IX. 2 изд.

„рыхъ и молодыхъ мужи съ женами и дѣвки „ходятъ по улицамъ и переулкамъ къ бѣсно„ванымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сложеннымъ „ими, многія сквернословія присовокупляютъ, „и плясанія творятъ на разженіе блудныхъ „нечистотъ и прочихъ грѣхопаденій, и пре„образующеся въ неподобная отъ Бога соз„данія, образъ человѣческій премѣняюще, бѣ„совское и кумирное личатъ, косматые, и „иными бѣсовскими ухищреньми содѣянные „образы надѣвающе, плясаньми и прочими „ухищреньми православныхъ Христіанъ прель„щаютъ; такожъ и по Рождествѣ Христовѣ „въ 12 днѣхъ до Крещенія Господа нашего І. „Христа таковаяжъ бѣсовская игралища и „позорища содѣваютъ.“ Въ Бѣлгородѣ и Обоянскѣ, по свидѣтельству М. Мисаила, въ XVII вѣкѣ о Рождествѣ Хр. и до Богоявленія сбирались по вечерамъ и въ нощи на *бѣсовскія игры*. — Такое изображеніе народнаго маскерада, или святочничества въ концѣ XVII вѣка сходно съ обрядами Римскихъ, Готскихъ, Скандинавскихъ и Нѣмецкихъ подобныхъ игрищъ. Наряженые являлись въ домы, плясали, разсказывали прибаутки: или представляли какую нибудь сцену изъ жизни, или шутку. Напѣшивъ гостей въ одномъ домѣ, они переходили въ другой.

§ 2. Въ составъ святочныхъ обрядовъ особенно входитъ *гаданіе*, которое по естественнымъ и искусственнымъ знакамъ старается узнать будущій жребій человѣка. Вѣрованіе въ гаданіе основывается на отношеніи неизвѣстности судьбы, или рока, къ свободѣ воли человѣческой; у Славяно-Руссовъ было оно общее со многими народами древности и новыхъ временъ. Въ Язычествѣ оно составляло одну изъ главныхъ стихій богослуженія, а при переходѣ отъ Язычества къ Христіанству, оно преслѣдуемо было какъ суевѣріе подъ именемъ *ворожбы;* въ Христіанскомъ же мірѣ удержалось подъ видомъ народной забавы, правомъ давности и силою привычки. Руское слово *гаданіе*, по производству и знаменованію, сродно съ Еврейскимъ словомъ Gad, или *Δαιμόνιον*, богиня счастія, какъ видно изъ выше приведеннаго мѣста Исаіи Пророка 65, 11 (29). Самое дѣйствіе, т. е. *гаданіе*, divinatio, есть служеніе *Гадѣ*, богинѣ счастія, отъ коей узнавали свой жребій посредствомъ различныхъ знаменій при жертвоприношеніи. Чешское слово Gadám значитъ испытывать, изслѣдовать: что̀ предполагается въ любопытствующихъ о своей участи. *Гаданье* есть видъ *ворожбы* (Wahrsagen); первое, основываясь

(29) *Рейфовъ* Словарь производитъ гадать отъ Санскрищ. Gad развѣдывать.

болѣе на случайныхъ, но естественныхъ явленіяхъ или знакахъ, открываетъ тайное, будущее, а другая производится подъ вліяніемъ сверхъестественныхъ, *враждебныхъ силъ* ко вреду однихъ и къ пользѣ другихъ. Въ старинномъ Рускомъ языкѣ *гадать* принимается въ смыслѣ *думать* (30). *Волхвованіе*, по толкованію Споглава, *бѣсовское служеніе*, имѣетъ одинакое значеніе съ *колдованіемъ;* ибо то и другое относится къ Астрологіи, въ коей упражнялись *Волхвы* и *Халдеи*. См. выше на стр. 2 о хожденіи съ звѣздою. *Чарованіе* (Zauberey) и *обаяніе* сословны, но способами различны. „Чарованіе, по изъясненію мірскаго „Потребника 1639 г., есть, еже обаваніемъ и „призываніе бѣсовъ (чертей) нѣкое дѣяніе „яковолюбо, на вредъ инымъ“ (31).

Способы гаданія бываютъ естественные или искуственные, какіе встрѣчаются не только у Восточныхъ народовъ, но у Грековъ, Римлянъ и Славянъ. Къ первымъ принадлежатъ примѣты, наблюденіе естественныхъ явленій, на пр: *птицеволхвованіе* (auguria,

(30) *Карамз.* II. Г. Р. ч. IV. прим. 380.

(31) *Волхвъ* на Скандин. Alfve, или Olfve, духъ, жрецъ. Въ Славенорос. Лексиконѣ *Памвы Берынды*, 1631 г., „Кудесникъ, *чортъ* или *чаровникъ* въ Москвѣ величется.“ По Богемски *Чартъ*.

auspicia), а къ другимъ производимыя искусствомъ, на пр: *Κηρομαντεία, литье воска* и пр.

Благопріятнѣйшимъ временемъ для гаданій почитается ночь, особливо полночь. Важнѣйшія изъ нихъ на канунахъ Новаго года, или въ *Овсень*, и Крещенія, или *Свѣчи*.

Гадающіе собираютъ кольца, перстни, запонки, сережки и другія вещицы, кладутъ ихъ въ блюдо съ кусочками хлѣба и накрываютъ полотенцемъ, или ширинкою. Сначала поютъ *пѣсню хлѣбу и соли*, потомъ другія подблюдныя пѣсни; по окончаніи каждой, запустивъ руку въ накрытое блюдо подъ его покровъ, ловятъ что попалось. Къ етому примѣнялось содержаніе пѣсни, изъ коего выводятъ себѣ предвѣщаніе (32), на пр:

Летитъ соколъ изъ улицы,
Голубушка изъ другой;
Слеталися, цѣловалися,
Сизыми крыльями обнималися.

Послѣ присужалось, что дѣлать за выкупъ вещей. Послѣднему, когда оставалась одна вещица, пѣли обыкновенно свадебную пѣсню: *дорогая моя гостейка*, и кольцо катили по полу, загадывая, въ какую сторону оно покатится: если покатится къ дверямъ —

(32) Dissertations sur les antiquités de la Russie, par *M. Guthrie*, à S. Pet. 1795, in 12.

дѣвушкѣ къ замужству, мущинѣ — дорóга (32). За подблюднымъ загадываніемъ, по сущности своей столь сходнымъ, какъ мы замѣтили, съ Греческими *κληδών* и *κληδόνισμα*, слѣдуетъ *хороненіе золота*.

Въ Руской символикѣ золото играетъ важную роль. Изъ отечественной лѣтописи видимъ, что Рускіе, при договорѣ съ Греками, полагая золото предъ Перуномъ и Волосомъ, клялись, что если нарушатъ договоръ, то да *будутъ золоти яко золото*, и что Югорскіе Князья давали себя Великому Князю на *опасъ* и въ знакъ вѣрности *пили воду съ золота* (33). Ето подтверждаетъ самая поговорка о чемъ либо имѣющемъ сбыться: *Съ твоего слова, какъ съ золотаго блюда.—Хороненіе жь золота* должно быть однимъ изъ древнихъ повѣрьевъ и обрядовъ. Оно теперь состоитъ въ томъ, что сидящимъ дѣвицамъ и мущинамъ тихонько дается оставшееся отъ подблюдной пѣсни кольцо, которое они тайкомъ передаютъ другъ другу: между тѣмъ одна или одинъ ищетъ его, при пѣніи обрядовой пѣсни, до тѣхъ поръ, пока не найдетъ. Пой-

(33) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8. стр. 58—67. (33) *Карамз.* И. Г. Р. VI, прим. 461. — Евреи также клялись *златомъ* храмовымъ, какъ видно изъ *Ев. Матѳея*, XXIII, ст. 16.

манный опять начинаетъ отыскивать и т. д. Дѣвушки также выходятъ ночью на улицу спрашивать перваго встрѣчнаго объ имени, вѣря, что етимъ именемъ будетъ называться ихъ суженый. Изъ Стоглава видимъ, что *оклички* были древнимъ у народа суевѣріемъ. Гадальщики и гадальщицы ходятъ слушать подъ окны чужихъ домовъ и, судя по услышаннымъ ими словамъ, веселому или непріятному разговору, предрекаютъ себѣ пріятную или скучную жизнь въ замужствѣ. Онѣ въ полночь у церкви слушаютъ подъ замкомъ; и если тамъ почудится имъ печальное или радостное пѣніе: то выводятъ изъ перваго предвѣщаніе себѣ смерти, а изъ другаго свадьбы. — Кромѣ етихъ, бываютъ еще слѣдующія гаданія, во многомъ сходныя съ Римскими авгуріями, Скандинавскими и Германскими ворожбами и вѣроятно съ Мерянскими или Финнскими кудесами.

„Снявъ съ насѣсти куръ, приносятъ въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготовлены въ трехъ мѣстахъ вода, хлѣбъ, кольцы золотыя, серебряныя и мѣдныя. Если чья курица спанетъ пить воду — мужъ будетъ пьяница; если спанетъ ѣсть хлѣбъ — то мужъ будетъ бѣднякъ; если возьметъ кольце золотое — мужъ будетъ богачь, если серебряное — то средняго состоянія, еслижъ мѣдное — то нищій (54). Въ Костромской Губ. о Святкахъ холостые парни и дѣвицы ходятъ въ курячьи хлѣвы, и зажмуривъ глаза, снимаютъ курицу съ насѣсти (насѣдала). Какого цвѣта курица, такого будетъ, по примѣтѣ, суженый или суженая.“ Въ Сибири выпускаютъ на средину комнаты курицу съ пѣтухомъ и замѣчаютъ, если пѣтухъ гордо расхаживаетъ и щиплетъ курицу, то мужъ будетъ сердитый; но если и курица храбрится передъ пѣтухомъ: то значитъ, что жена возьметъ верхъ надъ мужемъ.“

„Выводятъ лошадей изъ конюшни чрезъ оглоблю или черезъ жердь. Если лошадь зацѣпитъ за оглоблю или жердь ногами: то мужъ будетъ сердитый, а житье несчастное; еслижъ перейдетъ, не зацѣпивъ, то мужъ будетъ смирной и житье счастливое. Такъ въ Ругенѣ предъ начатіемъ войны гадали жрецы объ успѣхѣ, переводя бѣлаго коня Свѣтовидова черезъ нѣсколько жердей, а въ Штеттинѣ воронаго коня черезъ копья.“ Слѣды подобнаго гаданія находитъ въ Ярославской и Калужской Г. нашъ ученый юристъ Профессоръ Морошкинъ (55).

---

(54) Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собр. *И. Сахаровымъ*. Спб. ч. 1 и 2. 1837, въ 8.

(55) Опытъ Исторіи Росс. Государственныхъ Законовъ, соотн. *А. Рейца*, перев. *Ѳ. Морошкина*. М. 1836, въ 8.

„Выходятъ къ забору и говорятъ: „*Залай, залай, собаченька! Залай, сѣренькій волчекъ! Гдѣ собака залаетъ, тамъ мой суженой!*“ Въ которой сторонѣ дѣвушка услышитъ лай, въ той и будетъ жить за мужемъ. Чѣмъ ближе слышенъ лай, тѣмъ ближе будетъ жить: чѣмъ глуше, тѣмъ далѣе. Толстый, охриплый лай означалъ старика, а звонкій и тонкій — молодаго (36).“

„Бросаютъ башмаки черезъ вороша на улицу, потомъ выходятъ смотрѣть: въ которую сторону обращенъ онъ носкомъ, тамъ и быть за мужемъ; еслижъ башмакъ лежитъ обращенный къ ворошамъ дома: то сидѣть въ дѣвкахъ еще годъ.“

„Какъ въ нѣкоторыхъ странахъ Германіи, такъ и въ Россіи о Святкахъ льютъ воскъ и олово въ воду, и по вылитымъ фигурамъ узнаютъ свой жребій, счастіе или неудачу, урожай или голодъ (37). Въ Потребникѣ 1639 г. *восколѣй* и *оловолѣй* называются чародѣями.“ „Растопивъ олово, опущаютъ въ воду на имя того, о комъ загадываютъ: когда

(36) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8. — Абевега Русскихъ суевѣрій и пр. соч. М. Ч. 1786, въ 8.

(37) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von D. H. *Klemm*. Dresden 1836, въ 8.

выльется подобіе гроба, то предвѣщаетъ смерть въ тотъ годъ, если вѣнецъ — то замужствю, еслижъ домъ — то перемѣну жилья.“

„Если желаютъ дѣвицы знать, что случится въ слѣдующемъ году; то взявши при вещи: зборникъ, т. е. головной женской уборъ, часть хлѣба и шпучку дерева, закрываютъ ихъ горшкомъ съ разными приговорами. Та дѣвица, которая желаетъ узнать свою участь въ наступающемъ году, закрывъ себѣ глаза, подходитъ къ горшку и беретъ себѣ попавшуюся вещь. Зборникъ значитъ замужство, часть хлѣба — сидѣнье въ дѣвкахъ, а шпука дерева — гробъ (38).“ Такъ дѣлается у поселянъ въ Костромской Губ.

„Еще каждая дѣвица желая знать, проживетъ ли она еще годъ, беретъ въ руки березовую лучину, бѣгаютъ къ рѣкѣ или роднику, мочитъ въ водѣ лучину и возвращась домой, зажигаютъ ее на огнѣ: у которой скоро загорится, той прожить еще годъ: а у которой не скоро загорается, той умереть.“

„Также въ Вельской и Шенкурской округахъ гадаютъ о годовой судьбѣ слѣдующимъ

(38) Свѣдѣнія о народныхъ праздникахъ въ Шенкурской и Вельской округахъ, рукоп. М. Мясникова, 1829.

образомъ: нѣсколько дѣвицъ взявши столешникъ, хлѣбъ, ножикъ и коровью сырую кожу, идутъ на перекрестокъ или на прорубь, разстилаютъ тамъ кожу, кладутъ на нее хлѣбъ и ножикомъ очерчиваютъ кругъ, въ коемъ и садятся, закрывъ себя столешникомъ, или скатертью, и ухвативъ другъ друга за мизинецъ, дѣлаютъ завѣщаніе, чтобъ судьба возвѣстила имъ, что случится съ ними въ наступающемъ году — и въ таинственной тишинѣ полночи слушаютъ: одной слышится, что ѣдутъ женихи большимъ поѣздомъ со звономъ колокольчиковъ, другой чудится, что на полѣ большое собраніе народа, знакъ обильной жатвы и пр. (39). Что̀ дѣлается не только въ Россіи, но и въ Шотландіи: по свидѣтельству В. Скотта, гадаютъ ночью, завернувшись въ сырую воловью или коровью кожу, садятся въ ожиданіи отвѣтовъ на сдѣланные вопросы, или имѣютъ видѣнія, коими открывается будущее гадающимъ (40).

„Надобно ли узнать имъ жениха своего: дѣвушки берутъ по клочку соломы, всклочивъ и перепутавъ ее въ комъ, кладутъ на столъ, на солому ставятъ желѣзную сковороду, а въ нее полагаютъ камень и льютъ нѣсколько воды; потомъ начинаютъ медленно выдергивать изъ подъ сковороды по соломенкѣ, отъ сотрясенія сковороды бряцаетъ и въ бряцаніи гадающія воображаютъ слышать имена своихъ суженыхъ.“

„Берутъ лучину, обвернутую льномъ, впыкаютъ ее въ щель и зажигаютъ; если лучина упадетъ на сторону, то примѣчаютъ, что туда же быть отданной въ замужство.“

„Въ стаканъ воды выпускаютъ бѣлокъ яичный, который и ставятъ въ печь. Черезъ нѣсколько времени, вынувъ стаканъ, примѣчаютъ, что или бѣлокъ подымется въ видѣ башни: то быть браку, а когда въ видѣ четвероугольника, то приближеніе смерти; браку же не быть, если бѣлокъ не подымется.“

„Въ сковороду наливается вода; потомъ на положенные въ нее камни кладутся растрепанные охлопки, кои, зажегши, накрываютъ горшкомъ. Если вода сильно заклокочетъ: то, по замѣчанію суевѣровъ, у невѣстки будетъ свекровь сварливая.“

„Пятясь задомъ къ полѣнницѣ дровъ, и взявъ полѣно, идутъ домой. Сколько на полѣнѣ сучковъ, столько будетъ и людей въ

(39) Poetical works of S. *Walter Scott* XII v. Edingb. 1823, 21.

(40) Сатирическій Вѣстникъ, ч. V. М. 1790, въ 12, стр. 13. о *Святкахъ*.

томъ семействѣ, въ которое вступитъ; если полѣно безъ сучьевъ, то будетъ жить въ бѣдности и одиночествѣ; еслижъ шероховато: то въ богатствѣ."

„Положивъ на полъ кольцо, крючекъ изъ соломы и кусокъ хлѣба, покрываютъ ихъ платкомъ, изъ подъ коего вынимаютъ: если вынется кольцо, то женихъ будетъ цеголь, если хлѣбъ — богачь, еслижъ крючекъ — бѣднякъ, *бѣдный крюкъ*."

„Дѣвка выходитъ на перекрестокъ, положивъ въ подолъ нѣсколько снѣгу, трясетъ его, приговаривая: „*Взлай, взлай, собака! „на моей сторонкѣ!*" Съ которой стороны услышится голосъ, туда, примѣчаютъ, и отдадутъ въ замужество."

„Ходятъ еще къ омету соломы, закинувъ голову назадъ, берутъ ртомъ соломинку; ежели она будетъ съ колосомъ; то примѣчаютъ, что вышедшая въ замужство станетъ жить богато, а бѣдно, если соломина попадется безъ колоса."

„Также выходятъ дѣвки въ полночь на перекрестокъ и загадавъ о будущемъ своемъ женихѣ, очерчиваютъ кругъ, и стоя въ немъ, прислушиваются, и когда почудится имъ звонъ колокольчиковъ, или смѣхъ, или веселое пѣніе, то заключаютъ, что быть за мужемъ; еслижъ послышится имъ плачъ, вой или унылое пѣніе, то значитъ умереть" (41). На перекресткѣ также смотрятъ и видятъ въ зеркалѣ суженаго и ряженаго (42).

„Садятся на лошадь, и завязавъ ей глаза, даютъ ей волю итти: куда она пойдетъ, въ той сторонѣ и быть дѣвицѣ за мужемъ."

Въ полночь гадающія дѣвицы садятся у оконъ, приговаривая каждая: „Суженой, ряженой! поѣзжай мимо окна". Ежели которая услышитъ поѣздъ съ крикомъ и свистомъ: то предрекаетъ себѣ жизнь веселую и счастливую, еслижъ поѣздъ тихій: то замужняя жизнь будетъ въ бѣдности.

Въ началѣ еще XVII вѣка существовало въ Россіи *гаданіе на бобахъ*, какъ видно изъ вышеприведеннаго Потребника мірскаго, гдѣ запрещается *вѣровать бобамъ*, и изъ пословицы народной: *Чужую бѣду бобами раз-*

---

(41) см. Народные праздники и обычаи Костромской Губерніи, особенно въ Нерехотскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ, М. Я. *Діева* и Ю. Н. *Бартенева*.

(42) Абевега Русскихъ суевѣрій. М. Ч. Москва, 1786, въ 8.

веду, къ своей бѣдѣ ума не приложу. см: I часть сей книги, стр. 28.

По такимъ способамъ гаданія, узнавъ состояніе, нравъ и имя жениха, пытливыя невѣсты желаютъ еще видѣть своего суженаго въ лице и даже поговорить съ нимъ. Ето важное и страшное гаданіе совершается въ самую полночь.

„Въ темномъ покоѣ ставятъ на столъ зеркало, а предъ зеркаломъ зажженая свѣча. Дѣвица одна одинехонька входитъ въ покой, смотритъ черезъ свѣчу въ зеркало и видитъ своего суженаго. Когда она скажетъ *чуръ меня*: явленіе исчезаетъ.

Въ Сибири ставятъ два зеркала одно противъ другаго: передъ однимъ дѣвица сама поставила на столъ двѣ свѣчи, а другое позади себя, очертивъ лучинкою, коею зажженъ былъ огонь въ сочельникъ, и глядѣла въ зеркало пристально. Сначала будто зеркало подергивалось туманомъ, потомъ мало по малу прояснялось и суженой глядѣлъ черезъ плечо дѣвицы. Тогда надобно было зачураться, а не оглядываться (43).

(43) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837 г. въ 8. — Записки о правахъ, обычаяхъ и повѣрьяхъ Нерехотскаго уѣзда, М. Я. *Діева.*

„Накрывъ *столъ* или *ужинъ для суженаго*, о которомъ мы намекнули выше, при сравненіи съ Еврейскими и Скандинавскими древностями. Для етого ставятъ два прибора, хлѣбъ, соль, ложки, и около полуночи дѣвушка, пытающая судьбу свою, садится за столъ одна, очерчивается и говоритъ: *Суженый ряженый! приди ко мнѣ ужинать.* Лишь только пробьетъ полночь, является женихъ въ томъ самомъ нарядѣ, въ какомъ будетъ на сговорѣ, и садится за столъ. На всякій случай берутъ съ собою пѣтуха для того, что если не поможетъ зачуранье и гость засидится: то надобно хорошенько давнуть пѣтуха — онъ запоетъ и все исчезнетъ.“ Признаки приближенія суженаго слѣдующіе: вѣтръ завоетъ и свиститъ подъ окнами; въ ставни и дверь стучатся, понесетъ смрадный запахъ, предшественникъ суженаго. Разумѣется, что о подобныхъ гаданіяхъ есть въ народѣ много преданій и чудесныхъ разсказовъ, кои дѣйствуютъ на воображеніе.

Къ святошнымъ гаданіямъ принадлежатъ также *сновидѣнія* (44), кои почитаются тогда

(44) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

за предсказанія. Къ нимъ дѣлаютъ слѣдующія приготовленія:

„Собравъ изъ прушиковъ мосшикъ, кладутъ его подъ подушку. Дѣвушка ложась спашь, приговариваешъ: „Кшо мой суженой, „кшо мой ряженой, шошъ переведешъ меня „черезъ мосшъ!“ Суженой является во снѣ и переводишъ за руку чрезъ мосшъ.“

„Берушъ наперсшокъ соли, наперсшокъ воды, смѣшиваютъ все и глошаютъ. Ложась спашь, дѣвушка говоришъ: „Кшо мой суже„ной, кшо мой ряженой, шошъ мнѣ пишь „подасшъ“. Суженой пригрезится во снѣ и подаешъ пишь.

„Также кладушъ подъ подушку гребенку съ шакими словами: „Суженой, ряженой! „причеши мнѣ голову.“ Онъ будшо является и чешешъ голову и ш. д.

Подобныя жъ гаданія наблюдаются и въ другихъ Губерніяхъ, шолько съ нѣкошорыми ошмѣнами.

Гаданія на сонъ совершаются дѣвушками по указанію спарухъ, опышныхъ въ ешомъ дѣлѣ. Особенный предмешъ гаданій *суженый ряженый*, сходный съ Скандинавскимъ Iule-Vaetter, означаешъ роковаго, назначаемаго *судьбою* и *рядомъ*, ш. е. опредѣленіемъ; ибо въ проспонародномъ языкѣ и бракъ называется *судьбою*, какою располагала въ спарину у Рускихъ не одна воля дѣшей, а воля родишелей.

§ 3. Въ составъ свящочныхъ игръ входятъ и *загадки*, кои передаются изъ рода въ родъ. Ешошъ способъ представленія предмеша околичносшями, сходный съ символическимъ способомъ изображенія и споль благопріяшный нравсшвенной цѣли, имѣлъ опчизну свою на древнѣйшемъ Восшокѣ; онъ сроденъ и Рускому народу, кошорый гораздъ на выдумки и смѣшливъ — у него издревле ведушся загадки. Въ спаринной сказкѣ XVI вѣка *о купцѣ Кіевскомъ* изображается *гордый Сліанъ*, кошорый загадывалъ загадки спранникамъ и кои разгадалъ Кіевлянинъ Борзосмыслъ (45). Особенно время годовыхъ гаданій бываешъ порою и загадокъ, кои нерѣдко имѣюшъ форму шарадъ и логогрифовъ: обыкновенно ихъ предлагаютъ спарые и *бывалые* молодцамъ и дѣвицамъ для испышанія ихъ догадливосши и смѣшливосши, напр:

„Машь шолсша, дочь красна, сынъ хоро„беръ въ небеса ушелъ.“ (Печка, огонь, дымъ.)

или „Выду я на гой, гой, гой, и Ударю „я гой, гой, гой! Разбужу Царя въ Москвѣ,

(45) *Карамз.* И. Г. Р. ш. VII, прим. 411.

Короля въ Литвѣ, старца въ кельи, дитю въ колыбели, попа въ терему." (Молоколъ.)

Между загадками разсказывались и сказки о старомъ житьѣ-бытьѣ, присказки, и прибаушки, которыми обвеселялась бесѣда.

Какъ пѣсни, такъ и сказки и загадки различаются по мѣстности, которая вкупѣ съ временемъ кладетъ на нихъ свою печать (46).

§ 4. Выше замѣтили мы, что къ Святкамъ относятся нѣкоторые обычаи, родившіеся въ Христіанскомъ мірѣ у Славяно-Русскихъ и состоящіе изъ Христіанскихъ воспоминаній о Рождествѣ Спасителя. Таково *хожденіе* по домамъ съ *вертепомъ* и *звѣздою* и *славленье* дѣтей, сходное съ западною *Календою*, которое заключается въ чтеніи рацей, сочиненныхъ на этотъ случай. Хотя первое болѣе употребительно въ малой и бѣлой Россіи; однакожъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ странахъ Сѣверной Россіи и даже въ Сибири. Въ Шенкурской и Вельской округахъ съ 25 Декабря цѣлую недѣлю ходятъ ребята со *звѣздою*, сдѣланною

(46) см. *Загадки* во 2 части Сказаній Русскаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, собр. И. *Сахаровымъ*. Спб. 1837, въ 8.

изъ бумаги, въ аршинъ величиною, съ разными прикрасами и освѣщаемою свѣчами. Пришедши подъ окны дома, сперва поютъ они тропарь и кондакъ празднику, а потомъ *виноградье* (см. пѣсни): между тѣмъ звѣзда безпрестанно круговращается. Пропѣвъ виноградье, поздравляютъ хозяина и хозяйку съ праздникомъ, наконецъ восклицаютъ: *на славу Божію;* этимъ они просятъ себѣ подачи. Тогда хозяинъ приказываетъ одному изъ славильщиковъ войти къ себѣ и даетъ ему денегъ. Такая звѣзда, хожденіе съ нею и пѣніе виноградья вообще тамъ извѣстно подъ именемъ *Коледы*.

Въ Сибири также ходили *съ вертепомъ*, который былъ ящикъ о двухъ ярусахъ: въ немъ представляли деревянными фигурами разныя сцены, относящіяся къ Рождеству Христову: явленіе Ангеловъ, поклоненіе Волхвовъ, бѣгство во Египетъ. Въ верхнемъ ярусѣ вертепа представлялась смерть Ирода, а въ нижнемъ пляски. При этомъ обыкновенно дьячекъ зажигалъ свѣчи, коими освѣщался вертепъ, а пранезникъ гасилъ ихъ; у одного былъ за плечами кузовъ, у другаго въ рукахъ тарелка, на которую клали деньги. Съ вертепомъ хаживали мальчики, иногда въ

сопровожденіи гудочника или скрипача (47). см. ч. I, стр. 166.

Хотя въ Россіи не было западнаго *праздника трехъ Царей;* но со временъ Царя Алексія Михайловича введено въ обыкновеніе ходить Государямъ о Святкахъ *славить* даже къ подданнымъ своимъ. Въ такомъ отношеніи слово *славить* значитъ хвалить, благодарить; соотвѣтствуетъ Греческому ἐπευχαριστεῖν, и Лат. laudare, colere, такъ какъ *слава* созвучна съ переставленными буквами въ словѣ laus. Славленье его начиналось по полудни праздника слѣдующимъ образомъ: Процессіи предшествуютъ двое чиновниковъ, съ барабанами въ рукахъ и ударяютъ въ нихъ палочками, обвернутыми сукномъ. За ними слѣдуетъ Царь со всѣмъ клиромъ и съ толпою Князей и Бояръ: они ѣдутъ на саняхъ и посѣщаютъ знатнѣйшихъ придворныхъ вельможъ. По вступленіи въ домъ къ кому либо, поютъ *Тебе Бога хвалимъ* и поздравляютъ съ новымъ годомъ. Потомъ хозяинъ подноситъ Царю подарокъ деньгами и угощаетъ его со свитою. Послѣ угощенія, они

(47) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8.

отправляются къ другому вельможѣ (48). „Московскіе Государи", говоритъ Бруинъ въ своемъ путешествіи (49), 1649 года, „посѣщаютъ знатнѣйшихъ изъ своихъ подданныхъ и чужестранцевъ предъ праздникомъ Богоявленія. Въ такомъ случаѣ ихъ угощаютъ: и его называется *славленьемъ*. Царь ходитъ, сопровождаемый Князьями, Боярами и другими царедворцами. Его церемонія началась 1702 года Января 3. Перваго Бранса Царь Петръ I посѣтилъ въ 9 часовъ утра; съ нимъ пріѣхало около 300 человѣкъ на саняхъ и верхомъ. Столы покрыты были различными лакомствами, сперва подавали холодныя, а потомъ горячія кушанья. Веселость была непринужденная и напитки лились щедрою рукой. Около 3 часовъ Его Величество со всѣмъ своимъ дворомъ отправился къ Лупсу, гдѣ было такожъ угощеніе, потомъ въ другія мѣста, наконецъ вся его свита поѣхала отдыхать въ домы, нарочно для этого построенные." Изъ совре-

(54) *Constantini porphyrog.* libri II, de ceremoniis aulae Byzantinae, edit. I. Leichii et I. Reiskii, Lipsiae. 1754. f. — Haxthausen's Beylagen zur verändert. Russland. Leipz. 1769—70, 1 T. in 8.

(49) *Bruyn Corn.* travels into Muscovy, Persia and Eastindiens. London. 1737, 2 v. f.

менныхъ записокъ видно, что наказываемы были кнутомъ и батогами тѣ, которые уклонялись отъ славленья. У Желябужскаго въ лѣтописи внесено, что „Григорій Камынинъ „битъ плетьми за то, что бывъ написанъ „въ *славленье*, да не ѣздилъ“(50). При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о Рождествѣ Христовѣ давалась придворнымъ пѣвчимъ дача, извѣстная подъ именемъ *славленаго* (жалованья). Ето-то *Коляда;* и теперь, вмѣсто *колядовать*, по Руски можно сказать *славить*.

Петръ I съ Января 1, 1700 года, установивъ праздновать *новолѣтіе*, по Европейскому обычаю, велѣлъ украшать домы зелеными вѣтвями, освѣщать улицы и т. п. Но ето уже было гражданскій Государственный праздникъ, а не народный, который изо всѣхъ особенно отличался множествомъ обрядовъ, примѣтъ и воспоминаній, въ коихъ представляется разнородная смѣсь языческихъ стихій съ христіанскими, коренныхъ отечественныхъ съ привитыми иноземными, древнихъ обычаевъ съ новыми.

(50) Дѣянія Петра I. т. 2. изд. 2. М. 1837, въ 8.

Какъ всѣ народные праздники въ началѣ своемъ были религіозные и болѣе или менѣе сходные между собою, кромѣ мѣстныхъ различій: такъ и *Коледа* и *Святки*, извѣстныя почти во всемъ Славянскомъ мірѣ, даже по формѣ своей заключаютъ въ себѣ не одну игру фантазіи младенчествующаго народа, но и миѳическое значеніе, заимствованное изъ Языческаго міра. Протекши разныя епохи Рускаго народа, етотъ праздникъ удержался въ преданіяхъ, получилъ отъ народной жизни и характера новое развитіе и новое названіе. Какъ на материкъ земли время накладываетъ разные новые слои: такъ и къ народности прививаются чуждыя повѣрья и обычаи, соотвѣтственно современнымъ понятіямъ. По сродной человѣчеству олицетворяемости и Коляда празднество, по примѣру Римскаго двуликаго Януса, въ послѣдствіи обращено въ Кіевское божество мира и торжествъ, какими обыкновенно оканчивалось прошедшее лѣто и начиналось новое (51); но вѣроятно она совершалась въ честь древнихъ отечественныхъ божествъ, Перуна, или Даж-

(51) Опытъ повѣствованія о Древностяхъ Рускихъ, *Гавр. Успенскаго*, 2 ч. изд. 2, Харьковъ, 1818, въ 8.

ба, или Волоса, предъ которыми клялись, полагая *золото*, на которыхъ намекаетъ *хороненіе золота* и *гаданіе*. Такимъ образомъ древній обрядъ обращенъ въ миѳическое лице и, какъ укоренившійся давностью обычай, вошелъ въ составъ жизни народной и семейной.

Коледа и Купало, въ Славяно-Рускомъ мірѣ, имѣя связь съ солнцестояніями зимнимъ и лѣтнимъ, составляютъ два главнѣйшія и важнѣйшія празднества въ году, къ коимъ должны имѣть отношеніе и другія торжества. Славянское *коло*, или *колесо*, символъ солнечнаго оборота и коловратности судьбы человѣческой (52), въ Коледѣ выражается одинаково и Скандинавскимъ Iol; Iuel, (юла?) и Финнскимъ Ioulu и Индійскимъ Houli и Греческимъ *κύκλος*: такъ какъ въ *коледованіи* подобозвучными словами Новогреч. *κολαδεῖν* пѣть, Санскрит. Kahala восклицаніе и Скандин. Kallada восклицать, проявляется дѣйствіе или движеніе болѣе духовное. По времени и сущности Святочныя игры соотвѣтствуютъ Египетскому празднику Озирида или Ора, сопровождавшемуся гаданіями о жребіи, Римскому Natalitia invicti Solis, Индійскому

(52) Eddae Saemundinae. v. II et III. Havniae. 1828. in 4.

Перунъ-Поволъ съ *Угадами* и Англо Саксонскому *Woedrenecht*. О древности этого празднества на Сѣверѣ свидѣтельствуетъ Прокопій Византіецъ VI вѣка, какъ выше замѣчено нами. *Коледа* же перешла поздно на Сѣверъ Россіи съ Юга и Запада, гдѣ она съ незапамятныхъ временъ проявилась. Въ Святочныхъ обрядахъ — *гаданіи* и *переряживаніи* — замѣтно стремленіе къ общенію съ міромъ духовнымъ и внутренняя ихъ связь съ Демонологіею и Астрологіею. Какъ Язычество превращалось въ Демонологію, а языческія божества въ *демоновъ*, *чертей*, *оборотней*, какими онѣ называются и въ церковныхъ книгахъ и слывущъ въ народѣ: то и въ нашихъ Святочныхъ игрищахъ мы находимъ слѣды этого вѣрованія, какое встрѣчаемъ у Грековъ въ среднія времена. см. выше стр. 52. И нынѣшніе Греки также вѣрятъ, что въ мрачныя ночи зимы, особливо со дня Рождества Христова до Богоявленія, шатаются оборотни (*καρκάντζαλοι*), *Савазіи* (53), *Паганіи* (54), или

(53) *Ὁ λύκος Σαβατιανὸς*, волкъ-оборотень — происходитъ, по мнѣнію Свиды, отъ Савазія, то же что Вакхъ. см. *Потребникъ*. 1639 г. л. см. въ *Вѣстникѣ Европы* 1827, No 8, стр. Обычаи, повѣрья и праздники нынѣшнихъ Грековъ.

(54) *Паганій* Греки представляютъ тощими колдунами съ головою осла и хвостомъ обезьяны. ср. *Taciti* Hist. V. 3, 4.

Опокептавры, похожіе на черныхъ Алфовъ у Датчанъ, Шведовъ и Норвежцовъ. Нечистыя сіи твари, по мнѣнію простолюдиновъ, не что иное суть, какъ Жиды ослопоклонники, ищущіе Мессіи съ тѣмъ, чтобы погубить его въ колыбели. Что у Нѣмцевъ die Knecht Ruperte, у Исландцевъ Púki, у Ирландцевъ Pooka, то у Русскихъ *Бука*, которымъ о Святкахъ пугаютъ дѣтей. Послѣ освященія воды въ Богоявленіе немедленно исчезаютъ сіи чудища и воздухъ очищается отъ заразительнаго ихъ дыханія. Вѣроятно по сему, наряжавшіеся страшилищами или святочниками для очищенія купаются въ Іорданѣ.

Предметъ Святочныхъ миѳовъ природа и жизнь — предметъ гаданій главнѣйшія условія человѣка въ опредѣленномъ кругу времени: жизнь, смерть, свадьба, урожай и неурожай и другіе случаи жизнейскіе. Самый мракъ и безмолвіе роковыхъ святочныхъ ночей соотвѣтствуютъ таинственности обрядовъ, кои предшествуютъ такъ называемымъ въ лѣтописяхъ *Свадебнымъ недѣлямъ*, продолжающимся отъ Водокрещей до Масляницы. Святочныя игры развились на нашемъ Сѣверо-Востокѣ вмѣстѣ съ развитіемъ общественной жизни. По мѣрѣ сближенія Россіи съ Европейскимъ Западомъ переселялись въ нее тамошнія *заморскія* повѣрья, миѳы и обряды, напоминающіе о древнемъ сродствѣ съ Греками, Римлянами и Нѣмецкими племенами, и примѣшавшись къ кореннымъ, туземнымъ обычаямъ, у насъ обрусѣли: отъ сего въ нашихъ Святочныхъ играхъ встрѣчаются *Готскія*, бывшія въ Византіи. При переселеніи Готовъ подъ предводительствомъ Одина III, онѣ могли перейти къ Славянамъ, если еще прежде не заимствованы первыми отъ послѣднихъ; ибо, по свидѣтельству Скандинавскихъ историковъ, тогда часть Готовъ, или Азовъ, двинулась отъ Азовскаго къ Балтійскому морю, а оттуда къ Сѣверо-Востоку.

Польскими жартами (55) именовалось особенно наряжанье козами, медвѣдями, журавлями и т. д. Нѣкоторыя изъ Святочныхъ игръ въ Россіи, какъ-то: *фанты* (fanty), *жмурки* (slepa babka) и пр., сходны съ Польскими (56). Все сіе ведетъ къ заключенію, что *маскированіе* и *переряживаніе* о Святкахъ перешли къ намъ съ Запада и по сему-то личины, налич-

(55) фартами. см. Москва, или историческій путеводитель. ч. 3. М. 1831, примѣч. 3. въ 8.

(56) см. Ubiory w Polszcze, t. I. Lud Polski, t. II. Gry i zabawy, t. III.

ники, хари, маски называются *Латинскими*. Что̀ж касается до *гаданій*, то онѣ должны быть у насъ народными, древнѣе первыхъ, и проистѐкающъ изъ кореннаго вѣрованія и быта, какъ видно изъ лѣтописей. Гаданія соединяются съ *пѣснопѣніями*, кои, не смотря на случайныя искаженія, носятъ на себѣ печать миѳическую и признаки древнѣйшаго сродства или сосѣдства Славянъ съ Греками, Скандинавами и Финнами, у которыхъ находимъ слѣды подобныхъ обрядовъ и пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ святочныхъ пѣсенъ прямо свидѣтельствуютъ о переселеніи однихъ обрядовъ съ Дуная въ предъисторическія времена, а другихъ изъ Новагорода, союзника Ганзейскаго, на Московщину, вѣроятно, не прежде XVI вѣка; ибо въ первыхъ упоминается далекій отъ нашего Сѣвера *Дунай* и неизвѣстный у насъ въ Древности *виноградъ*, а въ послѣднихъ — *Новгородъ*; какъ-то:

Шла Коледа изъ Новагорода̀ —

Шла щука изъ Новагорода и т. д.

Одинаковыя въ сущности, онѣ получили отъ мѣстности нѣкоторыя особенныя различія въ словахъ и оборотахъ.

I.

КОЛЯДСКІЯ ПѢСНИ И ВИНОГРАДЬЕ.

1.

Виноградье красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малафеевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный шышь;
Ворота у него дощатыя,
Подворотички рыбья зубья, (α)
На дворѣ у него да три терема: (β)
Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды:
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ.
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки;
Да, дай Боже, Устину Малафеевичу,
Съ борзыхъ коней сыновей женить,
Да, дай, Боже, Улитѣ Хавроньевнѣ
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиковъ!
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъалтына. (*)

(*) См, Абевега Рускихъ суевѣрій. М. 1786, въ 8, стр. 224.

2.

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору притти,
Виноградье красно зеленое.
Прикажитко ты, хозяинъ, *коледу* просказать,
Виноградье и проч.,
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по Кремлю городу,
Виноградье и проч.,
Уже ищемъ мы, ищемъ господинова двора:
Виноградье и проч.,
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ;
Виноградье и проч..
На седьми верстахъ, на осьмидесятъ столбахъ,
Виноградье и проч.;
Что же около двора, да желѣзной тынъ,
Виноградье и проч.,
Что на всякой же тычинкѣ по маковкѣ,
Виноградье и проч.,
Что на всякой же по крестику;
Виноградье и проч.,
Что на всякомъ же крестику по жемчужку,
Виноградье и проч.,
А среди того двора, что три терема стоятъ,
Виноградье и проч., (*)

(*) Въ Устюгѣ Великомъ. см. Руководство къ физическому описанію областнаго города Устюга великаго; соч. Штабъ-лѣкаря *Я. Фриза*, 1793 г.

Что три терема стоятъ златоверховаты,
Виноградье красно зеленое.
Что въ первомъ терему красно солнце,
Виноградье и проч.,
Красно солнце, то хозяинъ въ дому,
Виноградье и проч.,
Что въ другомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Виноградье и проч.,
Свѣтёлъ мѣсяцъ, то хозяйка въ дому,
Виноградье и проч.,
Что во третьемъ терему часты звѣзды,
Виноградье и проч.,
Часты звѣзды, то малы дѣтушки,
Виноградье и проч.;
Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ на раю,
Виноградье и проч.,
Хозяйка въ дому, какъ оладья на меду:
Виноградье и проч.,
Малы дѣтушки, какъ олябышки,
Виноградье красно зеленое.

По окончаніи сего пѣнія одинъ изъ дѣтей, хозяина и хозяйку поздравляетъ съ праздникомъ.

3.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
Наканунѣ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петровъ-то дворъ желѣзной тынъ:
Середи двора три терема стоятъ,
Во первомъ терему свѣшелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды:
Свѣшелъ мѣсяцъ Петръ сударь,
Свѣтъ Ивановичь;
Красно солнце Анна Кириловна;
Частыя звѣзды — то дѣти ихъ.
Здравствуй хозяинъ съ хозяюшкой
На долгіе вѣки, на многія лѣта!

4.

За рѣкою, за быстрою, ой колóдка!
Лѣса̀ стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скáмьи стоятъ,
Скáмьи стоятъ дубовыя,

На тѣхъ скáмьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни колóдушки.
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.
Ты, братецъ Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпрыгнулъ,
Горючъ камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали. (1)
Ой колóдка! ой колóдка!

---

1). Здѣсь изображается жертвоприношеніе, гдѣ насыпался песокъ, въ который у Сѣверныхъ народовъ изливалась *кровь* жертвы; сіе выражаютъ слова: *пески сердце высосали*. См. сію пѣсню въ I части сей книги, стр. 103.

2). Здѣсь помѣщены только *пѣсни Колядскія* какія извѣстны въ Велико-Россіи, а Малороссійскія найти можно у Г. Максимовича въ собраніи, и у другихъ. Вѣроятно въ полнѣйшемъ собраніи Г. Киреевскаго, нетерпѣливо ожидаемомъ, найдутся и другія Колядки, открытыя имъ въ путешествіяхъ по Россіи.

II.

пѣсни святочныя.

1.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей земли,
Слава!
Чтобъ нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава:
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Слава!

2.

Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою.
Слава!
Да кому мы спѣли, тому добро,
Слава!
Кому вынется, тому сбудется,
Тому сбудется, не минуется.
Слава!

3.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы (*y*);
Слава!
Шубенка на немъ худенька;
Слава!

Одна пола во сто рублей ,

Слава !

Другая пола въ тысячу ,

Слава !

А всей-то шубенкѣ цѣны нѣтъ ;

Слава !

Цѣна ей у Царя въ казнѣ ,

Слава !

У Царя въ казнѣ , въ золотомъ ларцѣ.

Слава !

4.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы ;

Слава !

Несетъ кузнецъ три молота ;

Слава !

Кузнецъ, кузнецъ! ты скуй мнѣ вѣнецъ.

Слава !

Ты скуй мнѣ вѣнецъ и зóлотъ и новъ ,

Слава !

Изъ остаточковъ золотъ перстень,

Слава!

Изъ обрѣзочковъ булавочку.

Слава !

Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчаться ,

Слава !

Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручаться,

Слава !

Мнѣ тою булавкою убрусъ пришыкать.

Слава !

5.

Летитъ соколъ изъ улицы,

Слава !

Голубушка изъ другой;

Слава !

Слетались, цѣловались,

Слава !

Сизыми крыльями обнималися;

Слава!

Ужъ и имъ добрые люди дивовалися ,

Слава !

Какъ соколъ съ голубушкой уживалися.

Слава !

6.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Слава!
Ищетъ груздочекъ бѣляночку,
Слава!
Не груздочекъ скачетъ, а боярской сынъ,
Слава!
Не бѣляночки ищетъ, а боярышни.
Слава!

7.

Ужъ какъ вышло пузище на рѣпище,
Слава!
Вынесло пузище осмину вшей,
Слава!
Осмину вшей, полъ-осмины блохъ,
Слава!

8.

Растворю я квашонку на донышкѣ,
Слава!
Я покрою квашенку чернымъ соболемъ,
Слава!

Ополшу квашонку краснымъ золотомъ.
Слава!
Я поставлю квашенку на столбичкѣ,
Слава!
Ты взойди, моя квашенка, съ краями ровна,
Слава!
Съ краями ровна и совсѣмъ полна.
Слава!

9.

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою (*б*),
Слава!
Живутъ мужики богатые,
Слава!
Гребутъ золото лопатами,
Слава!
Чисто серебро лукошками.
Слава!

10.

Шла щука изъ Нова-города,
Слава!
Она хвостъ волокла изъ Бѣла-озера;
Слава!

Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
Слава!
Что серебряная, позолоченая,
Слава!
А головка у щуки унизанная!
Слава!

11.

На корытѣ сижу,
Слава!
Я корысти гляжу;
Слава!
Я еще посижу.
Слава!
Я еще погляжу,
Слава!
Я глядь-поглядь,
Слава!
И корысть пришла на дворъ,
Слава!
И корысть на дворъ, женихи за столъ.
Слава!

12.

Чарочка поплывушечка,
Слава!
До чего тебѣ доплывати?
Слава!
Пора тебѣ вонъ выплывать,
Слава!
Князьямъ, Боярамъ вино подносить.
Слава!

13.

Ахъ! ты, маши, сѣй мучицу, пеки пироги.
Слава!
Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,
Слава!
Какъ нечаянные и невиданные,
Слава!
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,
Слава!
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ (ε).
Слава!

14.

Жемчужина окатная!
Слава!
До чего тебѣ докатиться?
Слава!
Пора тебѣ выкатиться,
Слава!
Князьямъ и боярамъ на шапочку.
Слава!

15.

Стоятъ сани снаряженые,
Слава!
И полостью онѣ подернуты,
Слава!
Только сѣсть въ сани, да поѣхати.
Слава!

16.

Ужъ какъ кличетъ копъ кошурку:
Слава!
Ты поди, моя кошурка, въ печурку спать,
Слава!
У меня у коша есть сткляница вина,
Слава!

Есть сткляница вина и конецъ пирога,
Слава!
Уменя у коша и постеля мягка.
Слава!

17.

Вился, вился ярый хмѣль,
Слава!
Около тычинки серебряныя:
Слава!
Такъ бы вились Князья и Бояре,
Слава!
Около Царя православнаго.
Слава!

18.

Покачу я колечко кругомъ города,
Слава!
А за тѣмъ колечкомъ я сама пойду,
Слава!
Я сама пойду, милова найду.
Слава!

19.

Ласточка, касаточка,
Слава!
Не вей гнѣзда во высокомъ терему,
Слава!
Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не летывати.
Слава!

20.

Саночки, самокаточки,
Слава!
Они сами катятъ, сами ѣхать хотятъ.
Слава!

21.

По огороду хожу, полотенцы стелю,
Слава!
Я еще похожу, я еще постелю,
Слава!

22.

Ахъ! ты гнутое деревцо, черемушка!
Слава!
Куда клонишься, туда склонишься.
Слава!

23.

Ты мати, мати, порода моя,
Слава!
И ты взгляни, мати, въ окошечко,
Слава!
И выкинь, мати, опутинку,
Слава!
Чтобы было чемъ опушать ясна сокола,
Слава!
Что ясна сокола, то моего жениха.
Слава!

24.

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
Слава!
У богатаго мужика двѣ радости,
Слава!
И онъ сына-то женитъ,
Слава!
Дочь замужъ отдаетъ.
Слава!

25.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню;
Я у батюшки въ терему,
Я у матушки въ высокомъ.
Гадай, гадай, дѣвица, отгадывай красная:
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиныя крылица?
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, видала;
Чрезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ перевиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ! вы кумушки, вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдайте!
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодова,
На правой на ручкѣ,

На маломъ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали,
Да не отгадали,
Красныя гадали,
Да не отгадали;
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплеснивѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

26.

Золотая парча развивается,
Кто-то въ дорогу сбирается (*).

27.

Разцвѣли въ небѣ двѣ радуги,
У красной дѣвицы двѣ радости:
Съ милымъ другомъ совѣтъ
И растворомъ подклѣтъ.

28.

Пошли гусли въ доль по лавкѣ,
Впередъ по скамейкѣ;
Мы дойдемъ до умника,
До разумника Ивана Михайловича:
Ты пожалуй намъ, умникъ,

(*) Телеграфъ, 1831, No 5. Въ Тул. и Орлов. Губерніяхъ.

Съ правой руки зóлоть перстень,
Съ буйной головы золотъ вѣнецъ (*).

29.

Рылся кочетокъ на заваленкѣ,
Вырылъ кочетокъ жемчужинку.
Кому спѣли, тому добро.

30.

Катилася одонья ржи,
Кому прикатится,
Тому добро.
Кому вышется, тому сбудется, не минуется (**).

(*) Изъ Езоповой басни.

(**) Пѣсни подъ No 27—30 поются въ Симбир. и Пензен. Губерніяхъ.

Примѣч. Святочныя пѣсни взяты изъ собранія г. Сахарова и другихъ. До сихъ поръ лучшее напечатаннаъ изданіе Святочныхъ пѣсенъ В. С. *Алферьевъ*, который однакожъ позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько перемѣнъ въ словахъ въ пользу музыки; оно вышло въ Москвѣ 1835 г. въ 8, подъ заглавіемъ: *Для Рускихъ Святокъ пѣсни, музыка и гаданіе.* Жуковскій прекрасно подражалъ святочнымъ пѣснямъ въ своей *Свѣтланѣ* и *Славѣ Царю*. А. Ѳ. Малиновскій изъ народныхъ обрядовъ и пѣсенъ написалъ извѣстную оперу: *Старинныя Рускія Святки.*

Дополненіе кѣ пѣснямъ подблюдным (*).

1.

Пѣсни хлѣбу и соли.

Хлѣбу да соли дологъ вѣкъ, слава
Государю нашему долѣ того, слава;
Государь нашъ не старѣется, слава!
Его добрые кони не ѣздятся, слава!
Его цвѣтное платье не носится, слава;
Его вѣрные слуги не старѣются, слава!

2.

Еще ходитъ Никола по погребу, слава!
Еще ищетъ Никола не полнаго, слава!
Что не полнаго, не покрытаго, слава!
Еще хочетъ Никола дополнити, слава!
Да кому мы спѣли, тому добро, слава!
Кому вынется, скоро сбудется, слава!
Скоро сбудется, не минуется, слава!

3.

Еще на небѣ
Да двѣ радуги,
Какъ у нашего хозяина
Двѣ радости:

(*) см. Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1837, въ 8.

Еще первая радость —
Сына женилъ,
А другая-то радость —
Дочь замужъ отдалъ;
Еще за сыномъ
Корабли бѣгутъ,
А за дочерью
Сундуки везутъ.
А кому мы спѣли, тому добро,
Кому выпется, скоро сбудется,
Скоро сбудется, не минуется.

(Три послѣдніе стиха поются къ каждой пѣсни).

4.

Лѣнивая лѣнивица,
Лѣнилася она
Часто по воду ходить;
Она та́яла снѣгъ
На печномъ столбу;
Она вытаяла
Позоло́тъ пе́рстень,
О трехъ ставочкахъ;
Да кому етимъ перстнемъ
Обручатися?
Еще отроку съ отрочицею,
Добру молодцу со дѣвицею.

5.

Курочка, погребушечка,
Да греблася она на завалинѣ,
Еще выгребла позо́лотъ перстень,
Позолотъ перстень о трехъ ставочкахъ.
Да кому етимъ перстнемъ обручатися?
Еще отроку съ отрочицею,
Добру молодцу со дѣвицею.

6.

Я брошу подушку чере́зъ ворота,
Что черезъ ворота, во высо́кій тере́мъ,
Изъ высокова терема на тесовую кровать.
Да кому на той подушкѣ спать, почивать?
Еще отроку съ отрочицею,
Добру молодцу со дѣвицею.

III.

пѣсни круговыя (*).

1.

(Одинъ ходитъ и поетъ. Кого онъ называетъ по имени, тѣ къ нему присшаюпъ, покуда всѣ играющіе не сберутся. Тогда начинаюпъ другія игры.)

Чижикъ, пыжикъ у воротъ,
Воробушекъ маленькій!
Ахъ! братцы, мало пасъ,
Голубчики, нѣмножко!
Въ хороводѣ людей мало,
Веселиться не съ кѣмъ стало.
Ахъ! братцы, мало насъ,
Голубчики, нѣмножко!
Максимъ, сударь, поди къ намъ,
Егоровичъ приступись!
Ахъ! братцы, мало насъ,
Голубчики, нѣмножко!

2

(Всѣ играющіе спановятся въ кружокъ. Одна дѣвушка посрединѣ круга; мужчина ходитъ вокругъ и поетъ.)

Царевъ сынъ хороберъ,
Да ты что́ ходишь, гуляешь?

(*) съ No 1 по 8 Сибирскія пѣсни, а съ 8 по 13 Чухломскія.

Царевъ сынъ хоробѐръ,
Да ты что примѣчаешь?
Царевъ сынъ хоробѐръ.

*

Я хожу, хожу, гуляю
Я хожу, примѣчаю
Я свою, я Царевну,
Да свою Королевну;
А моя-то Царевна,
А моя-то Королевна
Въ Новѣгородѣ гуляетъ,
На ней вѣнчикъ сіяетъ,
Сарафанъ на ней камчатный.

*

Ты войди, Царь, въ го́родъ,
Ты возьми ее за руку!
Поклонитесь низенько,
Поздоровайтесь миленько!

3.

Ходитъ Царь
Около города,
Около высока!
Ищетъ Царь,
Ищетъ Царь
Царевну свою,
Королевну свою.

4.

Я хожу, хожу
Кругомъ города̀,

Я сѣку, рублю
Мечемъ ворота̀,
Еще все-ли я
Красну дѣвицу ищу;
Еще гдѣ я
Красну дѣвицу найду,
Тутъ ее
Златымъ перстнемъ подарю.

5.

Заплетися, плетень, заплетися,
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка хрущата̀я!
Ужъ какъ сѣрая утица
Потопила малыхъ дѣтушекъ,
Во меду̀, да во па́токѣ,
Да во ѣствѣ сахарномъ,
Да во питьѣ медвя̀номъ.

6.

Подъ ко̀ренемъ олень,
Да подъ ду́бовымъ олень.
Тепло-ли те, олень?
Студено-ли те, олень?
Мнѣ не то тепло́,
Мнѣ не то студено.
Приодѣнься, олень,
Приокутайся!
Какъ со дѣвушки вѣнокъ,

Со мо̀лодушки платокъ,
Со старо̀й бабы шлыкъ,
Съ малаго ребеночка пеленочка,
Съ мужичка, бурлачка,
Полъ-корабличка (ε).

(Кто сидитъ въ кругу оленемъ, тотъ собираетъ со всѣхъ платки, ленты, и когда соберетъ со всѣхъ, то ему поютъ:)

Сиди, сиди, ящеръ — ладу̀, ладу̀!
На золотѣ стулѣ — ладу̀, ладу̀!
Грызи, грызи, ящеръ — ладу̀, ладу̀!
Орѣховы ядра — ладу̀, ладу̀!

7.

(Играющіе раздѣляются на двѣ стороны.)

1.

Бо́яре! да вы по что̀ пришли?
Молодыe, да вы по что́ пришли?

2.

Кня́гини! да мы невѣ́стъ смотрѣть!
Молодыя, да невѣ́стъ смотрѣть!

1.

Бо́яре! покажите жениха,
Молодыe, покажите жениха!

2.

Кня́гини, во се на́шъ женишокъ!
Молодыя, во се на́шъ женишокъ.

1.

Бо́ляре, покажи́те кафтанъ,
Молоды́е, покажите кафтанъ!

2.

Кня́гини! во се нашъ кафтанъ!
Молоды́я, во се нашъ кафтанъ!

1.

Бо́ляре! покажи́те кушакъ,
Молоды́е, покажи́те кушакъ!

2.

Кня́гини! во се нашъ кушакъ!
Молоды́е, во се нашъ кушакъ!

1.

Бо́ляре! покажи́те сапоги,
Молоды́е, покажи́те сапоги!

2.

Кня́гини! во се нашъ сапожокъ,
Молоды́я, во се нашъ сапожокъ!

1.

Бо́ляре! поздороваться!
Молоды́е, со всѣмъ поѣздомъ!

8.

Соколъ ли мой, соколъ,
Залетная пташка.
Ты проѣзжій добрый молодецъ,
Привезъ меня молоду
Въ чужу дальню сторону;
Сушилъ, крушилъ три года,

Напишуль я грамотку
По бѣлому бархату
Чистымъ, краснымъ золотомъ;
Отошлюль я ету грамоту,
Въ дальній городъ Астрахань,
Къ родимому батюшкѣ,
Къ родимыя мату́шкѣ.
Прикажетъ ли сударь батюшка,
Прикажетъ ли сударыня матушка
Скакать, плясать, танцовать?
Скачи, пляши, дитятко,
Танцуй, государыня,
Покамѣстъ старость не пришла!
Коли старость къ намъ придетъ,
Такъ мы ее пришибемъ
Сафьянинькимъ башмачкомъ.

9.

Во полѣ, полѣ широкомъ, раздольѣ
Стояли три шатра, три полотняныи.
Во первомъ шатрѣ подъячіе пишутъ,
Во второмъ шатрѣ князья и бояре́,
Въ третьемъ шатрѣ гостинъ сынъ гуляетъ,
Самъ въ гусли играетъ,
Дѣвушку утѣшаетъ:
Не плачь, не плачь, дѣвушка,
Не плачь, не плачь, красная!
Сошью тебѣ, дѣвушка,
Шубку и юбку и шѣлогрѣйку;

Еще тебѣ, дѣвица, монисту съ крестами,
Серги съ жемчугами.
Не надобно, молодецъ,
Ни шубки, ни юбки, ни тѣлогрѣйки,
Ни монисту съ крестами,
Ни серегъ съ жемчугами.
Ахъ! отпусти, молодецъ,
Ко дѣвичью спадичку!
Тогда я тебя отпущу,
Когда русу косу расплету.

10.

Тонка, гибка жестянка,
Черезъ рѣчушку жестяночка лежала,
Что никто по той жестяночкѣ не прóйдетъ.
Только шли, прошли спары бабы,
Спары бабы старобразы.
Еще смѣть ли спросить старыхъ бабъ,
Еще что въ городу вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяный блинъ по три бабы,
А четверта провожата,
А пятая на придачу.

*

Еще шли, прошли молоды бабы;
Еще смѣть ли спросить молодыхъ бабъ,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
Еще восемь молодцовъ на полденьги,

А девятый провожатый,
А десятый на придачу.

*

Еще шли, прошли добры молодцы;
Еще смѣть ли спросить добрыхъ молодцовъ:
Еще что въ городу вздешевѣло?
Вздешевѣли, вздешевѣли красны дѣвушки,
Со сту рублей красна дѣвушка,
А по тысячѣ дѣвицѣ на косицу.

11.

Что мои то ясны очи заглядчиваты!
Еще что очи завидятъ, то на очи берутъ?
Что мелка мука овсяна, мѣлко вытолчена,
Мѣлко вытолчена, въ сито высѣяна.
Что умна была дочь у честной у вдовы,
У честной у вдовы умно выучена;
Она въ теремѣ сидѣла, въ рукахъ пялички держала,
Всѣ узоры вышивала.

12.

Сидитъ олень подъ сырымъ дубкомъ.
Тепло ли те, олень, студено ли те, олень?
Мнѣ во лѣтѣ тепло, во зимѣ холодно.
Приодѣньте оленя, приокутайте:
Что со дѣвушки вѣнокъ, со молодушки платокъ,
Со старыя старушки шелкóвый поясокъ.
Чей, чей ето вѣнокъ толочу, волочу,
Толочу, волочу по подлавичью, по залавичью?

Я не дамъ вѣнка топтать, я не дамъ волочить!
Сама выскачу, сама выпляшу,
Я своимъ станкомъ, я коротенькимъ.
* Хотя станъ коротокъ, назовутъ Королемъ Королевичемъ.

А гдѣ утка шла, тутъ и пыль прошла;
А гдѣ я млада, тутъ и рожь густа,
Уколотиста, умолотиста,
Еще съ колосу малёнка, съ зерна пирогъ.

13.

Подлѣ рѣчки стоялъ частъ ракитовъ кустъ,
На томъ кустѣ соловейка пѣсни поетъ,

---

* Въ деревняхъ Чухломскаго уѣзда при играхъ употребляется пляска; конецъ сей пѣсни, начиная съ 12 го стиха, замѣченнаго мною, слѣдующій:

Хотя станъ коротокъ, да плечи широки,
А на эти плеча три рябиновыхъ дубца,
Три распаряные, три разжареные,
Подпояска-то долга, о семи сажень изба,
Повернуться нельзя, повернулася, пошла,
Будто ягода красна, какъ земляника хороша.
Обей чеботы, пробивай чеботы!
Мнѣ не мужъ ихъ купилъ, и никто не заводилъ,
Заводилъ Константинъ, на свои на шесть алтынъ;
Хоть истопчутся, изломаются,
Мой батюшка-та швецъ, а женихъ кузнецъ,
Моя матушка прядеюшка, вервицу напрядетъ.

Молодой насвистываетъ:

У моего ли дружка, у сердечнаго
Былъ у него пиръ, да былъ пиръ превеселый,
Всѣ гости сошлися, гости съѣхалися;
Нѣту одной родимой матушки!
Ахъ! вонъ она идетъ, будто пава плыветъ,
Рѣчи говоритъ, будто лебедь поетъ.

7.

На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами разцвѣтала;
На той ли на калинѣ сидитъ соловейка,
Веселъ и пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться;
Тебѣ красной дѣвушкѣ постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набльшему тамъ атаману;
Чѣмъ меня государь батюшка подаруетъ?
Подарилъ меня государь батюшка женою,
Глупою женою, неразумной:
Я за гудокъ, а она за прялку;
Я въ гудокъ играти, а она мотати.
Не за чѣмъ въ люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.

Конецъ сей пѣсни измѣняютъ такимъ образомъ:

Подарилъ меня государь батюшка женою,
Умною женою и разумной,
Я за гудокъ, а она за пѣсни,

Я въ гудокъ играти, а она плясати.
Не за чѣмъ въ люди по веселье,
Дома весельица довольно.

Въ заключеніе же представляю пѣсню, которую поютъ хозяину и хозяйкѣ дома, въ коемъ бываетъ игрище. Епо знакъ благодарности.

Въ Казани было городѣ,
Протекала тутъ Волга рѣка.
Какъ по той-то по Болгѣ рѣкѣ
Проплывала осетръ рыба,
Что осетръ рыба свѣжая:
Какъ бы ета да осетръ рыба,
Хозяину да на столы дубовые,
Да на скатерти ткатскія,
Да на блюда на серебреныя!
Далече, далече въ чистомъ полѣ,
Разыгралися черные черные соболи.
Какъ бы ети да черные соболи
Хозяюшкѣ на шубу, да на бѣлы плеча.

Представляю три плясовыя пѣсни, которыя только и поютъ на Святкахъ въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, откуда сообщены мнѣ дѣвицею Т. К. Кашкадамовою:

8.

Ужъ вы кумушки, голубушки,
Вы которому святителю молились?
Вы которому чудотворцу обѣщались?
Какъ у васъ мужья молодые;
У меня младеньки старичище,

Не пускаетъ старичище на игрище.
Я уходомъ отъ стараго уходила,
Подъ полою цвѣтно платье уносила,
Я у кумушки наряжалась,
У голубушки собиралась;
Я не долго млада вечера играла,
Со вечерней зари до бѣла дни.
Я не знаю, какъ старому показаться:
Ужъ я стукъ-стукъ у воротицъ,
Ужъ я брякъ — за колечко;
Какъ не лютые медвѣди заревѣли,
Какъ не лютыя собаки заскучали,
Забрюжжалъ старичище на печищѣ;
Солезаетъ старичище со печищи,
Беретъ плетище съ крючища,
Онъ и бьетъ меня младу,
Меня по бѣлу тѣлу.

9.

Какъ за горницей, за повалушею (?
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говорятъ мои подруженьки
На игрища идти,
А меня ли молодешеньку
Свекоръ не пускаетъ,
Заставляетъ свекоръ батюшка
Гумно чистить,
Гумно чистить,

Метлой месши;
Ужъ я въ сердце взойду
И метлу изломлю
И гумно истопчу,
Сама ли молодешенька
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.

(Начальныя четыре строки повторяются.)

А меня молодешеньку
Свекровь не пущаетъ,
Заставляетъ свекровь матушка
Красенца ткать.
Ужь я въ сердце-то войду,
Красна изорву, бердо изломлю,
Какъ на игрище уйду,
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода!

(Повтореніе четырехъ начальныхъ строкъ.)

10.

Какъ во городѣ было во Казани;
Молодой чернецъ постригся,
Поизволилъ черничище погуляти
Какъ по тѣмъ ли по проулкамъ,
По закаулкамъ.
Какъ на встрѣчу черничищу стара баба,
Черничище клобучище принадвинетъ.

(Повтореніе начальнымъ 5 строкамъ)

На встрѣчу ему молодица,
Черничище клобучище приподниметъ.
(Опять повтореніе упомянутыхъ 6 строкъ.)
Какъ на встрѣчу черничищу красны дѣвки, и пр.

Загадочная пѣсня.

Какъ на рѣчинкѣ, на рѣчицѣ
Красна дѣвица дары мыла,
Тонкіе, бѣлые полоскала.
Ужъ какъ ѣхалъ мимо рѣчки
Сынъ гостиный (если купецъ; если же дворянинъ, *дворянской*).

Богъ помощь тебѣ, дѣвица,
Дары мыти,
Тонкіе, бѣлые полоскати!
Загадать ли тебѣ дѣвица
Семь загадокъ?
Загадай ты, сынъ гостиной,
Хоть *десятокъ!*
Ужъ что у насъ, красная дѣвица,
Краше свѣта,
Чаще рощи,
Выше лѣса,
Безъ коренья,
Безъ умолку,
Безъ отвѣту,
Безъ премѣны?

Дѣвица отгадываетъ:

Краше свѣта, — красно солнце,
Чаще рощи, — частыя звѣзды,
Выше лѣса, — свѣтелъ мѣсяцъ,
Безъ коренья — горючь камень,
Безъ умолку, — течетъ рѣчка,
Безъ отвѣту, — конь во стойлѣ,
Безъ перемѣны, — воля Божья.

Молодецъ благодаритъ дѣвицу, что отгадала его загадки, обѣщаясь ее взять за себя. — (1)

(1) Сія пѣсня, собственно принадлежащая къ свадебнымъ и сообщенная мнѣ П. В. Шереметевскимъ, относится къ стр. 64 сей книги.

II.

АВСЕНЬ.

Какъ священный канунъ Рождества Христова у поселянъ въ разныхъ краяхъ Россіи называется *Коледою*, такъ канунъ Новаго года — то *Васильевымъ вечеромъ*, или *богатымъ вечеромъ*, то *Авсенемъ*, *Овсенемъ*, или *Усенемъ*, *Говсенемъ*, *Бауценемъ* и *Таусенемъ* въ Рязанской, Владимірской, Симбирской, Нижегородской и частію Пензенской Губерніяхъ, а въ нѣкоторыхъ сторонахъ *Коледою* и вмѣстѣ *Коледою* и *Таусенемъ*. Въ сіе время ходятъ по домамъ крестьянскія дѣти поздравлять хозяевъ пѣснями, а въ предвѣстіе урожая бросаютъ изъ лукошка или рукавицы нѣсколько зеренъ разнаго хлѣба, особенно *овса* (1), кои сбираются старухами до весенняго посѣва. Въ Бѣлоруссіи, Украйнѣ, Подолѣ и Волыни встрѣчается подобный обрядъ. Великорускій Авсень, или Овсень, празднуемый во время Святокъ, есть старинный земледѣльческій праздникъ, или прообразовательный обрядъ *обсѣванія*, отчасти сходный съ древнимъ обрядомъ *осыпанія* при бракосочетаніи молодыхъ (2) и даже при

(1) На Словацкомъ овесъ Owsen, на Лат. avena. Замѣчательно, что овсомъ даютъ крестьяне и славильщикамъ.

(2) Древніе Пруссы осыпали невѣсту на свадьбѣ разными сѣменами. см. *Thorlacii* Antiqq. boreal. specim. IV, p. 203.

вѣнчаніи на царство Рускихъ Государей, въ предвѣщаніе изобилія благъ земныхъ. Авсень сопровождается особенными пѣснями, различными по мѣстности. Едва появятся звѣзды на небѣ, какъ начинается торжество молодыхъ поселянокъ, поющихъ предъ окнами каждаго:

Ой Авсень! ой Авсень!
Я ходилъ, я гулялъ
По святымъ вечерамъ и т. д.

Къ Авсеню въ деревняхъ чинятъ кишки, желудки и варятъ ноги свиныя, кои раздаются обсыпаламъ. Въ Нерехотскомъ округѣ, хотя не извѣстенъ Овсень по имени, но каждая бесѣда обоего пола ходитъ въ Васильевъ вечеръ ко всякому дому своего селенія сбираетъ небольшіе пироги и приговариваютъ: *Свинку да боровкà выдай для Васильева вечеркà!* Въ Рязанской Губ. молодыя молодки и красныя дѣвицы, собравшись для прославленія Овсеня, приходятъ подъ окна дома; одна изъ нихъ называется маханоска и несетъ кошель для поклажи подарковъ. Они спрашиваютъ подъ окномъ или у дверей избы: „велитъ ли хозяинъ прокликать Овсень?“ Получивъ согласіе, поютъ:

1.

Среди Москвы
Ворота пестры,
Ворота пестры,
Вереи красны.

2.

Свѣтелъ мѣсяцъ,
То Т . . . . . сударь,
Красное солнце
Н . . . . . его,
Часты звѣзды,
То и дѣшки ихъ.

3.

Прикажите, не держите,
Собаками не травите,
Подайте намъ подачки!

Опять поютъ:

4.

Наша подачка
Въ дверь не лезетъ,
Въ окошки шлетъ.

5.

Кишки, да желудки
Въ печи сидѣли,
На насъ глядѣли.

Опять повторяютъ хоромъ: подайте подачку!

6.

Колите доски,
Мостите мосты!
Намъ туши, да ососки везть.

Получивъ подачку, цѣлымъ хоромъ восклицаютъ:

„*Хозяина поздравляемъ съ праздникомъ*,
„*съ Новымъ годомъ*."

Въ ето же время, въ Муромѣ и въ окрестностяхъ его, толпы заходятъ въ домы съ пѣснею: *Таусень! Таусень! дома ли хозяинъ?* Когда же получатъ въ отвѣтъ, что „*хозяина дома нѣтъ, уѣхалъ соли купить, мясо солить, чтобы сына женить, пашенку пахати, хлѣба промышляти* — онѣ просятъ пироговъ, съ припѣвами: *Подавай пирога! Коль не дашь пирога, разломаемъ ворота, двери, окна разобьемъ* и п. д. Получивъ пирогъ, онѣ пляшутъ подъ пѣсню:

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому
Лежатъ гусли неналаженыя.
Каледа!
Кому гусли налаживати?
Каледа!
Наладить гусли
Зензевею Андрѣяновичу.
Каледа!

Зензевея дома нѣтъ;
Онъ уѣхалъ въ Царь городъ
Суды судить, ряды рядить.
Каледа!
Онъ женѣ-то шлетъ
Кунью шубу.
Каледа!
Сыновьямъ-то шлетъ
По добру коню.
Каледа!
Дочерямъ-то шлетъ
По черну соболю.
Каледа!

Каледа въ пѣсняхъ также воспѣвается вмѣстѣ съ Таусенемъ или Говсенемъ въ Муромскомъ округѣ, какъ видно изъ слѣдующихъ старинныхъ пѣсенъ:

Говсень, Говсень! я тетерю гоню,
Говсень, Говсень! полевую гоню,
Она подъ кустъ,
А я за хвостъ;
Мнѣ начла хвостъ,
Анъ денегъ горсть.

Потомъ стучатъ въ окошко и просятъ пироговъ или чего нибудь другаго, и, вошедши въ домъ, поютъ:

Петръ въ Орду собирается.
Коледа Тоусень!

Александръ у ногъ увивается.
Коледа Тоусень!
Ты не ѣзди въ Орду, не служи Королю.
Коледа Тоусень!
Служи бѣлому Царю.
Коледа Тоусень!
Ужъ какъ мнѣ ли безъ тебя хлѣба соли не ѣдать.
Коледа Тоусень!
На постели не сыпать.
Коледа Тоусень!
Ужъ какъ спать въ тоскахъ, на голыхъ доскахъ.
Коледа Тоусень!
На горячей печи, на девятомъ кирпичѣ.
Коледа Тоусень! —

Таусень, или Овсень, подобно Коледѣ, долженъ быть не божествомъ, но мѣстнымъ праздникомъ народнымъ, въ коемъ главное дѣйствіе есть *обсыпаніе* или *обсѣваніе*, какъ видно изъ прообразовательныхъ обрядовъ, наблюдаемыхъ въ Бѣлорусіи и другихъ мѣстахъ. Соединеніе Овсеня съ Коледою намѣкаетъ на соединеніе миѳовъ разноплеменныхъ народовъ на Руси, у которыхъ етотъ знаменательный обрядъ проявился подъ разными именами, облекся въ разные народные миѳы и впадаетъ въ то самое время, когда совершаются гаданія о жребіи въ наступающемъ году. По существу сво-

ему Овсень сходенъ съ Коледою; потому что какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ ходятъ поздравлять съ пѣснями и просятъ подарковъ за поздравленіе. Разница только въ томъ, что въ первомъ бываетъ обсѣваніе. Ежели Римская Frutis — Seja, Sejanna или Sejà (3) родственница съ Славянскою *Сѣванною*: то, по видимому, не чуждъ имъ *Авсень*, или *Овсень*, созвучный и подобозначущій съ старинными Нѣмецкими словами Awſten, Auſſäen, посѣвъ, обсѣваніе (4), Самогитскою и Польскою богинею земли Sema или Zemina, Литовскою Zemmes mahti, мать-земля (5).

Какъ народы сіи были земледѣльческіе, и одинъ другому передавали искусство воздѣлывать поля: то вѣроятно у нихъ были и божества, покровительствовавшія оному, и праздники земледѣльческіе, къ коимъ можетъ относиться и *Овсень*. Самое слово ето, совмѣщающее въ себѣ разныя понятія,

(3) *Segesta* et *Segetia*, dea, quae praeerat segetibus et segetes laetas facere existimabatur. — *Plin.* II. N. XVIII, 2. Hos enim deos tunc maxime noverant, *Sejam* a serendo, *Segestam* a segetibus appellabant.

(4) Mythologie der alten Teutſchen u. Slaven, von A. Tkany. 2 Th. Znaim. 1827, 8.

(5) *Сива* Славян. по мнѣнію Нарушевича, была покровительницею *дѣторожденія*; она должна быть сродственною Сѣванѣ, богинѣ оплодотворенія земли.

при переходѣ сквозь разныя нарѣчія, получило разныя видоизмѣненія въ первомъ слогѣ слóва и является, какъ мы замѣтили, то *Усенемъ*, то *Таусенемъ*, то *Говсенемъ*, и посему можетъ производимо быть отъ различныхъ корней (6). По особенной наклонности Славянъ Рускихъ перелицевывать иностранныя словà на свой ладъ, можетъ статься, Авсеню дано значеніе *обсѣванія овсомъ* и вообще яровымъ, какъ кореннымъ на Руси хлѣбомъ. Но какъ сѣяніе дѣлается на *авось:* то и предшествовали ему гаданія и умилостивительныя жертвы, къ коимъ, вѣроятно, отчасти принадлежитъ и обрядъ Авсеня. Заимствуя свое начàло отъ народнаго быта и вѣрованія, онъ перешелъ въ народный обычай, принаровленный къ мѣстности, климату и къ времени года, когда запасаются хлѣбомъ на круглый годъ и отдѣляютъ сѣмена на весенній посѣвъ. Хотя въ другихъ странахъ Великой, Малой, Бѣлой и Красной Руси, кромѣ означенныхъ Губерній, и не встрѣчается намъ Авсень, но почти вездѣ совершаются подобные обряды на-канунѣ Новаго года, съ мѣстными особенностями и съ пѣснями.

(6) см. въ Енцикл. Лексиконѣ ст. *Великая Россія.* — Старое слово *таусинный* цвѣтъ едва ли не Θαλασσινὸς морскій? —

АВСЕНЕВЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ай во борѣ, борѣ,
Стояла тамъ сосна,
Зелена, кудрява.
Ой Овсень! ой Овсень!
Ѣхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми убивали.
Ой Овсень! ой Овсень!
Кому-жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Овсеню,
Да новому году.

2.

Ой Овсень! ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ.
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотрѣлъ, поглядѣлъ,

Ты нашелъ, ты взошелъ,
Къ Филимону на дворъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь воротцы красны,
Вереи всѣ пестры.
Ой Овсень! ой Овсень!
Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, затыненъ
Кипарисным тыномъ.
Ой Овсень! ой Овсень!
Филимоновъ-то тынъ
Серебромъ обложенъ,
Позолотой увитъ!
На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ:
И свѣтленьки и красненьки
Золотые терема!
Первый теремъ
Свѣтелъ мѣсяцъ;
Другой теремъ
Красно солнце;
Третій теремъ
Частыя звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ
Хозяинъ нашъ,
Красно солнце
Жена его,
Частыя звѣзды

Ихъ дѣвушки.
Ой Овсень! ой Овсень

3.

Мѣсяцъ, крутыя рога,
У солнышка лучи ясные горятъ,
У Ивана кудри русыя висятъ,
По плечамъ лежатъ,
Словно жаръ горятъ.
Тутъ ѣхали бояра изъ Новагорода,
Дивовались бояра Ивановымъ кудрямъ;
Ужъ чье ето дитятко нароженный?
Породила его родна матушка,
Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
Взлелѣяли его родныя сестры.

4.

Каледа, Каледа,
Гдѣ была?
Коней пасла
Что выпасла?
Коня въ сѣдлѣ,
Въ золотой уздѣ.
Кони гдѣ?
За воротцы ушли.
Воротцы гдѣ?
Водой снесло.
Вода гдѣ?
Быки выпили.

Быки гдѣ?
За горы ушли.
Горы гдѣ?
Черви выточили.
Черви гдѣ?
Гуси выклевали
Гуси гдѣ?
Въ тростникъ ушли.
Тростникъ гдѣ?
Дѣвки выпололи.
Дѣвки гдѣ?
За мужья ушли.
Мужья гдѣ?
На войну ушли.
Война гдѣ?
На печи въ углу.

III.

МАСЛЯНИЦА.

По окончаніи такъ называемыхъ *Свадебныхъ недѣль*, наступаетъ годовый, разгульный праздникъ у народа, *Масляница*, или *Сырная недѣля*, по Гречески *Τυρόφαγον*, *τὸ Ἀπόκρεως*, *Мясопустъ*, по Латинѣ Carniprivium, по Польски Zapust, Miesopust, по Сербски bilà nedela. Что мы называемъ Масляною, по у Словаковъ и Чеховъ Fasanek, или Masopûst; отсюда и пословица: po Fasanku Post bûva, послѣ Масляницы бываетъ постъ, вмѣсто: послѣ сладкаго бываетъ горько, или, какъ выражаетъ простонародная Руская пословица: *Не всегда коту Масляница* (1). На простонародномъ Нѣмецкомъ языкѣ Масляница называется Faſenacht, въ Баваріи Faſſangen, а вообще Faſtnacht. Папа Григорій великій въ 600

---

(1) Non semper erunt Saturnalia. *Seneca* Apocoloc. Нѣкоторымъ угодно читать Рускую посл. такъ: „Не всегда *катанье* объ Масляницѣ“ и пр. Но принятое мною чтеніе находится въ рукописныхъ собраніяхъ пословицъ начала и половины XVIII вѣка и употребляется въ народѣ.

г. уставилъ Пепельную середу началомъ поста, и канунъ этого дня именовался заговѣньемъ (Faſtnacht); ибо въ полночь онаго собственно начинался постъ, коему предшествовали три дни, извѣстные подъ именемъ Бакханалій и бѣсовскихъ праздниковъ; ибо, по словамъ Церковныхъ Историковъ, въ сіи дни безумствовали: надѣвали на себя личины, мущины переряжались въ пугалища и женщинъ и наоборотъ, и позволяли себѣ всякое неистовство и распутство.“ Таково начало нынѣшняго Карнавала, который у Католиковъ продолжается отъ дня трехъ Королей до Пепельной середы (2). Древніе языческіе обряды Сатурналій облекались въ новыя формы; изъ Италіи они перешли во другія страны Христіанскія, гдѣ были образцами для подражанія и гдѣ смѣшивались съ ними отечественные обычаи. Въ церковныхъ книгахъ Масляница называется *Сырною недѣлею*, подобно всей предшествующей седмицѣ, на коей въ среду и пятокъ ѣдятъ сыръ и яицы въ отвращеніе преданія Яковитскаго и Гепрадитской ереси (3).

(2) Allgemeine Deutſche Real-Encyclopedie. 10 B. Leipz. 1830, въ 8.

(3) Церковный Словарь *П. Алексѣева*. 3 изд. М. 1815. ч. 5, въ 8.

Масляница въ Россіи есть какъ бы осмидневное празднество послѣ вселенской субботы, въ которую поминаютъ усопшихъ. Тогда какъ въ Сырную недѣлю Церковь воспоминаетъ изгнаніе Адама изъ рая, приуготовляя Христіанъ къ Великому Посту; тогда народъ предается маслиничнымъ потѣхамъ: катанью съ пѣснями на горахъ и саняхъ, кулачнымъ боямъ, попойкамъ и пиршествамъ, на коихъ главную роль играютъ блины, пряженцы, оладьи (4). Въ народномъ языкѣ Масляница слыветъ, подобно Семику, *честною*, а по разгульности, *широкою*. Веселая, изобильная жизнь называется *Масляницею: не житье, а Масляница*. Въ такомъ же почти смыслѣ употребляется и Французская поговорка: C'est un vrai carnaval (5). Въ старинномъ сказаніи народномъ на лубочныхъ картинахъ *о честномъ Семикѣ и честной Масляницѣ*, первый описываетъ послѣднюю слѣдующими словами: „Душа моя Масляница, „перепелиныя косточки, бумажное твое „тѣло, сахарныя твои уста, сладкая твоя

(4) *Оладьямъ* не соотвѣтствуютъ ли пекущіеся во время прилетанія первыхъ птицъ жаворонки (alaudae), или оладьи не происходятъ ли отъ словъ: *отъ Лада?*

(5) Hiſtoire générale des proverbes, par *M. C. Méry*. 3 t. à Paris. 1828. in 9.

„рѣчь; красная краса, русая коса, придца-„ши братовъ сестра, сорокà бабушекъ внуч-„ка, трех-материна дочка, кеточка, ясочка, „ты же моя перепелочка“ и ш. д.

Одинъ изъ иностранныхъ писателей, бывшій лѣтъ за 150 въ Россіи, какъ очевидецъ такъ изображаетъ етотъ народный праздникъ (6):

„*Масляница* потому такъ названа, что „Рускимъ въ продолженіе етой недѣли поз-„воляется вкушать коровье *масло;* ибо они „во время поста, вмѣсто коровьяго, упот-„ребляютъ конопляное въ кушаньѣ. Масля-„ница начинается за восемь дней до Ве-„ликаго Поста. Въ то самое время, когда „бы всякой съ сердечнымъ раскаяніемъ дол-„женъ былъ приготовляться къ созерцанію „страданій Хрістовыхъ, въ то время сіи „заблудшіе люди предаютъ свою душу дья-„волу. Во всю Масляницу день и ночь про-„должается обжорство, пьянство, развратъ, „игра и убійство, такъ что ужасно слы-„шать о томъ всякому хрістіанину. Въ то „время некушъ пирожки, калачи и тому по-„добное, въ маслѣ и на яицахъ; зазываютъ,

(6) Anhang von der Reußischen oder Moskowitischen Religion. Leipzig. 1698, in 12.

„къ себѣ гостей и упиваются медомъ, пи-„вомъ и водкою до упаду и безчувственно-„сти. Во все время ничего болѣе не слышно, „какъ: того-то убили, того-то бросили въ „воду. Въ бытность мою у Рускихъ, на „етой недѣлѣ убитыхъ нашлось болѣе ста „человѣкъ. Нынѣшній Патріархъ давно уже „хотѣлъ уничтожить етотъ бѣсовскій празд-„никъ, но не успѣлъ; однакожъ онъ сокра-„тилъ время его на 8 дней, тогда какъ пре-„жде оный продолжался 14 дней. Масляница „напоминаетъ мнѣ Италіанскій карнавалъ, „который въ тоже время и почти такимъ „же образомъ отправляется. Славный Папа „Иннокентій XI хотѣлъ было его уничто-„жить; но, подобно Патріарху Рускому, „успѣлъ только сократить его на 8 дней.“ Иностранный писатель, изобразивъ Рускій народный праздникъ съ одной только стороны, не упомянулъ о существовавшей издавна у Рускихъ любимой забавѣ во время Масляницы: о катаньѣ съ ледяныхъ горъ на салазкахъ и лубкахъ, о катаньѣ на саняхъ и лыжахъ по снѣгу.

Масляница собственно состоитъ изъ трехъ частей: *встрѣчи*, въ понедѣльникъ, *разгула*, или *перелома*, въ такъ называемый *широкій четвергъ*, и *прощанья*. Какъ празд-

никъ народный, она начинается съ понедѣльника, какъ праздникъ гражданскій — съ четверга.

Главную роль играютъ въ Масляницѣ *блины*, которые пекутся всю недѣлю; на блины зовутъ гостей и блинами вездѣ угощаютъ. Какъ всѣ народы пекли пѣсныя лепешки на угольяхъ прежде, чѣмъ дошли до заквaснаго хлѣба: посему блины наши должны быть древнѣе хлѣба. По обычаю народному, блинами поминаютъ усопшихъ; въ Тамбовской и другихъ Губерніяхъ первый блинъ, испеченный на Сырной недѣлѣ, кладутъ на слуховое окошко для душъ родительскихъ. *Блины* у народа, какъ обычная принадлежность поминовенія усопшихъ, какъ праздничное яствіе, встрѣчается и въ книгахъ С. Писанія подъ именемъ *млиновъ*, какіе раздавалъ Царь Давидъ народу по случаю празднества при перенесеніи Кивота Господня: *даяше по млину сковрадному* (7).

(7) II *Царствъ*, VI, 19. Въ Еврейской, Латинской Тремелліева изданія, Нѣмецкой и Англинской Библіяхъ: по флягѣ вина (lagenam vini, ein Maß Wein, flagon of wine). Но въ Греческомъ переводѣ и Вулгатѣ: *καὶ λάγανον ἀπὸ τηγάνου*, similam frixam oleo. По новѣйшимъ толковникамъ, *λάγανον τηγάνου*, есть placenta sartaginis, laganum, placenta tenuis. Блины на новогреч. *λάλαγίτες*. см. *Исход.* XXIX, 2. *Καὶ λαγάνα ἄζυμα κεχριμένα ἐν ἐλαίῳ*, и *хлѣбы пѣсны* смѣшаны *съ елеемъ*. *Τήγανον*, тагань, сковорода, sartago, слѣд. *сковородный млинъ* есть блинъ, печеный на тагани, на сковородѣ.

Въ Германіи, особенно Католической, кромѣ копченыхъ мясъ, колбасъ и сосисекъ, на Масляницѣ пекутся обварныя оладьи, крендели (Kringeln, Pfannkuchen) и пр. пр. Сіи послѣднія суть какъ бы остатокъ spirae, кои приносили Бахусу, потому, можетъ быть, что онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ миѳографовъ, родился отъ Юпитера подъ видомъ змія и произошелъ отъ Прозерпины; вѣроятно, ето символъ теченія солнца. Такія-то лепешечки круглыя, извѣстныя въ Мекленбургѣ подъ именемъ Seetweggen, пекли изъ мѣлкой муки на молокѣ и ѣли горячія. Блины у Литовцевъ на Хавтуреѣ называются sikies wellonis pamislos, кои употреблялись и на другихъ праздникахъ. У Рускихъ слово *млинъ* изъ гречневой молотой муки, пекущійся на сковородѣ, подмазанной масломъ, перемѣнилось въ *блинъ*, который донынѣ сохранилъ свое употребленіе при поминкахъ и особенно на Масляницѣ, такъ равно и круглую фигуру.

Катанье на саняхъ по улицамъ начинается съ понедѣльника, а болѣе съ четверга Сырной недѣли: къ вечеру ѣздятъ цѣ-

лыми вереницами, а простолюдины катаются съ веселыми пѣснями. Ледяныя горы для катанья строились на Москвѣ рѣкѣ и на Неглинной, отъ Воскренскихъ до Троицкихъ воротъ, гдѣ нынѣ Александровскій садъ, до конца XVIII вѣка. Контарини „въ 1475 „году видѣлъ на первой конскія ристанія и „разныя увеселенія“ (8). При Петрѣ I масляничныя потѣхи бывали въ Москвѣ у Красныхъ воротъ, гдѣ Петръ I самъ, въ понедѣльникъ на Масляницѣ, открывалъ празднество ея, нѣсколько разъ поверпѣвшись на качеляхъ съ Офицерами (9). По случаю Нейшпатскаго мира въ 1722 г. Петръ I далъ въ Москвѣ невиданный доколѣ маскарадъ и санное катанье. Въ четвертый день Сырной недѣли началось движеніе большаго поѣзда изъ Всесвятскаго села, гдѣ собрано было съ вечера множество морскихъ судовъ разнаго вида и разной величины, полсотни саней, запряженныхъ разными звѣрями. По сдѣланному ракетою сигналу сухопутный флотъ, напоминающій собою Олеговъ, на полозахъ и колесахъ, потянулся

(8) Библіотека Иностранныхъ писателей о Россіи, отдѣл. 1. Спб. 1836, въ 8.

(9) Старина Руская. Спб. 1825, въ 18.

длинною вереницей отъ Всесвятскаго къ Тверскимъ тріумфальнымъ воротамъ (10). Шествіе открывалъ арлекинъ, ѣхавшій на большихъ саняхъ, въ кои впряжены были гусемъ шесть лошадей, украшенныхъ бубенчиками и побрякушками. Въ другихъ саняхъ ѣхалъ Князь-Папа Зотовъ, облеченный въ длинную мантію изъ краснаго бархата, подбитую горностаемъ, а въ ногахъ его возсѣдалъ Вакхъ на бочкѣ; за нимъ свита, замыкаемая шутомъ, который сидѣлъ въ санкахъ, запряженныхъ четырьмя свиньями. Потомъ началось шествіе самаго флота, коимъ предводительствовалъ Нептунъ, сидѣвшій на колесницѣ съ требузцемъ въ рукахъ, везенной двумя Сиренами. Въ процессіи находился и Князь-Кесарь Ромодановскій въ Царской мантіи и Княжеской коронѣ: онъ занималъ мѣсто въ большой лодкѣ, везенной двумя живыми медвѣдями. Наконецъ появилась громада, 88-пушечный корабль, построенный совершенно по образцу корабля Фридемакера, спущеннаго на воду въ Маршѣ 1721 г. въ С-Петербургѣ: онъ имѣлъ три мачты и полное корабельное вооруженіе даже до послѣдняго блока. На этомъ кораблѣ,

(10) Сѣверная Пчела, 1833, No 123.

везенномъ 16 лошадьми, сидѣлъ самъ Государь Петръ I въ одеждѣ флотскаго Капитана съ Морскими Генералами и Офицерами и маневрировалъ онымъ, какъ бы на морѣ. За ѣтимъ кораблемъ слѣдовала раззолоченная гондола Императрицы, которая была въ костюмѣ Остфризской крестьянки, а свита ея состояла изъ придворныхъ дамъ и кавалеровъ, одѣтыхъ по Арабски (11). За гондолою появились настоящіе члены маскарада, извѣстные подъ именемъ *неугомонной обители:* они сидѣли въ широкихъ длинныхъ саняхъ, сдѣланныхъ на подобіе драконовой головы, и наряжены были волками, журавлями, медвѣдями, драконами, представляя въ лицахъ Езоповы басни и т. д. Такое пестрое и чудное маскарадное шествіе черезъ Тверскіе ворота потянулось въ Кремль при пушечныхъ выстрѣлахъ, куда и достигло къ вечеру. На слѣдующій день и на третій день и 2 Февраля сборъ назначенъ былъ у воротъ, построенныхъ тогда купечествомъ. Ѣтотъ маскарадъ окончился великолѣпнымъ фейерверкомъ и пиршествомъ. Въ продолженіи четырехъ дней Московскаго Карнавала участвовавшія въ немъ особы перемѣняли по нѣсколько разъ свои костюмы.

(11) Сѣверная Пчела, 1833, No 125.

По свидѣтельству Штелина, Анна Ивановна собирала у себя на Масляницѣ гвардейскихъ унтеръ-офицеровъ съ ихъ женами, которыя пѣшились Рускими плясками; тутъ же бывали и другія народныя забавы (12). Кому не извѣстенъ въ С.-Петербургѣ предъ Масляною 1759 г. маскарадъ этнографическій по случаю свадьбы одного шута въ ледяномъ дворцѣ! —

При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ открылось катанье въ любимомъ ею селѣ Покровскомъ, прежнемъ Рубцовѣ: тамъ сама Государыня съ придворными каталась на саняхъ и на лыжахъ. Екатерина II, послѣ коронаціи своей въ Москвѣ объ Масляницѣ дала народу трехдневный блистательный маскарадъ въ аллегорической процессіи на улицахъ городскихъ, который сочиненъ былъ актеромъ Волковымъ, подъ названіемъ *Торжествующей Минервы.* — Вѣроятно, въ подражаніе Римскому Карнавалу объ Масляницѣ рядились въ маски и въ разные странные и смѣшные костюмы, которые составляли подвижный маскарадъ уличный; потому что замаскированные и наряженные доселѣ въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи катаются объ Масля-

(12) Haigold's Beylagen. II. 11.

ницѣ (13). Съ XVIII вѣка появились въ Москвѣ лубошныя комедіи, гдѣ представлялись иностранными фиглярами разные фокусы-покусы и диковинныя штуки изъ Fastnachtspielen, Нѣмецкихъ игръ масляничныхъ. На игрищѣ масляничномъ бывали наряженные козою съ рогами, къ коимъ привѣшивались бубенчики; они *козу вѣ мѣшкѣ играли:* что значитъ на пословицномъ языкѣ Русскаго народа: „ману „въ глаза пускать, или морочить.“ Теперь маслиничное гулянье перенесено подъ Новинское, гдѣ урочище *Куковинка* напоминаетъ о Нѣмецкихъ фокусникахъ, которые издавна въ Москвѣ показывая свои райки и штуки, приглашали смотрѣть словомъ kucke, и гдѣ о Святой недѣли *кокались* красными яицами. Что нынѣ говорится: „ишши или ѣхать *подѣ* „*Новинское* на гулянье“, то прежде — *идти на Куковинку.*

Издревле извѣстные въ Россіи *борьба* и *кулачный бой* составляли одну изъ любимыхъ забавъ народныхъ, особенно въ Сырную недѣлю: на улицахъ и на рѣкѣ бьются *самѣ на самѣ*, или *одинѣ на одинѣ*. Это *стѣнной бой*, *стѣнка на стѣнку*. Такія предуготовительныя гимнастическія потѣхи называются въ лѣтописяхъ *играми*, *игрушками*, какія давали наши Великіе Князья. Вашаги скомороховъ, Задунайскихъ переселенцевъ, бродившихъ по Россіи, вѣроятно, ввели у насъ потѣхи, какъ-то: пляски, разныя фиглярства и фокусы, противъ коихъ вооружается Стоглавъ и грамоты Святительскія и Царскія.

Мѣстность наложила свои отпечатки на этотъ праздникъ народный, который въ разныхъ странахъ Россіи отличается особенностями въ обычаяхъ и обрядахъ. Замѣтимъ здѣсь нѣкоторыя мѣстныя отступленія въ празднованіи Масляницы отъ общаго, главнаго ея характера.

Въ Переславлѣ-Залѣскомъ, Юрьевѣ-Польскомъ, Владимірѣ и въ Вяткѣ, на огромныхъ саняхъ въ 12 лошадей возятъ наряженнаго мужика, который, подобно Кроду Нѣмецкихъ Славянъ, сидитъ на колесѣ вверху столба, утвержденнаго посреди саней, въ рукахъ держитъ полштофъ съ виномъ и калачи. Его сопровождаютъ наряженные музыканты, которые играютъ и поютъ, также обываемели въ саняхъ. Подобное олицетвореніе Масляницы встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ

(13) Похожденіе Ивана гостинаго сына и другія повѣсти и сказки, изд. Н. *Новикова*, 2 ч. Спб. 1785, 86, въ 8. Сатирическій Вѣстникъ. ч. VI. М. 1790, въ 12 (*Масляница.*)

Россіи. Въ Зарайскомъ уѣздѣ тогда же возятъ на саняхъ большое дерево, обвѣшенное лоскушками и бубенчиками.

Въ Симбирской Губерніи Ардатовскаго, Алатырскаго, Курмышскаго и Карсунскаго уѣздовъ, частію въ Пензенской Губерніи, особенно въ Саратовскомъ уѣздѣ, объ Масляницѣ, обыкновенно снащиваютъ 8 или 10 дровней (ето подсанки), въ срединѣ дровней утверждается высокое, довольно толстое дерево въ видѣ мачты; на верхъ его вдѣвается колесо, на которое садится какой-нибудь деревенскій наряженный весельчакъ, и представляетъ различные фокусъ-покусы, свойственные деревенскому Рускому мужику. Етотъ обрядъ называется *проводами честной Масляницы*. Обыкновенно ету всю сплоченную массу возятъ по всѣмъ закоулкамъ, причемъ, вмѣсто лошадей, запряжено бываетъ нѣсколько разряженныхъ и уродливо, безъ всякаго вкуса, испещренныхъ людей, которые наряжаются въ видѣ лошадей. Предъ ними прыгаютъ и поютъ скоморохи и колоброды изъ деревни или села. Обрядъ етотъ совершаемъ былъ послѣдній день Масляницы въ прощеное воскресенье.

Въ Архангельскѣ, подобно какъ въ Парижѣ, мясники возятъ по городу, о Сыр-

ной недѣлѣ, быка на огромныхъ саняхъ кои запряжены нѣсколькими десяпками лошадей и связаны съ другими санями (14). Въ Нерехтѣ масляничныя увеселенія начинаются съ середы. Въ етотъ день изъ окрестностей пріѣзжаютъ туда дѣвки въ праздничныхъ платьяхъ и набѣленныя, особенно новобрачные, и катаются отдѣльно отъ мущинъ, до самаго вечера. Въ четвертокъ и пятокъ здѣшніе жители не катаются. Въ субботу сюда съѣзжается великое множество народа изъ окрестностей. Здѣсь продавъ напряденную въ ту недѣлю пряжу, покупаютъ лакомства и гуляютъ по рынку до вечера. Въ округѣ, масличныя потѣхи начинаются въ экономическихъ селеніяхъ со вторника, а въ помѣщичьихъ съ четверга. Ежедневно катаются отъ одной деревни къ другой: при чемъ новобрачные ѣздятъ въ гости къ сродникамъ, которые отдариваютъ ихъ мыломъ. Въ большихъ вотчинахъ, въ Сыропустное воскресенье сбирается съѣздъ изъ нѣсколькихъ сотъ лошадей, подъ названіемъ *обоза*, который извѣстенъ въ Ярославлѣ подъ именемъ *околка*. При етомъ нѣкоторые ѣздятъ верхами, наряжен-

(14) Encyclopedie des gens du monde. t. 1 — 5. à Paris. 1823, 8. — Записки Рускаго путешественника, *А. Глаголева*, 4 ч. Спб. 1837, въ 8.

ные въ соломенныхъ колпакахъ и кафтанахъ. Ввечеру того дня молодые обоего пола въ своемъ селеніи на улицѣ поютъ пѣсни; послѣ сего, взявъ каждый съ своего двора по снопу соломы, вмѣстѣ сожигаютъ ее въ селеніи, а чаще за селеніемъ. Етотъ обрядъ, встрѣчающійся и въ другихъ мѣстахъ Россіи, называется *сожигать Масляницу*, или *соломеннаго мужика*. Съ вѣроятностью заключить можно, что ето обыкновеніе, существующее съ незапамятныхъ временъ, есть остатокъ отъ языческихъ требъ и обрядовъ, примѣшанный къ увеселеніямъ Сырной недѣли. Подобный встрѣчается у Нѣмецкихъ Славянъ (Todaustreiben), которые перваго Марта выносятъ изъ селеній соломенное чучело въ образѣ смерти и сожигаютъ его въ память усопшихъ, или, бросаютъ въ воду, какъ Римляне нѣкогда въ Маѣ м. брасывали въ Тибръ свои тростниковые болваны (simulacra scirpea, ξιδωλα ἀνδρεἰκελα) (15). Въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ, въ етотъ день хаживали съ факелами на кладбища (16). Догадка сія, замѣчаетъ М. Я. Діевъ, утверждается и тѣмъ, что въ воскресенье Сырной

(15) *Ovid.* fast. V, 621, 679. *Dionys. Hal.* I, 19.

(16) *Харамз.* И. Г. Р. ч. I.

недѣли, которое, по большей части, приходится около 1 го Марта, донынѣ ходятъ и Нерехотскіе жители на кладбище прощаться и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Россіи. Въ Силезіи и Польшѣ, въ воспоминаніе истребленія идоловъ 965 года Марта 7 го, въ воскресенье Сырной недѣли (Laetare, Tod-Sonntag) бросаютъ въ рѣки и пруды чучелы, сдѣланныя изъ соломы. Ето примѣнилось къ смерти, къ зимѣ, къ Масляницѣ, кои замѣняли языческое божество (17), уже преданное забвенію въ народѣ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ увидимъ, сохраняемое завѣтнымъ преданіемъ. Въ восточной Пруссіи и Польшѣ, во вторникъ Масляницы крестьянскія ребята дѣлаютъ небольшую деревянную лошадь, которую наряжаютъ разноцвѣтными лентами и носятъ ее по домамъ съ плясками, играя на скрыпкѣ. Въ каждомъ домѣ даютъ имъ по два или по три гарнца овса, который они послѣ мѣняютъ на горѣлку и съ нею забавляются цѣлую ночь. На другой день женщины ходятъ сбирать ленъ или рожь, которые назначаются для

(17) Maslographia, oder Beschreibung des Schlesischen Massel, von L. D. Hermann. Brieg. 1711, in 4. — Handbuch der Germanischen Alterthumskunde v. D. G. *Klemm.* Dresden. 1836, in 8.

такогожъ употребленія. Первое называется: chodzić z końkiem, а другое chodzić z pieńkiem.

Въ Сибири, о Масляницѣ сплочивались нѣсколько огромныхъ саней и устроивался на нихъ корабль съ парусами и снастями. Тутъ садились и люди и медвѣдь *и госпожа Масляница* и разные паяцы: все ето вообще слыло *Масляницею;* въ сани впрягали лошадей по 20 и возили ее по улицамъ. За ѣтимъ поѣздомъ слѣдовали толпы ребятъ съ пѣснями и разными прибаутками. Тамъ блины замѣняются *хворостами* — родъ пирожнаго (18). Въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, въ субботу на Масляницѣ, крестьянскіе ребята строютъ на рѣкѣ изъ снѣга родъ городка съ башнями и двумя воротами, между коими находится прорубь. Игра начинается такъ: ребята раздѣляются на двѣ партіи — на конницу, которая осаждаетъ городокъ, и на пѣхоту, которая защищаетъ его. Устроясь въ боевой порядокъ, конные, по данному знаку, пускаются во всю прыть на взятіе городка, гдѣ пѣшіе, вооруженные помелами и мешлами, стараются маханіемъ испугать лошадей, чтобы не допустить къ городку.

18) Записки и замѣчанія о Сибири. М. 1817, въ 8.

Но нѣкоторые изъ конныхъ, не взирая на сопротивленіе, прорываются сквозь пѣхоту и на всемъ скаку въѣзжаютъ въ ворота снѣжной крѣпости: что̀ и значитъ *взять городокъ*. Побѣдителя купаютъ въ проруби; послѣ чего угощаютъ виномъ всѣхъ рашоборцевъ, отличившихся въ пѣхотѣ и конницѣ. Потомъ, сломавъ крѣпость, возвращаются въ деревню съ пѣснями. Етою игрой, основанною на какомъ-либо событіи, оканчивается и Масляница (19).

Въ Ярославлѣ на Масляной недѣлѣ, кромѣ угощенія блинами и катанья на горахъ и по улицамъ, есть обыкновеніе, вѣроятно, остатокъ временъ языческихъ, *пѣть Коледу*, которую обыкновенно воспѣваютъ въ Россіи о Святкахъ (20). Съ четверга етой недѣли толпы фабричныхъ съ бубнами, погремушками, рожками, балалайками и другими простонародными инструментами ходятъ по домамъ, и пришедши на дворъ, поздравляютъ хозяина съ праздникомъ и говорятъ: *Прикажи, сударь, хозяинъ, Коледу пропѣть!* Получивъ позволеніе, поютъ:

(19) Записки дѣвицы *Т. К. Кашкадамовой.*

(20) Сынъ отечества, 1837, No 15. ст. *И. Петровскаго.*

Ужъ какъ шли ребята коледовщики.
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Коледовщики, все фабрищики.
Виноградъ, зеленая моя!
(Етотъ припѣвъ поется послѣ каждаго стиха)
Мы искали двора господина своего,
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, на осьми столбахъ.
Посреди двора, посреди широка,
Стоятъ три терема,
Три терема златоверхіе:
Въ первомъ терему красно солнышко,
Во второмъ терему часты звѣздочки,
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
Хозяюшка въ дому, госпожа въ высокомъ,
Молодыя дѣвушки въ дому, какъ орѣшки въ меду.
Виноградъ, красно-зеленая моя!

Послѣ етого, хозяинъ подноситъ имъ вина и одѣляетъ деньгами; коледовщики въ знакъ благодарности поютъ:

Благодарствуй, хозяинъ, на хлѣбѣ, на соли и на жалованьѣ!

Виноградъ, виноградъ, красно-зеленая моя!
Накормилъ, напоилъ, съ двора спустилъ.
Виноградъ, красно-зеленая моя!

Въ Сольвычегодскѣ, на Масляницѣ сваренное общимъ иждивеніемъ пиво, которое вмѣстѣ и распиваютъ, такъ какъ и въ другіе праздники, называется *братчиною*.

Сцены Руской Масляницы заключаются *провожаньемъ* и *прощаньемъ*. „На Масляницѣ— „пишетъ очевидецъ Маржеретъ въ началѣ „XVII вѣка — Рускіе посѣщаютъ другъ „друга, цѣлуются, прощаются, мирятся, если „оскорбили другъ друга словомъ, или дѣломъ; „встрѣтясь даже на улицѣ — хотя бы ни„когда прежде не видались — привѣтствуютъ „другъ друга взаимнымъ поцѣлуемъ. *Прости „меня, пожалуй!* говоритъ одинъ; *Богъ тебѣ „проститъ!* отвѣчаетъ другой. При етомъ „должно замѣтить, что не только мущины, „но и женщины считаютъ поцѣлуй знáкомъ „привѣтствія, когда готовятся въ путь, „или встрѣтятся послѣ долговременной раз„луки. По окончаніи Масляницы, всѣ идутъ „въ баню.“ — Что и до нынѣ, чрезъ два вѣка послѣ Маржерета, между родными и знакомыми наблюдается болѣе у простолюдиновъ. Въ Нерехтѣ, въ Сырное Воскресенье вечеромъ, а въ Зарайскѣ утромъ, ходятъ на кладбище прощаться съ усопшими родственниками, къ Священникамъ своимъ духовни-

камъ, а новобрачные носятъ пряники къ родственникамъ (21). Повсемѣстно, предъ пѣмъ, какъ ложиться спать, семейные прощаются другъ съ другомъ: при чемъ дѣти кланяются въ ноги родителямъ, а слуги господамъ. Подобный обычай, происшекшій изъ Хрісціанскихъ источниковъ, ведется между народомъ во всей Россіи. Прощальное воскресенье въ Сибири слывешъ отъ цѣлованья *Цѣловникомъ*. Въ XVII вѣкѣ, Царь въ етотъ день самъ хаживалъ къ Патріарху съ Боярами, Окольничими и Думными людьми на прощанье и при етомъ случаѣ угощаемъ былъ медами и романеею (22).

Въ етомъ пестромъ праздникѣ народномъ, оканчивающемъ зиму, ясно открывается смѣсь стихій древняго языческаго обряда съ Хрісціанскимъ обычаемъ, отечественнаго съ чужестраннымъ, стариннаго съ новымъ: олицетвореніе и сожженіе Масляницы, соломенный мужикъ, мѣстное воспоминаніе о Коледѣ, скоморошскія игры, заморскія и народныя, относятся къ остаткамъ отъ міра языческаго, а прощаніе другъ

(21) Записки М. Я. Діева изъ Перехты, К. И. Аверина изъ Зарайска и И. И. Тычинкина изъ Галича.

(22) Древняя Россійская Вивліоѳика. ч. VI, М. 1788, въ 8.

съ другомъ и съ усопшими заимствовано отъ миролюбиваго Хрістіанства.

Остатки Масляничныхъ яствій слывутъ въ нѣкоторыхъ поволжскихъ Губерніяхъ *погаными хлѣбомъ*, который жители отдаютъ бѣднымъ кочевымъ Калмыкамъ (23). Въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи, на первой недѣлѣ Великаго поста, начинаемой у просполюдиновъ *полосканьемъ ртовъ*, т. е. похмѣльемъ, въ субботу пекутъ блины постные: ето называется *Тужилкою по Масляницѣ*, коей сцены возобновляются на Ростовской ярмаркѣ.

(23) Подсѣшина. Спб. 1769, въ 16.

Примѣчанія къ пѣснямъ.

α) *Рыбья зуба.* Такъ въ XXI пѣснопѣніи древнихъ Рускихъ стихотвореній: „И стоитъ бѣсѣда — „дорогъ *рыбій зубъ*.“ Великій Кн. Ростиславъ въ 1159 г. дарилъ Святослава Олговича *рыбьими зубами*. Герберштеинъ говоритъ, что въ древней Россіи назывались *рыбьими зубами* моржовые клыки, и нынѣ употребляемые на разныя подѣлки. см. *Карамз.* II. Г. Р. т. III, стр. 328.

β) *Теремъ* однороденъ съ Греч. *τέραμνος* и *τέρεμνον*, или *νυμφίδιον ἀπὸ τερέμνων* дѣвичьи свѣтелки, вышки и отдѣльные покои для новобрачныхъ; у Лукіана они называются *ὑψιλὰ τέρεμνα высокіе терема*, о коихъ не рѣдко вспоминаютъ народныя Рускія пѣсни. Въ теремахъ живали дѣвицы и женщины: что̀, кромѣ свидѣтельства лѣтописей, подтверждаетъ и пословица: *Въ клѣткахъ птицы, а въ теремахъ дѣвицы.* Самыя святочныя игрища принадлежатъ къ *теремнымъ* потѣхамъ.

γ) Сл. *кузнецъ* (cusor) кова́чь, ко́валь обширнѣйшее имѣлъ прежде значеніе, чѣмъ нынѣ — почти такое, какое золотыхъ дѣлъ масте́ръ. *Кузнь*

принимается у лѣтописцевъ нашихъ въ смыслѣ золотой и серебряной ковани; почему то и другое слово, повидимому, однознаменательно съ *казною*, коей производство отъ *гомзы* и Персидскаго слова облатынившагося gaza кажется отдаленнымъ и выскашнымъ. Въ Никон. лѣт. II, 215. „кузнь церковная."

б) *Спаса въ Чигасахъ*. Въ лѣтописцѣ подъ 1483 г. отмѣчено, что „Заложилъ церковь кирпичную за Яузою С. Спаса Игуменъ Чигасъ." Сія церковь донынѣ существуетъ въ Москвѣ. — см. *Карамз.* II. Г. Р. ч. VI, прим. 629.

г) *Полкораблика*. „*Кораблик*ъ, по изъясненію Словаря Росс. Академіи, родъ старинной шапки, мущинами и женщинами носимой, у которой передъ и задъ околыша возвышается въ верхъ острошапыми козырями, наподобіе носа и кормы у водоходнаго судна." Въ древнихъ Руск. стихотвор. такъ говорится объ этомъ головномъ украшеніи:

Кораблики бобровые, верхи бархатные.

Но *корабельникъ*, корабльникъ (нобиль) есть монета. Здѣсь же, по смыслу пѣсни, указываетъ на первое.

д) *Повалушею* въ Касимовскомъ уѣздѣ называется холодная горница, какія строятся противъ избы черезъ сѣни; это родъ *клети*. Разница между *гридницю* и *повалушею* видна изъ слѣдующаго

мѣста въ Арханг. Лѣтоп. 170: „Великій Князь „выйде отъ него въ *повалушу*, а Князю Андрею „повелѣ себя ждати, и бояромъ его повелѣ итти „въ столовую гридню." Въ пѣснопѣніи о Добрынѣ въ Древн. Рускихъ стихотв. упоминается, что онъ въ Кіевѣ

По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По *повалушамъ* стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей.

Старая пословица говоритъ, что *Теремъ высокъ, а повалуша выше*. Что̀ подтверждаютъ слѣд. слова Курбскаго: „Обрѣлъ храмину зѣло высоку, „по ихъ же нарицаютъ *повалуша*, въ самыхъ „верхнихъ каморахъ." Въ Новгор. Таможенномъ уставѣ 1571 г. велѣно брать пошлину „съ хо„ромъ рубленыхъ, горницъ, *повалушъ*, избъ, „клѣтей" и т. д.

При разложеніи стихій въ Святочныхъ пѣсняхъ открываются въ нихъ однѣ древнія, проистекшія изъ вѣрованія и миѳическихъ сказаній, другія изъ быта народнаго; послѣднія болѣе Новгородскія и Московскія, какъ показываютъ самыя слова̀ пѣсенъ. При переходѣ на Москву Святочныхъ игрищъ и пѣсенъ, повидимому, не ранѣе XV или XVI вѣка, къ древнимъ припѣвамъ присоединились новыя, заимствованныя изъ быта тѣхъ временъ и духа правленія; ибо въ нихъ уже воспѣвается Царь. Изъ Царскихъ теремовъ, гдѣ онѣ проявились, въ послѣдствіи вѣроятно перешли въ хоромы и терема боярскіе и ку-

печескіе, а потомъ въ городскія слободы и въ жилища поселянъ, гдѣ до нынѣ еще удерживается, какъ старинное достояніе народное. Если бы собрать всѣ святочныя пѣсни въ Россіи съ ихъ мѣстными отмѣнами, дополненіями и варіантами: тогда бъ можно было сдѣлать вѣрнѣйшее или ближайшее къ истинѣ заключеніе о содержаніи, произхожденіи и характерѣ пѣсень и самыхъ игрищь. До тѣхъ поръ ограничимся симъ опытомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стран.
I.	*Святки*	1—64
	a. Пѣсни Колядскія и виноградье.	5—69
	b. Святочныя	70—87
	c. Круговыя	88—100
	d. Загадочная	101—102
II.	*Авсень*	103—110
	Авсеневыя пѣсни	111—114
III.	*Масляница*	115—137

NB. Въ I выпускѣ, на стр. 182, должно уничтожить слова: „Литовская Swistoplaska. Рецензія на сію книгу помѣщена къ No 46 *Литературныхъ прибавленій къ Русск. Инвалиду* 1837 г. Сочинитель не иначе можетъ удовлетворить требованію указателя къ своей книгѣ, какъ по окончаніи оной.

154

C

DATE DUE

T e
expi s
prov h
the I

DATE

NOV

DISC. AUG - 6 1985

201-6503

Printed in USA

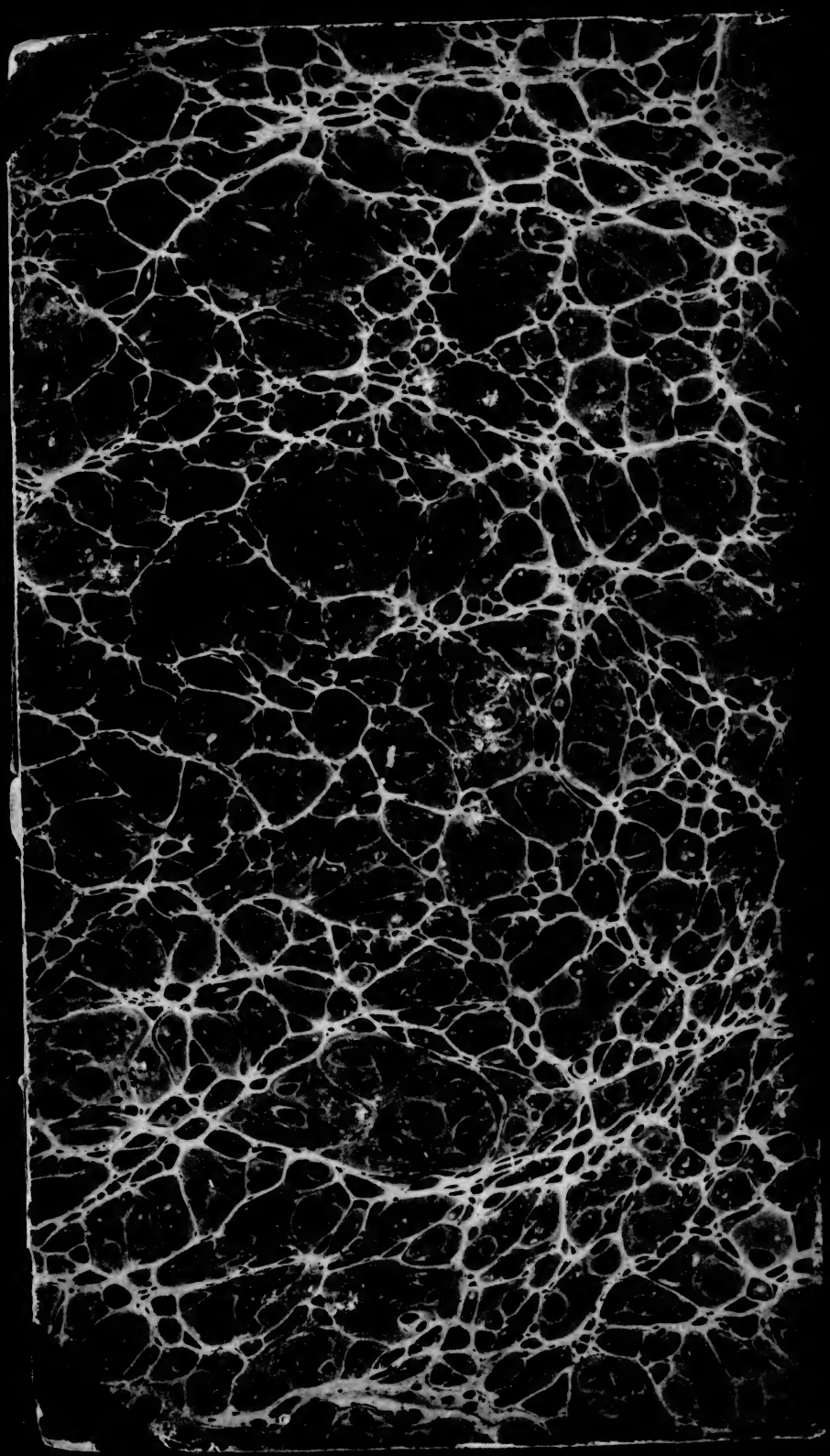
C28 (747) M100

947.01

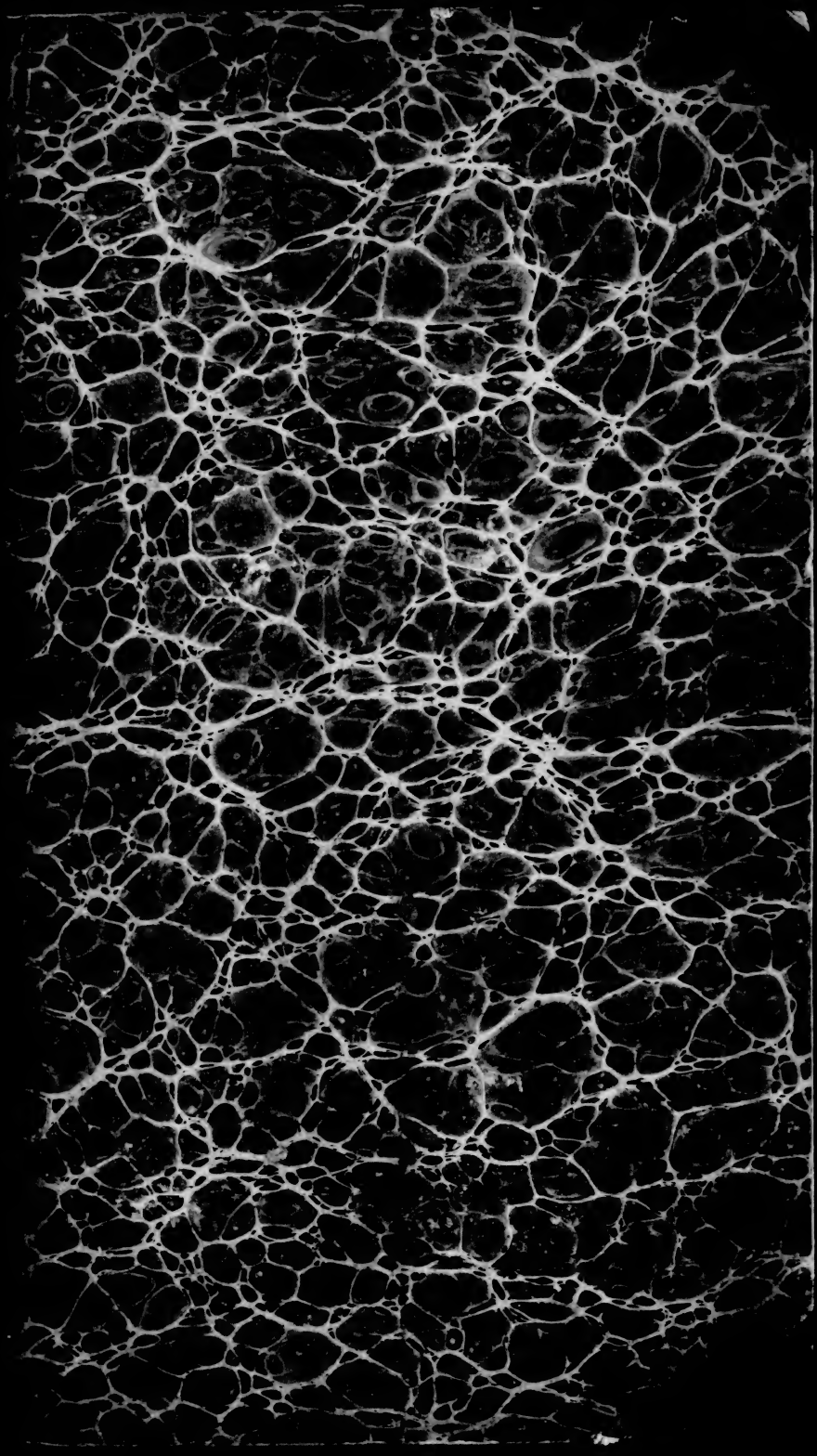
Sn263
v.2

DUPLICATE
0021138397

JAN 26 1949



VOLUME 3



Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

Государственный Книжный Фонд

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

138/
Б/8 А 218

ПРАЗДНИКИ

и

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ III.

1820/III

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1839.

Soviet Union

947.01
Sn263
V. 3

20468C

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 1838 года Августа 9 го дня.

Ценсоръ В. Флеровъ.

РУСКІЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Издан. И. Снегирева.

I. ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.
II. КРАСНАЯ ГОРКА.
III. РАДУНИЦА.
IV. ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.
V. СВИСТОПЛЯСКА.
VI. ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННІЙ.
VII. ПЕРВОЕ МАЯ.
VIII. ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.
IX. СЕМИКЪ.
X. ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

I.

ВСТРѢЧА ВЕСНЫ.

Вмѣстѣ съ пробужденіемъ природы отъ сна зимняго и со вступленіемъ солнца въ знакъ Овна начинаются весенніе праздники, гулянья и хороводныя игры, которыя имѣютъ отношеніе къ времени года, климату, мѣстности и связь съ житейскимъ бытомъ Русскаго народа.

Весна, подобно солнцу, называется *красною*. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ весна именуется *ярь*, gár (произн. ярь); у Скандинавовъ vár, vor, начало весны, на Исландскомъ aar значитъ годъ, весну, жатву (1). Слова сіи производствомъ и знаменованіемъ сходны съ Греческимъ ἔαρ весна, происходящимъ отъ Еолійскаго ϝῆρ, вмѣсто ἦρ, Латин. ver. *Ярò* является и олицетвореннымъ въ Славянскомъ мірѣ. Въ Далмаціи донынѣ сла-

(1) Нѣм. Jahr. Но Слав. *ярь* и Сканд. var кажутся тождественными съ Славяноруск. *варъ* и *жаръ*. — Edda rythmica, sev antiquior, vulgo Saemundina dicta. v. III. Havniae 1828, in 4.

вятъ *Яра* на свадебныхъ пиршествахъ (2), отъ котораго происходишъ и *яровое* и пр. Слова сіи, по видимому, однородны съ Славяно-Рускимъ *Ирѣ*, которое издатели Духовной Владиміра Мономаха почитаютъ за Сарматское слово, объясняя его восходомъ солнечнымъ и теплыми мѣстами, или краями, куда около Покрова дикія птицы улетаютъ и оттуда прилетаютъ около Благовѣщенья (3). Въ Сербскомъ и Болгарскомъ нарѣчіяхъ весна называется *пролѣтъ*, въ Боснійскомъ prolitje, primaletje; а первые три весенніе мѣсяца Мартъ, Апрѣль и Май въ старомъ Рускомъ языкѣ — *пролѣтіемъ* и *пролѣтними*, какъ бы предлѣтіемъ. У Чеховъ и Словаковъ первый день Марта, или Березозоля, извѣстенъ былъ подъ именемъ Letnice, Zenské Letnickj, вѣроятно отъ Славянской Летницы, Лепы, Лятоны; въ народномъ Рускомъ языкѣ *лѣто* часто употребляется вмѣсто весны.

Что-жъ касается до слова *весна*, то оно уже встрѣчается въ Славянской Библіи, гдѣ описывается состояніе земли послѣ Потопа (4). Оно созвучно, черезъ преложеніе, съ Еврейскимъ Nisan, именемъ не только Марта, но и другихъ весеннихъ мѣсяцевъ (5), изъ коихъ Апрѣль называется Iar (Йяръ). Рейфъ въ Рускомъ Словарѣ производитъ слово *весна* отъ Санскритскаго Vasantá, праздникъ *вешній*; но, кажется, оно созвучнѣе съ Инд. *Вишну*, который почитается за первое начало питательныхъ водъ, за связь всѣхъ существъ (6). Впрочемъ отъ *ясности* вешней погоды это время года могло быть названо *ясна*, а съ прибавленіемъ губной буквы *в*, нашей дигаммы въ нѣкоторыхъ словахъ: *в=ясна!*

Этотъ мѣсяцъ, по причинѣ случающагося въ немъ весенняго равноденсшвія, былъ священнымъ у всѣхъ народовъ, а время непосредственно предъ вступленіемъ солнца въ знакъ Овна было у многихъ порою печали и сѣтованія. Индійцы въ началѣ Марта праздновали малый праздникъ Durga, или природы-богини, коей большой праздникъ совершался въ осеннее равноденствіе. Оба сіи праздники встрѣчаются съ обоими Байрамами Мусульмановъ. Около этого времени (24 Марта) въ Римѣ бывалъ Цибелинъ праздникъ Sanguen, на коемъ жрецы

(2) *Карамз.* И. Г. Р. I, 88.

(3) „И сему подивуемся, како птицы небесныя изъ *Ирья* „идутъ.“ см. Духовная В. К. Владиміра Моном. Спб. 1793, въ 4. *Лѣто* у Виндовъ — годъ.

(4) *Бытія* VIII, 22: „Лѣто и *весна* не престанутъ.“

(5) Dictionnaire historique, critique, chronologique, geogr. et liter. de la Bible, par D. A. *Calmet.* à Toulouse. t. IV. 1784, in 8.

(6) Religions de l'Antiquité, ouvrage traduit du D. Fr. *Kreuzer.* t. I. à Paris, 1825: in 8.

ся оплакивали убіеннаго Аписа — по мнѣнію Макробія — символъ солнца, возвращеніе коего на весну въ слѣдующій день встрѣчаемо было общимъ радостнымъ праздникомъ, Hilaria (7). Такъ какъ, по древнему Персидскому календарю, Мартъ былъ не Ferwerdin, но Ader, тоже что Египетскій Athyr: то надобно еще замѣтить, что въ семъ мѣсяцѣ Египтяне вспоминали, общимъ сѣтованіемъ, погребеніе Озирида, который не что иное, какъ солнце, отсутствующее и возвращающееся на весну подъ изображеніемъ *убіеннаго владыки* и *гроба*. Въ мѣсяцѣ Адерѣ бывала также торжественная *ѣзда на ослѣ*, на котораго сажали, на посмѣшище народу, балагура; подобный обрядъ на Западѣ наблюдаемъ былъ въ средніе вѣки и даже въ новѣйшія времена. По свидѣтельству Плутарха (8), въ Аѳинахъ пальмовыя вѣтви носимы были по стогнамъ града въ праздникъ Вѣпвеношенія что̀ и донынѣ совершается на всемъ Востокѣ при брачныхъ обрядахъ. Также въ Индіи, въ концѣ Марша мѣсяца, или въ началѣ слѣдующаго встрѣчаемъ былъ съ пламенниками праздникъ Darmaradscha и Drobede, въ продолженіи коего

(7) A. *Macrobii* viri consularis Saturnaliorum. Eucharius Cervicor. excudebat. an 1526, in. f.

(8) *Plutarchi* Theseus, c. 23. — W. Wachsmuth's Hellen. Alterthümerkunde. Halle. 1829. 3 Th. in 8.

посыпались главы пепломъ. Наконецъ, въ весеннее равноденствіе впадалъ одинъ изъ двухъ великихъ праздниковъ у Іудеевъ, *новый св. годъ̀*, у Персовъ Newruss, праздникъ новолѣтія (9).

Какъ Мартъ изкони почитался первымъ мѣсяцемъ міра: то и въ Россіи до XV вѣка признаваемъ былъ за первый мѣсяцъ гражданскаго года и сопровождался разными обрядами и играми. Къ сему давала поводъ сама обновлявшаяся природа: ибо, когда послѣ весенняго равноденствія начинаются *утренники*, подуютъ теплые вѣтры весенніе, красное солнце согрѣваетъ засыплую землю, *со̀ горо̀* текутъ вешнія *воды*; тогда поселянинъ вызывается къ дѣятельности изъ курной душной избы на прогалинки, на чистыя поля и привольные луга; по мѣстамъ бываютъ торги и *ярмарки*, которыя оживляютъ народную промышленность и способствуютъ къ сближенію людей. Въ вешнюю пору, когда земледѣлецъ сбирается сѣять *яровое* и садитъ хмель *ярый*: тогда варится *Мартовское пиво*, прославляемое Рускими пословицами и играются на красную горку свадьбы: имъ предшествуютъ и за

(9) Die Feste der alten Christen, oder Denkwürdigkeiten aus der christlichen Archäologie, von D. J. B. August i. III B. Leipz. 1820, in 8.

ними послѣдуютъ хороводныя пѣсни и игры: онѣ торжествуютъ *ладъ* двухъ началъ міра, проявляемаго человѣкомъ, и обоихъ половъ, изъ которыхъ одинъ прообразуется солнцемъ, а другой луною, которая именуется у Поляковъ księżyc. Какъ простой народъ называетъ солнце *Княземъ*, а мѣсяцъ, или луну, *Княгинею:* то, вѣроятно, по етому и новобрачный величается *Княземъ*, а новобрачная *Княгинею.* Самая церковь при вѣнчаніи обручаетъ перваго символомъ солнца, золотымъ перстнемъ, а другую символомъ луны — серебрянымъ перстнемъ, въ прообразованіе подчиненія послѣдней первому, и полагаетъ на главы ихъ символъ вѣчнаго союза — *вѣнцы*, извѣстные въ древностяхъ Греческихъ и Римскихъ (10).

Главный же изъ праздниковъ весеннихъ языческаго происхожденія, знаменующій собою союзъ природы съ жизнію человѣческою — *закликаніе весны*, соединенное съ *изгнаніемъ* мертвящей *зимы*, *или смерти;* онъ извѣстенъ не только у Балтійскихъ Славянъ, но и во многихъ мѣстахъ Германіи подъ разными названіями.

У Скандинавовъ, особенно у древнихъ Шведовъ, начало весны или Höfudblôt, въ Язы-

(10) Потребникъ мірской. Москва. 1639. въ листъ.

чествѣ было главнымъ и великимъ празднествомъ, особливо въ Упсалѣ (11), которое сопровождалось торжественными жертвоприношеніями, торгами, играми, въ продолженіи цѣлой недѣли, въ концѣ Февраля, который у язычниковъ и Христіанъ именовался мѣсяцемъ *очистительнымъ*. У Чеховъ и отчасти у Нѣмцевъ первое число Марта почиталось за начало весны и первымъ днемъ въ мірѣ. Hic wart der erst dag in der welta, по старинному Нѣм. календарю (12). Какъ у Персовъ, такъ и у древнихъ Славянъ тогда въ Язычествѣ совершалась торжественная тризна съ жертвоприношеніями и факелами: во многихъ Славянскихъ земляхъ донынѣ, по замѣчанію Карамзина, сохранились слѣды праздника въ честь мертвыхъ, сходнаго отчасти съ Рускою Радуницею, когда, по свидѣтельству Стоглава, *творили оклички* покойникамъ. Въ началѣ Марта тамъ воспѣвалась кончина зимы и сжигалось соломенное ея чучело (13). Етотъ праздникъ у южныхъ Шведовъ и Готѳовъ, у Силезцевъ и

(11) Edda Saemundina, p. III. continens locupletissimum priscorum borealium Theosophicae Mythologiae Lexicon atque eorundem gentile Calendarium.

(12) Geschichte der Meinungen älterer u. neuerer Volker, 2 Th. Stendal. 1784, in 12.

(13) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde von *Dr G. Klemm.* Dresden. 1836, in 8.

Чеховъ также извѣстенъ подъ именемъ *замореной зимы и возобновляющейся весны.* См. *Масляница.* У послѣднихъ весна, называемая *Мараною*, встрѣчается пѣснею:

Giż nesm smret ze wsy,
Nové léto do wsi.
Wjtey lèto libezné,
Obiljćko zelene!

т. е. „Уже несемъ смерть изъ веси; а новое „лѣто въ весь. Здравствуй, любезная весна и „обиліе земное (зеленые хлѣба)!“ Около этого времени, донынѣ въ Бѣлоруссіи и Литвѣ поселяне носятъ пищу на могилы родительскія.

Польскій Историкъ въ XVI вѣкѣ Мартинъ Бѣльскій говоритъ: „Мечиславъ въ „965 году отъ Р. Х. приказалъ бросить въ „огонь деревянные истуканы, а каменные по„топить въ водѣ. Отнаго и донынѣ (т. е. „до 1576 года) существуетъ тотъ обычай „въ великой Польшѣ и Силезіи, что седьмаго „Марта топятъ *Маржану*, нарядивъ ее женщи„ною и вышедши изъ деревни, поютъ: Смерть „вьется по заборамъ, ища себѣ поживы.“ Іоакимъ Бѣльскій въ 1597 г. подтверждаетъ свидѣтельство своего отца слѣдующими словами: „На моей еще памяти, существовалъ „у насъ этотъ обычай по деревнямъ, что „въ бѣлую недѣлю (соотвѣтствующую 5 й „недѣлѣ великаго поста, или похвальской)

„топили болвана, нарядивъ снопъ конопли „или соломы въ одежду человѣка: его про„вожала вся деревня къ ближнему озеру или „пруду, гдѣ снявъ съ него одежду, бросала „въ воду съ приговорами“ (14). Изъ древняго обычая и свидѣтельства Бѣльскихъ видно, что Маржана была женщиною, а чучело — образомъ ея кумира, хотя Лелевель и почитаетъ Маржану за растеніе, извѣстное у насъ подъ именемъ марены, полагая, будто оно сообщило названіе народному празднику. Длугошъ (15) сравниваетъ *Маржану* съ Церерою, матерью и богинею земныхъ плодовъ, и свидѣтельствуетъ о великомъ почтеніи къ оной Поляковъ: что̀ подтверждаетъ и Нарушевичь. Такое противорѣчіе въ значеніи Маржаны, сходной съ Славянскою Сивою, Виндійскою Дзидзиліею и Чешскою Мораною, согласить можно тѣмъ, что въ матери-землѣ сочетавается смерть, рожденіе и плодотворность (16).

Слѣды этого мнѣа, относящагося къ времени года и къ жизни человѣческой, встрѣчаются въ Исландской, Нѣмецкой и Славяно-

(14) Kronica *Marcina Bielskiego*. Warschawa, 1764. f.

(15) *Ioannis Dlugossii* historiae Polonicae libri XII, ed. Gabr. Groddeckii. Lipsiae. 1711, f.

(16) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von Anton Tkany. 2 T. Znaim. 1827, in 8,

Руской Миѳологіяхъ. У Исландцевъ Mara, или Marra, у Агличанъ Night-mare, у Вестфальцевъ Nachtmähre, у Чеховъ Morusi значитъ *кикимора*, постѣнь, о коемъ Скандинавы думали, что онъ мучитъ людей во время сна до тѣхъ поръ, пока не лишитъ жизни. Ето подтверждается Исландскою поговоркой: Maren trad hann, т. е. постѣнь его давитъ, верхомъ ѣздитъ, тоже что у Нѣмцевъ: der Mahr ihn drückt. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Юпландіи употребляется слово Mara вмѣсто клятвы, у Нѣмцевъ Mahr, домовой, привидѣніе. Въ Польскихъ миѳахъ Mara также значитъ призракъ, отъ коего производятъ и Marzec, какъ видно изъ слѣдующихъ словицъ:

Sen mara, Bóg wiara, т. е. сонъ мечта, а Богъ вѣра, или Грозенъ сонъ, да милостивъ Богъ.

Miesiąc márzec zwykł starych straszyć marami, т. е. мѣсяцъ Мартъ привыкъ стращать стариковъ марами (призраками) (17).

Въ Малороссіи между простымъ народомъ сохранилась слѣд. брань, напоминающая Марану: *Мара свитова*, т. е. ека ты сатана! разумѣя подъ епимъ злаго, душегубнаго духа, летающаго по свѣту и сходнаго съ Руской *Варагушею*, *Кумохою*, *Веспухою*, *Віошницею*, которая ве-

(17) Gry i zabawy różnych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach; opisane p. L. *Gołębiowskiego*. w Warschawie. 1831. in 8.—Замѣч. Профессора Лобойки.

сною насылаетъ лихорадку мучитъ людей. Въ Карпатахъ доселѣ также извѣстна брань: *Мара бы тя взяла!* Изъ етого видно, что какъ весною, при переходѣ одного времени года къ другому и взаимной борьбѣ того и другаго, сострадетъ природа, а съ нею и человѣкъ: то сіе и олицетворено въ Марѣ (mors, моръ?). У Малороссіянъ Веснянка есть остатокъ Мараны, забытой въ Польшѣ и неизвѣстной въ Великой Россіи. Въ Харьковской Губерніи *Мареною* называется чучело изъ черноклена, одѣтое въ женское платье; вокругъ его дѣвки въ Семикъ поютъ и пляшутъ. Если имя Мараны означаетъ, что Мартъ былъ временемъ посѣва: то чтители ея должны были жить южнѣе, чѣмъ ихъ потомки, которые не могутъ сѣять яроваго прежде Апрѣля на Сѣверо-Востокѣ Россіи (19). Вѣроятно Мартъ, какъ первый мѣсяцъ первой половины года, начинающейся съ весенняго равноденствія, долженъ быть порою сѣянія у народа земледѣльческаго, покланявшагося Маранѣ, смотря по географическому его положенію, а *закликаніе весны и изгнаніе зимы* — остатками празднества въ честь етого божества, въ коемъ смѣшиваются разноплеменные миѳы.

(18) Dissertations sur les antiquitès de Russie, par *M. Guthrie*, à S. P. 1795, in 8.

Въ Украйнѣ весною (такъ какъ въ Греціи *χελιδόνισμα*) дѣти нося въ рукахъ сдѣланную изъ дерева ласточку, ходятъ съ нею по домамъ славятъ наступленіе весны, которая именуется въ Малороссіи *Ярью* и *Зеленачкою*. Вообще тамъ, когда „раз„таетъ снѣгъ, щука разобьетъ хвостомъ „ледъ на рѣкѣ, а птичка овсянка запоетъ „свою Веснянку“: тогда дѣвушки въ первый праздникъ, собравшись на хороводы, ходятъ по улицамъ и привѣтствуютъ весну пѣснями; сіе называется *Веснянками*, кои тамъ поются до Троицына дня (18). Въ Черниговской Губерніи Веснянки начинаются съ Благовѣщенья. Въ Великой Россіи по мѣстамъ подъ *Веснянками* извѣстны миѳическія существа женскаго пола, кои являются только весною, такъ какъ *Зимнянки* зимою, а *Осенянки* осенью.

Встрѣча и окликаніе весны приходятся, смотря по климату и мѣстности, въ разное время, и дѣлается различнымъ образомъ.

Въ Смоленской Губерніи, по деревнямъ бабы, дѣвки и малыя ребяты взлезши на крышки свиреней (хлѣбныхъ амбаровъ), или взошедши на горы, *кличутъ весну* дважды: въ день Евдокеи *весновки* и на Сороки, припѣвая:

(19) Энциклоп. Лексиконъ, т. X, стр. *веснянка*.

Весна красна!
Что ты къ намъ принесла?
Красное лѣтечко.

Въ Буйскомъ уѣздѣ Костромской Губ. въ великій четвергъ, рано поутру, *окликаютъ весну*. Въ XVI еще вѣкѣ, въ Великой Россіи, какъ видно изъ Стоглава, тогда „по рану солому палили и *кликали мертвыхъ*.“ Донынѣ еще во многихъ мѣстахъ, по древнему повѣрью, въ етотъ день утромъ, предъ восходомъ солнца купаются для здоровья. Около Буя и Солигалича, тогда же, при восхожденіи солнца, поселяне прежды погружаются въ воду, прежды кувыркаются по землѣ и потомъ по углу взлезаютъ на избу и поютъ пѣсни въ честь весны. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Сосновкѣ, въ великій четвергъ, при полночномъ пѣніи пѣтуха, бѣгутъ дѣвки и парни съ пѣснями на рѣчку Бахту почерпнуть воды, *пока воронъ не обмакнулъ въ нее крыла*. Етою водой они умываются. Если раскрылись воды: то Буйскія дѣвки входятъ по поясъ въ рѣку и въ водѣ схватясь руками одна съ другою, припѣваютъ: *Весна, весна красная, приди, весна съ милостью, съ милостью, съ великою благостью!* Еслижъ не раскрылись воды: то дѣвки схватясь за руки, вертятся вокругъ проруби съ тѣми же припѣвами. Въ Петрозаводскѣ встрѣчаютъ

весну первое Мая съ соломеннымъ чучеломъ, которое поднявъ на шестъ, ставятъ на горкѣ, потомъ садятся вокругъ него пировать и, по окончаніи пиршества, сжигаютъ чучело съ пѣснями и плясками. Въ Тульской Губерніи, съ Ѳоминой недѣли *закликаютъ*, а въ Калужской *зазываютъ* на горкахъ *весну* хороводными пѣснями съ припѣвами: *ой Дидъ*, *ой Ладо!* кои вездѣ повторяются въ сіе время и напоминаютъ Литовскаго *Дидисъ-Ладо*, т. е. великаго Ладо, какъ фактъ историческій о вліяніи Литовской Ѳеократіи на Славянскія поколѣнія древняго Сѣвера, или, можетъ статься, наоборотъ (20). Въ Тульской же Г. передъ захожденіемъ солнца поселяне обоего пола сбираются на ближній холмъ или пригорокъ; съ лицемъ, обращеннымъ на востокъ, проговоривъ молитву, становятся въ хороводъ. Запѣвальщица съ круглымъ хлѣбцемъ въ одной рукѣ и съ краснымъ яицемъ въ другой начинаетъ слѣдующую пѣсню:

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.

(20) Сѣверная Пчела, 1835 г. — Dzieje starozytne narodu Litewskiego p. *T. Narbutta*. t. I. Mitologia Litewska. Wilno. 1835, in 8.

Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой;
Одной дѣвки нѣтъ:
Сидитъ она во теремѣ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду везетъ тесменную.
Ахъ! горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему ряженому.

Во многихъ мѣстахъ Россіи игры хороводныя, начинаясь отъ Красной горки, продолжаются до Ярилы, или до Всесвятскаго заговѣнья, въ которое *провожается весна* по закатѣ солнца. Въ играхъ сихъ содержатся мимическія представленія изъ народнаго быта, коихъ содержаніе выражается относящимися къ нимъ пѣснями; онѣ соединяются съ качаньемъ на качеляхъ и скаканьемъ на доскахъ. Первый весенній дожжикъ встрѣчается пѣснею, которую такъ поютъ въ Костромской Губ. въ Нерехотскомъ уѣздѣ:

Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ,
Поливай ведромъ.

У Рускихъ есть общее съ Исландцами повѣрье, что весною, особенно въ первый

день Пасхи, *солнце играетъ* (21). У первыхъ крестьянскія дѣти поютъ солнцу:

Солнышко, вёдрышко,
Выгляни въ окошечко!
Твои дѣтки плачутъ,
Сыръ колупаютъ,
Собакамъ бросаютъ;
Собаки-то не ѣдятъ,
А куры-то не клюютъ.

При первомъ громѣ обыкновенно поселяне умываются съ золота, серебра и съ куринаго яица; изъ естественныхъ явленій выводятъ разныя примѣты о погодѣ и урожаѣ хлѣба.

Какъ первый весенній праздникъ изгнанія зимы проявляетъ побѣду жизни надъ смертію, такъ окликаніе весны и усопшихъ знаменуетъ *ладъ* человѣка съ природой, которая возобновленіемъ своимъ призываетъ его къ очищенію, напоминая смерть и воскресеніе. Съ ѣпимъ празднествомъ языческаго происхожденія соединяются и за нимъ послѣдуютъ другіе народные праздники и гулянья весеннія, о коихъ мы скажемъ особенно, какъ-то: *Красная горка*, *Вьюнецъ*, или *Вьюнитство*, *Радуница*, *первое Апрѣля* и *первое Мая*, *Юрьевъ день*, *Свистопляска*, *Семикъ* и пр.

(21) Edda Saemundina, t. III.

II.

КРАСНАЯ ГОРКА.

Въ Великой Россіи почти вездѣ народъ подъ именемъ *Красной горки* разумѣетъ время, мѣсто и дѣйствіе, которыя сливаются въ этомъ народномъ названіи.

Красная горка обыкновенно начинается съ Ѳомина Воскресенья, которое въ Восточной церкви называется *Ἀντιπάσχα, κυριακὴ τοῦ Θωμᾶ, καινὴ κυριακὴ*, новое Воскресенье, въ Западной церкви Dominica alba, или in albis, бѣлое Воскресенье, der weiße Sonntag. С. Григорій Назіанзинъ къ этому времени относитъ праздникъ весны (1). Наименованіе недѣльнаго дни *бѣлымъ* объясняется изъ обычаевъ первенствующей церкви облекать новокрещенныхъ въ бѣлую одежду, которую они носили во всю Св. недѣлю и слагали въ бѣлое Воскресенье; а наименованіе *Красною горкою* ведетъ

(1) *Gregorii Naz.* or. 42. —

свое начало отъ древняго вѣрованія и житейскаго быта Рускаго народа. Не останавливаясь на хрістіанскомъ обычаѣ, совершенно противоположномъ по существу своему народному, перейдемъ къ послѣднему, какъ предмету нашего изслѣдованія.

Красная горка одинъ изъ народныхъ праздниковъ *красной весны;* съ него начинаются хороводныя игры на горахъ и долинахъ, играются свадьбы, по Рускому выраженію, *на красную горку.*

Какъ этотъ праздникъ народный состоитъ въ тѣсной связи съ временемъ года, природою, мѣстностью, бытомъ житейскимъ и съ древними повѣрьями: то разсматривая его въ такихъ отношеніяхъ, обратимъ вниманіе на самое значеніе словъ *Красная горка.*

Изкони горы, какъ колыбели человѣчества, родина и обитель боговъ и естественные предѣлы владѣній (ὄροι горы, ὅροι предѣлы) почитались священными и служили требищами для языческихъ племенъ древняго міра, которыя, по словамъ С. Писанія, *сердиша сіи себѣ высокая и столпы и капища на всякомъ холмѣ высоцѣмъ* (2). Кромѣ другихъ народовъ, также у Нѣмцевъ, Сла-

(2) III *Царствъ*, гл. XIV. На Еврейск. *гора* har.

вянъ и Литовцевъ *горы, горки, горицы, крутицы* (Góry święte, Kałnas) бывали мѣстами богослуженій и мольбищъ, гдѣ стояли у нихъ истуканы, приносились жертвы, погребались умершіе, горѣли огни, необходимые для пировъ жертвенныхъ, совершались разные обряды и игры. На горахъ отправляемы были судъ и расправа; у Франковъ и Сѣверныхъ народовъ находились горы суда (Malloberg, Lögberg) (3). Въ Кіевѣ, по сказанію Нестора, на *холмѣ, осквернномъ кровми,* сооружена была церковь С. Василія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ самыя названія многихъ горъ въ Германіи, Польшѣ, Литвѣ и Россіи, гдѣ замѣчается особенное въ Древности горопоклоненіе. Если принять справедливымъ мнѣніе тѣхъ писателей, которые утверждаютъ, что Рускіе Славяне не имѣли храмовъ и отправляли богослужебные свои обряды на открытыхъ мѣстахъ: то съ нѣкоторою вѣроятностію можно полагать, что холмы и горы замѣняли у нихъ капища и требища. Таковы должны быть *горы святыя, поклонныя, лысыя, красныя, русыя, черныя,*

(3) Deutsche Rechts-Alterthümer von Iac. *Grimm.* Götting. 1828, in 8. — Origines du droit français, cherchès dans les symboles et formules du droit universel, par *M. Michelet.* Paris. 1837, in 8.

червонныя, *черныя*, *гремячія* и т. д. По древнему повѣрью, существующему въ Польшѣ и Силезіи, на красныя горки сбираются духи мужескаго пола, а на лысыя женскаго. Наши миѳическій *Горыни* тоже, что Греческія Ореады. Въ Пруссіи долго вѣрили простолюдины, что сиреневое дерево служитъ пріютомъ дьяволовъ, которыхъ называли *красными людьми*. Въ Моравіи близъ Брюнна, есть Spielberg, игорная горка, гдѣ стоялъ Перуновъ храмъ между двумя священными дубами: истуканъ его держалъ въ правой рукѣ красный сошникъ, а въ лѣвой копье съ бѣлымъ знаменемъ. Отъ игръ, отправлявшихся въ честь Перуна, гора сія названа *игорною* (4). Въ Германіи встрѣчаются урочища подъ именемъ *Красныхъ горъ*, кои на Нѣмецкомъ именуется красивымъ, Schönberge. Такъ въ Богемскомъ городѣ Берунскѣ (не отъ Перуна ли?) krásná hora, а въ Венгріи мѣстечко и городъ krásna horka, по переводу Нѣмцевъ, Schönberg. Въ Польшѣ, Силезіи и Черной Руси есть горы, извѣстныя также подъ именемъ *червонныхъ* (czerwona górka). Въ великой и малой Россіи встрѣчаемъ много старинныхъ урочищъ подъ названіемъ *красныхъ горъ*, *горокъ*, *холмовъ* и *красницъ*, на

(4) Mythologie der alten Teutschen u. Slawen, von A. Tkáni. 2 Th. Znaim. 1827, in 8.

коихъ иногда попадаются и *городища*. Въ самой Москвѣ есть на Неглинной церковь С. Георгія Побѣдоносца *на красной горкѣ*. Одинъ изъ пригорковъ маковицы С. Троицкой Лавры слыветъ *красною горкою*, отъ коей верстахъ въ десяти, среди Бѣлухинской рощи и Воздвиженскаго есть мѣсто, называемое *Бѣлые боги*. Въ Старицкомъ уѣздѣ на *Красныхъ горахъ* былъ упраздненный *Красногорскій* Никольскій монастырь. Въ Новгородѣ 1415 г. сооружена была у Плотническаго конца церковь Воскресеніе *на Красной горкѣ* (5). Во Владимірской Губ. находится *Красногорская* Болдырева пустынь, нынѣ обращенная въ приходскую церковь, въ Тамбовской Г. *Красногорская* жь Лебедянская и *Красногорская Романовская*, въ Полтавской Г. *Красногорская Чернуская* пустыни. Въ Черниговской Губерніи, въ двухъ верстахъ отъ Гадяча внизъ по теченію Псіола, *на Красной горѣ* стоитъ *Красногорскій* Николаевскій монастырь, основанный въ XV вѣкѣ, а близъ города Золотоноши *Красногорскій* Золотоношскій монастырь (6).

Не доѣзжая Архангельска, на берегу Пинеги, находится на гористомъ мѣстѣ

(5) *Карамз.* И. Г. Р. т. V, прим. 254.

(6) Исторія Россійской Іерархіи, ч. IV, М. 1812, гл. 8.

Красногорскій монастырь, который издревле, по окружавшимъ его мрачнымъ лѣсамъ, назывался *Черногорскимъ*, а потомъ, по очисткѣ лѣсовъ, по причинѣ красиваго положенія, переименованъ *Красногорскимъ*. Въ Ялуторовскомъ уѣздѣ Тобольской Г. острогъ называется *Красногорскимъ*; а въ Оренбургской Губерніи есть *Красногорская крѣпость*, получившая свое имя отъ краснобѣлаго ила, смѣшаннаго съ пескомъ, коимъ покрыта вся сія гора подлѣ самаго Урала (7). На полуостровѣ Камчаткѣ сопка, а въ Финскомъ заливѣ мѣстечко называются *красными горками*. *Красные холмы* въ Москвѣ урочища (8), а въ Тверской Губерніи два бывшіе города, нынѣ одинъ слобода, другой безъуѣздный городъ. Въ Галичѣ Всесвятская гулянка бываетъ при холмѣ *Красница*. Нѣкоторые изъ мѣстныхъ торговъ или ярмарокъ бываютъ и слывутъ *на красную горку*. Въ Козельцѣ торги называются *красными*, изъ коихъ одинъ бываетъ на Красную горку, въ концѣ Св. недѣли (9); въ *Красномъ-Колядинѣ*, мѣ-

(7) Словарь географическій Россійскаго Государства, собран. *А. Щекатовымъ*. Москва, ч. 3. 1804, въ 4.

(8) *Красный холмъ*, или *пупъ*; отсюда и *Пупыши*, на коихъ и церковь Св. Николая Чудотворца.

(9) Академическія извѣстія на 1780 г. ч. IV и V. Спб. въ 8,

стечкѣ Прилуцкомъ сбираются три ярмарки въ году. По замѣчанію Гг. Норова и Черткова, *Красныя горы* (monti rossi) находятся и въ Сициліи.

Изъ приведенныхъ здѣсь топографическихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что прозваніе *горъ* и *холмовъ красными*, происходя отъ разныхъ причинъ, имѣетъ различное знаменованіе; но бо́льшая часть прозваній основана на сходствѣ идей и вѣрованій древняго быта народнаго въ Славяно-Рускомъ мірѣ, гдѣ слово *красный* играетъ важную роль.

Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ *красный* (krasni) принимается въ смыслѣ красивый, цвѣтущій, веселый, отрадный, отличаясь отъ *чермнаго*, *червоннаго*, алаго, багрянаго (russus) цвѣта, столь любимаго Русскими, у которыхъ красный принимается въ послѣднемъ смыслѣ. Въ Славянорускихъ церковныхъ книгахъ *красный* выражаетъ то же, что Греческія слова: ὡραῖος цвѣтущій, веселый, εὔμορφος благообразный, εὐειδὴς миловидный, περίβλεπτος пресловутый, εὐπρεπὴς (10) благолѣпный, τερπνός усладительный, отрадный. Самый *звонъ* отъ Ѳоминой недѣли до недѣли всѣхъ Святыхъ по церквамъ (во всѣ

(10) Лексіконъ трехъязычный, сирѣчь реченій Славенскихъ, Еллиногреческихъ и Латінскихъ сокровище. Москва. 1704, въ 4. Псл. 44, 3. Красенъ добротою, ὡραῖος κάλλει.

колокола безъ большаго) въ церковномъ уставѣ названъ *краснымъ*; церковь въ Московскомъ Китаѣ С. Николая Чудотворца слыветъ *красный звонъ*. Даже въ народномъ языкѣ *красный*, отъ *красы*, означаетъ свойства предметовъ неодушевленныхъ и одушевленныхъ, чувственныхъ и отвлеченныхъ, вмѣсто красивый, хорошій, цвѣтущій, пригожій, изящный, а *прекрасный* есть превосходная степень. Русскій называетъ *поля*, *холмы*, *пруды*, *сёла*, *дворы*, *воро́та*, *окна красными*, даже первыхъ *дѣтей*, *дѣвицъ*, *день*, *жизнь*, *смерть*, *рѣчь* (краснорѣчіе), *бѣсѣду красными*; что̀ видно изъ его пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ. Самая *весна* и *лѣто* именуются *красными* по ясности погоды и пріятности обоихъ временъ года, когда природа является намъ во всей *красѣ* и лѣпотѣ своей. Нынѣ въ употребительномъ языкѣ *красный* болѣе означаетъ одинъ изъ простыхъ цвѣтовъ, меньше прочихъ подверженный преломленію солнечныхъ лучей, и похожій на кровь и огонь.

По таковому соображенію, *Красная горка* значитъ красивая по мѣстоположенію и увеселительная по играмъ, какія обыкновенно бывали и доселѣ бываютъ. Руская народная игра *горѣлки*, начинающаяся съ Красной горки, есть родъ *хоровода*; *жированья* и едвали не происходитъ отъ Греческ. γῦρος кругъ и gyrare кружиться. Вѣроятно горѣлки сопровождались въ языческой древности у Славяно-Руссовъ *горѣніемъ огней* и завѣтными обрядами особенно на горахъ потому, что играть въ *хороводы на красную горку*, по большей части, сбираются на высокія мѣста, холмы и пригорки, тогда особенно, когда начнутъ распускаться деревья. Въ Вязьмѣ, при началѣ весны, сходятся невѣсты и женихи, въ праздничныхъ нарядахъ, на возвышенное мѣсто, которое тамъ слыветъ *Красною горкою*. Тоже встрѣчается и въ другихъ мѣстахъ Россіи, гдѣ вообще подъ етимъ именемъ разумѣется и пора, благопріятствующая свадьбамъ и мѣста весеннихъ игрищь, упоминаемыхъ лѣтописцемъ нашимъ. см. ниже.

Когда теряется коренная идея предмета: тогда обыкновенно прививаются къ нему другія, выводимыя изъ ближайшихъ къ народу отношеній мѣстности, вѣрованій, обычаевъ народнаго быта. Такъ и значеніе Красной горки производимо было отъ первой муравы красноватаго цвѣта послѣ снѣгу, отъ лубка, на коемъ катаютъ яицы красныя, отъ родительскихъ могилъ, на кои о Святой и Ѳоминой недѣляхъ кладутъ также яица, отъ Венериной горки (mons Veneris) въ женскомъ тѣлѣ, отъ красной или алой наволоки на брачной постелѣ и т. д. На

подобные предметы едва ли могли сообщить названія столь многимъ урочищамъ въ Славяно-Рускомъ мірѣ, кои свидѣтельствуютъ намъ о памятникахъ древняго вѣрованія народа, о переходѣ онаго въ повѣрье и обычай, тѣмъ вѣроятнѣе, что большею частію на Красныхъ горкахъ стоятъ св. храмы, заступавшіе, при переходѣ отъ Язычества къ Христіанству, мѣста языческихъ требищъ и мольбищъ. При томъ, не вездѣ *красныя горы* стоятъ на красивомъ мѣстоположеніи.

По общему употребленію и по отношенію къ повѣрьямъ древняго быта народнаго, *Красныя горки* издревле должны быть мѣстами игрищъ, какими начинается красная весна — пора брачныхъ союзовъ. Доселѣ во многихъ селеніяхъ Тульской и другихъ Губерній горки или пригорки, на кои сбираются поселяне весною, слывутъ *красными горками*. Какъ въ этомъ празднествѣ природы и человѣка смѣшивается время съ мѣстомъ: то и *Красная горка* принимается за то и другое въ народномъ быту и языкѣ; впрочемъ названіе перенесено ко времени отъ мѣста, хотя первымъ украшается послѣднее. Сама природа открываетъ человѣку ощутительное сходство юности возраста человѣческаго съ весною, и какъ обновленіе естества начинается съ весны, такъ и юношество вступая въ брачный союзъ, *идетъ на гору*; самая беременность называется *горкою*.

Въ пѣсняхъ Красной горки повторяется *Ладо* или *Лада*, такъ какъ у Поляковъ *Дана*, *Дада*. Ладу Литовцы величали *золотою*; она вѣроятно была то же, что у Обдорцевъ *Золотая баба*. Около Межибожья въ Подольской Губерніи поселяне на играхъ въ дни Пасхи поютъ о *Царевнѣ Ладѣ*, а подъ Брестьемъ Литовскимъ о *Королевнѣ Ладѣ*. У Друидовъ находилась на одномъ островѣ богиня Llad (11). Ладъ или Ладо, обоихъ половъ въ природѣ была любовь, а въ баснословіи богиня красоты и любви то же почти, что Римская Suada, Свада, покровительница *свадебъ*. Ладѣ вѣроятно посвященъ былъ весенній праздникъ Красной горки; по етому *ладо* значитъ и супружеское согласіе, а *ладиться* въ областномъ нарѣчіи — жениться. Дидъ или Дидисъ Литовское слово—великій, если не Греческое *δείδω* боюсь. Ладъ или Лада могли быть великими, страшными и таинственными, какъ судьба. Какъ извѣстная игра и пѣсня *прососѣяніе* на Красную горку доселѣ существуетъ въ Красной Руси: то съ вѣроятностію можно заключать, что онѣ перешли на Сѣверо-Востокъ

(11) On Anglo-Saxon laws and customs, in t. Gentleman magazine. Aug. 1825. in 8.

Россіи отъ Юго-Запада съ прочими повѣрьями и обычаями и тамъ обрусѣли.

Празднованіе Красной горки въ разныхъ мѣстахъ Россіи сопровождается разными обрядами. Въ слободахъ Переславля-Залѣскаго, ежегодно собирались въ Ѳомино воскресенье, послѣ обѣда, и толпою хаживали по тѣмъ домамъ, въ коихъ бывали того года свадьбы, съ приговорами: *Вьюнъ вьюница, отдай наши яицы!* Молодые должны не только давать яицы и куличи, но даже поить ихъ виномъ и пивомъ (12). Такое жь хожденіе бываетъ и въ Нерехотской округѣ, гдѣ ребяты ходятъ бѣсѣдою къ каждому дому и подъ окномъ поютъ: *Вьюнъ да вьюница, давай, яицо; а не дашь яица, придетъ вѣтрица.* Тогда изъ каждаго дома даютъ окликальщикамъ по нѣскольку яицъ. Гдѣ же находятся новобрачные, тамъ угощаютъ ихъ пивомъ и виномъ. Такихъ бѣсѣдъ иногда въ одномъ селеніи ходитъ до восьми и девяти, даже окликаютъ мальчики лѣтъ пяти своею бѣсѣдою. Собравъ яица съ селенія и сдѣлавъ яишницы, они пируютъ. Ето обыкновеніе называется *Вьюницствомъ*, вѣроятно, отъ слова *юный*. Въ Галичѣ, въ Ѳомину недѣлю, слывущую у простолюдиновъ *Радоницами*, гуляетъ народъ послѣ по-

(12) Историч. географ. и топограф. описаніе Переяславля-Залѣскаго, сочин. *И. Шишкина*. Москва, 1892, въ 12,

луночи и до свѣту, распѣвая подъ окномъ: *Юница, молодица, подай яицо во перепету!* Тогда молодые подчуютъ ребятъ водкой и пивомъ, ладышками, казанками, а дѣвицъ пряниками и красными яицами.

Въ Спасскѣ Рязанскомъ Ѳомино Воскресенье дѣвки и женщины въ траурномъ платьѣ (черномъ и бѣломъ) идутъ послѣ обѣдни на кладбище съ разнымъ кушаньемъ и питьемъ кланяться покойнымъ родственникамъ, плачутъ съ причитаніями, катаютъ яицы на ихъ могилахъ и потомъ ѣдятъ и пьютъ, выливая остатки вина на могилы. Послѣ переодѣвшись дома въ праздничное платье, идутъ играть на *красную горку*.

Изъ хороводныхъ игръ Красной горки извѣстно во всей Россіи *Сѣяніе про́са*. Ето драматическое представленіе происшекло изъ быта земледѣльческаго Славяно-Руссовъ, питавшихся, по свидѣтельству Маврикія, еще въ VI вѣкѣ ешимъ жишомъ (13). На игрище сбираются въ деревняхъ подъ вечерокъ красныя дѣвицы и добрые молодцы на лугъ или на улицу, сначала отдѣльно одни отъ другихъ, потомъ соединяются въ одну кучу; тогда является *хороводница*, или всеобщая

(13) *Карамз.* И. Г. Р. т. I, прим. 8, 145, 159.

кума [какъ у древнихъ Грековъ и Евреевъ ликоначальница], безъ которой ничего не дѣлается въ играхъ, и запѣваетъ:

Какъ на улицѣ дожжикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ вы, холостые, не глядите!
Вамъ гляденьицемъ дѣвушекъ не взяти,
Ужъ какъ взять ли, не взять ли по любови,
Что по батюшкину повелѣнью,
По матушкину благословенью.

Играющіе расходятся на двѣ стороны, одна противъ другой; хороводница стоитъ впереди первой половины:

1 *половина:* А мы просо сѣяли,
Ой Дидъ-Ладо сѣяли.
2 *половина:* А мы просо вытопчемъ,
Ой Дидъ-Ладо вытопчемъ.
1 *половина:* А чѣмъ же вамъ вытоптать?
Ой Дидъ-Ладо, вытоптать?
2 *половина:* А мы коней выпустимъ,
Ой Дидъ-Ладо, выпустимъ.
1 *половина:* А мы коней переймемъ,
Ой Дидъ-Ладо, переймемъ.
2 *половина:* А чѣмъ же вамъ перенять?
Ой Дидъ-Ладо перенять?
1 *половина:* Шелковымъ мы поводомъ,
Ой Дидъ-Ладо, поводомъ.

2 *половина:* А мы коней выкупимъ,
Ой Дидъ-Ладо, выкупимъ.
1 *половина:* А чѣмъ же вамъ выкупить?
Ой Дидъ-Ладо выкупить.
2 *половина:* А мы дадимъ сто рублей,
Ой Дидъ-Ладо сто рублей.
1 *половина:* Не надо намъ тысячи (14),
Ой Дидъ-Ладо, тысячи.
2 *половина:* А что же вамъ надобно?
Ой Дидъ-Ладо, надобно.
1 *половина:* Намъ надобно дѣвицу.
Ой Дидъ-Ладо, дѣвицу.

Въ это время изъ второй половины переходитъ дѣвушка въ первую.

2 *половина:* Нашего полку убыло,
Ой Дидъ-Ладо, убыло.
1 *половина:* Нашего полку прибыло,
Ой Дидъ-Ладо прибыло.

Пѣсню начинаютъ опять пѣть, продолжая до тѣхъ поръ, пока всѣ дѣвушки изъ

---

(14) Прежде пѣвали въ Московскомъ округѣ:

2. А мы дадимъ денежку.
1. Не надо намъ денежки.
2. А мы дадимъ дѣвушку.

Рубли и *деньги* могли быть позднѣйшими вставками въ древнюю пѣсню.

второй половины перейдутъ въ первую. Въ Серпуховскомъ, Мещовскомъ и Каширскомъ уѣздахъ, вмѣсто припѣва *Ой Дидо Ладо*, поютъ:

Ой Диди калинка моя,
Ой Ладо малинка моя!

какъ бы означая калиною горечь перваго, а малиною сладость другаго (15). Въ Дмитровскомъ уѣздѣ начинали ету пѣсню:

А мы копань копали.
Зеленая травушка, алой цвѣтъ (16).

Въ Харьковской Губерніи такъ поютъ ету пѣсню:

1. А ми нивку орали, 2
Та владу ладомъ орали.
2. А ми просо сияли, 2
Та владу ладомъ сияли.
1. А ми стадо запустимъ, 2
Та владу ладомъ запустимъ.
2. А ми стадо займемо, 2
Та владу ладомъ займемо.
1. А ми стадо выкупимъ, 2
Та владу ладомъ выкупимъ.

(15) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. *И. Иванчина-Писарева*. Москва. 1837, въ 12.

(16) Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ, изд. *И. Сахаровымъ*. Спб. ч. 2, 1837, въ 8.

2. А что дасте выкупки, 3
Та владу ладомъ, выкупки.
1. А ми дали сто рублей, 2
Та владу ладомъ, сто рублей.
2. А ми тысячи ни беремъ, 2
Та владу ладомъ, не беремъ.
1. Ми дивичку придамо, 2
Та владу ладомъ, придамо.
2. Ми дивочку примемо, 2
Та владу ладомъ, примемо.
1. А у насъ стадо прибыло, 2
Та владу ладомъ, прибыло.
2. А у насъ стадо отбыло, 2
Та владу ладомъ, отбыло.

Ета Великоруская игра и пѣсня существуютъ и въ Красной Руси (17), гдѣ поютъ ее такъ:

A my proso sijaly, sijaly,
Oj Did, Lada, sijaly, sijaly!
A my proso wydopczem, wydopczem,
Oj Did, Lada, wydopczem, wydopczem!
Ta czymże wam wydoptat', wydoptat'?
Oj Did, Lada, wydoptat', wydoptat'?
A my koni wypustym, wypustym,
Oj Did, Lada, wypustym, wypustym!

(17) Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyiskiego, zebrał wydał *Wazlaw Oleska*. we Lwowi. 1833, in 8.

A my koni perejmem, perejmem,
Oj Did, Lada, perejmem, perejmem!
Ta czymże wam perejniat', perejniat'?
Oj Did, Lada, perejniat', perejniat'!
Oj szelkowym newodom, newodom,
Oj Did, Lada, newodom, newodom.
A my koni wykupym, wykupym,
Oj Did, Lada, wykupym, wykupym!
Ta czymże wam wykupyt', wykupyt',
Oj Did, Lada, wykupyt', wykupyt',
A my damo sto rubli, sto rubli,
Oj Did, Lada, sto rubli, sto rubli!
Ne nado nam tysiaczy, tysiaczy,
Oj Did, Lada, tysiaczy, tysiaczy!
A my damo diwyciu, diwyciu,
Oj Did, Lada, diwyciu, diwyciu!,
Oj toto nam nadobno, nadobno,
Oj Did, Lado, nadobno, nadobno!

Хоровая и антифоническая сія пѣсня похожа на древнія Греческія, сопровождавшія *χόροι κύκλιοι*. Игра ета поетическая и вмѣстѣ воинственная, мимическое представленіе изъ жизни народа земледѣльческаго и воинственнаго — набѣга, похищенія и выкупа невѣстъ. Она сходствуетъ съ Сербскою *отмицею* и съ древнимъ сказаніемъ нашего Лѣтописца, который повѣствуетъ, что у Радимичей, Вятичей и Сѣверянъ, обитателей нашего Сѣвера, въ Язычествѣ „брацы не бываху въ

„нихъ, но игрища, межи сѣлъ и ту слѣгахуся „рищуще на плясанія и на вся бѣсовскія пѣ„сни, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же „кто преже свѣщевашесь (18).“ Самые припѣвы *Дидо*, *Ладо*, *Леля*, наводятъ насъ на слѣды Славянскихъ миѳовъ. У древнихъ Грековъ также, при хоровожденіи въ празднества вокругъ алтарей, были припѣвы: *αἰ*, *αἰ ἐλελεῦ*, *ἀλαλά* (19), похожія на наши *ай люли*.

Въ Нерехотской округѣ, изъ пѣсенъ, сопровождаемыхъ разными мимическими представленіями, кромѣ *свянія проса* употребительны слѣдующія:

1. Перевейся, ярый хмель, на нашу сторонку и пр.
2. Сидитъ дрема подъ окошкомъ,
   Прядетъ дрема шелковъ кужель;
   Полно, дремушка, дремати,
   Шелковъ кужель драти и пр.

Одна дѣвка сидитъ въ кругу, представляя сонливую, лѣнивую, а прочія ходятъ вокругъ нея и поютъ пѣсню:

3. Ой! старой, старой,
   Кручина велика и проч.

---

(18) W. Wachsmuth's Hellen. Alterthumskunde. Halle. 1829. 3 Th. in 8.

(19) Супрасльская рукопись, изд. *Княземъ М. Оболенскимъ*. М. 1836, въ 4.

Поютъ всѣ, стоя на одномъ мѣстѣ; двѣ дѣвки ходятъ въ хороводѣ; одна пригорюнясь, представляетъ лице жены, а другая мужа старика. Когда запоютъ: „охъ! „какъ мнѣ стараго цѣловать будетъ“? тогда жена цѣлуетъ съ негодованіемъ и плюетъ на старика. Когда запоютъ: „охъ! какъ мнѣ „стараго на постелю класть?“ жена толкаетъ. При словахъ пѣсни: „охъ? какъ мнѣ стараго трепать“; жена бьетъ его.

4. Посѣяла дѣвка ленъ,
Посѣявши, полола и пр.

Дѣвка съ платкомъ въ рукѣ ходитъ въ кругу, дѣлая видъ, что сѣетъ, а прочія поютъ, стоя на одномъ мѣстѣ:

5. Заинька, бѣленькой!
Я хожу, хожу
Вкругъ Кіева города,
Ищу тестя богатаго и пр.

Тогда дѣвки стоя поютъ, одна изъ нихъ ходитъ въ хороводѣ, какъ будто ищетъ тестя и тещи и пр. Когдажь найдетъ себѣ всѣхъ сродниковъ и когда запоютъ: *я пропивши пиво, тестя вб рыло;* тогда она слегка бьетъ одну дѣвку въ видѣ тестя, а въ лицѣ тещи бьетъ другую по шеѣ, если запоютъ: *проѣвши пироги, тещу по шеѣ* и т. д.

6. Пава по́ лугу гуляла,
Пава гусей загоняла,
Тига, гуси, домой,
Тига, сѣрые, домой и т. д.

Двѣ дѣвки станутъ въ довольномъ разстояніи одна отъ другой, держа высоко платокъ въ рукахъ, а прочія подъ платкомъ проходятъ поодиначкѣ.

7. Какъ утіона чрезъ море летала,

Одна дѣвка, дѣлая разныя тѣлодвиженія, идетъ предъ хороводомъ, а прочія за нею слѣдуютъ.

8. Подъ лѣсомъ, подъ темнымъ
Шелкова трава;
Ходилъ, гулялъ Донской козакъ,
Глядѣлъ, смотрѣлъ невѣстъ себѣ и пр.

или

Пошелъ молодецъ на гулянье,
На веселое на свиданье и т. д.

Дѣвка съ разными тѣлодвиженіями пляшетъ съ мущиною, а прочія стоя на одномъ мѣстѣ, поютъ.

Сходбище — сельская хороводная игра разыгрывается въ началѣ весны, когда изъ городовъ возвращаются молодые люди для

рабочей поры. Дѣвушки выходятъ на лугъ, къ нимъ сбираются *прибылые*, и начинаютъ игру Сходбище. Въ средину круга становятся молодецъ и дѣвица. Игроки ходятъ кругомъ ихъ и поютъ:

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой идетъ красна дѣвица,
Поблизехоньку сходилися,
Понизехоньку поклонилися.
Да что возговоритъ доброй молодецъ:
Ты здорово-ль живешь, красная дѣвица?
Я здорова живу, милъ сердечной другъ;
Каково ты жилъ безъ меня одинъ?
Мы давно съ тобой не видалися,
Говоритъ дѣвка улыбаючись,
Что съ той поры, какъ разсталися.
Говоритъ ей доброй молодецъ:
Мы пойдемъ гулять на царевъ кабакъ,
Мы за рубль возьмемъ зелена вина,
За другой возьмемъ меду сладкова,
А за третей возьмемъ пива пьянова,
За двѣ гривенки сладкихъ пряничковъ.
Какъ возговоритъ красна дѣвица:
Я нейду гулять на царевъ кабакъ:
Я боюсь, боюсь роднова батюшки,
Я боюсь родной матушки.
Тутъ разсталися и прощалися,
Промежду себя цѣловалися.
Ты прости, прости доброй молодецъ,

Ты прости, милъ сердечной другъ!
Да что возговоритъ доброй молодецъ:
Ты прости, прости, моя матушка,
Ты прости, радость красна дѣвица! —

Въ игрѣ *Плетень* молодицы, дѣвушки и мужчины становятся попарно, и, сомкнувшись руками въ видѣ плетня, вытягиваются въ линію. Хороводница запѣваетъ:

Заплетися, плетень, заплетися!
Ты завейся, труба золотая!
Завернися, камка кружчатая!
Изъ-за горъ дѣвица ушей выгоняла.
Тига утушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Потопила малыхъ дѣтушекъ
И въ меду и въ сахарѣ
И въ яствѣ сахо́рномъ.
Я старымъ старикамъ
Киселя съ молокомъ;
Молодымъ молодкамъ
Шелковую плетку,
А краснымъ дѣвицамъ
Бѣлилъ да румянъ.

Хоръ окончился. Первая пара поднимаетъ вверхъ соединенныя руки, подъ ету арку начинаютъ проходить игроки. Хоръ поетъ :

Расплетися, плетень, расплетися;
Ты развейся труба золотая;
Ты развернися, камка кружчатая!
Изъ-за горъ дѣвица ушей выгоняла.
Тига утушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣшъ, сѣра утица!
Вынимала малыхъ дѣтушекъ,
Изъ меду, изъ сахару,
Изъ ястивъ сахорныхъ.

Игра *Донъ Ивановичъ* есть мимическое представленіе, припоминающее намъ слѣды древности и извѣстное миѳическое сказаніе народа, который почитаетъ Донъ и Шатъ дѣтьми Ивана-Озера. Донъ, имѣя свою народную Исторію, свое родство съ сестрою Волгою — по повѣрьямъ Велико-Рускимъ — (20) выразился еще одною игрою въ хороводной пѣсни. Вечеромъ игроки сходятся вмѣстѣ

(20) см. Сказаній Р. Н. ч. 6, Думу Иванъ-Озеро. Въ другихъ странахъ, вмѣсто *Донъ*, поютъ — *Дунай*.

и становятся въ кружокъ, а хороводникъ въ срединѣ, изображая собою Дона Ивановича, дѣлаетъ разныя движенія, сообразныя содержанію пѣсни :

Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Ахъ! какъ звали молодца,
Позывали удальца.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичь Донъ!
Какъ во пиръ пировать:
Во бѣсѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Ужъ какъ мнѣ ли молодцу
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.
Иль я выйду молодецъ
На свой новой на крылецъ,
Закричу я молодецъ
Громкимъ голосомъ своимъ:
Ахъ! какъ естьли-ли у меня
Слуги вѣрные мои!
Вы бериите ключи,
Ошмыкайте сундуки.

Вынимайте кафтанъ,
Рудожелтъ камчатъ,
Вынимайте шапку,
Черную мурмашку (21);
Вы подайте гусли,
Звончатые мои.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Ко вдовушкѣ на конецъ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичь Донъ!
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ
Противъ вдовушки на скамьѣ.

Въ ето время игроки останавливаются, хороводникъ садится съ балалайкою въ рукахъ. Игроки спояпъ пропивъ него и поютъ:

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Уронилъ шляпу долой,

(21) *Мурмане*—Норвежцы. — Въ Москвѣ ету пѣсню поютъ сокращенно, и такъ она печатана въ такъ называемыхъ пѣсенникахъ. Исключеніе начинается съ стиха: „Ужъ какъ „мнѣ ли молодцу“ и продолжаетъ до „Звончатые мои.“

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!

Хороводникъ въ ето время кланяется, съ него спадаетъ шляпа, а игроки поютъ:

Ужъ ты, вдовушка моя,
Молодая вдова,
Подними шапку мурмашку!
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Сынъ Ивановичь Донъ!
Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!

Хороводникъ встаетъ, надѣваетъ шляпу, а игроки, ходя кругомъ его, поютъ:

Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Вдоль улицы на конецъ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ.
Ахъ! какъ звали молодца,
Позывали удальца,
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ.
Какъ во пиръ пировать,
Во бѣсѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.

Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ,
Къ дѣвушкѣ на конецъ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Какъ садился молодецъ;
Какъ садился удалецъ
Противъ дѣвушки на скамьѣ.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!

Въ ето время игроки останавливаются, хороводникъ садится. Игроки стоятъ противъ него и поютъ:

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Молодецъ дѣвицѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!
Ужъ ты, дѣвушка моя,
Ты, красная моя,
Подними шапку мурмашку.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ!

Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичь Донъ.

Въ ето время выходитъ дѣвушка изъ круга, поднимаетъ шляпу. Хороводникъ, принимая изъ ея руки шляпу, благодаритъ дѣвушку поцѣлуемъ.

Начиная съ середы или четверга Святой недѣли и до Троицы въ Бузулукѣ, уѣздн. городѣ Оренб. Г. продолжаются каждый вечеръ хороводы: дѣвки и молодыя женщины поютъ пѣсни, а молодцы подъигрываютъ на дудкахъ, на рожкѣ, забавляютъ красавицъ своими шутками. Тогда особенно поютъ одну изъ весеннихъ пѣсенъ, носящую на себѣ явный отпечатокъ древности:

Подойду, подойду,
Подъ Царь-городъ подойду,
Вышибу, вышибу,
Копьемъ стѣну, вышибу!
Выкачу, выкачу,
Съ казной бочку, выкачу!
Подарю, подарю,
Люту-свекру батюшкѣ!
Будь добрѣ, будь добрѣ —

Какъ родимый батюшка!
Подойду, подойду
Подъ Царь-городъ, подойду!
Вышибу, вышибу
Копьемъ стѣну, вышибу!
Вынесу, вынесу,
Лисью шубу, вынесу!
Подарю, подарю
Люту-свекровь матушку!
Будь добра, будь добра —
Какъ родима матушка (22)!

Такими-то играми и пѣснями начинается и сопровождается Красная горка послѣ Святой недѣли, во время коей издревле запрещались Церковію всѣ бывшія изъ Языческаго міра игры, потѣхи и позорища (risus Paschales) для того, чтобы въ святые дни умы Хрістіанъ занимались однимъ Богомысліемъ, а сердца исполнены были духовною радостію.

(22) см. М. В. 1830, No 37. Надобно предполагать, что нѣкоторыя слова уже измѣнены; но пѣсня не могла быть сочинена позже XI-го или XII-го столѣтія, слогомъ того времени, когда у народа были еще въ свѣжей памяти прогулки нашихъ предковъ къ Константинополю. Голосъ отличается какимъ-то заунывнымъ, особеннымъ напѣвомъ. — Константинополь, или Византію, *Царь-градомъ*, а не *Царевымъ градомъ*, по превосходству сего города надъ всѣми прочими, прозвали Варяго-Руссы или Славяне. Zaargardia есть городъ въ Месопотаміи.

III.

РАДУНИЦА.

Радуница, или Радунецъ, или Радавница есть собственно отрадный праздникъ заупокойный, который совершается на могилахъ; онъ издревле извѣстенъ на Руси и приходится не всегда въ одинакое время. Въ Костромской Губ. Ѳомино Воскресенье слыветъ *Радоницею*, въ другихъ мѣстахъ Ѳоминъ понедѣльникъ, а болѣе вторникъ, извѣстный въ Рязанской Губ. подъ именемъ *Наскóй* (Навской?) и *Навій день*: что̀ значитъ мертвый; ибо въ старинномъ Рускомъ языкѣ *навей*, а въ Литовскомъ navie — мертвецъ (1). Въ Малороссіи Ѳоминъ понедѣльникъ именуется *Могилками*, *Гробками*, *Проводами*, а въ Махновскомъ повѣтѣ Кіевской Г. *Бабскимъ праздникомъ*, вѣроятно по тому, что на немъ бываютъ однѣ женщины.

(1) Въ просторѣчіи человѣческая кость, на коей образуется наростъ, йли бугоръ, назыв: *навья*. На Болгарскомъ *навивалъ* знач. побѣдилъ, умертвилъ. — ср. *Карамз.* И. Г. Р. ч. II, стр. 179.

По ѣтому она отчасти сходствуетъ съ *Тризною* и *Справою* Славянъ-Рускихъ и *Божіими дѣлами* Есиовъ. Радуница въ Великой Россіи посвящена поминовенію родителей; ибо, по мнѣнію народному, они радуются, если ихъ поминаютъ и приходятъ съ ними христосоваться. „Радуницею — замѣчаетъ Карамзинъ—назывался какой-нибудь праздникъ у нашихъ древнихъ Славянъ (2)." Нынѣ извѣстна она болѣе подъ именемъ *родительской*. „Въ „прежнія времена — свидѣтельствуетъ со„чинитель Церковнаго Словаря въ 1773 году— „въ Радуницы бывало между проспонародіемъ „обыкновеніе поминать умершихъ сродниковъ, „съ языческими обрядами, и поминавшій при„носилъ на ихъ могилу вино, сыченое пиво, „пироги, блины, и по отправленіи священни„комъ литіи, взявъ чарку съ виномъ, или „спаканъ съ пивомъ, отливалъ часть на его „могилу, а остатки самъ допивалъ; женщи„ны въ ѣто время плачевнымъ голосомъ при„читали добродѣтели покойника. Въ такой „же силѣ, по увѣренію бывшихъ въ отдален„ныхъ мѣстахъ, было въ обыкновеніи у про„столюдиновъ суевѣрное христосованье съ „покойниками въ Свѣтлую седмицу, т. е. му„щина или женщина приходили на могилу

(2) *Карамз.* И. Г. Р. ч. V, прим. 25.

„умершаго, и покатя по оной краснымъ яицомъ, „говорили: *Христосъ воскресе*, думая, что усоп„шій отвѣчаетъ ему въ могилѣ: *Воистинну „воскресе* (3)." Въ Патерикѣ Печерскомъ описывается, какъ въ 1463 г. пѣлеса усопшихъ святыхъ отвѣтствовали на возгласъ священноинока въ Великъ день.

Воспоминаніе объ ѣтомъ заупокойномъ праздникѣ сохранилось не только въ народныхъ преданіяхъ и удержалось въ обычаяхъ, но и въ лѣтописяхъ, церковныхъ книгахъ, въ пословицахъ, пѣсняхъ и въ названіяхъ урочищъ.

Въ Троицкой лѣтописи подъ 1372 г. упоминается, что „Литва и Ляхи и Жемоть придоша изгономъ (къ Переславлю) по Велицѣ дни на другой недѣлѣ во вторникъ, на заутріе по *Радоницѣ*." Въ Кіевской Л. подъ 1493 г. „Тояже весны на Радуницу, Апрѣля 16го, погорѣ Москва нутръ весь и казна у Чуда въ монастырѣ." Въ 1493 г. Пасха была Апрѣля 7го, слѣдственно 16го числа тогожъ мѣсяца пришлось во *вторникъ* на Ѳоминой недѣлѣ (4). Въ Стоглавѣ осуждаются тѣ, которые по Велицѣ дни, т. е. по Пасхѣ,

(3) Новое прибавленіе къ Словарю церковному, сочин. *П. Алексѣевымъ*. ч. 5. СПБ. 1818, въ 8.

(4) *Карамз.* И. Г. Р. ч. V, прим. 25, 254. и часть IX, прим. 830.

оклички на Радуницы иворятъ — и *вьюнецъ*. Въ проспонародной пѣснѣ говорится о Радуницѣ и заупокойномъ напиткѣ слѣдующее:

Зять ли про тещу пивца варилъ,
Пива наварилъ, да ко Масляницѣ;
Звалъ ли тещу ко *Радуницѣ*,
А теща пришла на канунѣ Рождества. —

и наконецъ въ старинной поговоркѣ: *Выпили пиво объ Масляницѣ, а съ похмѣлья ломало послѣ Радуницы.*

О Радуницѣ напоминаютъ на Троицкой дорогѣ бывшій городокъ *Радонецъ*, или *Радонежъ*, отъ коего и Преподобный Сергій получилъ прозваніе *Радонежскаго*; въ Егорьевскомъ уѣздѣ озеро *Радовица*, отъ коего заимствовалъ свое названіе *Радовицкій* монастырь. Въ Бѣжецкой пятинѣ было урочище *Радуница*, и Radonice въ Варшавскомъ округѣ, и т. д.

Въ разныхъ краяхъ великой, малой и бѣлой Россіи донынѣ сохраняется обычай поминать родителей на Ѳоминой недѣлѣ, на кладбищахъ, а кой гдѣ и самое названіе. Приведемъ тому нѣсколько примѣровъ.

Въ Устюгѣ Великомъ, съ 1445 г. въ Радуницу бываетъ крестное хожденіе на убогій домъ при Іоанно-Предтечевскомъ монастырѣ, а по совершеніи паннихиды, гуляніе

въ сосновой рощѣ, выросшей на тамошнемъ кладбищѣ (5). Въ Иркутскѣ, въ ето же время множество народа сбирается на общее кладбище, что на *Крестовой горѣ*, и тамъ также сперва поминаютъ усопшихъ, а потомъ гуляютъ и пируютъ (6). Въ Шенкурской и Вельской округахъ, на второй день Пасхи послѣ вечерни идутъ прихожане *на горы*, на коихъ тамъ стоятъ кладбищенскія церкви: *похристосоваться со своими* и *погоревать*. Въ Кіевѣ извѣстна Радуница подъ именемъ *Проводовъ*, которые, по народному преданію, дѣлаются въ воспоминаніе Евангельскаго событія: „Когда при распятіи Господнемъ тѣ„леса многихъ святыхъ воспаша и, по вос„кресеніи Его, внидоша во святый градъ: „тогда сихъ-то святыхъ яко бы опять послѣ „праздника сопровождали до гробовъ граж„дане.“ Но установленіе сіе, по мнѣнію Г. Берлинскаго, въ Кіевѣ относить можно не далѣе временъ Петра Могилы: когда нѣкоторые церковные обряды заведены были изъ подражанія Польскимъ. За полвѣка назадъ тому на Скавицу (или гору Щекавицу) сбирались для поминовенія родителей почетнѣйшіе Кіе-

(5) Сѣверный Архивъ, 1824, No 17.

(6) Новѣйшее повѣствованіе о Восточной Сибири, СПБ. 1817, въ 8.

воподольскіе граждане. Паннихидныя литіи отправляемы были священниками надъ каждою могилой, потомъ каждое семейство садилось въ круговенькѣ около своихъ покойниковъ и поминало ихъ тѣмъ кушаньемъ и питьемъ, какое съ собою приносило. Между тѣмъ школьники напѣвали имъ духовныя пѣсни (псалмы), иногда скрипичники наигрывали печально. При томъ угощаемы были и нищіе. — Бѣлорускіе поселяне сбираются во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, часа въ 2 пополудни, на кладбища, гдѣ они кашаютъ красныя яица на могилкахъ у родныхъ и потомъ отдаютъ ихъ нищимъ, которые туда сходятся во множествѣ. Напослѣдокъ, родительская могила, политая медомъ и горѣлкою, накрывается бѣлымъ столешникомъ — ставится кушанье нечетное и нежидкое; ибо етотъ *вторникъ* слыветъ *сухимъ*. Кто́жъ не въ состояніи почтить памяти родителей своихъ задушевною трапезой, тому при семъ случаѣ помогаютъ богатые. Сдѣлавъ къ покойникамъ слѣдующее привѣтствіе: *Святые родзицелѝ, ходзице кѣ намъ хлѣба-соли кушаць!* старые и малые садятся на могилахъ за трапезу. По окончаніи пиршества, опять обращаются къ усопшимъ съ такими словами: *Мои родзицели, выбачайте, не дзивуйесь, гдѣ хата богата, тамъ и рада!* —

Послѣ етого, поминальщики раздаютъ остатки кушанья нищимъ, идутъ въ корчму, гдѣ пьютъ и пляшутъ, оправдывая старинную пословицу: *начинаютъ за упокой, а сведутъ за здравіе* (7). Въ Болгаріи Радуница также состоитъ въ причитаніи на могилахъ родительскихъ, въ пиршествѣ и катаніи красныхъ яицъ. Въ Великой Россіи ведется почти повсемѣстный обычай между просолюдинами, сбираться во вторникъ Ѳоминой недѣли для поминовенія на могилы родительскія и привѣтствовать усопшихъ отраднымъ гласомъ воскресенія Спасителя міра. Въ ето жь время, извѣстное подъ именемъ *Красной горки*, женихи, особенно невѣсты, доселѣ ходятъ на кладбища просить совѣта и благословенія у своихъ покойныхъ родителей на брачный союзъ, кладутъ на ихъ могилы яицы, кои возлагались на гробницахъ у древнихъ Грековъ и Римлянъ, какъ умилостивительныя жертвы объ усопшихъ (8). Сіи мѣста вѣчнаго покоя, священныя для сердца человѣческаго, обращаются въ жертвенники благоговѣнія къ мертвымъ и благотворенія живымъ.

---

(7) Lud Polski p. *L. Golębiowskiego.* Warsch. 1830, in 8.

(8) *Luciani* dialogi mort. I. 1. — *Iuvenal.* sat. V. v. 84.

Происхожденія сего торжественнаго и древняго обычая должно искать въ колыбели Хріспіанства на Руси, когда послѣднее начинало преобладать надъ народнымъ Язычествомъ и пропивопоставляло обрядамъ его и обычаямъ благочестивыя свои установленія, кои принимая народъ, не могъ не примѣшать къ нимъ первыхъ. Радуница упоминаемая въ письменныхъ памятникахъ, не ранѣе XIV вѣка, есть оспашокъ *тризны*, о какой такъ упоминаетъ и Левъ Калойскій: „Рускіе, слѣдуя языческимъ обрядамъ Грековъ, „совершали жертвы и возліянія въ честь усоп„шихъ.“ Самое названіе Радуницы есть народное, а не церковное, хотя, по существу своему, она, подобно Семицкому четвертку и Троицкой субботѣ, принадлежитъ къ хріспіанскимъ обрядамъ. Чтожъ касается до осуждаемыхъ Стоглавомъ *окличекъ на Радуницы*: то онѣ не что иное должны быть, какъ *причитанья*, кои встрѣчались съ *закликаніемъ весны* и съ *горѣлками*, слѣдовавшими за радуницкимъ *гореваньемъ*.

IV.

ПЕРВОЕ АПРѢЛЯ.

Извѣстный обычай *обманывать* въ *первое Апрѣля* существуетъ не только во всей почти Европѣ, но и на Востокѣ. Онъ, какъ увидимъ, произходилъ отъ разныхъ началъ, которыхъ слѣдствія приводятъ къ одному дѣйствію въ одинакое время — вездѣ давалъ поводъ къ шуткамъ невиннымъ и болѣе или менѣе остроумнымъ; онѣ обыкновенно оканчивались ещимъ обманчивымъ днемъ, оправдываясь, или извиняясь давностію обычая. Сколько время и просвѣщеніе ни изглаживали ещотъ обычай, прежде бывшій въ общемъ употребленіи и, по существу своему, пропивный нравственности, а по произхожденію — и св. вѣрѣ; но воспоминаніе объ немъ пережило многія столѣтія, усвоилось жизни народа и языку, сдѣлалось *притчею во языцѣхъ*.

Начало обычая обманывать въ первое Апрѣля, подобно многимъ другимъ, теряется во тьмѣ древности; впрочемъ онъ находится у древ-

нихъ племенъ міра, отъ коихъ перешелъ и къ новѣйшимъ съ мѣстными особенностями.

Индійцы около весенняго равноденствія, по древнему лѣтосчисленію Ведъ, который приходится въ Апрѣлѣ, первомъ мѣсяцѣ ихъ года, празднуютъ рожденіе богини Ситы, или Шивы. На этомъ праздникѣ, извѣстномъ у нихъ подъ именемъ *Гули* или *Гулака*, бывали сценическія представленія, среди коихъ они обманывая другъ друга подъ видомъ шутокъ, думали тѣмъ самымъ умилостивить свое божество (1).

У Іудеевъ источникомъ этого обычая полагается лживая молва, распущенная по воскресеніи Христовомъ, будто тѣло Искупителя ночью похищено было изъ гроба учениками Его, какъ свидѣтельствуетъ *Матѳ.* XXVIII, 13. „Тогда Евреи, замѣчаетъ сочинитель Церковнаго Словаря, научили народъ и воиновъ обманывать въ шутку, говоря одинъ: *Христосъ воскресе*, а другой въ отвѣтъ: *первое Апрѣля*, т. е. неправда“ (2). Можетъ статься, первое Апрѣля потому избрано для такой нечестивой шутки, что въ этомъ мѣсяцѣ праздникъ Пасхи приходится въ теченіи каждыхъ 25 лѣтъ, и что воспоминаніе

(1) Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde, par I. *A. Dubois*. 2 t. à Paris. 1825, in 8.

(2) Церковный Словарь *П. Алексѣева*. ч. 3. М. 1816, въ 8.

объ этомъ состоитъ въ связи съ событіями изъ земной жизни Искупителя міра.

Толкователь Л. Апулея Бероалдъ производитъ первоапрѣльскій обманъ отъ Римскаго праздника въ честь божества Смѣха (Risus); это торжество, совершавшееся тогда, когда дни становились длиннѣе, сопровождалось разными смѣхотворными обманами. „Игры сіи — говоритъ Апулей — ежегодно нами отправляемыя въ честь Смѣха, всегда отличаются какими нибудь новыми выдумками. Мы одни изъ всѣхъ народовъ умилостивляемъ забавами, весельями и шутками божество, именуемое Смѣхомъ“ (3).

Исландскія саги гласятъ, что обычай обманывать въ первое Апрѣля введенъ самыми Азами, т. е. богами, въ память Скадеи, дочери Тіасса. Онъ доселѣ существуетъ въ Даніи, Швеціи и Норвегіи (4).

У Англичанъ первое Апрѣля слыветъ all fools day (днемъ всѣхъ дураковъ), обманутый въ этотъ день — Aprilfool, а у Шотландцевъ hunting the gowk.

У Французовъ первоапрѣльская шутка называется *Апрѣльскою рыбою* (poisson d'Avril),

(3) L. *Apulcii* Metamorphoseon. rec. Fr. Oudendorp. Lugd. Bat. 1786—1822. 3 t. in 4.

(4) Edda Saemundina t. III.

что̀ въ переносномъ смыслѣ значитъ невинный обманъ въ первое Апрѣля. Въ ешотъ же самый день ускользнулъ изъ темницъ Людовика XIII въ Нанси Лотарингскій принцъ Францискъ, который перерядясь крестьяниномъ, переплылъ рѣку *какъ рыбка* и ускользнулъ изъ неволи. Счастливаго бѣглеца иносказательно прозвали *Апрѣльскою рыбою*. Но сей обычай долженъ быть древнѣе. Другіе писатели почитаютъ слово poisson испорченнымъ изъ passion страданіе; что̀ будто относится къ страданіямъ І. Христа (5).

У Нѣмцевъ издревле ведется обычай первое Апрѣля посылать мальчика или другаго кого съ шѣмъ, чтобы попросить или посмотрѣть что либо такое, чего нельзя получить или видѣть; ешо называется у нихъ: in den April ſchicken, послать кого въ Апрѣль, т. е. сыграть надъ кѣмъ шутку, провести кого, а проведенный такимъ образомъ въ ешотъ день именуется Aprilnarr. Въ средніе вѣки, въ Европѣ допускалось сценическое представленіе различныхъ произшествій изъ Св. Писанія; по сему и кажется вѣроподобнымъ мнѣніе тѣхъ, которые почитаютъ ешу шутку нелѣпымъ подражаніемъ событію, случившемуся при допросѣ І.

(5) Encyclopedie des gens du monde. t. I. à Paris. 1833, in 8.

Христа, который приводимъ былъ отъ Каіафы къ Пилату, а отъ Пилата къ Ироду; что̀ дало поводъ къ извѣстнымъ Нѣмецкой и Французской поговоркамъ: jemanden vom Pilatus zum Herodes ſchicken, renvoyer d'Herode à Pilate, посылать кого понапрасну (6).

Ешого обыкновенія доселѣ держатся почти всѣ народы Славянскаго племени; у Чеховъ и Словаковъ говорятъ также poslati koho s Aprilem. Оно извѣстно въ Польшѣ и Литвѣ подъ именемъ Primaprilis, намекающее намъ о Римскомъ его происхожденіи; ибо Апрѣль у первыхъ, судя по климату, называется по *Березозолемъ*, по *Цвѣтенемъ*, по Duben. Ешо̀ даетъ поводъ думать, что повѣрье сіе перешло въ Европу отъ Римлянъ съ самымъ названіемъ мѣсяца, или другимъ путемъ вмѣстѣ съ народами Востока, и что оно составляло часть языческаго празднества (7). Впрочемъ, еслибъ мы имѣли точнѣйшія свѣденія о религіозныхъ обрядахъ у Славянъ до введенія вѣры Христіанской: конечно, при разысканіи оныхъ, намъ открылось бы обширнѣйшее поле и возможность найти истин-

(6) Converſations-Lexicon. Neue Folge. I. Abth. Leipz. 1822, in 12.

(7) Gry i zabawy rożnich stanow etc. p. *L. Gołębiowskiego*. w Warchawie. 1831, in 8.

ну, къ какимъ временамъ относится это обыкновеніе. Какъ нача́ла первоапрѣльской шутки должно болѣе искать въ языческихъ суевѣріяхъ, нами упомянутыхъ: то едва ли можно предполагать для него новое основаніе въ Христіанскихъ воспоминаніяхъ.

Апрѣльскій обманъ въ Россіи становится исторически извѣстнымъ со временъ Петра I, и, по всему вѣроятію, введенъ Нѣмцами, жившими въ Россіи, между которыми должно предполагать и прежде еще существованіе этого народнаго обычая. Въ 1700 г. содержатель труппы Нѣмецкихъ комедіантовъ въ Москвѣ объявилъ, что въ день самаго представленія влезетъ въ обыкновенную столовую бутылку. На сценѣ явилась бутылка съ надписью: *Первое Апрѣля* (8). Первоапрѣльскія шутки сперва распространились въ знатномъ кругу, а потомъ уже въ нижнихъ слояхъ общества; но въ крестьянскомъ быту, вдали́ отъ столицъ онѣ не извѣстны. Преданіе старожиловъ свидѣтельствуетъ намъ, что Нѣмецкіе фигляры и гаеры о Святой недѣлѣ на *Куковинкѣ* (такъ слыло мѣсто Новинскаго гулянья) показывали народу за деньги райки и выкидывали первоапрѣльскія штуки, приглашая смотрѣть словомъ Kucken, отъ коего произошло и самое названіе мѣста: о чемъ напоминаетъ донынѣ существующій тамъ кабакъ *Куковинка*. Извѣстно также, что въ первое Апрѣля позволялись шутки при Дворѣ Императрицъ Анны Ивановны и Елисаветы Петровны.

(8) Дѣянія Петра Великаго, т. 1—4. изд. 2. Москва, 1837, въ 8.

Такъ этотъ обычай, родившійся на чужой почвѣ, привился, подобно другимъ, къ отечественнымъ обычаямъ, кои вошли въ составъ жизни народной.

Обманчивая, непостоянная *погода* въ Апрѣлѣ, у Русскихъ въ обыкновенномъ языкѣ называется *Апрѣльскою*, такъ какъ у Нѣмцевъ Aprilwetter, а Aprilglück, перемѣнчивое счастье. На Сѣверѣ и погода могла давать поводъ къ объясненію и къ введенію чужеземнаго обычая обманывать въ первый день Апрѣля, и веселыми шутками встрѣчать возвращающуюся весну.

V.

СВИСТОПЛЯСКА.

Свистопляску Вятчане ежегодно празднуютъ въ четвертую субботу по Пасхѣ: тогда сбирается множество народа, по большей части, простаго, на то самое мѣсто, гдѣ они, въ 1480 году (1), подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, или, по Софійскому временнику, Росхохина, сражаясь ночью, по невѣденію, съ Устюжанами, пришедшими къ нимъ на помощь противъ Татаръ, побили союзниковъ девять тысячъ подъ предводительствомъ Новгородскаго выходца Анфала, или Анѳала, и сына его Нестора. На разсвѣтѣ только дня Вятчане узнали свою ошибку. По етому случаю сосѣди прозвали ихъ *слѣпородами*, что

(1) Такъ въ Вятскомъ рукоп. лѣтописцѣ, по свидѣтельству Преосв. К. Но въ Софійскомъ временникѣ, т. I. стр. 452. означенъ 1418 годъ сего событія.

они своихъ не разглядѣли. Мѣсто погребенія убіенныхъ обратилось въ гульбище: оно находится на горѣ Раздерихѣ, близъ присутственныхъ мѣстъ, надъ рвомъ рѣки Вятки. Тамъ въ воспоминаніе гибельной битвы Вятчане соорудили деревянную часовню; въ самый день Свистопляски, послѣ обѣдни, поются общія паннихиды по убіенныхъ Устюжанахъ, съ провозглашеніемъ вѣчной памяти: „Анѳалу, предводителю Устюжскому, Не„стору сыну его, Стефану, Ѳедору, двумъ „Матѳіямъ, двумъ Григоріямъ, Іоанну, Пан„кратію, Исааку.“ Въ етой часовнѣ стоитъ большой деревянный крестъ, поставленный, неизвѣстно по какому случаю, какъ показываетъ вырѣзанная на немъ надпись: *Во второй день Мая 1595 года, при Благовѣрномъ Царѣ Великомъ Князѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и при Благовѣрной Царицѣ, Великой Княгинѣ Иринѣ Ѳеодоровнѣ Годуновой и при Московскомъ и Всероссійскомъ Патріархѣ Іовѣ* (2).

Во время Свистопляски, около надгробной часовни, по праздничному обычаю, разставляются шатры, продаются особенныя, дѣлаемыя къ етому дню и случаю, глиняныя

(2) Сравни ст. XX въ III части кн. I. Трудовъ и Записокъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. М. 1826, въ 8.

лошадки, свистки съ погремушками, шарики и разныя лакомства. Тамъ тогда ребятишки играютъ въ куклы, безпрестанно свистятъ, приплясывая, или становясь по обѣ стороны рва, какъ бы въ наступательномъ положеніи, бросаютъ другъ въ друга глиняными шариками, будто въ напоминаніе воинской ошибки предковъ; свистъ же есть простонародное выраженіе промаха. Между тѣмъ вплоть до вечера продолжается гулянье Вятчанъ; тамъ поютъ пѣсни подъ звукъ скрипокъ и балалаекъ.

VI.

ЮРЬЕВЪ ДЕНЬ ВЕСЕННІЙ.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день есть праздникъ земледѣльцевъ и пастуховъ, у Русскихъ, Славянъ и другихъ племенъ. С. великомученикъ Георгій, родомъ Каппадокіанинъ, современникъ Діоклитіана, почитается покровителемъ земледѣлія, стадъ и пастуховъ, по самому значенію его имени и потому, что онъ являлся на конѣ и въ одно изъ такихъ явленій исцѣлилъ пастуха, обличивъ его въ похищеніи овцы (1). Онъ славенъ также низложеніемъ, въ Ливійскихъ странахъ, ужаснаго дракона и спасеніемъ отъ него дѣвицы, обреченной ему на жертву. Подобное чудо приписывается и въ другихъ странахъ другимъ святымъ. Бароній въ своихъ церковныхъ лѣтописяхъ упоминаетъ, что въ IV вѣкѣ по Р. Х. чумоносный драконъ, поселясь у скалы Тарпейской, заразительнымъ дыханіемъ и опустошеніемъ окрест-

(1) Дни богослужебные православной Греко-Росс. Церкви, соч. М. *Дебольскаго*. Спб. 1837, въ 8.

ностей приводилъ въ ужасъ тамошнихъ жителей. Папа Сильвестръ осѣнивъ его чудовище крестомъ, низложилъ его. Въ память такого событія, въ VI вѣкѣ, учреждено Григоріемъ великимъ крестное хожденіе, ежегодно, для напоминанія чудесной побѣды, одержанной Римскимъ Первосвященникомъ. Между тѣмъ, въ 628 году, распространилось во Франціи вѣрованіе, что Св. Романъ освободилъ городъ Руанъ отъ чудовищнаго дракона; что С. Юліанъ, первый Епископъ Мансскій, сокрушилъ въ селѣ Арленсѣ губительнаго дракона, который гнѣздился въ стѣнахъ одного древняго языческаго храма. По преданію, въ округѣ Тейля, С. Арнелій притащивъ на епитрахили своей подобное чудовище, бросилъ его съ горы въ воды Сеиха. По сказанію Григорія Турскаго, С. Марцельмомъ освобожденъ былъ Парижъ отъ дракона; а въ Генуѣ недавно еще на площади храма Сан-Сиро, показывался древній колодезь, гдѣ сокрытъ былъ змѣй, пораженный сверхъестественною силою. Во Франціи, въ V вѣкѣ по Р. Х. учреждены процессіи, въ коихъ по три дни носимо было изображеніе дракона на шестѣ (2).

Между старинными рыцарскими пѣснями у Нѣмцевъ встрѣчается пѣснь о *сраженіи Дидриха со драконом* (Dieterichs Drachenkampf): она содержитъ въ себѣ описаніе битвы Бернскаго Дидриха съ драконом, котораго онъ убиваетъ для спасенія дѣвицы. Колларъ, въ собраніи Чермноруских пѣсенъ, приводитъ Старославенскую легенду о Swatém Girj, гдѣ также воспѣвается побѣда его надъ змѣемъ и освобожденіе дѣвицы; она оканчивается слѣдующими стихами:

Swaty Girj znamena Krista spasitele,
A drak satana, zleho nepritele,
Panna cirkew swatù znamena,
Ktera gest krwi Kristowu wykupéna.

Такое преданіе, укоренившееся у столь многихъ народовъ Европы, побуждаетъ насъ искать общаго нача́ла сему вѣрованію. Слова С. Евсевія, согласныя съ словами легенды, представляютъ намъ объясненіе. Въ письмѣ своемъ къ Константину онъ изъявляетъ совершенную радость объ истребленіи Язычества въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Теперь возстановлена свобода, и промысломъ всемогущаго и всеблагаго Бога сокрушенъ дракон (3).“ Драконъ означаетъ геній Язычества: описюда и сокрушеніе такого страш-

(2) Antichità Romanticha d'Italia: sulle feste. Milano. 1829, in 8.

(3) Nunc vero, cum libertas restituta sit, et Draco ille providentia quidem Dei Optimi maximi submotus est.

наго звѣря аллегорически представляло Хрістіанамъ положеніе перваго камня новой Церкви на развалинахъ языческаго служенія, или, другими словами, торжество Откровенія надъ духомъ мрака. Столь обширное значеніе дано подвигу С. Георгія!

Благоговѣніе къ Св. Побѣдоносцу распространилось во всемъ Хрістіанскомъ мірѣ: у Грузиновъ, Грековъ, Генуезцевъ, Италіанцевъ, Французовъ, Англичанъ и Русскихъ. Имя его служило девизомъ, паролемъ и клятвою у Франковъ при судебныхъ поединкахъ и въ битвахъ; ликъ его изображался на гербахъ и на монетахъ Генуезскихъ, Англинскихъ и Русскихъ; Грузія, многіе города и урочища, особливо го́ры въ Нѣмецкомъ, Славянскомъ и Рускомъ мірѣ ознаменованы его именемъ, на пр: въ Верхней Венгріи при рѣкѣ Прадѣ S. Georgenberg, по Славянски Sobotir; въ Краинскомъ Герцогствѣ S. Georgenberg, или Jörgenberg, по Краинской Jurvava gora, помѣстье и за́мокъ; въ Тиролѣ Jergenberg; подлѣ рѣки Тунеги *Юрьева гора.* Въ Нерехтѣ ведется поговорка о богатомъ и зажиточномъ человѣкѣ, заимствованная отъ Егорьевской горы близъ города: *Онъ сытъ какъ Егорьева гора.* см. выше *Красная горка.*

Имя Георгій, отъ Греч. γεωργὸς и γεώργιος, земледѣлецъ, селянинъ, въ Даніи и Швеціи

Jörgen, Iöran, Göran, у Нѣмцевъ въ простонародномъ языкѣ Iürgen, котораго они нѣкогда почитали за нѣкое древнее божество своего Язычества. У Рускихъ издревле, вмѣсто *Георгій*, употреблялось *Юрій, Гюргій* и *Гюрги*, вѣроятно отъ Греческаго народнаго *Γοῦργος* и *Γιουργάτη*, или отъ Нѣмецкаго Jürgen. У Малороссіянъ его имя выражается по просторѣчію *Юрко.*

Егорьевъ день есть не только церковный, но и народный праздникъ, который сопровождается у Грековъ, Скандинавовъ, Нѣмцевъ и Славянъ разными примѣтами, обрядами и весельями. Этотъ святый витязь являясь облеченнымъ миѳами народными, принимался у Нѣмецкихъ Славянъ за Святовида, которому посвященъ былъ бѣлый конь; у Греко-Римлянъ, обратившихся къ Хрістіанству, нерѣдко смѣшивался съ Аполлономъ, Тезеемъ и другими героями Язычества. Суевѣріе жителей Скандинавіи приписало С. Георгію такія качества и подвиги, какіе придавало Тору или Одину (4).

Сама древность Хрістіанская, по свидѣтельству С. Григорія Назіанзина, приписывала св. мученикамъ вліяніе на погоду и

(4) Edda Saemundina. t. III.

на плодоносіе земли: отъ этого встрѣчается у разныхъ народовъ множество повѣрьевъ и обычаевъ сельскихъ въ календарѣ погоды, ознаменованныхъ именемъ С. Георгія.

Въ Греціи С. Георгій, почитаемый покровителемъ земледѣльцевъ и пастуховъ, открываетъ пастушескій годъ и празднуется семейнымъ пиршествомъ, на коемъ обыкновенно съѣдается первенецъ стадъ. Сами Турки имѣютъ глубокое уваженіе къ сему святому, котораго называютъ Djirjis; Султанскимъ указомъ строго запрещено употреблять въ пищу ягнятъ прежде Юрьева дни (5).

Весенній праздникъ С. Георгія приходится въ то самое время, когда у многихъ изъ сѣверныхъ народовъ вошло въ обыкновеніе торжествовать наступленіе лѣтняго періода, или весны; и донынѣ въ Исландіи и Финляндіи простолюдины почитаютъ етотъ день за великое празднество, отправляемое у нихъ съ чрезвычайною радостью и съ различными языческими обрядами. Въ епю время муцины, предаваясь пьянству, поютъ пѣсни, а женщины дѣлаютъ возліянія молокомъ у нѣкоторыхъ священныхъ деревъ. Въ Скандинавіи часто встрѣчается живописное

(5) *Pouqueville* voyage daus la Gréce. V tomes. à Paris. 1820, in 8.

и ваятельное изображеніе С. Георгія, поражающаго копьемъ дракона, и доселѣ въ народѣ повторяется сказаніе о его подвигѣ. На островѣ Фіоніи, близъ Свенбурга, указывается мѣсто, гдѣ, по преданію, С. Побѣдоносецъ сражался съ дракономъ и гдѣ поле, обагренное кровью чудовища, ничего не произращаетъ (6). Изъ легенды у Французовъ о покорности низложеннаго змія С. Георгію произошла поговорка: Rendre les armes à Saint Georges, возвратить оружіе С. Георгію.

Въ Сербіи, въ Юрьевъ день, весьма уважаемый народомъ, прежде восхожденія солнца начинаютъ купаться, и освященною вербой, такъ какъ въ Россіи, выгоняютъ въ поле скотину. Тамъ и пословица говоритъ: *Нѣтъ лѣта безъ Юрьева дни;* а въ пѣсняхъ дѣвица такъ призываетъ етотъ день: „О праздникъ С. Георгія, приди и найди меня „за мужемъ!“ (7). Мадьяры называютъ и Апрѣль, въ коемъ приходится оный, Szent György hava.

Въ Булгаріи имѣютъ обычай въ день С. Георгія закалать агнца такъ, чтобы ни капли крови его не пало на землю, а кровію его

(6) Rüh's Finnland u. seine Bewohner. Leipz. 1809, in 8, p. 306.

(7) Poësie populaire des nations Slaves въ Revue britan. Janv. 1837, No 13.

помазываютъ дѣтей своихъ, дѣлая знаменіе креста на челѣ, ланитахъ и бородѣ. Зажаривъ етого барашка, сбираются всѣ домашніе и холостая родня, призываютъ священника, который надъ нимъ читаетъ молитву и благословляетъ: попу отдается шкурка и лопатка ягненка. Когда ѣдятъ освященнаго барашка: то собравъ всѣ косточки, зарываютъ ихъ въ землю. Въ етотъ же день, по замѣчанію Г. Липранди, жарится такой барашекъ, только безъ означенныхъ обрядовъ, въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ и въ другихъ мѣстахъ Оттоманской Имперіи. На всемъ Востокѣ, въ Архипелагѣ и у насъ на Черномъ морѣ, Греки, Славяне и Турки не прежде пускаются въ море, какъ въ Юрьевъ день (8).

Во многихъ мѣстахъ Красной и Бѣлой Руси Юрьевъ день — праздникъ пастуховъ, въ Черной Руси *обѣдная*, когда святятъ хлѣбъ. Ето торжество сопровождается конскими ристаніями, пѣснями и пиршествами. Въ Бѣлоруссіи тогда же выгоняютъ изъ хлева вербою скотъ *на Юрьеву росу* (9); тамъ

(8) Путешествіе изъ Тріеста до С. Петербурга, въ 1810, 2 ч. М. 1825, въ 8.

(9) Съ Юрьева дни до Михайлова въ Тюрингенѣ запираются луга, въ силу сѣннаго права (Heurecht), которое

поговорка *вытти на Юрьеву росу* значитъ выздоровѣть больному человѣку: тогда пастухи получаютъ по десятку яицъ, по кувшину молока и готовятъ себѣ въ полѣ яичню. По выгонѣ скота на Юрьеву росу, хозяинъ уже не заботится объ немъ, будучи увѣренъ въ безопасности своей скотины, порученной покровительству С. Георгія. По тамошней поговоркѣ, Св. *Юрій коровъ запасаетъ, а Никола коней.* Если же тогда случится въ приходской церкви праздникъ сему святому: то отправляется *кермашъ*, у Поляк. Kiermacz, или Iarmark, приходское торжество, соединенное съ угощеніемъ сосѣдей.

Въ Малороссіи, 23 Апрѣля бываетъ крестный ходъ *на жито*, по замѣчанію Г. Лашкевича изъ Стардуба: отпѣвъ молебенъ съ водосвятіемъ, священники окропляютъ

и произвело пословицу: Die Wiese gehet in das Heu zu St. Georgentag, т. е. лугъ идетъ въ сѣно, на лугахъ начинаютъ косить, съ Георгіева дни. Другая пословица также гласитъ:

Auf Sanct Gürgen
Soll man die Kuh von der Weide schürgen,

т. е. На св. Юрія надобно корову шуркать (гнать) съ пажити. См. Die Sprichwörter u. sprichwörtlichen Redensarten der Deutschen, von Dr. W. Körte. 4 Lief. Leipz. 1837, in 8.

нивы св. водою. Послѣ етого, молодежь обоего пола забавляется невинными играми, катается по житу, чтобы *быть сильными* и *здоровыми*, *какъ Юрьева роса*. До крестнаго хода поселяне не выгоняютъ скотины въ поле; а женщины знахарки, на зарѣ етого дня, выходятъ на поле и тамъ разстилаютъ холстъ, который онѣ напитываютъ росою: етимъ онѣ хваляться, по произволу, причинить вредъ рогатому скоту, особливо коровамъ, отнимая у нихъ молоко. Въ Курскѣ, въ Юрьевъ день, близъ Егорьевской церкви на Херсонской улицѣ бываетъ ярмарка, на коей продаются деревянныя и глиняныя коровки и другія животныя.

На Сѣверѣ Россіи, въ етотъ день бываетъ первый всенародный праздникъ съ открытія весны; между просполюдинами онъ тоже, что въ городахъ первое Мая. Въ Шенкурской и Вельской округахъ, по Вагѣ, въ Юрьевъ день отправляется молебствіе всѣмъ міромъ, которое заключается пиршествомъ по домамъ. Молодцы, дѣвицы и молодки собравшись тамъ на широкіе луга, составляютъ два отдѣленія; молодцы присоединяются къ дѣвицамъ и взявшись за руки, бѣгаютъ по прямому направленію, вплоть до вечера. Послѣ етого праздника, крестьяне принимаются сѣять ячмень, овесъ и т. д. Около Солигалича и Буя, въ Юрьевъ день, ночью

крестьяне ходятъ и поютъ пѣсни съ припѣвами о сохраненіи стадъ своихъ. Въ Смоленскѣ жители выходятъ за городъ прохлажатся *на́ горы*, а пастухи выгоняютъ скотъ на Юрьеву росу и траву. Въ Тульской Губ. служатъ также молебны на колодцахъ; послѣ чего, окропивъ скотъ св. водою, выгоняютъ его въ поле вербою, освященною въ Вербное Воскресенье. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ ходятъ вокругъ села́ и по́ля съ св. образами; въ Муромскомъ уѣздѣ, по свидѣтельству Ходаковскаго, сами поселяне нашивали св. образа и свѣчи вокругъ пашни своей, съ пѣніемъ слѣд:

„Воскликнемъ-те, братцы,
Святую куралесу (10):
Дажъ, Боже, намъ
Ячмень усатый,
Пшеничку колосисту, и т. д.

С. Линде въ своемъ Словарѣ Славянскихъ нарѣчій замѣчаетъ, что „въ Россіи два Егорья: „одинъ весенній, другой осенній; одинъ го„лодный, другой холодный.“ — Какъ въ разныхъ климатахъ Россіи, въ Юрьевъ день случается разная погода, и природа представляется въ разныхъ видахъ: то въ одномъ мѣстѣ онъ является *со́ тепломъ*, въ другомъ

(10) Вѣроятно, искаженное: *Κύριε ἐλέησον*.

съ *двѣнадцатью морозами*, въ одномъ *съ водой*, въ другомъ *съ кормомъ*. Въ Московской, Костромской и иныхъ Губерніяхъ подъ одинакою съ ними широтою, пословица гласитъ: *Егорій съ тепломъ, а Никола съ кормомъ;* онъ приходитъ *съ двѣнадцатью морозами и* потомъ *съ тепломъ*. Двинскіе и Важскіе жители говорятъ: *Егорій съ водой, а Никола съ травой;* потому что съ перваго дни послѣднихъ числъ Апрѣля, Сѣверная Двина и Вага часто вскрываются, а съ появленіемъ Мая появляется зелень на берегахъ, освобожденныхъ отъ льдистой коры своей. Въ Тульской и Орловской Г. говорятъ поселяне: *Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ*, а въ Рязанской и Тамбовской: *Егорій съ кормомъ, а Никола съ мостомъ*. Съ етимъ днемъ у крестьянъ соединены разныя примѣты, относящіяся къ ихъ быту; тогда бываютъ у нихъ сроки и торги, выгоны и первое сѣяніе яроваго и огородныхъ растеній. Начиная съ Юрьева праздника свои труды и сдѣлки, они святятъ имя С. Георгія великимъ благоговѣніемъ и призываютъ его на помощь въ работахъ и напастяхъ своихъ.

При началѣ Хрістіанства въ Россіи нѣкоторые великіе и удѣльные Князья носили уже имя С. Георгія, въ честь котораго и

сооруженъ храмъ въ Кіевѣ предъ вратами С. Софіи, 1037 г., и установленъ праздникъ освященія онаго по примѣру Греческой Церкви. На Югѣ Ярославомъ-Юріемъ, основателемъ Юрьева Ливонскаго, а на Сѣверо-Востокѣ Россіи поселено особенное благоговѣніе къ сему святому В. К. Юріемъ Долгорукимъ, основателемъ Юрьева Польскаго; послѣдній съ распространеніемъ своихъ владѣній на Сѣверѣ распространилъ и вѣру Евангельскую подъ знаменами своего патрона, между полуязыческими племенами, и соорудилъ въ честь его церкви (11): что̀, можетъ быть, и дало поводъ внести С. Георгія и въ гербъ Россійскій, какъ утвердителя и защитника православія, поборника Хрістолюбивому воинству и *плѣнныхъ свободителя*. Въ старинномъ народномъ сказаніи *Егорій храброй* (12) представляется сыномъ премудрой Софіи и братомъ трехъ ея дщерей, противникомъ Бусурманства и поборникомъ вѣры истинной на свѣтлой Руси. Принявъ благословеніе отъ Св. Софіи, онъ говоритъ:

„Поѣду я по всей землѣ свѣтлоруской
Утверждать вѣры Хрістіанскія.“
Тутъ же Егорій поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи,

(11) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.
(12) по списку П. В. Киреевскаго.

Наѣзжалъ Егорій храбрый
На лѣса̀ на дремучіе:
Нельзя Егорію было проѣхать,
И Святому подумати;
И Святой Егорій проглаголуетъ:
Ой вы, лѣса шёмные!
Вы лѣса дремучіе!
Зараститеся вы, лѣса,
По всей землѣ свѣтлоруской,
По крутымъ горамъ, по высокимъ,
По Божьему все повелѣнью,
По Егорьеву все моленію!

Св. Георгій назначаетъ мѣсто въ Руской землѣ, по Божьему велѣнью, лѣсамъ, горамъ, рѣкамъ, звѣрямъ,

Они (звѣри) пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, благословенное
Отъ Георгія храбраго,
Наѣзжалъ Егорій на стадо на зміиное;
Вынималъ Егорій саблю острую,
Стадо острое, зміиное.
Посѣкъ, порубилъ стадо острое.

Въ заключеніе Побѣдоносецъ крестилъ трехъ сестръ изъ Бусурманской вѣры въ истинную Хрістіанскую. Ета легенда, по замѣчанію Профессора Шевырева, вѣроятно относится къ епохѣ освобожденія Россіи отъ Татарщины — *стада зміинаго.*

О Св. Георгіѣ у крестьянъ существуетъ повѣрье, что онъ ѣздитъ на бѣломъ конѣ, который въ средніе вѣки былъ символомъ феодальнаго Государя (13); хранитъ скотъ и только за нечестіе пастуховъ предаетъ его на расхищеніе волкамъ; отпого вѣроятно и поговорка: *Что у волка вѣ зубахѣ, то Егорій далѣ.*

Еще въ XVI вѣкѣ существовало на Руси повѣрье, что въ Лукоморьѣ есть люди, которые умираютъ въ Юрьевъ день осенній (26 Ноября), а въ весенній оживаютъ, снося предъ смертію своей товары въ одно мѣсто, гдѣ сосѣди ихъ, въ теченіи зимы, могутъ брать оные за извѣстную плату. Зимнеспячки воскресая весною, разсчитываются съ ними (14). Подобное сказаніе о полунощныхъ народахъ, спавшихъ по шести мѣсяцевъ въ году, извѣстно было и Геродоту, который не вѣрилъ етому, хотя основаніе такому мнѣнію находилось въ мѣстности, климатѣ и образѣ жизни.

Какъ весенній, такъ и осенній Юрьевъ день, на Руси въ старину былъ замѣчате-

---

(13) У Поляковъ есть и пословица: Nabożny iak S-Jerzego koń, „набоженъ какъ конь С. Георгія“ говорится о пустосвятѣ.

(14) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I стр. 8 и VII стр. 233.

ленъ срокомъ перехода поселянъ отъ одного помѣщика къ другому и поселенія ихъ, по условію, на помѣщичьей землѣ; онъ важенъ началомъ и окончаніемъ полевыхъ работъ; самый оброкъ, вносимый крестьянами помѣщику, называется *Юрьевымъ* (15).

Въ память побѣды Рускихъ надъ Чудью и Вопяками, жители Хлынова весною и осенью въ Юрьевъ день нашивали изъ села Волкова въ Вятку съ образомъ С. Георгія желѣзныя стрѣлы, бывшія оружіемъ Чудскимъ (16).

Сколь много воспоминаній и предметовъ жизни народной соединялось въ лицѣ С. Георгія! Его день на Руси важенъ не только какъ праздникъ церковный, но какъ и народный, въ историческомъ, хозяйственномъ и политическомъ отношеніи. —

(15) см. Рускіе въ своихъ пословицахъ, И. С. ч. I—4.
(16) *Карамз.* И. Г. Р. ч. III. прим. 33.

VII.

ПЕРВОЕ МАЯ.

Первомайскій праздникъ у городскихъ жителей есть первое весеннее гулянье за городомъ въ рощѣ, гдѣ болѣе катаются въ екипажахъ, чѣмъ гуляютъ пѣшіе. Перваго Мая бывали и школьныя празднества въ западной, южной и отчасти въ сѣверо-восточной Россіи.

Это гулянье, неизвѣстное въ сельскомъ быту на Руси, есть иностранное и новое; возводя насъ къ западнымъ обычаямъ, оно переноситъ въ древній Римскій міръ, гдѣ надобно искать и самаго значенія слова *Май.*

Нашъ Май есть Римскій Majus, сначала третій, а потомъ пятый мѣсяцъ года, посвященный у Латинянъ разнымъ богослужебнымъ обрядамъ и празднествамъ, какъ-то: въ честь Доброй Богини (Bona Dea), или *Maiu*, вѣроятно давшей названіе и мѣсяцу, который другіе производятъ отъ majores (предковъ), въ память усопшихъ (Lemuria или Remulia), также въ честь Меркурія, проводника душъ усопшихъ, сына *Maiu*, дочери Атлантовой и т. д. (1). Изъ числа мѣстныхъ божествъ

(1) Neues Real-Schulexicon, von C. Funke. 4 T. Braunschw. 1801, in 8.

Лацiйскихъ извѣстенъ *Maiй* (Majus) въ Тускулѣ, а *Maib* (Maia, или Majesta), по свидѣтельству Макробiя, посвященъ былъ мѣсяцъ Май. Всѣ сiи божества и миѳы одноименные, взятые вмѣстѣ, могли сообщить свое названiе мѣсяцу Маю, который и самые Римскiе писатели производятъ но отъ одного, но отъ другаго. Въ вѣчномъ градѣ было также Майское празднество Majuma въ воспоминанiе *Maiи*, выводимой изъ Востока и значущей въ Индiйской Миѳологiи *мать природы;* оно, какъ полагаютъ нѣкоторые Археологи, начиналось въ концѣ Апрѣля и оканчивалось въ началѣ Мая (2), составляя одно съ Iudi florales. Въ етотъ праздникъ Римляне обливали другъ друга и купались въ Тибрѣ, въ который Весталки бросали тростниковыя чучелы въ честь Сатурна. У Франковъ былъ подобный первому обрядъ, сопровождавшiйся наказанiемъ мужей, давшихъ волю своимъ женамъ (3). Первое Мая съ утра Римляне обоего пола выходили въ поле съ музыкою сбирать зеленыя вѣтви, коими украшали двери своихъ родственниковъ и друзей.

Дни поминовенiй у Римлянъ осенью и особливо весною почитались неблагопрiят-

(2) Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. t. IV. Halae. 1786, in 8.

(3) Вѣстникъ Европы 1811, No 20.

ными для свадебъ; посему и Май, признаваемый бѣдственнымъ для супружествъ, далъ поводъ къ пословицѣ: Mense Majo malae nubunt, т. е. въ мѣсяцѣ Маѣ выходятъ за мужъ злонравныя, распутныя. Сiе повѣрье, противное истинной вѣрѣ и разсудку, передалъ намъ Овидiй in Fastis, кн. V, въ слѣдующихъ стихахъ:

Nec viduae taedis eadem, nec virginis apta
Tempora; quae nupsit, non diuturna fuit.
Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt,
Mense malas Majo nubere vulgus ait.

„т. е. Время сiе не благопрiятно ни вдо„вамъ, ни дѣвицамъ, вступающимъ въ бракъ; не „долговѣчна бывала та, которая выходила „за мужъ. По етой причинѣ, если вѣрить „пословицѣ народной: въ мѣсяцѣ Маѣ выходятъ „за мужъ женщины злонравныя, дурныя.“ Плутархъ говоритъ также, что „Римляне не женятся въ Маѣ, но ожидаютъ Iюня“: *οὐ γαμοῦσιν οὖν ἐν τῷ Μαΐῳ, περιμένοντες τὸν Ἰούνιον* (4). Также у Русскихъ извѣстна поговорка: *Кто вѣ Маѣ женится, тотѣ будетѣ вѣкѣ маяться.* Примѣта о *маяніи* супруговъ, сочетавшихся въ Маѣ, какъ замѣчаетъ одинъ Археофилъ (5), ежели встрѣчаетс я и въ крестьянствѣ: то вѣроятно, отъ того,

(4) *Plutarchi* R. Q. 86.

(5) Московск. Вѣстникъ, 1828, No 4.

что послѣ Мая начинаются для бабъ, подлинныхъ помощницъ для мужей, самыя трудныя работы, при недостаткѣ продовольствія: возка и разбивка назема, сѣнокосъ и жнитво. Французы говорятъ также пословицей: Noces de Mai, noces mortelles, т. е. Майскія свадьбы, смертельныя свадьбы.

У Грековъ *Первое Мая* (*Πρωτομαΐα*) есть веселый праздникъ, похожій на Рускій Семикъ. Тогда у нихъ двери домовъ украшаются цвѣтами и древесными вѣтвями, и вся Греція встрѣчаетъ начало лѣта въ рощахъ и садахъ народными увеселеніями. Но самое названіе мѣсяца и празднество заимствованы ими отъ Римлянъ. Въ Ѳессаліи, по свидѣтельству тамошняго уроженца ученаго Байло, двое юношей въ вѣнкахъ ходятъ по домамъ въ первый день Мая.

У Шведовъ, Датчанъ, Нѣмцевъ и Англичанъ издревле Первое Мая (Meye-tag) было радостнѣйшимъ праздникомъ, вѣроятно, осталкомъ Одинова богоученія. Майскія веселья сопровождались хороводами вокругъ *Майскаго дерева*, которое у Римлянъ называлось Maius, arbor majalis, у Датчанъ Maisträe, у Англичанъ Maypole, у Французовъ le mai, у Нѣмцевъ Maibaum (6). Доселѣ молодыми березками (die Maie) украшаются въ Германіи дома, комнаты и церкви, особливо

(6) Edda Saemundina, t. III.

въ Троицынъ день. Первое Мая поселяне одного или многихъ селеній, собравшись вмѣстѣ, ѣздятъ вагагами на лошадяхъ съ зелеными вѣтвями въ рукахъ или на шляпахъ; что̀ называется въ Даніи и Германіи: *привозить лѣто на конях̀ во̀ село*. Тогда же пѣвались веселыя пѣсни. Братчины, дѣлавшія на свой щетъ пиршество, назывались Majigilder. Отъ Майскихъ народныхъ игръ произошли у Франковъ и Англичанъ *собранія Майскаго поля* (Mai campus), какія ежегодно назначали въ Маѣ первые Короли Франкскіе. По окончаніи дѣлъ, давались пиршества и зрѣлища съ разными потѣхами. Во многихъ мѣстахъ Франціи еще сохраняется обычай ставить передъ домомъ городскаго Мера Майское дерево. При Людовикѣ святомъ дьяки (клеры) судилища Basoche пользовались правомъ срубать дерево въ Винценскомъ лѣсу и ставить его предъ дворцемъ. Наконецъ, въ Испаніи наряжаютъ прекрасную поселянку въ бѣлое платье и увѣнчавъ ее цвѣтами, сажаютъ на тронъ, а юныя подруги, окружающія ее, дѣлаютъ сборъ для *Маіи*, какъ бы въ воспоминаніе ея плеяды (6). Тамъ Апрѣль и Май почитаются ключами къ цѣлому году. Въ Англіи и Скандинавіи

(6) Dictionnaire de la conversation et de la lecture. t. XXXV. Paris. 1837, in 8.

избирались Майскіе цари и царицы, которые въ вѣнкахъ изъ Майскихъ цвѣтовъ, въ сопровожденіи юношества обоего пола, обводимы были вокругъ высокаго шеста, называемаго Majstöng. Шведскій Король Густавъ I, въ 1596 году, сдѣлалъ Іоанна Магнуса, Упсальскаго Архіепископа Майскимъ Королемъ (Maigreffwe), котораго водили въ цвѣточномъ вѣнкѣ по улицамъ на Ериховой ярмаркѣ, 18 Мая. Епископъ Maigreffwe давалъ пиршество Королю, придворнымъ и народу (7).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи Ивановъ огонь (Johannisfeuern) зажигаютъ 1 Мая, добывая его треніемъ дерева объ дерево (8). Какъ въ Кіевѣ, въ Ивановскую ночь, на Лысую гору, такъ въ Германіи на Броккенъ, или Блоксбергъ, въ Вальпургову ночь, наканунѣ перваго Мая, отовсюду сбираются вѣдьмы, колдуньи, враждебные духи и всѣ, которые находятся въ связи съ дьяволомъ: они превращаются въ разныя животныя, ѣздятъ на лопатахъ и помелахъ. Тамъ онѣ пляшутъ вокругъ чертова требища и совершаютъ неистовое торжество. Въ Вальпургову ночь, извѣстную въ Германіи и Швеціи, у Нѣмцевъ по мѣстамъ ведется обычай бѣгать съ

(7) *Ihre* Glossarium Sviogothicum. Upsalae. 1769, 2 v. in f.

(8) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde, von Dr. G. *Klemm*. Dresden. 1836, in 8.

горящими пуками соломы, привязанными къ длиннымъ шестамъ, и стрѣлять въ сосѣднія горы. Какъ Маемъ нѣкогда Европейскіе народы начинали новый годъ: то и ета таинственная ночь и относящіяся къ ней суевѣрія остаются еще въ обычаяхъ при перемѣнѣ времени года; притомъ первое Мая составляетъ для жителей Германіи важную епоху, съ которой начинаются экономическій годъ и полевыя работы, заключаются контракты по откупамъ: то древніе Нѣмцы, по суевѣрію своему, почитая всякую неудачу въ хозяйствѣ дѣломъ дьявола или вѣдьмъ, его помощницъ, могли представлять себѣ, что особенно наканунѣ Мая, ночью они строятъ имъ козни. Такимъ образомъ введенъ обычай разгонять въ ету ночь бѣсовъ и вѣдьмъ (9). Самое положеніе и свойство Броккена, составляющаго часть Гарца въ Вернигеродскомъ графствѣ, даютъ поводъ заключать, что тамъ въ Язычествѣ было капище, а въ пляскахъ вѣдьмъ предполагаются слѣды ночнаго сходбища и богослужебнаго обряда, совершавшагося жрицами и вѣдьмами. Майскій *праздникъ источниковъ* славился въ Богеміи (10).

У Нѣмцевъ Май въ древности назывался Mojemonat, т. е. Wonnemonat, радостный, Wiesemonat,

(9) Энциклопедическій Лексиконъ, т. III.

(10) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

луговой, Rosenmonat розовой; Tri-milchi, у древнихъ Саксоновъ и Англичанъ трое-млечный, потому что въ Маѣ прижды въ день доятъ коровъ. У Славянскихъ племенъ етотъ мѣсяцъ извѣстенъ то подъ именемъ *Травеня*, то *Цвѣтеня*, то подъ Римскимъ именемъ *Мая*. У Поляковъ только Мартъ (Marzec) и *Май* (May) сходны названіемъ съ Римскими мѣсяцами; у нихъ May значитъ также зелень, вѣнки съ зелеными листьями, особенно березы, a umaić głowę увѣнчать голову вѣнкомъ. Maj, Majówki — Майскія гулянья, праздникъ весны въ первомъ ея цвѣтѣ. У древнихъ жителей, говоритъ Л. Голембовскій, была богиня Мая, коей они воздавали почтеніе въ первый день етого мѣсяца; ее донынѣ призываютъ Греки въ пѣсняхъ и пляскахъ, коими обыкновенно встрѣчаютъ Славяне весну на муравѣ (11). При послѣднемъ изъ Королей Ягеллонскаго племени Сигисмундѣ Августѣ, еще въ нѣкоторыхъ округахъ сходились наряженныя молодицы на лугъ и, схватившись руками, составляли хороводъ (коло) и съ упоительными плясками возглашали похвалы веснѣ. Въ Пинщинѣ и другихъ краяхъ Литвы, первое Мая, народъ, собравшись на лугъ для веселья,

(11) Gry i zabawy różnych stanów etc. opis. p. *L. Gołębiowskiego*. w Warschawie. 1831, in 8.

ставилъ тамъ зеленое дерево, украшенное разноцвѣтными лентами. Туда сходились дѣвки, молодки и парни подъ предводительствомъ избранной ими прекрасной и ловкой дѣвицы, которая представляла изъ себя богиню Маю; свѣжій зеленый вѣнокъ украшалъ чело ея, а березовыя вѣтки обвивали весь ея станъ. Повторяя въ пѣсняхъ своихъ: o Maja! Maja! онѣ плясали около дерева.

Май былъ не только сельскимъ, но и издавна школьнымъ празднествомъ въ Польшѣ и Литвѣ. Въ тамошнихъ училищахъ оно извѣстно подъ именемъ Majówki, или rekreacje majowe. На самомъ разсвѣтѣ перваго или послѣдующихъ дней Мая, колокольчикъ и музыка сзывали учащихъ и учащихся на дѣдинецъ (дворъ), оттуда ряды ихъ, подъ своими знаменами, шли за городъ, гдѣ ихъ угощали тамошніе помѣщики и гдѣ они забавлялись разными играми, особенно гимнастическими, и поздно уже вечеромъ возвращались домой съ веселыми пѣснями и музыкой.

Етотъ обычай, существовавшій издревле во всѣхъ Европейскихъ училищахъ, изъ Польши перешелъ и въ южную и даже въ великую Россію, вмѣстѣ съ школьными системами.

Въ прежней Кіевской Академіи, въ три Майскія рекреаціи, всѣ ученики и учители и сторонніе любители наукъ выходили для

забавъ на гору Скавыку между овраговъ, при урочищѣ Глубочица (12). Тамъ всѣ забавлялись разными играми, а студенты пѣли кантаты. Учитель поезіи обязанъ былъ ежегодно сочинять комедіи или трагедіи для такихъ прогулокъ, а прочіе учители писали діалоги.

Въ прежде бывшемъ Харьковскомъ Коллегіумѣ и въ другихъ училищахъ духовныхъ праздновались Майскія рекреаціи 1, 15 и 30 чиселъ мѣсяца, а Богословскія 8 го.

Въ Великой Россіи, какъ мы уже замѣтили, у поселянъ Юрьевъ день, первый весенній праздникъ, то же что первомайское гулянье у горожанъ. Въ Москвѣ оно бываетъ обыкновенно въ Сокольнической рощѣ, которая составляетъ часть Лосиннаго погоннаго острова, гдѣ издревле Рускіе Государи любили потѣшаться звѣриною и соколиною охотой. Въ просторѣчіи ето гулянье слыветъ *Нѣмецкими станами* и *Нѣмецкими столами*. Преданіе гласитъ, что здѣсь было первое становище Нѣмцевъ, вызванныхъ и добровольно пріѣхавшихъ въ Россію и поселившихся въ Нѣмецкой слободѣ, извѣстной подъ Финскимъ названіемъ *Кукуй*, или *Кокуй* (13). На новосельи они сбирались вспоминать

(12) Описаніе Кіево-Софійскаго Собора и Кіевской Іерархіи. Кіевъ, 1825, въ 4.

(13) костеръ. см. *Купало. Карамз.* И. Г. Р. ч. XI.

отечественный свой праздникъ *Первое Мая;* любопытство привлекало туда и Рускихъ, у которыхъ въ послѣдствіи обрусѣлъ етотъ чужестранный праздникъ; но названіе *Нѣмецкихъ становъ* удержалось.

Когда въ Москву приведены были плѣнные Шведы: Петръ I поселивъ ихъ близъ Сокольничьей рощи, роздалъ знающимъ разныя мастерства въ науку Рускихъ мальчиковъ, которые помѣщены были въ Мапроской фабрикѣ въ Преображенскомъ селѣ. Етотъ Государь-хозяинъ, имѣвшій дворецъ въ Сокольничьей рощѣ, гдѣ теперь Чорикова дача и старыя липы въ саду, угощалъ Шведскихъ и Нѣмецкихъ мастеровъ, по обычаю ихъ страны, въ первое число Мая: ето угощеніе прослыло *Нѣмецкими столами*. Кто изъ Московскихъ жителей не помнитъ тѣхъ *Рускихъ столовъ*, какіе давалъ сряду три дни послѣ своей коронаціи Императоръ Александръ I своему народу на Сокольничьемъ полѣ!

Такъ изъ частнаго Нѣмецкаго гулянья составилось общее Московское! Какъ Петръ I завелъ въ Россіи народныя гульбища: то и учрежденіе первомайскаго гулянья въ Сокольникахъ приписывается ему, тѣмъ болѣе, что онъ обратилъ мѣсто соколиной потѣхи въ позорище примѣрныхъ сраженій, осадъ крѣпостей и, вѣроятно, самъ участво-

валъ съ Нѣмцами въ ихъ народномъ первомайскомъ праздникѣ, который они отправляли на чужбинѣ, подъ гостепріимною сѣнью Сокольнической рощи. Теперь, въ этотъ праздничный день, роща, вмѣщающая въ себѣ прелестный лѣтній городокъ, оглашается оркестрами музыки и хорами пѣсельниковъ и цыганокъ; по дорогамъ тянутся блестящіе ряды екипажей, пестрѣютъ группы пѣшеходцевъ обоего пола и разнаго званія, а въ сторонѣ, подъ привѣтною сѣнью сосенъ сидятъ сѣмейныя круговеньки за самоваромъ; по мѣстамъ приманиваютъ къ себѣ палатки и шатры съ прохладительнымъ и горячительнымъ, а разныя потѣхи балагановъ забавляютъ толпы гуляющихъ.

Въ такихъ видахъ представляется у насъ первомайскій праздникъ, переданный намъ, какъ *школьный*, отъ Поляковъ, какъ *народный городскій*, отъ Нѣмцевъ! Отъ этого первый болѣе извѣстенъ въ бѣлой и малой Россіи, а другой въ великой. Оба сдѣлались достояніемъ городовъ; ибо у поселянъ первое Мая, съ *Еремея запрягальника*, выходятъ на *Майскую росу* пахать поле и, по Майской погодѣ примѣчаютъ, каковъ будетъ урожай хлѣба и сѣна, чтобы зимою имъ *не маяться*.

VIII.

ПРАЗДНИКЪ КУКУШЕКЪ.

Птицегаданіе, или птицеволхвованіе, столь важное въ вѣрованіи Етрусковъ, Римлянъ и восточныхъ племенъ, извѣстно и Славяно-Рускимъ, какъ видно изъ старинныхъ народныхъ повѣрьевъ и обрядовъ, доселѣ сущеспвующихъ (1). Къ птицамъ пѣвчимъ, вѣщимъ (oscines), предвѣщающимъ добро и зло своимъ голосомъ, принадлежитъ *кукушка*, коей звукоподражательное названіе во всѣхъ почти языкахъ сходно: у Индусовъ она kokila, у Турокъ koukou kouchi, у Еллиновъ *κόκκυξ*, у новыхъ Грековъ *κοῦκος*, у Римлянъ cuculus (canorus), у Французовъ coucou, у Нѣмцевъ Kuckuck или Maivogel, у Агличанъ cuckoow, и т. д. Но въ Малороссійскомъ нарѣчіи, такъ равно и въ Чешскомъ (Zezhule), она извѣстна подъ именемъ *зозули*; а въ Литовскомъ Gieguzie, Kukułka значитъ Май.

Въ Литовской Миѳологіи, столь обильной превращеніями, кукушка занимаетъ главное мѣсто (2). Въ ней находится сказаніе о дочери богатаго дворянина, сестрѣ трехъ

---

(1) см. Святки. вып. II.

(2) Сынъ Отечества. 1836, No 16.

братьевъ, которые пали подъ предводительствомъ храбраго Кейстута на войнѣ съ монахами-рыцарями. Нѣжная сестра ушла горевать и плакать въ лѣсъ, и тамъ превращена въ кукушку верховнымъ божествомъ, надъ нею умилосердившимся. Въ память плача ея, вѣроятно, названа въ Россіи трава *кукушкины слёзы* (orchis latifolia), а вдова и сирота — *горькою кукушкою*. И въ Рускихъ народныхъ сказкахъ, по свидѣтельству Г-на Глаголева, упоминается о превращеніи волшебницею одной несчастной дѣвушки въ *рябую кукушку* (3). Въ Самогиціи и Литвѣ простолюдины весьма уважая кукушку, приписываютъ ей даръ предвѣщія. Если она закукуетъ надъ чьимъ либо домомъ: то сіе почитается за предвѣщаніе смерти хозяину. Кто-жь услышитъ въ первый разъ ея кукованье въ лѣсу, имѣя при себѣ деньги, тому вѣрная примѣта, что онѣ круглый годъ не будутъ у него переводиться. Ея голосъ служитъ оракуломъ для того, кто ее спрашиваетъ о чемъ либо (4). Народныя преданія сохранили намъ пѣсенку, которую и донынѣ поютъ дѣвушки въ Са-

(3) Труды Общества любителей Росс. Словесности при Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821, въ 8.

(4) Абевега Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786, въ 8.

могиціи, когда желаютъ что либо узнать опъ кукушки:

Tu seserity brangioy,
Tu giegùzajty rajboy,
Brolum arklus ganidama,
Szyłkum siufus wajstidama,
Sasik kad'asż wiva gansu?

т. е. Ты, сестрица дорогая,
Пестрая кукушка;
Кормя коней брашнихъ,
Мотая нити шелковыя,
Скажи мнѣ, скоро ли мужа достану?

Сколько разъ, послѣ етого вопроса, прокукуетъ кукушка, чрезъ столько лѣтъ должно и совершиться желаніе (5).

Въ Великой Россіи, когда поселяне идутъ лѣсомъ и услышатъ кукованье вѣщей птицы; то спрашиваютъ: „Кукушка, „кукушка! скажи, сколько мнѣ жить го„довъ?“ Сколько разъ прокричитъ ета птица, столько и считаютъ лѣтъ до своей кончины.

Въ Литвѣ и понынѣ отправляютъ праздникъ въ честь кукушки. На третій день Свѣтлаго Воскресенья собирается молодежь изо всей деревни въ одинъ домъ и

(5) Сынъ Отечества 1836 г. No 16.

поютъ разныя пѣсни, послѣ чего наступаетъ танецъ Giaguzy. Царицею сего танца выбирается дѣвица отличной красоты (Giegiely); потомъ становятся въ кружекъ, среди коего сидитъ она на стулѣ съ завязанными глазами; всѣ пляшутъ вокругъ нея. Послѣ всякаго круга, мужчины подходятъ къ сидящей, и взявъ ее за руку, поютъ:

Karaliny giegiely kuku, kuku!
Asz tawa brolabys kuku, kuku!

т. е. Царица кукушка, куку, куку!
Я твой братецъ, куку, куку!

Сидящая угадываетъ по голосу тѣхъ, кто болѣе нравится ей, выбираетъ себѣ трехъ молодыхъ парней, и развязавъ себѣ глаза, съ ними пляшетъ. При разставаніи даритъ имъ пестрые кушаки своей работы, а парни съ своей стороны также дѣлаютъ ей подарки. Съ той поры дѣвушка называетъ сихъ парней братьями, а они ее сестрой. Игра сія, повидимому, проистекаетъ изъ народнаго миѳа, нами выше приведеннаго. Въ Норвегіи народъ празднуетъ *кукушкинъ день* (Gaukšmeſſ, cuculi feria).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великой Россіи отправляется поселянками, по древнему завѣтному обычаю, *крещеніе кукушекъ* то въ третье, то въ пятое, шестое, иногда седьмое Воскресенье по Пасхѣ, болѣе въ день Женъ мироносицъ, когда въ Новгородѣ доселѣ ежегодно ставятъ горшечки съ пескомъ подъ кирпичный несмазанный полъ въ древней церкви Женъ Мироносицъ на Ярославовомъ дворѣ. Поселянки въ Тульской, Орловской и Калужской Губерніяхъ тогда же идутъ въ лѣсъ, уже одѣвшійся листьями, и тамъ нагнувъ двѣ молодыя березки, связываютъ ихъ вмѣстѣ вѣтвями, платками и полотенцами, такъ, чтобы онѣ составили вѣнокъ, и къ сему вѣнку привѣшиваютъ два креста. Двѣ подруги, желающія покумиться, ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и по три раза крестообразно цѣлуются сквозь вѣнокъ (4). Между тѣмъ прочія женщины поютъ:

Ты, кукушка, ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобъ намъ съ тобою не браниться!

Послѣ сего подруги мѣняются крестами и съ того времени, называясь *кумами*, живутъ въ мирѣ и согласіи. Къ кумовству не допускаются мущины; однѣ женщины го-

(4) Путешествіе отъ Трieста до С. Петербурга въ 1810 г. *В. Броневскаго*. ч. 1 и 2. М. 1828, въ 8.

товятъ себѣ яишницу и послѣ дружескаго пиршества пляшутъ тамъ подъ обыкновенныя плясовыя пѣсни. Въ Орловской Губерніи етотъ праздникъ отправляется съ нѣкоторыми особенностями, напр: кумы, надѣвъ крестикъ на птичку кукушку, или на одноименную съ нею правку, кладутъ ихъ на разостланный платокъ, садятся вокругъ его, мѣняются крестами и цѣлуются съ прочими подругами, потомъ ѣдятъ яишницу. Кумовство также между женщинами походитъ на *братанье*, или *побратимство* между мущинами, а простонародный праздникъ крещенія кукушекъ вѣроятно возникъ при переходѣ отъ Язычества къ Христіанству. Такъ какъ онъ бываетъ незадолго до Русальской недѣли, а Русалки, по мнѣнію народному, тоскующія души младенцевъ, родившихся мертвыми или некрещенныхъ: то Г. Глаголевъ и полагаетъ, что крещеніе кукушекъ справедливѣе надлежало бы назвать крещеніемъ Русалокъ (5).

---

(5) У Нѣмцевъ есть примѣта въ слѣд. пословицѣ: Wenn der Gukuk noch lange nach Johannis ſchreit, wird's unfruchtbar und theuer, т. е. Если кукушка долго еще кричитъ послѣ Иванова дня (Іюня 24), то будетъ голодно и дорого.

IX.

СЕМИКЪ.

Въ сорокодневномъ періодѣ весеннихъ праздниковъ особенно замѣчателенъ *Семикъ*, любимый народный, или лучше сказать, дѣвичій праздникъ, по содержанію своему сходный съ Святками. Онъ приходится въ *седьмый четвергъ* по Пасхѣ, на седмицѣ Св. Отецъ, которая у простолюдиновъ извѣстна подъ именемъ *семицкой;* а въ Малороссіи *клечальной* отъ *клечанья*, разнаго рода древесныхъ вѣтвей, особенно кленовыхъ, какими тамъ украшаются дворы и покои. Отъ седьмой седмицы обыкновенно производятъ названіе Семика, которому соотвѣтствуетъ также и *сѣяніе* и Польское слово *Сеймикъ* (Seimik), сборъ. Въ Бѣлой и Черной Руси, Семикъ, сопровождаемый ярмаркою, по свидѣтельству Мицкевича, слыветъ Siomucha.

Въ Москвѣ и даже въ Сибири Семикъ называется *Тюлпою*, сходною съ древними Славянскими *Паствинами*, о коихъ говорится въ XIII вѣкѣ (1), и *Стадолѣ*, о коемъ упоминаетъ

(1) см. харат. *Кормчая*, хранящаяся въ Патріаршей Москов. Библіотекѣ, подъ No 80, въ листъ. — Въ Свео-Готскомъ tölte знач. плясать.

Длугошъ въ XV вѣкѣ, какъ о языческомъ обрядѣ, совершавшемся ежегодно въ дни Пятидесятницы; потому что на ето празднество сбирались *толпами*, или сутомами (2), а *стадиться*, по изъясненію Академическаго Росс. Словаря, значитъ сбираться въ толпу.

У Валсамона, писателя XII вѣка, етотъ праздникъ послѣ Пасхи именуется *Ρουβάλια*, кои объясняютъ Алфавитъ XVII в. играми скоморошскими, а Баронъ Розенкампфъ и Полевой завиваніемъ вѣнковъ въ Русалье лѣто — пѣмъ болѣе, что дни Пятидесятницы у Чеховъ и Словаковъ называются Rusálda.

Рускіе величаютъ Семикъ *честнымъ*, подобно Масляницѣ, почитая его однимъ изъ трехъ главныхъ праздниковъ лѣтнихъ, какъ подтверждаютъ и слова старинной Костромской пѣсни:

Какъ у насъ въ году три праздника,
Первый праздникъ — Семикъ честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.

Позорищемъ Семика бываютъ рощи и лѣса, берега рѣкъ и озеръ или прудовъ; въ первыхъ завиваютъ вѣнки, а на другіе пускаютъ ихъ для загадыванія. Московскіе жители издавна празднуютъ Семикъ въ *Марьиной* за-

(2) I. *Dlugossii* Historia Polonica. l. VII. ed. G. *Grodecki*. Lipsiae. 1711, f.

городной *рощѣ*, какія есть и во Владимірѣ, Суздалѣ, Муромѣ, Тулѣ, Ельцѣ.

Семикъ, не смотря на мѣстныя особенности, въ сущности своей одинаковъ и съ незапамятныхъ временъ извѣстенъ почти во всей великой Россіи, особливо тамъ, гдѣ находятся рощи, лѣса и воды, и даже въ степяхъ.

Какъ въ Семикъ совершался древній благочестивый обычай погребенія и поминовенія *убогихъ на убогихъ домахъ*, или скудельницахъ, кои, по большей части, находились въ рощахъ: то первый отправлялся болѣе на могилахъ, подобно древней Тризнѣ. Но празднованіе Семика и Христіанскій обычай погребенія на скудельницахъ составляютъ рѣзкую противоположность отъ разности источниковъ, изъ коихъ происшекъ тотъ и другой.

Время, измѣнившее или отмѣнившее завѣтливые обычаи народные, теперь преобразило етотъ многообрядный и многозначительный праздникъ въ простое гулянье столичныхъ и городскихъ жителей; одни еще поселяне и посадскіе удержали нѣкоторые завѣтные обряды древняго быта и повѣрья, какіе встрѣчаемъ въ разныхъ краяхъ Великой и даже Малой Россіи.

Донынѣ въ Семикъ ставятъ по улицамъ, у домовъ и даже въ комнатахъ, березки не только въ селахъ, городахъ, но и въ столицахъ

Россіи, гдѣ только есть березнякъ и липнякъ. Лѣтъ за 40, въ Семикъ вся Москва представляла разгульный праздникъ; почти на каждомъ дворѣ, у хозяина и хозяйки съ семьею, въ видѣ кущи обсыпавливался березками столъ съ яишницей и драченой; вездѣ раздавались семицкія пѣсни, съ какими носили по улицамъ изукрашенную лентами и лоскутками березку толпы народа въ вѣнкахъ изъ ландышей, дойничковъ и незабудокъ, или изъ березовыхъ и липовыхъ вѣшевей. До мора въ Москвѣ 1771 г., послѣ погребенія и поминовенія убогихъ на Спарыхъ Убогихъ Домахъ, или Божедомкѣ, вапаги народа, умывъ рýки себѣ въ Самотекѣ, шли въ Марьину рощу завивать березку и пировать съ пѣснями и весельями, смѣнявшими слезы и рыданія.

При завиваніи вѣнковъ обыкновенно поютъ извѣстную пѣсню: *Ай, во полѣ липенка!* Содержаніе ея слѣдующее: „Красная дѣвица „сидитъ въ бѣломъ шатрѣ подъ зеленою ли„пою, вьетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, украшая „его дорогимъ яхонтомъ, и говоритъ со „вздохомъ: „Кому етотъ вѣнокъ носить? „Уже ли спарому? — Нѣтъ! спарой не будетъ „носить! Старой не опрада, не защита моей „молодости; пусть же носитъ его мой ми„лой другъ“! — Передъ вечеромъ дѣвушки возвращаются домой съ вѣнками, кои и берегутъ до Троицына дня (3).

Семицкая березка въ Тульской и другихъ Губерніяхъ называется *кумою*, а *кумиться* значитъ цѣловаться при развитіи вѣнковъ. Тамъ, предъ завитіемъ въ рощѣ вѣнковъ, поселяне поютъ пѣсню, носящую на себѣ печать смѣшенія Язычества съ Христіанствомъ, вѣроятно, сочиненную при переходѣ отъ перваго къ послѣднему:

Благослови, Троица,
Богородица,
Намъ въ лѣсъ пойти!
Вѣнокъ сплести!
Ай Дидъ, ай Ладо!

Въ другихъ мѣстахъ, около Москвы, мущина, носящій березку, именуется *кумомъ*, а дѣвица *кумою;* тотъ и другая играютъ важную роль на праздникѣ.

Игра *Кума въ Семикъ* повторяется въ селеніяхъ Московской, Владимірской, Рязанской и частію Тульской Губерній, гдѣ въ сію время поселянки, собравшись въ рощи, нагибаютъ молодыя *плакучія* березки, свиваютъ изъ нихъ вѣнки и попарно подходятъ сквозь ихъ цѣловаться, приговаривая:

(3) Труды Общества Любителей Росс. Словесности при Моск. Унив. ч. XIX. М. 1821 г. въ 8.

Покумимся, кума,
Покумимся!
Намъ съ тобою не браниться,
Вѣчно дружиться.

Въ ето самое время даряшъ другъ друга желтыми яицами, коими поминаюшъ также утопленниковъ на Русальной недѣлѣ.

Во Владимірской Г., въ городѣ Покровѣ, дѣвки ходяшъ по утру съ пирогомъ сбирать у сосѣдей деньги, а вечеромъ составляюшъ хороводы, гдѣ поюшъ и пляшушъ, а потомъ ѣдятъ пироги и яишницы. Въ другихъ же мѣстахъ къ Семику дѣвки дѣлаютъ складчину или ссыпчину.

У Волжскихъ жителей Семикъ составляетъ веселое празднество, которое сопровождается мимическими представленіями и обрядными пѣснями. Въ селахъ и деревняхъ Нерехотской округи пекутъ для дѣвицъ козули, родъ круглыхъ лепешекъ съ яицами въ видѣ вѣнка. Съ козулями онѣ идутъ въ лѣсъ, гдѣ съ пѣснями завиваюшъ ленточки, бумажки и нитки на березѣ, на коей завязываютъ еще вѣтви вѣнками. Потомъ сдѣлавъ изъ березовыхъ сучьевъ одинъ вѣнокъ, дѣвки цѣлуются (кумятся) сквозь него, съ слѣд. приговорами: „Здравствуй, кумъ и кума! березку завивши.“ При завиваніи, дѣвки, обвивъ березу поясомъ или лентою, поютъ:

Береза моя, берёзонка,
Береза моя бѣлая,
Береза моя кудреватая!
Стоишь ты, берёзонка,
Осередь долипушки.
На тебѣ, берёзонка,
Листья бумажные,
Подъ тобой, берёзонка,
Трава шелковая.
Близь тебя, берёзонка,
Красны дѣвушки
Въ Семикъ поютъ,
Подъ тобой, берёзонка,
Красны дѣвушки
Вѣнокъ плетутъ.
Что не бѣлая берёзонка
Къ землѣ клонится,
Не шелкова травонька
Подъ ней разстилается,
Не бумажны листочки
Отъ вѣтру раздуваются;
Подъ етой берёзонькой
Съ красной дѣвицей
Молодецъ разговариваетъ.

Послѣ етой пѣсни, поселянки садятся за козули и яишницу подъ березою; за пиршествомъ слѣдуютъ сценическія игры, особенно замѣчательныя на правомъ берегу Волги,

въ селѣ Барщевѣ (4). Въ Кинешмѣ и Галичѣ при кумленіи дѣвицы мѣняются кольцами и серьгами, *играютъ* пѣсни съ мимикою:

А мы просо сѣяли.
У воробушка голова болитъ.
Во полѣ береза стояла.
По горамъ, горамъ.
Заплетися, плетень, заплетися.
Ай! на горѣ макъ, подъ горою такъ.
Ай! во полѣ липинка.
Ахъ! репей ли мой, репей.

Въ Цивильскѣ тогда дѣвки и бабы съ пивомъ ходятъ *подъ березку*, т. е. въ лѣсъ, и къ каждому стиху пѣсенъ припѣваютъ: *Лельо, Лельо.*

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ въ Воронежѣ завивали вѣнки дѣвушки на Троицынъ день, а развивали и пускали на воду въ самый праздникъ Пятидесятницы. Въ Воронежской Губерніи, на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, жители села Горохова спраивали подъ Троицынъ день шалашъ на полянѣ, украшали его вѣнками изъ цвѣтовъ и душистой зелени, внутри ставили на возвышенномъ мѣстѣ болванъ изъ дерева или соломы, одѣтый въ праздничное мужское и женское платье. Около

(4) Изъ записокъ Князя А. Козловскаго и М. Я. Діева.

шалаша сбирались тамошніе жители, принося съ собою отборную пищу и питье; въ хороводѣ пѣли и плясали вокругъ этого шалаша, который представлялъ родъ капища (5).

Черемисы, или Мари, празднуютъ Семикъ по пріятному и теплому времени, въ какое онъ обыкновенно случается; они называютъ его *Семикъ пайра́мъ*, веселый праздникъ, болѣе потому, что въ это время женятъ сыновей, или выдаютъ въ замужство дочерей за хорошій калымъ. Къ этой порѣ сваривъ кашу (пучу́мушъ) изъ разныхъ крупъ, носятъ ее на свою ниву для угощенія земли, чтобы посѣянное взошло въ изобиліи; послѣ чего поминаютъ родственниковъ, *сорта́ ту́ктомо ке́тэ*, переходя отъ одного къ другому, и тѣмъ самымъ оканчиваютъ *Семикъ пайра́мъ.*

Въ Вологдѣ Семикъ, извѣстный болѣе подъ именемъ *Поляны*, отправляется на той самой полянѣ, на коей погребены два чудесные бѣлоризца, подвизавшіеся въ бытность съ Липивою (6). Въ Нерехтѣ также Семикъ празднуется на *Пахоміевской полянѣ*, гдѣ лѣтъ за 70 существовала церковь С. Пахомія съ *Божедомовымъ домомъ.* Какъ въ Москвѣ,

(5) Украинскій Журналъ на 1834 г. No 11. Харьковъ. въ 12.

(6) Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. *Guthrie.* à S. P. 1795, in 8.

такъ и во многихъ другихъ городахъ, етотъ праздникъ народный, соединенный прежде съ торжественнымъ погребеніемъ и поминовеніемъ *убогихъ*, или *убоихъ*, т. е. убитыхъ, или внезапно умершихъ, совершался на мѣстахъ *скудельницъ*, или убогихъ домовъ, кои превращались въ рощи отъ насаженныхъ тамъ деревьевъ, или бывали въ самыхъ рощахъ за городомъ, или въ концѣ селеній. Въ сіи мѣста, охраняемыя Божедомомъ, не только свозились подняпые на улицахъ и дорогахъ мертвые трупы, но и подкидывали младенцевъ, несчастно рожденныхъ, которыхъ воспитывалъ милостынею стражъ убогаго дома.

На етомъ основаніи Семикъ, по видимому, можно почесть остаткомъ Тризны или Стравы, по времени его, мѣсту и обряду погребальному; потому что онъ приходится на недѣлѣ поминовенія усопшихъ предъ вселенскою Троицкою суббопой, совершается на скудельницахъ или убогихъ домахъ и начинается благочестивымъ обычаемъ погребать и поминать несчастно умершихъ.

Но поминовеніе составляетъ особенную стихію, противорѣчащую содержанію и цѣли Семика, въ коемъ *гаданіе* столь важный предметъ, какъ и въ Колядѣ, или Святкахъ. Ношеніе же и завиваніе березки, хороводы, Семицкія игры и призываніе вышеозначенныхъ

миѳическихъ существъ обнаруживаютъ, по замѣчанію Митрополита Філарета, рѣзкую противоположность стихій Христіанскаго и древнеязыческаго міровъ и ведутъ насъ къ заключенію, что первый — „человѣколюбивый обычай введенъ при распространеніи Христіанства въ Россіи для противодѣйствія послѣднимъ — остаткамъ идолослуженія; по етому Церковь и хотѣла противоположить языческому Семику христолюбивое погребаніе странныхъ, чувственному веселію мысль о смерти, набожность и благотвореніе.“ Но люди, воззываемые къ новому духовному, по привычкѣ, упадали въ старое чувственное; отъ сего въ Семицкомъ празднествѣ и произошла такая смѣсь разныхъ стихій и епохъ (7).

Торжественнымъ ношеніемъ деревъ Еллины сопровождали особенныя празднества, какъ то: бывшее въ Сициліи и другихъ городахъ Греціи *Ἀνθεσφόρια*, цвѣтоносіе, въ честь Прозерпины, *Δενδροφορία*, древоношеніе, *Εἰρεσιώνη*, ношеніе масличной вѣтви, или вѣнка изъ колосьевъ въ праздникъ Солнца и Горъ и т. п. (8). Въ Ѳеодосіевомъ уложеніи упоминаются

(7) Труды и Лѣтописи Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. 2.

(8) *Ph. Buttmann* Mythologus. Berl. 1828, 29. 11. — in 8. Religions de l'antiquitè par F. *Creuzer*, refondu, complètè et developpè par. I. D. *Guignaut*. t. II. 1. p. à Paris, 1829. in 8.

δενδροφόροι, которые носили въ рукахъ древесныя вѣтви въ честь одного языческаго божества. Подобное обыкновеніе наблюдалось у Римлянъ при торжествѣ въ честь Маи, матери Меркуріевой. Ихъ Arbor Majalis, или Majus, соотвѣтствуетъ нашей Семиковой березкѣ, а Семикъ празднику Floralia: то и другое на нашемъ Сѣверѣ празднуется не въ одно время по тому, что у насъ позднѣе распускаются деревья и цвѣты — главныя принадлежности этого праздника. У сѣверныхъ народовъ на весеннемъ или лѣтнемъ праздникѣ, въ торжественномъ собраніи народа обыкновенно пѣвали пѣсни вокругъ Майскаго дерева; при чемъ веселые хороводы юношей обоего пола мимически представляли разныя сцены, кои предметомъ своимъ имѣли ладъ между людьми, или союзъ между небомъ и землею. Многоразличные остатки подобныхъ обычаевъ и забавъ еще находятся въ играхъ и шуткахъ у поселянъ не только Сѣверныхъ народовъ, но и въ Германіи и Великобританіи (9).

У Нѣмцевъ, предъ Троицынымъ днемъ отправлялся *праздникъ вѣнковъ* (Kränzefeſt), похожій на Семикъ; на немъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ бывалъ зеленый человѣкъ (der grüne Mann), или Царь садовъ, об-

(9) Edda Saemundina. t. III.

витый зелеными вѣтвями, котораго сопровождала веселая толпа народа изъ рощи въ селеніе, гдѣ сбирали съ поселянъ яицы для приготовленія кушанья. Симонъ Буссакъ, in noctib. theolog. Paris. 1698, упоминаетъ о старинномъ обычаѣ носить Майскія зеленыя вѣтви въ день Св. Апостолъ Филиппа и Іакова.

„Одинъ изъ обычаевъ Енетовъ, пришедшихъ „изъ Иллиріи — свидѣтельствуетъ Иродотъ „въ 1 кн. 191, былъ тотъ, что однажды въ „годъ сбирались въ одно мѣсто селеній дѣвицы, „достигшія лѣтъ замужства, а съ другой „стороны мущины, и одна изъ наилучшихъ „продаваема была тому, кто больше за нее „заплатитъ для вступленія въ бракъ.“ Такое сборище сходствуетъ съ вышеупомянутымъ нами *Стадомъ*, или игрою *Прососѣянія*.

Рощи или дубравы служили мѣстами таинственныхъ обрядовъ язычества у Восточныхъ народовъ, Грековъ, Римлянъ и другихъ; онѣ издревле замѣняли капища у Германцевъ не только во время ихъ Язычества, но и при переходѣ ихъ къ Христіанству. Подъ кровомъ дремучихъ лѣсовъ скрытно совершались завѣтные обряды. Самые Друиды отъ деревъ, или отъ дуба получили свое названіе. У Германцевъ также были священныя деревья въ дубравахъ, на поляхъ, рубежахъ и между селеніями.

Кромѣ дубовъ, не менѣе почитаема была *липа*, какъ волшебное и священное дерево, отъ коего не осмѣливались отрѣзать ни вѣтки, ни сучка. Такія деревья назывались *заповѣдными*, *завѣтными*. У древнихъ Нѣмцевъ совершались жертвоприношенія и производился судъ *подъ липами*, или *подъ липою* (under der Linde, judicium sub tilia) (10). У древнихъ Пруссовъ *подъ липою* зажигались огни на Ивановъ день въ честь *Лиго* (11), бога весны и веселья; пляски вокругъ дерева продолжались цѣлую ночь съ пѣснями, въ коихъ часто повторялось *Лиго*, какъ у Славянъ *Ладо*. У Литовцевъ липа посвящена была богинѣ Laimo, коей праздновали во время цвѣтенія липъ (12). Семицкая пѣсня: *подъ липою столъ стоитъ*, намекаетъ на какой-то жертвенный обрядъ, вѣроятно совершавшійся въ этотъ праздникъ, въ который *липа* и *береза* составляютъ главную принадлежность и повторяются въ Семиковыхъ пѣсняхъ. Вѣнками же изъ древесныхъ вѣтвей и цвѣтовъ почти всѣ народы древняго міра увѣнчивали и жертвы и жре-

(10) Handbuch der germanischen Alterthumskunde, von Dr. *G. Klemm.* Dresd. 1836, in 8.

(11) На Литов. ligoti (льгота?) значитъ веселиться. Отъ Linde липа Linderung прохлада (подъ тѣнью липы).

(12) Prutena von L. *Rhesa.* Königsb. 1809, in 12.

цовъ, а въ празднествахъ своихъ Греки и Римляне надѣвали себѣ на головы вѣнки изъ тѣхъ деревъ, кои посвящены были чествуемымъ божествамъ. Вѣнокъ почитается залогомъ безсмертія, знаменіемъ перехожденія души и союза мертвыхъ съ живыми; самые свойственники Сонъ и Смерть у Еллиновъ изображались въ вѣнкахъ. Семицкій вѣнокъ служитъ къ загадыванію о будущей судьбѣ: о брачномъ союзѣ, о жизни и смерти, о счастьѣ и несчастьѣ. Безъ сомнѣнія, гаданіе на водѣ есть остатокъ отъ древняго языческаго обряда Славяноруссовъ, которые, по свидѣтельству нашихъ лѣтописцевъ, обожали рѣки и озера, чтили деревья и дуплины, приносили имъ жертвы (*требы кладуще*) и дѣлали гаданія (13). см. вып. I, стр. 23.

„Празднованіе Семика — замѣчаетъ Ка„рамзинъ — и народный обычай завивать въ „сей день вѣнки въ рощахъ суть также оста„токъ древняго суевѣрія, коего обряды на„блюдались въ Богеміи и по введеніи Хрістіан„ства, такъ что Герцогъ Брячиславъ въ „1093 году рѣшился предать огню всѣ мнимо„святыя дубравы своего народа.“ Еще Карлъ Великій, въ Капитул. ч. 20, строго запретилъ служеніе деревьямъ, а Франкфуртскій Соборъ

(13) *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 214.

793 г. предписалъ истреблять языческія рощи и деревья, посвященныя демонамъ (14).

Какъ въ Семикѣ соединяются стихіи и символы древне-языческаго богослуженія Славяно-Руссовъ: ношеніе древесныхъ вѣтвей, завиваніе и развиваніе вѣнковъ, гаданіе въ рощахъ и на водахъ; то съ достовѣрностію заключить можно о языческомъ происхожденіи сего празднества, противоположнаго благочестивому обряду погребенія и поминовенія убогихъ на Божедомкахъ, о коихъ мы будемъ говорить въ особой статьѣ.

По видимому, какъ выше замѣчено, Семикъ сопоставлялъ одно съ древнимъ Славянскимъ *Стадолѣ*, *Сейликолѣ* и, по самому прозванію народному, *Тюлпою*, или *толпою* и Нѣмецкимъ Pfingstritt, Троицкою процессіею, о коей мы выше упомянули. см. стр. 110. Нѣкоторыя урочища, въ Россіи, по видимому, заимствовали свое наименованіе отъ Семика, какъ-то: *Семиково* въ Мосальскомъ уѣздѣ, *Семики* пустошь въ Устюжскомъ уѣздѣ, *Семикѣ* слобода подъ Ярославлемъ, *Семицы* въ Боровицкомъ уѣздѣ, подъ устьемъ, въ Островскомъ уѣздѣ, подъ Говѣдовомъ и подъ Хелмомъ, упоминаемая въ 1563 г. и пр. д. Но слово Семикъ въ значеніи праздника извѣстно не ранѣе XVIII вѣка въ письменныхъ памятникахъ. Самый день начала празднованія Семика *четвергъ* въ старинномъ Нѣмецкомъ языкѣ именуется Thorstag и Thurstag, Туровъ день, въ Шведскомъ Helig Thorsdag, въ Англійскомъ holy Thursday, у Люненбургскихъ Вендовъ Perendan, т. е. *Перун* и *данъ*, Перуновъ день. У простолюдиновъ Нѣмецкихъ онъ извѣстенъ подъ названіемъ der grüne, der hohe Donnerstag, зеленый, высокій громовъ день (15). Седмеричное число въ отношеніи къ четвергу могло имѣть таинственный смыслъ; по свойству священнаго языка, оно употребляется въ неопредѣленномъ знаменованіи для возвышенія понятія (16). Не поэтому ли и *седьмому четвергу* по Пасхѣ придано значеніе высокаго, великаго! Что-жъ касается до названія его Торовымъ, то очевидно, что онъ посвященъ былъ Тору. Въ Игоревой пѣсни *Турѣ* сопровождается епитетами *Ярый* и *Буй*, и Гомеръ величаетъ Ареса *Θούρος*, ярый. *Турѣ* въ природѣ звѣрь, а въ баснословіи

(14) C. H. *Grupen* origines Germaniae. Lemgo. 1764—68? s. Is. in 4.

(15) По мнѣнію Г. Сенковскаго, сіе названіе имѣетъ астрологическое значеніе и переведено съ Лат. dies Iovis. — *Библ. для чтенія*; 1837 Октябрь.

(16) *Преосвящ. М. Філарета* Записки на книгу Бытія. Ст. 2 ч. 1815, въ 8.

Славяно-Скандинавскомъ божество силы и грозы, которому разныя племена давали разное значеніе по своей мѣстности и нравамъ. Въ Номоканонѣ Львовскомъ XVII вѣка упоминаются между языческими игрищами *Туры*. Вѣроятно, что *Турѣ*, давшій названіе горамъ, рѣкамъ, селеніямъ и городамъ, составляетъ одно съ *Яромѣ* и *Ярилою* (17), или *Перуномѣ*, а Ладо, одно съ Чудскою, или Мерянскою Костромою. Липа и береза не были ли посвящены у насъ на Сѣверѣ Туру и Ладѣ, которые составляютъ дуализмъ природы, проявляемый въ кумовствѣ Семицкомъ?

Такимъ образомъ Туръ и Ладо, представители сочетанія между обоими полами и оплодотворенія обновляющейся съ весною природы, могли дать поводъ къ празднеству Семика въ рощахъ и на берегахъ рѣкъ и озеръ. Время превратило завѣтные обряды древности въ веселое гулянье городскихъ жителей, оставивъ остатки первыхъ въ удѣлъ сельскихъ жителей и мастеровыхъ.

---

(17) Въ нумизм. кабинетѣ З. П. Зосимы я видѣлъ серебряную медаль Греческаго города въ Луканіи *Θουριων*, съ изображеніемъ разъяреннаго вола. Въ Кіевѣ была въ древности *Турова божница*, въ Москвѣ урочище *Турьегно*, напоминающее *Турью ногу* въ присказкѣ.

СЕМИЦКІЯ ПѢСНИ.

1.

Благослови, Троица!
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо! ой Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать;
Ай Дидо! ой Ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ
И цвѣтовъ нарвемъ,
Мы цвѣтовъ нарвемъ
И вѣнокъ совьемъ,
Ай Дидо! ой Ладо!
Свекру батюшкѣ,
Свекрови матушкѣ;
Свекру батюшкѣ малиновой,
Свекрови матушкѣ калиновой.
Ай Дидо! ой Ладо!
Пойду-ль я тишкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Сломлю-ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю рѣчиньку,
Ай Дидо! ой Ладо!
Не тонетъ, не плыветъ

Съ сыра дуба вѣточка,
Не тужитъ по мнѣ
Свекоръ батюшка, свекровь матушка.
Ай Дидо! ой Ладо!

2.

Ой Дидо! ой Ладо! на курганѣ
Соловей гнѣздо завиваетъ,
А иволга развиваетъ;
Хоть ты вей, не вей соловей
Не бывать твоему гнѣзду свитому,
Не бывать твоимъ дѣтямъ вывожатымъ,
Не летать имъ по дубровѣ,
Не клевать имъ яровой пшеницы.
Ой Ладо! ой Ладо! ой Дидо! (1)

3.

Ты не радуйся,
Дубъ съ горькой осиною,
Ты радуйся, бѣлая береза!
Къ тебѣ дѣвки идутъ,
Къ тебѣ красныя идутъ,
Съ пирогами, со яишницей,
Со драчонами.

(1) Въ Тульской Губерніи.

4.

Ходитъ колосъ по яри,
Что по бѣлой по пшеницѣ,
Изъ зерна-то коврига;
Изъ полузерна пирогъ.
Гдѣ дѣвушки шли,
Тутъ рожь густа;
Гдѣ бабы шли,
Тамъ вымокла;
Гдѣ мущины шли,
Тамъ повыросла;
Гдѣ ребята шли,
Тамъ повылегло. (2)

5.

У Волжскихъ жителей Семикъ открывается хороводною пѣснею, которую поютъ, ходя около березы, изъ вѣтвей которой дѣлаютъ вѣнки, украшая оныя лентами.

Не дожжикъ берёзу обмываетъ,
Здѣсь въ рощѣ дѣвокъ прибываетъ; —
Скачите, пляшите, красны дѣвки!
А вы, холостые, поглядите!
Съ гулянья вамъ дѣвушекъ не взяти!
А взять ли, не взять ли съ доброй воли,
По батюшкину повелѣнью,

(2) Въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

По матушкину благословленью,
По невѣстину рукодѣлью, и проч.

По окончаніи сей пѣсни, дѣлаютъ собою другой кругъ, въ срединѣ котораго мущина и женщина ходятъ и поютъ съ прочими:

1.

Ахъ! во полѣ липинка стояла,
Во полѣ кудрявая стояла,
Подъ липою былъ шатеръ,
Во томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
За тѣмъ сидитъ красная,
Шьетъ ширинку золотомъ,
Нижетъ узду жемчугомъ.
Ѣхалъ мимо молодецъ.
Богъ на помощь дѣвица!
Богъ на помощь красная!
Ширинку шить золотымъ,
Низать узду жемчугомъ.

—

Мущины поютъ:

Не мнѣ ли ширинка?
Не моему ли коню уздичка?

—

Женщины отвѣтствуютъ.

Не по молодцѣ ширинка,
Не по твоемъ конѣ уѣздичка.

—

Третью и послѣдующую пѣсню поютъ подобно предъидущей, только съ тою разницею, что въ сей ходитъ въ срединѣ круга одинъ мущина, а потомъ женщина, и по нѣкоторымъ словамъ пляшутъ:

2.

Царь по городу гуляетъ,
Царь Царевны своей ищетъ.

Пляшутъ:

Ужъ! какъ гдѣ моя Царевна?
Гдѣ Княгиня молодая?
Ужъ и вотъ твоя Царевна,
Вотъ Княгиня молодая!
По загороду гуляетъ,
Шелковымъ платкомъ махаетъ,
Златымъ перстнемъ освѣщаетъ.
Растворяйтесь, ворота,
Растворяйтеся, широки,
Вы еще тово пошире.

При сихъ словахъ одна сторона круга раздвигается, и двое, поднявъ вверхъ ру-

ки, держатъ платокъ за оба конца, чтобы дать пройти сквозь сдѣланныя такимъ образомъ ворота Царевнѣ, которая въ то время была внѣ круга. Когда же пройдетъ Царевна, продолжаютъ пѣть:

Вы сойдитеся поближе!
Вы еще тово поближе!
Поцѣлуйтесь помилѣе,
Вы еще тово милѣе!

Въ каждое междудѣйствіе, какъ кончатъ кругъ, садятся за столы, накрытые скатертьми, и продолжаютъ за оными угощать другъ друга лакомствами, пивомъ и виномъ. Потомъ, всставъ, поютъ:

3.

Пошелъ молодецъ на гулянье,
На веселое, на веселье.
На немъ синь кафтанъ на распашку,
Шелковой кушакъ на рубашкѣ,
Трость камышева съ алой лентой
Перчаточки въ правой ручкѣ.
Подошедъ къ дѣвушкамъ, поклонился:
Ужъ! вы здравствуйте на гуляньѣ,
На веселомъ на весельѣ.
Тутъ дѣвушки приуныли,
Тутъ всѣ красныя приумолкли,

Одна дѣвушка всѣхъ рѣзвѣе,
На рѣчахъ она всѣхъ смѣлѣе, и проч.

Потомъ срѣзываютъ нѣсколько березокъ съ весельемъ и пѣснями, вѣнки, на оныхъ сдѣланные, украшаютъ лентами и идутъ въ село. Пришедши, врываютъ березки въ землю и продолжаютъ пѣть:

4.

Какъ за нашимъ за дворомъ, 2.
Растетъ трава шелковая; 2.
По той травкѣ Панья шла, 2.
А за Паньей Панъ летѣлъ, 2.
Крича: Панья, ты моя! 2.
А я, сударь, не твоя! 2.
Родимова батюшки, 2.
Сударыни матушки, 2.

Сію пѣсню поютъ три раза.

Послѣ сего, сдѣлавъ изъ себя кругъ, перевиваются, приходя всѣ поочереди подъ поднятыя двумя дѣвицами руки вверхъ, и поютъ:

5.

Какъ за Волгой яръ хмѣль,
Подъ кусточкомъ вьётся;
Перевился яръ хмѣль
На нашу сторонку.

Какъ ли на нашей сторонкѣ
Житье пребогато 2.
Серебряны листья, вѣнки золотые.
Нащиплю я хмѣлю, хмѣлю яровова,
Наварю я пива, пива молодова.
Позову я гостя, гостя дорогова,
Айли гостя дорогова, батюшку роднова:
Мое тъ батюшка вить пьетъ, пьетъ,
Пьянъ не напьется, домой соберется.

Сію пѣсню поютъ два раза съ тою перемѣною, что слова къ отцу перемѣняютъ на слова къ матери. Кончивъ оную, начинаютъ другой кругъ и поютъ:

Ахъ! по травкѣ, по муравкѣ,
Вокругъ города большова
Гулялъ молодецъ удалой.

Мущина, а чаще (женщина) дѣвушка въ мужской шляпѣ расхаживаетъ гордо вокругъ хоровода при пѣсни:

Ой Туръ, молодецъ, удалой,
Онъ изъ города большаго,
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травкѣ побороться.

Въ то же время другая съ платкомъ въ рукѣ посреди хоровода.

Ой, Дидъ, Ладо! побороться
Вышла красна дѣвица

И молодца поборола,
На муравку уронила,
Ой, Дидъ, Ладо! уронила.

Дѣвушка побораетъ мущину, срываетъ съ него шапку, треплетъ волоса.

Доброй молодецъ вставая,
Закрывалъ лице руками,
Утиралъ горючи слезы.
Онъ не смѣлъ своей кручины,
Добрымъ объявить.
Ой, Туръ! Дидъ! Ладо! объявить.

6.

Въ Нерехотской округѣ въ Семикъ поютъ слѣд. пѣсню послѣ пиршества:

Каравонъ красныхъ дѣвушекъ!
Какъ у насъ въ году три праздника,
Первой праздникъ — Семикъ честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.
Какъ у насъ зелена трава,
Какъ милой мой другъ
Въ кабакѣ напивается,
Какъ милой мой другъ
По зеленой травѣ валяется.
А Орина подходила,
Никиту своего будила,

Встань, убудися, Никита,
Встань, убудися, волокита!
Сосѣди смѣются,
Въ безчестье то ставятъ.
Всталъ Никита, пробудился,
За руку съ Ориной ухватился,
Домой Никита потащился.

Во время пѣнія, среди круга, одна дѣвка, упавъ на землю, представляетъ лице пьянаго мужа, а другая, въ лицѣ жены, около его ходитъ и дѣйствуетъ, принаровляясь къ содержанію пѣсни. Пропѣвъ пѣсню, жена подымаетъ мужа и цѣлуетъ его; тогда же хороводъ съ мѣста идетъ въ селеніе, при пѣніи обыкновенныхъ пѣсней. Симъ кончится Семикъ въ Нерехотской округѣ.

X.

ТРОИЦЫНЪ ДЕНЬ.

По окончаніи сорочинъ отъ Радоницы до Троицкой суббопы, коей обряды извѣстны были въ XVI вѣкѣ, въ Троицынъ и Духовъ дни отправляется между простымъ народомъ отдѣльно отъ церковнаго торжество, которое имѣетъ связь съ Семикомъ; ибо гаданіе, начатое въ послѣдній, оканчивается въ первые. Такъ бываетъ въ Великой и отчасти въ Малой Россіи, гдѣ Троицынъ день называется Духовымъ, а Духовъ — Троицынымъ (1); тамъ три дня Св. Троицы слывутъ *Зелеными Святками*, въ Литвѣ и Польшѣ zielone świątki, и *зеленою недѣлею*, у Чеховъ и Словаковъ — Rusálda, а у Карпо-Россовъ *Русалье:* изъ чего можно съ вѣроятностію заключать, что упоминаемыя у Валсамона въ толкованіи Кормчей, Номоканонахъ,

(1) Исторія Малороссіи *Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.* 2 ч. Москва. 1830, въ 8.

Требникахъ и лѣтописяхъ *Русальи* должны быть Троицкія игрища. Въ Южной и даже Сѣверо-Восточной Россіи, какъ видно изъ отечественныхъ лѣтописей, недѣля сія именовалась *Русальною*, или *Русальскою*, о коей мы скажемъ особенно въ статьѣ о *Русалкахъ*. Самое гулянье въ Москвѣ о Троицынѣ днѣ бываетъ близъ Каланчевскаго поля, на Красномъ прудѣ, который, по преданію, въ старину извѣстенъ былъ подъ именемъ *Русальскаго*; также сбирается народъ въ сіе время на веселье за Дорогомиловскимъ мостомъ.

Какъ начало большей части повѣрій и обрядовъ народа теряется во мракѣ его древности и кругъ его сказаній не вмѣщается въ тѣсныхъ предѣлахъ лѣтосчисленія (2): то исторически нельзя опредѣлить происхожденія Семика и Троицкихъ игръ, кои обобщились и ународнились на Руси, какъ наслѣдіе праотцевъ, носящее на себѣ отпечатокъ Язычества.

Въ Троицынъ день *суевѣрный* языческій обрядъ народа встрѣчается съ благоговѣйнымъ и священнымъ празднествомъ Церкви; опять та же рѣзкая противоположность, какъ и въ Семикѣ, и опять то же случайное

(2 Славянскія Древности П. І. *Шаффарика*, перев. І. *Бодянскаго*. т. І, кн. 2. Москва. 1837, въ 8.

и внѣшнее сходство въ символахъ, взятыхъ изъ общаго ихъ источника — природы. Какъ понятія древняго вѣрованія изгладились въ народѣ, остались однѣ только формы и символы, удерживаемые имъ по привычкѣ и обычаю, безъ сознанія: то развиваніе и пусканіе на воду вѣнковъ въ Троицынъ день служатъ только предметами обычной забавы и веселья, какими Рускіе поселяне и даже жители предмѣстій городовъ сопровождаютъ дни покоя и свободы.

Прежде нежели скажемъ, гдѣ, какимъ образомъ и когда въ Россіи отправляется народный праздникъ, коснемся самыхъ принадлежностей онаго — древесныхъ вѣтвей и цвѣтовъ, какими украшаются въ Троицынъ день св. храмы и жилища.

Почти у всѣхъ народовъ Древности древесныя вѣтви и цвѣты служили украшеніемъ храмовъ въ дни празднества и жертвоприношеній. Торжественныя шествія сопровождались ношеніемъ зеленыхъ вѣтвей древесныхъ. Въ глубочайшей древности были общепонятными символами масличная вѣтвь — мира, лавровая — побѣды и славы, дубовая — мужества и т. д. У Іудеевъ основаніе обычая украшать вѣтвями древесными и цвѣтами храмы и домы было историческое; они сообщивъ симъ естественнымъ символамъ

высшее, священное употребленіе, украшали ими домы, стогны града и синагоги, въ память Синайскаго Законоположенія; потому что въ то самое время все зеленѣло и цвѣло, когда даны были Богомъ заповѣди на Синаѣ (3). Въ праздникъ жатвы, которая оканчивалась въ Палестинѣ къ половинѣ Сивана, Іудеи приносили благодареніе Богу за новые плоды земные, а праздникъ кущей совершался подъ сѣнью древесною (4). Вѣроятно, замѣчаетъ Бухсторфъ, обычай убирать св. храмы зеленью и цвѣтами перешелъ отъ Іудеевъ въ Новозавѣтную Церковь, въ коей различные цвѣты могли означать радость о сошествіи Духа Утѣшителя, явившагося въ огненныхъ языцѣхъ, такъ равно самое различіе языковъ и дарованій. По замѣчанію Профессора П. М. Терновскаго, въ цвѣтахъ открываются: двѣ идеи историческая и религіозно-психологическая: знаменіе цвѣта юной церкви, оживотворяемый сошествіемъ Св. Духа на Апостоловъ и выраженіе вѣры въ воскресеніе мертвыхъ, вспоминаемыхъ въ Троицынъ день.

(3) Исхода XXXIII, 3. см. *Buxtorf* Synag. Iud. c. XX. p. 443.

(4) *М. Філарета* Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи, изд. 4. Спб. 1827, in 8. — *Iani* Archaeologia biblica. Viennae. 1814, in 8.

Травы и цвѣты троичные изъ церкви берутся нѣкоторыми въ домы и употребляются какъ средство отъ недуговъ (5). Что-жь касается до употребленія цвѣтовъ и вѣтвей зеленыхъ у Язычниковъ при идолослужебныхъ обрядахъ: то они были у нихъ болѣе символами естественныхъ чувствованій.

Между языческими обрядами древней Греціи въ праздникъ Адониса, извѣстнаго Іудеямъ и Финикіанамъ (*Ἀδωνία*), Еллины бросали въ море, рѣки и ручьи вѣнки, цвѣты и древесныя вѣтви, кои служили у Скандинавскихъ и Германскихъ племенъ предметами волхованій, сдѣлавшихся достояніемъ и Финскихъ племенъ, сожителей Славяно-Руссовъ.

О хороводахъ прежде еще мы замѣтили, что они получили свое начало въ глубокой древности. Въ Вааловомъ идолослуженіи, какъ видно изъ С. Писанія, употреблялись хороводныя пляски (ристанія) вокругъ алтаря (6). Онѣ сопровождали богослужебные обряды у Елліновъ и другихъ народовъ Древности, и что вмѣстѣ съ обрядовыми пѣснями обыкновенно ими начинаются и сопровождаются Рускія весеннія игры отъ Красной горки до Петрова дня, а въ иныхъ мѣстахъ Россіи, смот-

(5) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

(6) III Царствъ, XVIII, 27. XIX, 18.

ри по климату и погодѣ, и до глубокой осени. Между народными миѳами, въ Тульской Губерніи, на берегу́ красивой Мечи, въ селѣ Козьемъ, группу камней почитаютъ туземцы за цѣлый хороводъ, во время самой пляски, на Троицынъ день, превращенный ударомъ грома въ камни, подобно Ніобѣ съ дѣтьми. Не смотря на ето, Троицкіе хороводы тамъ продолжаются, такъ какъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи; безъ нихъ праздникъ не въ праздникъ. На пути въ рощу для развиванія березокъ, поселянки поютъ пѣсню. см. стр. 117.

Предъ захожденіемъ солнца, когда отводятъ хороводы и умолкаютъ пѣсни, поселянки и даже горожанки пускаютъ вѣнки на воду рѣки или ручья, замѣчая, чей поплываетъ, завертится на одномъ мѣстѣ, или потонетъ вѣнокъ: изъ перваго выводятъ счастливое, изъ другихъ несчастное себѣ предвѣстіе — дѣвицы къ свадьбѣ, къ неудачѣ, или смерти и т. п. При етомъ еще наблюдаютъ, въ какую сторону струя понесетъ вѣнокъ, въ той бышь дѣвицѣ за мужемъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Московской Губерн. послѣ Троицкой вечерни, для загадыванія пускаютъ на воду пучки цвѣтовъ, съ коими стояли въ церкви. Какъ въ Рожественскихъ Святкахъ, такъ и въ Троицынъ день гаданія обыкновенно простираются на одинъ годъ. Индѣ вѣнки развиваютъ въ Всесвятское заговѣнье.

Мѣстность, климатъ и нравы жителей Великой Россіи придали нѣкоторыя особенности Троицкимъ миѳамъ и играмъ, хотя онѣ, по сущности своей, почти вездѣ остались одинаковыми. Объяснимъ нѣсколькими примѣрами, какіе намъ представились.

Въ Спаскѣ Рязанскомъ, въ Троицынъ день, дѣвицы и молодки сбираются въ загородную рощу завивать вѣнки, садятся тамъ въ разныхъ мѣстахъ хороводными кружками, поютъ пѣсни съ припѣвомъ *Лельё*, потомъ начинаютъ полдневать, т. е. ѣсть принесенное изъ дому кушанье, наконецъ, надѣвъ на голову вѣнки изъ древесныхъ листьевъ, водятъ по рощѣ круги, напослѣдокъ идутъ въ городъ на гору, гдѣ снявъ съ себя вѣнки, кидаютъ въ Оку для узнанія своей участи (7).

Въ Шенкурскѣ, по Вагѣ, до 1780 года, въ первые три дни Пятидесятницы, городскіе и сельскіе жители сбирались за городъ на лугъ: тамъ дѣвицы, держась за платки въ рукахъ, образовали кругъ и тихо двигались на одномъ мѣстѣ съ пѣснями. Вокругъ сего движущагося хора стояли женихи и высматривали себѣ невѣстъ. Послѣ придневна-

(7) Изъ записки Спаскаго жителя Д. П. Тихомирова.

го сборища, въ остальные дни Русальной недѣли дѣвицы у домовъ сосставляли малые круги и пѣли пѣсни. Въ Минусинскомъ округѣ Енисейской Губерн. въ Семикъ поселянки, одѣвъ въ лучшее платье березку, называемую у нихъ *гостейкою*, ставятъ ее въ клеть до Троицына дня, въ который послѣ обѣдни сбираются дѣвки съ парнями выносить гостейку за селеніе къ рѣкѣ и тамъ пляшутъ, завиваютъ и пускаютъ вѣнки для загадыванія на воду (8).

Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ Савинѣ городкѣ, наканунѣ Троицына дни, носятъ св. образа для молебна на ржаномъ и яровомъ поляхъ и кропятъ св. водою скотину, выгнанную изъ хлѣвовъ; по окончаніи молебствія, крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ платьяхъ поютъ и пляшутъ вплоть до ночи въ честь Ярилы.

Въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, въ Троицынъ или Духовъ день, дѣвки, одѣвшись въ худыя будничныя платья, сходятся въ одно мѣсто, и, выбравъ изъ среды своей одну дѣвку, называемую *Костромой*, кладутъ ее на доску и несутъ къ рѣчкѣ или пруду, гдѣ, сложивъ ее съ доски, начинаютъ другъ друга купать. Выкупавшись,

(8) Изъ записки Сибирскаго жителя Н. С. Самойлова.

дѣлаютъ изъ лубка барабанъ, стучатъ въ него и сопровождая стукъ его пѣснями, возвращаются домой. Послѣ этого, нарядясь въ праздничныя платья, выходятъ на улицу играть въ хороводы вплоть до вечера. *Погребеніе* этой миѳической *Костромы* совершается простолюдинами въ Муромѣ, въ первое воскресенье послѣ Троицына дня, тогда какъ во Владимірѣ на Клязьмѣ бываетъ *погребеніе Лады*.

Въ Орловской Губерніи издавна велось обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, въ который готовятся два общіе каравая, одинъ для стола, а другой для рощи, куда съ нимъ отправляются дѣвки завивать вѣнки и гулять. Въ Псковской Губерніи обметаютъ пучками Троицкихъ цвѣтовъ родительскія могилки, что тамъ называется: *глаза у родителей прочищать*.

Волжскіе жители въ Троицынъ день, собравшись къ завитымъ березкамъ, идутъ съ вѣнками на Волгу и поютъ:

Глубока рѣка берега рвала,
Охъ! люли, берега рвала.
Уже я млада по бережку шла,
Охъ! люли, по бережку шла,
По бережку шла и цвѣты рвала.

Меня младу туда сорвало ;
На низъ понесло, къ Донскимъ козакамъ ;
Охъ ! люли , къ Донскимъ козакамъ.

Развивъ вѣнки , дѣвушки и молодыя вдовы бросаютъ ихъ въ воду , загадывая о суженыхъ : чей вѣнокъ поплыветъ, та надѣется въ тотъ годъ выйдти за мужъ; чей потонетъ , той сидѣть въ дѣвкахъ или во вдовствѣ. Сіе игрище оканчивается пѣснею, которую онѣ поютъ, возвращаясь домой :

Грушица, грушица! зеленой виноградъ!
Подъ грушицей свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
Забавныя рѣчи говоритъ:
Ахъ! нонече какія времена!
Сушатъ женъ хорошіе мужья,
А дѣвушекъ дальніе друзья ;
Всяка дѣвка себѣ дружка зажила.
Дальній другъ — большая сухота,
Ближній другъ — веселье завсегда.
Призвала дружка на часокъ побывать,
Уняла его и почку ночевать,
Упросила недѣлюшку пожить,
Принуждаетъ его силою любить.
Уже силою не буду я любить,
По неволѣ я не буду цѣловать.

Въ Нерехотскомъ округѣ, и въ Троицынъ день кумушки цѣлуются сквозь березку при развиваніи вѣнковъ.

Въ Бѣлоруссіи, на другой день праздника Сошествія Св. Духа завиваютъ въ рощахъ березки, и приготовляютъ столько вѣнковъ, сколько имѣютъ милыхъ сердцу, какъ-то: для отца, для матери, для братьевъ и сестръ, наконецъ для любезныхъ своихъ, и при завиваніи поютъ слѣд. пѣсню :

Русалочки, земляночки
На дубъ лѣзли, кору грызли,
Звалилися, забилися.
Троица.

При этомъ завѣтномъ обрядѣ дѣвушки мѣняются кольцами въ знакъ дружбы; а развивая вѣнки въ слѣдующее Воскресенье, поютъ:

На Тройцу мы вѣнки завили,
На Разгары развили,
Горѣлочку попили,
И яичну поѣли (9).

Въ Бѣлоруссіи Троицынъ день почитается послѣднимъ весеннимъ праздникомъ, съ которымъ оканчивается катанье красными яицами.

По древнему и повсемѣстному обычаю, въ Литвѣ и Польшѣ храмы Господни и чер-

(9) Сѣверный Архивъ, 1822 г. No 24.

тоги вельможъ и убогія хижины въ Троицынъ день украшались зелеными деревцами, поставленными у дверей, у оконъ по угламъ, внутри церквей: алтари, лавки, а въ домахъ углы комнатъ были равнымъ образомъ обставлены молодыми деревьями, наканунѣ Зеленыхъ Святокъ, до самаго окончанія праздника. Отъ того, какъ можно догадываться, праздничные дни Сошествія Духа Св. и получили свое названіе въ Польшѣ. Трудно сказать съ достовѣрностію, въ Язычествѣ ли, около сего времени, существовалъ тамъ такой обрядъ и потомъ перешелъ въ Христіанскій міръ, или гораздо позже вошелъ этотъ обычай. И Жиды въ Зеленыя Святки, которыя приходятся у нихъ въ Маѣ, украшаютъ свои подсвѣшники, полки и окна зелеными вѣтками и гирляндами изъ листьевъ, нанизанныхъ на нити. У Католиковъ, равно какъ и Евреевъ, употребляютъ на это деревья многолиственныя, но никогда печальныя, мрачныя, каковы иглистыя (10). Въ Литвѣ и Польшѣ этотъ древній обычай теперь прекращается изъ опасенія ущерба лѣсовъ; простолюдинамъ воспрещаютъ рубить деревцы на Зеленыя Святки для украшенія мазанокъ своихъ.

(10) Domy i dwory etc. pr. *L. Golębiowskiego*. w Warschawe. 1830, in 8.

На Жмуди, въ Россіанахъ, Духовъ день называется Siekmines; тогда пастухи забавляются ристаніемъ на лошадяхъ съ пѣснями, что отчасти сходствуетъ съ конною процессіей (Pfingsttritt) у Нѣмцевъ для отвращенія ненастья (11). Около этого времени (25 Мая) у Славянъ и Чеховъ начинались языческія празднества возліяніями источникамъ и закланіемъ жертвъ. Въ Турингіи вымышленный царь садовъ, или зеленый человѣкъ, der Lattich-König, обвитый зелеными вѣтвями и цвѣтами, сидя на конѣ, сопровождаемъ былъ изъ лѣсу въ село веселою толпой народа, которая давала извѣстное количество яицъ для приготовленія кушанья. Въ Германіи Троицкія деревья (Pfingst-Maien) и Троицкія или Майскія пляски (Pfingst, или Frohn и Maien-Tänze) доселѣ употребительны во многихъ провинціяхъ. Тамъ обыкновенно украшаются березками и вѣтвями церкви и колокольни. Въ Англіи, особливо въ Гринвичскомъ паркѣ, бывали Троицкія игры (Whitsunday and holy day's stories) (12). Въ Венеціи ежегодно въ Троицынъ день совершалось до 1798 года торжественное обрученіе Дожа съ Адріатическимъ моремъ. Троицынъ день былъ однимъ изъ сроковъ на

(11) Edda Saemundina. t. III.

(12) Denkwürdigkeiten aus der christ. Archäologie, von Dr. I. C. Augusti. 2 B. Leipz. 1818, in 8.

Руси, когда ставились въ Москвѣ на судъ и взносили подати, даже въ XVII вѣкѣ, какъ видно изъ судебныхъ грамотъ.

Въ продолженіе Семицкаго тридневнаго праздника, оканчивающагося Троицынымъ, иногда и Духовымъ днемъ, пѣсни народныя повторяютъ имена *Тура*, и *Костромы* а болѣе *Ладо*, какъ выше замѣчено; имя перваго встрѣчается въ тѣхъ особенно мѣстахъ, гдѣ, начиная отъ Ростова и Переславля-Залѣскаго до Нижняго Новгорода, жилъ народъ Меря, бывшій въ тѣсныхъ связяхъ съ Славянами. Около Спародуба пѣсни въ Зеленую недѣлю называются *Гренухами* и *Гренушками* отъ *Греной недѣли*, какою тамъ именуется Троицкая. Игры же самыя, какъ выше упомянуто нами, относятся къ Русаліямъ, коимъ давали особенное знаменованіе разныя племена южной и сѣверо-восточной Россіи; по вѣрованію же народному, Русалки, живущія на руслѣ рѣкъ, выходятъ изъ воды на землю около Троицына дня и остаются на землѣ до Петрова дня.

ТРОИЦКІЯ ПѢСНИ.

Въ городѣ Чухломѣ существуетъ старинное обыкновеніе между дѣвицами обывателей праздновать весною *Троицынъ день*, *Духовъ день* и слѣдующее за тѣмъ *Всесвятское заговѣнье*, а зимою *Святки*.

Старшая изъ дѣвушекъ, которая называется *Большухою*, въ Троицынъ день проситъ *на игрище* подругъ, которыя, въ сопровожденіи матерей или родственницъ, приходятъ въ избранное мѣсто, или среди города на площадь, или въ полѣ близъ самаго города, всего же чаще противъ дому той дѣвицы, которая ихъ просила. Всѣ становятся въ кружокъ и поютъ пѣсни, особенно на сей предметъ назначенныя. Двѣ изъ старшихъ дѣвушекъ, коихъ отцы бывали головами, или другими членами общества, въ продолженіе первой пѣсни ходятъ посреди хоровода, по окончаніи, раскланиваются и становятся въ кружокъ съ прочими; мѣсто ихъ заступаетъ другая пара и такъ далѣе. Самолюбіе и здѣсь не исключительно. Та пара обижается, для коей поется пѣсня, по ихъ мнѣнію, худая; притомъ младшей пары никогда не допустятъ

ходить посреди кружка прежде старшей; за что можетъ произойти неудовольствіе и даже ссора между матерями дѣвушекъ и самими дѣвушками. Вотъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ, которыя поются при семъ случаѣ.

1.

Пошла дѣвчина на Днѣпръ по воду,
Заглядѣлася въ быструю рѣчку;
На встрѣчу ей плыветъ козачикъ.
Начала дѣвчина съ казакомъ правдаться:
Отпусти меня, козачинька, до дому,
Принесу тебѣ великую казну!
Мнѣ не надобно великой казны,
Обвѣнчаемся, мой соколъ, со мной,
Промѣняемся золотыми перстнями!

2.

По лугу, по лугу, лелю, лелю, по лугу,
Колясочка ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
Въ колясочкѣ дѣвица, лелю, лелю, дѣвица;
Въ колескѣ та красная, лелю, лелю, красная.
Сколько она ѣхала, лелю, лелю, ѣхала,
Вдвое, втрое плакала, лелю, лелю, плакала;
На свой перстень смотрючи, лелю, лелю, смотрючи;
За чѣмъ перстень тускнуть сталъ, лелю, лелю, тускнуть сталъ?

3.

Что со горъ снѣга сокатался, ой лелю, лелю, сокатался,
Въ берегахъ рѣка возмутилася, ой лелю, лелю, возмутилася,
Что по той рѣкѣ селезень плыветъ, ой лелю, лелю, селезень плыветъ,
Дѣвушкѣ вѣсть несетъ, ой лелю, лелю, вѣсть несетъ:
Вѣсть не радошна, ой лелю, лелю, вѣсть не радошна,
Ужъ какъ быть дѣвкѣ за старымъ мужемъ, ой лелю, лелю, за старымъ мужемъ;
У стара мужа собачья душа, ой лелю, лелю, собачья душа;
Кошечьи глаза, совины брови, ой лелю, лелю, совины брови.

Сія пѣсня поется дважды; начало тоже, а конецъ перемѣняютъ, начиная съ 5го стиха, такимъ образомъ:

Вѣстку радошну, ой лелю, лелю, вѣстку радошну:
Ужъ какъ быть дѣвкѣ за младымъ мужемъ, ой лелю, лелю, за младымъ мужемъ,
У млада мужа, сахарна душа, ой лелю, лелю, сахарна душа,
Медвяны глаза, сокольи брови, ой лелю, лелю, сокольи брови.

4.

У воротъ трава притолочена;
Притолочили Князья, Бояры,
Всё ко батюшкѣ въ гости ѣзжучи,
Всё меня младу присмотряючи,
Что первый молвитъ: за себя возму,
Что другой молвитъ: возьму за сына,
Что третій молвитъ: за племянничка.
Какъ бы знала я млада, да вѣдала,
Не ходила бы на Оку рѣку,
Не умывалась бы тремя мылами,
Тремя мылами, да тремя разными,
Не утиралась бы полотеничкомъ,
Полотеничкомъ, да тремя разными.

5.

Я вечоръ молода, во банкетѣ была,
Упилася млада зеленова вина,
Позабыла млада зеленъ садъ затворить,
Прилетѣлъ попугай винограду щипать.
Ужъ ты шишъ, попугай, не щипли виноградъ
Съ етой вѣточки! ета вѣточка дома надобна,
Свекра дарить со свекровушкою,
Деверя дарить со золовушкою.

6.

Я во садъ пошла, во зеленъ пошла,
Ужъ я луку-та полоть, зеленаго полоть,

Я полю, полю, полю, перепалываю,
Черезъ тынъ въ огородъ перебрасываю,
Припаду къ терему, всё подслушиваю:
Еще свекоръ журитъ со свекровушкою,
Деверь бранитъ со золовушкою.

7.

Мимо моего теремочку, пробѣгалъ бѣгуночикъ,
На томъ бѣгуночкѣ сидитъ Панъ холостый,
Придается Панъ къ дѣвчинѣ, дѣвчинушка моя радость,
Поди за меня замужъ! Нейду нейду за тебя замужъ,
За здѣшняго Пана! ужъ ты въ карты Панъ играешь,
Козырей Панъ мало знаешь, меня Панью проиграешь.
Дѣвчинушка, моя радость, на тебѣ я не женюся!
Не урядлива дѣвка ходишь, головы долго не чешешь,
Либо три дни, либо четыре, русыя косы не плетешь.
Я пойду съ горя молоденька, во зелень садъ гулять,
Обернуся я, повернуся бѣлой лебедою;
Ужъ я стану ли выкликати яснова соколочка,
Ты ау, ау, соколочикъ, ау миленькій дружочикъ!
Когда я къ тебѣ пристала, отца, матери отстала,
Всему роду я покорилась, Пану въ ноги поклонилась,
Ужъ какъ взялъ Панъ Панью за ручку, повелъ ее во свѣшлицу,
Ужъ какъ стадъ ее цѣловати, пошла Панья танцовати.

8.

Я пойду млада по горницѣ,
Я по свѣтлой млада свѣтлицѣ,
Я ударю млада въ чеботы,
Чеботы мои сафьянные!
Тѣлогрѣюшка моя камчатная!
Не жури меня, лютый свекоръ,
Не твое ношу приданое,
Не твое ношу нарядное;
Государя свѣта батюшки,
Государыни свѣта матушки.

Когда для каждой пары, участвующей въ хороводѣ, пропоется пѣснь; тогда четыре дѣвушки изъ старшихъ начинаютъ ходить по кругу, для коихъ поютъ особенную пѣсню, упоминая въ оной имя и отечество.

9.

Передъ воротами, передъ широкими,
Стояла тутъ калина, стояла малина,
На той ли на калинѣ, на той ли на малинѣ
Что четыре было ягодки:
Первая ягодка Онисья Ивановна,
Вторая ягодка Акулина Макаровна,
Третья ягодка Авдотья Никитишна,

Четвертая ягодка Прасковья Григорьевна.
Для ради Анисьюшки, для ради Ивановны
Всѣ церкви растворялися,
Для ради Акулинушки, для ради Макарьевны
Всѣ свѣчи затеплялися,
Для ради Авдотьюшки, для ради Никитишны
Князья соѣзжалися,
Для ради Прасковьюшки, для ради Григорьевны
Сине море всколыхалося.

10.

Во полѣ рябинушка, ой Дидо, Ладо!
Во полѣ кудрявая, ой Дидо, Ладо!
На той на рябинушкѣ, ой Дидо, Ладо!
Четыре было вѣточки, ой Дидо, Ладо!
На тѣхъ ли на вѣточкахъ, ой Дидо, Ладо!
Четыре было ягодки, ой Дидо, Ладо!
Первая ягодка Аннушка, ой Дидо, Ладо!
Вторая ягодка Катинька, ой Дидо, Ладо!
Третья ягодка Машинька, ой Дидо, Ладо!
Четвертая ягодка Авдотьюшка, ой Дидо, Ладо!
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Столы становилися . . . .
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Скатерти разстилалися,
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Всѣ гости съѣзжалися,
Для ради N, для ради N, ой Дидо Ладо!
Яствы становилися.

По окончаніи сего, всѣ дѣвушки берутъ другъ друга за руки и ходятъ взадъ и впередъ, на подобіе буквы *М*: сіе дѣйствіе, по выраженію ихъ, называется: *кросны сновать*. Въ продолженіе *сновання кросенъ* поютъ слѣдующія пѣсни:

11.

Ужъ ты улица, улица,
Ужъ ты улица широкая!
Трава, мурава шелковая!
Изукрашена улица
Всё гудками, всё скрипицами,
Молодцами, да молодицами,
Душами красными дѣвицами.
Не величка птичка пташечка
Сине море перелетывала,
Садилася птичка пташечка
Середи моря на камышекъ;
Слышитъ, слышитъ птичка пташечка,
Плачетъ, плачетъ красна дѣвица,
Идучи она за стараго замужъ:
Ахъ, ты, старъ мужъ, погубитель мой!
Погубилъ мою головушку,
Всю дѣвичью красоту.

Въ отношеніи же къ молодому, конецъ сей пѣсни слѣдующій:

Слышитъ, слышитъ птичка, пташечка,
Пляшетъ, пляшетъ красна дѣвушка,
Идучи она за младаго замужъ:
Ужъ ты младъ мужъ, взвеселитель мой,
Взвеселилъ мою головушку,
Всю дѣвичью красоту!

12.

По улицѣ по широкой
Скакалъ, плясалъ воробышекъ,
Сзывалъ, скликалъ красныхъ дѣвицъ:
Подьте, дѣвушки, подьте, красныя,
На игрище на гульбище,
Въ большой караводъ мячемъ играть!
Охъ, дѣвушкамъ своя воля;
Молодушкамъ нѣтъ волюшки!
Дитя плачетъ колыбное,
Другое плачетъ кровашное;
Колыбному горшокъ каши,
Кровашному печь пироги.

13.

Зеленися, мой зеленъ садъ,
Зеленися-въ огородѣ!
Ко мнѣ завтра поутру
Дорогой гость въ гости будетъ,
Дорогой гость батюшка родной.

Станетъ по саду гулятти,
Изюмъ ягоду щипати;
Пощипавши, будетъ кушать
Меня молоду хвалити,
Что горазда садъ садити,
Что горазда поливати,
Отъ морозу сберегати,
Новиною прикрывати,
Той ли новиною,
Той ли суровою, парчею золотою.

14.

Травина ли моя, травинушка,
Травина ли моя шелковая!
Еще кто же траву притопталъ?
Притоптали меня травинушку
Да всё дѣвушки, да всё красныя,
Въ зеленомъ саду гуляючи,
Золотымъ мячемъ играючи,
Все себя же ущѣщаючи.

15.

Красная дѣвушка по городу гуляла;
Она яхонтные камешки сбирала,
Она камешекъ о камешекъ бросала;
Не во всякомъ самоцвѣтномъ камнѣ искра,
Не во всякомъ добромъ молодцѣ есть правда.
Добрый молодецъ по бережку гуляетъ;
Онъ волженые прутики ломаетъ:

Изхлесталъ бы, изхлесталъ бы я васъ, прутья,
О дѣвичье, о дѣвичье бѣло тѣло!
Ужъ гораздо я молоденька согрѣшила;
Ужъ я завтреню, обѣдню просыпала,
За сердина добра молодца попала;
Онъ ужъ бьетъ меня дѣвицу не за правду,
Про свое бьетъ про дурацкое бездѣлье.

Духовъ день и слѣдующее за нимъ заговѣнье, въ Чухломѣ празднуются точно такъ же, какъ и Троицынъ день; пѣсни поютъ пѣже. По словамъ старожиловъ, такія игры прежде продолжались во всю ночь; нынѣ начинаются со 2го или 3го часа и продолжаются до 5го пополудни: дѣвицы разходятся, послѣ возвращаются опять и въ ясную погоду играютъ до полуночи и далѣе.

16.

Въ Воронежской Губерніи тогда поютъ слѣд. *призывныя* на игрище пѣсни:

Луговая коростель,
Ладо, Ладо, коростель!
Не кричи рано по зарѣ!
Не буди меня рано на зарѣ!
У меня матушка — мачиха,
Она меня поздо спать кладетъ,
Она меня рано взбуживаетъ,
Къ легкому дѣлу — къ жерновамъ, и пр.

Луговая коростель, и пр.
Закричи рано по зарѣ!
Разбуди меня рано на зарѣ:
У меня матушка родная;
Она меня рано спать кладетъ;
Она меня поздо взбуживаетъ,
Къ тяжелому дѣлу — къ пялицамъ, и ш. д.

17.

Конóпля, конóпля зеленая моя!
Что жъ ты, конóпля, не весело стоишь?
Ахъ! какъ мнѣ, конóплѣ, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюютъ!
Дѣвка, ты дѣвушка красная!
Что жъ ты, дѣвушка, не весело сидишь?
Ахъ! какъ мнѣ дѣвушкѣ веселинькой быть?
Мой батюшка хочетъ за мужъ меня отдать,
А мачиха хочетъ въ черницы постричь!
Мой батюшка пошелъ бояръ (1) собирать,
А мачиха пошла за игуменью.
Скрыпнули ворота разтворчатые,
Брехнула собака борзая на цѣпи...
Мнѣ-чела (2) — батюшка съ боярами!
Ажной — моя матушка съ игуменью!"

(1) Сватъ, дружко.
(2) Я думала.

Садись, мое дитятко, на золотое стульце;
Расплетай, мое милое, русую косу!
Пусти меня, матушка, на Донъ погулять,
Бѣлильцы, румянцы съ лица постирать.
Смоешь, мое дитятко, горючей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатымъ рукавомъ! (3)

(3) см. Украин. Журналъ на 1824, No 11. Харьковъ, въ 12.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

I.

ВЛАСЬЕВЪ ПРАЗДНИКЪ.

При переходѣ отъ Язычества къ Христіанству, ложныя божества Рускаго народа истреблены, такъ что память только нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранилась въ старинныхъ пѣсняхъ, сказаніяхъ, названіяхъ урочищъ и повѣрьяхъ. Позднѣе прочихъ сокрушенъ былъ въ Росповѣ истуканъ *скотія бога* Волоса, или Велеса, который находился въ числѣ Кіевскихъ божествъ и встрѣчается въ „Игоревой пѣсни“ съ Даждбогомъ и Стрибогомъ (1). „Великая Минея Макарьевская, въ рукописи, свидѣтельствуетъ, что „Великій Князь Владиміръ повелѣ испроверщи, избити кумиры, овы изсѣщи, а иныя ижжещи; Волоса, его же именоваху скотья бога, повелѣ въ Почайну рѣку врещи.“

Коренныя народныя вѣрованія всегда почти оставляютъ слѣды свои въ жизни народной,

(1) смотри „Четью-Минею“, февраль.

принимая новые обряды, или прививаясь къ другимъ понятіямъ. При водвореніи Христіанства въ Россіи, мѣста языческихъ капищъ и требищъ освящены св. храмами; языческимъ отечественнымъ богамъ противопоставлены Святые Православной Церкви, покровительствующіе тѣмъ же занятіямъ житейскаго быта, какими завѣдывали первые. Нельзя было первымъ проповѣдникамъ вѣры Евангельской въ этомъ обстоятельствѣ не сдѣлать нѣкотораго снисхожденія народу необразованному, грубому, который, вмѣсто Перуна, сталъ покланяться св. пророку Иліи, доселѣ чернью представляемому громоноснымъ. Такъ, вмѣсто низверженнаго Волоса, скотъ, особливо коровы, поручены покровительству св. мученика Власія, жившаго въ IV вѣкѣ по Р. Х., — потому болѣе, что житіе его свидѣтельствуетъ о благотворительствѣ его людямъ и лѣснымъ звѣрямъ, о возвращеніи бѣдной вдовѣ веприцы, похищенной волкомъ (2), и пр. п. Такое сближеніе сходныхъ обстоятельствъ и даже созвучныхъ именъ укоренило въ народѣ это вѣрованіе, соединенное съ его бытомъ и обычаемъ.

(2) Верховажскія Записки М. И. Мясникова, въ рукописи, также Нерехотскія Записки М. Я. Діева.

Существующій донынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи суевѣрный обрядъ *Опахиванья*, или *Коровьей смерти*, совершаемый ночью женщинами во время скотскаго падежа, не есть ли останокъ обрядовъ таинственнаго служенія Волосу; ибо шествіе его сопровождается св. иконою Власія. По Вагѣ есть довольно придѣловъ и часовень въ честь Св. Власія; его праздникъ шамъ чествуютъ крестьяне разными приношеніями, особливо коровьимъ (молочнымъ) масломъ. Донынѣ въ Вельской округѣ, въ Ракульскомъ приходѣ, среди лѣсовъ, стоитъ древняя церковь во имя Св. Власія, которая икона явилась 19го Января, какъ гласитъ мѣстное преданіе. Въ его день, изо всей Вельской округи крестьяне съѣзжаются и сходятся молиться своему заступнику. Тогда приходскій священникъ совершаетъ шамъ обѣдню, потомъ служитъ общій, а наконецъ частные молебны для молельщиковъ. Туда приносятъ коровье масло, которое съ поклономъ кладутъ предъ образомъ Св. Власія. Въ праздникъ сбирается отъ 30 до 40 пудъ масла; часть онаго дается священнику съ причетомъ, а остальное въ пользу церкви. — Въ другихъ приходахъ Шенкурскаго и Вельскаго округовъ, такимъ же образомъ празднуютъ св. покровителю скотоводства, въ субботу

предъ св. Пятидесятницею. (3) Какъ въ праздникъ Св. Мученикъ Флора и Лавра приводятъ лошадей къ церкви для окропленія ихъ св. водою, такъ и къ церкви Св. Власія приводятъ коровъ, особливо во время падежа, и поютъ обѣдные молебны. Епитъ Святой на иконѣ (въ одной изъ Новгородскихъ церквей) изображенъ окруженный скотомъ. Прасолы въ Зарайскѣ, еженедѣльно, въ продолженіе цѣлаго года, служатъ молебны св. покровителю рогатаго скота.

Какъ торговля и промышленность почти всегда шли по слѣдамъ за торжествами религіозными: то съ праздниками искони соединялись торги и ярмарки. Одна изъ древнѣйшихъ ярмарокъ въ Сѣверо-Восточной Россіи, Ростовская, приходящаяся около Власьева дня, по всему вѣроятію, ведетъ свое начало отъ празднества въ честь Волоса. Въ Ростовѣ, при Св. Аврааміѣ, чтили Волоса въ видѣ камня, который наводилъ ужасъ на поклонниковъ своихъ призраками и чудными видѣніями. Ростовскій апостолъ, въ XI или въ началѣ XII вѣка, сокрушилъ этого идола шестиконечнымъ крестомъ, полученнымъ

---

(3) *Харамз.* И. Г. Р. ч. I.

ошъ Св. Іоанна Богослова, а на мѣстѣ Волосова пребища соорудилъ церковь. Въ Аврамьевскомъ монастырѣ доселѣ хранится етотъ крестъ съ надписью: „Сей крестъ во градѣ Ростовѣ, во Авраміевѣ монастырѣ Св. Іоанномъ Богословомъ данъ П. Аврамію побѣдивши ідола Велеса при Князѣ Владимірѣ". (4) Подобный Ростовскому камень (какъ видно изъ руко-„писнаго житія преп. Иринарха Ростовскаго") существовалъ въ Переславлѣ-Залѣскомъ при Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ. Потомки Мери, переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Мордвою, донынѣ еще отправляютъ праздникъ *Велѣ-Оксѣ*, напоминающій Велеса. Такіе обоготворенные камни извѣстны были въ глубокой древности у Евреевъ, Сиріанъ, Финикіанъ и другихъ народовъ; на нихъ возливался елей въ знакъ посвященія (5). Въ Россіи, по мѣстамъ, еще и теперь есть камни, уважаемые простымъ народомъ; и, вѣроятно, камень въ Мерянскомъ краю былъ представителемъ *бога скотія*. Въ Новгородѣ находилась *Волосова* улица и до нынѣ существуетъ древняя церковь св. Власія на томъ самомъ мѣстѣ, которое преданіемъ назначается истукану Волосову. Въ Южной Россіи, по свидѣтельству Протоіерея Саби-

(4) Исторія Россійской Іерархіи, ч. 3.

(5) Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи М. *Филарета*, изд. 4. Спб. 1827, въ 8.

нина, старухи *завивали бороду Волосу* предъ жатвою: собравъ горсть колосьевъ и не вырывая ихъ изъ корня, перегибали и завивали въ узелъ, въ знакъ того, чтобы до нихъ не касалась рука жницы (6). Подобное суевѣріе встрѣчается у Скандинавовъ, у которыхъ въ миѳологіи есть Val-àss или Vali-àss — волъ-богъ (7). Впрочемъ производство слова „Велесъ" или „Волосъ" созвучно также съ древнимъ vellus, руно, *волосо*, и средне-Латинскимъ velius „древній", *вельй;* но еще ближе кажется съ отечественными словами *волъ*, синонимъ Тура, и *волосъ*. Ежели Волосъ, какъ покровитель скотоводства, въ исторически-неопредѣленной еще древности, перенесенъ выходцами заморскими на югъ и сѣверъ Россіи: то вѣроятно водворился въ тѣхъ странахъ, гдѣ были скотоводцы и присоединенъ къ мѣстнымъ ихъ божествамъ. Рускіе язычники, клявшись при Олегѣ предъ Волосомъ, при заключеніи мира съ Византійцами, полагали предъ скотіимъ богомъ золото; потому-что онъ почитался источникомъ богатства, какое доставляло ско-

(6) Журналъ Министер. Народ. Просвѣщенія 1837 года, Ноябрь.

(7) Edda Saemundina. t. III. — Не имѣетъ ли отношенія къ Волосу и *Волотово поле* подъ Новгородомъ?

товодство, и по ѣтому самому очень вѣроятно, что *скотъ* замѣнялъ деньги.

Изъ оставшихся на Руси суевѣрій видно, что сему божеству приносили въ жертву масло молочное, называемое въ Череповецкомъ и Бѣлоозерскомъ уѣздахъ Новгородской Губерніи *воложнымъ* и даже *волосным*. Можетъ-статься, самая Масляница, приходящаяся около Власьева дни (11 февраля), не была ли праздникомъ Волосовымъ, а возимый тогда во многихъ мѣстахъ Россіи мужикъ на колесѣ, утвержденномъ на саняхъ, не представлялъ ли собою Волоса, похожаго на *Кродо* Нѣмецкихъ Славянъ?

Волосовскіе, или *Власьевскіе* морозы считаются послѣдними въ Сѣверо-Восточной Россіи, гдѣ у простолюдиновъ есть и поговорка: *Власій, сшиба рогъ съ зимы.* Можетъ быть, при изслѣдованіи, откроются еще слѣды этого мнѣнія въ повѣрьяхъ и обычаяхъ народныхъ, или въ названіяхъ урочищъ и въ старинныхъ сказаніяхъ, кои часто таятся въ мирномъ углу сельскаго быта, какъ завѣтное преданіе незапамятной старины.

II.

ВЕРБНАЯ СУББОТА.

Первое весеннее гулянье въ Москвѣ, съ давнихъ временъ, бываетъ въ Лазарево Воскресенье, предшествующее праздникамъ Входа въ Іерусалимъ Спасителя и Свѣтлаго Воскресенья. Отъ другихъ народныхъ гуляньевъ оно отличается скромною веселостью и трезвостію, обходится безъ шатровъ и балагановъ, безъ игръ и потѣхъ, обыкновенно сопровождающихъ народные праздники. Это собственно дѣтскій праздникъ, напоминающій торжество Еврейскихъ дѣтей, которыя подстилали ваіи, т. е. финиковыя и пальмовыя вѣтви І. Христу во время шествія Его на ослятѣ въ земный Іерусалимъ.

Вербное гулянье въ Москвѣ напоминаетъ намъ патріархальную простоту и благочестіе Руской старины: сами Монархи вмѣстѣ съ народомъ нѣкогда ходили *ломать вербу* на берега Неглинной, покрытой ивами и вербами, дабы мысленно подстилать Рускія ваіи подъ стопы Спасителя. До самаго царствованія Петра I, въ навечеріе праздника Входа во Іерусалимъ, совершался крестный ходъ съ древесными вѣтвями, а Патріархъ, въ подражаніе І. Христу, шествовалъ во всемъ обла-

ченіи на конѣ верхомъ (наряженномъ въ видѣ осла), отъ Лобнаго мѣста до Успенскаго собора, и наоборотъ. Святителя сопровождали духовныя особы, Царь и бояре, пѣшіе, съ вербами. Заведеніе выносить тогда большое дерево, обвѣшенное овощами, было слѣдствіемъ ношенія простой вербы (1). Въ память етого, у Вознесенскаго монастыря и у Лобнаго мѣста въ Москвѣ продаются вербы изъ вѣтвей самаго дерева (salix), которое къ етой порѣ обыкновенно распускаетъ свои сережки, также изъ искуственныхъ цвѣтовъ и плодовъ съ листьями и херувимами; тогда Красная площадь превращается въ движущійся вертоградъ, куда нынѣ привозятъ и приводятъ дѣтей утромъ за вербою, а съ сумерекъ начинается катанье въ разныхъ екипажахъ вокругъ Кремля, среди гуляющаго народа (2).

Достопамятный обрядъ *шествія* Святителя *на осляти*, совершался не всегда одинакимъ образомъ. Онъ извѣстенъ уже въ XVI вѣкѣ, какъ видно изъ чина поставленія Митрополітовъ Всеросс. 1539 и 1564 г. (3), бывшаго не въ Вербное Воскресенье. Гарклюйтъ, Олеарій и

(1) Взглядъ на старинную Рускую Поезію, соч. *И. Д: Иванчина-Писарева*. Москва. 1837, въ 12.

(2) Сѣверная Пчела, 1838 г. No 69.

(3) Акты Археогр. експедиціи. т. I. Спб. 1836, въ 8.

Беръ такъ описываютъ вербное шествіе: „Въ недѣлю (т. е. воскресенье) Ваій, предъ обѣднею народъ собирался въ Кремлѣ. Изъ Успенскаго собора выносили огромное дерево, обвѣшанное разными плодами и овощами, и поставивъ его на двухъ саняхъ, везли тихо. Подъ деревомъ стояли пять отроковъ въ бѣлой одеждѣ и пѣли молитвенныя пѣсни. За санями шли многіе юноши съ зажженными восковыми свѣчами и огромнымъ фонаремъ; за ними несли двѣ хоругви, шесть кадильницъ и шесть с. иконъ. За иконами слѣдовали Іереи въ великолѣпныхъ ризахъ, а за ними бояре и сановники; наконецъ самъ Государь и Митрополітъ. Послѣдній ѣхалъ верхомъ, сидя бокомъ на ослѣ, покрытомъ бѣлою тканью: въ лѣвой рукѣ держалъ Евангеліе, а правою благословлялъ народъ. Осла велъ Бояринъ; Государь придерживалъ одною рукой длинный поводъ узды, въ другой имѣлъ вербу. Путь Святителю устилали суконами. Предъ Государемъ несли пальмы, какія приносимы были изъ Палестины странниками (4) и какія доселѣ храняться въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ подъ именемъ *Царскихъ финиковыхъ вѣтвей*. Обходивъ такимъ

(4) Которые назывались *паломниками* отъ *пальмовыхъ* вѣтвей, какія приносили съ собою, или отъ Гол. сл. palm, страннический посохъ, съ какимъ хаживали пилигримы; на Аглин. palmer. с. *Карамз.* И. Г. Р. т. IX и XII.

образомъ вокругъ главныхъ церквей Кремлевскихъ, въ сопутствіи безчисленнаго множества народа, возвращались въ Успенскій соборъ, гдѣ Митрополитъ, совершивъ божественную литургію, угощалъ у себя въ Палатѣ обѣдомъ Царя и вельможъ."

Такъ отправляемъ былъ етотъ обрядъ при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ! Онъ не прекращался и во время завладѣнія Москвы Поляками. Въ 1611 году, по свидѣтельству Беровой лѣтописи, они дозволяли Патріарху Гермогену священнодѣйствовать въ недѣлю Ваій. Тогда на Красной площади, самомъ мѣстѣ церемоніи, стояли пѣшіе и конные Ляхи и Нѣмцы съ обнаженными мечами и съ заряженными пушками. Святитель, *связанный духомъ*, шествовалъ въ отечественный Іерусалимъ на осляти между рядами иновѣрцевъ; но граждане Московскіе не смѣли выдти на улицу, только нѣсколько бояръ и сановниковъ съ унылымъ видомъ слѣдовали за своимъ Пастыремъ, котораго въ Москвѣ ожидала истома и смерть. Патріаршаго осла велъ за узду, вмѣсто Царя, Князь Гундуровъ (5).

Въ церковныхъ обрядахъ 1627 г. записано (6), что „на 6 недѣли поста ввечеру и на

(5) Древняя Росс. Вивліоѳика. ч. XI.

(6) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, изд. *Устрялова*. Спб. ч. I. 1831, въ 8.

„утрени бываетъ служба въ соборѣ, а предъ „обѣднею Патріархъ ѣздитъ на осляти къ „Троицѣ на ровъ, и паки поѣдетъ въ Соборъ." Олеарій описываетъ намъ бывшее въ 1636 г. шествіе Патріарха на осляти, сходно съ первымъ въ главныхъ предметахъ, къ которымъ присоединяетъ еще, что около пятидесяти юношей въ красномъ платьѣ, скинувъ съ себя верхнюю одежду, разстилали ее по пути шествія Патріарха и Царя. Изъ Успенскаго собора, по словамъ Олеарія, Патріархъ шествовалъ къ Лобному мѣсту, съ коего давалъ благословеніе народу, а потомъ слѣдовалъ въ церковь Входа въ Іерусалимъ и, по совершеніи тамъ молебнаго пѣнія, тѣмъ же порядкомъ возвращался въ Успенскій соборъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ. Но въ чинѣ шествія (1642 г.) упоминаются нѣкоторыя особенности етого церемоніала. Іосифъ, въ день своего избранія на Патріаршество, шелъ изъ дворца черезъ Благовѣщенскую паперть къ осляти, на которое возсѣвъ, совершилъ шествіе вокругъ Кремля. Отъ Благовѣщенскаго собора ѣхалъ онъ къ Спаскимъ воротамъ; за нимъ слѣдовали въ саняхъ Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ, Рязанскій Архіепископъ Моисей и Бояре, а около Патріарха шли приказные, Конюшій, Ясельничій, и дворовыя дѣти Боярскія въ

золотныхъ одеждахъ, вмѣстѣ съ головою Стрѣлецкимъ и Полуголовою съ пѣшими же стрѣльцами. Въ сіе время протодіаконъ ѣдучи, кропилъ городъ св. водою. По прибытіи всего шествія къ Спаскимъ воротамъ, Патріархъ взошелъ на уготовленное ему мѣсто и предъ образомъ Спасителя и Богоматери, написаннымъ на воротахъ, прочелъ литію и молитву городу, и по окончаніи оной, трижды кропилъ образъ св. водою. Потомъ сошедши съ мѣста, взялъ крестъ и осѣняя онымъ, поѣхалъ, внизъ направо мимо Стрѣлецкой караульни подъ гору къ Тайницкимъ воротамъ, у которыхъ также читалъ литію и кропилъ св. водой; оттуда поѣхалъ черезъ Житный дворъ къ Боровицкимъ воротамъ. Совершивъ и на томъ мѣстѣ подобный обрядъ, поѣхалъ онъ черезъ Боровицкій мостъ вправо Стрѣлецкою слободой къ Каменному мосту и къ Неглинным воротамъ и отъ нихъ къ Никольскимъ, потомъ площадью слѣдовалъ къ Спаскимъ, говоря у всѣхъ воротъ молитвы городу и кропя ихъ св. водою. Проѣхавъ черезъ Спасскія ворота въ Кремль къ Благовѣщенскому рундуку, Патріархъ сошелъ съ осляти на рундукѣ и оправился вверхъ къ Государю въ Золотую палату. Его вели Митрополіты Ростовскій и Архіепископъ Рязанскій, а передъ нимъ шли пѣвчіе, дьяки, и пѣли стихи, въ сопутствованіи *пламенниковъ* (7) по чину. На другой день, Патріархъ, по окончаніи обѣдни въ Ризположенской церкви, сѣлъ на осла у лѣстницы съ приступка и поѣхалъ съ двора Патріаршаго въ Ризположенскія ворота. Осла велъ за конецъ повода Бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ, посреди повода Окольничій Князь Андрей Ѳедоровичь Липвиновъ-Мосальскій, а у губы осла съ правой стороны велъ его Патріаршій Бояринъ Василій Яновъ; съ другой стороны велъ за узду стремянный конюхъ, тѣже самые, которые присутствовали при церемоніи въ прошедшій день. Патріархъ поѣхалъ отъ Собора, мимо стараго Дворца Царя Бориса, къ Богоявленскому монастырю, что на Троицкомъ подворьѣ, да по за-дворцу въ Боровицкія ворота. Выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Чертольскія ворота, слѣдовалъ Патріархъ по Бѣлому городу къ Арбатскимъ, Никитскимъ, Тверскимъ и Петровскимъ воротамъ, на Трубу, къ Неглинной, чрезъ которую тогда моста не было. Для сего Патріархъ шелъ вверхъ

(7) *Пламенники*, если не *паломники*, т. е. носившіе пальмы или вербы, можетъ статься, тоже что *Огненники*, родъ служителей, бывшихъ при св. церемоніяхъ, въ красныхъ кафтанахъ.

по Неглинной мимо Стрѣлецкихъ слободъ и перешедъ Неглинную подъ Троицкой слободою (нынѣ Мѣщанскою); шелъ къ Срѣтенскимъ воротамъ, у коихъ остановясь, говорилъ молитву и окропя св. водою, вступилъ въ городъ, и слѣдуя Срѣтенскою улицей, въ Китай Никольскою улицей, въѣхалъ въ Кремль въ Никольскія ворота, оттуда къ себѣ на дворъ Патріаршій и тутъ сошелъ съ осла у лѣстницы. Патріархъ, ѣхавши около города, у каждыхъ воротъ говорилъ молитвы; за нимъ слѣдовали Ростовскій Митрополитъ Варлаамъ, Рязанскій Архіепископъ Моисей и два Пречистенскіе Ключаря, которые везли крестъ и кропили городъ св. водой. Сошедъ, Патріархъ съ осла, отправился въ келью, а Бояринъ и Окольничій поѣхали въ свои подворья. — На третій день, Марта 29го, происходила подобная церемонія. Патріархъ, отслуживъ раннюю обѣдню, пошелъ въ сопровожденіи Духовенства съ дарами къ Царю Михаилу Ѳеодоровичу; возвратясь отъ него, сѣлъ на осла у себя на дворѣ у лѣстницы, поѣхалъ Ризположенскими воротами въ Никольскія, и выѣхавъ за Бѣлый городъ въ Срѣтенскія ворота, ѣхалъ у Бѣлаго города къ Яузскимъ воротамъ, у коихъ прочтя молитву и кропя св. водою, слѣдовалъ въ городъ чрезъ Яузскія, Варварскія и Спаскія

ворота въ Кремль, совершая подобныя дѣйствія, какъ и въ первые дни, Бояринъ, Окольничій, Патріаршій Бояринъ и конюхъ вели подъ Патріархомъ осла, тѣ же, которые и прежде были. Изъ Духовенства, Рязанскій Архіепископъ не присутствовалъ за тѣмъ, что впалъ въ немилость у Царя. Патріархъ пріѣхавъ на свой дворъ, отпустилъ Боярина и Окольничаго на подворья, а стола у него не было, для того, что „въ великій постъ „пировать не пристало“ (8). Въ Треодіонѣ 1666 г. при описаніи церемоніи Ваій, совершенной Патріархомъ Іосафомъ, не упоминается объ ослѣ; но 1668 году, въ Вербное воскресенье повторялась на Лобномъ мѣстѣ въ лицахъ евангельская исторія: Патріархъ словами Христа посылалъ Протопопа и Ключаря за осляткомъ, которое стояло на уготованномъ мѣстѣ. Патріаршій Бояринъ спрашивалъ, а они ему отвѣчали, какъ въ Евангеліи сказано. Потомъ Патріархъ взявъ въ одну руку Евангеліе, а въ другую напрестольный крестъ, и осѣнивъ имъ Царя, садился на осля, которое Государь бралъ и велъ за поводъ. Процессія шла къ Успенскому Собору чрезъ Спаскія ворота въ преднесе-

(8) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, *г. Успенскаго*. Харьковъ. 2 ч. 1818, въ 8. — Московскій Наблюдатель, 1837, No 3.

ніи нарядной вербы. Царь и прочіе несли ваіи; по прибытіи въ Соборъ процессіи, дочитывалось Евангеліе и начиналась литургія.

Одинъ Нѣмецкій ученый, въ концѣ XVII вѣка, очевидный свидѣтель подобной церемоніи въ Москвѣ, описываетъ ее точно такъ, какъ она происходила при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, упоминая о везенномъ деревѣ съ разными плодами, опрокахъ, воспѣвавшихъ *Осанна*, и о шествіи на осляти Патріарха, котораго сопровождали Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи, державшіе за поводъ осла, покрытаго чернымъ сукномъ. Въ продолженіи шествія дѣти подстилали Патріарху, по словамъ писателя, свои одежды и разныя ткани: Патріархъ въ благодарность подносилъ обоимъ Царямъ 500 рубл. (9)

Подобную церемонію Архіереи совершали и въ городахъ съ Воеводами. Когдажъ она прекращена была: тогда дозволено только крестное хожденіе съ *иконою Входа Господня, аще молва гдѣ чается*, или *будутъ настоять благоговѣйніи людіе*.

Россійскій Патріархъ Іоакимъ, на созванномъ имъ Соборѣ 1678 г., подвергнувъ разсмотрѣнію *обрядъ шествія на осляти* и не нашедши ни церковнаго положенія на оный,

(9) Anhang von der Reußischen Religion. Leipz. 1698, in 12.

ни извѣстія о началѣ его въ Россіи, призналъ его нововведеніемъ, вошедшимъ въ смутныя времена нашего отечества. Предоставивъ Патріарху етотъ обрядъ, какъ уже вкоренившійся въ Столицѣ, онъ запретилъ подражать оному всѣмъ Архіереямъ по провинціальнымъ городамъ, гдѣ его обыкновеніе только еще распространилось; а Императоръ Петръ I вмѣстѣ съ уничтоженіемъ самаго Патріаршества и совсѣмъ прекратилъ совершеніе етого обряда въ Россіи, исторически и канонически неопредѣленнаго.

Подобный обрядъ издревле существовалъ на Востокѣ и на Западѣ. Пахимеръ упоминаетъ о шествіи на осляти Патріарха Константинопольскаго; въ етотъ день при Византійскомъ дворѣ раздавались золотыя монеты и другіе подарки, называемые, какъ и самый праздникъ, *Βαΐα*. Гилдебрандъ въ книгѣ своей de diebus festis свидѣтельствуетъ, что Григорій великій, въ концѣ VI вѣка, учредилъ въ Вербное Воскресенье св. хожденіе, которое при Карлѣ Великомъ вошло въ общее употребленіе на Западѣ, гдѣ етотъ праздникъ назывался Dominica palmarum, или in palmis, также in ramis palmarum. Но еще Св. Іоаннъ Златоустъ въ одной бесѣдѣ своей говоритъ: „въ етомъ шествіи, которое совер„шаю съ вами, проспиру не вѣпви пальмовыя,

„но ученіе, чтобы, подобно вдовицѣ, принести „двѣ лепты.“ Киннамъ въ Римской Исторіи пишетъ, что и на Западѣ Императоры водили коня подъ Патріархомъ. Олеарій же въ своихъ путевыхъ запискахъ, ссылаясь на хронику Антонина, Епіскопа Флоренціинскаго, свидѣтельствуетъ, что Императоръ Конспаншинъ Мономахъ, жившій въ XI вѣкѣ, держалъ за узду лошадь у Патріарха Михаила Келуларія, когда онъ садился на нее, и велъ ее. Гилдебрандъ описываетъ намъ чрезвычайное удивленіе Турецкихъ посланниковъ, смотрѣвшихъ въ Краковѣ подобную церемонію, и Францисканецъ Каремъ, посѣщавшій Палестину въ началѣ XVII вѣка, такъ изображаетъ видѣнный имъ обрядъ Входа въ Іерусалимъ: „Для сохраненія воспоминанія о „торжественномъ шествіи Спасителя, ежегодно въ день праздника Входа Архіерей Св. „горы Сіона съ братіею, странниками и жи„телями Іерусалима, по примѣру Христа и „учениковъ его, отправляется въ Виѳсфа„гію и, тамъ облобызавъ св. землю, творятъ „молитву; потомъ Архипастырь говоритъ „малому своему стаду поученіе, приличное „времени и мѣсту. По окончаніи духовной „бѣсѣды, діаконъ въ облаченіи читаетъ Еван„геліе отъ Матѳея, которое обыкновенно „въ етотъ день назначено для чтенія въ

„церкви и при словахъ *тогда Іисусъ посла* „*два ученика, глаголя има* — Архіерей гово„ритъ двумъ братіямъ, которые приходятъ „къ нему и дѣлаютъ поклоны: *Идита въ весь, „яже прямо вама;* напослѣдокъ діаконъ окан„чиваетъ Евангеліе (10). Между тѣмъ двое „братій идутъ ко граду, т. е. къ тому мѣ„сту, гдѣ нѣкогда была весь ослицы и, на„шедши приготовленное уже тамъ осля, ве„дутъ его къ Архіерею, котораго и сажаютъ „на ето животное, покрытое одеждою. Архи„пастырь, возсѣвъ на осла, шествуетъ чрезъ „Масличную гору въ Іерусалимъ въ сопро„вожденіи Духовенства и прочихъ вѣрныхъ, „которые постилаютъ ему на пути правы, „цвѣты и одежды свои и, подобно дѣтямъ „Еврейскимъ, поютъ *Осанна.* По прибытіи „къ тому мѣсту, гдѣ Христосъ, увидѣвъ „градъ, оплакивалъ его, читается XIX глава „Евангелія отъ Луки, въ коемъ описывается „плачъ Іисуса. Потомъ шествіе продолжается „при безчисленномъ стеченіи народа. Какъ „нельзя нынѣ входить черезъ Золотыя во„роты: то процессія вступаетъ въ Сіонскія

(10) Die Feste der alten Christen, von D. J. W. Augusti. 2 B. Leipz. 1818, in 8. — О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835, въ 12.

»и оттуда достигаетъ церкви Спасителя. »Тамъ сходитъ Архіерей съ осляти и по »успаву совершаетъ въ церкви службу, кото»рая оканчивается благословеніемъ народу.«

Въ Римско-Католическихъ странахъ, кромѣ освященія ваій, существовало прежде обыкновеніе въ праздникъ ваій, у Нѣмцевъ названный *голубою Пасхою* (der blaue Ostertag и Palm-Sonntag,) возить въ процессіи колесницу, на которую ставился рѣзный изъ дерева оселъ съ изображеніемъ возсѣдающаго на немъ Христа.

Отечественная церковь для своихъ цѣлей скорѣе могла заимствовать *обрядъ шествія на осляти* отъ Грековъ, чѣмъ отъ Латынянъ, по отчужденію себя отъ послѣднихъ. Вѣроятно, Россійскіе Святители, издревле хиротонисанные въ Царьградѣ, и паломники, видѣвшіе въ Св. Землѣ сіе торжественное дѣйствіе, перенесли его въ свое отечество, гдѣ оно измѣнялось въ частныхъ особенностяхъ, смотря по обстоятельствамъ времени, по произволу Государя и Святителя. И такъ, обыкновеніе сіе, похвальное по назиданію, какое Самодержцы подавали народу своимъ смиреніемъ и уничиженіемъ въ лицѣ Іерарха предъ самимъ Царемъ царствующихъ, было не новое и не частное для одной Россіи: оно проявляло духъ того вѣка и сдѣлалось исторически въ ней извѣстнымъ не прежде XVI стол. Но какъ народъ сталъ смотрѣть болѣе на внѣшность, нежели на духъ сего обряда: то сперва на Западѣ, потомъ на Востокѣ, а наконецъ и въ нашемъ отечествѣ онъ уничтожился; но воспоминаніе осталось въ настоящемъ гуляньѣ народномъ на Красной площади, куда народъ сбирается, и по прекращеніи духовной церемоніи, смотрѣть и покупать изукрашенную вербу. Катанье въ екипажахъ, по преданію, въ Вербную субботу началось здѣсь не прежде царствованія Анны Ивановны.

Въ Кіевской Губерніи доселѣ еще наканунѣ праздника Входа въ Іерусалимъ, въ вечернее время, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, бываетъ торжественный ходъ съ освященными молитвою ваіями, изъ одной какой либо церкви въ другую. Въ Харьковѣ, въ Вербную недѣлю, училищное Начальство тамошняго Коллегіума вмѣстѣ съ воспитанниками онаго совершало шествіе съ вербами изъ градской приходской церкви С. Димитрія. Въ слободѣ Копельвѣ Ахтырскаго уѣзда, по свидѣтельству Г. Маркова, ежегодно тогда же носилась верба народомъ вмѣстѣ съ Духовенствомъ изъ Троицкой въ Преображенскую церковь. Голембовскій описываетъ намъ обряды вербные въ Польскихъ училищахъ. Въ Цвѣтоносное Воскресенье, въ Липвѣ и

Польшѣ изъ каждой приходской школы, выбирали учениковъ для процессіи, одѣвъ ихъ въ лучшее платье; съ букетами цвѣтовъ, имѣя на рукахъ fontarie, перевязанныя шелковымъ платкомъ или лентою, они держали въ рукахъ пальмы (вербы). При Владиславѣ IV, баричи въ бѣлой одеждѣ подносили Королю пальмы: обычай прекращенъ при Янѣ Казимирѣ. Въ Литвѣ и Красной Руси, по возвращеніи изъ церкви домой съ вербою, богомольцы били взаимно дѣтей и домашнихъ, говоря:

Ne ja biju, nie
Werba bije.
Za tydeń,
Welik deń.
Chira w lés,
Zdorowje u kości! (11)

Подобный обычай доселѣ отчасти удерживается въ великой Россіи у просвѣтителей; кто проспалъ Вербную заутреню, того бьютъ вербою, приговаривая: *Не я бью, а верба бьетъ*, или *Верба хлёстъ, бей до слёзъ! на красныя яицы, на лягкія перепечи!* Выше замѣтили мы, что въ Юрьевъ день, освященною вербой выгоняютъ скотину въ поле для предохраненія оной отъ болѣзни и напасти.

(11) Lud Polski, p. *L. Golębiowskiego*, w Warsch. 1830, in 8.

III.

О СКУДЕЛЬНИЦАХЪ, ИЛИ УБОГИХЪ ДОМАХЪ ВЪ РОССІИ.

Воздавать послѣдній долгъ смертнымъ останкамъ согражданина и ближняго было священною обязанностью у древнихъ народовъ, ознаменовавшихъ бытіе свое въ Исторіи міра дѣлами. Обычаи праотцевъ, законы и самая религія освятили сію обязанность, которую Греки язычники называли *праведною*, *законною* (δίκαια), а Римляне justa, т. е. funera; нарушеніе оной вмѣнялось въ преступленіе (1). У Евреевъ почиталось богоугоднымъ дѣломъ погребать убогихъ мертвыхъ и на могилахъ ихъ раздавать пищу убогимъ живымъ (2), равно какъ лишиться погребенія или не быть на поминовеніи родныхъ поставлялось въ наказаніе, коимъ угрожаетъ Пророкъ беззаконнымъ, именно въ

(1) *M. T. Ciceronis* de legibus l. III. ed. *I. Goerenz.* Lipsiae. 1819, in 8.

(2) *Тов.* IV, 17. *Іерем. Сир.* VII, 36. Diction. histor. crit. chron. etc. de la Bible, par le pere Dom A. *Calmet.* VI t. à Toulouse. 1783, in 8.

такихъ словахъ: *не погребутся, ни оплачутся — и не преломятъ хлѣба въ стенаніи ихъ ко утѣшенію надъ мертвымъ, и не дадутъ имъ пити чаши ко утѣшенію надъ отцемъ и матерію ихъ* (3). Добрый Товитъ, въ день Св. Пятидесятницы за трапезою, услышавъ отъ сына своего Товія, что одинъ изъ земляковъ *(отъ рода)* удавленный лежитъ на торжищѣ, оставилъ свою трапезу и пошелъ его похоронить (4), положивъ его до захожденія солнца въ *нѣкоемъ домѣ*. — Слѣдуя етому человѣколюбивому примѣру, церковь поставляетъ въ числѣ дѣлъ милосердія погребеніе умершихъ въ крайнемъ убожествѣ. Въ первенствующей церкви Христіане изъ человѣколюбія и милосердія обрекали себя на погребеніе усопшихъ собратій своихъ; они извѣстны были подъ именемъ *труждающихся*, которые и донынѣ поминаются на ектеніи въ божественной литургіи (5). Етому примѣру подражала не только Восточная, но и Западная Церковь. Одинъ изъ нашихъ путешественниковъ замѣчаетъ, что во Флоренціи съ

(3) *Іереміи*, XVI. 7—8 и XXII, 9—18.

(4) *Книга Товита*, гл. II, ст. 3. гл. I, ст. 17. И аще коего отъ рода моего видѣхъ умерша и извержена внѣ стѣны Ниневіи, погребахъ его.

(5) κοπιάται, κοπιῶντες, fossarii, vespillones. — R. P. Goar ΕΥΧΟΛΟΓΙΟΝ, s. rituale Graecorum. Venet. 1730, in f.

XIV вѣка еще и доселѣ существуетъ состоящее изъ почетныхъ гражданъ *Общество братьевъ милосердія*, къ которому принадлежать за честь себѣ поставляли и Герцоги Тосканскіе: оно имѣетъ цѣлію благотворить убогимъ и погребать ихъ. Члены сего Общества, одѣвшись въ черное льняное платье, съ закрытымъ лицемъ, несутъ на плечахъ своихъ тѣло усопшаго нищаго до кладбища и тамъ честно предаютъ его землѣ (6). Въ Россіи были такогожъ рода труженики, которыхъ имена сохранены для насъ отечественными лѣтописцами: въ Кіевѣ св. угодникъ Божій Марко гробокопатель, въ Переславлѣ-Залѣсскомъ С. Даніилъ Протасіевъ, въ Новгородѣ боголюбивый Станило и нищей Жгальцо. Стражи Убогихъ домовъ назывались *Божедомали*; а въ Новгородской и Вологодской Губерніи *Богорадными* и *Божатыми* (7).

„Христіанская набожность нашихъ пред„ковъ — пишетъ Карамзинъ въ своей Исто„ріи — произвела одинъ умилительный обы„чай. Близъ Москвы было кладбище, назы„ваемое *селомъ скудельничимъ*, гдѣ люди до„бролюбивые, въ четвертокъ передъ Троицы„нымъ днемъ, сходились рыпь могилы, для

(6) Сѣверные цвѣты. Спб. 1825, въ 16.

(7) О Божедомѣ сохранилась въ народѣ и поговорка: *Живетъ одинъ, какъ Божедомъ.*

„странниковъ и пѣснь паннихиды въ успокое-
„ніе души пѣхъ, коихъ имена, отечество и
„вѣра были имъ неизвѣстны; они не умѣли
„назвать ихъ, но думали, что Богъ слы-
„шитъ и знаетъ, за кого возсылаются къ
„Нему сіи чистыя, безкорыстныя, истинно
„христіанскія молитвы. Тамъ погребались
„тѣла, находимыя въ окрестностяхъ города,
„а, можетъ быть, и всѣхъ иноземцевъ.“ (8)

Въ отечественной Исторіи трогательное воспоминаніе о семъ благочестивомъ обычаѣ предковъ нашихъ заставляетъ насъ изслѣдовать нѣсколько подробнѣе оный, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ къ отечественнымъ Древностямъ и къ Исторіи Церкви, по своему началу, цѣли, времени и мѣсту его учрежденія въ Россіи. Еще и теперь существуютъ многія урочища, запечатлѣнныя названіемъ *Скудели*, или *Убогихъ домовъ*, какъ въ самой древней Столицѣ, такъ равно и во многихъ другихъ городахъ Россійскаго Государства.

Скудельницы, или *Божіи домы*, получили свое начало отъ подражанія бывшему близъ Іерусалима на горѣ Сіонѣ *Селу скудельничу*, купленному Іудейскими Архіереями за тридцать сребрениковъ, цѣну предательства Іудина; почему и называлось сіе мѣсто

(8) *Карамз.* И. Р. Г. т. VII. 2 изд.

село крове (Акелдама). Такъ какъ это поле скудельниче (*ἀγρὸς τοῦ κεραμέως*), изтощено было горшечными заводами и не годилось ни на какое другое употребленіе; посему и назначено Іудеями для *погребенія странныхъ*, т. е. Іудеямъ, приходившимъ въ Іерусалимъ на поклоненіе Богу изъ отдаленныхъ странъ и, при внезапной смерти своей, неимѣвшимъ себѣ мѣста для погребенія (9); ибо жители Іерусалимскіе не допускали хоронить ихъ на своихъ кладбищахъ. І. Златоустъ говоритъ, что при самомъ въѣздѣ въ города были подобныя кладбища. У Римлянъ мѣста для погребенія бѣдныхъ внѣ города издревле существовали подъ именемъ Puticulae, гноища.

Въ Россіи *Скудельницы*, устроенныя по примѣру Грековъ, назывались также *Буйвищами* въ Тверской и Псковской Губерніяхъ, и *Гноищами*, какъ видно изъ завѣщанія Митрополіта Стефана Рязанскаго, который просилъ похоронить себя за городомъ *на гноищѣ*. Въ Костромѣ донынѣ существуетъ церковь С. Козмы и Даміана *на гноищи*. *Убогіе домы* сходствуютъ съ *Жалями* и *Жальниками* въ лѣсахъ, не только въ Новгородской Губерніи, но и въ Великой Польшѣ, въ землѣ Добрынской и Хельмской и въ Куявахъ:

(9) *Матѳ.* XXVII, ст. 7. — *Дѣян. Апост.* I. ст. 19. см. D. J. *Rozenmülleri* Scholia in Nov. Test. t. I. Norimb. 1835. 8.

на етихъ Жальникахъ хоронятъ самоубійцъ и младенцевъ мертворожденныхъ. *Усыпальницы же* въ нѣкоторыхъ монастыряхъ состоятъ изъ сарая съ ямникомъ, куда спавятъ гробы и засыпаютъ ихъ землею тогда, когда ими наполнится весь ямникъ.

Извѣстно, что въ Россіи издревле до XVIII вѣка погребали богатыхъ и значительныхъ людей внутри городовъ, при церквахъ; а убогихъ отвозили на Убогіе домы, кои состояли изъ ямника, опущеннаго въ землю, съ сараемъ сверху: при нихъ бывала часовня для пристанища крестному ходу, или церковь. Въ Семицкій четвергъ, на седьмой седмицѣ по Пасхѣ, когда церковь наша поминаетъ всѣхъ прежде почившихъ отецъ и братій и приноситъ *отистительныя молитвы и жертвы о душахъ ихъ* — бывалъ на Божедомку изъ ближайшаго монастыря, или Собора крестный ходъ (10) и стекался народъ съ гробами, одеждами и саванами для мертвыхъ: благочестивые сами изъ усердія рыли ямы, разбирали голыми руками пѣла, по большей части, завернутыя въ рогожки, и по Христіанскому милосердію, не гнушаясь отвратительнаго вида и запаха труповъ, долго лежавшихъ въ ямникѣ

(10) Книга *Пентікостаріонъ, еже есть Пятдесятница*. см. Службу въ недѣлю Пентікостіи.

сарая, опрятывали оные, надѣвали на нихъ бѣлыя рубахи и саваны, потомъ клали въ гробы и опускали въ приготовленныя для сего ямы и зарывали; иные между тѣлами находили своихъ родныхъ или знакомыхъ, безъ вѣсти пропавшихъ.

По заваленіи етихъ ямъ, Духовенство совершало общую паннихиду; послѣ чего доброхотными дателями раздавалась Божедому и собиравшимся на Убогій домъ нищимъ милостыня и приносимые туда съѣстные припасы, какъ-то: блины, пироги, калачи и пр. Кромѣ Семика, 1668 г. въ день Покрова Божія Матери, посылались Патріархомъ, Архимандріты и Власти на Убогій домъ для отправленія общей паннихиды по убогихъ, которыхъ тогда же погребали въ общей ямѣ (11). Очевидный свидѣтель въ XVI вѣкѣ Принцъ-Буххау, Цесарскій посланникъ въ Россіи, утверждаетъ, что такая церемонія совершалась троекратно въ годъ (12). Кромѣ Семика и Покрова, установлена была 21 Іюня общая память по усопшихъ, какъ видно изъ грамоты 1548 г. (13), или въ другой день.

(11) Древняя Росс. Вивліоѳика, ч. X. Москва. 1789, въ 8.

(12) De ortu et progressu Moscoviae. Gubenae. 1620, in 12.

(13) Акты археографическои Експедиціи. т. 2, Спб. 1836, въ 4.

Помянувъ покойныхъ на Убогомъ домѣ, народъ обращался къ проспымъ увеселеніямъ, съ какими соединенъ былъ существующій съ незапамятныхъ временъ праздникъ *Семикъ*, какъ бы преддверіе весны и радостное прообразованіе оживленія природы.

О назначеніи, распространеніи и уничтоженіи въ Россіи *Скудельницъ*, или *Убогихъ домовъ*, упоминаютъ не только отечественные, но и чужестранные писатели, какъ о предметѣ, достопримѣчательномъ въ отношеніи къ народности, религіи и нравственности. Учрежденіе скудельницъ у Рускихъ составляло, такъ сказать, переходъ отъ языческой Тризны или Справы къ благочестивому и человѣколюбивому обычаю погребенія и поминовенія умершихъ, къ коему могутъ относиться и слова В. К. Владиміра Мономаха: „надъ мертвеца идѣше, яко вси мертвени „есмы“ (14).

Съ постепеннымъ введеніемъ и распространеніемъ св. Вѣры въ Россіи введенъ и распространенъ еще обычай, противопоставленный языческимъ обрядамъ Семика, еще свѣжимъ и памятнымъ въ первыя времена Рускаго Христіанства. Когда самыя

(14) Духовная В. К. Владиміра Мономаха дѣтямъ своимъ. Спб. 1793, въ 3.

церкви и погосты оныхъ, или монастыри служили усыпальницами для прихожанъ и когда не было еще общественныхъ кладбищъ: тогда убогіе, скудные и пришельцы, застигнутые насильственною или внезапною смертію, полагались въ Убогихъ домахъ внѣ города до срока общаго погребенія и поминовенія.

Но прежде нежели разсмотримъ, когда и гдѣ появились первыя скудельницы и какое ихъ было назначеніе, постараемся разобрать самое значеніе словъ *Убогіе домы*.

---

§ 1. Въ праздникъ Пятдесятницы, *иже есть святѣ седмь седмиць*, Церковь наша, воспоминая въ *мертвенныхъ* молитвословіяхъ своихъ о всѣхъ прежде почившихъ отцахъ и братіяхъ, отъ вѣка усопшихъ, въ упованіи на милосердіе Искупителя, ходатайствуетъ за *убогихъ* Божіихъ, постигнутыхъ напрасною смертію — попаленныхъ молніею, замерзшихъ отъ холода, утопшихъ, убитыхъ на брани или разбойниками, отравленныхъ и пр. (15).

Самое слово *убогій* имѣло разныя значенія, которыя заключали въ себѣ выше изло-

(15) см. *Пентікостаріонъ*, Служба въ седьмую седмицу по Пасхѣ.

женныя поняпія, пакъ что и разное словопроизводспво имъ не пропиворѣчипъ. Если принять производство онаго отъ словъ *у Бога*, т. е. живущій *у Бога*, подъ Его кровомъ, какъ богадѣльникъ, т. е. *Бога дѣля* (для): то оно будетъ означать всѣхъ лишенныхъ крова и средспва къ пропипанію—бѣдныхъ, скудныхъ, нищихъ, странныхъ, или со спороны пришедшихъ, спороннихъ. Если же производить сіе слово отъ *убой*, *убійство* (ибо и на древнемъ холщевомъ антиминсѣ церкви св. Іоанна Воина на Убожедомкѣ написано *на убоіихъ домѣхъ*): то будетъ означать убипыхъ, или заспигнупыхъ насильственною смерпію на дорогѣ или на улицѣ, и даже казненныхъ торговою казнію. Достовѣрно, что и тѣ и другіе погребались на Убогихъ Домахъ, и подъ словомъ *убогіе* разумѣлись тѣ и другіе, какъ объясняется древними памяпниками, простонароднымъ и областнымъ употребленіемъ сего выраженія. Въ доказательство перваго словопроизводспва послужитъ великаго въ благочеспивомъ смиреніи Архипастыря Св. Димипрія Туптолы *Духовная грамата*, гдѣ онъ именно пакъ завѣщаетъ: „И аще мене „пако *нища* никто же восхощетъ обычному „предапи погребенію, молю убо тѣхъ, иже „свою смерпь памятспвуютъ, да отвле„кутъ мое грѣшное тѣло во убогій домъ, и

„тамо между прупіямъ да повергутъ е.“ (16)— Въ доказательство же втораго послужитъ намъ послѣдняго Патріарха Росс. *Адріана наказъ поповскимъ старостамъ*, гдѣ именно означается, кого должно хоронить на Убогомъ дому: „А который человѣкъ обѣсит„ся, или зарѣжется, или купаясь и похва„ляясь и играя утонетъ, или вина опьет„ся, или съ качели убьется, или иную ка„кую смерпь самъ надъ собою своими ру„ками учинитъ, или на разбоѣ и на воровспвѣ „какомъ убитъ будетъ, и тѣхъ умершихъ „тѣлъ у церкви Божіи не погребать, и надъ „ними отпѣвать не велѣть, а велѣть ихъ „класть въ лѣсу, или на полѣ, кромѣ клад„бища и убогихъ домовъ. Который чело„вѣкъ на разбоѣ, или на воровспвѣ будетъ „битъ, и пришлютъ для исповѣди къ отцу „духовному, и того разбойника или вора при „смерпи исповѣдать, и по разсужденію отца „духовнаго, запасными дары причастить, а „какъ онъ умретъ, и его положитъ безъ „отпѣванія въ городѣ въ убогомъ дому, „гдѣ такіежъ воры и разбойники кладутся. „Которые въ городѣхъ воры и разбойники „мужеска и женска полу по указу Великаго

(16) Сочиненія *Св. Димитрія М. Ростовскаго* I т. М. 1805—7, въ 4.

„Государя осуждены будутъ къ смертной „казни, и тѣ воры и разбойники при смерти „просятъ будутъ отцевъ духовныхъ, чтобъ „имъ предъ ними исповѣдаться, и тѣхъ во„ровъ и разбойниковъ велѣтъ попомъ испо„вѣдать, и по разсужденію отцевъ духов„ныхъ, запасными дары причастить, и по„слѣ казни велѣтъ ихъ класть въ Убогомъ „дому« (17).

Изъ преданій и лѣтописей значится, что на Убогихъ домахъ иногда хоронили и самоубійцъ; сіе подтверждается также грамотою Патріарха Филарета (за полвѣка до Адріанова наказа), данною 1619 года Арзамазскому Спаскому монастырю (18). Упоминая о сборѣ вѣнечныхъ и похоронныхъ пошлинъ съ крестьянъ того монастыря, Святитель заповѣдываетъ: „похоронятии имъ „тѣхъ людей, надъ которыми учинится ско„рая смерть, кусомъ подавится, или кто „кого ножемъ зарѣжетъ, или съ древа убьется, „или утонетъ не купаючися, или оправною „смертію умретъ, а не самъ себя оправитъ, „тѣхъ у церкви Божіей похоронятии и надъ „ними отпѣвати, какъ и надъ прочими хри„стіаны; а который человѣкъ вина опьется, „или удавится, или зарѣжется, или съ ка-

(17) Древн. Росс. Вивл. ч. XV. стр. 386, 1790 въ 8.
(18) Исторія Росс. Іерархіи. т. III. стр. 269.

„челей убьется, или купаючись утонетъ, „или самъ себя оправитъ, или иное какое „дурно самъ надъ собою учинитъ, и тѣхъ въ „церкви Божіей не хоронятии и надъ ними „не отпѣвати, велѣти ихъ класти въ *убогихъ* „*домахъ*, а похороннаго имати по гривнѣ.“ —

Вѣроятно, что сіе постановленіе было частнымъ, мѣстнымъ изключеніемъ, которое отчасти согласно было съ правиломъ церковнымъ, допускающимъ тогда только совершать моленіе надъ самоубійцею, *аще онъ будетъ во истину умъ погубилъ*. „Въ семъ случаѣ, какъ замѣчаетъ М. Митрополитъ Филаретъ, дозволено самоубійцу похоронить на такомъ кладбищѣ, каково Убогій домъ, гдѣ о погребенныхъ совершалось церковное моленіе“ (19).

Убогій домъ былъ также опальнымъ кладбищемъ, гдѣ хоронили казненныхъ, или умершихъ въ опалѣ. Тѣло Царя Бориса Годунова, погребенное съ честію въ Архангельскомъ Соборѣ, по приказанію Димитрія Самозванца, вынуто изъ гробницы, и не въ двери, но чрезъ нарочно пробитое въ стѣнѣ Собора отверстіе выброшено и погребено въ единомъ отъ *убогихъ* монастырей — Московскомъ Варсонофьевскомъ (20),

(19) Мороз. Лѣтоп. въ *Кар.* Ист. Гос. Росс. т. XI.
(20) Труды Общества Ист. и Др. Росс. ч. III. кн. I. М. 1826, въ 8.

при коемъ находился Убогій домъ съ церковію, донынѣ состоящею, Св. Николая, что въ Звонаряхъ (21). Наконецъ, и трупъ Димитрія Самозванца, преемника Борисова, изъязвленный, обнаженный и обруганный народомъ, какъ ненавистные остатки злодѣя, отвезенъ въ Убогій домъ (гдѣ нынѣ Убожедомскій Покровскій монастырь); но дроги, на конхъ лежалъ Отрепьевъ, не проѣхали въ ворота сего дома: по духу тогдашняго времени, сіе приписали чуду — трупъ сняли съ дрогъ и спящили его въ яму Скудельни. Во время пребыванія Отрепьева тѣла на Убогомъ дому, какъ тогдашній лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, видали надъ нимъ разные чудные и страшные призраки, слыхали вопли и завыванія; трупъ его будто являлся то за версту предъ Убогимъ домомъ, то близъ онаго; къ сему выпалъ глубокій снѣгъ, насталъ холодъ и свирѣпствовали ужасные вихри (сіе было въ Маѣ, 1606 года). Изъ чего тогда и заключили, что земля не принимаетъ Самозванца — и перевезли бездушные останки безпокойнаго мертвеца на Серпуховскую дорогу и въ мѣстечкѣ Коплахъ сожгли его и пепелъ разсѣяли по

(21) *Мичурина* Планъ Москвы, 1739, и Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ Московскимъ. М. 1792. 4 части, въ 12.

воздуху (22). И такъ, *убогими* назывались опальные, лишенные св. напутствія таинствами, оставленные безъ совершенія надъ ними обрядовъ отпѣванія въ церкви и не оплаканные родными. *Скудельница* собственно происходила отъ *села скудельница*, поля, гдѣ добывали глину, каковое, какъ видно изъ Евангелія, куплено было для погребенія странныхъ; у Рускаго народа, по замѣчанію Доктора Богословія П. М. Терновскаго, сіе слово весьма хорошо могло быть употреблено для означенія мѣста погребенія *скудныхъ*, *убогихъ*, также по созвучію его съ словомъ *скуда*, убожество, скудость, и по сходству истощенной, безплодной земли съ неимущимъ, скуднымъ человѣкомъ.

---

§ 2. О скудельницѣ въ первый только разъ упоминаетъ Новгородскій Лѣтописецъ 1230 года, что Архіепископъ Спиридонъ поставилъ въ Новгородѣ скудельницу у Св. Апостолъ, въ ямѣ на Пруской улицѣ, выбралъ для смотрѣнія за оною человѣколюбиваго мужа Станилу. Лѣтописецъ, говоря объ этомъ, по тогдашнему времени, полезномъ учрежденіи Спиридона, какъ о внушеніи Божіемъ,

(22) Дополненіе къ Дѣян. Петра I, часть I, стр. 294.

прибавляетъ слова: *и вложи Богъ въ сердце благое творити Владыцѣ.* Тутъ же лѣтописецъ замѣчаетъ: „ини (во время голода) про„спаа чадь рѣзаху люди живыя, и ядяху; а „иныя мертвое пруніе обрѣзывающее ядяху— „и поставиша другую скудельницу конецъ „Чюдницевѣ улицѣ, а та полна бысь.“ — Во время сильнаго мора въ Смоленскѣ, 1231 года, сдѣланы были четыре скудельницы; въ двухъ положено 16 тысячь человѣкъ, въ третьей 7 тыс., а въ четвертой 9 тыс. челов. (23). При распространеніи Черной смерти въ Россіи, въ XIV в., строились во многихъ мѣстахъ скудельницы для погребенія погибшихъ. Когда етотъ моръ посѣтилъ Псковъ: тогда, по сказанію туземнаго лѣтописца, „веледуш„ніи, весь страхъ смертный отъ сердецъ „своихъ отринувше, безъ сомнѣнія, и чуждая „мертвецы, или сироты и убогіи небрегомы, „тѣхъ опрятывающе и износяще, погребаху „и память по нихъ творяще службами и „просвирами, спасенія ради себя и своимъ „душамъ.“

Во время Новгородскаго мора 1467 года, въ Неревскомъ концѣ, при Звѣринскомъ дѣвичемъ монастырѣ была близъ церкви Покрова Богородицы *велія скудельница.* Архіепископъ

(23) *Карамз.* И. Г. Р. т. III, прим. 335.

Іоаннъ, по сказанію лѣтописи, слышалъ свыше гласъ: *иди со кресты въ Неревской конецъ и престанетъ моръ.* Послѣ молебна предъ явленною на скудельницѣ иконою С. Симеона Богопріимца, моръ сталъ прекращаться. Во время Псковскаго мора, 1465 года, во всякомъ концѣ выкопаны были скудельницы, гдѣ клали мертвыхъ (24). Въ Софійскомъ временникѣ, подъ 1474 годомъ, упоминается о *селѣ скудельничемъ* въ Москвѣ и притомъ повѣствуется слѣдующій замѣчательный случай: „Человѣкъ нѣкій во градѣ Москвѣ хо„дивъ по обычаю къ селу скуделничу, иже „имѣютъ гражане на погребеніе страннымъ: „обычаи же имѣяху въ четвергъ 3 недѣли „ходити тамо, и куняху тутно канонъ и „свѣща и молбу творяху о умершихъ (вку„пѣ же и сей идяше) и загребаху старую яму; „иже полну мертвыхъ накладену, а новую „ископаваху; туже вси и копаютъ и засы„паютъ землю Бога ради, но вси гражане „мужи и жены. Сей же человѣкъ вземъ въ „приполъ земли изъ новыя ямы, да понесе „на ту старую, и тѣсноты ради людскыя „спотыкнуся паде на земли, внезапу оглохну „и онѣме.“ Мощи св. Ѳеогноста Митрополита въ Успенскомъ Соборѣ его нацѣлили. —

(24) *Карамз.* И. Г. Р. т. V.

Въ *Новгор. Лѣт.* подъ 1570 годомъ, когда случился моръ, упоминается, что „8го Сен„тября, за городомъ у Рожества Христова „на полѣ всѣмъ Новымъ городомъ, всѣми со„боры опѣвали умершихъ надъ скудельни„цею и загребали скудельницу: а душъ въ „той скудельницы 10 тыс., а тутъ былъ на „провожаньи Иванъ Жгальцо, нищей спа„рецъ, который въ тѣхъ скудельницахъ по„гребаетъ.“ Когда въ голодный годъ на Двинѣ, въ Холмогорахъ въ 1549 г. мерло много людей: тогда погребали мертвыхъ человѣкъ по 200 или по 300 въ одну яму (25). Царь Іоаннъ Васильевичь на мѣстѣ Скудельницы, или такъ называемаго *Рускаго кладбища*, гдѣ погребены были тѣла Рускихъ, падшихъ при осадѣ Казани, построилъ въ 1552 году Зилантовъ монастырь (26). Когдажъ оно перенесено было на другое мѣсто: то прозвано *Убогимъ домомъ*, а нынѣ *Вязкомъ* отъ сросшихся тамъ вязовъ, или отъ вязкости. С. Даніилъ Пропасьевъ, крестный отецъ Царя Іоанна Васильевича, сперва жилъ въ Переславлѣ-Залѣскомъ при Убогомъ домѣ, гдѣ въ Божедомской гробницѣ полагалъ съ подо-

(25) Опытъ трудовъ вольнаго Росс. собранія. ч. I. Москва 1774, въ 7.

(26) Исторія Росс. Іерархіи. ч. IV. М. 1812, въ 8.

бающимъ молитвословіемъ умершихъ разными бѣдами и поверженныхъ на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, относилъ въ нее на своихъ плечахъ, подобно Товіи (27). Также во время Московскаго мора 1604 г., по повелѣнію Царя Бориса, приставы ѣздили изъ улицы въ улицу, подбирали мертвыхъ, обмывали ихъ, завертывали въ бѣлые саваны, обували въ красные коты и сопинями возили за городъ въ три *скудельницы*, гдѣ въ два года и четыре мѣсяца схоронено было 127 тысячь человѣкъ (28).

Кромѣ домашнихъ свидѣтельствъ, приведемъ здѣсь сказанія чужестранцевъ, описавшихъ намъ сіи учрежденія, для нихъ любопытныя. Принцъ Буххау, чрезвычайный Посланникъ отъ Императоровъ Максимиліана и Рудольфа къ В. К. Іоанну Васильевичу (29), замѣчаетъ, что „богатѣйшихъ людей Москвитяне „хороняшъ въ склепахъ подъ церквами; для по„гребенія черни вырываютъ большую яму, въ „которую, какъ скоро кто умретъ, кладутъ „тѣло безъ обрядовъ и безъ покрытія онаго зем-

(27) Русскій временникъ. 2 ч. Москва. 1820, въ 8.

(28) *Карамз.* И. Г. Р. т. XI.

(29) Moscoviae ortus et progressus, authore *Daniele Prinz a Buchau.* Gubenae. 1679. in 16.

„лею. Черезъ три или четыре мѣсяца, тамъ „строютъ домикъ (domunculam) и предаютъ „трупы надлежащему погребенію при великомъ „стеченіи ближнихъ и сосѣдей, которые со„провождаютъ ихъ плачемъ и воплемъ. Таковыя „церемоніи три жды въ годъ совершаются.“ Сіе сказаніе подтверждаетъ и Флетчеръ именно такими словами: „Зимою же, когда „земля отъ холода отвердѣетъ такъ, что „нельзя рыть ямъ; всѣ трупы свозятъ на „общественное мѣсто, называемое *Божій „домъ*: тамъ онѣ замерзаютъ отъ стужи; „по наступленіи же весны и по растаяніи „льда, всякой тамъ ищетъ между мертве„цами своихъ родныхъ или знакомыхъ. При„крывъ нагопу труповъ своимъ платьемъ, „предаютъ землѣ и совершаютъ молитвы „объ усопшихъ“ и пр. (30).

Бывшій въ Россіи при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, Англичанинъ Сам. Коллинсъ пишетъ, „что убитыхъ и замерзшихъ при„возятъ въ Земскій приказъ, къ коему отно„сятся многіе таковые случаи, и тамъ

(30) Russia s. Moscovia, itemque Tartaria commentario topographico atque politico illustratae. Lugd. Bat. an. 1630, in 16. — Сравни Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. ч. I. Спб. 1831, въ 8.

„выставляютъ тѣла на три или четыре „дни. Ежели найдутся какіе либо родствен„ники или знакомые мертвыхъ: то увозятъ „ихъ тѣла; въ противномъ случаѣ, они отп„сылаются въ большое подземелье со сво„дами, которое называется Божіимъ домомъ „(Bozky, или Boghzi Dome): тамъ складываютъ „до 100 или 200 труповъ и оставляютъ ихъ „до весны, а весною священники погре„баютъ оныя и засыпаютъ землею. Трид„цать дней послѣ погребенія, родственники „приходятъ чинить Псалтырь надъ моги„лою, выстроивъ тамъ небольшой шалашъ „для защищенія себя отъ непогоды“ (31). Такіе шалаши или будки запрещено строить при церквахъ, на гробахъ покойниковъ, указомъ 1725 г. Октября 26.

Самуилъ Кихель, въ концѣ XVI вѣка, какъ очевидецъ, описываетъ Убогій домъ въ Псковѣ: „Для погребенія мертвымъ находится за городомъ кладбище, и бѣднѣйшихъ кладутъ въ общую яму, выкопанную на четверть часа ѣзды отъ города подъ кровлею и, по наполненіи, засыпавъ оную, выкапываютъ возлѣ нея новую. При церквахъ же и въ

(31) The present state of Russia, illustred with many copper tates. Lond. 1671, in 12.

церквахъ погребаютъ только богатыхъ за вклады“ (32). Къ этому описанію еще прибавляетъ онъ, что „трупы неизвѣстныхъ ки„дались въ известковую яму, для сего при„готовленную, гдѣ съѣдала оные известь.“

Въ одной старой пѣснѣ, временъ Императрицы Анны Ивановны, несчастный пѣвецъ такъ описываетъ жребій свой:

Ахъ! бѣда въ скудѣ, нѣтъ мѣста въ водѣ,
Вытащутъ оттоль, изсушатъ, какъ моль,
Почнутъ потрошить, чтобъ кости сушить,
Да тѣмъ чередомъ и въ Убогій домъ;
Тамъ ночь велика, и до Семика.

---

§ 3. Кромѣ историческихъ воспоминаній въ лѣтописяхъ, грамотахъ Патріарховъ и Архіереевъ, указовъ Государей, и сѵнодикахъ, кромѣ преданій, донынѣ существующихъ и самыя мѣста погребенія убогихъ, удерживающія и свое первобытное имя и слѣды могильныхъ насыпей: я говорю о церквахъ, монастыряхъ и урочищахъ — гласныхъ памятникахъ у Рускаго народа.

---

(32) Исторія Княжества Псковскаго. соч. М. *Евгенія* Кіевъ. ч. I, 1831, въ 12.

Сверхъ выше упомянутыхъ Убогихъ Домовъ, въ Москвѣ есть улица, слывущая Божедомкою, при церкви Воздвиженія Честнаго Креста, или С. Іоанна Воина *на старыхъ убогихъ домѣхъ* (33). Вѣроятно, что первая въ Москвѣ скудельница, о коей упоминается въ Соф. Времен. подъ 1474 годомъ; время построенія тамъ первой деревянной церкви не извѣстно: думать надобно, что лѣтъ сто существуетъ нынѣшняя каменная, которую, по преданію, соорудилъ одинъ купецъ надъ прахомъ жены своей, доведенной болѣзнію до самоубійства. Какъ по описи значится, церковь сія имѣла довольно земли, смежной съ владѣніями Троицкой Лавры; въ указѣ 1667 года, Дек. 2, мѣсто сіе названо *монастырь убогихъ домъ*, что за Срѣтенскими, воротами, и огорожено было заборами. Еще послѣ 1812 года, видны были насыпи, или небольшіе курганы надъ тѣлами убогихъ и обвалившіяся могилы на полянѣ противъ церкви и въ саду нынѣшней Почтамтской больницы. На могилкахъ

---

(33) *Мичурина* планъ Москвы 1739 г. — Въ житіи Св. Іоанна сказано, что предъ кончиною своей повелѣлъ „нѣ„коему человѣку тѣло свое положити въ домѣ, идѣже „странніи и незнаеміи и нищіи погребаются.“ По этому, конечно, и сооруженъ придѣлъ во имя сего Святаго на Божедомкѣ.

церкви въ Семикъ, по старой памяти, народъ садился семьями поминать покойниковъ и праздновать честный Семикъ; теперь онѣ сравнены съ землею и тутъ проведена дорога.— Въ 1667 году, по указу Царя Алексія Михайловича монастырская, могильная и пашенная земля сего Убогаго дома близъ рѣчекъ Напрудной и Неглинной пожалована, по упрошенію Святѣйшихъ Вселенскихъ Патріарховъ, Московскому Греческому Николаевскому монастырю и о томъ дана владѣльная память (34). По близости съ Убожедомской церковью Св. Іоанна Воина, бывшая въ самой Марьиной рощѣ, у стараго Нѣмецкаго кладбища деревянная церковь Лазарева Воскресенія, такъ равно и нынѣ находящаяся при рощѣ съ кладбищемъ каменная церковь сегожъ имени, слывущъ *на Убогихъ Домахъ*, или на *Божедомкѣ*; а мѣсто самое празднованія Семика и даже гулянье называются *Тюльпою*. Въ царствованіе Императрицы Елисаветъ Петровны Убогій домъ отъ церкви С. Іоанна Воина перенесенъ былъ къ Камеръ-Коллежскому валу на поле, между этой церковью и нынѣшнимъ Лазаревымъ кладбищемъ, и потомъ уничтоженъ послѣ случившагося

(34) Собраніе Госуд. грамотъ, ч. IV.

тамъ разграбленія тѣлъ. Близъ сего мѣста въ 1812 году, вскорѣ по изгнаніи непріятелей, въ Марьиной рощѣ сожигали десятками и сотнями въ кострахъ человѣческіе и конскіе трупы, поднятые въ древней Столицѣ. — Покровскій Убожедомскій монастырь въ Москвѣ построенъ на комнатныя деньги Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, который въ 1647 году возобновилъ и Новгородскій Рожественскій монастырь, что *на полѣ у скудельнѣ*. — Кромѣ прежде означенныхъ мѣстъ въ Москвѣ, есть еще въ Пречистенскомъ сорокѣ церковь Нерукотвореннаго Спаса, зовомая *Божедомская*, или *Пятница Божедомская*, и Андреевскій монастырь, что нынѣ приходская церковь *Воскресенія Христова въ Пяницахъ*, и пр.

Никонъ Патріархъ, желая сохранить въ своемъ Новомъ Іерусалимѣ (Воскресенскомъ монастырѣ) память о всѣхъ достопримѣчательныхъ мѣстахъ Святой Земли, именовалъ одно село въ окрестностяхъ любимаго имъ монастыря *Скудельничимъ* (35).

Въ другихъ городахъ Россійскаго Государства еще уцѣлѣли божедомскія церкви и

(35) Ист. Росс. Іерархіи. т. II. стр. 309.

монастыри и даже останки самыхъ Убогихъ домовъ, такъ равно сохраняется преданіе о бывшихъ при семъ обрядахъ. Именуемъ нѣкоторые изъ оныхъ. Останки упоминаемаго Св. Димитріемъ Ростовскимъ Убогаго дома еще и донынѣ существуютъ въ Ростовѣ, въ Лазаревскомъ приходѣ, 2 кваршала, внѣ города. Въ Ярославлѣ еще (1825 г.) видны были ямы Убогаго дома, наполненныя костями человѣческими, кои размыты дождемъ, или раскопаны при доставаніи песка изъ рытвинъ; ето при церкви Владимірскія Богоматери, въ Рыбинскомъ переулкѣ; отсюда кладбище, по свидѣтельству старожиловъ, въ первые годы царствованія Екатерины II, перенесено къ церкви С. Леонтія Чудотворца, куда ежегодно 25 Мая, въ воспоминаніе прежняго крестнаго хода на Убогіе домы, бываетъ изъ Собора крестное хожденіе. — Въ Нерехтѣ у самаго города есть лугъ съ восточной стороны, называемый *Пахоміевскою поляною*, гдѣ находится каменный столпъ въ память бывшей здѣсь церкви С. Пахомія съ 1592 г. и уничтоженной вмѣстѣ съ уничтоженіемъ Убогихъ Домовъ. На етомъ мѣстѣ существовалъ *Божедомовъ дворъ*, куда свозили замерзшихъ, утопленниковъ и умершихъ безъ покаянія, въ вырытой ямѣ погребали при многолюдномъ стеченіи жителей изъ окружныхъ селеній, а въ церкви от-

правлялась заупокойная обѣдня. Теперь здѣсь сбираются дѣвицы на Семикъ (36). Какъ въ Нерехтѣ, такъ и въ Костромѣ подкидывали на Убогіе домы зазорныхъ дѣтей. Предъ Семикомъ Божедомъ съ своими воспитанниками сбиралъ милостыню, возя малолѣтныхъ изъ нихъ на тѣлежкѣ; подъѣзжая къ обывательскимъ домамъ, онъ припѣвалъ: „К—нъ „сынъ батька, к—на дочь матка, узнай „свое дитятко, подай ему милостыню!“ Иногда выискивались родители или сродники, и изъ рукъ Божедома брали себѣ дѣтей въ Богданы. *Божедомъ*, *Богоралный*, или *Божатой* въ областномъ нарѣчіи значитъ не только воспитатель незаконнорожденныхъ дѣтей (Богдановъ), но и вообще крестный отецъ. Близъ Успюга великаго, при Іоанно-предтеченскомъ дѣвичьемъ монастырѣ есть сосновая роща, гдѣ попадается множество холмиковъ, означающихъ *многогробищное* мѣсто; ета роща, по преданію, выросла на Убогомъ Дому, гдѣ надъ могилами усопшихъ знакомые и родные сажали по молодой соснѣ въ знакъ памяти. Туда-то и донынѣ собираются приходскіе священники о Семикѣ пѣть паннихиды; послѣ чего во мно-

(36) Записка М. Я. Діева изъ Сыпанова.

жествѣ туда спекшійся народъ гуляетъ въ Семикъ подъ тѣнію сосенъ печальной рощи (37).

Въ Вологдѣ есть весеннее гулянье, называемое *Поляною* отъ поляны, на коей съ незапамятныхъ временъ донынѣ народъ празднуетъ Семикъ; на семъ-то мѣстѣ, по свидѣтельству Митрополита Евгенія, былъ Убогій домъ или погребъ, въ который черезъ цѣлый годъ бросали тѣла самоубійцъ; и въ Троицкую недѣлю, по обычаю другихъ городовъ, туда бывалъ крестный ходъ съ отпѣваніемъ панихиды надъ погребенными; послѣ чего клали тѣла въ вырытую яму и засыпали землею, а на будущій годъ выкапывали новую (38). Такъ какъ при оныхъ домахъ иногда строились особыя церкви, а иногда часовни для пристанища крестному ходу: то и на полянѣ въ Вологдѣ была деревянная часовня. Ету часовню другой неизвѣстный изыскатель (39) выдаетъ за каменный съ деревянною кровлею голбчикъ, сооруженный надъ тѣлами *двухъ витязей Бѣлоризцевъ*, по преданію народному, добльственно подвизавшихся во

(37) Сѣверн. Арх. 1824, No 17.

(38) Сѣверн. Вѣстн. 1804, No 11.

(39) Вѣстн. Евр. 1813. No 17, и 1814 No 15.

время нашествія Литовцевъ, и схороненныхъ на скудельницѣ, гдѣ погребались не столько самоубійцы, сколько умершіе насильственною смертію.

Въ Новгородѣ великомъ, на тѣмъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находился Рожественскій монастырь *на скудельняхъ*, или *на полѣ*, осталась одна древняя каменная церковь во имя Рождества Христова, а другая, каменная во имя Св. Николая, 1766 года, построенная надъ прахомъ Князей Василія Лукича и Ивана Алексѣевича Долгорукихъ, тамъ казненыхъ въ царствованіе Анны Ивановны. Туда съ давнихъ лѣтъ ежегодно въ Семикъ совершается изъ кладбищенской церкви крестный ходъ послѣ обѣдни. По прибытіи на мѣсто, поютъ общую панихиду о здѣ лежащихъ и повсюду православныхъ. Послѣ того, обходятъ все кладбище при пѣніи стиховъ: *плачу и рыдаю*, а потомъ *не рыдай Мене Мати*. — Нѣкто Корнилій Брагинъ въ 1619 г. построилъ въ Курскѣ *Божедомскій монастырь*, нынѣ упраздненный (40).

Въ трехъ верстахъ отъ Вязьмы, на скатѣ горы, при рѣчкѣ Русянкѣ, влѣво отъ большой Смоленской дороги, стоятъ дере-

(40) Исторія Росс. Іерархіи, ст. III.

вянная старая часовня, извѣстная тамъ подъ именемъ *Убогаго дома*, гдѣ погребались самоубійцы и странники.

Существованіе и въ другихъ мѣстахъ Россіи подобныхъ кладбищъ свидѣтельствуетъ, что онѣ были въ ней издревле повсемѣстными.

Касательно Убогихъ домовъ замѣчателенъ также Указъ, данный во 2й день Іюля 1748 года Сенату Императрицею Елисаветою Петровною: „Понеже Нашъ Дворецъ въ Москвѣ на „Яузѣ рѣкѣ близь Нѣмецкой Слободы имѣется, „въ которомъ Мы, въ наше присутствіе въ „Москвѣ, всегда пребываемъ, а въ Нѣмецкой „Слободѣ и близь оной при церквахъ, кои „при самыхъ проѣзжихъ улицахъ имѣются, „кладбища мертвыхъ тѣлъ, особливо же въ „слободѣ въ *склепахъ незасыпанные землею*, „кои хотя прежде и дозволено было; но „тогда оная слобода была въ отдаленіи отъ „жилья въ краѣ къ пустымъ мѣстамъ и „нынѣ между Нашимъ Дворцемъ въ срединѣ „быть стала и для того погребенію мерт„выхъ тѣлъ весьма тутъ быть не прилично „да и опасно; и того ради Повелѣваемъ: какъ „въ Нѣмецкой слободѣ, такъ и близь оной „при церквахъ, кои на проѣзжихъ большихъ „улицахъ имѣются, отъ сего времени мерт„выхъ не погребать и старыя всѣ могилы

„заровнять и склепы, незасыпанные, землею, „засыпать; а впредь тѣхъ приходовъ обы„вателямъ мертвыхъ своихъ погребать въ „полѣ и для того отвесть удобныя мѣста „за Мѣщанскою слободою, гдѣ имѣются *Убо„гіе домы* въ сторонѣ отъ проѣзжихъ боль„шихъ дорогъ и въ отдаленіи отъ жилья, „по разсмотрѣнію, а для Русскихъ, гдѣ от„ведется, построить церковь небольшую „на Нашъ кошшъ, чтобъ не въ полѣ, но при „церкви по Христіанской должности оные „погребены были.“ — При ещой же Государынѣ въ 1744 году впущенъ былъ въ Сенатъ Главной Полиц. Канцеляріи Членъ *Молтановъ* и взнесъ оной Канцеляріи доношеніе, которымъ требовалъ, чтобъ „на *Убогомъ* „*домѣ*, который близь Марьиной рощи, для „погребенія мертвыхъ тѣлъ *анбаръ* испра„вить, за неимѣніемъ въ Полиціи на то дѣло „денегъ, отъ Губерніи Московской съ Духов„ною Дикастуніею. Указомъ Сената 22 Маія „того 1745 г. предписано: анбаръ построить „и впредь починивать Моск. Губернской Кан„целяріи изъ неокладныхъ доходовъ тоя Гу„берніи“ (41).

---

(41) По указанію ученаго любителя отечественныхъ древностей, П. В. Шереметевскаго.

Но послѣ Московской чумы 1771 г. указами запрещено было повсюду вырывать для самоубійцъ и скоропостижно умершихъ годовыя ямы; съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожились и Божедомскіе сараи и прекращены крестные ходы на такія мѣста, на коихъ хоронили не только *убогихъ* — умершихъ внезапною смертію, убитыхъ, опальныхъ, казненыхъ, иногда самоубійцъ, но даже иногда онѣ служили воспитательными домами, гдѣ призираемы были Божедомами подкидыши. Но по тому отвращенію, какое издревле Рускіе имѣли къ иновѣрцамъ, почитаемымъ погаными, нечистыми, едва ли вполнѣ справедливо мнѣніе Карамзина, чтобы на Убогихъ домахъ *погребались тѣла всѣхъ иноземцевъ* (42): они имѣли особенное кладбище, коего остатки существуютъ донынѣ въ Марьиной рощѣ и близъ Донскаго монастыря. Иногда же хоронили тѣла чужестранцевъ на Убогихъ домахъ только при особенныхъ случаяхъ, какъ видно изъ Беровой лѣтописи (43) — и сіе было исключеніемъ изъ общаго правила. Въ царствованіе

(42) *Карамз.* И. Г. Р. т. VII.

(43) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ, ч. I. Спб. 1831, въ 8.

Анны Ивановны донесъ Св. Сѵноду 1730 г. Мая 22го Иродіонъ, Епископъ Черниговскій и Сѣверскаго Новгородка, что Мекленбургскаго корпуса начальники и подначальные, тѣла умирающихъ между ими Люторовъ, Кальвиновъ и прочихъ иновѣрцевъ, не хотя погребать внѣ городовъ и селъ въ *опредѣленныхъ мѣстахъ*, самовольно хоронятъ при церквахъ и дѣлаютъ подъ сими *каменныя капища*. Указомъ предписано было капища сломать.

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ видно, что Убогіе домы въ Россіи были *постоянные* и *временные;* послѣдніе, какъ выше замѣчено, обыкновенно устроивались въ случаѣ мороваго повѣтрія, голода и нашествія враговъ, чтобы предохранить живущихъ отъ заразы, а тѣла усопшихъ отъ поруганія и чтобы исполнить долгъ Христіанскій преданіемъ оныхъ землѣ съ церковнымъ молитвословіемъ. Они собственно занимали средину между *погостомъ* или *кладбищемъ*, гдѣ погребались удостоившіеся Христіанской кончины, и *полемъ* и *лѣсомъ*, гдѣ хоронились отверженные Церковью; ибо наша Церковь самымъ мѣстомъ и обрядомъ погребенія усопшихъ постановила различіе,

назидательное для живущихъ. Въ учрежденіи ежегоднаго общаго поминовенія убогихъ видно материнское сердоболіе Церкви, молящейся за *поминающихъ убогихъ* (41), также благочестіе и Христіанское милосердіе Русскаго народа, у котораго существовалъ этотъ обычай столько вѣковъ.

---

(41) Въ пѣніе *Достойно* читается священникомъ въ молитвѣ: *καὶ μεμνημένων τῶν πενήτων.*

IV.

ВЫПИШНИКЪ.

Такъ въ Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ уѣздѣ называютъ субботу на Святой недѣлѣ. День этотъ празднуется въ честь молодыхъ супруговъ, обвѣнчавшихся въ теченіе прошедшаго года. Собравшись съ разсвѣтомъ въ концѣ деревни, молодежь идетъ къ ихъ дому, и, приближась къ нему, начинаетъ пѣть:

Какъ въ деревнѣ во Ильинской
У Ефима молодца,
Что стоялъ тутъ теремъ
Со крутымъ верхомъ,
Со косячатымъ окномъ.
Противъ краснаго крыльца,
Противъ косячатаго окна,
Выростало деревцо трехъ-угодливое.
Что во томъ ли терему
Дубовы столы стоятъ,
Дубовы столы стоятъ,
Бранны скатерти лежатъ;
На тѣхъ ли на столахъ,
Медвяны яствы стоятъ.

За тѣми ли столами
Князья, бояре сидятъ ;
Медвяны яствы ѣдятъ,
Сахарныя питья пьютъ.
Се катайтеся, бояре,
Со высока терема,
Не сшибите деревца,
Трехъ-угодливаго.
Еще первая угода
Подъ корень деревца,
А другая-то угода —
Посередъ деревца,
А третья-то угода,
Подъ вершину деревца.
Подъ вершиной деревца
Соловей гнѣздо вьетъ,
Онъ и яицы несетъ,
Молодыхъ дѣтокъ ведетъ.
Посередъ деревца,
Пчелы ярыя шумятъ,
Много меду наносятъ.
Подъ корень деревца
Кровать нова тесова,
Перинушка пухова;
На той ли кроватушкѣ,
Ефимушка лежитъ,
Съ молодой своей женой
Со Оксиньюшкой душой.
А у нихъ въ головахъ

Звончаты гусли лежатъ.
И кому въ гусли играть,
Кому тѣшиться?
Играть въ ети гусли
Ефиму молодцу,
Ему тѣшить, утѣшать
Молоду свою жену,
Оксиньюшку душу.
Чѣмъ васъ молодцовъ
Станутъ жаловати?
Пивомъ, ендовой или стклянницой вина,
Или золотой казной?
Ничего намъ не подать,
Мы со двора пойдемъ,
Мы осердимся.
Три бѣды мы сокуримъ :
Первую бѣду:
Ворота мы растворимъ,
Коней пару уведемъ;
А другую-то бѣду:
Избы двери растворимъ,
Мы гостей ознобимъ.
Третью-то бѣду :
Во теремъ зайдемъ,
Мы заслонъ унесемъ,
Во печи остудимъ,
Гостей оголодимъ,
И васъ молодыхъ
На стыдъ наведемъ.

Пѣсня ета поется до пѣхъ поръ, пока молодые не подадутъ имъ въ окно вина и денегъ. Вино тотчасъ выпивается, а деньги беретъ старшій подъ сохраненіе. Послѣ этого поютъ слѣдующее благодареніе:

Еще здравствуй, молодой
Съ молодой своей женой,
И спасибо тебѣ, хозяинъ,
На жалованьи!

Припѣвъ.

Вьюнецъ молодецъ, молодая,
Вьюнецъ молодецъ — молодая,
Вьюнецъ молодецъ — молодая,
Вьюнецъ молодецъ — молодой!

Такимъ образомъ, обойдя молодыхъ въ своей и окрестныхъ деревняхъ, къ вечеру всѣ партіи собираются въ какое нибудь село, гдѣ есть питейный домъ, на собранныя деньги покупаютъ вина, пряниковъ и веселятся по-своему, то есть играютъ съ дѣвками въ хороводахъ, борются и дерутся на кулачкахъ (5).

(45) см. стр. 16 сей книги, и Энцикл. Лекс. т. XII.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ВЫПУСКА.

		стран.
1.	Встрѣча весны	1—16
2.	Красная горка	17—46
	Игры и пѣсни	29—46
3.	Радуница	47—54
4.	Первое Апрѣля	55—61
5.	Свистопляска	62—64
6.	Юрьевъ день весенній	65—80
7.	Первое Мая	81—92
8.	Праздникъ кукушекъ	93—98
9.	Семикъ	99—116
	Семицкія пѣсни	117—126
10.	Троицынъ день	127—140
	Троицкія пѣсни	141—153

Дополнительныя статьи.

1.	Власьевъ праздникъ	154—160
2.	Вербная суббота	161—176
3.	Убогіе домы	177—210
4.	Вьюнишникъ	211—214

ПРИБАВЛЕНІЯ.

Къ стр. 77. Въ числѣ книгъ ложныхъ писанія помѣщено: *Георгіево мученіе, рекше отъ Дадіана Царя мученъ.* см. Іоаннъ Екзархъ Болгарскій, изд. К. К. Москва, 1824, въ листъ, стр. 210.

Къ стр. 116. Въ селѣ *Туровскомъ*, близъ Галича, найденъ въ 1836 г. небольшой идолъ, вылитый изъ красной мѣди, мѣдная головка идола, мѣдный ножъ и изображеніе животнаго: сіи вещи теперь храняшся въ Обществѣ Исторіи и Др. Росс. По преданію, на горѣ надъ Галицкимъ озеромъ существовало капище Турово.

ПОПРАВКИ.

	Напечатано:	Чипай:
стр. 48	Естовъ	Финновъ и Латышей Балтійскихъ.
— 99	tölte	tölta
— 176	школы,	школы

228

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

This book is due on the date indicated below, or at the expiration of a definite period after the date of borrowing, as provided by the library rules or by special arrangement with the Librarian in charge.

DATE BORROWED	DATE DUE	DATE BORROWED	DATE DUE
NOV 15 1951			

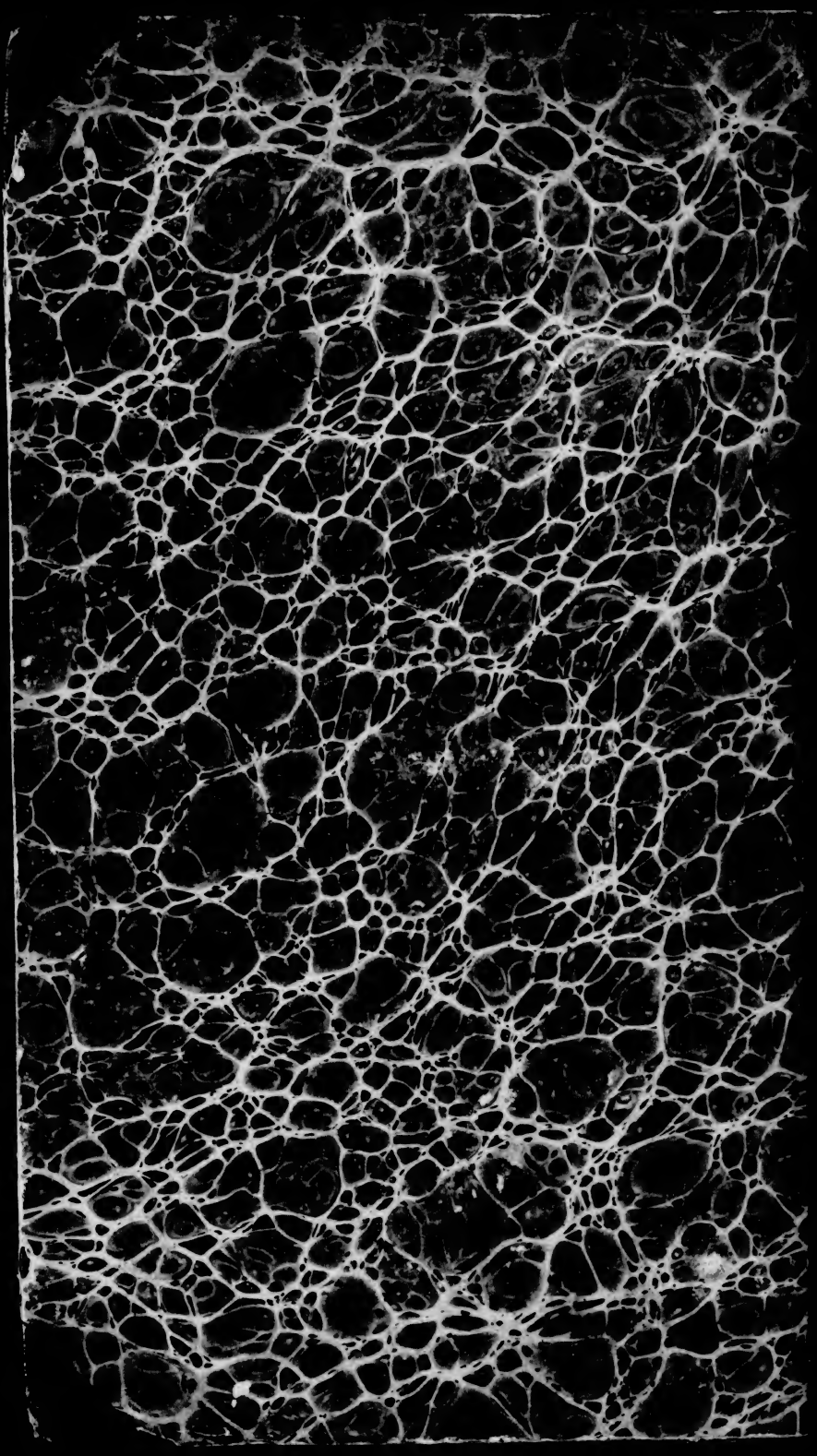
C28 (747) M100

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
1010678816

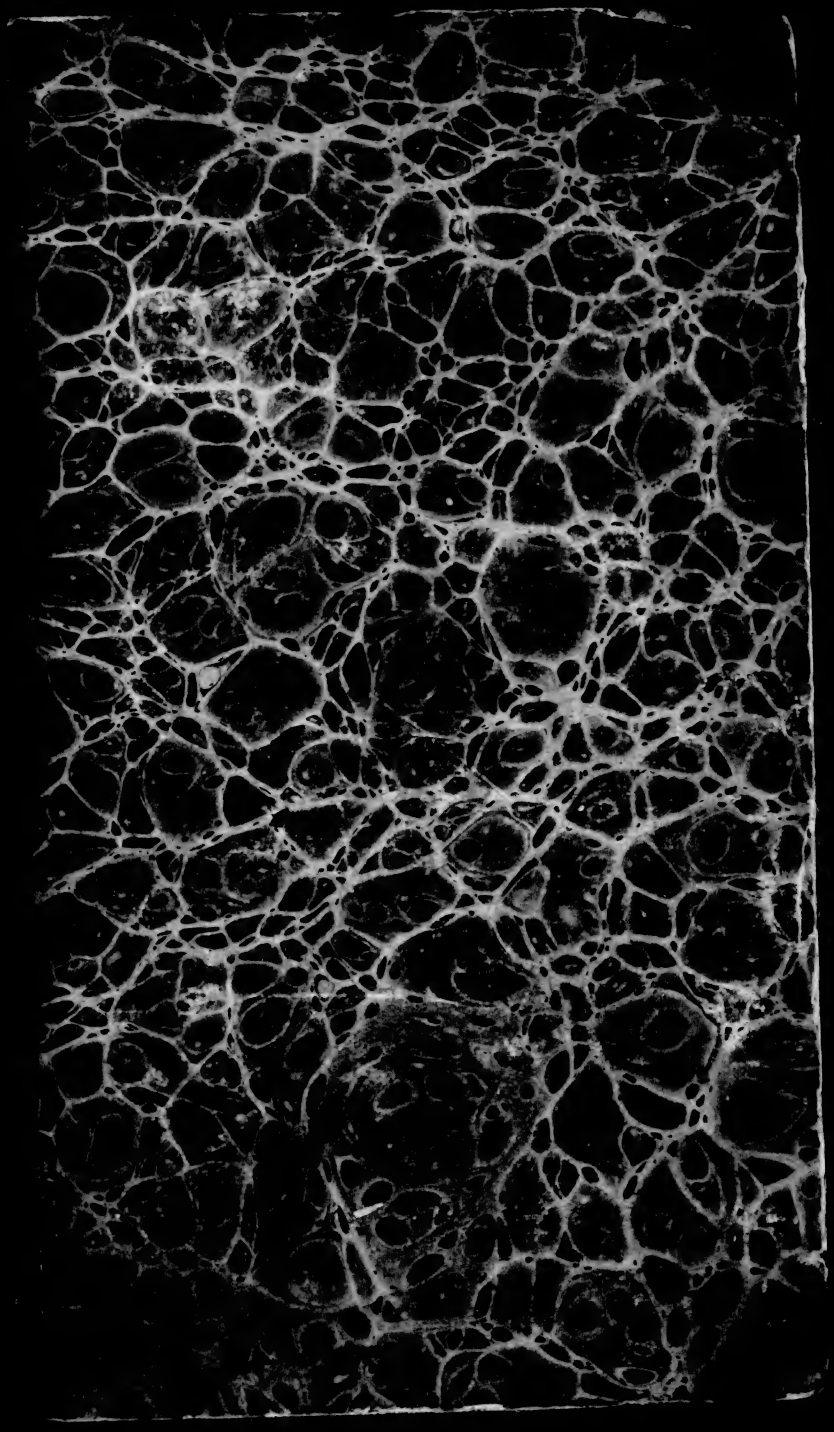
947.01 Sn263
v.3

947.01 Sn263
v.3
Snegirev
Ruskie prostonarodnye prazdniki...
NOV 15 1951 O. Tarantii
Room 620

JAN 26 1949



VOLUME 4



Columbia University
in the City of New York

THE LIBRARIES

РУСКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

ПРАЗДНИКИ

И

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

Б/8 №219

ВЫПУСКЪ IV.

1820/IV

На нашей улицѣ праздникъ.

Руская поговорка.

Фундаментальная Библіотека
БОРУНКОЙ
Церковно-учительской школы

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1839.

Printed in Soviet Union

I.

РУСАЛКИ И РУСАЛІЯ.

Современное міру благоговѣніе къ водѣ, распространившееся между всѣми почти народами Древности и вошедшее въ систему Славяно-Рускихъ миѳовъ, родило повѣрье, что есть особенныя существа, управляющія етою стихіей, благопріятною и враждебною для человѣка (1).. Отсюда проистекло вѣрованіе въ рѣки, начиная отъ Индійскаго Гангеса и Египетскаго Нила до Славянскаго Дуная, Нѣмена и другихъ священныхъ въ Язычествѣ рѣкъ, озеръ, студенцевъ, кои иногда олицетворялись.

Что у Грековъ были Нереиды и Гамадріады, у Римлянъ Наяды и Кверкветуланы, то рѣчныя нимфы, или богини, извѣстныя у Славянъ подъ именемъ *Русалокъ*, у Литовцевъ и Жмуди Dugny, Gudelki, Upine и Wundyny. Отъ рѣкъ онѣ получаютъ свое названіе. Такъ въ Польшѣ Русалки отъ Свитези именуются *Свитезянками*, отъ Нѣмена — *Нѣмянками*, въ Литвѣ отъ Виліи —

(1) Въ языкѣ пророческомъ народы называются *водами*, какъ на пр. въ Апокалипсисѣ, XVII, 15: „Воды люде „и народы суть и племена и языцы.“

Wilije; въ Германіи отъ Дуная — Donauweibchen, отъ Салы при Галлѣ — Salnixe, похожія на Англинскихъ Lacklady и Французскихъ Ondines. Вообще рѣчныя богини у Данчанъ слывутъ Nicken, у Нѣмцевъ Nixen, или Noken, сходныя съ Римскими Nixii въ томъ только, что онѣ помогаютъ родильницамъ при разрѣшеніи отъ бремени. Въ простонародномъ Нѣмецкомъ языкѣ удержалось слово, созвучное съ Рускимъ *Русалка*, Rüschelchen, пригожая дѣвушка и родъ духа. Въ Европѣ, даже въ XVIII вѣкѣ, вѣрили существованію рѣчныхъ нимфъ. Баронъ Валвазоръ въ описаніи Краинскаго Герцогства свидѣтельствуетъ, что онъ въ бѣлый день видѣлъ выходящую изъ рѣки Лайбаха нимфу, которая утащила съ собою въ воду дѣвицу (2). Въ сѣверной Шотландіи, въ Реа Мансѣ, по утвержденію Доктора Туреня и учителя В. Монро, дважды видѣли они нагую женщину, которая, сидя на берегу морскомъ, разчесывала русые волосы, распущенные по плечамъ; черезъ 12 лѣтъ, она опять появлялась (3). Въ Черниговской Губ. Русалки именуются *Криницами*, отъ уважаемаго въ Новгородѣ-Сѣверскомъ родника *Заручейской криницы*, или *Сухолинской*, иначе *родника Ярославова*. На срубѣ его въ Зеленую недѣлю, на самомъ разсвѣтѣ, будто являются прекрасныя русоволо́сыя дѣвицы и разчесываютъ себѣ волосы (4). Съ Рускими Русалками отчасти сходны у Сербовъ *Вилы*, которыя живутъ на горахъ и прибрежныхъ скалахъ, изображаются молодыми, въ бѣломъ платьѣ, съ длинными волосами, распущенными по плечамъ и по груди. Съ ними сближаются также *Телоніи* и *Красивыя Госпожи* (καλαὶ ἀρχόντισαι) у новыхъ Грековъ. Первыми почитаются души дѣтей, умершихъ безъ крещенія, которыя выходятъ изъ преисподнихъ обителей своихъ и витаютъ въ легкихъ парахъ утра. Мать, оплакивающая плодъ своей любви, слышитъ голосъ его въ шумѣ южнаго вѣтерка, и, для успокоенія тѣни, жжетъ ладонъ предъ иконою Богоматери, убравъ ее бѣлыми розами. Въ теченіе сорока дней, послѣ Воскресенія Христова, скорбныя ду́ши носятся надъ разноцвѣтными лугами въ образѣ бабочекъ, пчелокъ и другихъ крылатыхъ насѣкомыхъ, прилетая утолить свою жажду изъ цвѣтныхъ чашечекъ (5). Новые Греки, по свидѣтельству Л.

(2) Großes Universal Lexicon aller Wissenschaften u. Künste. 23 Th. 1747, in f. — Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Tkany. Znaim. 1827, 2 Th. in 8.

(3) Вѣстникъ Европы, 1809, No 21.

(4) Отечественныя Записки, 1828 г. Апрѣль.

(5) Вѣстникъ Европы, 1827, No 7 и 8.

Аллація (6), вѣровали, что *Красивыя Госпожи* живутъ въ селеніяхъ и нерѣдко посѣщаютъ города. Въ дремучихъ лѣсахъ и въ пріятныхъ долинахъ, особливо при источникахъ, онѣ забавляются плясками, любятъ тѣнь густыхъ деревъ, похищаютъ миловидныхъ младенцевъ, юношей и дѣвицъ, или надѣляютъ ихъ сокровищами.

Греческія повѣрья во многомъ столь сходны съ южнорускими о Русалкахъ и Мавкахъ, что, кажется, онѣ происшекли изъ общаго симъ народамъ источника; немногіе же оттѣнки различій произошли отъ мѣстности, климата и духа народнаго: отъ этихъ элементовъ измѣняются миѳы самородные и заимствованные.

Языческіе Славяне, подобно Грекамъ и Римлянамъ, олицетворяли силы видимой природы, покланялись, по свидѣтельству Прокопія Кесарійскаго (7), *рѣкамъ* и *нимфамъ;* между миѳами ихъ встрѣчаются *Моряны* и *Водяны*, которыхъ донынѣ просполюдины называютъ *Водяными*. Левъ Калойскій упоминаетъ о жертвоприношеніи Святославовыхъ дружинъ Дунаю, а Несторъ лѣтописецъ о требахъ рѣкамъ и колодезямъ. Въ Славянскомъ переводѣ (рукописи XI вѣка) С. Григорія Бого-

(6) *L. Allatii* de Graecorum quorundam opinationibus epistola. Col. Agr. 1645, in 8.

(7) *Procopii* opera, ed. G. Dindorf. Bonn. 2 v. 1832, in 8.

слова, хранящейся въ Имп. Санктп. публ. Библіотекѣ (8), приписано слѣдующее извѣстіе, недостающее въ Греческомъ подлинникѣ: „Овъ „рѣкы богиню нарицаетъ и звѣрь живущь в „нем яко бога нарицая, требу творитъ.“ Того же вѣка Митрополитъ Рускій Іоаннъ въ посланіи своемъ свидѣтельствуетъ, что современники его „жрутъ бесомъ, и болотомъ „и колодезямъ.“ Въ Потребникѣ Московскомъ 1639 г. *вѣрованіе Русалкомъ* называется волхвованіемъ и очарованіемъ.

Изъ этого очевидно, что вѣрованіе въ Русалокъ было на Руси древнимъ и народнымъ. По суевѣрному сказанію, онѣ, подобно другимъ физическимъ миѳамъ, обязаны своимъ происхожденіемъ паденію Сатаны, при коемъ одни изъ его единомышленниковъ попали въ воду, другіе на поля или въ лѣса. Обыкновенно производятъ слово *Русалки* отъ *русла* рѣки, гдѣ онѣ пребываютъ, такъ какъ и по Жмуйдски Dugnas значитъ русло, дно рѣки, или отъ *русыхъ волосъ*, какими онѣ отличаются. Но многія священныя въ языческой древности рѣки, по указанію Нарбутта (9), назывались у Славяно-Руссовъ и Литовцевъ *Россами* и *Ру-*

(8) Библіографическіе листы *П. Кеппена*, 1825, No 16.

(9) Dzieje starożytne narodu Litewskiego, p. T. *Narbutta*. t. I. Wilno. 1835, in 8.

сами (Ross, Russ), напр: сѣверный рукавъ Нѣмана донынѣ именуется *Русою;* въ землѣ Галиндовъ, рѣка, впадающая въ Нарву, *Россь*, также соименная ей, впадающая съ праваго бе́рега въ Днѣпръ, въ Кіевской Губерніи; рѣка *Руса* въ Старорускомъ уѣздѣ, и другія. Какъ мы выше замѣтили, что сіи рѣчныя нимфы въ Польшѣ, Литвѣ и Германіи получили свое названіе отъ рѣкъ: то изъ сего заключаемъ, что и Русалки наименованы отъ рѣкъ, имъ соименныхъ, и что Русалки, Рускія нимфы, болѣе извѣстны на югѣ и на западѣ, чѣмъ на сѣверо-востокѣ Россіи. *Днѣпровская Русалка* и *Кіевская Вѣдьма* вошли въ поговорку. Именемъ Русалокъ запечатлѣны даже нѣкоторыя мѣста, какъ-то: *Русиловка* въ Уманскомъ повѣтѣ, надъ Угорскимъ Тикичемъ, *Русиловка* надъ Сулою, выше Ромена въ Полтавской Губерніи, *Русловы* пустоши въ Вышневолоцкомъ и Новоторжскомъ уѣздахъ. По свидѣтельству Голембовскаго, надъ р. Днѣпромъ есть *роща Русалокъ* (gai Rusałek). Въ XV вѣкѣ, лѣтописи Рускія упоминаютъ о воеводѣ *Русалкѣ* (9). Татищевъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ самъ у Св. Димитрія Ростовскаго пространное сочиненіе его *о Русалкахъ* (10).

(9) Софійскій временникъ, изд. П. С. Москва. 2 ч. 1820, въ 4.
(10) *Татищева* Исторія Росс. ч. I. М. 1768, въ 4.

По мѣстопребыванію своему Русалки суть земноводныя существа: живутъ въ рѣкахъ, а съ Троицына дня или съ Семика до Петрова дня, странствуютъ по землѣ, витаютъ въ лѣсахъ, избирая себѣ пріютомъ старыя деревья, особенно дубы; качаются на сучьяхъ древесныхъ, или размахываютъ пряжу, похищая ее у поселянокъ, которыя ложатся спать безъ молитвы. Въ однихъ мѣстахъ онѣ воображаются съ русыми, въ другихъ съ зелеными волосами (10). Въ южной Россіи, подобно Греческимъ Телоніямъ, онѣ почитаются за ду́ши младенцевъ, умершихъ безъ крещенія, и играютъ роль Сиренъ. Тамъ суевѣрные поселяне утверждаютъ, что огни, видимые ночью на многихъ древнихъ курганахъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, разводятся Днѣпровскими Русалками для того, чтобы привѣтливымъ блескомъ заманить странниковъ къ крупизнѣ и низвергнуть ихъ въ пучины Днѣпровскія (11). Въ Клечальную субботу, наканунѣ Троицына дня, Русалки, по мнѣнію Малороссіянъ, начинаютъ бѣгать по ржи и хлопать въ ладоши, приговаривая: *Бухо́! бухо́! сололѣпый духо́! мене мати породила, некрещену*

(10) Рускія преданія, книжка I, изд. *М. Макаровымъ*. М. 1838 г. въ 12.
(11) Одесскій Альманахъ на 1831 г. Одесса. 1831, въ 12.

положила. Съ Зеленой недѣли онѣ витаютъ въ лѣсахъ, гдѣ аукаютъ и зовутъ къ себѣ прохожихъ съ хохотомъ: *Ходите кѣ намѣ на рели качаться!* Онѣ заводятъ красивыхъ дѣвокъ и парней въ чащу лѣса, и тамъ защекочиваютъ до смерти. Русалки представляются чародѣйками и гадательницами (11), какъ видно изъ слѣд. старинной пѣсни, въ коей водяная жительница загадываетъ загадки попавшейся ей въ руки дѣвушкѣ:

Ты послушай мене, красна паночка!
Загадаю тебѣ три загадки:
Коли ты вгадаешь — я до батька пущу;
А якъ не вгадаешъ — я до себя возьму.
Ой що росте да безъ кореня?
Ой що бѣжитъ да безъ повода?
Ой що росте безъ всякого цвѣту? —
Камень росте безъ кореня;
Вода бѣжитъ безъ повода;
Папороть цвѣте безъ всякаго цвѣту! –
Дѣвчинка загадочки не вгадала,
Русалочка ее залоскотала.

На Русальной недѣлѣ, въ Малороссіи, никто не осмѣливается купаться въ рѣкѣ и хлопать въ ладоши; въ четвергъ на Зеленой недѣлѣ

(11) см. *Чародѣйскую пѣсню Русалокъ* въ I части Сказанія Рускаго народа, собран. *И. Сахарова.* Спб. 1836, въ 8, стр. 132.

дѣвушки и даже женщины, боясь прогнѣвить Русалокъ, чтобы онѣ не испортили скотины, не работаютъ, называя етотъ четвергъ *великѣ день Русалокѣ.* Тогда взрослыя дѣвушки тайкомъ ходятъ въ лѣсъ, бросаютъ завитые вѣнки Русалкамъ, чтобы онѣ добыли имъ суженыхъ и ряженыхъ, и тотчасъ убѣгаютъ. По ихъ мнѣнію, въ етихъ вѣнкахъ Русалки рискаютъ по ржи (12). Въ Бѣлоруссіи поселяне вѣрятъ, что Русалки бѣгаютъ нагія и безпрестанно кривляются; а если кому случится ихъ увидать, тотъ самъ будетъ всегда кривляться. Когдажь у Рускихъ Наядъ бываютъ свадьбы и пляски на воробьиныя ночи: тогда на водѣ раздается смѣхъ и плескъ. Тамъ парни и дѣвки, въ Русальную недѣлю, завивъ себѣ вѣнки, пляшутъ вокругъ деревьевъ и мѣняются между собою кольцами. Послѣ етого, одна женщина садится на землю съ палкою въ рукахъ, къ которой привязываетъ пукъ крапивы и притворяется спящею. Дѣвки, схватясь рука съ рукою, пляшутъ и поютъ, ходя вокругъ етой женщины; вдругъ она въ расплохъ вскакиваетъ и начинаетъ сѣчь ихъ по рукамъ крапивою: отъ сего поднимается между ними хохотъ и веселье (13).

(12) Малоросс. пѣсни, изд. *М. Максимовича.* М. 1827, въ 12.
(13) Сѣверный Архивъ, 1822, No 24.

Упоминаемый духовнымъ Регламентомъ суевѣрный обычай вѣшать на посвященныхъ деревьяхъ, а особливо на дубахъ, полотенцы и мошки нишокъ, не былъ ли приношеніемъ Русалкамъ, а *крещеніе кукушекъ*, извѣстное и въ великой Россіи, не есть ли крещеніе Русалокъ, которыя представлялись въ видѣ кукушекъ? Какъ Украинцы вѣрятъ еще, что дѣти, умершія безъ крещенія, превращаются въ Мавокъ (родъ Русалокъ) и будто злые духи похищаютъ души ихъ младенцевъ, освобождая ихъ только въ Зеленыя Святки: то души ихъ уносятся (чрезъ семь лѣтъ) на воздухъ и просятъ себѣ крещенія три раза. Если кто услышитъ этотъ зовъ и подастъ имъ крещеніе, говоря: *Я тебя крещаю, Иванъ и Марья, во имя Отца и Сына и Св. Духа;* тогда сіи души возмутся ангелами. Можетъ быть, къ этому вѣрованію имѣетъ отношеніе цвѣтокъ *Иванъ да Марья.* Предохранительными средствами отъ нападенія Русалокъ почитаются заря и полынь.

Въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи существуетъ у поселянъ обычай *Изгнанія* или *Провожанія Русалокъ*, которое бываетъ въ Черниговской Губ. на *Гремячкой* т. е. Святой недѣлѣ. Въ Спаскѣ Рязанскомъ слѣдующее за Троицынымъ днемъ воскресенье слыветъ *Русальнымъ заговѣньемъ*, а понедѣльникъ *Провожаніемъ Русалокъ.* Тогда вечеромъ хороводы дѣвицъ и женщинъ съ веселыми пѣснями сходятся съ разныхъ сторонъ города въ назначенномъ мѣстѣ и стоятъ около часа на углахъ улицъ; каждый почти хоровод имѣетъ чучелу въ видѣ женщины, представляющую, по ихъ словамъ, Русалку. Въ это время составляются хороводные кружки, а въ срединѣ ихъ бойкая женщина, съ чучелою въ рукахъ, пляшетъ подъ веселую пѣсню, дѣлая разныя кривлянья. Потомъ хороводы раздѣляются на двѣ стороны, наступательную и оборонительную. Держащія въ рукахъ Русалокъ защищаются нѣсколькими женщинами отъ нападеній другихъ, которыя стараются вырвать у нихъ чучелы; при чемъ обѣ стороны кидаютъ другъ въ друга пескомъ и обливаютъ водою. Вышедъ за городъ, онѣ говорятъ, что *проводили Русалокъ.* Тогда растерзываютъ чучелы, разбрасываютъ ихъ по полю, а провожавшія ихъ дѣвицы возвращаются въ городъ съ унынiемъ. Вмѣстѣ съ провожаніемъ Русалокъ у нихъ оканчиваются игрища: *Горѣлки*, *Уточка* и *Борисъ.* Въ другихъ мѣстахъ около этого времени *провожаютъ весну* въ видѣ чучела (14).

Въ великой Россіи отчасти сохранилось народное преданіе о Русалкахъ, которыя из-

(14) Записка изъ Спаска Д. П. Тихомирова.

вѣстны то подъ именемъ *чертей*, *водящихся въ тихомъ омутѣ*, то *водяныхъ*, то *лѣшихъ*, то подъ настоящимъ именемъ.

Водянымъ народное суевѣріе назначаетъ мѣстопребываніе въ омутахъ, въ котловинахъ и на спорахъ. Въ Нерехотской и другихъ округахъ сказываютъ, что онѣ выходятъ на берегъ, съ растрепанными волосами (отъ того простоволосую или нагую дѣвку и женщину называютъ Русалкою), и чешутъ голову гребнемъ; что иногда схватываютъ купающихся и утаскиваютъ ихъ въ свое логовище, гдѣ замучиваютъ ихъ до смерти (15). По мнѣнію поселянъ, Водяные разрушаютъ часто на мельницахъ плотины и мосты, въ водополь уносятъ строенія; а когда услышатъ ихъ голосъ со стономъ: *рогъ есть, головы нѣтъ;* тогда отъ воды непремѣнно случится какое либо несчастіе. Лѣшіе, по сказанію народному, ходятъ по лѣсу наровнѣ съ деревьями или съ травою; по ночамъ кричатъ, свищутъ, гагайкаютъ. Если лѣшій встрѣтится съ человѣкомъ: то сперва хватаетъ его руками, потомъ шутитъ надъ нимъ, щекочетъ его и замучиваетъ до смерти. Повтореніемъ словъ: *чесноку*, или *гасника*, можно отъ него отдѣлаться. Кто заплутается въ лѣсу, о томъ говорятъ: *лѣшій его обошелъ*. Въ такомъ слу-

(15) Записка М. Я. Діева изъ Нерехты.

чаѣ суевѣріе предписываетъ заплутавшемуся надѣть на себя все платье на изнанку.

Въ Тульской Губ. во вторникъ на Русальной недѣлѣ крестьяне поминаютъ утопленниковъ и удавленниковъ: родственники послѣднихъ, за упокой душъ, разбиваютъ на ихъ могилахъ красныя яица, призывая при этомъ обрядѣ Русалокъ, которымъ оставляютъ въ жертву часть блиновъ, принесенныхъ для поминовенія (16).

Во Владимірѣ за Клязьмою, около Иванова дня, бываетъ гулянье *на Русалку*. Въ Москвѣ, въ Красномъ селѣ, на Красномъ прудѣ, извѣстномъ въ старину подъ именемъ *Русальнаго*, доселѣ бываетъ народное гулянье на Русальной недѣлѣ въ Духовъ день.

Въ Сибири существуетъ повѣрье, что Русалки *декуются*, т. е. играютъ съ парнями и дѣвками.

Въ такихъ отношеніяхъ и видахъ является этотъ физическій миѳъ, окруженный мѣстными повѣрьями. Въ языческомъ мірѣ земноводная Русалка, принадлежа сколько Миѳологіи, столько и Демонологіи, имѣла значеніе рѣчной богини, владѣтельницы сокровищъ и чаровницы. При переходѣ Руси отъ язычества къ Христіанству она представляется тоскую-

(16) *В. Броневскаго* путешествіе отъ Трієста до С-Петербурга. 2 ч. М. 1828 г. въ 8.

щею душею младенца безъ крещенія, духомъ, враждебнымъ человѣку. Очевидно, что празднованіе дня Русалокъ, приносимые имъ вѣнки, блины, яица, полотенцы и мошки нитокъ суть остатки умилостивительныхъ жертвъ симъ воднымъ духамъ.

Въ заключеніе этой статьи о Русалкахъ скажемъ еще о *Русаліяхъ* и *Русальной недѣлѣ*, кои упоминаются въ отечественныхъ лѣтописяхъ, въ церковныхъ книгахъ и народныхъ преданіяхъ.

Русальною недѣлею слыветъ въ Малороссіи и Бѣлоруссіи недѣля св. Отецъ, упоминаемая подъ именемъ *Русальнаго* и *Русальныя седмицы* (22), и въ лѣтописяхъ отечественныхъ, гдѣ не только Троицкія игрища, какъ у Чеховъ и Словаковъ Rusalda; но вообще скоморошскія называются *Русаліями*. Онѣ строго воспрещены учителями Церковными, по языческому ихъ происхожденію, и въ одной рукописи Пролога XV вѣка описываются такъ (23): Бѣсы въ видѣ человѣческомъ, „овы бьяху въ бубны, друзіи же въ „козицѣ и въ сопѣли сопяху, иніи же воз-

(22) *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 210, III, прим. 50.

(23) Рукоп. въ Император. публ. Библіотекѣ, 6940 — 1432 г.

„ложивше на лица скураты, идяху на глум„леньe человѣкомъ и мнозіи оставивше цер„ковь, на позоръ течаху и нарекоша тѣ игры „*Русальи*“

Въ Стоглавѣ изображаются Русаліи XVI вѣка, которыя праздновались такъ же, какъ навечерія Иванова-дня, Рождества Христова и Богоявленія: „сходятся мужіе и жены и дѣ„вицы на ночное плещованіе и безчинный го„воръ и на бѣсовскія пѣсни и на плясаніе и „скаканіе; и егда нощь мимо ходитъ, тогда „къ рѣцѣ идутъ съ великимъ кричаніемъ, аки „бѣсни, и умываются водою“. Русаліи (*Ρουβάλια*) встрѣчаются у писателей XII и XIII вѣковъ, Патріарха Антіохійскаго Ѳ. Вальсамона и Митрополита Болгарскаго Димитрія Хоматина, въ толкованіи ихъ на 62 кан. Греческой Кормчей: „онѣ послѣ Пасхи совершались, по нѣкоему древнему обычаю, въ иныхъ, чужихъ странахъ“ (*ἐν ταῖς ἔξω χώραις γενομάινα*). Греки не говорили этого о странахъ, лежащихъ отъ нихъ южнѣе, но только о тѣхъ народахъ и странахъ, кои были сѣвернѣе ихъ, какъ замѣчаетъ одинъ изъ схоліастовъ Базиликъ. Это, по мнѣнію Барона Розенкампфа, сближаетъ насъ съ Болгарами, Славянами и Руссами. Дюканжъ (24) называетъ Rusalia торжественнымъ сборищемъ, бывающимъ послѣ

(24) Glossarium mediae et infimae Graecitatis.

Пасхи, въ Италіи тогда, когда начинаютъ цвѣсти розы; отъ етого и святая Пятидесятница въ Италіи именовалась Pascha rosata, или Rosaceum. Изъ древностей Римскаго народа извѣстно, что онъ въ Маѣ мѣсяцѣ украшалъ гробницы предковъ розами, какъ цвѣтами, посвященными усопшимъ: ето было у него Rosalia. Въ Римской церкви издавна существовалъ обрядъ, въ Розовое-воскресенье, освящать золотую розу, которую Папа осылалъ въ даръ знаменитѣйшей особѣ города (25).

Хотя Римскія Rusalia, Новогреческія *Ρουβάλια* и Славяно-Рускія *Русалія* сходны между собою и празднованіе оныхъ приходится въ одно почти время года, въ разныхъ странахъ; но, по содержанію своему и мѣстному значенію, онѣ различны; ибо то и другое заимствовано ими отъ мѣстности, климата и нравовъ туземныхъ. Притомъ самое окончаніе *алія* весьма близко къ Латинскому *alia* въ прилагательныхъ, означающихъ свойственный, соотвѣтственный кому или чему, обычайный, какъ-то: Paganalia, игры, свойственныя сельскимъ жителямъ (paganis) или язычникамъ, Palilia, свойственныя, принадлежащія Палесѣ; почему и Rusalia могутъ значить игры, свойственныя Руси, если только слову *Русь* въ

(25) *Ducange* Glossarium mediae et infimae Latinitatis.

XII вѣкѣ не давали такого же знаменованія, какъ слову paganus, т. е. язычникъ. Какъ чужеземные и отечественные наши писатели *Русаліями* называютъ скоморошскія, языческія игры: то едва ли можно производить оныя отъ земноводныхъ Русалокъ, *рѣчныхъ богинь*, которыя вѣроятнѣе получили свое названіе отъ рѣкъ (24), и подчинены у Карпаторроссовъ Перуну, а по мнѣнію проспаго народа въ Россіи, Дѣдушкѣ водяному. По одновременности же *Русалій* съ земнымъ странствованіемъ Русалокъ, впродолженіе Русальной недѣли, какъ въ другихъ мѣстахъ полагаютъ отъ Семика до Петрова-дня, и по созвучію обоихъ словъ, смѣшивали однѣхъ съ другими, и первыхъ производили отъ послѣднихъ.

(24) И самая Upine Литовская происходитъ отъ слова upe рѣка (наша Упа); а Gudielka значитъ у Самогитянъ чужеземка и Руская женщина; ибо они называютъ всѣхъ иностранцевъ Gudai, такъ точнѣе какъ Рускіе всѣхъ не Рускихъ вообще Нѣмцами. Замѣч. Г. Коссовича.

II.

КУПАЛО И КУПАЛЬНИЦА.

Одинъ изъ общихъ и торжественныхъ праздниковъ народныхъ не только въ Славяно-Рускомъ мірѣ, но и во всей почти Европѣ, есть Ивановъ день, или Купало, приходящійся около лѣтняго солнцестоянія, и впадающій въ Христіанскій праздникъ Рождества Св. Іоанна Предтечи и Крестителя (1). Вмѣстѣ съ Коледою, современною зимнему солнцестоянію, Купало составлялъ празднества, раздѣлявшія въ древности годъ на двѣ половины равныя, зимнюю и лѣтнюю. Нѣмцы въ средней Германіи назвали ето время Sun-gihte, переходомъ солнца, а Саксонцы, по наблюденію поворота, дѣлаемаго въ ету пору солнцемъ, Sonnenwende. У Рускихъ *Купало* обыкновенно соединяется съ *Купальницею;* первое прозваніе придается простонароднымъ суевѣріемъ С. Крестителю, а другое С. Мученицѣ Агриппинѣ, празднуемымъ православною церковію 23 и 24 числъ Іюня (Червеца).

Празднество сіе издревле извѣстно въ Европѣ подъ разными именами. У Рускихъ

(1) Дни богослуженія православной Греко-Росс. церкви, сочин. *Дебольскаго*. Спб. 1837, въ 8.

обыкновенно называется оно *Иванъ Купало*, или *Ивановъ день*, и просто *Купало*, и *Купальница;* въ Есплянділи и Лифлянділи Iani paev, у Финновъ Iohannexew päivä, Силезіи и Польшѣ *Соботка* и *Собутка* (2), въ Италіи Sabatina, въ Германіи Hannstag, или Johannisfeuern, въ Даніи Midsummersnat, Sankt Hans Aften, въ Англіи Midsummerseve, Midsummersnight (3) и пр. По мнѣнію Сербовъ, *Иванъ данъ* столь великъ, что наканунѣ его солнце на небѣ троекратно останавливается.

Славяно-Русское слово, на югѣ и на западѣ, *Купало*, не прежде какъ въ началѣ XVII вѣка, появляющееся въ писменныхъ памятникахъ, имѣетъ различное словопроизводство отъ различныхъ понятій, съ нимъ соединяемыхъ въ разныхъ мѣстахъ: отъ *купанія;* потому что съ етого времени обыкновенно начинаютъ купаться въ рѣкахъ, или отъ *купы* (copula, Kuppelei?), какую представляетъ Купало съ Купальницею, отъ кучи (kupa Польск. купа, куча) зажигаемаго хвороста, отъ *копанія* кореньевъ и кладовъ, наконецъ въ Славянскомъ Купалѣ находится внѣшнее сходство и съ Индійскимъ *Купаломъ*, покаянни-

(2) Lud Polski p. *L. Gołębiowskiego*. Warsch. 1830, въ 8.

(3) Edda Saemundina, t. III.

комъ (4). Но первое намъ кажется ближайшимъ, потому что имѣетъ отношеніе къ празднику и слову *Крестителъ*, а въ послѣднихъ сходство отдаленнѣйшее, хотя всѣ сіи признаки сосредоточиваются въ одномъ понятіи. Слово Купало, форма глагола *купи́лъ, ла́, ло*, выражаетъ причину и свóйство дѣйствія, такъ какъ *Ярило, Пугало.*

Купало миѳографами включенъ въ число Славяно-Рускихъ божествъ. Карамзинъ, согласно съ Гизелевымъ Сгнопсісомъ, Дмитріевскою Четьею Минеею и позднѣйшими миѳографами, признаетъ Купалу *богомъ земныхъ плодовъ;* но Купало не упоминается ни между Кіевскими божествами у Нестора, ни въ великой Макарьевской Четьи Минеи, ни въ Стоглавѣ, а существуетъ только въ показанныхъ XVII вѣка памятникахъ, въ народныхъ преданіяхъ и пѣсняхъ южной, западной и даже сѣверо-восточной Россіи, хотя Исторіографъ и утверждаетъ, будто ни въ одной старой пѣснѣ не упоминается Купалы (5). Впрочемъ не у всѣхъ Славянскихъ племенъ извѣстенъ Купало; у Карпато-Россовъ

(4) Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde, par *l'Abbé I. Dubois.* t. I. et. 2. à Paris, 1815, in 8.

(5) *Карамз.* И. Г. Р. т. I. прим. 208.

и Литовцевъ въ Ивановъ день утромъ праздноютъ Ладо, и поютъ въ честь его *Ладовыя пѣсни*, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи торжествуютъ Ярилѣ. Въ старинной приписѣ на екземплярахъ Кромеровой лѣтописи, хранящейся въ Рижской публичной библіотекѣ, значится слѣд: „И въ наше время Литовцы, равно какъ и Лешпы и Кури, призываютъ Ледо или Ладо около Иванова „дня. Тогда, по старинному суевѣрію, украшаютъ они цвѣтами и древесными вѣтвями источники и собираютъ травы, кои „почитаютъ полезными отъ всякой болѣзни.“ Старо-Пруссы и Литовцы, замѣчаетъ Реза, въ честь Лиго, бога весны и веселья, наканунѣ Иванова дни *подъ липами* зажигали огни и всю ночь насквозь плясали съ припѣвами къ пѣснямъ: *Лиго, Лиго!* (6).

Мѣховита и Длугошъ, почитая Ладу, или Леду за Славянское божество, заимствованное отъ Грековъ и Римлянъ, мать близнецовъ Кастора и Поллюкса, которыхъ именовали Славяне Лелемъ Полелемъ, свидѣтельствуетъ, что во время пиршествъ раздавались восклицанія: *Ладо, Лели Полели!* Они означали древніе въ честь ихъ свадебные

(6) Prutena, oder preussische Volkslieder v. *L. Rhesa.* Königsb. 1809, in 12.

обряды. Какъ Ладъ и Ладо представляются двуполными (7), то купа ихъ, или чинъ соотвѣтствуетъ *Купалѣ и Купальницѣ*, которые заимствованы изъ Христіанскихъ понятій, изкаженныхъ въ суевѣріи народномъ, и потому возникли позднѣе, внѣ міра языческаго. Въ томъ и другомъ сочетаніе огнепоклоненія и водопоклоненія, мужескаго и женскаго половъ, очищеніе огнемъ и водою, изъ коихъ первый даже доселѣ въ простонародіи называется *Царь-огнемъ*, а другая *Царь-водицею*, хотя, по видимому, Купала, какъ мы замѣтили, происходитъ отъ *купанія*, или отъ *купѣли*, ибо приходится въ день С. Крестителя; но представителемъ Купалы въ народномъ вѣрованіи огонь, а Купальницы—вода, (8) кои служатъ средствами къ очищенію и гаданію въ сіи дни, когда сама природа, совокупляя всѣ свои силы и тайны, вдыхаетъ въ человѣка предчувствіе міра духовнаго.

Начало этихъ обычаевъ, основанныхъ на самой природѣ и коренныхъ идеяхъ человѣчества, открывается въ глубокой древ-

(7) На древне-Саксонскомъ языкѣ lado значитъ законное очищеніе, а ladin, совокуплять, очищать.

(8) Въ приводимой Нарбуттомъ рукописи Epiск. Петра сказано: Habuerunt autem baptismum per ignem, scilicet purificationem elementariam. см. Dzieje starożytne narodu Litewskiego. t. I. Wilno. 1835, in 8.

ности, гдѣ вода и огонь почитались за начала міра, главнѣйшими стихіями и символами очистительными. Отъ этого вѣрованія получили свое начало купальскіе огни и омовенія, всѣ повѣрья, обряды и обычаи, кои наблюдаются въ это празднество стихій.

Возжиганіе огней и перехожденіе или перескакиваніе черезъ оные извѣстно было въ отдаленной древности у Восточныхъ народовъ, изъ которыхъ многіе были огнепоклонниками и, по выраженію книги Премудрость г. XIII, ст. 2, *огнь* и *кругъ звѣздный* почитали *строителями міра*. Изъ II книги Паралипоменонъ, XXXIII, 6, видно, что Царь Манассія, состроившій кумиры Ваалиму и насадившій дубравы, *проведе чада свои чрезъ огнь во удоли Веннномли* (9); также Царь Іудейскій Ахазъ *сына своего проведе сквозѣ огнь по мерзостямъ языковъ* (10). У Индійцевъ встрѣчается обычай ночнаго освѣщенія огнями въ честь древняго ихъ Царя Бали и Ямы и сестры его Ямуны, въ мѣсяцѣ Картикѣ и жертвоприношенія огня — Ядиня или Ягна (11). Въ Іюнѣ, въ *день огня* (Tirgan, или Niranvus),

(9) см. II *Паралип.* XXXIII, ст. 6. Въ Острож. Библіи: „И създа же жрѣтовники всѣмъ воемъ небеснымъ въ двою „дворѣхъ дому Господня: пройти же сотвори сыновомъ „своимъ по огню въ оудоли венсноми и вражаше со жре„біи". (10) IV *Царствъ*, XVI, ст. 3.

(11) Edda Saemundina, t. III.

мѣсяцѣ Персы имѣли водное и огненное очищеніе; они, какъ свидѣтельствуетъ Четья Минея, „почитаютъ солнце, луну и звѣз„ды и пресвѣтлѣйшую огненную силу.“ При таинствахъ Елевзинскихъ въ Греціи, на праздникахъ Цереры, Палесы, или Весты въ Римѣ перескакивали чрезъ зажженные огни для очищенія. Овидій въ fastis, V, 727 и 805 говоритъ, что „чрезъ огонь переходилъ скотъ и „поселяне (per flammas saluisse pecus, saluisse colonos) „и что онъ самъ перескакивалъ чрезъ три „огня и кропленъ былъ лавровою вѣтвію, омоченною въ водѣ“ (certe ego transilui positas ter in ordine flammas, virgaque roratas laurea misit aquas). Т. е. Варронъ упоминаетъ „о нѣкоторомъ тор„жествѣ и игрищѣ у поселянъ, которые, на„таскавъ ворохи сѣна и соломы, зажигаютъ „ихъ и перескакиваютъ чрезъ пламя, для очи„щенія себя“ (12). Преосв. Веніаминъ (13) такъ изображаетъ купальскій праздникъ въ Древности: „Язычники въ 23 день Іюня ввечеру „сбирались на берегахъ рѣкъ, и въ нѣкото„рыхъ домахъ мужи и жены украшали перво„рожденную дѣву наподобіе невѣсты; при „томъ пировали, плясали, кружились, совер„шая предпразднество въ честь богини Весты.

(12) *T. Varronis* opera. Biponti. 1788, in 8.

(13) Новая скрижаль, или пополнительное объясненіе о Церкви, о литургіи, М. 1803 г. 4 ч. въ 4.

„И послѣ гаданій (весьма похожихъ на наши „святошныя) они на другой день съ музыкой „и плясками всѣ выходили за водою и кропи„ли оною свои домы, а потомъ во всю ночь „прыгали чрезъ зажженные костры.“ У народовъ Семитическаго происхожденія Солнце или Огонь, изображая небеснаго Владыку, назывался *Ваалъ*, вѣроятно одинаковый съ Индійскимъ *Пали* или *Бали* и Славянскимъ *палити* и *палило*, съ коими сходны и Римскія *Палиліи* (Palilia), во время коихъ перескакивали черезъ разведенные костры огня. Кв. Цицеронъ описываетъ брату своему Марку Ц. зажиганіе огней Бретонами въ лѣтнее солнцестояніе на горахъ, обрядъ перескакиванія женъ и дѣтей чрезъ горящіе костры и встрѣчу солнца радостными восклицаніями (14).

Отечественная Исторія наша упоминаетъ о перехожденіи Татаръ съ спадами чрезъ огни для сей же цѣли. Князь Михаилъ Черниговскій съ Боляриномъ Ѳеодоромъ приняли отъ Батыя мученическую смерть за то, что „*не прошли сквозь огнь* и не покло„нились кусту и солнцу.“ (15)

Очистительный етопъ огонь (Зничь?), добываемый посредствомъ треній дерева объ

(14) Dissertations sur les antiquités de Russie, par *M. Guthrie.* à S. P. 1795, in 8.

(15) *Карамз.* И. Г. Р. т. IV, прим. 41, 45.

дерево, остатокъ сѣверныхъ празднествъ въ честь Балдера, у Англо-Саксовъ назывался Nodtyr, у Датчанъ Midsommersbaal, у древнихъ Нѣмцевъ Ansfyr, святый огонь, Nedfeuer и Nothfeuer, по изъясненію Дюканжа, необходимымъ огнемъ; потому что онъ возгнетался для отвращенія заразы или болѣзни, а умилостивительнымъ отъ того, что зажигался для умилостивленія тѣней усопшихъ. У Финновъ онъ извѣстенъ подъ именемъ Kokko: что значитъ, по толкованію Ренвала (16), костеръ, зажигаемый ночью среди каждаго лѣта, или Ивановъ огонь, по большей части, на горѣ (kokkola); у Поляковъ *Свентоянскій огонь*. Въ Новгородской Губерніи, по Волхову, особенно въ селеніяхъ Кокуй и Оскуй, огни изъ хвороста, зажигаемые во время скотскаго падежа и въ купальскій праздникъ, называются *Коккуемб*.

Еще Карлъ великій въ капитуляріяхъ своихъ строго запрещаетъ нечестивые огни Недфри (ignes sacrilegos, quos *Nedfri* vocant). Винфридъ Бонифацій видѣлъ 723 г. въ Тюрингенѣ праздникъ Янова огня, который спарался онъ замѣнить церковнымъ обрядомъ. По словамъ лѣтописи, между обычаями древней Алеманской церкви существовали благословенія *Иванова*

(16) Suomalainen Sana-Kirja. Lexicon linguae Finnicae. auct. *G. Renvall*. Aboae. 1823, in 4.

огня, который „сначала введенъ привычкою къ „Язычеству, упвержденъ глупымъ суевѣрі„емъ и удержанъ пагубнымъ мшелоимствомъ“. Іоанниты, Малтійскіе рыцари, появившіеся въ XI вѣкѣ, въ Ивановъ день (24 Іюня) хаживали вокругъ зажженнаго костра. Линденброгъ описываетъ намъ старый обычай Нѣмецкихъ поселянъ троекратно переходить чрезъ Ивановскій огонь и переводить чрезъ него стада свои; оставшіеся отъ него угли класть въ хлѣвы и стойла скотинъ для избавленія отъ заразы, а пепелъ бросать на огороды для прогнанія вредныхъ насѣкомыхъ отъ овощей. Клеммъ въ своихъ древностяхъ Нѣмецкихъ утверждаетъ, что Ивановы огни употребляются, въ должайшій день, почти по всей Германіи (17). Въ Есплядіи и Лифляндіи, въ Jani Paew поютъ пѣсни хоромъ, припѣвая къ каждой строфѣ kasike, kanike. Въ Венгріи также, наканунѣ праздника Св. Іоанна Предтечи зажигаютъ огонь на горахъ и чрезъ оный перескакиваютъ. Бѣгая взадъ и впередъ съ горящими факелами, молодежъ проводитъ большую часть ночи въ пѣсняхъ и играхъ. При Thot Próna, Словацкомъ Пронѣ, въ Туровскомъ Графствѣ донынѣ одна гора,

(17) die Feste der alten Christen von D. J. Augusti. III. Leipz. 1821, in 8.

гдѣ бываетъ сія игра, называется Богушово (Bohussova), а самая игра Wajanno (18). Люнебургскіе Венды, 27 Іюня, долгое время по принятіи Христіанства, при священномъ древѣ совершали языческія жертвоприношенія пѣтуха съ возліяніями и плясками. Чехи, Моравы и Сербы наблюдаютъ подобные обряды, вѣшая еще, для прогнанія злыхъ духовъ, на кровляхъ домовъ и въ клѣвахъ вѣнки изъ травъ и цвѣтовъ, собранныхъ наканунѣ Иванова дня. Перескакиванію черезъ огонь даютъ по мѣстамъ особенное знаменованіе, индѣ вѣрятъ, что оно предохраняетъ отъ болѣзни и околдованія; индѣ, что чѣмъ выше прыгнутъ, тѣмъ лучше уродится конопля; индѣ, что высшій скачекъ предвѣщаетъ долгайшую жизнь. Поляки, Силезцы и Чехи именуютъ его игрище *Соботка* отъ *собить*, т. е. приготовить, приспособить, или отъ горы въ Силезіи Собошки, по Нѣмецки Zobten, которая получила свое названіе отъ Свентоянскихъ обрядовъ. Его есть одно изъ необыкновенныхъ освѣщеній въ свѣтѣ, замѣчаетъ Ходаковскій: въ сумеркахъ, 23 Іюня, вдругъ запылаютъ Карпатскія горы, Судеты и Корконоши, между Силезіею и Чехами, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ (19). Обыкновенно Соботка сопровождается пѣснями, хороводами вокругъ огней: тогда дѣвицы и молодцы, обыкновенно надѣвъ себѣ на головы вѣнки цвѣточные и опоясавшись чернобыльникомъ, перепрыгиваютъ черезъ огонь и купаются въ его день. „У Поля„ковъ, свидѣтельствуетъ одинъ ихъ писатель „Мартинъ въ XVI вѣкѣ, наканунѣ Иванова „дня женщины зажигали огни, плясали во„кругъ нихъ, пѣли, воздавая честь и мольбы „демону. Этого языческаго обычая донынѣ, „т. е. до XVI вѣка, не оставляютъ въ Поль„шѣ, принося жертвы изъ травы чернобыль„никъ (Artemisia), зажигая костры огнемъ, до„бываемымъ черезъ треніе дерева объ дерево; „чтобы празднество было точно дьявольскимъ, распѣваютъ пѣсни и пляшутъ“ (20). Иванъ Кохановскій описываетъ Ивановскій праздникъ въ Черномъ лѣсѣ, въ Сендомирскомъ воеводствѣ, какъ родъ торжественнаго увеселенія, подобно новѣйшей Wyżynku. Изъ старыхъ пѣсенъ Соботки приведемъ здѣсь одну въ переводѣ: „Когда солнце согрѣваетъ „рака, а соловей болѣе не поетъ, Соботка

(18) Handbuch der germanischen Alterthumskunde, v. Dr *G. Klemm*. Dresden. 1836, in 8.

(19) Исторія Малороссіи Д. Н. *Бантышъ-Каменскаго*, 2 и 3 ч. Москва, 1830, въ 8.

(20) *Marcinaz* Urzędowa herbarz czyli zielnik. 1595. f.

„была запалена въ Черномъ лѣсѣ. Такъ намъ „передали матери, сами также заняли отъ „другихъ, чтобы на день С. Іоанна всегда „горѣла Соботка“ (21).

На Украйнѣ, Подолѣ и Волынѣ, въ Купайло, по захожденіи солнца, дѣвицы собираются въ одно мѣсто, куда приносятъ вѣтвь вербы, убранной цвѣтами, и утвердивъ ее въ землю, ходятъ вокругъ этого дерева, называемаго у нихъ *Купайло*, и поютъ жалобныя пѣсни въ честь Купайло. Это продолжается болѣе часа, потомъ парни, стоящіе въ сторонѣ, бросаются на вербу и, не смотря на защищеніе дѣвицъ, уносятъ и обрываютъ ее; тѣмъ и оканчивается этотъ обрядъ.

Хотя въ Малороссіи, лѣтъ уже около 30, почти выводится между народомъ обыкновеніе прыгать чрезъ купальскіе огни, или чрезъ

---

(21) Gdy słońce raka zagrzewa,
A słowik więcey nie spiewa,
Sobótkę iako czas niesie,
Zapalono w Czarnym lesie,
Tak to matki nam podały,
Same także z drugich miały,
Że na dzień Swiętego Jana
Zawżdy Sobótka palana.

см. *Jan Kochanowski* Dzieła iego w Krak. 1639, in 4.

кучи жгучей крапивы; однако по мѣстамъ доселѣ сохраняется въ тайнѣ этотъ обрядъ: къ Купальскому празднику дѣлаютъ тамъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ родъ болвана, или куклы, величиною около трехъ четвертей аршина, украшаютъ его свѣжимъ цвѣточнымъ вѣнкомъ, и съ этимъ болваномъ въ рукахъ перескакиваютъ черезъ разведенный въ полѣ огонь или кучу травы, припѣвая:

Купало на Ивана,
Та купався Иванъ,
Та въ воду впавъ;
Купало на Ивана и пр.

Въ Украйнѣ, по замѣчанію Г. Пассека, дѣвки за недѣлю до Иванова дня начинаютъ запѣвать пѣсни, относящіяся къ празднику Купало, а наканунѣ Иванова дня, предъ закатомъ солнца, дѣвки и молодки, въ праздничномъ платьѣ, съ вѣнками изъ травы и цвѣтовъ (сѣкировъ), перевитыхъ кануфероmъ и другими душистыми травами, сбираются вокругъ срубленнаго дерева, болѣе чернокленa, и схватясь за руки, поютъ:

Ой, мала ничка, Петривачка:
Не выспалась наша дивочка!
Не выспалась, не наигралась
И съ козаченькомъ не настоялась.
Къ череди шла, задремала.

На пеньки ноги позбивала,
На шпички очи повыймала!
Авже корови у диброви,
Авже телята пасутъ хлопьята,
Авже вивци на крутiи гирцы (22).

Потомъ ставятъ подъ деревомъ куклу изъ соломы, довольно большой величины; надѣваютъ на нее женскую рубашку, голову ей убираютъ лентами, намистами (монистами) и пр. Куклу ету называютъ *Купалою*, а дерево *Мареною*. Въ иныхъ мѣстахъ, куклу замѣняетъ дерево, на которое вѣшаютъ вѣнки и намисты. Устроивъ такимъ образомъ своего *Купалу*, зажигаютъ подлѣ него кучу соломы и начинаютъ пѣть:

Ходыли дивочки коло марено́чки,
Коло мою Вудыла Купала;
Грашыми сонечко на Йвана;
Накупався Йванъ, та въ воду впавъ.
Купало пидъ Йвана!

Толпы народа въ вѣнкахъ, закрывающихъ лице до половины, поютъ нѣжно и протяжно ету обрядную пѣсню; потомъ

(22) *Череда* — стадо; *диброва* — дубрава; *хлопьята* — ребята; *вивцы* — овцы; *гирка* — горка. *Вудыло* не отъ *воды* ли, или udus влажный? Съ присовокупленіемъ дигаммы, vudus, Вудало будетъ то же что Купало.

одинъ послѣ другаго прыгаютъ черезъ огонь, раскладенный на возвышеніи. Повѣрье дѣлаетъ куклу изъ соломы или холста сколько относится къ Купалѣ, столько и къ сказанію о какой-то Аннѣ, дочери Пана, утонувшей въ Дунаѣ. — Когда, вечеромъ подъ Ивановъ день, Украинцы принесутъ дерево и куклу къ водѣ и пропоютъ пѣсни; тогда начинаютъ бросать съ себя вѣнки или въ воду, или на дерево, въ слѣдъ за ними кидаютъ и дерево и куклу, а сами начинаютъ прыгать чрезъ огонь; только немногіе уносятъ съ собою вѣнки, чтобы повѣсить ихъ гдѣ нибудь въ сѣняхъ для предохраненія себя отъ непредвидѣнной напасти (23). Ета Анна Украинская, созвучная, если несходная, съ Римскою Церерой, Anna perenna, не соотвѣтствуетъ ли Великороссійской Купальницѣ, которая составляетъ съ Купалою двойственность, свойственную Славяно-Руской Миѳологіи?

Въ Малороссіи и донынѣ кладутъ въ Ивановъ день на окнахъ хатъ и даже на порогахъ дверей жгучую крапиву для защиты себя отъ нападковъ вѣдьмъ, которыя бываютъ *шкодливѣе* (зловреднѣе) въ страшную ночь. На ету-то ночь отвсюду слетаются, по древнему повѣрью, Бабы-яги, вѣдьмы и колдуньи на

(23) Московскій Наблюдатель, 1838, No 3.

мешлахъ и помелахъ на Лысую гору, или Чертово Беремище, подъ Кіевомъ, гдѣ у нихъ бываютъ совѣщанія, таинственные обряды и превращенія, какъ въ Польшѣ подъ Сендомиромъ на Lysa Góra (24), а въ Сѣверной Германіи на Брокенѣ въ Валпургову ночь. Въ старой Ладогѣ, при рѣкѣ, впадающей въ Волховъ, купальское ликованье ежегодно совершается при огнѣ, на горѣ Побѣдищѣ. Огонь етотъ въ Новгородской области извѣстенъ подъ названіемъ *живаго*, *лѣснаго*, или *Царя огня*, *лекарственнаго*. Издатель Абевеги пишетъ, что „верстахъ въ 12 отъ Петербурга, по Рижской дорогѣ, есть старая липа, коей вѣтви „переплетясь съ отраслями другихъ деревъ, „составили природную бесѣдку, въ коей остана„вливался отдыхать Петръ Первый; на „семъ-то мѣстѣ, наканунѣ Иванова дня, сби„раются Ижорки и проводятъ всю ночь съ „пѣніемъ и воплемъ при раскладенномъ огнѣ, а „напослѣдокъ при пляскахъ сжигаютъ бѣлаго „пѣтуха,“ (25) котораго древніе Скандинавы сравнивали съ пламенемъ по красному его гребню. Подобный Финнскому обрядъ, какъ выше

(24) У Чеховъ и Словаковъ есть поговорка: Gede baba na lysau horu, т. е. ѣдетъ баба на лысую гору — на сходку вѣдьмъ. см. выпускъ I. стр. 92.

(25) Абевега Рускихъ суевѣрій идолопоклонническихъ, соч. М. Ч. Москва. 1786, въ 8.

замѣчено, совершали Люненбургскіе Венды. См. I вып. стр. 90

Купальскіе огни разводятся и въ другихъ мѣстахъ Россіи по старому обычаю и для забавы. Начало етого теряется въ древности народной, подобно другимъ обрядамъ и обычаямъ, исторически неопредѣленнымъ. Въ Стоглавѣ 1551 г. и Потребникѣ 1639 г. упоминается, что „нѣцыи пожаръ запаливъ, пред„скакаху по древнему нѣкоему обычаю.“ Обычай етотъ относился и къ Иванову дни, который празднуемъ былъ у Рускихъ и въ XVI вѣкѣ играми на берегу рѣкъ, плясками и пѣснями и переряживаніемъ въ разные образы, наканунѣ дни Св. Предтечи и въ самый день его празднества. Стоглавъ сказываетъ, что „противъ праздника Рождества Великаго Іо„анна Предтечи и въ ночи на самый празд„никъ, и въ весь день и до нощи мужи и „жены и дѣти въ домѣхъ и по улицамъ и ходя „и по водамъ, глумы творятъ всякими играми „и всякими скомрашествы и пѣсни сатанин„скими и плясками, гусльми и иными многими „виды и скаредными образованіи. И егда нощь „мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рощѣ „съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсни омы„ваются водою.“ Въ Псковѣ тогда же почти такимъ же образомъ праздновали Купалу, какъ повѣствуетъ намъ въ началѣ

XVI вѣка очевидный свидѣтель, Игуменъ Памфилова монастыря Елеазаръ, именно: „Егда „приходитъ великій праздникъ, день Рожде„ства Предтечева, исходятъ огавницы, мужіе „и жены чаровницы по лугамъ и по болотамъ „и в пустыни и в дубравы, ищущи смертныя „травы и привѣтрочрева, отъ травнаго „зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ; ту „же и дивія коренія копаютъ на поворотіе „мужемъ своимъ. Сія вся творятъ дѣйствомъ „діаволимъ въ день Предтечевъ, съ приговоры „сатанинскими. Егда бо пріидетъ самый праз„дникъ Рождество Предтечево, тогда во свя„тую ту нощь мало не весь градъ возмятет„ся, и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны и въ „сопели, и гуденіемъ струннымъ и всякими „неподобными играми сатанинскими, плес„каніемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ „и главами киваніемъ и устнами ихъ непріяз„ненъ кличь, вся скверныя, бѣсовскія пѣсни, „и хребтомъ ихъ вихлянія и ногамъ ихъ ска„каніе и топтаніе; что же бысть во градѣхъ „и в селѣхъ. И в годину ту сатана красует„ся, яко же сущіи древніи идолослужителіе „бѣсовскій праздникъ сей празднуютъ. Сице „бо на всяко лѣто кумиромъ служебнымъ „обычаемъ сатану призываетъ и тому яко „жертва приносится всякая скверна и без„законіе богомерзкое приношеніе, а яко день

„Рождества Предтечи великаго празднуютъ „по своимъ древнимъ обычаямъ.“ Возжиганіе огней и перескакиваніе чрезъ нихъ одинъ церковный писатель XVII вѣка называетъ чествованіемъ идоловъ, именно: „обычай бѣ „поганымъ въ честь идоловъ чрезъ огнь ска„кати и на реляхъ колыхатися (26).“

Изъ этихъ описаній Купальскаго *Стада* (см. выше) видно, что вмѣстѣ съ очищеніемъ огненнымъ и воднымъ, пѣснями и плясками соединялись въ немъ пиромантія (огневолхвованіе) и травоволхвованіе, какое осталось донынѣ въ великой, особливо въ малой и бѣлой Россіяхъ. По всей Бѣлоруссіи и во многихъ Губерніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ Великому княжеству Литовскому, существуетъ народное преданіе о мужикѣ, которому на Ивановъ день цвѣтъ папоротника попалъ въ лапоть и сообщилъ счастливцу всевѣденіе, такъ что онъ зналъ, гдѣ закопаны клады; но съ утратою цвѣтка утратилъ и всевѣденіе. Въ Вильнѣ итти на Ивановское гулянье за городъ слыветъ: *итти на росу*. Тогда въ Карпатахъ, до восхожденія солнца, купаются въ росѣ и перескакиваютъ чрезъ костры огней. Въ Литвѣ также канунъ Купала называется

(26) Поученіе отъ Іереевъ сущимъ подъ ними въ пастве ихъ, безъ года и мѣста, въ 4.

XVI вѣка очевидный свидѣтель, Игуменъ Памфилова монастыря Елеазаръ, именно: „Егда „приходитъ великій праздникъ, день Рожде„ства Предтечева, исходятъ огавницы, мужіе „и жены чаровницы по лугамъ и по болотамъ „и в пустыни и в дубравы, ищущи смертныя „травы и привѣтрочрева, отъ травнаго „зелія на пагубу человѣкомъ и скотомъ; ту „же и дивія коренія копаютъ на потвореніе „мужемъ своимъ. Сія вся творятъ дѣйствомъ „діаволимъ въ день Предтечевъ, съ приговоры „сатанинскими. Егда бо пріидетъ самый праз„дникъ Рождество Предтечево, тогда во свя„тую ту нощь мало не весь градъ возмятет„ся, и въ селѣхъ возбѣсятся въ бубны и въ „сопели, и гуденіемъ струннымъ и всякими „неподобными играми сатанинскими, плес„каніемъ и плясаніемъ, женамъ же и дѣвамъ „и главами киваніемъ и устнами ихъ непріяз„ненъ кличь, вся скверныя, бѣсовскія пѣсни, „и хребтомъ ихъ вихлянія и ногамъ ихъ ска„каніе и топтаніе; что же бысть во градѣхъ „и в селѣхъ. И в годину ту сатана красует„ся, яко же сущіи древніи идолослужителіе „бѣсовскій праздникъ сей празднуютъ. Сице „бо на всяко лѣто кумиромъ служебнымъ „обычаемъ сатану призываетъ и тому яко „жертва приносится всякая скверна и без„законіе богомерзкое приношеніе, а яко день

„Рождества Предтечи великаго празднуютъ „по своимъ древнимъ обычаямъ.“ Возжиганіе огней и перескакиваніе чрезъ нихъ одинъ церковный писатель XVII вѣка называетъ чествованіемъ идоловъ, именно: „обычай бѣ „поганымъ въ честь ідоловъ чрезъ огнь ска„кати и на реляхъ колыхатися (26).“

Изъ етихъ описаній Купальскаго *Стада* (см. выше) видно, что вмѣстѣ съ очищеніемъ огненнымъ и воднымъ, пѣснями и плясками соединялись въ немъ пиромантія (огневолхвованіе) и травоволхвованіе, какое осталось донынѣ въ великой, особливо въ малой и бѣлой Россіяхъ. По всей Бѣлоруссіи и во многихъ Губерніяхъ, нѣкогда принадлежавшихъ Великому княжеству Литовскому, существуетъ народное преданіе о мужикѣ, которому на Ивановъ день цвѣтъ папоротника попалъ въ лапоть и сообщилъ счастливцу всевѣденіе, такъ что онъ зналъ, гдѣ закопаны клады; но съ утратою цвѣтка утратилъ и всевѣденіе. Въ Вильнѣ итти на Ивановское гулянье за городъ слыветъ: *итти на росу*. Тогда въ Карпатахъ, до восхожденія солнца, купаются въ росѣ и перескакиваютъ чрезъ костры огней. Въ Литвѣ также канунъ Купала называется

(26) Поученіе отъ Іереевъ сущимъ подъ ними въ паствѣ ихъ, безъ года и мѣста, въ 4.

праздникомъ *Росы*; тогдажь вспоминаютъ Упиню, богиню рѣчную. Празднество перваго сопряжено съ зажиганіемъ огней, а другой съ купаніемъ въ водѣ. То и другое сопровождалось особенными пѣснями и примѣтами (27).

Въ Малороссіи также, какъ и въ Сѣверной Россіи, живетъ повѣрье, что папоротнь, по-Руски папоротникъ, или качедыжникъ (Aspidium filix), цвѣтетъ огненнымъ цвѣтомъ только въ полночь подъ Ивановъ день, и кто успѣетъ сорвать его, не взирая на всѣ ужасы, какіе будутъ ему представляться, тотъ сыщетъ кладъ. Преданіе сіе, замѣчаетъ Г. Максимовичь, имѣетъ основаніемъ то, что папоротники цвѣтутъ особыми, невидимыми цвѣтами; образованіе плодовъ ихъ есть слѣдствіе тайнаго, невидимаго цвѣтѣнія (28). Только весьма немногимъ удается найти этотъ дивный цвѣтокъ. На Ивановъ день. знахари отыскиваютъ также разрывъ-траву, извѣстную и Нѣмцамъ подъ именемъ Springwurzel (29); противъ нея будто не устоитъ ни какой замóкъ, а на муравьиныхъ кучахъ масло сбирается въ стеклянную посуду,

(27) Dzieie narodu Litewskiego, p. *T. Narbutta*. t. I. Wilno, 1835, in 8.

(28) Малоросс. пѣсни. Москва. 1827, въ 16.

(29) Mythologie den alten Teutschen u. Slaven, von *A. Tkàny*. 2 Th. Znaim. 1827, in 8.

какъ цѣлительное средство отъ многихъ недуговъ. Изъ цвѣтовъ особенно въ этотъ день срываютъ купаленку (Trollius europaeus), медвѣжье ушко (Verbascum), богатенку (Erigeron acre), которую въ Новгородской Губерніи поселяне втыкаютъ въ стѣну на имя каждаго изъ семьи, замѣчая, что если чей цвѣтокъ скорѣе завянетъ, тому или умереть въ тотъ годъ, или захворать. Тогда же подъ корнемъ чернобыльника отрываютъ земляной уголь, который употребляется между простолюдинами какъ врачество отъ падучей болѣзни и черной немочи, изцѣляемой и корнемъ сего растенія. Въ рукоп. Травникѣ начала XVIII вѣка о какой-то травѣ *Архилинѣ* сказано, „что кто „ее рветъ на Рождество С. Іоанна Предтечи „сквозь златую или серебряную гривну и ее „носитъ на себѣ, и тотъ человѣкъ не боится „ни діавола, ни еретика, ни злаго человѣка; а „растетъ она при большой рѣкѣ.“ Вообще на Купалу сбираются и всѣ лѣкарственныя травы и коренья, приходящіе къ этой порѣ въ зрѣлость. Купальница въ народѣ слыветъ также *лютыя коренья*, а Купало *хорошія травы*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Новгородской Губ. около старой и новой Ладогъ и Тихвина, на Ивановъ день топятъ бани и воткнувъ въ вѣники собранную ими травку Иванъ-да-Марья,

парятся ими для здоровья на праздникъ 24 Іюня. Въ Антоніевомъ Дымскомъ монастырѣ Новгородской Губерніи простой народъ толпами сбирается купаться въ тамошнемъ озерѣ, почитаемомъ за цѣлебное, и купаетъ хворыхъ лошадей своихъ, какъ дѣлывалось *во досульные* (прежніе) годы. Въ Переславлѣ-Залѣскомъ, по народному преданію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ храмъ С. Богородицы Владимірской, просполюдинами называемой *Купальницею*, будто стоялъ истуканъ Купало, и бывающая въ етотъ день ярмарка слыветъ *Купальницею*. Тогда тамъ купаются въ озерѣ Клещинѣ и водятъ по берегамъ его круги съ пѣснями, которыя въ ето время только и поются. Въ Нерехотской округѣ, на канунѣ Купальницы, вечеромъ дѣвки своей бесѣды сбираются къ одной подругѣ *толокчи въ ступѣ ячмень*, съ пѣснями; на другой день поутру изъ етого ячменя варятъ кашу, называемую *кутьею*, которую ввечеру того дня онѣ съѣдаютъ съ масломъ. Послѣ сего, взявъ переднія колеса отъ телеги, нѣкоторыя изъ нихъ садятся на ось, а прочія, схватившись за оглобли, возятъ по селенію, а потомъ по полямъ съ пѣснями до утренней зари и для здоровья умываются росою. Въ окрестностяхъ Москвы хотя и выводится обычай перескакивать чрезъ купальскій огонь;

однако наканунѣ, всегда дѣвки парятся въ баняхъ свѣжими вѣниками съ цѣлебными травами, и варятъ въ складчину кашу.

Въ Москвѣ Ивановъ день изстари празднуется на Трехъ горахъ, славныхъ своею водой, гдѣ и донынѣ бываетъ гулянье народное, а лѣтъ за 30 туда съѣзжались богатыя Татарскія семейства, и расположившись на берегахъ Гагаринскихъ прудовъ, разводили огни и пировали. *Кокуева* слобода, нынѣ Нѣмецкая, и ручей Кокуй, текущій изъ Краснаго пруда чрезъ Нѣмецкую слободу въ Яузу (30), напоминаютъ Финнскій кокуй.

Позорищемъ купальскаго праздника бываютъ обыкновенно горы или поля и воды; на однѣхъ зажигаются огни, чрезъ кои перескакиваютъ мущины и женщины и перегоняютъ скотъ для предохраненія отъ очарованія злыхъ духовъ, а въ другихъ купаются для очищенія себя и сохраненія отъ болѣзней на цѣлый годъ. Во дни Купалы и Купальницы, во многихъ мѣстахъ Россіи бываютъ торги, и на Чешскомъ Kupadlo значитъ также ярмарку, торговлю.

У Рускихъ Славянъ, въ купальскомъ торжествѣ та особенность, что оно есть праздникъ какъ вѣдьмъ, такъ равно и первенствующихъ, плодотворныхъ и очистительныхъ

(30) Лексиконъ Россійскій, соч. *И. Татищевымъ*, ч. I. Спб. 1793, въ 8.

стихій огня и воды, или солнца и луны, которыя олицетворяются Купальникомъ и Купальницею, мѳѳмъ физическимъ и астрологическимъ. Дѣланіе же чучела изъ дерева или соломы при празднествѣ и мѣстныя преданія намекаютъ на существованіе кумира, который дошелъ до насъ подъ именемъ Купало или Купальника (31); но вѣроятно, въ древности онъ извѣстенъ былъ подъ другимъ названіемъ, какъ-то: Перуна, Ладо, или Знича (32).

Въ Указѣ С. Сѵнода 1721 г. Апрѣля 17, именно сказано, что „былъ нѣкій идолъ „*Купало*, ему же на Великъ день (Пасху) при„носили жертву обливаніемъ, какъ свидѣтель„ствуетъ Кіевскій лѣтописецъ.“ Теперь подъ словами *Купало* и *Купальница* обыкновенно разумѣютъ годовое народное празднество и соединенные съ нимъ повѣрья и обряды.

Въ Нерехотской пѣснѣ, приведенной нами въ III выпускѣ, въ числѣ трехъ годовыхъ праздниковъ народныхъ упоминается *Купальница*:

„А третій праздникъ — ***Купальница*** (33)“.

(31) Въ древнихъ Руск. стихотвореніяхъ, стр. I, упоминается *Купавъ молодецъ*.

(32) Украинскій Журналъ, 1824, N. 12. см. стр. V. *Баши*.

(33) Слова́ пѣсни, по мнѣнію Г. Пассека: и въ воду впадъ; Купало надь Ивана — относятся къ идолу Купалу, брошенному въ воду съ другими идолами.

Въ Купальницѣ болѣе заключается идея водопоклоненія, какая сродна была Славяно-Руссамъ, а въ Купалѣ идея правоволхвованія (34), смѣшиваемаго съ врачеваніемъ, и огнепоклоненія, господствовавшаго между Скандинавскими, Германскими, Финнскими и Литовскими племенами; та и другая проявились на Руси въ купальскомъ празднествѣ. Купало болѣе знако́мъ на югѣ и западѣ Россіи, а Купальница на сѣверо-востокѣ, гдѣ съ этого дня обыкновенно начинается купанье въ рѣкахъ.

Какъ въ Святкахъ, послѣ игръ простой народъ купается въ Іорданѣ, такъ и послѣ совершенія языческихъ нечистыхъ обрядовъ Купальскихъ, онъ очищается купаніемъ въ водѣ; въ XVI вѣкѣ, какъ видно изъ Стоглава, послѣ всенощныхъ ликованій (*во всю Ивановскую*, т. е. ночь) на страшный и таинственный Ивановъ день, на разсвѣтѣ купались въ рѣкахъ.

Простодушное и грубое суевѣріе, при переходѣ народа отъ Язычества къ Христіанству, въ Купалѣ и Купальницѣ смѣшало извѣчныя свои повѣрья и обряды съ новыми для него Христіанскими понятіями объ очищеніи и приспособило ихъ къ мѣстности, климату и быту народному. Къ сему торжеству

(34) У Французовъ *Ивановы травы* (les herbes de la Saint Jean) вошли въ поговорку.

давала поводъ и сама природа: она въ ето время посылаетъ на землю освѣщеніе посредствомъ свѣтляковъ (Ивановыхъ червячковъ), свѣтящихся въ купинахъ (35), и солнце совершаетъ переходъ чрезъ черту долгайшаго своего теченія: что прообразуется перескакиваніемъ черезъ живые огни, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по замѣчанію Г. Склабовскаго, катаніемъ колеса, которое въ Купалѣ и Коледѣ принимается за емблемму солнечнаго поворота. Коледа и Купало, какъ главнѣйшія и древнѣйшія годовыя празднества, не только въ Славянорускомъ мірѣ, но почти извѣстныя во всей Европѣ подъ разными именами, находятся въ тѣсной связи съ солнцестояніями, и на югѣ и на сѣверѣ Россіи празднуется въ одинъ день, хотя пора созрѣванія плодовъ тамъ не одинакова (36). Какъ лѣтнее солнцестояніе приходится въ цвѣтущее и жаркое время года: то травы, цвѣты и коренья избираются средствами для волхвованія и врачеванія, а огонь и вода для очищенія.

---

(35) Россія въ истор., статист., геогр. и литер. отношеніяхъ, *Ѳ. Булгарина*. ч. 2. Спб. 1837, въ 12.

(36) Geschichte des Heidenthums in nordlichen Europa, von Dr. F. *Mone*. II Th. Leipz. 1822, in 8.

КУПАЛЬСКІЯ ПѢСНИ (1).

Въ Харьковской Губ. вечеромъ, подъ день Ивана Купала, собираются, ставятъ въ какомъ нибудь мѣстѣ крапивный кустъ (а прежде зажигали солому) и перескакиваютъ чрезъ оный туда и сюда, и во время сего поютъ:

1.

Купала на Ивана.
Купался Иванъ, та въ воду упавъ,
Купала на Ивана.

—

Та и шли дѣвочки, и тояго дочки,
Слій вода чорна хмара, на долинѣ роса пала,
На улицѣ Купала на Ивана.

—

А въ пирипилички нижки нивилички,
И на гору низойде, на долини ни стане,
Купала на Ивана.

—

Сего дня Купала, а завтре Ивана,
Чимъ мини моя мати торговати?

---

(1) Сообщенныя мнѣ изъ Харькова Г. Профессоромъ Артемовскимъ-Гулакомъ.

Сего дня Купала, а завтре Ивана,
Чимъ мини моя мати торговати? —
Повызу я свекорка продоваты —
Риднаго бытынька куповаты (2); —
Здишевыла свекорка, здишевыла —
Ридного батынька не купыла.
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чимъ мини моя маты торгуваты? —
Повызу я свекруху продоваты —
Ридную матыньку куповаты; —
Здишевыла свекруха, здишевыла,
Ридной матыньки не купыла. —
Сегодня Купала, а завтра Йвана;
Чимъ мини моя маты торгуваты?
Повызу я диверька продоваты,
Риднаго братика куповаты;
Здишевыла диверька, здишевыла,
Риднаго братика не купыла. —
Сегодня Купала, а завтра Ивана;
Чимъ мини моя маты торгуваты?
Повызу я зовыцю (3) продоваты —
Ридную сестрыцу куповаты;
Здишевыла зовыця, здишевыла,
Ридной сестрыци не купыла!

(2) Куповаты — покупать.
(3) Зовыця — золовка.

Въ самый день Ивана срубаютъ дерево марину и ставятъ оное въ какомъ нибудь мѣстѣ, и потомъ каждая вѣшаетъ на ономъ свой вѣнокъ изъ разныхъ цвѣтовъ. Прежде еще сажая подъ симъ деревомъ дитя или сдѣланную куклу, украшали своими уборами. — Также подъ столомъ ставятъ столъ убранный, и на немъ горѣлку и разныя закуски. — Послѣ сего держась за руки, ходятъ около дерева и поютъ.

2.

Стояла ту поля вкрай чистаго поля.
Стій ту полинько, стій ,не развивайся,
Войному витроньку на подавайся!
На наши ту поли, четыре сокола:
Первый соколко, молодый Иванко,
А другій соколко, молодый Николко,
А третій соколко, молодый Михайло,
Четвертый соколко молодый Василько.

3.

Ой! ни стій, вербо; надъ водою,
Та не пускай зилья по Дунаю,
Ой! Дунай море разливае,
И день и ничь прибувае,
В верби корень пидмывае,
А сверхи вершокъ усыхае,
Коло верби листья опадае,

Стань соби, вербо, на рыночку,
У крищатому барвиночку,
У запашнимъ васильку.

4.

Ой! купалочка купалася,
Та на бережку сушилася,
Тай тому люди дивовались;
Ой! ни дивуйтесь симу, люди,
Бо я бачила дивнійшое!
Щука рыба красно ткала,
А ракъ на буеракъ цивки сучитъ,
А муха горюха дажу миситъ,
Комаръ пищитъ, водичу несетъ.

5.

Наши подоляни церковь збудовали,
Не такъ збудовали, якъ намалевали,
Та намалевали три мѣсяцы ясныхъ,
Ой! первый мисяцъ молодый Иванко,
А другій мисяцъ молодый Василью,
А третій мисяцъ молодый Михалко.
Наши подоляни церковь збудовали,
Не такъ збудовали, якъ намаливали,
Та намалевали три зирочки ясныхъ; три дивочки красныя,
О! первая зирочка млада Маричка,
А другая зирочка млада Галичка,
А шретія зирочка млада Варачка,

6.

Солнце сходе играе,
Иванко коника сидлае,
На стрименички ступае,
На сиделицко злегае,
Тяжинко, важинко вздыхае,
А его батюшко пыта,
Що ты це сыночекъ гадаешъ,
На сщо ты коника сидлаешъ?

7.

Шо тоби батюшко до сего,
Сидлаю коника ни твого;
Пойду до тестя до свого;
Пущу я коника по двору
Своему тестиви на хвору;
Ой! у мого тестя новый двиръ,
И барвиночкомъ стили дверъ,
И василичкомъ мети двиръ,
Шобъ мене тещинка хвалила,
Шобъ мене дивчина любила. —

8.

Ой! чіето житто пидъ гору стояло,
Иванкове житто пидъ гору стояло,
Пидъ гору зелененко, по мисяцу видненко.
Молода Маричка ходитъ житто жати,
Молодый Иванко! ни вмію я жати,
Якь я тебе возму житто жати научу,
Пидъ гору зелененко, по мисяцу видненко серденко!

9.

Ой! вербо, вербо, вербиця —
Часъ тоби вербице розвитця! —
Ой! ище ни часъ, ни пора.
Часъ тоби Иванку жиниться.
Ой! ище ни часъ ни пора,
Ощежъ мои дивчина молода,
Та нехай до лита, до Ивана;
Шобъ моя дивчина погуляла,
Та нахай до лита, до Петра,
Шобъ моя дивчина пидросла. —

Послѣ сего снимаютъ дерево марину, и одна изъ нихъ несетъ оное къ рѣкѣ, а прочія идутъ за нею и поютъ нрежнюю пѣсню: Ой! купалочка купалася и пр. — во время сего ѣдятъ закуски. — Подошедши къ рѣкѣ, начинаютъ всѣ купаться, и потопляютъ марину (3).

Сербы, по свидѣтельству Вука Стефановича, въ Ивановъ день поютъ:

Иваньско цвѣдье, Петровско,
Иванъ га бере те бере,
Маіци га баце у крило,
А маіка с крила на землу.

(3) см. *Купаловыя пѣсни* въ Малороссійск. пѣсняхъ, изданныхъ М. *Максимовичемъ*. М. 1827, въ 16.

III.

ЯРИЛО.

Всесвятское заговѣнье, съ котораго начинается Петровъ постъ, въ разныхъ краяхъ Россіи, сопровождается разными обрядами и игрищами, которые еще носятъ на себѣ отпечатокъ древняго народнаго Язычества. Въ этотъ праздникъ и въ слѣдующій за нимъ понедѣльникъ, по сказанію Стоглава, хаживали въ Наливки, по селамъ и погостамъ и по рѣкамъ на игрища. Въ Карелiи, сѣверной Остроботніи и Саволаксіи, въ день Всѣхъ Святыхъ (Kerki и Köygy) отправляется большой праздникъ урожая и жатвы, съ разными суевѣріями и обрядными пѣснями, къ этому времени относящимися: тогда всѣ идутъ въ баню, оставляя домъ пустымъ и столъ накрытымъ съ кушаньями и напитками для какихъ-то домовыхъ (Köygyn höntämät). Въ нѣкоторыхъ нашихъ мѣстахъ убиваютъ на Керки ягненка, и не разломивъ ни одной косточки, жарятъ его и потомъ пируютъ (1).

(1) Вѣстникъ Европы, 1828, No 13.

Во многихъ мѣстахъ Сѣверо-восточной Россіи, въ Всесвятское воскресенье празднуютъ Ярилѣ, который встрѣчается намъ и въ названіи нѣкоторыхъ урочищъ: *Яриловичи* въ Тихвинскомъ и Валдайскомъ уѣздахъ, въ Черниговской Губерніи; въ Костромѣ *Ярилово поле*, подъ Кинешмою *Ярилова роща*, гдѣ бываетъ гульбище *на Ярилову; Ярилôмъ* слыветъ ярмарка въ Оренбург. Губ; въ Дорогобужскомъ уѣздѣ есть *Ерилово*, и т. д

Яриловъ праздникъ во многихъ мѣстахъ соединяется съ ярмарками или торжками, съ кулачными боями, попойками, играми: онъ нерѣдко представлялъ позорище буйнаго разгула. Ярило, какъ миѳъ, извѣстенъ въ Тверской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Рязанской, Тамбовской и Воронежской Губерніяхъ (2).

Рускій *Ярило*, или *Ерила*, созвученъ съ Греческимъ *Ἄρης* Аресъ, Санскритскимъ ari, враждебный, врагъ, и Латин. ira гнѣвъ, и съ *Ἔρος* любовь и вожделѣніе, и сходенъ съ обоими и, по свойствамъ своимъ: мужества или буйства и любострастія (3). *Ярило*, кажется, однознаменателенъ съ Туромъ, и

(2) Труды Общества Любителей Росс. Словесности. ч. XX, годъ V.

(3) Грузинцы въ Мцхетѣ, на праздникѣ 1 Окт. въ пѣсняхъ величаютъ какого-то *Арало*.

Тельцомъ, вошедшимъ и въ весеннее созвѣздіе. См. вып. III. Какъ звѣрь, *Турô* (*ταῦρος*) у Грековъ, Скандинавовъ, Финновъ и Славяно-Руссовъ, былъ представителемъ ярости, силы и мужества; пѣвецъ Игоревъ, какъ выше замѣчено, совокупляетъ оба понятія, усиливая одно другимъ: *Ярô-Турô*, *Буй-Турô;* и Гомеръ *Аресу* придаетъ епитетъ *θοῦρος ярый, буйный* (4). Между Виндійскими и Иллирійскими божествами встрѣчается *Ярô* и *Яровидъ*, сравниваемый съ Аресомъ; у Далматовъ въ свадебныхъ пѣсняхъ доселѣ воспѣваютъ *Яра* (5), по значенію своему, близкаго къ Еллинскому Еросу, Римскому Пріапу и Индѣйскому Лингаму. Слово *Ярô* вошло въ собственныя имена Славяно-Руссовъ: *Ярославовъ*, *Яромировъ*, *Ярополковъ*.

Въ физическомъ миѳѣ *Ярило*, по сходству, соединяется идея мужества, избытка силъ и вожделенія, какія проявляются въ теплое и плодотворное время года — *весну*, когда и жи-

(4) Рѣка Днѣстръ у Турковъ и Молдаванъ доселѣ называется *Туръ*. см. Библ. для чтен. 1838, Апрѣль. У древнихъ Грековъ и Римл. иногда рѣки сравнивались съ *турами*, или *волами*, отъ рева волнъ, похожаго на мычаніе. см. *Horat.* IV, од. 14. и *Virgil.* Georg. III, 554.

(5) *Карамз.* II. Г. Р. т. I, 87 и 88. см. 2 выпускъ Руск. праздниковъ.

вотныя, какъ говорится, *бываютъ во яру*. Ета пора лада въ Словацкомъ и Чешскомъ называется *Ярò* (Gar) и въ Польскомъ iar; отъ сего *яровое* и *ярина* (6). У Скандинавовъ Aar, у Франковъ Ar, Aeron значитъ жатва и яровое, которые имѣли такое же значеніе, какъ у Нѣмцевъ Jahr, годъ, лѣто и неопредѣленное время, происходящее отъ словъ Ar, или Ur, начало, или отъ Aar жатва, сродное Греч. ἔαρ, или ἦρ, и Латин. ver весна (7); ибо у нихъ весна въ древности была началомъ года, а жатва — епохою празднествъ и лада между обоими полами (8). Посему, кажется, слова *ярò, варò, жарò, гарь*, тождественны по тождественности идеи и по происхожденію. *Ярило*, празднуемый въ ету пору зрѣлости и плодотворнаго жара природы, повидимому, находится въ сродствѣ, и по звукамъ и по свойствамъ и по отношеніямъ, съ словомъ *Ярò*, отзывающимся намъ и въ Греческомъ и въ Скандинавскомъ и въ Германскомъ. Если такое сходство между ими не существенное,

(6) „Яровое обилье“ и „ярь“. см. *Карамз.* II. Г. Р. т. V. прим. 629, подъ год. 1485.

(7) см. въ III вып. ст. I. *Весна.*

(8) Glossarium Germanicum, continens origines et antiqq. totius linguae, opus J. G. *Wachteri.* Lipsiae. 1737, f. — J. *Ihre* Glossarium Suiogothicum. Upsalae. 2 t. 1769, in f

но случайное: то, по крайней оно открываетъ намъ общность значенія мѣра етихъ народовъ. Подъ настоящимъ своимъ именемъ Ярило не встрѣчается на Югѣ и на Западѣ, но болѣе на Сѣверо-Востокѣ Россіи, гдѣ потомки жившихъ народцевъ Финскаго или Мерянскаго и Славяно-Рускаго поколѣнія чтили его, въ самое время полноты природы, какъ божество мужества или вожделѣнія.

Доселѣ въ Костромѣ Всесвятское заговѣнье и гулянье называютъ *Яриломъ*. Прежде на етомъ гуляньѣ, по указанію Г. Діева, совершали погребеніе *Ярилы*, которое состояло въ томъ, что старикъ въ лохмотьяхъ несъ въ небольшомъ гробикѣ куклу, представляющую мущину съ естественными его принадлежностями. Пьяныя бабы провожали гробикъ до могилы, гдѣ закапывали его съ разными причетами.

Близъ Галича есть поклонная гора съ селомъ Туровскимъ, гдѣ, по старому преданію, покланялись Мерянскому идолу Ярилѣ и гдѣ донынѣ, въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ, Галичане собираются по три дни праздновать и гулять (9). Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, тамъ, напоивъ какого нибудь старика,

(9) Сѣверная Пчела, 1831, No 176 и Енциклопед. Лексиконъ, т. XIII. 8.

шутили надъ нимъ и забавлялись, какъ надъ представителемъ *Ярилы*. Дѣвки и молодцы въ праздничныхъ платьяхъ составляли круги и ходили хороводомъ съ пѣснями. Всякая поселянка, приближаясь къ кругу, дѣлаетъ ему поклонъ поясный, и потомъ, по приглашенію, вступаетъ въ хороводъ. Тоже бывало и въ Кинешмѣ, гдѣ донынѣ въ Всесвятское заговѣнье сбирается народъ въ рощу на рѣкѣ Кинешемкѣ, на гулянье, или, по ихъ выраженію, *на Ярилину*, до поздней ночи. Въ Нерехтѣ до 1816 г. Всесвятское заговѣнье праздновалось въ рощѣ Конюковкѣ, прекрасной по своему мѣстоположенію, на рѣкѣ Солоницѣ, протекающей въ глубокомъ разрѣзѣ. Хотя гульбище и перенесено было на Егорьеву гору, по причинѣ сдѣланной тамъ запашки; однако воспоминаніе о прежнемъ мѣстѣ столь глубоко укоренилось въ памяти народной, что донынѣ Всесвятское заговѣнье, равно также и мѣста́ гульбищь, слывутъ у черни *Конюковкою* (10). Нынѣ позорище праздника перенесено въ Теперинскій боръ. Гульбища въ честь Ярила бываютъ: подъ селомъ Кочуровымъ на лугу, близъ лѣса Рамишки; подъ селомъ Никульскимъ, на лугу; подъ селомъ Писцовымъ, къ западной сторонѣ отъ него, къ селу Сотницамъ (11).

(10) Въ Ярославлѣ сіе празднество слыветъ Соломиною.

Не вездѣ въ великой Россіи Ярилинъ праздникъ приходится въ одно время и не вездѣ отправляется одинакимъ образомъ и подъ одинакимъ названіемъ. Въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской Губерній бываетъ онъ то въ день всѣхъ Святыхъ, то на другой день Петрова, во Владимірѣ на Клязьмѣ, въ Троицынъ день за Лыбедью, у Патанина моста. Въ Нижегородской Г. празднованіе Ярилы 4го Іюня соединяется съ ярмаркою (12) и къ сему дни поселянки вырабатываютъ деньги пряжею на лакомства и наряды. Въ самой Твери празднество Ярилѣ, или Ярулѣ, уничтоженное ревностію Архипастырей Меѳодія и Амвросія въ XIX вѣкѣ, начиналось съ перваго Воскресенья послѣ Петрова дня въ Тресвятскомъ саду, на рѣчкѣ Лазурѣ, куда вечеромъ сбиралась молодежь изъ мѣщанъ, посадскихъ и слободчиковъ, и тамъ плясали *бланжу* (родъ пляски паръ въ восемь) подъ балалайку или торбанъ. Туда отпускали матери, особливо рѣпужницы (мѣщанки), дочерей своихъ *поневѣститься*. Теперь тамъ пляшутъ бланжу въ

(11) Записки изъ Нерехты М. Я. Діева.

(12) Труды Общества Любителей Росс. Словесности. ч. I. Москва, 1822, въ 8.

Ярилинъ день на улицахъ городскихъ (13). Погребеніе *Ярилы* торжествовалось лѣтъ за двадцать или тридцать въ Колязинскомъ уѣздѣ, по дорогѣ къ Троицѣ Мерли, или Нерли, подъ старою сосною, донынѣ стоящею. Теперь обряда не наблюдается, но народъ по привычкѣ туда собирается лѣтомъ на гулянье. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ, въ Савинѣ городкѣ цѣлую ночь поютъ и пляшутъ въ честь Ярилы. Въ Воронежѣ до 1763 г. ежегодно отправлялся предъ заговѣньемъ Петрова поста до вторника самаго поста народный праздникъ, или игрище *Ярило* — остатокъ какого нибудь нашъ древняго языческаго торжества (14). Въ сіи дни, на бывшую площадь въ городѣ, за старыми Московскими воротами, стекались горожане и окрестные сельскіе жители и составляли родъ ярмарки; къ симъ днямъ въ домахъ по городу дѣлалось приготовленіе, какъ бы къ великому празднеству. На мѣстѣ позорища избирался міромъ человѣкъ, котораго обвязывали всякими цвѣтами, лентами и обвѣшивали колокольчиками. На голову надѣвали ему высокій колпакъ, сдѣланный изъ бумаги, раскрашенной и раз-

(13) Литературныя прибавленія къ Рускому Инвалиду. 1838 г. No 35.

(14) Описаніе жизни и подвиговъ Преосв. Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго, соч. *М. Евгенія*. изд. 2. Москва, 1820, въ 8.

вязанной лентами; лице ему румянили, а въ руки давали позвонки. Въ такомъ нарядѣ, подъ именемъ Ярилы ходилъ онъ, пляшучи по площади, въ сопутствованіи народа обоего пола. Это празднество сопровождалось играми, плясками, лакомствомъ и пьянствомъ, особенно кулачнымъ боемъ, который нерѣдко оканчивался смертоубійствомъ и увѣчьемъ людей. Преосв. Тихонъ I уничтожилъ этотъ праздникъ, по его выраженію, *идолопоклонническій*, *бѣсовскій*, *беззаконный*. „Изъ „обстоятельствъ онаго, замѣчаетъ благочестивый Іерархъ, „видно, что древній нѣкакій „былъ идолъ, прозываемый именемъ *Ярило*, „который въ сихъ странахъ за бога почи„таемъ былъ, пока еще не было Христіан„скаго благочестія. А иные праздникъ сей, „какъ я отъ здѣшнихъ старыхъ людей слы„шу, называютъ *игрищемъ*, которое издавна „началось и годъ отъ году умножается, такъ „что люди ожидаютъ его какъ годоваго тор„жества. Но когда онъ приспѣетъ, то убира„ются празднующіе въ лучшее платье. На„чинается онъ въ среду или въ пятокъ по „сошествіи Св. Духа, и умножается чрезъ „слѣдующіе дни, а въ понедѣльникъ первый „поста сего оканчивается“ (15).

(15) Разныя проповѣди, говоренныя въ Воронежской Епархіи. Спб. 1784 и 1794, въ 8.

Всесвятское гульбище въ Муромѣ сопровождается *погребеніемъ Костромы*, а во Владимірѣ на Клязьмѣ *погребеніемъ Лады*, такъ какъ въ Костромѣ *погребеніемъ Ярилы*. Въ другихъ мѣстахъ, въ ето время бываютъ безъименныя гулянья и, по большей части, на кладбищахъ: въ Тулѣ на Всесвятскомъ кладбищѣ, въ Москвѣ на Ваганьковскомъ и въ Всесвятской рощѣ. Какъ упоминаемое Стоглавомъ гулянье въ рощахъ, въ первый понедѣльникъ Петрова поста, и совершеніе *бѣсовскихъ потѣхъ* въ урочищѣ Наливкахъ или Налейкахъ (16), (которое въ 1577 г. съ Царскимъ шамъ дворцемъ было внѣ города) приходится въ самое время празднованія Ярилѣ: то вѣроятно на Московщинѣ оно было тоже, что въ другихъ мѣстахъ Ярило (17). Въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи Ярилинъ праздникъ сопровождается торгами и ярмарками, въ Тамбовской, Рязанской Губ.. и въ Можайскомъ уѣздѣ; между

(16) Гдѣ нынѣ церковь Спасъ въ Наливкахъ, сосѣдственная съ церковью Петра и Павла. Нѣкоторые производятъ ето урочище отъ *липокъ*, другіе отъ *обливанія*, а Карамзинъ отъ слова *налейка*, или *наливай*, которое будто повторяли иностранцы въ слободѣ замоскворѣцкой, гдѣ они могли пить свободно. Но ето производство не согласуется съ первымъ, ближайшимъ къ обычаямъ народа.

(17) *Карамз.* И. Г. Р. т. IX.

простолюдьемъ такіе торги слывутъ *на Ярилу* (18).

Ярило, подобно *Купалѣ*, представляется олицетвореннымъ, хотя тотъ и другой — собственно названія игрища и празднества. Но въ миѳическомъ языкѣ у Рускаго народа сіи понятія смѣшиваются и принимаются одно за другое. Въ простонародномъ употребленіи *Ярилѣ* дается такое же значеніе, какъ *Припекалѣ*, т. е. человѣка въ зрѣломъ возрастѣ и въ полномъ здоровьѣ, склоннаго къ чувственнымъ вожделѣніямъ. По указанію Г. Макарова, въ Суздальскомъ лѣтописцѣ, *Ярило* подъ именемъ *Яруна* причисленъ къ идоламъ. Въ XIII вѣкѣ встрѣчаются *Яруны* воевода Ржевскій и Половецъ (19). Какъ въ тѣсныхъ предѣлахъ лѣтосчисленія не могутъ вмѣститься всѣ народныя сказанія: то и времени происхожденія физическаго миѳа Ярило нельзя съ точностію опредѣлить. Празднество же ето сообразуя времени года, мѣстности и духу народа, намѣкаетъ на чествованіе языческаго божества, имѣвшаго у разныхъ народовъ нашего Сѣвера, значеніе то Ареса, то Ерота, или Пріапа, смотря по свойствамъ жителей и климата.

(18) Рускія преданія, одна книжка, изд. *М. Макарова*. М. 1838, въ 12.

(19) *Карамз.* И. Г. Р. ч. III, прим. 104 и прим. 238.

IV.

ПЕТРОВКИ.

Петровки, по просторѣчію областному, *Петраки*, въ старинномъ языкѣ *Петрово говѣйно*, и вообще *Петровъ день*, издревле важны были у Русскихъ въ отношеніи хозяйственномъ, юридическомъ, религіозномъ и миѳическомъ.

Въ сельскомъ и городскомъ быту онѣ сопровождались помочами, толоками, или унавоживаніемъ полей, сѣнокосомъ. По народной пословицѣ, *съ Петрова дни Красное лѣто, зеленой покосъ, зарница зоритъ хлѣбъ*, и начинаются *Петровскіе жары;* съ этой поры, какъ гласитъ поговорка, *баранка въ лобъ*, т. е. свѣжуютъ барановъ къ сельскимъ празднествамъ, какими обыкновенно сопровождаются или оканчиваются сельскія работы. *Женское лѣто*, говоритъ пословица, *по Петровъ день*, съ котораго начинаются женскія работы въ полѣ и въ избѣ.

Въ Петровки, въ самый праздникъ Св. Петра и Павла бываютъ по мѣстамъ ярмарки. Въ XVI еще вѣкѣ извѣстны были *Петровскіе торги*, о коихъ упоминаютъ грамоты (1) и о коихъ свидѣтельствуютъ многія урочища въ Россіи.

Петровъ день былъ срокомъ суда и взносовъ дани и пошлинъ, какъ промежуткомъ между лѣтними и осенними работами. Грамоты XV и XVI вѣковъ говорятъ о *дани Петровской*, или *о Петровскомъ*, „которое „взяли попы.“

Но какъ праздники и гулянья съ особенными обрядами, играми, хороводами и обрядовыми пѣснями относятся къ цѣли нашего сочиненія: то скажемъ здѣсь о пѣхъ и другихъ, съ показаніемъ мѣстныхъ различій, сколько мы успѣли ихъ замѣтить.

Стоглавъ свидѣтельствуетъ, что въ Москвѣ, „въ понедѣльникъ Петрова поста „ходили въ Наливки на бѣсовскія потѣхи.“ Ефимьевскій лѣтописецъ (2) говоритъ, что „о праздницѣ Св. Верховныхъ Апостолъ Пе„тра и Павла своею сѣтію діаволъ запинаетъ

---

(1) Акты археогр. експедиціи, т. 2. гр. 1563.

(2) Подробная лѣтопись отъ начала Россіи до Полтавской баталіи. ч. 1. Спб. 1798, въ 8.

„чрезъ колыски и качели; на нихъ же бо колы-
„щушеся, приключаепся внезапу упустити на
„землю, убивапися и злѣ безъ покаянія душу
„свою испущати.“ Нейгебауеръ, Хр. Ангелъ и Олеарій такъ описываютъ намъ Петровское гулянье: „У всѣхъ Рускихъ и Москвитянъ отправляется около сего праздника нѣсколько недѣль странное игрище. Хотя они строго и безвыходно держатъ женъ своихъ въ домахъ, такъ что весьма рѣдко пускаютъ ихъ въ церковь или въ гости; но въ нѣкоторые праздники позволяютъ женамъ и дочерямъ своимъ ходить на пріятные луга: тамъ онѣ качаются на круглыхъ качеляхъ, поютъ особенныя пѣсни и, схватясь одна съ другою руками, водятъ круги, или пляшутъ съ рукоплесканіемъ и припопываніемъ ногами“ (3).

Подобныя гулянья продолжаются и донынѣ въ Россіи, особливо въ сельскомъ быту, гдѣ болѣе удерживаются древнія преданія и повѣрья, чѣмъ въ столицахъ и городахъ.

На границѣ Вельскаго и Тотемскаго округовъ, близъ верховья Ваги, въ приходѣ Кочеварской волости, донынѣ ежегодно бываетъ въ первое воскресенье послѣ Петрова

(3) Status et ritus ecclesiae graecae, graece descripti a *Chr. Angelo*, Graeco-latine autem conversi a *Georg. Phelavio*. Francof. 1655, in 12.

дня особенный народный праздникъ, на который сбирается множество народа и предъ обѣдней, убивъ быка, купленнаго на счетъ всей волости, разнимаютъ его на части и варятъ въ большихъ котлахъ, послѣ обѣдни и молебна, священникъ со всѣми богомольцами вкушаетъ отъ сихъ мясъ. Старинное преданіе гласитъ, что въ незапамятные годы, на праздникъ сей выбѣгалъ изъ дремучаго лѣса олень; народъ принявъ ету добычу за Божій даръ, убилъ, и рознявъ на части, приготовилъ себѣ обѣдъ. Ето продолжалось нѣсколько лѣтъ; но когда не явился олень: тогда поселяне убили быка для пиршества.

Петровскіе хороводы затѣваются съ раннею зарей; на гульбищахъ устроиваются качели. Въ Симбирской и Пензенской Губ. поселяне на заговѣнье Петровскаго поста, а въ Саратовской наканунѣ Петрова дня *провожаютъ весну*: въ первыхъ мущины и женщины, нарядясь разными шутами, привязываютъ нѣсколько телегъ одну къ другой, запряженныхъ гусемъ, катаются на нихъ изъ конца въ конецъ селенія и заключаютъ веселье хороводомъ. Тамъ тогда носятъ по селенію наряженную куклу изъ соломы, съ пѣснями, потомъ бросаютъ ее въ рѣку. Въ Тверской Губерніи, съ перваго

„чрезъ колыски и качели; на нихъ же бо колы-
„щушеся, приключается внезапу упустити на
„землю, убиватися и злѣ безъ покаянія душу
„свою испущати.“ Нейгебауеръ, Хр. Ангелъ и Олеарій такъ описываютъ намъ Петровское гулянье: „У всѣхъ Рускихъ и Москвитянъ отправляется около сего праздника нѣсколько недѣль странное игрище. Хотя они строго и безвыходно держатъ женъ своихъ въ домахъ, такъ что весьма рѣдко пускаютъ ихъ въ церковь или въ гости; но въ нѣкоторые праздники позволяютъ женамъ и дочерямъ своимъ ходить на пріятные луга: тамъ онѣ качаются на круглыхъ качеляхъ, поютъ особенныя пѣсни и, схватясь одна съ другою руками, водятъ круги, или пляшутъ съ рукоплесканіемъ и притопываніемъ ногами“ (3).

Подобныя гулянья продолжаются и донынѣ въ Россіи, особливо въ сельскомъ быту, гдѣ болѣе удерживаются древнія преданія и повѣрья, чѣмъ въ столицахъ и городахъ.

На границѣ Вельскаго и Тотемскаго округовъ, близъ верховья Ваги, въ приходѣ Кочеварской волости, донынѣ ежегодно бываетъ въ первое воскресенье послѣ Петрова

(3) Status et ritus ecclesiae graecae, graece descripti a *Chr. Angelo*, Graeco-latine autem conversi a *Georg. Fhelavio*. Francof. 1655, in 12.

дня особенный народный праздникъ, на который сбирается множество народа и предъ обѣдней, убивъ быка, купленнаго на счетъ всей волости, разнимаютъ его на части и варятъ въ большихъ котлахъ, послѣ обѣдни и молебна, священникъ со всѣми богомольцами вкушаетъ отъ сихъ мясъ. Старинное преданіе гласитъ, что въ незапамятные годы, на праздникъ сей выбѣгалъ изъ дремучаго лѣса олень; народъ принявъ ету добычу за Божій даръ, убилъ, и рознявъ на части, приготовилъ себѣ обѣдъ. Ето продолжалось нѣсколько лѣтъ; но когда не явился олень: тогда поселяне убили быка для пиршества.

Петровскіе хороводы затѣваются съ раннею зарей; на гульбищахъ устроиваются качели. Въ Симбирской и Пензенской Губ. поселяне на заговѣнье Петровскаго поста, а въ Саратовской наканунѣ Петрова дня *провожаютъ весну*: въ первыхъ мущины и женщины, нарядясь разными шутами, привязываютъ нѣсколько телегъ одну къ другой, запряженныхъ гусемъ, катаются на нихъ изъ конца въ конецъ селенія и заключаютъ веселье хороводомъ. Тамъ тогда носятъ по селенію наряженную куклу изъ соломы, съ пѣснями, потомъ бросаютъ ее въ рѣку. Въ Тверской Губерніи, съ перваго

воскресенья послѣ Петрова дня начинаются ночныя гулянки, называемыя *Петровками*, которыя продолжаются по первый Спасъ и даже до Госпожинокъ. Въ Кашинѣ, въ Петровъ день бываетъ гулянье у Клобукова монастыря, близъ Петропавловской церкви, при родникѣ, гдѣ, по преданію, будто съ незапамятныхъ лѣтъ стоялъ истуканъ Купала: тогда умываются изъ этого родника для здоровья. Тамъ же бывалъ въ Петровки родъ ночнаго маскерада; холостые парни гуляютъ партіями, закрывъ себѣ голову и лице платками, такъ чтобъ ихъ не могли узнать дѣвушки, ходящія въ это время съ полуоткрытымъ лицемъ. Отъ соперничества между мущинами, или за оскорбленіе добраго имени дѣвушки происходятъ бои. Въ 4 верстахъ отъ Старицъ, въ Петровъ день сбирается народъ *на три ключа* пить воду изъ родниковъ и веселиться вплоть до глубокой ночи.

Въ Тулѣ Петровское гулянье слыветъ *Облупою* (4). Съ вечера Тульскіе поселяне (вѣрющіе, подобно Исландцамъ, что солнце играетъ) выходятъ съ вечера въ поле *караулить солнце*, которое играетъ на небѣ въ этотъ день, такъ, какъ въ Свѣтлое Воскресенье послѣ Петрова дня начинаются ночныя гулянки, называемыя *Петровками*, которыя продолжаются по первый Спасъ и даже до Госпожинокъ. Въ Кашинѣ, въ Петровъ день бываетъ гулянье у Клобукова монастыря, близъ Петропавловской церкви, при родникѣ, гдѣ, по преданію, будто съ незапамятныхъ лѣтъ стоялъ истуканъ Купала: тогда умываются изъ этого родника для здоровья. Тамъ же бывалъ въ Петровки родъ ночнаго маскерада; холостые парни гуляютъ партіями, закрывъ себѣ голову и лице платками, такъ чтобъ ихъ не могли узнать дѣвушки, ходящія въ это время съ полуоткрытымъ лицемъ. Отъ соперничества между мущинами, или за оскорбленіе добраго имени дѣвушки происходятъ бои. Въ 4 верстахъ отъ Старицъ, въ Петровъ день сбирается народъ *на три ключа* пить воду изъ родниковъ и веселиться вплоть до глубокой ночи.

Въ Тулѣ Петровское гулянье слыветъ *Облупою* (4). Съ вечера Тульскіе поселяне (вѣрющіе, подобно Исландцамъ, что солнце играетъ) выходятъ съ вечера въ поле *караулить солнце*, которое играетъ на небѣ въ этотъ день, такъ, какъ въ Свѣтлое Воскресенье (5). До восхода свѣтила, подъ Петровъ день поселянки собираются на высоту, раскладываютъ огни и проводятъ всю ночь въ пѣсняхъ и играхъ. Съ первымъ появленіемъ солнца начинаются наблюденія. Когда почудится имъ игра краснаго солнца, онѣ испускаютъ радостные крики и потомъ возвращаются домой съ полною увѣренностію, что видѣли играющее солнышко, какъ оно, то спрячется, то покажется, то повернется, то внизъ уйдетъ, то блеснетъ голубымъ или розовымъ, или вмѣстѣ разными цвѣтами. Едва покажутся на небосклонѣ первые лучи дневнаго свѣтила, запѣвало начинаетъ, а за нимъ подхватываютъ слѣд. пѣсню:

Ой Ладо! ой Ладъ! на курганѣ
Соловей гнѣздо завиваетъ,
А иволга развиваетъ.
Хоть ты вей, не вей, соловей!
Не быть твоему гнѣзду совитому,
Не быть твоимъ дѣтямъ вывожатымъ,
Не летать имъ по дубравѣ,
Не клевать имъ яровой пшеницы!
Ой Ладо! ой Ладо! (6)

---

(4) Пѣсни Рускаго народа, ч. 2. Спб. 1838, въ 16.

(5) Вѣстникъ Европы, 1821, No 3.

(6) Путешествіе отъ Трієста до С.-Петербурга въ 1810 г. изд. В. *Броневскаго*. 2 ч. Москва. 1828, въ 8.

Въ Переславлѣ-Залѣскомъ, въ Петровъ день бываетъ гулянье у села Веськова, на Гремячемъ ключѣ и на Александровой горѣ, около села Городища, на берегу озера Клещина.

Въ Рязанской и нѣкоторыхъ другихъ Губ., вмѣсто Святой недѣли, качаются на качеляхъ въ Петровъ день.

Изъ приведенныхъ нами примѣровъ видно, что съ этимъ праздникомъ соединены у простаго народа обряды и обычаи, носящіе на себѣ печать древняго быта и древнихъ повѣрій, предшествовавшихъ епохѣ Русскаго Христіанства и послѣдовавшихъ за нею. При переходѣ отъ весны къ лѣту, онъ болѣе женскій, нежели мужескій, и по видимому, въ честь Солнца, боготворимаго подъ именемъ Купала или Ладо.

V.

БАШЬ И БАШИХА.

Еще въ I выпускѣ сей книги упомянуто нами объ извѣчномъ поклоненіи камнямъ, какое встрѣчается у многихъ народовъ древняго міра, и особенно аеролитамъ, какъ бы посланнымъ свыше въ видѣ представителей божества. По этой причинѣ языческая древность и почитала ихъ падшими и потухшими звѣздами, существами одушевленными (λίθοι ἔμψυχοι), исполненными огня стихійнаго и священнаго, вмѣстилищами особеннаго божества; суевѣріе приписывало имъ чудесныя силы (1). Такое вѣрованіе родилось на Востокѣ и разлилось по другимъ странамъ свѣта. У Евреевъ подобные камни назывались Bethel, у Грековъ *βαιτύλια* и *βαίτυλοι*; они были конической, цилиндрической и шарообразной фигуры. Посвященіе камней и возліяніе на нихъ елея извѣстно было у Евреевъ,

---

(1) Archaeologia biblica, in epitomen redacta a *J. Jahn*, ed. 2, Viennae. 1814. in 8. — Symbolik u. Mythologie der alten Völker, von *F. Kreuzer*. 5 Th. Leipz. 1825, in 8.

Сиріанъ и Финикіанъ (2). Цибелѣ въ Пессинѣ покланялись подъ видомъ камня. У Римлянъ камнемъ (lapis manalis) изображалось и періодическое странствованіе душъ; имъ-то закрываема была въ извѣстное время пропасть въ подзѣмное царство (Mundus patet). У языческихъ Нѣмцевъ камни были символами солнца и луны; на Зонненбергѣ (солнечной горѣ) при Зульцѣ, на Ильмѣ найденъ былъ круглый камень съ изображеніемъ солнца (3). У Литовцевъ, Финновъ (4) и Славяно-Руссовъ огромные дикіе камни замѣняли кумиры боговъ (Lithomorphia), служили жертвенниками, или требищами, трибунами и терминами (5). Сентября 15, Финляндскіе крестьяне имѣютъ обыкновеніе выносить въ лѣсъ какой-то освященный камень со многими странными обрядами. Это камнепочтеніе отчасти сохранилось и донынѣ въ простомъ народѣ, какъ выше замѣчено; о чемъ свидѣтельствуютъ: Два *Коня-Камня*, *Вельоксо*, *Корочуновъ камень*, *Тучевъ*, *Каменныя Бабы* на курганахъ въ Малороссіи и Сибири, и наконецъ предметъ нашего описанія *Башъ* и *Башиха*, или *Баши*, находящіеся въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской Губ. и чествуемые просто людинами около Петрова дня.

(2) Начертаніе Церковно-Библейской Исторіи М. Ф. изд. 4. Спб. 1827, въ 8.

(3) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde, v. Dr. G. *Klemm*. Dresden. 1836, in 8.

(4) Dzieje starożytne narodu Litewskiego, p. *T. Narbutta*, t. I. Wilno, 1835, in 8.

(5) *Карамз.* И. Г. Р. ч. I.

Значеніе сихъ камней не столько историческое, сколько миѳическое, какъ видно изъ собранныхъ мною подробныхъ и близкихъ свѣденій о семъ предметѣ. Башъ и Башиха находятся въ селѣ Башевѣ Одоевскаго уѣзда (отъ нихъ, говорятъ, названномъ такъ) въ 25 верстахъ отъ Одоева; лежатъ они саж. на 50 отъ сельской церкви, близъ дороги, на пахатномъ полѣ, но на нѣкоторое пространство, около нихъ оставленное незапаханнымъ, какъ бы изъ осторожности, чтобы ихъ не обезпокоить. Мѣсто сіе въ сравненіи съ положеніемъ села составляетъ довольную возвышенность. Фигура ихъ фигура обыкновенныхъ камней и неправильно квадратная и небольшаго размѣра. Между собою они лежатъ параллельно, на разстояніи $1\frac{1}{2}$ арш. Тамошніе жители утверждаютъ, что Башъ и Башиха были люди, мущина и женщина; по мнѣнію однихъ, они мужъ и жена, а по другимъ, кумъ и кума, или *богъ* и *божиха*. Также почитаютъ Баша за Татарскаго сановника, который съ женою крестился, благочестиво умеръ и погребенъ на этомъ мѣстѣ. Два камня съ востока приплыли Окою и Упою, и сами

пришли лечь на могилѣ Башей (6). О началѣ превращенія ихъ извѣстно только то, что они, какъ герои своего вѣка, во время войны повздорили между собою и Башиха за непокорность къ Башѣ получила отъ него ударъ сапогомъ. Отъ сего удара, говорятъ, видна и доселѣ на камнѣ Башихи ступня, а прежде видны были гвозди каблука. Есть также на Башихѣ рубцы, о происхожденіи коихъ думаютъ также различно. По однимъ, Башъ рубилъ Башиху тесакомъ; а по другимъ какой-то помѣщикъ рубилъ ее съ тѣмъ, чтобъ узнать свойство сихъ камней, и точно ли они имѣютъ вліяніе на судьбу людей? Слѣдствіемъ такой попытки было безплодіе поля, около нихъ находящагося, и ослѣпленіе любопытнаго помѣщика, кончившееся послѣ продолжительной болѣзни смертію. Отъ его ударовъ появились на камнѣ, говорятъ, пятна красныя и какъ бы кровавыя. Въ Башахъ замѣчаютъ чудодѣйственную силу не въ одной мстительности за нанесенныя имъ обиды, но и благодѣтельную для прибѣгающихъ къ ихъ помощи. А посему простой народъ толпами стекается къ нимъ болѣе всего въ лѣтнее время, около Петрова дня, по разнымъ встрѣчающимся съ нимъ

(6) Моск. Вѣстникъ, 1827, No 23, 1828, No 4.

обстоятельствамъ. Сперва служатъ въ церкви молебенъ Божіей Матери-умиленію, а потомъ ходятъ кланяться камнямъ, какъ на могилы усопшихъ родственниковъ. Послѣ сего обряда, оставляютъ у нихъ разныя вещи: деньги, волну, холстъ и проч., которыя будучи собираемы кнутомъ, поступаютъ въ церковь. Нѣкто изъ Одоевскихъ жителей на томъ мѣстѣ хотѣлъ построить церковь, а камни Ба́ши положить въ ряду основанія, но таковыя покушенія сопровождались будто бы чудомъ, т. е. когда сіи камни подвезены были на мѣсто храма. По мнѣнію другихъ, когда хотѣли узнать величину ихъ и открыть сторону, находящуюся въ землѣ: то они, по мѣрѣ усилія подрыть ихъ, осаживались въ низъ и спаралась остаться сокрытыми. Впрочемъ сихъ чудесныхъ разсказовъ никто не берется утверждать. Всякой, напротивъ, разсказывая что нибудь извѣстное ему, готовъ повѣрить всему, что говорятъ другіе объ нихъ, лишь бы было въ разсказѣ что нибудь дивное. Говорятъ еще, что честные Баши многимъ открываютъ въ сновидѣніяхъ повелѣніе искать ихъ помощи. Когда, напр., въ одномъ домѣ вымерли всѣ овцы, хозяйкѣ дома открыто во снѣ повелѣніе поклониться означеннымъ камнямъ, взять изъ подъ нихъ земли: то

овцы перестанутъ умирать; что, по исполненіи повелѣннаго, оправдалось на дѣлѣ. Гдѣ берутъ землю, шамъ и теперь видна яма. Земля ета еще полезна для размноженія скота и отъ порчи. Осколки отъ Башей почитаются врачевствомъ отъ зубной боли. Однажды какой-то крестьянинъ, въ пьяномъ видѣ, вздумалъ наругаться надъ камнями: то за продерзость свою наказанъ былъ опять-таки смъ рукъ и ногъ, отъ чего не прежде избавился, какъ раскланявшись съ Башами.

Такимъ образомъ сія чета литоморфовъ двойственностію своей соотвѣтствуютъ выше замѣченному нами дуализму въ Славянской Миѳологіи, а по приписываемымъ имъ чудеснымъ свойствамъ, представляютъ какія-то божества, покровительствующія скотоводству; и по видимому прообразуютъ солнце и луну, особливо если Баши аеролиты, или *тучевы;* по мнѣнію просвѣщенныхъ людиновъ, овцы произошли изъ облаковъ. Названіе же *Баши* Татарское, или Монгольское; ибо у Монголовъ, бывшихъ Ламайской вѣры, и слѣд. идолопоклонниковъ, *башъ* и *башка* значили голову, начало. И такъ Баши есть осташокъ отъ Татарщины, такъ какъ въ Москвѣ урочище Болвановка, и къ нимъ присоединились народные миѳы.

VI.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЕ ПРАЗДНИКИ.

Земледѣльческіе праздники составляютъ у поселянъ отрадную смѣну тягостныхъ трудовъ сладостнымъ отдыхомъ и разгульемъ, къ какому призываетъ и сама природа. Они общіе всѣмъ племенамъ земледѣльческимъ и основаны на ихъ вѣрованіяхъ и нравахъ; у народа же Божьяго они были священными, какъ напр: *праздникъ житъ первородныхъ* и *седьмицъ*, когда въ числѣ жертвъ приносились два хлѣба изъ новыхъ житъ и снопъ ячменя, какъ начатокъ жатвы, прежде коего не дозволялось вкушать полевые плоды (1). У Египтянъ, Грековъ и Римлянъ съ земледѣльческими работами соединены были священные обряды и пиршества; потому что они изобрѣ-

---

(1) Archaeologia Biblica *I. Iahni*, ed. 2. Viennae. 1814, in 8. — Іудейскія письма къ Волтеру, ч. 5. Москва. 1816, въ 8.

теніе земледѣлія почитали божественнымъ. Гомеръ упоминаетъ только о торжествахъ послѣ жатвы (2). Т. Варронъ насчитываетъ до XII земледѣльческихъ боговъ у Римскаго народа: Юпитера и Землю, Солнце и Луну, Цереру и Либера, или Бахуса, Робига и Флору, Минерву и Венеру, Лимфу и Счастье (Bonus Eventus). Между Славянскими племенами въ древности появляется земледѣліе, сія матерь-кормилица народа. Главнымъ праздникомъ у Балтійскихъ Славянъ былъ *Святовидовъ*; по окончаніи жатвы, сему божеству приносили въ жертву пряникъ и, по количеству меда въ рогѣ у кумира, заключали объ урожаѣ или неурожаѣ (3). Какъ у Грековъ Димитиръ (отъ δά или γή земля и μήτηρ матерь) то же, что у Римлянъ Церера, или Сегесита: такъ вѣроятно священною представительницей земледѣлія у Славяно-Россовъ была *Мать земля*, сходная съ Литовскими и древне-Прусскими Zemmes mahti, *Земою* (Sema, Zema) или *Земиною* и *Земенникомъ* (Zemienniek), которыхъ они почитали покровителями полевыхъ трудовъ. Г. Моне принимаетъ Марану за Цереру нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ, за одно съ Сивою

(2) *Homeri* Il. I, 530. Od. XXI, 258.

(3) Россія въ истор. статист. геогр. отношеніи, Ѳ. *Булгарина*. ч. 2. Спб. 1837, въ 12.

или Сѣваною (4), съ Мараною у Чеховъ, богинею смерти; ибо въ землѣ соединяются и смерть и плодородіе (5). Къ этому же предмету вѣроятно относился у Русскихъ Славянъ *Даждъбогъ*, милостивецъ, находившійся въ числѣ Владиміровыхъ боговъ, и *Волосъ*, которому доселѣ въ Южной Россіи, старухи предъ жатвою *завиваютъ бородку*, *Погода* и пр. см. вып. III, 169. По переходѣ отъ древняго язычества къ Христіанству, у Русскихъ Славянъ покровителями земледѣльческихъ занятій сдѣлались уже не какія либо народныя божества Язычества, но Святыя православной церкви, которымъ приданы особенныя значенія, какъ-то: *Колосяницы*, *Гречишницы*, *Овсяницы*, *Льняницы*, *Капустницы*, *Заревницы* и т. д. Къ нимъ должно присоединить и Святыхъ надъ погодою, у Нѣмцевъ Witterungsheiligen, которые извѣстны были Грекамъ; ибо и древность приписывала Святымъ вліяніе на погоду и на урожай хлѣба (6).

(4) Geschichte des Heidenthums in nördlichen Europa, von *Dr. F. Mone*. II th. Leipz. 1823, in 8.

(5) Prutena, oder preussische Volkslieder, von *L. Rhesa*. Koenigsb. 1809, въ 12. — Maslographia, oder Beschreibung des Schlesischen Maßel, von L. D. Hermann. Breslau, 1711, in 4.

(6) Aller Praktik Großmutter d. i. der Deutschen Sprichwörter Ewiger Wetter-Kalender въ die Sprichwörter der Deutschen, von W. Körte. Leipz. 1837, 8.

Какъ въ первые вѣки міра пастыри и земледѣльцы начинали и оканчивали свои работы, смотря по распусканію деревъ, или паденію листьевъ, прилетанію или отлетанію птицъ: такъ и у нашихъ простолюдиновъ есть въ природѣ свой календарь, по которому они приурочиваютъ свои труды, игры и пиршества, иногда приходящіяся и въ дни праздниковъ церковныхъ. Торжество по окончаніи жатвы почти у всѣхъ Славянскихъ поколѣній было важнѣйшимъ и радоспнѣйшимъ и совершалося съ различными обрядами, кои имѣли отношеніе къ мѣстности и нравамъ жителей.

Августъ мѣсяцъ, Славянскій Серпень или Заревъ, издревле посвященъ былъ богинѣ жатвы; донынѣ еще въ Сициліи, въ праздникъ сего мѣсяца, увѣнчиваютъ колосьями образъ Богоматери. Въ Англіи первый день Августа называется lammas — словомъ, составленнымъ отъ двухъ древне-Саксонскихъ, значащихъ *жатва пироговъ;* потому что тамъ было изконное обыкновеніе въ сей день приносить въ церковь пироги изъ новаго хлѣба (7). Въ южной Исландіи и Норвегіи, въ Варѳоломеевъ день (24 Августа), по окончаніи сѣнокоса, поселяне, заколовъ теленка или барана, да-

(7) Revue encyclopedique, à Paris, 1830, Oct.

ютъ работникамъ пиршество (Sloegjur и Slätteröl), которое сопровождается всенощными пѣснями и плясками (8). Въ Германіи, Франціи и Испаніи окончаніе жатвы также составляетъ народное торжество вмѣстѣ съ играми и потѣхами (9). Тоже самое вспрѣчается въ Россіи, гдѣ въ Августѣ празднуются *Госпожинки, Оспожинки*, или *Спожинки*, въ Торжкѣ *Спожиницы*, въ лѣтописяхъ *Госпожинъ день* — одно изъ главныхъ земледѣльческихъ торжествъ, соединенныхъ съ работами, и по различію климата, не вездѣ въ одно время отправляемыхъ. Названіе сіе происходитъ отъ слова *Госпожа*, т. е. Богоматерь, именуемая въ церковномъ языкѣ *Госпожею*, отъ которой и постъ Успенскій обыкновенно называется *Госпожинками*. Но, какъ съ этого времени надежды и опасенія земледѣльцевъ въ Россіи начинается *жнитво* хлѣба, или *страда, страдная, рабочая пора*, облегчаемая и услаждаемая пиршествами и весельями: то и названіе *Спожинки* производятъ отъ словъ

(8) Edda Saemundina, t. III.

(9) Замѣчательно, что у Рускихъ Славянъ съ Римлянами и Нѣмцами есть одинакія названія разнаго жита и земледѣльческихъ орудій, какъ-то: Roggen, по Литовски rugia, рожь, Pflug плугъ, осса, соха, avena, Hafer, овесъ, arare, арать и т. д. Не есть ли это явное доказательство заимствованія земледѣлія одного народа отъ другаго?

жниво, жнитво. Вѣроятно, что въ названіи этого торжества совмѣщены оба понятія по созвучію словъ и по связи предметовъ — религіознаго и житейскаго.

Въ Греціи, по свидѣтельству Валсамона, писателя XII вѣка, въ праздникъ Успенія приносили къ Патріарху на благословеніе плоды въ жертвенникѣ св. храма Влахернскаго. Какъ скорѣе поспѣваютъ тамъ плоды: то и обрядъ благословенія оныхъ въ церкви совершается 6го Августа, а въ мѣстахъ, къ сѣверной странѣ лежащихъ, 15 Августа (10). Въ праздникъ Успенія, въ Бѣлоруссіи извѣстный подъ именемъ *Большая Пречистая*, во многихъ Великоросс. Губерніяхъ приносятъ въ церковь для освященія хлѣбъ изъ новаго жита, или колосья, индѣ и соты, гдѣ есть пчеловодство, а въ Малороссіи и мяса. Етотъ день во многихъ мѣстахъ средней Россіи слыветъ *Успенщиною*, по мірской складкѣ, сбираемой поселянами для отправленія праздника, подобно Никольщинѣ. Вспарину степные помѣщики въ етотъ день угощали своихъ поселянъ, которые къ празднику Успенія оканчивали уборку хлѣба (11). Въ Костромской Губ. въ Нерехотскомъ уѣздѣ, при посѣвѣ и началѣ жатвы,

(10) Новая Скрижаль, изд. 2, Москва. 1806, въ 4.

(11) Пѣсни Рускаго народа, ч. 2. Спб. 1838, въ 16.

крестьяне, входя на полосу, молятся на три стороны, кромѣ сѣверной (12). Когда сожнутъ рожь или яровой хлѣбъ: то вопервыхъ оставляютъ небольшой клокъ несжатаго хлѣба, по ихъ словамъ: *волотка на бородку* (13); потомъ послѣднею соломой съ той полосы обвиваютъ вмѣстѣ всѣ серпы своего семейства, кладутъ въ домѣ предъ св. иконами и молятся. Кромѣ того, нѣкоторые катаются по полосѣ, приговаривая: *Жнивка, жнивка! отдай мою силку на пѣстѣ, на мѣліонѣ, на колотило, да на молотило и на криво веретіоно!* Въ нѣкоторыхъ Губерніяхъ Спожинки, или Госпожинки называются *бабьимъ лѣтомъ*; въ другихъ оно продолжается отъ Успеньева дня до Ивана постнаго, т. е. 29 Августа.

Въ Шенкурской и Вельской округахъ, въ Августѣ и Сентябрѣ оканчивается жатва хлѣба. Послѣ ржи, пшеницы и ячменя жатва заключается овсомъ, по большей части,

(12) По старинному обычаю, народъ Рускій молится на одну сторону свѣта, на востокъ, а кланяется на всѣ четыре стороны. Предъ посѣвомъ же и жатвою только кланяются на тѣ стороны, на которыхъ видно солнце и откуда дуютъ благопріятные вѣтры.

(13) *Волотка*, или *волотъ* есть верхъ снопа, или всякой колосъ особенно взятый, волокно.

около *Натальи Овсяницы* (Св. Адріана и Наталіи, 26 Августа). Тогда жнецы несутъ съ поля въ домъ снопъ овса, сопровождая шествіе свое пѣснями. Етотъ снопъ ставятъ въ *сутки*, т. е. въ главный уголъ подъ образа, потомъ садятся хозяинъ и хозяйка съ сотрудниками за столъ, на которомъ главное кушанье *дежень*, т. е. толокно, замѣшанное тогда же на кисломъ молокѣ или водѣ. За ешимъ пиршествомъ исчисляютъ всю жатву *суслонами* (14); гости-сотрудники, поблагодаривъ хозяйку *за сладкій дежень*, расходятся по домамъ. Въ Пермской Губ. послѣ работы на полѣ и на покосахъ ѣдятъ дежень болѣе за *паужиною*, т. е. за полдникомъ.

Въ Макарьевскомъ уѣздѣ, что на Унжѣ, *Опашка* составляетъ земледѣльческое торжество. Она тамъ отправляется по очереди, напр: въ одной отчинѣ опашку празднуетъ на одной недѣлѣ одна вотчина, а на другой другая и т. д. Ешо обыкновенно бываетъ въ Августѣ и Сентябрѣ, послѣ озимней запашки и по окончаніи жатвы: всею деревней варятъ общее пиво, потомъ раздѣляютъ его по домамъ. Въ праздникъ или воскресенье крестьяне сходятся въ церковь: каждый

(14) По замѣчанію туземца М. Н. Мясникова, ржаной жатвы суслонъ числится изъ 13, а яровой изъ 6 сноповъ.

хозяинъ приноситъ въ нее плечо баранины или пѣтуха, а священникамъ даютъ хлѣбъ; потомъ поютъ общій молебенъ, наконецъ по домамъ угощаютъ сродниковъ и всѣхъ изъ того околотка, которые при разставаньи зовутъ къ себѣ *на опашку*. Тамъ обѣтные праздники, бывающіе осенью, называются *Никольщиною*, которая извѣстна была и въ Новгородѣ, какъ видно изъ древнихъ Рускихъ пѣснопѣній (15):

У того ли Николы Можайскаго,
Тѣ мужики Новгородскіе соходились
На братчину, на *Никольщину*,
Начинаютъ пить канунъ, пива ячныя.

Въ Сѣверныхъ Губерніяхъ, когда измолотятъ хлѣбъ, что обыкновенно приходится въ день *Ѳеклы Заревницы*; тогда овинъ нарекаютъ *Именинникомъ* и варятъ для него *домолотную* кашу молотильщикамъ, по ихъ поговоркѣ: *Хозяину хлѣба ворошокъ, а молотильщикамъ каши горшокъ.*

Въ Сарапловской Губ. по уборкѣ хлѣба, сдѣлавъ соломенную куклу, рядятъ ее въ кумачный сарафанъ, на голову надѣваютъ чуплюкъ, на шею ожерелье и украсивъ цвѣтами, несутъ ешо чучело среди селенія, гдѣ

(15) Древніе Рускія стихотворенія, собран. *Киршею Даниловымъ*, изд. 2. М. 1818, въ 4.

вокругъ его составляется хороводъ съ плясовыми пѣснями (16). Въ Пензенской и Симбирской Губерніяхъ, въ Пожинки, по окончаніи жнитва, весь народъ сбирается въ поле дожинать послѣдніе загоны, и когда уже свяжутъ послѣдній снопъ (именинникъ); тогда наряжаютъ его въ сарафанъ и кокошникъ, и съ пѣснями несутъ на господскій дворъ, гдѣ господа подчиваютъ жнецовъ пивомъ и виномъ, поздравляя съ окончаніемъ жатвы (17). Въ Юхновскомъ уѣздѣ Смоленской Г. тогда же, придѣлавъ къ снопу руки, надѣваютъ на него бѣлую насовку, сверху кичку, а въ Дорогобужскомъ уѣздѣ накидку, и двѣ бабы несутъ съ пѣснями и плясками ето чучело на господскій дворъ, гдѣ одна изъ нихъ съ особыми припѣвами сѣчетъ снопъ вѣникомъ (18). Въ Сѣверовосточныхъ Губ. изъ новаго хлѣба крестьяне подносятъ помѣщикамъ каравай, за который послѣдніе благодарятъ угощеніемъ.

Въ Бѣлоруссіи, въ южной Россіи, во всей Литвѣ и въ землѣ Жмудской, кромѣ Госпожинокъ, или какъ тамъ называютъ,

16) Изъ письма Г-на Струкова.

(17) Изъ письма дѣвицы Т. К. Кашкадамовой.

(18) Сообщено отъ А. Ѳ. Алмазова.

Госпожки, извѣстны *Досѣвки*, по окончаніи сѣянія, и *Дожинки*, отправляемыя обыкновенно въ исходѣ лѣта; тамъ, по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ, на которыя приглашаются окрестные жители работать безмездно, они отправляются въ домъ къ хозяину и подносятъ ему и женѣ его вѣнки, сплетенные изъ колосьевъ, и тамъ послѣ угощенія поютъ и пляшутъ до глухой ночи. Въ Гродненской Губерніи, вообще на Украйнѣ, Подолѣ и Волынѣ, при празднованіи Дожинокъ въ деревняхъ, по сжатіи послѣдняго снопа, съ пѣснями сплетаютъ вѣнокъ и кладутъ его на голову прекраснѣйшей изъ дѣвицъ, которая должна вручить оный господину, или хозяину жатвы, и поздравить его съ окончаніемъ жнитва и пожелать счастливаго урожая и долголѣтія. У древнихъ Литвиновъ послѣдній день жатвы назывался Dapiumen, какъ замѣчено нами въ I выпускѣ, стр. 107.

У Мари, или Черемисъ, изъ земледѣльческихъ праздниковъ особенно извѣстенъ *Ага-Пайра́мъ*, то же что у Татаръ *Сабанной* праздникъ, отъ сабана, родъ сохи. *Ага* происходитъ отъ Черемискаго слова *àara* полоса, или часть земли, данная для посѣва, и отъ *пайрàмъ* праздникъ, собственно въ честь божества Юма́ссе, управляющаго хлѣбородіемъ; онъ

слывешъ *напольнымъ* отъ того, что сборище бываетъ на полѣ, тогда какъ начинаютъ орать землю подъ яровой хлѣбъ. *Агà-Пайрáмъ* бываетъ не въ одно время въ разныхъ деревняхъ; но окончательный большой праздникъ отправляется въ субботу предъ Пятидесятницею. Тогда Карпъ, или уставщикъ, обязываетъ каждаго къ назначенному дню приготовить кушанье и питье, которое они ставятъ на вѣтви пихты (ну́лга); Карпъ, зажегши косперъ дровъ, читаетъ молитву о плодородіи, потомъ взявъ горящую головню, очищаетъ осѣненіемъ ею принесенное кушанье и питье. Послѣ сего обряда, садятся пировать, и по окончаніи пиршества, всѣ, начиная съ Карпа, ходятъ къ огню бросать въ него куски отъ общей трапезы, приговаривая: „будь споро“! Епопъ обрядъ заключается иногда присягою, или испытаніемъ (по́была), при коемъ ставятъ восковую свѣчу на землю и кладутъ липовую палку: тогда всякой долженъ цѣловать землю и переходить черезъ палку. Кто сего не исполнитъ, того почитаютъ за отступника. Послѣ сего всѣ расходятся по домамъ. Въ другой праздникъ *Упурà пайрāмъ* (*упурà*, новое пиво), сообвѣщенную Госпожинкамъ и отправляемый или въ концѣ Іюля, или въ началѣ Августа, варятъ

пиво изъ новаго хлѣба и ходятъ другъ къ другу желать счастливаго окончанія и успѣха жатвы (19).

Къ земледѣльческимъ празднествамъ въ Россіи принадлежитъ человѣколюбивый обычай *Помочь*, на которую малосемейные зажиточные люди сзываютъ къ себѣ сосѣдей для сжатія хлѣба, созрѣвшаго на полѣ. Въ этой помочи трудъ растворенъ сытнымъ угощеніемъ и веселымъ пиршествомъ помощниковъ, для которыхъ выставляются на дворѣ столы съ хлѣбомъ и солью, пирогами и калачами, и кадки съ пивомъ. см. I вып. стр. 201.

На *сиротскую и вдовью помочь* (20) не требуется никакого иждивенія; потому что сиротъ и вдовъ міръ снабжаетъ всѣмъ, что нужно для такого пиршества — имъ не только безмездно помогаетъ собрать сѣно и хлѣбъ, но и запасти на цѣлый годъ дровъ и лучины. Хотя поселяне и считаютъ за грѣхъ работать въ воскресные дни; однако *на*

---

(19) Краткое описаніе народа, назыв. Мари, или Черемиса, съ ихъ обыкновеніями, (рукопись, доставлен. Г-мъ Вельтманомъ.)

(20) *И. Лепехина* дневныя записки. Спб. 1768 и 69, ч. I. въ 4.

вдовью помочь охотно идутъ послѣ обѣдни, держась старой пословицы, *на вдовій дворъ хоть щепку кинь.* Такимъ образомъ исполняется и другая народная пословица: *Съ міру по нитькѣ, голому рубаха.* — Во многихъ Губерніяхъ, особливо Сѣверныхъ и Западныхъ, поля удобряются, сжинаютъ хлѣбъ и сѣно косятъ *Помочами*, которыя также называютъ *Толоками*, словомъ, происходящимъ, какъ выше сказано, отъ древняго Естскаго, или древне-Прускаго слова Talck, плата за работу, угощеніемъ (21); потому что этотъ обычай извѣстенъ былъ и въ Лифляндіи, по свидѣтельству Кельхена, а въ Литвѣ подъ именемъ łoka. Толоки употребительны и въ Кіевской Губерніи. Въ Сибири, особливо въ Пермской Губ., по сказанію почтеннаго туземца П. А. Бронникова, почти всѣ работы мужскія и женскія дѣлаются Помочами, какъ-то: *Полотушки* въ поляхъ и огородахъ, *Потрепушки*, или трепаніе льна, *Супрядки*, пряжа льна, *Назьмы*, или унавоживаніе и т. п.

Какъ въ Германіи и въ горныхъ провинціяхъ Франціи *собираніе винограда*, такъ въ Россіи *собираніе вишенъ*, особливо *рубка и сѣченіе капусты*, или такъ называемыя

(21) см. I выпускъ сей книги, стр. 202.

Капустницы, составляютъ родъ семейнаго, хозяйственнаго празднества. Въ Сибири поводомъ къ простонароднымъ *вечеркамъ* служатъ *Капустки*, т. е. рубка капусты, на которыя приглашаютъ сосѣдокъ: *капустницы*, приходя въ домъ, поздравляютъ хозяевъ съ Капусткой, какъ съ праздникомъ, къ которому варилось пиво и приготовлялся обѣдъ и особливо ужинъ, оканчиваемый плясками подъ пѣсни (22). Главнымъ блюдомъ былъ *пирогъ хлебальный.* Въ Приволжскихъ и другихъ Сѣверо-Восточныхъ Губерніяхъ на Капустницы сбираются дѣвицы въ лучшихъ нарядахъ, переходя съ пѣснями изъ дому въ домъ, гдѣ ихъ угощаютъ хозяева, чѣмъ Богъ послалъ. Подобный обычай встрѣчается также во Франціи и Германіи.

Самая жизнь земледѣльческая, сближающая человѣка съ природою, для него то благопріятною, то враждебною, и призывающая его къ общенію съ подобными себѣ, есть обильный источникъ вѣрованій и обычаевъ: по этому работы и праздники земледѣльческіе соединены съ таинственными обрядами, обѣтами, жертвами и гаданіями, освящаются именами с. покровителей земледѣльческихъ работъ и разнаго рода жита и овощей, составляющихъ

(22) Записки и замѣчанія о Сибири. Москва, 1827, въ 8.

вещественное богатство поселянина. Оно выражается въ старинной его пословицѣ: *всякаго жита по лопатъ.* Чѣмъ болѣе было у поселянина язычника разнаго рода хлѣба и овощей, тѣмъ болѣе и *боговъ*, покровительствующихъ онымъ; чествованіе сихъ покровителей есть источникъ празднествъ земледѣльческихъ и сельскихъ. Празднества сіи, имѣющія связь съ исторіею образованія народа и получившія при переходѣ отъ Язычества къ Христіанству и въ послѣдующія времена другой характеръ и значеніе, могутъ намъ открыть занимательную картину обычаевъ и повѣрій, опредѣляемыхъ климатомъ и мѣстностію, если будутъ вполнѣ собраны и разсмотрѣны въ разныхъ краяхъ Россіи (23).

(23) Это было, по вѣроятному мнѣнію Г. Венелина, происхожденіемъ слова. *богатства.* По Санскр bahuta значитъ *множество.* Замѣч. Г. *Вельтмана.*

VII.

СЕМЕНЪ ДЕНЬ.

Сентябрь съ XV вѣка, или лучше сказать, съ Собора для уложенія церковной Пасхаліи на VIII тысящелѣтіе, считался первымъ мѣсяцемъ въ году до 1700 г, какимъ и донынѣ считается въ Церковной Пасхаліи; ибо Греко-Россійская церковь въ этотъ день, по примѣру Александрійской, празднуетъ новолѣтіе, или *начало индикта, сирѣчь новаго лѣта* (*Ἀρχὴ τοῦ Ἰνδίκτου ἤτοι, τοῦ νέου ἔτους*) (1). Въ началѣ этого мѣсяца праздновалось у Египтянъ новолѣтіе; у Персовъ рожденіе Мифры. Въ древности Сентябрь, седьмой мѣсяцъ отъ Марта и девятый отъ Января, назывался *Руенемъ*, *Рунномъ* или *Ревуномъ*, по мнѣнію Добровскаго, отъ р е в а вѣтровъ, кои начинаютъ дуть съ этого времени (2); но Литовцы именовали его Ruddens mehnesis, Сербы

(1) Руководство къ Пасхаліи, соч. Пр. А. И. *Тяжелова.* изд. 2. М 1830, въ 8. — Записки и Труды Общества Ист. ч. 2 М. 1824, стр. 59.

(2) *Карамз.* И. Г. Р. ш. V. прим. 246.

Руемъ или *Рюемъ* отъ желтаго деревца (Rhus cotinus), употребляемаго на краску; ибо они все желтое называли *Рушно* и *Руевно*. У Славянъ Сентябрь извѣстенъ былъ подъ именемъ Руена, желтаго, отъ желтѣющихъ въ сіе пору листьевъ на деревьяхъ. Съ принятіемъ же въ Кіевѣ Польскихъ обычаевъ, Римскій Сентябрь именовался до XVII вѣка *Вресенемъ* (Wrzesień), отъ того, что тогда цвѣтетъ трава *вереск*, по Польски wrzos (erica vulgaris). Въ отечественныхъ лѣтописяхъ, въ юридическихъ старинныхъ актахъ и донынѣ въ просвонародіи *первое Сентября* извѣстно подъ именемъ *Семена дни*, *Семена Лѣтопроводца*, отъ празднуемаго въ сей день Церковію П. О. Сгмеона, перваго столпника (3). Несторова лѣтопись свидѣтельствуетъ, что въ Кіевѣ былъ древній храмъ Сгмеона Лѣтопроводца.

Вся недѣля слыветъ *Семинскою*, отъ 1го Сентября по 8е, т. е. по день Рождества Богородицы, которое у Чеховъ именуется Se-

(3) „Прія же церковь святая начало Индіктіона праздновати мѣсяца Сентемврія въ 1 день сего ради, яко въ той мѣсяць и день празднуему бывшу во Іудеи по вселенной новому лѣту, пріиде Іисусъ Господь въ Назаретъ, идеже бѣ воспитанъ. Уставися же праздникъ сей отъ Св. Отецъ на I Соборѣ Никейскомъ.“ *Четьи-Минеи* Сентябрь.

menna panna Maria. Съ Лѣтопроводца — говорятъ наши поселяне — начинается *Бабье лѣто*, или *лѣто на проходѣ*, продолжающееся до *Аспосова дня*, или до Рождества Богородицы (4). Лѣтопроводецъ, какъ будто Рускій Янусъ, провожалъ старое и встрѣчалъ новое лѣто. У Чеховъ и Сербовъ извѣстно Babi leto, называемое у Малороссіанъ *Бабьто лито*. На Польскомъ Babie lato значитъ ясная, ведреная продолжительная погода; Maik iesienny, *бабье лѣто*, на Нѣмецкомъ Alter-Weiber-Sommer, старушичье лѣто, или Mariengarn, Маріина пряжа, Marienfäden, Маріины пяшники — тонкія нити паутинъ, бывающія въ Сентябрскую ясную погоду на лугахъ, пожняхъ и деревьяхъ (5). Въ Костромской Г. существуетъ примѣта у крестьянъ, что „если въ Бабье лѣто луга будутъ опутаны тенетникомъ, гуси гуляютъ спадами и скворцы не отлепаютъ долго: то осень будетъ протяжною и ведряною.“ *Бабье лѣто* Г. Шишковъ производитъ отъ созвѣздія Бабы (семь звѣздъ, упи-

(4) *Аспосовъ день*, вѣроятно, происходитъ *отъ Спаса*; ибо съ 1го по 8е Сентября продолжается служба Спасу. — Рускіе просвонародные праздники, И. С. вып. I. М. 1837, въ 8.

(5) Allgemeine deutsche Real-Encyclopädie für die gebildeten Stände. 10 B. Leipz. 1830, 8.

чье гнѣздо, Плеяды), появляющагося съ половины Августа до половины Сентября (6). Но какъ *Бабье лѣто* въ Великой Россіи болѣе ограничивается *Семенскою недѣлею:* то вѣроятнѣе названіе его происходитъ не отъ тѣлъ небесныхъ, но отъ земныхъ отношеній; ибо Плеяды появляются съ Іюля и видны бываютъ во всю зиму. Въ околомосковныхъ селеніяхъ подъ Семенъ день шушатъ огонь въ избахъ, а съ восхожденіемъ солнца вздуваютъ новый. Съ этого дня наступаетъ осень, начинаютъ *засиживать вечера*, въ деревняхъ *бабы* принимаются за пряслицы и за веретены, по уборкѣ хлѣба и по окончаніи полевыхъ работъ: ибо, по старинной поговоркѣ, *Семенъ день, сѣмена долой*, т. е. если до 1 го Сентября не успѣютъ сжать хлѣбъ, то сѣмена изъ колосьевъ выплываютъ на землю (7). Тогда собственно начинаются *бабьи работы*, какъ-то: мнутъ и треплютъ пеньку, моютъ ее, стелютъ ленъ и въ самый Семенъ день запыкаютъ узкій холстъ, или *красна*. Слѣд. названіе *Бабье лѣто* у насъ собственно происходитъ отъ *бабьихъ*, женскихъ трудовъ въ крестьянскомъ быту, а въ городскомъ вѣроятно, какъ полагаетъ и Н. А. Полевой, *Бабьимъ лѣтомъ* прозванъ Сентябрь тогда, когда при Петрѣ I стали праздновать новый годъ съ Января. Въ Кіевѣ *женить Семена* значитъ съ 1 Сент. начинать работать при свѣчахъ. На обыкновенную осеннюю охоту за зайцами выѣздъ дѣлывали въ Семенъ день, и прежде чѣмъ ѣхать въ поле, сѣвши на лошадей, всѣ псари громко кричали слово: *Восяй!* (8). Какъ весна, такъ и осень есть начало сельскихъ праздниковъ, изъ коихъ первый *Бабье лѣто*, извѣстное многимъ Славянскимъ племенамъ (9). Съ Семена дня въ деревняхъ, кромѣ посидѣлокъ, сопровождаемыхъ, по большей части, пѣснями и сказками, дѣлаются *опашки*, *братчины*, *ссыпчины*, гдѣ всѣмъ міромъ варится пиво и спрятается кушанье для пиршества, а въ Аспосовъ день оканчивается во многихъ мѣстахъ заламываніе ульевъ. Хотя Сѣверная природа въ это время *смотритъ Сентябремъ, а не розсыпью;* однако не мѣшаетъ поселянамъ веселиться отъ души. Простой народъ почитаетъ день Лѣтопроводца губительнымъ для мухъ, блохъ, таракановъ и клоповъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ

(6) Сочиненія А. С. *Шишкова.* т. V, стр. 40.

(7) Записки въ Нерехтѣ почтеннаго нашего Археолога М. Я. Діева.

(8) Моск. Вѣстникъ. 1828, No 4, стр. 506.

(9) Пѣсни Рускаго народа. Спб. ч. 2. 1838, въ 16.

Серпуховѣ, *похороны мухѣ* составляютъ народный праздникъ, напоминающій Бѣлбога, Славянскаго Веелзевула, бога мухъ (10), и Литовскій осенній праздникъ въ честь Семенника. Серпуховскія дѣвушки и молодки хоронятъ мухъ и таракановъ въ гробкахъ изъ свеклы и рѣдки, а Тульскія таракановъ въ щепкахъ. На мушьи похороны являются сидѣвшія въ заперти красавицы, нарядясь, какъ можно лучше, погребаютъ докучливыхъ насѣкомыхъ съ приворнымъ воплемъ; между тѣмъ женихи выглядываютъ себѣ невѣстъ, и Бабье лѣто обращается въ свадебное время. Тогда же бываетъ осенняя игра: *пиво варить*. Наваривъ его къ Бабьему лѣту, молодки выходятъ съ брагою за вороты и угощаютъ прежде старыхъ, а потомъ молодыхъ. Послѣ этого принимаются за игры, кои хороводница начинаетъ слѣд. пѣснею:

Ай на горѣ мы пиво варили;
Ладо мое, Ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива всѣ вкругъ соберемся,
Ладо мое, Ладо, всѣ вкругъ соберемся (11).

Семенъ день, кромѣ значительности своей въ церковномъ кругѣ и сельскомъ быту, важенъ былъ въ отношеніи гражданскомъ, по-

(10) *Iahn* Archaeologia biblica. Viennae 1814, in 8.

(11) см. Сказанія Рускаго народа, собр. *И. Сахаровымъ*. Спб. ч. 2, 1837, въ 8.

литическомъ и юридическомъ. До XVIII вѣка, или 1700 г. онъ былъ торжественнымъ днемъ празднованія новолѣтія или общенія Царя съ народомъ, и однимъ изъ временныхъ судныхъ сроковъ ставиться на личный судъ предъ Царемъ и вносить оброки и дани. — Въ Потребникѣ мірскомъ 1639 года помѣщенъ уже *чинъ провожденія лѣту*, или *начало индикта, еже есть новое лѣто* (12). Этотъ торжественный обрядъ совершался въ Москвѣ Патріархомъ Филаретомъ, въ присутствіи Царя, предъ народомъ (13), который съ жадностію стекался видѣть *свѣтлыя Царскія очи*. На Ивановской площади поставлялись для сего торжества между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборомъ два налоя съ паволоками; выносили налой съ образомъ Св. Симеона Столпника (14). Тамъ съ правую сторону отъ Благовѣщенія устроивали Царское шатерничье мѣсто съ паволоками, а другое

(12) Книга, глаголемая Потребникъ мірской, М. 1639, въ л.

(13) Библіотека для Чтенія, 1836, Январь, ст. Н. *Полеваго*: Новый годъ въ Москвѣ.

(14) В. К. Василій Іоанновичь IV завѣщалъ погребсти себя подъ сѣнмъ образомъ въ Архангельскомъ Соборѣ. см. Софійскій Временникъ, 2. ч М. 1820, въ 4.

Патріаршеское съ коврами (15). По окончаніи упренней службы въ Успенскомъ Соборѣ, Патріархъ выходилъ съ клиромъ и св. образами въ западныя двери и становился на дворѣ предъ церковными врапами на востокъ, гдѣ совершалось молипвословіе „о еже благословити Господу вѣнецъ лѣта благостію „своею.“ Послѣ епого Царь подходилъ къ св. Евангелію, коимъ знаменовался, принималъ благословеніе отъ Патріарха, который, сперва осѣнивъ его животворящимъ Крестомъ, а потомъ благословивъ рукою, спрашивалъ о Царскомъ его здравіи. Потомъ Свящпитель и Царь занимали приготовленныя имъ мѣспа на Красной площади между Успенскимъ и Архангельскимъ Соборами, гдѣ совершаемо было молебспвіе съ водосвятіемъ. Въ заключеніе сего Патріархъ, сошедши съ своего мѣспа, привѣтспвовалъ Царя слѣдующею рѣчью: „А Государь Боговѣнчанный и благочестивый и хрістолюбивый „Царь и Великій Князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Царь Казаньскій, Царь „Аспараханьскій и многихъ Государспвъ „Государь и обладатель и всея Русіи Самодержецъ! въ нынѣшніи и настоящіи день

(15) см. Чинъ лѣтопровожденія, въ Древней Вивліоѳикѣ, ч. VI. М. 1788, въ 8.

„праздника начало индикту, сирѣчь новаго „лѣта, соборнѣ молили всемилостиваго и все„щедраго и человѣколюбиваго, въ Троицѣ „славимаго Бога и пречистую Его Матерь — „и всѣхъ Святыхъ о вселенскомъ успроеніи „и о благоспоянніи святыхъ Божіихъ церк„вахъ і о вашемъ Государевѣ многолѣтномъ „здравіи, Богомъ вѣнчаннаго и благочести„ваго и хрісполюбиваго Государя нашего „Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоро„вича всея Русіи и о Болярѣхъ и о хріспо„любивомъ воинспвѣ, и о доброхопѣхъ и „о всемъ православномъ хрістіанспвѣ, чпо„бы всемилостивый, в Троицы славимыи Го„сподь Богъ нашъ, в нынѣшніи в наспо„ящіи годъ, и в предъидущія многія лѣ„та, вамъ Великому Государю Царю и Ве„ликому Князю Михаилу Ѳеодоровичу всея „Русіи, умножилъ лѣтъ живота вашего и „даровалъ бы Господь Богъ вамъ Великому „Государю и хрісполюбивому нашему воин„спву свыше побѣду и крѣпость и храбрость „и одолѣніе на вся видимыя и невидимыя „враги и возвысилъ бы Господь Богъ вашу „Царскую десницу над Бесерменспвомъ и „над Лапынспвомъ и надо всѣми инопле„менными языки, иже бранемъ хотящая; и „покорилъ бы Господь Богъ подъ нозѣ ваша „всякаго врага и супостата, и царство бы

„ваше устроилъ мирно и немятежно во бла-
„годенствіи и во изобиліи плодовъ земныхъ.
„Дай Господи, вы Государь Царь и Великій
„Князь всея Русіи Самодержецъ, здравъ былъ
„съ своею Государевою Царицею и Великою
„Княгинею, а с нашею Великою Государы-
„нею и съ своими Государевыми благородными
„чады, и съ своими Государевыми богомольцы,
„съ Преосвященными Митрополиты и со Архі-
„епископы и Епископы и со Архимандриты
„и Игумены и со всѣмъ освященнымъ Собо-
„ромъ и с боляры и с хрістолюбивымъ воин-
„ствомъ и съ доброхоты и со всѣми православ-
„ными хрістіаны. Здравствуй, Государь, ны-
„нѣшніи годъ и в предыдущія многія лѣта въ
„родъ и родъ и во вѣки!“ (16). Патріархъ
осѣнивъ Царя св. крестомъ и окропивъ
его св. водою, возвращался со свитою
своей въ Успенскій соборъ, между тѣмъ
Царь привѣтствовалъ народъ милостивымъ,
ласковымъ словомъ, а народъ отвѣчалъ ему еди-
нодушнымъ громкимъ восклицаніемъ: „здрав-
„ствуй, здоровъ будь на многа лѣта, надежа
„Государь!“ — Бѣднымъ и нищимъ раздавала-
лась Царская милостыня, чтобы они молили
за его многолѣтное здравіе. При звонѣ ко-
локольномъ Царь шелъ къ обѣдни въ Благо-

(16) Книга, глаголемая Потребникъ мірской. M. 1639. въ л.

вѣщенскій Соборъ, а Патріархъ въ Успен-
скій. — Въ одной современной, конца XVII
вѣка, запискѣ изображено сіе дѣйствіе слѣду-
ющимъ образомъ: „лѣта 197, Сентября 1,
„Царь Иванъ Алексѣевичь изъ церкви Благо-
„вѣщенія на Сѣняхъ, а Патріархъ Іоакимъ
„изъ Успенскаго Собора со св. иконами и
„кресты, со всѣмъ освященнымъ Соборомъ
„пришелъ на устроенное мѣсто противъ
„церкви Архистратига Михаила, гдѣ бываетъ,
„по прежнему обычаю, молебное пѣніе о на-
„чалѣ новаго лѣта. По совершеніи дѣйствъ,
„Патріархъ поздравилъ Государя и говорилъ
„ему рѣчь по письму; потомъ поздравили
„Царя Царевичи, бояре, окольничьи, думные,
„ближніе люди, стольники, стряпчіе, дворяне
„Московскіе и всякихъ чиновъ рапные и при-
„казные люди, а о поздравленіи рѣчь говорилъ
„Князь Одоевскій. Царь поздравлялъ всему
„народному множеству, своимъ Государскимъ
„милостивымъ словомъ жаловалъ, поздрав-
„лялъ же.“ Одинъ Нѣмецкій путешествен-
никъ по Россіи, XVII в., какъ очевидецъ
описываетъ его торжество (17): Въ Но-
вый годъ, 1го Сентября „на Кремлевской
„площади приготовленъ былъ большой ам-

(17) Anhang von der Reußiſchen, oder Moſkowitiſchen Religion. Leipzig. 1698, in 12. pag. 72.

„вонъ, на коемъ стояли два престола, бо„гато украшенные; на нихъ сидѣли оба Царя, „въ драгоцѣннѣйшихъ убранствахъ, а вокругъ „нихъ тѣснился народъ. На етотъ амвонъ „вошелъ Патріархъ въ сопровожденіи маль„чика, державшаго св. воду; подавъ для обло„бызанія св. крестъ обоимъ Государямъ, „онъ окропилъ ихъ св. водою и пожелалъ „имъ долголѣтнаго и благоденственнаго цар„ствованія, также и всему народу счастли„ваго новаго года, Божія благословенія и „всѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ благъ. Тогда „весь народъ воскликнулъ: *Аминь! Аминь!* „По окончаніи етой церемоніи, Цари дозво„лили принести себѣ поздравленіе сперва Бо„ярамъ и сановникамъ, потомъ и Нѣмцамъ. „Послѣ чего оба Цари отправились въ Крем„левскій дворецъ.“ Въ 1699 году, Сентября 1, Петръ I въ послѣдній разъ, по древнему обычаю своихъ предковъ, торжествовалъ начало новаго лѣта, и на большой Ивановской площади, сидя на престолѣ въ Царской одеждѣ, принималъ отъ Патріарха благословеніе, а отъ народа привѣтствіе и самъ поздравлялъ его съ новымъ годомъ (18), который въ 1700 г. онъ уже праздновалъ 1го Января.

(18) Дополненіе къ I тому Дѣяній Петра I, т. V.

Семенъ день издревле былъ также однимъ изъ судныхъ сроковъ, когда жители другихъ городовъ и самой Москвы спавились на личный судъ передъ Государемъ въ столицѣ. Мѣстомъ етого Царскаго суда чаще назначался Приказъ большаго Дворца. Чего не могли рѣшить намѣстники, прикащики городовые и волостели, то рѣшалъ самъ Государь, котораго судъ почитался *Божіимъ судомъ;* ибо, по народному вѣрованію, *вѣдалъ Богъ и Государь.* Царь словомъ своимъ поручалъ судъ и ближнимъ боярамъ. Кто не явился къ отвѣту въ срокъ, тотъ признавался виноватымъ, а правому давалась правая грамота. Уличеннымъ же въ преступленіи объявлялся приговоръ черезъ Бояръ обыкновенно слѣдующею формулой: *Пойманы вы есте Богомъ и Государемъ Великимъ* и т. д.

Въ лѣтописяхъ и грамотахъ встрѣчаются многіе примѣры такого суда. Великій Князь Іоаннъ Васильевичь повелѣлъ *копиться жалобнымъ людямъ на судный срокъ* въ Москву изъ Новгорода и Пскова; онъ же на день Семена Лѣтопроводца, высланныхъ изъ Вятки измѣнниковъ присудилъ казнить, а другихъ проститъ. Изъ грамотъ Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича видно, что монастырскимъ слугамъ и кре-

стьянамъ *наметывались три срока* въ году ставиться на судъ Царевъ: *Семенъ* и Троицынъ дни и Рождество Христово. Въ сіи же сроки повелѣвалъ имъ ставиться предъ собою на судъ и Патріархъ Филаретъ (19). Въ 1607 году Царь Василій Іоанновичь приговорилъ и уложилъ со всѣмъ освященнымъ Соборомъ и Царскимъ синклитомъ, что „если „не подадутъ челобитья по первое Сентяб„ря о крестьянахъ: то послѣ того срока „написать ихъ въ книги за тѣмъ, за кѣмъ „они нынѣ живутъ“ (20).

Кромѣ явки на временный судный срокъ, къ Семену дни взносились оброки и пошлины; потому что въ сіе время съ окончаніемъ года оканчивались полевыя работы. Изъ писцовой книги Полоцкаго повѣта явствуетъ, что 7080 года, по наказу Царя Іоанна Васильевича объ отдачѣ въ оброкъ рыбныхъ ловель и другихъ угодій, опредѣлялось „платить оброкъ ежегодно на срокъ на Семенъ „день Лѣтопроводца“ (21). Извѣстно, что Бо-

(19) Исторія Росс. Іерархіи. ч—7.

(20) Судебникъ Государя Царя Іоанна Васильевича, изд. 2, В. *Татищева*, М. 1766, въ 8.

(21) Полное собраніе законовъ Россійскихъ. Спб. т. II. стр. 666.

рисъ Годуновъ ознаменовалъ новолѣтіе своимъ вѣнчаніемъ на царство и соорудилъ въ память сего церковь С. Симеона Столпника въ Москвѣ на Вшивой горкѣ. Въ день празднованія новаго лѣта 1674 года Царь Алексій Михайловичь на Ивановской площади, въ первый разъ объявилъ народу Царевича Ѳеодора наслѣдникомъ, а Царевичь говорилъ тогда родителю своему рѣчь поздравительную (22).

Такимъ образомъ съ окончаніемъ XVII вѣка кончилось и торжественное празднованіе новолѣтія и вызовъ къ личному суду Царскому, начало коего кажется восходитъ не далѣе XVI вѣка. Но и по отдѣленіи гражданскаго года отъ священнаго, Церковь донынѣ празднуетъ въ *первое Сентября* новолѣтіе, а въ сельскомъ быту по мѣстамъ повторяются народные обычаи и обряды, уничтоженные въ городахъ.

(22) см. Собраніе записокъ о жизни и дѣяніяхъ Петра Великаго, изд. *Туманскаго*, ч. 3, Спб. 1787, въ 2.

VIII.

ОСЕННЯЯ РОДИТЕЛЬСКАЯ.

Идея поминовенія усопшихъ, основанная на связи міра вещественнаго, внѣшняго съ духовнымъ, существовала изкони въ древнемъ мірѣ подъ разными образами у разныхъ его племенъ: гробницы и могилы почитались стражами земли, памятниками человѣка, безмолвными свидѣтелями, а погребеніе — какъ бы сочетаніемъ человѣка съ землею, его матерью и кормилицею (1). Честное погребеніе и поминовеніе вмѣняемо было въ священную обязанность, какая налагалась природою и божествомъ, требовалась тѣнями усопшихъ. По вѣрованію Римлянъ, согласному съ Етрурскимъ ученіемъ, тѣни являлись на землѣ проекратно въ году: въ концѣ Августа, въ началѣ Октября и Ноября (2). Дни етого таинственнаго общенія мертвыхъ съ живыми почитались священными и вмѣстѣ *черными* (atri); тогда не предпринимали никакихъ важныхъ дѣлъ,

(1) Origines du droit français, par *M. Michelet*. Paris. 1837, in 8.

(2) Religions de l'antiquitè, ouvrage traduit de l'allem. du D. Fr. *Kreuzer*. t. 2. à Paris. 1829, in 8.

такъ какъ, по старому Рускому повѣрью, время между Казанскою и Дмитровымъ днемъ, или осеннею Родительскою, доселѣ между просполюдьемъ считается неблагопріятнымъ для свадебъ. Въ ету пору посѣщенія земли душами усопшихъ, Римляне совершали таинственные обряды, мало намъ извѣстные. Ето было, по замѣчанію Крейцера, родъ праздника *всѣхъ душъ* (festum omnium animarum), отправляемаго съ X вѣка Римско-Католическою церковію 4 Ноября и впадающаго почти въ одно время съ Рускою осеннею Родительскою, которая предпочтительно предъ прочими Родительскими празднуется народомъ. Етотъ праздникъ сопровождался молитвами и приношеніями объ усопшихъ и основанъ на вѣрованіи въ чистилище (ignis purgatorius, purgatorium) (3). Праздникъ Всѣхъ Святыхъ (1 Ноября) донынѣ отправляется съ разными языческими обрядами у Сѣверныхъ и Нѣмецкихъ поселянъ (4). У горныхъ Шопландцевъ онъ почитается важнѣйшимъ, какъ начало зимы: тогда у нихъ зажигаются *огни мира и покоя* въ память и честь покойниковъ. Дат-

(3) Die Feste der alten Christen, von Dr. I. W. Augusti. III Th. Leipz. 1820, in 8.

(4) Edda Saemundina. t. III.

чане 2го Ноября празднуютъ свой Sialudag, день всѣхъ душъ; въ ету же пору, когда, по свидѣтельству Гаммера, Египтяне и Персы ублажали различнымъ образомъ тѣни усопшихъ, въ Германіи пекутъ, родъ булокъ, или лепешекъ Seelenwekke, задушные хлѣбцы, или Zuckerseele, сахарныя души, такъ какъ Литовцы въ свой Хавшурей, Sikies wellonia pamixlos, родъ блиновъ. см. Вып. I.

Выше сказали мы о заупокойныхъ пирахъ у Римлянъ (silicernia, inferiae, coenae ferales, у Грековъ *περίδειπνα*, *ἐναγίσματα*), какъ жертвахъ усопшимъ, или тѣнямъ, которымъ они приносили ежегодно въ дни поминокъ, или Родительскихъ (parentalia), на гробницы вино, медъ, масло, яицы, плоды и цвѣты. Древніе Евреи *ижддивали хлѣбы свои при гробѣ праведныхъ* (5) и преломляли въ стенаніи хлѣбъ на гробѣ родителей и вкушали чашу утѣшенія (6). Что жь касается до Христіанскихъ *поминокъ*, то онѣ въ Восточной церкви были остатки древняго блаженнаго поминовенія св. Мучениковъ, трапезами любви, искаженные въ послѣдствіи злоупотребленіемъ (7). Блаж. Августинъ въ бесѣдѣ сво-

(5) *Товіи* IV, ст. 17.

(6) *Іереміи*, XVI, 7 — 8, XXII, 9, — 18.

(7) Дни Богослужебные православной Греко-Россійской церкви, соч. *М. Дебольскаго*. Спб. 1837, въ 8.

ей 15 de sanctis, удивляется невѣрію и суевѣрію тѣхъ, которые „ставятъ на гробы по„койниковъ кушанье и питье въ томъ мнѣ„ніи, что души усопшихъ вкушаютъ сіи при„ношенія.“ Впрочемъ етотъ суевѣрный обычай подчивать усопшихъ былъ общимъ у всѣхъ языческихъ народовъ, какъ въ Елладѣ во время Омира, въ Скандинавіи, на Востокѣ и на островахъ Новаго Свѣта, такъ равно и въ Славенскомъ, Нѣмецкомъ и Литовскомъ мірѣ.

Византійскіе писатели упоминаютъ о Славянскомъ VI вѣка пиршествѣ въ честь мертвыхъ, въ которое Греки напали на Славянское войско, занятое сими обрядами, и разбили его (8). О *тризнѣ* Славяноруской сказано нами выше. У Нѣмцевъ еще въ средніе вѣка ежегодно отправлялся праздникъ поминовенія усопшихъ, соединенный съ суевѣріями ихъ страны и съ заупокойнымъ пиршествомъ, извѣстнымъ у Сербовъ и Поляковъ подъ именемъ Zadusznice (9), у Морлаковъ Zdravidza. По древнимъ обычаямъ у Нѣмцевъ, наслѣдникъ обязанъ былъ придцать дней поминать покойника по церковному обряду и въ ето время выставлять у себя на окошкѣ кушанья,

(8) *Stritteri* Memoriae populorum. t. II, p. 61.

(9) Pommerische Kirchen-Chronica, d. D. Cramerum. zu alt. Stettin. 1603, in 4.

коимъ будто питался усопшій: ето подтверждаютъ юридическія пословицы: der Todte erbet den Lebendigen, т. е. Мертвый наслѣдуетъ живаго, и die Schulden ſind die nächſte Erben, долги ближайшіе наслѣдники (10). Неизвѣстный писатель Славянской Хроники упоминаетъ подъ 1021 г. о селеніи Colobizce (*кладбище?*), гдѣ плясали во время обѣдни мущины и женщины. Такъ на Галбершпадтскомъ кладбищѣ въ XVII Кранцѣ, *жировали* (girabantur), плясали и пѣли: что̀ походитъ на отправленіе Тризны или Справы.

Литовцы въ язычествѣ своемъ и даже при переходѣ отъ него къ Христіанству, ежегодно, въ извѣстную пору, особливо въ Октябрѣ, выходили на общественныя кладбища и тамъ, принося въ жертву подземнымъ богамъ сыченый медъ, молоко и пиво, оканчивали тризну свою такими же пиршествами, какія бываютъ во время похоронъ. Сіи поминки въ Литвѣ, совершаемыя почти въ одно время съ осеннею Родительскою у Великороссіанъ, назывались *Хавтурей, Дѣдины*, или *Осенины, большія Осенины*, у Латышей Deewa deenos, Божій день, описанныя въ I выпускѣ сей книги. Въ Черной Руси, въ Новогрудскомъ и Пружанскомъ уѣздахъ, частію въ Минской Губерніи, частію и въ Бѣлоруссіи, главнѣйшимъ праздникомъ почитаются *Дѣды* или *Праотцы* (Dziady) въ честь усопшихъ предковъ: онъ ведетъ свое начало отъ языческихъ временъ (11).

(10) D. J. F. Eiſenhart's Grundſätze der deutſchen Rechte in Sprüchwörtern. Leipz. 1823, in 8.

По свидѣтельству Г. Мухлинскаго, сіе благоговѣйное и прогательное торжество прежде называлось въ Литвѣ и Бѣлоруссіи *пиромъ козла*, который былъ въ уваженіи у нѣкоторыхъ Славянскихъ племенъ (12). Здѣсь первенствовалъ, въ качествѣ жреца и пѣвца, *гусляръ* (Guślar), у Чеховъ именуемый Kozlar, вѣщунъ, чародѣй, кудесникъ. Сіе заупокойное торжество есть родъ Литовской *трагедіи*, которая и у Грековъ происходитъ отъ слова τράγος, козелъ, и сообществуетъ верхне-Нѣмецкому trego, скорбь, и нижне-Саксонскому traege, печальный, и средне-Греч. τραγούδι, печальная пѣсень; ибо, по замѣчанію Аделунга, τράγος, означая въ древности печаль, имѣетъ сродство съ сими словами. И теперь въ Литвѣ и отчасти въ Бѣлоруссіи, около такъ называемаго *поминальнаго дня* (zadusznego dnia), просполюдины заказываютъ обѣдню, сбираются всѣмъ семействомъ въ церковь, раздаютъ милостыню

(11) Łud Polski, p. L. *Gołębiowskiego*. Warsch. 1830, въ 8.
(12) *Frencel* de cultu capri apud Slavos. Chemn. 1725, in 4.

бѣднымъ (13) и потомъ отправляются на кладбище, гдѣ съ полчаса всѣ громко рыдаютъ надъ могилами своихъ родственниковъ; наконецъ возвращаются домой и вечеромъ начинаютъ поминанье усопшихъ: тайкомъ готовится пиръ въ какой нибудь часовнѣ, или въ пустомъ домѣ близъ кладбища. Тамъ ставятъ разныя блюда съ кушаньемъ, напитки, овощи, вызываютъ души покойниковъ, зажигая вино и ленъ, по цвѣту пламени судятъ о явленіи душъ, призываемыхъ слѣд. словами: „Чего потребуешь, душечка, чтобъ „попасть въ небо? Не хочешь яства и „питья, оставь насъ въ покоѣ; а если не „послушаешь просьбы: то во имя Отца, „и Сына и Св. Духа! видишь господній „крестъ! акышь!“ Простой народъ увѣренъ, что такое угощеніе и пѣсни доставляютъ отраду душамъ, находящимся въ чистилищѣ и что покойники за ето внушаютъ какую нибудь добрую и полезную мысль, или даютъ совѣтъ. Гдѣ по близости нѣтъ кладбища, тамъ пиръ учреждается въ домѣ; по окончаніи етого стола, хозяинъ беретъ утиральникъ и одинъ конецъ его вывѣшиваетъ за окно, а на другомъ ставитъ рюмку водки или стаканъ воды, и кладетъ по частицѣ отъ всѣхъ кушаньевъ, приготовленныхъ для покойниковъ. Къ утру, говорятъ, будто все пропадаетъ, а что и останется, то раздаютъ нищимъ (14). То же самое дѣлаютъ Евреи въ свои семидневныя *Бостьы*. У нихъ для очищенія грѣховъ приносился въ жертву по жребію одинъ козелъ, а другой въ пустынѣ спалкиваемъ былъ съ верху горы (15). Пиръ и чествованіе козла у Литовскихъ и Славянскихъ племенъ, содержащій въ себѣ идею очищенія, не есть ли подражаніе Іудейскимъ обрядамъ!

Вмѣстѣ съ Дѣдами, или *большими Осенинами*, въ Минской и смежныхъ съ нею Губерніяхъ, обыкновенно отправляютъ, 6 го Ноября, *Прикладины*, т. е. обкладываніе могилъ дерномъ. *Малыя*, или *меньшія Осенины* празднуются въ Госпожку.

Осенина (16) и въ старомъ Рускомъ языкѣ называлась осень. Какъ въ бѣлой и малой, такъ

(13) Въ церковномъ языкѣ, какъ видно изъ Пролога, *задушіе* значитъ милостыня за усопшихъ. *Задушные люди* упоминаются въ Уставѣ В. К. Владиміра.

(14) Lud Polski pr. *L. Gołębiowskiego*. Warsch. 1830, in 8.

(15) Іудейскія письма къ Волтеру, ч. V и VI, перев. *М. Снегирева*. М. 1816, въ 8.

(16) Въ *Лѣтоп.* подъ 1405 г. сказано: „Церковь „въ городкѣ на Старицѣ въ веснѣ почата, а въ „*Осенинѣ* кончена.“ *Карамз.* И. Г. Р. т. V.

равно и въ великой Россіи она была удобнѣйшей порою торжественныхъ и важнѣйшихъ въ семейномъ и общественномъ быту обрядовъ, каковы: *свадьбы* и *поминки* и т. п. Съ окончаніемъ полевыхъ работъ, доставляющихъ поселянину продовольствіе на цѣлый годъ, начинаются Родительскія и веселые пиры, или свадьбы, коими нерѣдко смѣняются первыя. Церковнымъ обрядамъ предшествуютъ или за ними слѣдуютъ старинные народные обряды, вѣроятно оставшіеся отъ Тризны (17) древняго Язычества, или возникшіе въ позднѣйшемъ суевѣріи, о которомъ мы упоминали въ разныхъ мѣстахъ сего сочиненія. Самое слово *поминки* употребляется въ религіозномъ и юридическомъ значеніи: какъ надгробный пиръ, дѣлаемый при поминовеніи усопшаго, и совершеніе поминовенія, и какъ дары, или подносы изъ почтенія, также родъ обряднаго угощенія при окончаніи акта гражданскаго.

Въ православной церкви считается семь вселенскихъ паннихидъ: 1) въ пятокъ вечера предъ постомъ Филипповымъ; 2) въ субботу предъ Рождествомъ Христовымъ; 3) въ Мясопустную недѣлю; 4) Марта 15; 5) въ субботу предъ Сошествіемъ Св. Духа; 6) въ

(17) Синод. лѣт. 23. Тризну, сирѣчь помины, совершишь.

субботу предъ Петровымъ днемъ; и 7) въ субботу предъ Успеніемъ Богородицы (18). Но главные и общіе въ народѣ поминки сколько въ Радуницу (19) или Пасху усопшихъ и Троицкую субботу, столько особенно осенью въ *Дмитровскую субботу*, сверхъ коей есть еще и *Покровская суббота*, извѣстная даже въ Сибири. Въ церковномъ уставѣ 1668 года, предписывается 1 го Октября посылать на Убогіе домы Архимандритовъ и прочее Духовенство для совершенія общей паннихиды (20). Дмитровская суббота установлена послѣ Куликовской битвы, по совѣту Преп. Сергія, Великимъ Княземъ Димитріемъ Донскимъ, и оправляется между 18 и 26 числами Октября, для празднованія памяти воиновъ, положившихъ животъ на этой битвѣ; а по указу Императрицы Екатерины II, 1769 г. Авг. 17, чинъ этого поминовенія перенесенъ на 29 Августа, въ день Усѣкновенія главы Предтечи (21). Еще въ 1548 г. Іюня 21, Царь Иванъ Васильевичъ установилъ было общую память по усопшихъ, о которыхъ повелѣлъ пѣть паннихиды

(18) Замѣчаніе покойнаго Митрополита Кіев. Евгенія.

(19) Въ Нерехтѣ доселѣ ведется поговорка о плачущемъ неутѣшно: *Расплакался, какъ усопшая Радуница.*

(20) Древняя Росс. Вивліоѳика., т. X.

(21) Историческое обозрѣніе богослужебныхъ книгъ въ Греко-Росс. церкви. Кіевъ. 1856, въ 12.

и служитъ обѣдни по всѣмъ церквамъ и общую милостыню даваетъ и кормы ставитъ (22).

Дмитріевскою, или *Дмитріевою* ета суббота слыветъ отъ с. Димитрія Селунскаго, празднуемаго церковію 26 Октября, или отъ Великаго Князя Димитрія Донскаго, или вѣроятнѣе отъ того и другаго вмѣстѣ. Въ Костромской и другихъ смежныхъ съ нею Губ. она называется *Дѣдовою*. Когда памъ въ ету Родительскую будетъ опшепель на раннемъ зазимьѣ: то обыкновенно говорится: „*На Дѣдовой недѣлѣ родители отдохнутъ.*“ Сія суббота поминовенія учреждена въ то самое время, когда уже существовали въ Сѣверной Россіи Скудельницы, или Убогіе домы, и общее на нихъ поминовеніе весною и осенью. Но какъ она совпадаетъ въ одну пору съ Дѣдинами или Осенинами Литовскими и Бѣлорускими, съ праздникомъ Всѣхъ Душъ въ Германіи и Скандинавіи: то и можно полагать, что Рускія Осенины, предшествовали учрежденію Дмитріевской субботы; ибо и выше мы замѣтили, что въ народѣ, на основаніи коренныхъ его идей и вѣрованій, нерѣдко созидались новые обряды и обычаи, которые почти всегда удерживали въ себѣ нѣчто отъ прежнихъ.

(22) Акты Археографич. Експедиціи, т. I. Спб. 1836, въ 4.

Дмитріевская Родительская болѣе уважается простымъ народомъ, чѣмъ другія Родительскія; она сопровождается бо́льшею поржественностію, нежели прочія, по удобству времени, по изобилію въ ету пору продовольствія и по извѣчному обычаю. Къ етому дню, какъ будто къ годовому празднику, поселяне пекутъ пироги, блины, а въ Смоленской Губерніи рѣзни (23), готовятъ кутью, или канунъ, кисель съ сытою и молокомъ, брагу или пиво. Послѣ паннихидъ, одѣляютъ священниковъ и причетниковъ блинами и пирогами, такъ что ето обильное угощеніе вошло въ народную пословицу: *Не всегда поповымъ ребятамъ Дмитріева суббота.* Хотя Кормчая книга и запрещаетъ дѣлать пированія и попойки надъ мертвыми на кладбищахъ; однако старый обычай и закоснѣлая привычка погосты обращаютъ въ мѣста заупокойнаго пиршества, куда сбираются поминать покойниковъ, причитать надъ ихъ могилами и дѣлать возліянія на оныя, въ томъ мнѣніи, что сими жертвами ублажаются тѣни усопшихъ. Здѣсь сбывается иногда пословица: *Начинаютъ за упокой, а кончатъ за радость.*

(23) Тонкія изъ тѣста, угловатыя или клиноватыя лепешки.

IX.

СВАДЬБЫ.

Какъ весною на Красную Горку, такъ особенно и осенью въ Родительскую поминки усопшихъ встрѣчаются вмѣстѣ съ свадьбами въ Россіи; и въ ту и другую пору невѣсты сироты ходятъ на могилки родителей прощаться и просить себѣ благословенія на судьбу свою. Какъ свадьбы осенью начинаются, по большей части, съ Покрова: то онъ почитается покровителемъ брачныхъ союзовъ, такъ равно и Пятница Параскевія, у простаго народа не только въ великой, но и въ красной Руси; сельскія невѣсты приговариваютъ: „*Батюшка Покровъ, мою голову покрой!* (1) или *Матушка Пятница Параскавея, покрой меня поскорѣе!*“ Въ разныхъ странахъ сѣверной Россіи свадебные обряды весьма разно-

(1) Въ Красной Руси:
Swiata Pokrovónko!
Pokryj holowońku.
Въ Минской Губерніи:
Swiaty Pokrow, Pokrow!
Pokryw ziamlu i wadu,
Pokryj mienie maladu.
см. Ruskoje weséle, P. I. *Lozińskow.* Perem. 1834, in 12.

образны и многочисленны, такъ что они представляютъ многосложную, разительную и живую картину нравовъ и обычаевъ, повѣрьевъ и обрядовъ, въ коихъ отсвѣчивается мѣстность и духъ народа: большая часть сихъ обрядовъ суть символы и аллегоріи, коихъ смыслъ отчасти потерянъ. Сія драма народная, или лучше сказать, опера-водевиль, во многихъ отношеніяхъ важна и занимательна. Нигдѣ такъ не проявляется народность и древній ея бытъ, какъ въ актахъ Руской свадьбы, болѣе умилительной и торжественной при многихъ ея странностяхъ, нежели веселой и разгульной; хотя она и называется въ старомъ Рускомъ языкѣ, такъ какъ нынѣ и въ Чернорускомъ и Малороссійскомъ, *весельемъ*, *веселымъ пиркомъ*, въ коемъ слилось религіозное съ народнымъ, древнее съ новымъ.

Лѣтописецъ нашъ говоритъ, что въ Язычествѣ, вмѣсто браковъ, у Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ, были *игры межи селы*, (т. е. не между селеній, а между полей), гдѣ среди игръ, пѣсенъ и плясокъ мущины выбирали себѣ невѣстъ, и уводили ихъ къ себѣ какъ женъ. Останокъ этого находятъ въ игрѣ п р о с о с ѣ я н і я, извѣстной въ красной и великой Россіи. Деревляне уводили (умыкали) себѣ дѣвицъ, какъ нѣкогда

Римляне Сабинокъ (2). По свидѣтельству Саксона Граммат. кн. V, Фротонъ повелѣлъ побѣжденнымъ Рутенцамъ, по примѣру Датчанъ, покупать себѣ дѣвицъ въ супружество (а не похищать); потому что онъ почиталъ таковые браки прочнѣйшими. Самое выраженіе наше *играть свадьбу* едва ли не происходитъ отъ древнихъ *игръ;* притомъ въ областныхъ нарѣчіяхъ Россіи донынѣ говорится, вмѣсто пѣть пѣсни, *играть пѣсни.* Какъ свадебные обряды сопровождаются пѣснями и музыкой, то по сему и говорится *играть свадьбу;* ибо въ XV и XVI вѣкѣ упоминаются скоморохи и гудцы, какіе игрывали на поминкахъ и на свадьбахъ.

Въ XI уже вѣкѣ были веселья и пѣсни на свадьбахъ, какъ видно изъ посланія Вел. Князя Владиміра Мономаха къ Олегу, которому онъ пишетъ, что „и оны свадьбы его „въ *пѣсни* имѣсь, не видѣхъ бо его первѣе ра„доспи.“ По сказанію Стоглава, гл. 15, „въ „мірскихъ свадьбахъ играютъ глумотворцы „и арганники и смѣхотворцы и гусельники и „бѣсовскія пѣсни поютъ; и какъ къ цер-

(2) Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Кіевскую сокращ. лѣтописи, изд. Князя М. А. *Оболенскаго.* М. 1836, въ 4.

„ви вѣнчатися поѣдутъ, священникъ съ кре„стомъ будетъ, а передъ нимъ со всѣми „тѣми бѣсовскими играми рыщутъ.“ Духовные писатели народныя пѣсни и слѣд. свадебныя называли *бѣсовскими;* правила церковныя воспрещаютъ священникамъ и причетникамъ присутствовать на брачныхъ пиршествахъ вѣроятно для того, чтобы уклонить служителей Церкви отъ участія въ соблазнительныхъ веселіяхъ, какія имѣли на себѣ отпечатокъ народнаго Язычества (3). По введеніи уже Христіанской вѣры въ Россіи, современникъ Несторовъ, Іаковъ черноризецъ, въ XII вѣкѣ, жаловался Митрополиту Іоанну на свадьбы безъ вѣнчанья: „оже не бываетъ „на простыхъ людяхъ благословенія вѣнча„нія, но Бояре токмо и Князья вѣнчаются“ въ XV вѣкѣ, по сказанію М. Фотія, „поні„мались безъ благословенія поповскаго (4).

Кромѣ народной языческой стихіи, въ Русскіе свадебные обряды вошли обычаи Греческіе, Римскіе, Скандинавскіе, Нѣмецкіе, Литовскіе и восточные, въ разныя епохи соприкосновенія Русской народности съ чуже-

(3) Кормчая, кн. I. Вселен. Соб. пр. 24. Номоканона пр. 58.

(4) Русскія Достопамятности, ч. I. Москва. 1815, въ 8. *Карамз.* И. Г. Р. т. V, пр. 254.

странною. Если сходство его, основанное на общихъ потребностяхъ природы и человѣчества, могло быть не существеннымъ, но случайнымъ: то сравненіе обычаевъ не менѣе того любопытно и важно въ этнографическомъ и психологическомъ отношеніи.

Иродотъ упоминаетъ о древнемъ обычаѣ Енетовъ, пришедшихъ изъ Иллиріи, ежегодно сбиравшихся всѣмъ дѣвицамъ, достигшимъ лѣтъ замужества, въ одно мѣсто селенія, гдѣ ихъ покупали мущины за условленную цѣну (5). Въ Греческихъ и Римскихъ обрядахъ бракосочетанія (*τὰ νομιζόμενα τῶν γάμων*, nuptiarum solemnia justa) найдемъ и вѣнки (*στεφανώματα*) и кольцы обручальныя (annuli) и покрывала (flammea), соединеніе рукъ (junctio dextrarum), свѣчи, или свѣточи (faces nuptiales), свадебные дары (*ἀνακαλυπτήρια*, dona nuptialia) и пр. Самая Венера, покровительница бракамъ, прозывалась Suada и Babia (6): слова столь близкія къ нашимъ *свадьба* и *баба*. Употребительное въ старинѣ у Русскихъ осыпаніе новобрачныхъ хмѣлемъ, хлѣбными сѣменами и деньгами извѣстно было у Грековъ, Римлянъ и древнихъ

(5) *Herodot.* I, 191.

(6) *I. Sauberti* de sacrificiis veterum, Lugd. Bat. 1699, въ 12. — Wachsmuth's Hellen. Alterthumskunde. Th. III. Halle, 1830, in 8.

Пруссовъ (7). Въ Аѳинахъ, такъ какъ бывало въ Россіи до XVIII вѣка, въ продолженіи первобрачной ночи одинъ изъ родственниковъ, вооруженный (*θυρωρὸς*) охранялъ брачную храмину. *Ключь* у Римлянъ, древнихъ Нѣмцевъ и Русскихъ при свадебныхъ обрядахъ служилъ символомъ хозяйской власти, какая предоставлялась женѣ вмѣстѣ съ врученіемъ онаго (8). У первыхъ тогда приносилась въ жертву Юнонѣ *свинья;* донынѣ въ нѣкоторыхъ Губерніяхъ Великоросс. *свиная голова* бываетъ главнымъ блюдомъ на брачномъ пиршествѣ.

Русской свадебный *каравай*, какъ важнѣйшій символъ бракосочетанія, если бы и не сходствовалъ по созвучію съ древнимъ обрядомъ Римлянъ confarreatio, по крайней мѣрѣ близокъ къ послѣднему самымъ предметомъ; ибо у нихъ новобрачные при торжественномъ бракосочетаніи должны были вкушать пирогъ, сдѣланный изъ муки, воды, соли и меда. — Сниманіе сапога съ кого либо значило въ древности покорность, униженіе. Дочь Полоцкаго Князя не захотѣла *разуть* В. К. Владиміра. Въ Германіи при Люперѣ существовалъ

(7) *Thorlacii* Antiqq. borcales. IV, p. 208.

(8) Handbuch der Germanischen Alterthumskunde, von Dr. *G. Klemm.* Dresden. 1836, in 8.

обычай снимать въ первую ночь брака у молодаго сапогъ съ ноги и класть его на небо поспели въ знакъ господства (9). Герберштейнъ и Олеарій свидѣтельствуютъ, что при нихъ въ Москвѣ, даже на Княжескихъ и Боярскихъ бракахъ, наблюдался обычай разуванія и проекрашное удареніе плетью, которую вмѣстѣ съ гостинцами клали въ ларчикъ. Обрядъ сей продолжался въ Литвѣ до Ягеллона и донынѣ сохраняется въ крестьянскомъ быту (10).

Куничное или *куница*, упоминаемая въ старыхъ свадебныхъ обычаяхъ, вѣроятно есть памятникъ Норманскихъ налоговъ, и происходя отъ слова *kona*, *kuna*, женщина, значитъ сборъ съ новобрачныхъ крестьянъ. *Куница* еще осталась, какъ ниже увидимъ, въ свадебныхъ пѣсняхъ. Въ южнорускихъ пѣсняхъ невѣста уподобляется *черной кунѣ*, а женихъ соболю. У Литовцевъ, у Рускихъ и даже во всей Европѣ извѣстно было Cunagium, Panienskie, *дѣвичье*, *куничное*, *свадебная куница* — родъ окупа за дѣвицу: что̀ не было ли остаткомъ языческихъ обычаевъ, или зна́комъ владѣльческаго права господина

(9) *I. G. Graevii* Thesaurus Antiquitatum Romanarum. Traj. ad Rhen. 1694—99, f.

(10) Lud Polski p. *L. Gołębiowskiego*, Warsch. 1830, in 8.

надъ крѣпостною? Въ послѣдствіи право сіе перешло отъ господъ къ церкви, которая въ Литвѣ ввела обычай наказывать публичнымъ покаяніемъ дѣвицъ, нарушившихъ цѣломудріе: ихъ сажали при дверяхъ приходской церкви на желѣзныя цѣпи, кои назывались *куницами* и *купами*. Донынѣ въ Новгородскомъ уѣздѣ и въ Нацкой парафіи (приходѣ) вечеръ предъ вѣнчаніемъ, слыветъ *кунигованіемъ*.

Въ Язычествѣ у Литовцевъ, въ первый день бракосочетанія мужъ раздиралъ принесенную ему къ постели жареную перепелку и часть оной давалъ ѣсть женѣ своей. У Нѣмцевъ, въ средніе вѣка, подавали новобрачнымъ жареную курицу, которая называлась *братиною* или *любовною* (11). Такую же курицу жареную (куря вечернее) въ первый день подносили новобрачнымъ у Рускихъ, ка́къ видно изъ описанія старинныхъ свадебъ, съ XV вѣка. Надѣваніе на новобрачную кокошника, или *кокуя*, или кики, раздѣленіе косы на двѣ, и заплетаніе ихъ, повидимому, заимствовано Рускими отъ Татаръ, какъ значится изъ свидѣтельствъ Плано Карпина и Бруина; впрочемъ Я. Гриммъ пишетъ, что у древнихъ Нѣмцевъ новобрачная

(11) Origines du droit français, par *M. Michelet*. Paris, 1837, in 8.

не распускала волосъ, но связывала ихъ на головѣ, которую покрывала чепцомъ: отсюда и выраженіе im Schleier, unter der Haube (12). Тертулліанъ въ книгѣ de veland. virgin. свидѣтельствуетъ, что у язычниковъ жены приводились къ мужьямъ *покровенныя* (velatae). Nuptiae собственно значитъ обрядъ покрыванія, отъ nubere, покрывать. Что *повойникъ* въ Рускихъ простонародныхъ обрядахъ свадьбы, то же почти самое у новыхъ Грековъ ζαβόνι. Вскрываніе новобрачной стрѣлою напоминаетъ намъ Норманскіе и Франкскіе символическіе обычаи: у Лонгобардовъ стрѣла была знаменіемъ свободы. Мытье въ банѣ предъ вѣнчаніемъ и послѣ онаго, постиланіе ржаныхъ сноповъ вмѣсто постели и сажаніе молодыхъ на мѣху, также и другіе обычаи, должны быть народными; они наблюдались въ Царскихъ и Боярскихъ и доселѣ наблюдаются въ простонародныхъ свадьбахъ, какъ прообразованіе изобилія. Съ введеніемъ Европейскихъ обычаевъ Петромъ I, многіе Рускіе старинные обычаи уничтожились и между прочимъ вскрываніе молодыхъ запрещено указомъ. При немъ старинная свадьба обращена была въ потѣху,

(12) Deutsche Rechtsalterthümer, von *J. Grimm*. Gotting. 1828, in 8. Тамъ же levatio, стр. 433.

какъ видно изъ описанія свадьбы Папы и шута Шанскаго (13).

Свадьбамъ предшествуютъ святошныя, семицкія, и купальскія гаданія; и всѣ обряды свадебные сопровождались разными примѣтами и предосторожностями отъ порчи и колдовства, какихъ особенно опасались при етомъ случаѣ: для сего приглашались *знахари*, охранявшіе молодыхъ отъ всякой порчи. Въ свадебныхъ обрядахъ, донынѣ совершаемыхъ у простолюдиновъ и даже въ мѣщанствѣ и купечествѣ, сохранились отъ древняго быта: названіе молодыхъ *Княземъ и Княгинею*, *Княжій пиръ*, *Княженецкій столъ*, *Тысяцкіе*, *Бояре*, *Сваты* и т. п. У Франковъ встрѣчается нашъ *дружко* подъ именемъ Druchte, въ значеніи поѣзда и товарища, какъ видно изъ Салійскихъ законовъ: ето тоже, что у Еллиновъ πάροχος (14).

(13) Свадьба ета выгравированная, на картинѣ 1702 г. на листѣ, доставлена мнѣ Г-мъ Ю. Н. Бартеневымъ. Надпись не етомъ любопытномъ изображеніи слѣд: „Описаніе свадьбы остроумноліотнаго Θеоθилакта Шанскаго, который Державнѣйшаго Великаго Монарха многоутѣшныі шутъ і смѣхотворецъ, бывшеі ‡АѰВ, Февраля 2.“

(14) L. Salica, t. 14, c. 10: Puellam sponsatam *druchte* ducente ad maritum adsalierit. Geschichte des salischen Gesetzes, von T. D. Wiarde. Brem. 1808, in 8.

Свадебныя пѣсни, извѣстныя въ Россіи издревле, какъ выше упомянуто, употребительны были у Грековъ (ὑμένες, ἐπιθαλάμια), у Римлянъ, также у Готовъ; у первыхъ дѣвицы пѣли ихъ до полуночи близь дверей спальни новобрачныхъ (15). Рускія епиѳаламы, нерѣдко проникнутыя глубокими и умилительными чувствами, сопровождаютъ всѣ акты ея семейной драмы; каждому дѣйствію соотвѣтствуетъ особенная пѣсня: сговору, дѣвишнику, величанью и пр. д. Онѣ содержатъ въ себѣ приготовленіе къ исполненію обязанностей жены и хозяйки, изображеніе замужней жизни съ ея горестями и заботами, радостями и надеждами — описываютъ переходъ изъ дѣвическаго состоянія въ замужнее, изъ рукъ и дома родителей въ руки и домъ мужа, нерѣдко изъ родной въ чужую, дальную сторону; ибо для невѣсты Руской въ старину женихъ былъ *суженый*, который избирался волею родительской и для невѣсты былъ *судьбою*, и самый обрядъ вѣнчанія называется *судомъ Божіимъ* Въ сихъ пѣснопѣніяхъ остались еще непроснывшіе слѣды древняго быта народнаго: онѣ воспоминаютъ намъ миѳическаго Ладо, Тура и припѣвъ Леля, Си-

(15) *Ovidii* fast. III, 695. Inde joci veteres obscoenaque dicta canuntur.

нее море, горючь камень, терема и свѣтлицы, калиновые мостки, дубовые столы, скатерти браныя, караваи, перепечи, сахарныя яствия, гривны, и пр. Свадебныя пѣсни, выражая мѣстность и духъ народа, бываютъ различны; такъ на пр. въ Псковской Губ. въ Торжкѣ, онѣ корятъ невѣсту предъ женихомъ:

„Намъ чиль бы Василисчишка во тре ъ шубахъ!
Ажно она беременна,
Ты несешь ли люлечку,
Ты ведешь ли нянечку?
Оглянись-ка назадъ,
Полюбовники стоятъ,
Да по граматкѣ держатъ (14).

Какъ при похоронахъ и поминкахъ, такъ и при свадебныхъ обрядахъ у простолюдиновъ остались *причитанія* съ вышьемъ. Въ Дѣвишникъ, называемый въ Верховажскомъ посадѣ *Сватаньемъ*, невѣста, закрытая фатою, среди дѣвицъ, садится на возвышенное мѣсто съ искусною причипальщицей и начинаетъ причитать, т. е. напѣвнымъ голосомъ дѣлаетъ приличный причетъ отцу и матери, брать-

(14) Абевега Рускихъ суевѣрій, сочин. М. Ч. Москва, 1796, въ 8.

ямъ, сестрамъ и всѣмъ родственникамъ, прощается съ отчиною своей, если ее выдаютъ на чужбину, и съ подругами, приговаривая, что она выходитъ изъ ихъ круга, и пр. д.

Кромѣ пѣсенъ, на свадьбахъ у знатныхъ людей и Государей играли въ трубы и сурны, какъ видно изъ описанія свадебъ въ XVII вѣкѣ (15) и изъ народной пословицы: *Съ трубами свáдьба и безъ трубъ свадьба.* Царь Алексѣй Михайловичь, во время бракосочетанія своего съ Наталіею Кириловною, велѣлъ, вмѣсто трубъ и органовъ, пѣть своимъ Государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ спаницамъ попеременно, строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ періодей другія вещи, со всякимъ благочиніемъ. Совершеніемъ церковнаго обряда оканчиваются пѣсни и главные обряды свадьбы.

Не входя въ подробности описанія старинныхъ Русскихъ свадебъ, изданныхъ вмѣстѣ съ пѣснями Г-мъ Сахаровымъ, мы здѣсь представимъ двѣ свадьбы въ Костромской Губерніи; списанныя съ натуры и почерпнутыя

(15) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ Г. *Успенскаго*, ч. I, изд. 2. Харьковъ, 1818, въ 8.

изъ записокъ Князя А. Д. Козловскаго и М. Я. Діева, онѣ могутъ послужить дополненіемъ къ прекрасному изображенію свадьбы въ Московской Губерніи Г-мъ Профессоромъ П. И. Страховымъ (16), и въ Сибири, издан. въ М. 1837 г. См. Записки и замѣчанія о Сибири. Къ нимъ приложимъ пѣсни свадебныя въ Кинешмѣ и Осташковѣ: первыи собраны на мѣстѣ Г-жею А. Ѳ. Кондратьевой, а другія Г-мъ Суворовымъ.

(16) Ученыя Записки II. Моск. Университета, ч. XII. 1836 г. въ 8.

ДЕРЕВЕНСКІЯ СВАДЬБЫ (1).

1.

Изо всѣхъ лицъ, участвующихъ въ свадьбѣ, дѣятельное или хлопотливое лице представляетъ Дружка. Онъ распоряжаетъ всѣмъ, что только принадлежитъ къ свадьбѣ. Когда все готово, ѣдетъ ко всѣмъ роднымъ и гостямъ обѣихъ сторонъ; онъ имени родителей невѣсты и жениха, зоветъ въ гости, привѣтствуя слѣдующимъ наговоромъ:

Бьютъ челомъ, бачка *такой-то*,
Бьютъ челомъ, мачка *такая-та*,
Къ новобрачному Князю,
Къ молодой Княгинѣ,
Хлѣба кушати.

Когда Дружка объѣдетъ всѣхъ и приготовитъ весь поѣздъ, со стороны жениха къ невѣстѣ собранный; то первоначально обращается къ отцу и матери, говоря:

(1) Въ сель Борщевѣ на Волгѣ въ Нерех. у.

Есть! сватушка коренной и сваханька коренная!
Вы сродниковъ созывали,
Хороброй поѣздъ собирали,
Новобрачнова Князя снаряжали,
Въ цвѣтно платье одѣвали,
За столы дубовые сажали:
За столами за дубовыми,
Сидятъ гости собранные,
Пьютъ, прохлажаются,
Храбрымъ поступомъ похваляются:
У тебя де, сватушка, на дворахъ на широкіехъ
Стоятъ кони запряженые,
Во дорожиньку припасенные,
Стоятъ кони, поминаются,
Съ широка двора порываются,
Новобрачнова Князя дожидаются.
Новобрачной Князь собирается,
Во цвѣтно платье одѣвается,
Стоитъ на рѣзвыхъ ногахъ,
Проситъ родительскаго благословенья,
Благословите, сватушко, свое дитя,
Изъ мѣста встать,
Святымъ помолиться!
Благословляйте!
Изъ за столовъ иттти изъ за дубовыхъ,
Изъ заскатертей изъ за браныхъ,

Изъ за ѣствицевъ изъ за сахарныхъ,
Изъ за питьицевъ изъ за медвяныхъ,
По горенкѣ итти по новой,
Черезъ порогъ переступить,
По мосту по калиновому,
По лѣсенкѣ по брусчатовой,
Широкимъ дворомъ итти,
Ко добру коню притти,
На добра коня садиться,
Съ широка двора съѣзжать,
Гладкой улицей проѣзжать,
Въ чистое поле выѣзжать,
По лугамъ ѣхать по зеленымъ,
По цвѣтамъ по лазоревымъ.
Цвѣтки разцвѣтали,
Поднебесныя пташки распѣвали,
Новобрачнова Князя увеселяли:
Ѣдетъ де нашъ новобрачной Князь
По свою новобрачну Княгиню,
Сужену взять, ряжену взять,
По Божьему велѣнью,
По Царскому уложенью,
По господскому приказанію,
По мірскому приговору.

Благословляйте!

Конча сей наговоръ, обращается къ гостямъ:

Ешта, добрые люди!
Гости полюбовные!
Званые и незваные!
Усатые и бородатые!
Холостые, неженатые!
У воротъ приворотнички!
У дверей притворнички!
По полу ходячи,
По середѣ стоячи,
Изъ куша по лавкѣ,
По кривой по скамейкѣ!

Благословляйте!

Потомъ увидя молодыхъ женщинъ, говоритъ къ нимъ:

Молоды молодки!
Хорошія походки,
Куньи шубы,
Соболиные пухи,
Съ поволоками глаза,
Съ помахи голова,
Золоты кокошки,
Серебряны сережки,
Дочери отецки,
Жоны молодецки!

Благословляйте!

Послѣ сего Дружка, вставъ, привѣтствуетъ дѣвицъ:

Красныя дѣвицы!
Пирожныя мастерицы,
Чосаныя головы,
Обитыя голени,
Криночныя блудницы
Смѣтанку снимали,
Кокурки мѣсили,
Подъ застрегъ хоронили,
Пастушковъ дарили!

Благословляйте!

Наконецъ Дружка, обратясь къ малымъ ребятамъ, говоритъ:

Еста! малые ребята!
Свиные . . . . .!
Кривые желудки,
Жимолостныя ноги,
Брюховичныя рожи,
. . . . . .
. . . . . .

Благословляйте!

Потомъ Дружка ѣдетъ съ женихомъ къ невѣстѣ; не доѣхавъ до селенія, въ которомъ живетъ она, оставляетъ поѣздъ въ полѣ, а самъ съ подружьемъ пріѣзжаетъ на дворъ къ сватту. Онъ ихъ встрѣчаетъ съ пивомъ. Дружка, принявъ пиво, говоритъ:

Еста! Сватушка коренной!
Я иду самъпретей съ ковшомъ,
Рѣзвы ноги съ подходомъ,
Бѣлы руки съ подносомъ,
Ковшикъ съ питьемъ,
Голова съ челобитьемъ:
Ковшикъ тебѣ принять да пить,
Послѣ тово здоровью быть
Въ ручки, въ ножки,
Въ буйну голову,
Въ решиво сердечко.
Ковшикъ прими, да выкушай,
А меня, шамъ въ горницѣ,

Выслушай!

Взойдя въ горницу, говоритъ:

Еста! Сватушка и Свахонька коренные!
Нашъ Сватъ и Сваха приказали про васъ
распросить,
Про свое разсказать:
Нашъ Сватъ и Сваха добры и здоровы
По сяковъ день и по сяковъ часъ.
Какъ васъ Богъ несетъ?

Потомъ Дружка присядетъ на нѣсколько минутъ за столъ. Вставши, берётъ пиво и потчуетъ Свата, повторяя сказанный предъ симъ приговоръ и прибавя къ нему просьбу, чтобы поскорѣе собрать невѣсту. Послѣ сего,

по соизволенію отца, сажаетъ невѣсту за столъ, и поднося Свапу пива, проситъ, чтобы онъ далъ невѣстѣ спража; етотъ спражъ сидитъ подлѣ невѣсты, до пріѣзда женихова. Когда все сіе сдѣлаетъ, вставъ съ мѣспа, говоритъ Дружка:

Еста! Сватушка, я Дружка съ подружьемъ
Пріѣхалъ къ тебѣ на широкій дворъ,
Широки дворы осматривалъ,
Новы стойлицы опрастывалъ,
Добра коня въ путь поворачивалъ,
За точеные столбы привязывалъ.
Ваша милость встрѣчали,
Въ нову горницу звали.
Я ходилъ въ нову горницу,
Богу помолился, съ вашей милостью поклонился;
Ваша милость встрѣчали,
За дубовые столы сажали;
Посидѣлъ, погостилъ,
Что надо себѣ получилъ.
Новобрачну Княгиню за столъ посадилъ,
Не такъ просто уѣзжалъ,
А сторожа оставлялъ,
Богу помолился,
Съ вашей милостью прощался
Изъ новы горницы выходилъ,
На новой дворъ выступалъ,

Къ добру коню приходилъ,
На добра коня садился,
Съ широка двора съѣзжалъ,
Широкія улицы проѣзжалъ,
Въ чисто поле выѣзжалъ,
Храброй поѣздъ свой искалъ.
Мой храброй поѣздъ
Стоитъ въ чистомъ полѣ задалече,
За темными лѣсами,
За зелеными лугами,
За черными грязями,
За быстрыми рѣками,
Подъ ходячими облаками,
Подъ чистыми звѣздами,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Подъ свѣтлымъ мѣсяцемъ,
Подъ лебединымъ крылышкомъ,
Подъ полотнянымъ шатеркомъ:
Пьютъ, ѣдятъ изъ чаши медвяной,
И хваля про Сватa выспрашиваютъ:
Естьли-сша дворы широкіе,
На дворахъ столбы точеные,
Кольца золоченые
Ясли крашеные,
Ковры шелковые?
Ну, Сватушка! у меня ѣдетъ великъ поѣздъ.
Сто вершниковъ,
Пятьдесятъ тележниковъ.

А рюмочку поднесёшь, такъ и убавлю; а другую поднесёшь, такъ половину убавлю; а третью поднесёшь; такъ самъ о себѣ пріѣду.

Сватъ привѣтствуетъ, говоря: „что онъ всѣхъ радъ принять. Послѣ сего отправясь, дружка за женихомъ, привозитъ его къ невѣстѣ. Сватъ встрѣчаетъ, сажаетъ за столъ. Послѣ дружка, вставши, говоритъ:

Есть, сватушка коренной!
И Свахонька коренная!
Благословляйте новобрачнова Князя
Съ новобрачной Княгиней,
Изъ мѣста встать,
Богу помолиться,
Добрымъ людямъ поклониться,
У отца и матери благословиться;
Изъ за столовъ итти изъ за дубовыхъ,
Изъ за скатертей изъ за браныхъ
Изъ заѣстьецевъ изъ за сахарныхъ,
Изъ за питьицевъ медвяныхъ;
По горенкѣ итти по новой,
Черезъ порогъ переступить,
По мосту по калиновому,
По лѣсенкѣ по брусчатой,
Широкимъ дворомъ итти,
Къ добрымъ конямъ притти,
На добрыхъ коней садиться,

Съ широка двора съѣзжать,
Гладкой улицей проѣзжать,
Ѣхать по чистымъ полямъ,
По зеленымъ по лугамъ,
По лазоревымъ цвѣтамъ;
Цвѣтки разцвѣтали,
Поднебесныя пташки распѣвали,
Новобрачныхъ увеселяли.
Ѣдетъ новобрачный Князь
Съ новобрачной Княгиней,

Ко вѣнчанію,

Подъ вѣнцемъ стоять,
Законъ Божій принять,
Суженую взять,
Ряженую взять,
По Божьему повелѣнью,
По Царскому уложенью,
По господскому приказанью,
По мірскому приговору.

Благословляйте!

Теперь Дружка повторяетъ порознь ко всѣмъ тѣже наговоры, которые говорилъ, когда должно было ѣхать къ невѣстѣ. Когда же возвратятся отъ вѣнчанья въ домъ, посидя за столомъ и конча оный, дружка встаетъ и говоритъ:

Есть, Сватушка коренной,
И Свахонька коренная!
Благословляйте своихъ дѣтей
На подклеть итти,
Подъ шубой спать,
Подъ куньей спать,
Кунью шубу къ ногамъ топтать
.....
Здоровенько спать,
Веселенько встать.

Потомъ перебравъ симъ приговоромъ всѣхъ, тутъ бывшихъ, симъ оканчиваетъ всю церемонію деревенской свадьбы.

II.

Въ Нерехтѣ, послѣ сговора, къ невѣстѣ собираются ея подруги и гостятъ у нея до самаго брака; свадьба тѣмъ славнѣе, если много такихъ гостей; иногда ихъ гоститъ дѣвицъ до шестнадцати. Въ деревняхъ къ сговоренкѣ каждый день также сходятся подруги въ посидѣлки.

Дѣвицы, гостя у невѣсты, за двои сутки до брака, при пѣніи свадебныхъ пѣсенъ, крошатъ лапшу. Въ ето же время, собравшись къ жениху, сродницы также крошатъ лапшу, посылаютъ три замѣшенные колоба на блюдѣ съ повареей къ невѣстѣ, у которой дѣвицы разсучивши и искрошивъ ихъ въ лапшу, на томъ же блюдѣ обратно отсылаютъ къ жениху, съ дарами ближайшимъ его сродникамъ. При чемъ поварею женихову у невѣсты даряпъ. Лапшею, накрошенною отъ сихъ трехъ колобовъ, молодыхъ кормятъ послѣ вѣнца, на крутильномъ столѣ.

Если невѣста сирота, то въ провожаніи подругъ, ночью за день до брака, она ходитъ на кладбище прощаться съ родителями; помолившись на могилахъ ихъ, наконецъ она приговариваетъ: *родимые батюшка и матушка, не надо ни злата, ни серебра: прошу родительскаго благословенія!* Въ селахъ, на могилы ходятъ прощаться тогда, какъ женихъ и невѣста пріѣдутъ вѣнчаться: тогда дружка съ вѣнчальными иконами имъ предшествуетъ.

Въ Нерехтѣ, на-канунѣ вѣнчанія, сродники собираются къ жениху, также и къ невѣстѣ, провожать ихъ въ баню, которую топитъ у жениха мущина, а у невѣсты одна изъ подругъ; какъ тотъ, такъ и сія въ то время называются дружкою. Передъ тѣмъ, какъ невѣстѣ надобно итти въ баню, у стола, покрытаго скатертью, на которомъ поставлены хлѣбъ, солонка съ солью и стаканъ квасу, отецъ и мать благословляютъ ее иконами; потомъ невѣста подчиваетъ каждаго изъ сродниковъ, которые отдариваютъ ее за то деньгами; послѣ того имъ подноситъ дѣвица-дружка, которой на подносъ также кладутъ деньги. Наконецъ подруги невѣсту ведутъ въ баню, гдѣ она подноситъ по рюмкѣ своимъ подругамъ, которыя также ее даряютъ, потомъ

подноситъ имъ дѣвица-дружка, которую также отдариваютъ. На закуску ставятъ тогда опѣкуши (такъ называются толстые блины на дрождяхъ) и большой пряникъ. Въ это время Дружка поддаетъ на каменку пивомъ, вѣря, что брачившіеся будутъ сладко жить. Тогда какъ паится Невѣста, нѣкоторыя изъ подругъ передъ банею бьютъ въ заслонъ. Между тѣмъ сродники въ домѣ обѣдаютъ, а послѣ бани, Невѣста обѣдаетъ съ подругами. Съ такими же обрядами провожаютъ и Жениха въ баню.

Въ Нерехтѣ, въ вечеру наканунѣ же брака, прежде нежели Женихъ съ сродниками придетъ въ домъ невѣстинъ на пиръ, называемый *Дѣвишникъ*, Дружка приноситъ отъ жениха невѣстѣ зеркало, покрытое салфеткою, и сундучекъ, въ который кладутъ чулки съ башмаками, гребенку, ленты, бѣлила съ мазилами и разные госпинцы. Въ это время за невѣстою сидитъ дѣвочка, тогда называемая *засѣдщицею*, которой дружка подноситъ стаканъ меду или пива; когда она выпьетъ, то подаетъ ей на подносѣ деньги, приговаривая: „просимъ мѣсто опорожнить.“ Этотъ обрядъ называется: *продать косу*. Достойно примѣчанія, что въ зеркало, принесенное отъ жениха, не смотрятся невѣста и прочіе дотолѣ, какъ будутъ соби-

рать ее къ вѣнцу. О косѣ невѣстиной дѣвицы поютъ слѣдующую свадебную пѣсню:

Коса моя, косонька,
Русая коса!
Вечеръ тебя, косонька,
Матушка плела,
Златомъ и серебромъ увивала, 1)
И крупнымъ жемчугомъ унизала.
По утру ранепько
Пріѣхала сваха невѣжливая,
Зачала мою косу рвать, порывать,
Злато и серебро все оборвала,
И крупной весь жемчугъ осыпала,
И на-двое косоньку раздѣлила.

Послѣ Дѣвишника женихъ подноситъ невѣстѣ на тарелкѣ ключи отъ сундука, принесеннаго дружкою. Жениховыми подарками подруги наряжаютъ ее къ вѣнцу.

Ночью передъ бракомъ женихъ спитъ впереди, подъ св. иконами, за сполома, по-

1) Обычай вплетать дѣвицамъ въ косу плетешекъ, къ которому обыкновенно привязываютъ ленту и мишурную кисточку, досель соблюдается въ деревняхъ около Нерехты, даже и въ Нерехтѣ, и кажется, онъ перешелъ къ намъ отъ Татаръ. Бруинъ, описывая, въ путешествіи своемъ по Россіи, костюмъ Астраханскихъ Татарокъ, говоритъ, что онѣ волосы у себя заплетаютъ, по большей части, черною лентою, и что на косѣ у нихъ висятъ двѣ толстыя кисти. Примѣч. М. Я. Д.

крытымъ скатертью, на которомъ положены хлѣбъ, солонка соли и стаканъ квасу. Тоже дѣлаетъ и невѣста.

Поутру передъ бракомъ сродники и знакомые присылаютъ какъ къ жениху, такъ и къ невѣстѣ хлѣбъ-соль — калачи и мясо, а нѣкоторые водку. Отъ жениха къ невѣстѣ посылаются также калачи и солонка съ солью. Такую же хлѣбъ-соль съ солонкою посылаютъ взаимно отъ невѣсты къ жениху. Съ сею солонкою новобрачныхъ встрѣчаютъ отъ вѣнца. Около Солей Галичскихъ, Кологрива и Галича, какъ скоро обвѣнчаютъ, Дружка ѣдетъ верхомъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ по́ѣзда и при встрѣчѣ всѣмъ кланяется, а въ деревняхъ привѣтствуютъ встрѣчныхъ словами: „Милости просимъ къ нашему Князьку и Княгинѣ сегодни хлѣба ѣсть!“ Въ той же сторонѣ, по мѣстамъ, когда по́ѣздъ ѣдетъ вечеромъ, предъ каждою деревнею жгутъ солому; и тамъ Свахи съ первыхъ саней надѣляютъ пирогами, а въ церкви оставляютъ причетникамъ нѣсколько короваевъ. Въ Буевскомъ уѣздѣ, при встрѣчѣ новобрачныхъ отъ вѣнца, отецъ или мать кидаетъ имъ въ лице соль; а въ Касимовскомъ уѣздѣ, когда пріѣдетъ послѣ вѣнчанья въ домъ къ молодому новобрачная, онъ слегка ударяетъ ее плетью по спинѣ,

троекратно, для того, чтобы она забывала прежнихъ жениховъ, отвыкала отъ родителей и боялась мужа.

Предъ тѣмъ временемъ, какъ въ Нерехотской сторонѣ собираютъ Невѣсту къ вѣнцу, она даритъ своихъ подругъ бѣлилами и мазилами, и дѣлитъ имъ гостинцы, принесенные наканунѣ Дружкою. Потомъ одна изъ подругъ, перекрестясь, расплетаетъ ей косу, а косоплетину беретъ себѣ. Невѣста обыкновенно тогда плачетъ, также и подруги. Какъ поведутъ къ вѣнцу, она благодаритъ родителей за хлѣбъ за соль, съ выпьемъ и причетами.

Какъ скоро молодую приведутъ отъ вѣнца въ домъ: то прежде всего ее *крутятъ*, что дѣлается слѣдующимъ образомъ: вѣнчальныя зажженныя свѣчи прилѣпляютъ къ стѣнѣ, подлѣ нихъ сажаютъ новобрачныхъ на овчину, сваха женихова заплетаетъ косу съ одной, а невѣстина съ другой стороны; косы же въ то время плетутъ внизъ подъ руку; наконецъ, заплетши волосы въ двѣ косы, надѣваютъ на молодую оповойникъ или кокуй (2); съ того времени женщина

(2) То же почти кика.

почитаетъ за грѣхъ показывать непокрытую голову, даже при родныхъ она стыдится снять сей оповойникъ, или опростоволоситься (3). Окрутивши молодую, противъ того мѣста, гдѣ она сидитъ, ударяютъ въ стѣну бревномъ, чтобы отбить сердце, т. е. чтобы молодая не была въ житьѣ сердитою; потомъ новобрачнымъ собираютъ обѣдъ, который называется *крутильнымъ*; тогда подаютъ на столъ хлѣбъ, съ которымъ вспрѣчали молодыхъ; по сей причинѣ и хлѣбъ епотъ называется *крутильнымъ*. Послѣ стола дѣлаютъ общій пиръ для всѣхъ сродниковъ жениховыхъ и невѣстиныхъ; на оный приглашаются и сосѣди.

Почитается неучтивостію новобрачнымъ (равно и сговореннымъ) ѣсть на пиру за столомъ; а потому и въ епотъ день, послѣ

(3) Не болѣе 20 лѣтъ тому назадъ, какъ женщины въ Нерехтѣ начали разчесывать на головѣ проборъ. Нѣкоторые мужья съ большимъ трудомъ принудили своихъ женъ выказывать изъ подъ плата волосы. Прежде женщины на лбу волосы подъ оповойникъ зачесывали гребнемъ для того, чтобы не могли увидѣть и примѣтъ, какого цвѣта ихъ волосы.

пира, когда съ подклѣта они проводятъ сродниковъ, имъ собираютъ особый ужинъ, послѣ котораго, пришедши спать на подклѣть или въ сѣнникъ, также сельникъ, молодая разуваетъ молодаго, который за ето кладетъ ей въ сапогъ деньги.

Поутру, на другой день, Дружка истопивъ баню, приглашаетъ париться, первоначально молодыхъ, потомъ сродниковъ молодаго; за ето молодая въ подарокъ Дружкѣ оставляетъ въ банѣ полотенце, разкинувши его на кадкѣ. Послѣ бани угощаютъ обѣдомъ сродниковъ молодаго кушаньями и напитками, принесенными изъ дома невѣсты, причемъ она ихъ даритъ — свекра и свекровь рубахами, а прочихъ платками.

На ужинѣ, когда молодой приходитъ къ тестю съ молодою со здоровьемъ, подаютъ на столъ начиненые яицами блины, у коихъ концы искусно перепутаны и скрыты; молодой, не разрѣзывая блины, долженъ ихъ распутать.

Бракъ почитается счастливѣе и веселѣе, если много разобьютъ посуды; нѣкоторые нарочно для сего бьютъ стаканы, рюмки и тарелки.

Сіи обычаи соблюдаются въ Нерехтѣ; но въ деревняхъ при бракахъ онѣ нѣсколько различны. Здѣсь крестьяне за невѣсту платятъ деньги; цѣна сія возвышается иногда до пяти сотъ рублей. Етотъ *калымъ* (такъ называютъ Нерехтичане условленную цѣну) берутъ какъ бѣдные, такъ и богатые, почитая за безчестіе отдать дочь безденежно. Женихъ до брака самое угощеніе въ домѣ невѣсты долженъ дѣлать отъ себя, кромѣ пищи, которая иногда доставляется отъ него же. По пріѣздѣ къ невѣстѣ, въ каждый пиръ отъ жениха даютъ молодцамъ по штофу вина и по ведру пива, а отъ невѣсты кормятъ бабъ и дѣтей лапшою. Сверхъ сего, онъ долженъ угостить о Масляницѣ молодцевъ деревни молодой своей жены, также ея прежнихъ подругъ.

Къ свадебнымъ обычаямъ у крестьянъ можемъ отнести и то, что въ то время, какъ женихъ съ сродниками ѣдетъ на пиръ къ невѣстѣ, стараются, чтобы въ домѣ ея ворота были запворены и чтобы на дворѣ было тихо. Какъ скоро онъ подъѣдетъ къ дому, то Сватъ ея, который для сего ѣдетъ напередъ по́ѣзда, вбѣгаетъ на дворъ и отворяетъ ворота, въ которыя и въѣзжаетъ

весь по́ѣздъ. Тогда сродники невѣстины выходятъ на крыльце вспрѣчать жениха. Почитаютъ за безчестіе стоять лошадямъ на улицѣ.

Сколько бы ни была богата свадьба, крестьяне при столахъ никогда не употребляютъ тарелокъ и вилокъ, почитая ихъ ненужными: недавно только начали подавать полотенца, чтобъ утирать руки, а прежде обтирали ихъ объ полу или сапоги. На каждый пиръ у невѣсты привозятъ отъ жениха свой пирогъ, который кладутъ на невѣстинъ; оба пирога, такъ и всякое послѣ того кушанье рѣжетъ на весь столъ впереди Тысяцкій, а сидящій послѣ него раздаетъ на блюдцахъ (4). Должность Тысяцкаго всегда обыкновенно занимаетъ отецъ

(4) Обычаи, заимствованные предками нашими отъ Татаръ, во время ихъ владычества надъ нами, еще примѣтны у крестьянъ при самыхъ пирахъ ихъ. Жанъ дю Планъ Карпинъ, въ путешествіи своемъ къ Татарамъ, во время Батыя, говоритъ, что на пиру у Татаръ одинъ рѣжетъ, а другой раздаетъ рѣзаные куски, смотря по тому, сколько кого хотятъ попотчивать; что они не употребляютъ ни скатертей, ни салфетокъ: засаленныя руки обтираютъ объ сапоги; что платки для сего имѣютъ самые опрятные Татары.

крестный жениху. Когда благословляютъ св. иконами жениха или невѣсту, предъ тѣмъ какъ ѣхать вѣнчаться: тогда двери въ избу запираютъ, всѣ садятся, и посидѣвъ нѣсколько минутъ въ молчаніи, молятся и благословляютъ. По Невѣсту ѣздитъ самъ Женихъ съ своимъ по́ѣздомъ, который даритъ. Пищи же и напитковъ, какъ Женихъ, такъ и ближайшіе сродники тогда не употребляютъ, а говѣютъ до самаго брака. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ женихова мать вспрѣчаетъ новобрачныхъ въ шубѣ шерстью на выворотъ, а индѣ свекровь, надѣвъ шубу шерстью вверхъ, старается испугать молодую для того, чтобъ она ее боялась и почитала. Какъ скоро снимутъ вѣнецъ съ Невѣсты, тогда свахи голову у нея покрываютъ наметкою, потомъ крутятъ съ такими же обрядами, какъ и въ Нерехтѣ. Причемъ послѣ благословенія кокошника священникомъ, надѣваютъ оный на молодую, которая въ кокошникѣ и должна сидѣть, по крайней мѣрѣ, первый столъ; ибо употребленіе кокошника не болѣе какъ около десяти лѣтъ на́чало и въ деревняхъ выходитъ, и въ кокошникъ молодая нынѣ рядится еще объ Масленицѣ, когда катается съ молодымъ.

Въ одной изъ свадебныхъ пѣсенъ въ деревняхъ доселѣ поютъ:

А попу-то куницу, куницу,
А попадьѣ-то лисицу, лисицу,
А попову-ту сыну
Бумажечку синю (5).

---

(5) Здѣсь, кажется, разумѣется *вѣнечная куница*, которую въ старину предки наши платили за бракъ и о которой сказано у Г. *Успенскаго* въ Опытѣ Рускихъ Древностей, также въ Собраніи Государств. граматъ, часть I, стр. 411: „А мировая куница и свадебная имати по шести грошей, и со вдовы имати по томужъ, которая пойдетъ за мужъ.“ М. Я. Д.

III.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ ВЪ КОСТРОМСКОЙ ГУБ.

1. *Сговоръ.*

(Пріѣзжаетъ отецъ изъ города съ гостинцами отъ жениха, съ калачами. Невѣста начинаетъ выть, когда онъ въ дверь входитъ:)

Кормилецъ ты мой, батюшка,
Уже что вы долго гу́ляли,
Вы какіе купи закупали,
Не на меня ли красну дѣвицу,
Не на моюль дѣвью красоту,
Не въ мою то ли русу косу ленту алую?
Не спасибо, родной батюшка!
Запоручалъ меня горькую
За поруки-то.
Вы какимъ торгомъ торговали?
Не моей ли буйной головой?
Не прогнѣвайся, мой батюшко,
Что я тебя не встрѣтила

Среди двора широкова,
По конецъ моста калинова,
Двери на пяты не растворила,
Напротивъ креста не стояла!
Не за спѣсью, не за гордостью,
За своимъ горемъ за великiимъ,
За кручиною немалою;
Запоручалъ ты, сударь батюшка,
За поруки-то за крѣпкiя,
За грамоты за боярскiя.

—

(обращается къ подругамъ)

Вы подите-тка, подруженки,
Вы подите-тка, голубушки,
Вы подите, добро жаловать!
Не прогнѣвайтесь, подруженки,
Не прогнѣвайтесь, голубушки,
Что я васъ не встрѣтила
Посреди двора широкова,
Новы горенки не отворила,
Сопротивъ креста не стояла!
Не за спѣсью, не за гордостью,
Не за батюшкиной работушкой,
Не за матушкиной посылочкой,
За своимъ горемъ великiимъ;
Невзначай ко мнѣ горе прикачалось,
Рѣзвы ноги подгибаются,

Бѣлы руки опускаются,
Буйна головушка съ плечь ка́шится.
Вы подруженьки, голубушки,
Вы послушайте, подруженьки,
Что я вамъ буду го́ворить
Своимъ глупымъ разумомъ:
Ужъ растаютъ снѣги бѣлые,
Придетъ весна красная
Со лѣтечкомъ, со теплымъ,
Со праздникомъ со вешнымъ:
Вы подите-тко, мои подруженьки
Во лѣса гулять во темные,
Во луга-то во зеленые,
Во травоньки во шелковые!
Сорвите-тко, подруженьки,
Сорвите-тко мой цвѣтокъ,
Свейте для меня вѣнокъ,
Принесите мой вѣнокъ,
Ко родельницѣ, ко матушкѣ,
Положите на окошко!
Убери ты, моя матушка,
Убери тогда мой вѣнокъ
Во коробку во замочную,
Погодя, его посматривай —
Не привянетъ ли мой вѣнокъ,
Не присохнетъ ли мой животъ,
Во чужихъ людяхъ живучи,
У чужова отца, матери,
У незнама роду племени! —

Ужъ чужой отецъ и мать
Безъ жаленья уродилися:
На работушку будятъ ранехонько,
Со работы придешь позднехонько.

—

(Въ субботу, когда приходитъ сродникъ жениха съ пряникомъ, колабами (*), орѣхами и яицами, отъ невѣсты посылаютъ гостинцы, платки.)

Уже что я сижу, думаю,
Уже что я сижу, га́даю
Ужъ своимъ я глупымъ разумомъ,
У меня ли горе нечутко,
У меня младой горя круты горы,
Уже слезъ рѣки быстрыя,
Всѣ поля горемъ насѣяны,
Всѣ сады горемъ изнасажены;
Не дали-то мнѣ горькой,
Не дали-то мнѣ горемышной
Во дѣвушкахъ насидѣтися,
Со годами совершатися,
Съ умомъ съ разумомъ собратися,
Лице бѣлое понаполнити,

(*) Тѣсто прѣсное, замѣшанное на маслѣ, молокѣ, и сметанѣ.

Русу косыньку повыростить,
Алу ленточку доно́сити.

—

(къ снохѣ и къ брату)

Ты послушай-ко, мой милый братъ,
Со своей-то съ молодой женой,
Со моей милой невѣстушкой,
Моего глупова разума,
Моей просьбы горькія!
Не оставь-ка, милый братъ,
Кормильца моего, батюшка,
Радѣльщицу мою, матушку,
При ихъ старости, при ихъ древности!
Ты послушай-ко, милый братъ,
Со своей-то молодой женой,
Со голубушкой, моей невѣстушкой!
Не покиньте меня горькую,
Не покиньте горемышную,
На чужой дальной сторонушкѣ,
Вы нечастыми гостинцами,
А частымъ челобитьицемъ!

—

(поутру встаетъ и воетъ:)

Болѣзный ты, мой батюшко,
И радѣльщица, моя матушка!

Ты скажи-тко, мой батюшко,
Со пріятушкой со матушкой,
Что спалась ли вамъ темна ноченька?
А мнѣ-то горькой,
Мнѣ горемышной
Не спалася темна ноченька;
Не хорошъ мнѣ сонъ привидился —
Что вставали вѣтры буйные,
Со всѣхъ-то съ четырехъ сторонъ,
Уносили-то мою постелюшку
На чужую дальну сторонушку,
Ко чужому отцу матери,
Ко незнаму роду-племени.

—

(къ теткѣ)

Ты поди-тка, моя тетушка,
Ты поди-тко, добро жаловать,
Къ моему горю великому,
На мою свадьбу безсчастную!
Ты подумай со мной думушку,
Что думушку крѣпкую!
Я спрошу-то тебя безъ лести,
Ты скажи-тко мнѣ безо лжи:
Каково жить во чужихъ людяхъ?

—

(тетка отвѣчаетъ:)

Ты послушай, мое племячко,
Я скажу тебѣ по тайности:
Во чужихъ-то людяхъ живучи,
Много нужды напримаешься,
И холоду и голоду.
Ты носи платье, не складывай,
Ты терпи горе, не сказывай!
Рѣзвымъ ноженькамъ надо быть подходчивымъ,
Бѣлымъ рученькамъ подносчивымъ,
Буйной головѣ поклончивой,
Ретиву сердцу покорчиву,
Всѣмъ добрымъ людямъ привѣтливой
И на всяко дѣло смѣтливой.

—

(къ подругамъ, когда одѣвать спанутъ)

Вы скажите-тко, подруженьки,
Куда меня, подруженьки,
Куда-то вы меня собираете,
Наряднехонько наряжаете?
Не въ торги ли гулять на ярмонку?
Не въ луга ли во зеленые?
Не въ лѣса ли во темные?
Ужь и собираете вы меня, горькую,
Ко Божей-то ко церкви:
Ужъ надѣнутъ на меня златой вѣнецъ.

—

(къ Дружкѣ, когда свадьба ѣдетъ)

Не лѣса-то ли приклоняются,
Не вода ли приливается
У батюшкина у широкова двора,
У матушкиной у новой горенки?
Не гуси ли загóворили?
Заговорили добрые люди:
Сватушки пріѣзжіе,
А мои-то ли разлучники.
Не вершина въ избу клонится,
Идетъ друженька, Богу молится,
Всѣмъ добрымъ людямъ поклоняется,
Батюшкѣ съ матушкой покаряется;
Я не знаю тебя, друженька,
Ни имя твоего, ни отечества:
Не бери-тко ты меня, друженько,
За праву меня за рученьку;
Не веди меня, друженько,
За столы-то за дубовые,
За скатерти за браные
За ѣствы за сахарные!

—

(къ брату)

(Если сирота, то воетъ къ брату или сестрѣ.)

Уже вѣ-то гости съѣхались,
Одново-то гостя нѣтъ, какъ нѣтъ,

Родимова моего батюшки.
Не свѣтла-то ночь безъ мѣсяца,
Не красенъ день безъ солнышка,
Не весела свадьба безъ батюшки,
Безъ батюшки, безъ кормильца.
Ты вступись-ка, мой милый братъ,
Вмѣсто батюшки родимова!
Ты поди-тко на широкой дворъ,
Обсѣдлай-ко ворона коня,
Поѣзжай-ко къ Божьей церкви!
Ты взойди-тко на колоколенку,
Ты ударь-ко въ звонкой колоколъ,
Ты пусти-тко звонъ по сырой землѣ!
Разступися, мать сыра земля,
На четыре на сторонушки!
Ты раскройся гробова доска,
Распахнися бѣлъ тонкóй савáнъ,
Ты воскинь-ко, родной батюшко,
Ты своимъ-то очамъ яснымъ
На меня-то ли на горькую!
Подожми-тко, родной батюшко,
Ты подъ правую подъ рученку,
Ты скажи мнѣ, другъ мой, батюшко,
Всю правду ту великую!

—

(къ брату)

(Когда женихъ выкупаетъ у брата мѣсто подлѣ невѣсты.)

Ты послушай, мой милый братъ,
О чемъ я тебя буду про́сити,
Крѣпко на́крѣпко приказывать:
Не здавайся, милый братъ,
На слова́ на ласковы,
На поклоны на низкіе,
На чару зелена вина,
На казну и на золото!
Нахваляли-то мнѣ молодца:
Побѣлѣе снѣгу бѣлаго,
Поалѣе цвѣта алова.
Показался мнѣ молодецъ
Почернѣе чела чернаго,
Поблѣднѣе листа капустнаго.
Отходитъ лѣто красное,
Приходитъ зима студеная
Со морозами со лютыми,
Зазябнутъ рѣчи во́ сердцѣ.

—

(Невѣста воетъ)

Не садись-ко, доброй молодецъ,
Возлѣ меня, красной дѣвицы;
Не твое сто мѣстечко!
Ужъ твое-то мѣстечко,
Съ молодца-ми стоять за воротами
Ужъ мое-то ли мѣстечко,
У печки сидѣти подлѣ матушки.

—

(когда сядетъ женихъ)

Ужъ садись-ко, доброй молодецъ,
Не со спѣсью, не со гордостью,
Со Божьей милостью!
Ты бери-тко, чтобъ не каяться,
Чтобы жить-то мнѣ, не маяться.

—

(къ отцу и матери)

Ты, родимой батюшко,
Ты пой гостей до-пьяна,
Чтобы гости позапили,
Меня младу позабыли.
Ты родимой, милой братъ,
Поди-тко на широкой дворъ,
Осѣдлай коня ворона,
Поѣзжай во темной лѣсъ,
Сруби бѣлу березоньку,
Завали путь, дороженьку,
Чтобъ нельзя было проѣхати!
Ты родная моя тетушка,
Ты дари-тко моя, тетушка,
Ты дари гостей по́ряду!
Не дари-тко двухъ гостей,
Что перваго гостя не дари,
Друженьку ра́злученьку,
А другова гостя не дари,
По-правую который сидитъ по-рученьку!

Подаренъ добрый мо́лодецъ
Моей буйной головушкой.

—

(когда благословляютъ)

Не прошу я у тебя, батюшка,
Я ни злата, я ни се́ребра,
Ужъ прошу я у тебя, батюшка,
Благословеньица великаго!
Ужъ первую я ступень ступила,
Волю батюшкину заступила,
Ужъ другую ступень ступила,
Нѣгу матушки заступила.
По лѣсенкѣ, по брусчатой
Не шелко́вый клубъ катается,
Не фата-то ли разстилается?
Разстилается руса́ коса
По моимъ могучимъ плечамъ.
У батюшки на широкомъ дворѣ
Не яблонца ли сто́яла,
Не яблочкиль ро́нила;
Ужь стояла я, горькая,
Рони́ла горючи слезы
На матушку на сыру землю.

IV.

пѣсни свадебныя осташковскія.

№ 1.

Дорогая гостійка,
Свѣтъ Анна Михайловна,
Погости у батюшки,
У родимыя матушки!
Охти-жъ мнѣ не гоститься:
Мнѣ гостить съ вами хочется,
Не велитъ мнѣ родной батюшка,
Выдаетъ во чужи люди,
Во чужіе, незнакомые.
Какъ у батюшки пожито,
Попито и поѣдено
И въ красѣ погулено.
Какъ ходилъ, да разгуливалъ
Удалой доброй молодецъ,

Князь Иванъ Александровичь,
Онъ считалъ, пересчитывалъ
На дворѣ красныхъ дѣвушекъ,
У Аннушки подружекъ,
У Михайловны любимыхъ;
Онъ одной не досчитывался
Души-красныя дѣвицы,
Анны Михайловны.
Ужъ какъ ей же тушъ не было,
Ужъ какъ ей не случилося:
Въ терему засидѣлася,
Въ терему у батюшки,
Въ высокомъ у родимаго;
Она шила, вышивала
Ровно три ковра золотомъ.
Мнѣ первымъ ковромъ дарити
Богоданнаго батюшку,
А другимъ ковромъ дарити
Богоданную матушку,
А третьимъ ковромъ дарити
Ивана съ братьями,
Александровича съ полчанами,
И со всѣмъ его по́ездомъ.

№ 2.

Свѣчка въ фонарчикѣ яснешько горитъ,
Ярова вощечку утаиваетъ,
Аннушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Михайловна по новымъ погуливаетъ,

Нянюшекъ, мамушекъ спать укладываетъ:
Спите вы, няньки, усните скорѣй!
А мнѣ молодешенькѣ всю ночку не спать,
Ждати мнѣ, ждати Ивана къ себѣ,
Ждати мнѣ, ждати Александровича.
Былъ я у тестя у ласковаго,
Былъ я у тещи привѣтливыя;
Тесть меня поилъ пивомъ и виномъ,
Теща дарила Аннушкою,
Ласково дарила Михайловною.
Етотъ мнѣ подарокъ дороже всего;
Съ етимъ мнѣ подаркомъ да вѣкъ вѣковать.

№ 3.

Воструби, трубушка,
Воструби, золоченая,
Жалостно и радостно!
Ты расплачься, Анна душа,
Растужися, Михайловна,
Передъ батюшкою стоючи,
Передъ родимымъ плачучи!
Государь, родной батюшка,
Государыня матушка!
Говорили, всю обманывали,
Что не дамъ, не дамъ, дитятко,
Молодешеньку въ чужи люди;
А теперь у васъ, батюшка,
Не то въ умѣ задумано,

И не тѣ мысли замыслены:
Пиво, вино поварено,
И сладки меды насычены,
Дубовы столы разставлены,
Браны скатерти разостланы!
Только сѣсть и поѣхати
Ко суду Божью, ко вѣнчанью,
Отъ суда Божья, отъ вѣнчанья
Къ тебѣ, родимой батюшка (*),
Хлѣба соли покушати,
Бѣлаго лебедя порушати;
Отъ тебя ли, родной батюшка,
Къ богоданному батюшкѣ
На житье, на вѣковѣченье.

№ 4.

Какъ у чарочки, у серебряныя,
Золотой у ней вѣночикъ 2.
У Ивана-та, у Александровича,
Дорогой у него обычай: 2.
Гдѣ ни пьетъ, гдѣ ни ѣстъ, гдѣ ни кушаетъ,
А онъ къ ночи домой идетъ. 2.
Я Аннушку люблю, я Михайловну люблю,
Какъ свою душу въ бѣломъ тѣлѣ,

(*) Старинное обыкновеніе, отъ вѣнца молодыхъ отводить къ невѣстину отцу обѣдать, и понынѣ въ Осташковѣ соблюдается между купечествомъ и мѣщанствомъ.

Я ей выбойку куплю, я ей синцевую
Со разными со цвѣтами. 2.
Я ей алой штофъ куплю
Со разными со шелками. 2.

№ 5.

Что подъ калиной, подъ малиной,
Что подъ черною смородиной,
Приуснулъ доброй молодецъ,
Князь Иванъ Александровичь.
Приходя его Бояре будятъ,
Приходя его Тысяцкіе:
Ты вставай, вставай, Иванъ-та Князь!
Ты вставай, вставай, Александровичь!
Проѣзжаютъ тутъ три корабля,
Что со златомъ и серебромъ,
И со скатнымъ со жемчугомъ,
Со душею красною дѣвицею,
Катериною Михайловною.
Ужъ вы свѣтлы, Князи, Бояре,
Господа, люди Тысяцкіе!
Пропущайте вы всѣ корабли,
Что со златомъ, со серебромъ,
И со скатнымъ со жемчугомъ;
Одержите одинъ корабль
Со душею красною дѣвицею,
Катериною Михайловною;
Ужъ мнѣ етотъ корабль надобенъ.

№ 6.

Хвалился свѣтъ, Иванъ-та Князь,
Хвалился Александровичь,
Самъ своею сторонушкою,
Самъ своею любимою:
Въ путь поди, Анна душа,
Въ путь поди, Михайловна,
На Иванову сторонушку,
На Александровича любимую!
На Ивановой сторонушкѣ,
На Александроча любимыя,
Берега-то садовые,
А вода-то медовая,
Свекоръ, что батюшка,
А свекровушка, что матушка,
Деверья, что братички,
А золовушки, что сестрицы.
Какъ пришла, пришла Анна душа,
Какъ пришла, пришла Михайловна,
На Иванову сторонушку,
На Александровича любимую:
На Ивановой сторонушкѣ,
На Александровича любимыя,
Берега-то песчаные,
А вода-то не Селигерская;
Свекоръ не батюшка,
А свекровушка не матушка,
Деверья не братички,
А золовушки не сестрицы.

№ 7.

По борамъ, борамъ, боричкамъ
Увита дорожка колечкомъ.
Да ктожъ дорожку увивалъ?
Увивалъ дорожку Иванъ Князь,
Увивалъ дорожку Александровичь,
Ходючи, смотрючи Анну душу,
Ходючи, смотрючи Михайловну,
Большіе подарки носючи.
Ай мы тебѣ, свѣтъ Анна, говорили,
Ай мы тебѣ, Михайловна, говорили,
Твоему сердечку наровили:
Не ходи, свѣтъ Анна, въ боръ гулять,
Не ходи, Михайловна, въ боръ гулять,
Въ сыръ боръ гулять, ягодъ брать!
Брала, брала, придремала,
Цвѣточки рвала, приуснула.
Ай мимо тутъ ѣхалъ Иванъ Князь,
Ай мимо тутъ ѣхалъ Александровичь,
Стегнулъ ботажкомъ, не досталъ,
Съ коня соскочилъ, подразнилъ.
Ай спи, спи, Анна душа,
Ай спи, спи, Михайловна,
Не къ батюшкѣ идешь, не къ матушкѣ,
Идешь ко свекру, ко свекрови,
Ко деверю идешь, ко золовкѣ.
Не тёсомъ терёмъ вытесанъ,
Только хорошо выкрашенъ

Всякими разными красками.
Ай, зборы, зборы Аннины,
Ай, зборы, зборы, Михайловны!
Збирала Анна дѣвушекъ,
Збирала Михайловна красныихъ,
Сажала дѣвушекъ за свой столь,
Сама садилася выше всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
Сестрицы, мои подруженьки!
Придумайте мнѣ, пригадайте —
Какъ же мнѣ итти во чужи люди,
Какъ же мнѣ назвать свекра батюшкой,
А свекровушку матушкой?
Свекромъ назвать, битой быть,
А батюшкой назвать не хочется.
Убавлю я спѣси, гордости,
Прибавлю я ума, разума:
Назову я свекра батюшкой,
А свекровушку матушкой,
Деверя братичкомъ,
А золовушку сестрицей.

№ 8.

Какъ по ельничку, по березничку,
Что по горькому, по осинничку
Какъ ходилъ, гулялъ доброй молодецъ,
Князь Иванъ-то свѣтъ, да Александровичь.
У невожъ кудри, кудри русыя,

На кудряхъ, кудряхъ шляпа черная,
Шляпа черная съ позументами,
Съ позументами, съ алыми лентами.
Собиралися, соѣзжалися
Князи, Бояре да свѣтъ Ивановы,
Свѣтъ Ивановы да Александровичевы;
Онѣ тѣмъ кудрямъ дивовалися —
Отъ чегожъ кудри завивалися?
Завила кудри красна дѣвица,
Свѣтъ Анна душа, да свѣтъ Михайловна,
И завивъ кудри, сама прочь пошла,
Поклонилася, похвалилася:
Я за мужъ иду, за хорошаго,
За хорошаго, за пригожаго,
За Ивана-то за Александровича.
Ты удалъ, доброй молодецъ,
Князь Иванъ-та, свѣтъ, да Александровичь,
Объяви по чистой совѣсти,
Когда я тебѣ полюбилася,
Умомъ, разумомъ пріобычилась!
Присылай ко мнѣ сватa свататься,
Сватa добраго, зятя роднаго.

№ 9.

Разлилась, разлелѣилась
По лугамъ вода вешняя;
Унесло, улелѣило
Чадо милое, дочь отъ матери,

Разставалась матушка,
Разставалась государыня,
На крутомъ красномъ бережкѣ,
Что на бѣломъ на камушкѣ.
Не бѣла лебедь кликала,
Мать объ дочери плакала:
Воротись, мое дитятко!
Воротись, чадо милое,
Свѣтъ Анна Михайловна!
Позабыла ты трои ключи,
Что трои ключи золотые,
И со шелковымъ поясомъ,
Со колечкомъ серебрянымъ,
Со витымъ позолоченымъ.
Не забыла я, матушка,
Не забыла, государыня,
Что трои ключи золотыя;
Позабыла я, матушка,
Всю волюшку батюшкину,
И всю нѣгу матушкину,
Всю красу свою дѣвичью.
Красота-ль моя, красота,
Красота-ль моя дѣвичья!
Въ береженьицѣ ношена
И у мѣста положена,
Что у батюшки въ садикѣ,
У родимаго въ зеленомъ,
Что подъ яблонью кудрявою,
Что подъ грушею зеленою,

Ужъ ты грушица, грушица,
Ужъ ты грушица зеленая!
Сберегай мою красоту,
Красоту мою дѣвичью.

№ 10.

Не бывать бы вѣтрамъ, да повѣяли,
Не бывать бы боярамъ, да понаѣхали,
Травушку, муравушку притолочили,
Гусей, лебедей поразогнали,
Красныхъ дѣвушекъ поразослали,
Красную Анну душу въ полонъ взяли,
Красную Михайловну во полонъ взяли.
Стала тужить, плакати Анна душа,
Стала тужить, плакати Михайловна,
Сталъ унимать, разговаривати да Иванъ та Князь,
Сталъ унимать разговаривати Александровичь:
Не плачь, не тужи, свѣтъ Анна душа!
Не плачь, не тужи Михайловна!
Я тебя, Анна душа, да не силой бралъ,
Яжъ, тебя Михайловна, не неволею,
Билъ челомъ, кланялся твоему батюшкѣ,
Билъ челомъ, кланялся твоей матушкѣ,
Снявъ шапку, снявъ шапку соболиную,
Распустивъ полы сарачинскія,
Износилъ кафтанъ китайчатой,

Всїо до тебя, Анна душа, доступаючи,
Всїо до тебя, Михайловна, доступаючи.

N° 11.

Ты взойди, Анна душа, на новы сѣни,
Ты взойди, Михайловна, да на новыя!
Посмотри, Анна душа, во чисто поле,
Посмотри, Михайловна, да во чистое:
Сколь силїонъ ѣдетъ Иванъ та Князь,
Сколь силїонъ ѣдетъ Александровичь!
По одну сторону пятьдесятъ человѣкъ.
По другую сторону еще пятьдесятъ.
Глядючи Анна душа, испугалася,
Глядючи Михайловна испугалася,
Зашетри, батюшка, шатромъ ворота!
Занавѣсь, матушка, камкою терїомъ!
Оберните, сестрицы, меня полотномъ!
Ѣдучи, Иванъ та Князь похваляется,
Ѣдучи, Александровичь похваляется:
Быть, быть шатру да разломанному,
Быть, быть камкѣ да разодранной,
Быть, быть Аннѣ душѣ во полонъ взятой,
Быть, быть Михайловнѣ во полонъ взятой.

N° 12.

Соколъ сокольевичь,
Дородной доброй молодецъ,

Свѣтъ Иванъ Александровичь!
Леталъ ясменъ соколъ
По зеленому саду,
По красному вишенью,
Поймалъ лебїодушку,
Лебїодушку бѣлую,
Анну Михайловну;
Онъ привелъ къ своему двору,
Ко подворью широкому,
Ко высокому терему,
Ко родному батюшкѣ.
Родимой мой батюшка!
Родимая матушка!
Милаль тебѣ лебїодушка,
Лебїодушка бѣлая,
Анна Михайловна,
Сердечная дипяшко!
Любымъ она любїошенька,
Хорошимъ хорошохонька,
Пригожимъ пригожехонька,
И умомъ та умнїошенька,
Домоводица крѣпкая,
Водоносица скорая,
Слуга моя вѣрная,
Вѣрная, безъотвѣтная.

N° 13.

Что на синемъ та на морѣ,
Бояре во трубы трубятъ,

Сильныя въ золоченыя.
Чтожъ никто трубы не слыхалъ?
Только услышала Анна душа,
Услышала Михайловна,
Выходила на новыя сѣни,
Закричала громкимъ голосомъ:
Государь родной батюшка!
Государыня, матушка!
Не по меняль та Бояре ѣдутъ,
Не по мою ли русу косу,
Русу косу дѣвичью?
Ты сердечная дитяшко,
Анна Михайловна!
По тебя ѣдутъ Бояре,
По твою русу косу дѣвичью!

№ 14.

Разшаталася грушица,
Разшаталася зеленая,
Передъ яблонью стоючи,
Передъ яблонью кудрявою:
Какъ расплакалася Анна душа,
Передъ батюшкою стоючи,
Передъ родимымъ плакучи:
Государь родной батюшка!
Государыня матушка!
Не можноль думы отдумати,
Чтобы меня замужъ не выдати

За дороднова доброва молодца,
За Ивана Александровича?
Ты сердечная дитяшка,
Свѣтъ Анна Михайловна!
У насъ на словѣ положено,
По рукамъ у насъ ударено,
Что не быть у насъ дѣвичнику,
Быть суду Божью вѣнчанью.
Ужъ какъ по морю морюшку,
По синю морю Верейскому (*),
Что плыветъ стадо гусиное,
А другое лебединое;
Отставала лебіодушка,
Отставала лебедь бѣлая
Прочь отъ стада лебединаго;
Приставала лебіодушка,
Приставала лебедь бѣлая
Что ко стаду сѣрыхъ гусей;
Отставала Анна душа;
Начали ее гуси щипати:
А лебіодушка кричати;
Не щиплите, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ заліошала,
Занесло меня погодою,
Что великою незгодою.
Отставала Михайловна
Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ,

(*) Вѣроятно, Варяжскому.

Приспавала Анна душа,
Приставала Михайловна
Къ молодымъ молодушкамъ;
Начали ее журить, бранить,
А Аннушка плакати,
Михайловна плакати:
Не журите, люди добрые!
Не сама я за мужъ иду,
Не своею охотою,
Отдаетъ родной батюшка,
А просватала матушка,
Приговорили пріятели,
За дороднаго, добраго молодца,
За Ивана Александровича.

№ 15.

Что при вечери, вечерничкѣ,
При остатнемъ часу, времичкѣ,
При Катерининомъ дѣвичничкѣ
При Михайловнѣ дѣвичничкѣ,
Прилеталъ младъ ясмень соколъ сизокрыльчашой
Онъ садился на окошечко,
На серебряную причелинку,
Что никто его не видѣлъ,
Только видѣлъ родной батюшка,
Говорилъ онъ своей дочери,

Своей дочери Катеринѣ душѣ;
Своей дочери Михайловнѣ:
Ты сердечная дитятка,
Катерина Михайловна!
Приголубь себѣ голубчика,
Яснаго сокола, сокола заліотнаго,
Добраго молодца, заѣзжаго,
Свѣтъ Ивана Александровича.
Государь, родной батюшка!
Государыня матушка!
Я и радабъ приголубить его,
Скорыя ноженьки подломилися,
Бѣлыя рученьки опустилися,
Ретиво сердце испугалося,
Ко Ивану приклонялося,
Ко Александровичу приклонялося.

№ 16.

Плакала, тужила Анна душа,
Плакала, тужила Михайловна,
Не по батюшкѣ плачетъ, не по матушкѣ,
Не по батюшкѣ плачетъ, не по матушкѣ,
Она плачетъ, рыдаетъ по русой косѣ:
Свѣтъ же была моя руса коса,
Руса коса, вся дѣвичья красота!
Вставанье ль было мое раннее,
Умыванье ль было мое бѣлое,

Утиранье ль мое было скорое,
Учосы ль были мои гладкіе,
Упліоты ль мои были частые?
Ходила Аннушка по новымъ сѣнямъ,
Чесала Михайловна буйну голову,
Вплетала Аннушка ленту алую,
Обмирало ее рѣзиво сердце,
Какъ услышалъ ее родной батюшка;
Не плачь, мое дитятко родимое!
Я отдалъ тебя за богатаго,
За тобою дамъ много приданаго,
Кованой ларецъ со золотомъ,
Коробочку скатнаго жемчугу,
Въ провожатые братца родимаго,
Въ нянюшки сестрицу ластушку,
Въ мамушки молоду молодушку,
Въ ключницы стару бабушку.
Не обманывай, родной батюшка!
Родной братецъ съ дорожки воротится,
Сестрица ластушка замужъ пойдетъ,
Молода молодушка состарится,
Стара бабушка преставится,
А я молода осклануся.

№ 17.

Какъ черезъ море древичка,
По тому древичку Анна шла,

По тому Михайловна шла,
Ронила слёзы въ синее море,
Пущала гулы во чистое поле.
Какъ услышалъ ее батюшка:
Не мое ль то дитятко
Во чужихъ людяхъ плачетъ,
У чужова отца съ матерью,
У чужова рода племени?
Какъ гулялъ въ саду Иванъ Князь,
Какъ гулялъ во зеленомъ Александровичь,
Подсѣкъ березу кудрявую,
Подкосилъ медыню сладкую,
Побралъ ягоды во сыромъ бору.
Раскинься, береза подсѣченая!
Узрѣй, ягода, во сыромъ бору браная!
Расти, Анна душа, замужъ вышедши!
Расти, Михайловна, замужъ вышедши!

№ 18.

Ахъ! не тѣсноль тебѣ, рѣчинька,
Не тѣсноль тебѣ, быстрая,
По подлѣсью было текучи?
Ахъ, когда бы было не тѣсно,
Я текла бы, не мутилася,
Не обмывала бы крутыхъ береговъ,

Не осыпала бы съ горъ желтыхъ песковъ,
Съ горъ желтыхъ песковъ разсыпчатыхъ;
Ина какъ тебѣ, Анна душа,
Сговоренной сидѣть не скучно!
Ахъ какъ тебѣ, Михайловна,
Сговореной сидѣть не скучно!
Ахъ! когда бы не было скучно,
Я сидѣла бы, не плакала,
Не слезила лица бѣлаго,
Лица бѣлаго, румянаго.
Промежъ лѣсу, промежъ темнаго,
Промежъ бѣлаго березничку,
Промежъ чистаго ельничку,
Молодая шла боярыня,
Душа красная дѣвица,
Анна Михайловна,
Ей на встрѣчу свекоръ батюшка:
Ты любимая невѣстушка,
Анна Михайловна!
За чѣмъ ты рано упиваешься?
На кого же ты надѣешься?
Я надѣюся на друга своего,
На Ивана Александровича,
На ево слово ласковое,
На ево на привѣтливое,
На ево на умильный взглядъ.

№ 19.

Какъ у мѣсяца звѣзды часныя,
У красна солнца лучи ясныя,
Какъ у Ивана та кудри русыя,
У Александровича по плечамъ лежатъ;
Серебромъ кудри приувиты,
Скатнымъ жемчугомъ приунизаны,
Никтожъ къ кудрямъ не пришатнется!
Пришатнулася, привернулася
Красная дѣвица, Лисавета душа,
Красна дѣвица, Ивановна.

№ 29.

Утушка на морѣ купалася,
Сѣрая полоскалася,
Окунувшись, утушка встрепенулася:
Какъ же мнѣ утушкѣ съ синимъ моремъ разстатися,
Съ крутыхъ береговъ приподнятися?
Какъ придетъ зима холодная,
Нападутъ снѣги бѣлые,
Не растявшись съ моремъ, разстанешься,
Съ крутыхъ береговъ приподнимешься.
Лисаветушка во теремѣ умывалася,
Ивановна въ высокомъ умывалася,
Умывалась, она заплакала:
Какъ же мнѣ съ высокимъ теремомъ разстатися?

Какъ же мнѣ съ батюшкою проститися?
Какъ придетъ Иванъ та Князь,
Какъ придетъ Александровичь,
Возмётъ меня за праву руку,
Поведетъ ко суду Божью, вѣнчанью;
Не разстався, съ батюшкою растанешься.

ДОПОЛНЕНІЯ и ПОПРАВКИ,

КЪ I ВЫПУСКУ.

Къ стр. 14. *Дажьбогъ*. Въ нѣкоторыхъ Губерніяхъ Росс. доселѣ говорятъ: *Дажба*, вмѣсто: далъ бы Богъ! — *Бѣсъ* есть Нѣм. böse злый, лихій, сходный съ *Бѣдасмъ* у Слав. племенъ, который принадлежалъ къ числу злыхъ божествъ, по замѣчанію Г-на Венелина.

Волосова улица. Въ грамотѣ Вел. Кн. Ивана Васильевича 1505 г. упоминается у Николы *Волосовъ монастырь*, во Владимірскомъ уѣздѣ.

Стр. 18. *Божницы*. Въ Новгородской Лѣтописи, на стр. 89 упоминаются каменныя *божницы*, *Онтопова* и *Варяжская*. Божницами назывались часовни и не только иновѣрныя, но и православныя церкви. Подать, собиравшаяся съ церквей, извѣстна была подъ именемъ *божничьяго*, а въ Устюгѣ вел. *копейщины*.

Стр. 31. *Толокахъ* (прибавить) и овинныхъ именинахъ.

Стр. 39. Дух. Регламентъ, 2 ч. п. 6, запрещаетъ „*предъ дубомъ* молебны пѣть.“

Стр. 46. вм. на строкѣ 18, *который* — етотъ ладъ.

Стр. 70. *Вороногpай.* Въ Іоаннѣ Екз. Болгар. стр. 211, упоминается о *Вороногpаѣ* и *куpокликѣ.* „Донынѣ у Грековъ, замѣчаетъ Л. Аллацій, если запоетъ курица, то почитается за несчастное предвѣщаніе. Тогда хозяинъ, или старѣйшій въ домѣ, схвативъ курицу и нашептавъ надъ нею какія-то слова, отрубаетъ ей голову на порогѣ дверей.“ — Sternutatio. см. *Propert.* 11, 2, 33. Sternuere omen. *Plin.* 11, 40. Adorare aliquem, cum sternuerit, привѣтствовать кого при чиханіи.

Звонъ въ ушахъ. У Іоанна Екз. Болгар. стр. 211, ухозвонъ. У Грековъ *βόμβηδις ἀκοης.*

Стр. 71, прим. 90, Thurea *dona* — Tura votiva.

Стр. 88, стр. 3, вм. одинакого — одинаковымъ.

Стр. 105. *Стадо.* Въ рукоп. XIII вѣка Кормчей: *паствы.*

Стр. 126. Бабье лѣто на Польскомъ Maik iesienny.

Стр. 141. *Колядка.* Въ Роменскомъ уѣздѣ Полтав. Г. есть мѣстечко *Красное Колядино.*. Въ книгѣ Іоанна Екз. Болгар. на стр. 211, въ числѣ книгъ, „ими же отводятъ отъ Бога и приводятъ къ бѣсомъ въ пагубу“, упоминается *Колядникъ.*

Стр. 153. *Синяго моря* — Аральскаго. Епитетъ *синій* (γλαυκὸς, glaucus) у Греческихъ и Римскихъ поетовъ придается морю, такъ въ нашихъ старыхъ пѣсняхъ, напр: *Γλαυκὴ Θάλασσα,*

mare caeruleum. По указанію *Стефанова* Греч. Лексикона, *Аристот.* probl. 37, segm. 26. *ἡ Θάλασσα κυανέα.* Сіи епитеты встрѣчаются у Гезіода, Есхина и Лукіана. Посему Геллій, II, 30, говоритъ: E peritissimis rerum philosophis observatum est, austris spirantibus, mare fieri *glaucum* et *caerulem*; ita Virgilius *pontium caeruleum etc. etc. Tiberim caeruleum* et *Seneca* mare caeruleum.

Стр. 163 и 166. Витебской Г. въ приходскіе праздники бываютъ кермаши при церквахъ. Во время праздника Р. Х., Новаго года и Крещенія тамъ мѣщане изъ каждаго прихода ночью *ходятъ со звѣздою* и поютъ приличныя празднику духовныя пѣсни, иногда носятъ съ собою вертепъ. см. *Сѣв. Пчела*, 1834, No 165.

Стр. 176. *Жартовать* вѣроятно одно съ *жировать* (girare). Гл. новый *жуировать* отъ jouir почти одинакое имѣетъ значеніе съ *жировать.*

Стр. 182. Слова Литовская Swistopłaska слѣдуетъ уничтожить.

Стр. 183. строка 9. Орловской — читай: въ Орловской.

Стр. 225. Петръ I, по случаю кончины Царицы Маріи Матвѣевны, супруги Царя Ѳеодора Алексѣевича, въ 1715 г. запретилъ при погребеніи выть, приговаривать и рваться надъ усопшими.

Стр. 230. Здѣсь должно присовокупить то, что замѣтилъ Г. Иванчинъ-Писаревъ о нашихъ *гу-*

ляньяхъ въ сочиненіи своемъ: Взглядъ на старинную Рускую поэзію. М. 1836, въ 12, на стр. 81: „Установленныя какъ бы закономъ неизмѣняемымъ — говоритъ онъ — подобно торгамъ и ярмаркамъ при сельскихъ и храмовыхъ праздникахъ, каждое изъ нихъ знаменуетъ или празднество вѣры, или славное событіе отечества. Таковы Москов. гулянья 1 го Августа подъ Симоновымъ, 6е у Спаса новаго, 19е подъ Донскимъ (въ память избавленія Россіи славною побѣдою надъ Казы-Гиреемъ), 26е у Срѣтенскаго монастыря (въ память отступленія Тамерлана), 1 го Октября въ Покровскомъ (въ память мира 1613 г. прервавшаго бѣдствія Россіи) и т. д.

КО II ВЫПУСКУ.

Стр. 4 и 7. По замѣчанію критика въ *Литер. Прибавленіяхъ къ Рускому Инвалиду*, на 1838 г. No 15, „Персидскій праздникъ дѣйствительно совершался въ новолѣтіе, но не совершенно соотвѣтствовалъ нашему нынѣшнему новому году; потому что былъ въ весеннее равноденствіе; къ тому же слово *Мивра* (Mithra) испорчено Греками изъ Персидскаго *михръ*, что значитъ солнце, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще любовь и милосердіе. Слово *михръ* употребляется рѣдко въ обыкновенномъ языкѣ: солнце чаще называется по Персидски *хур-*

шидъ, *афтадъ* и *абитадъ*; многіе изъ Персидскихъ Шаховъ изъ благочестія давали себѣ проименованіе *Михръ-дехъ*, или *Михръ-дадъ* (Митридатъ), т. е. *Перунъ-Понгола*, то онъ совершается въ мѣсяцѣ солнцеданный. Что же касается до Индійскаго *Таи*, который хотя и соотвѣтствуетъ нашему Январю, но не есть первый изъ мѣсяцевъ; Гиндускій годъ начинается не съ Таи, а съ Читтере, который соотвѣтствуетъ нашему Апрѣлю: слѣд. праздникъ Перунъ-Понголъ совершается не въ новолѣтіе. — Г. Критикъ, вопреки моему производству слова *маскерадъ*, на стр. 31, производитъ съ достовѣрностію оное отъ Арабскаго *маскара*, или *маскарадъ*. *Сáхара* значитъ по Арабски: шутить, дурачиться, а *маскаратъ*, жестяный носъ, который паяцы накладываютъ себѣ на природный, на игрищахъ и праздникахъ, для забавы толпы. — Слово *Казна* производитъ онъ отъ Персидскаго *Хазне*, сокровищница; Казначей по Персидски *Казнечи*.

Къ стр. 120, пр. 7. вм. λάγαγον, читай λάγανον.

Къ стр. 161—176. М. Я. Діевъ, изъ Нерехты, замѣчаетъ, что тамъ въ Вербное воскресенье пекутъ барашки и когда придутъ изъ церкви съ вербою, ѣшими барашками кормятъ скотину, а вербу впыкаютъ въ сельникѣ у св. иконъ и берегутъ ее круглый годъ до Егорьева дня; тогда годовою же вербою хлещутъ скотину, приговаривая: „Господь „благословляетъ и здоровьемъ награждаетъ“. Въ

такихъ селеніяхъ скотину въ первый разъ выгоняютъ уже просто безъ вербы.

КЪ III ВЫПУСКУ.

Къ стр. 1—16. *Встрѣча весны.* Въ Буйскомъ уѣздѣ, въ приходахъ Ликургахъ, Романцевѣ, Плещеевѣ, Залѣсьѣ, Шишкодомѣ и др. *весну встрѣчаютъ* такимъ образомъ: съ восхожденіемъ солнца взрослыя дѣвки и парни обливаютъ себя водою, а смѣлыя изъ нихъ купаются въ рѣчкахъ, или прорубяхъ. Другія поютъ пѣсни, скачутъ чрезъ плетень огорода, лазятъ на деревья и кружатся около стоговъ сѣна; особенно тогда поютъ слѣд. п:

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостію:
Со льномъ высокіимъ,
Съ корнемъ глубокіимъ,
Съ хлѣбами обильными.

Къ стр. 11. Въ Карпатахъ Русаки, вмѣсто *чортъ побери*, говорятъ обыкновенно: *Перунъ бы тя убилъ*, или *Мара*, или *Бѣда бы тя взяла.* Въ

посадѣ Парфеновѣ, въ волостяхъ Ширской, Потрусовской, Салтановской Свѣтлый понедѣльникъ называется *Лапчинымъ*, а Ѳоминъ вторникъ — *Усопшія Радованицы.*

Къ стр, 47 — 54. *Радуница.* Ѳомино воскресенье, назыв. въ Чухломскомъ и Кологривскомъ уѣздахъ *Радованицами*, когда молодыхъ окликаютъ слѣд. пѣснями:

Ой лелю, молодая, о Лелю,
Ты вьюная, о Лелю,
Ты по горницѣ пройди, о Лелю,
Покажи свое лице, о Лелю,
Да въ окошечко, о Лелю,
Покажи намъ молодца, о Лелю,
Своево-то вьюнца, о Лелю,
Да пожалуй-ко яичко, о Лелю,
Еще красненькое, о Лелю,
Что на красномъ блюдѣ, о Лелю,
И при добрыихъ людяхъ, о Лелю! —

Ты вставай-ка, молодецъ,
Ты вставай, нашъ вьюнецъ!
Ты разчесывай кудри
Костянымъ гребешкомъ,
Ужъ ты выгляни въ окошко
Косящетое!
Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ,

Награди-ко насъ подаркомъ,
Сладкимъ пряничкомъ,
Бѣлымъ, сахарнымъ.

Къ стр. 55—61. *Первое Апрѣля.* см. Сочиненія Сумарокова, ч. 8, стр. 315, ст. *Апрѣля первое число.*

Къ стр. 65—80. *Юрьевъ день.* Въ Чухлом. и Кологрив. уѣздахъ, о Егорьевѣ днѣ ведется поговорка: *Въ поле стадо сгонять и Егорья окликать.* Тамъ Егорьевское окликанье слѣд:

Мы вокругъ поля ходили,
Егорья окликали,
Макарья величали.
Егорій ты намъ храбрый,
Макарій преподобный!
Ты спаси нашу скотинку
Въ полѣ и за полемъ,
Въ лѣсу и за лѣсомъ,
Подъ свѣтлымъ подъ мѣсяцемъ,
Подъ краснымъ солнышкомъ,
Отъ волка отъ хищнаго,
Отъ медвѣдя лютаго,
Отъ звѣря лукаваго!

Къ стр. 69. Языческое имя *Игорь* не перешло ли въ Хрістіанское Егоръ, происшедшее отъ Георгія?

Къ стр. 177—210. *Убогіе домы.*

Въ Костромѣ Убогій домъ находился на сѣверъ отъ города къ рѣчкѣ *Запрудпь* (такъ какъ въ Москвѣ у *Напрудной*) въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Крестовоздвиженскаго кладбища.

Къ стр. 99—116, *Семикъ.* Въ Чухломскомъ, Кологривскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ: *Семикъ честный женихъ Масляницы.*

Къ семицкимъ пѣснямъ присоединить должно слѣдующую, сообщенную мнѣ изъ села Сыпанова Костр. Губерн. Г-мъ Діевымъ:

Вью, лелю! завью я зеленый вѣнокъ,
Заломаю я березку, совью я зеленый вѣнокъ,
На свою буйную головушку;
Опущу я зеленый вѣнокъ
Я по Волгѣ по рѣчинькѣ,
На родимую сторонушку,
Ко родителю, ко матушкѣ.
Взбунтовались вѣтры, вихори,
Разкачали легку лодочку
На родимую сторонушку,
Ко родителю, ко матушкѣ,
Къ ея красному окошечку.
Выходила моя матушка
На свое красное крылечушко,
Смотрѣла на легкую лодочку.
Легка лодочка разколыхалася,
Всплывалъ тутъ зеленой вѣнокъ:
Получила матушка
Съ быстрой рѣчки зеленой вѣнокъ;
Получа, она призадумалась,
Призадумавшись, слезно плакала:

Не моя воля, а чада милова!
Не ея ли зеленой вѣнокъ
Подплывалъ къ моему окошечку?
Не мое ли чадо милое во тоскѣ живетъ,
Во тоскѣ живетъ, или во гуляньицѣ
Съ своими милыми подружками? —

КЪ IV ВЫПУСКУ.

Къ стр. 24. вм. Т. е. читай: Т.
——— 28 Іюня 27 — Іюня 24.
——— 38, пр. 29. Вм. den — der
——— 52, послѣдняя строка: съ Туромь, и — съ Туромъ, или
——— 74. И такъ Баши — Изъ этого видно, что Баши.
——— 88. Въ Гжатскѣ, по уборкѣ хлѣба, дѣвицы ходятъ изъ двора во дворъ, воспѣвая *Каледа*.
——— 110. Кранцѣ — при Кранцѣ.
——— 176. Что трои ключи олотые — Что трои ключи золотые. Свадебныя пѣсни въ Осташковѣ, списанныя Г. Штатнымъ Смотрителемъ тамошняго училища С.-П. Суворовымъ, по его замѣчанію, были въ употребленіи еще до временъ Петра I и вѣроятно восприяли свое начало съ поселенцами на берегахъ Селигера въ XVI вѣкѣ.

При окончаніи IV выпуска сей книги, гдѣ я старался сосредоточить завѣтныя думы, повѣрья и обычаи Рускаго народа въ праздничномъ кафтанѣ, поезію его жизни внѣшней и внутренней, — обязанностію себѣ считаю повторить искреннюю свою признательность, за радушное содѣйствіе мнѣ совѣтами и сообщеніемъ матеріяловъ Гг. извѣстнымъ Профессорамъ: Ѳ. А. Голубинскому, П. М. Терновскому, И. И. Давыдову, И. Н. Лобойкѣ, М. П. Погодину, Ѳ. Л. Морошкину, С. П. Шевыреву, такъ равно любителямъ и знатокамъ Россійской Исторіи: Князю Мих. А. Оболенскому, М. Я. Діеву, А. Ѳ. Вельтману, М. С. Гастеву, И. С. Лебедеву, С. И. Лашкевичу, П. В. Шереметевскому, И. Н. Царскому, К. И. Аверину и пр. Нѣкоторые изъ достопочтенныхъ Архипастырей не отреклись споспѣшествовать мнѣ благодушно своими указаніями и наставленіями въ семъ дѣлѣ. Съ благодарностію также принимая вниманіе къ своему сочиненію и замѣчанія критиковъ въ Литер. Прибавленіяхъ къ Рускому Инвалиду, въ Библіотекѣ для чтенія и Сынѣ отечества, нѣкоторыя изъ оныхъ помѣщаю въ дополненіяхъ; сколько найду возможнымъ и сообразнымъ съ цѣлію своей, я ими воспользуюсь при второмъ изданіи, если только доживетъ его мое сочиненіе. Рускою Еортологіей я желалъ положить начало Рускимъ Древностямъ, обрабатываемымъ мною по частямъ для приведенія

ихъ въ органическое цѣлое. Хотя сперва я думалъ ограничиться 1мъ выпускомъ, но, продолжая етотъ трудъ, въ послѣдующихъ принужденъ былъ иногда повторять для связи намѣкнутое въ первомъ. Нерѣдко случалось, что вновь попадавшіеся мнѣ матеріалы или соображенія заставляли меня, во время самаго печатанія, дѣлать новыя прибавленія и отступленія, кои приводятъ къ новымъ результатамъ. Предметъ, столь многосторонній и разнообразный, требуетъ постоянной и многодѣльной разработки. По мѣрѣ же открытій и наблюденій отечественной народности, онъ будетъ объясняться и представляться въ животворномъ свѣтѣ, озаряющемъ ея проявленія въ древнемъ и новомъ бытѣ народа, въ его мірѣ миѳическомъ, поетическомъ и историческомъ, потому что національные и народные праздники ведутъ свое начало отъ развитія народной жизни и національнаго характера. Если бъ сочиненіе мое принято было только за собраніе матеріаловъ по етой части: то я осмѣливаюсь питать себя надеждою, что оно, какъ опытъ, при настоящемъ направленіи нашей Словесности будетъ не лишнимъ и не безполезнымъ. Составленіемъ требованнаго критиками *Указателя* ко всѣмъ IV выпускамъ я обязанъ Г-ну И. А. Дмитріеву.

УКАЗАТЕЛЬ

ПРЕДМЕТОВЪ И ИМЕНЪ ПИСАТЕЛЕЙ

для всѣхъ четырехъ выпусковъ

РУСКИХЪ ПРАЗДНИКОВЪ И СУЕВѢРНЫХЪ ОБРЯДОВЪ.

А.

Абевега Рускихъ суевѣрій. I—90, 213. II—44, 49, 64. III—94. IV—34, 129.
Августинъ Блаж. II—9, 10. IV—108, 109.
Августъ мѣсяцъ. IV—78, 79, 80.
Аверинъ К. И. IV—199.
Авось. II—110.
Авраамій Св. Ростов. I—34.
Авсень. I—12, 46, 47, 51, 86, 177, 219. II—28, 103—110 Еще см. *Пѣсни Авсеневыя.*
Ага-Пайрáмъ, праздн. IV—85, 86.
Агриппина Св. Муч. (Купальница). I—18. IV—18.
Аделунгъ, писат. I—150, 151. IV—111.
Адонисовъ праздникъ. I—62.
Адріанъ, послѣдн. Патр. Росс. I—38. III—187, 188.
Аеролиты и Литоморфы, см. *Камнямъ поклоненіе.*
Александръ I, Импер. III—91.
Алексій Михайловичъ, Царь Русс. I—45, 197, 213. II—56. III—196, 200, 201. IV—103, 105, 130.
Алексѣевъ П., писат. II—116. III—49, 56.
Аллацій Л., писат. IV—4, 190.
Алферьевъ В. С. II—84.
Анастасевичъ В. Г., писат. I-III.
Ангекоксы Гренланд. I—91.
Ангелъ Хр., писат. IV—64.
Англо-Саксы. I—45, 79. II-17.

Андреевъ день въ Польшѣ. I—126.
Аники, воина, могила. I—182.
Анна, дочь Пана, Украин. IV—33.
Анна Ивановна, Импер. Рос. I—44. II—125. III—61, 198, 205, 209.
Апрѣль мѣсяцъ. III— 2, 3, 11, 55-61, 82, 85.
Апулей, Рим. писат. III—57.
Аресъ. I—61. IV— 53, 61.
Аристотель. I—3.
Аркона. I—31, 145, 148.
Арндтъ, писат. I—65.
Артемидоръ, писат. II—10.
Артемовскій-Гулакъ, Проф. IV—45.
Архангельск. Лѣтоп. II—141.
Архилинъ, трава. IV—39.
Ассамблеи. I—44.
Аспосовъ день. I—49, 108, 180. IV—93, 95.

Б.

Бабины дни, Бабинъ морозъ. I—143.
Бабскій праздникъ. I—171. III—47.
Бабы, созвѣздіе. I—43. IV—93.
Бабье (бабьино) лѣто, бабьино лито. I—43, 44, 49, 51, 85, 108, 126, 143, 175, 180, 187. IV—81, 93—96, 190.
Баднякъ, Сербск. II—22.
Базиликъ, писат. IV—15.
Байло. III—81.
Балдеръ Дапск. I—73.
Балъ Сканд. I—10.
Бандтке Г. С., писат. I—118, 137.
Бантышъ-Каменскій Д. Н., писат. I—139, 167, 174, 178. III—127. IV—29.
Бароній, писат. III—65.
Бартеневъ Ю. Н. I-II. II—49. IV—127.
Батый. IV—25.
Бахусъ. I—113. II-31.
Башево село. IV—71.
Баши, Башь и Башиха, камни I—15, 186. IV—69—71.
Беззаботная площадь, гулянье. I—188.
Белетъ, писат. XII в. II—11.
Белъ, или Балъ, бож. I—10.
Березки Семицкія и Плакучія, см. *Семикъ*.

Березозолъ, см. *Мартъ*.
Берлинскій, писат. III—51.
Беръ, лѣтоп. III—163, 164, 208.
Бироиъ. I—41.
Битье бочекъ. I—8, 228.
Благоговѣніе къ рѣкамъ. I—58. Еще см. *Идолопоклонство*.
Блины (млины). I—110, 196. II—117, 120, 121, 133, 137. I—117.
Богатенка, цвѣтъ, IV—39.
Богданъ, бож. I—18.
Богемія. I—27.
Боги. I—18.
Богоявленіе Христ., праздн. I—82.
Богутово, гора. IV—28.
Богъ мухъ. I—32.
Бодянскій, I. М., писат. I-III. III-128.
Боэцій, писат. II—27.
Божедомка (Убожедомка) въ Москвѣ. III—102, 186, 199, 200, 201. Еще см. *Убогіе домы*.
Божій день, (Литов.) дни I—109. III—48. IV—110.
Божій народъ. I—111. IV—75.
Божій судъ, см. *Судъ Божій*.
Божницы. I—18, IV-189.
Божницы Онтонова и Варяжская. IV-189.
Божничье, духовный сборъ, или дань. I—148.
Болвановка, уроч. въ Москвѣ, IV—74.
Болваны. I—19.
Болтинъ, писат. I—9.
Бонифацій, Апостолъ Нѣмц. II—9.
Бонифацій Винфридъ, писат. IV—26.
Борисъ Годуновъ, Царь. III—189, 190, 195. IV-104, 105.
Борисъ и Глѣбъ, Кн. и Св. I—17, 92, 156, 175.
Борисъ, игрище. IV—11.
Борьба. II—126.
Босины, Евр. IV—113.
Боянъ вѣщій, пѣснопѣвецъ. I—218.
Братчина, Братчины, Братщики. I—50, 162, 163, 176. 215. III—85. IV—95.
Братчина, пиво, въ Сольвычегодскѣ. II—135.
Брокенъ (Блоксбергъ), гора въ Герм. I—79, 84, 135. III—86, 87. IV—54.
Броневскій Вл., писат. I—30, 143, 204, 219. III—97. IV—13, 67.

Бронниковъ П. А. IV—88.
Бросаніе башмаковъ на улицу. II—44.
Бруишъ, писат. I—228. II—57. IV—125, 146.
Брячиславъ, Герцогъ Богемскій III—113.
Брячиславъ (Бретиславъ II), Чешск. Кн. I—140, 141. II - 25.
Буга, Бука. I—19. II—62.
Бугъ, рѣка. I—58.
Буи, буйвища. I—27. 28. Еще см. *Убогіе домы.*
Буй-Туръ. IV—53.
Булгаринъ Ѳ. В., писат. II—28. IV—44, 76.
Буххау, Принцъ, Цесарск. Послан. III—183, 195.
Бухгорфъ, писат. III—130.
Бѣдай, Славян. IV - 189.
Бѣлая недѣля. I—176.
Бѣлая Русь. См. *Россія* и *Русь.*
Бѣлбогъ. I—10, 32, 119, 135, 152, 165, 235. IV—96.
Бѣлое воскресенье. III—17.
Бѣлоруссія и ея праздники. I—17, 158 — 163.
Бѣлухинская роща (Кортома). I—14. III—21.
Бѣлые боги, урочище. I—14. III—21.
Бѣлый цвѣтъ, символ. I—55.
Бѣльскій Мартн., Польск. Истор. I-118, 121 - 123. III-8, 9.
Бѣльскій станъ, уроч. I—14.
Бѣсовскія позорища, игры, потѣхи, пѣсни. I—38. II—37. IV—60, 121.
Бѣсъ, бѣсы (бисы). I—19, 165. IV - 189.
Бѣсѣды. I—50. II—54.

В.

Ваалъ. IV—25.
Вадимъ (Пассекъ), писат. I—164. IV - 51, 52
Ваія, недѣля, праздникъ, см. *Вербная Суббота.*
Вайжганта, праздн. Литов. I—112.
Вал-ассъ (Vali-ass, Val-ass — Волъ-богъ), Сканд. I—10, 134. III—159.
Валвазоръ, Баронъ. IV—2.
Валентиніанъ, Импер. въ IV в. II—6.
Валпургіева ночь (на 1-е Мая). I—43, 79. III—86. IV—34.
Вальтеръ-Скоттъ, писат. II—46.
Вальсамонъ, Патр. въ XII в. I—29, 54, 259. II—5, 14. III—100, 127. IV—15, 80.
Варагуша, Весныха, Віошница (Кумоха). III—10.
Варанги. I—73.

Варколаки, Волколаки. см. *Оборотни.*
Варронъ Т., писат. Рим. I—70, IV—24, 76.
Варяго-Руссы. I—27.
Василій Іоанновичъ IV, Царь и В. К. IV—97, 104.
Васильевская, богатая, Коледа. II—29.
Васильевы, богатые, вечера. I—47, 49, 77, 115, 126, 166. II—103, 104. Еще см. *Святки.*
Веелзевулъ. I—32.
Великаны. I—166.
Великій праздникъ въ Литвѣ. I—108.
Великій четвергъ. I—36, 56. III—13.
Великодневныя пѣсни. I—160.
Великъ день (Пасха). I—40, 180. III—49. IV—42.
Великъ день Русалокъ. IV—9.
Веллона, бог. вѣчности, Литов. I—109.
Велъ-Оксъ, Велъ-Оскъ. I—18, 187. III—158. IV—70.
Вельтманъ А. Ѳ., писат. I - II, IV—87, 90, 199.
Венелинъ Ю. И., писат. I - III. IV—90, 189.
Веніаминъ Арх. I—240. IV—24.
Verd. I—58.
Вербная недѣля. I—188.
Вербная Суббота и Воскресенье, гулянье, праздникъ и обрядъ. I - 188. III—161—176. IV - 193.
Вервь, см. *Погосты.*
Вертепы. I—166.
Вертъ (Vertumnus). I—66.
Весенній первый дождь. III—15.
Весна. III—2, 3, 8, 12. IV—53, 54. Еще см. *Красная весна.*
Веснанки, веснянки. I—12, 49, 100, 170. III—11, 12.
Веста, бог. Рим. I—95, 240. IV—24.
Вечерницы. I—176.
Вечеръ колодокъ, Блокковъ, у Литов. и Латыш. I—114. II—29.
Византійскіе Истор. I—9, 26, 56, 73, 133. II-14, 15, 17, 61.
Вилы, бож. I—136. IV—3.
Виноградье, виноградъ, пѣнье. II - 29, 55, 61. Еще см. *Пѣсни Колядскія и Виноградье.*
Виршованіе. I—166.
Випъ, св. I—18.
Вихоръ. См. *Позвиздъ.*
Владиміръ В. К. I-й. I—10, 17, 25, 153, 192, 194, 196, 209. III—154, 158. IV—77.
Владиміръ Мономахъ В. К. III—184. IV—120.

Владиславъ IV, Кор. Польск. III—176.
Власія Свят. Мучен. день. I—18, 203. III—155, 156, 157.
Власьевъ праздникъ. III—154—160.
Вода, Вендск. богъ. I—80.
Водинъ, см. *Одинъ*.
Водовики. I—34.
Водою обливаніе. I—40. IV-194.
Водская пятина, въ Новгор. I—36.
Водяной. I—10, 80.
Водяны и Водяные. I—12, 165. IV—4, 12.
Войцицкій, Польск. писат. I—119.
Волосова улица въ Новгор. I—14. III—158. IV-189.
Волосово. I—14.
Волосовскіе, или Власьевскіе морозы. III—160.
Волосовъ монастырь IV - 189.
Волосъ, или Велесъ (скотій богъ). I — 10, 11, 15, 18, 34, 53, 72, 119, 133, 165, 177, 187, 192, 238, 242. II — 41, 60. III—154—160. IV—77.
Волотово поле. III—159.
Волопъ. I—119.
Волочебники. I—160.
Волхвованіе. II—39. IV—5.
Волхвы. I—33. II—39.
Волховъ, рѣка. I—11, 178, 228, IV—26.
Волшебство, волшебства. I—25, 90.
Волынская лѣтопись. I—97, 228.
Вольшиджи Іос., писат. I—168.
Вормій, писат. I—26.
Воробьиныя ночи. I - 173. IV—9.
Ворожба. II—23, 38.
Вороногрaй. I—70. IV-190.
Воскресенская лѣтоп. I—139, 212.
Восточно-Европейская епоха (отъ вліянія Татаръ, Литвы и Польши) праздниковъ. I—33.
Вселенская, поминальная суббота. I—39. II—117.
Вселенскія панихиды. IV—114.
Всесвятскій маскерадъ. II—122, 123, 124.
Всесвятское гулянье въ Галичѣ. III—22.
———— ——— и гульбище. IV—60.
———— заговѣнье I—50, 180, 234. III—15, 133, 141. IV—51, 52, 55, 56.
Встрѣча весны. III—1—16. IV-194.
——— лѣта. I—77, 83, 142.

Встрѣча съ монахомъ и поломъ. I—25, 236.
Всѣхъ Святыхъ день и праздникъ. I—92, 93. IV—51, 57, 107.
———— недѣля. IV—55.
Вукъ Стефановичъ, писат. I—141. IV—50.
Вуршайтъ (жрецъ) Литов. I—100.
Вьюнецъ, Юнецъ, Вьюнитство. I-36, 182. III—16, 28, 50.
Вьюнишникъ. III—211 - 214.
Вѣдьмы, вѣдьмаки. I—12, 166, 174, 175. III—86, 87. IV—33, 41.
Вѣнечная куница, см. *Куничное*.
Вѣнцы. III—6.
Вѣпряны. I—12.
Вятичи, нар. I—20.

Г.

Гаданіе на бобахъ. II - 49.
Гаданія, загадыванія, гадальщики, гадальщицы. I-41, 61, 73, II-2, 17, 22, 23, 30, 36, 38—52, 60, 61, 64, 110. III—108, 113, 127, 132.
Галлъ Марц., Польск. Истор. I - 210, 211.
Гаммеръ, писат. IV—108.
Ганка, писат. I—131.
Гарклюйтъ, писат. III—162.
Гастевъ М. С., писат. I - II. IV - 199.
Гвагнинъ. I—117, 119.
Гваньини, писат. II—27.
Гельмольдъ, писат. I—18.
Генрихъ, Гнѣзнен. Архіеп. II—12.
Георги, писат. I—90.
Георгій Св., и день его. См. *Егорьевъ* и *Юрьевъ дни*.
Гербершгейнъ. I—227. II—139. IV—124.
Германская миѳологія. I—77.
Германскія племена. I—22.
Гизель, писат. I—168. II—28.
Гилдебрандъ. III—171, 172.
Глаголевъ А. Г., писат. I-I, 56, 62, 129. II-129. III-94, 98.
Гладіаторскія игры. I—25.
Глинка Ѳ. Н., писат. I—205.
Глубочица, уроч. III—90.
Гльбъ Кн. I—54.
Гноища, см. *Удогіе домы*.
Гнѣдичъ, писат. I—62, 179. II—27.

Годъ, gody (годъ, рокъ, лѣто). I—4, 99, 137, 138.
Голембовскій, писат. I — 124, 125, 129, 230. III — 88, 175. IV—6.
Голубая пасха у Нѣмцевъ. III—174.
Голубинскій Ѳ. А., Профес. I - II. IV - 199.
Гомеръ (Иліада). I—31, 61, 62. III—115. IV—53, 76.
Гонигль, бож. Литов. I—101, 102.
Горамъ поклоненіе. I—80, 97, 236. III—18, 19.
Горки, гулянья. I — 179.
Горки, горы, красныя, червонныя и лысыя. I — 154. III—19, 20.
Горобиныя ночи. См. *Воробьиныя*.
Горовицъ, I—95.
Городища. I—191. III—21.
Городокъ или крѣпость изъ снѣга, игра. II—132, 133.
Горы ледяныя. II—122. Еще см. *Катанье съ горъ*.
Горы священныя и проч., вообще. III—18—24.
Горыня, Горыни I—119. III—20.
Горѣлки, игрища. I - 180. III—21, 54. IV—11.
Горѣніе огней. III—25.
Госпожка, праздн. I—49.
Госпожинки, Спожинки, Госпожки, Госпожинъ день, постъ. I - 49, 50, 51. IV—66, 79, 81, 84, 85, 86, 113.
Готическія игры (Святки) въ Царь-Градѣ. I—73.
Готскія игры. II—14, 15, 16, 63.
Готѳы. I—73, 140.
Грамоты и посланія Святительскія и Царскія. I — 8, 37, 200. II—127.
Гремящая недѣля. IV—10.
Грена, Греная недѣля. I—171. III—140.
Грефъ, писат. I—63.
Греческая епоха (до Ташаръ) праздниковъ. I—33.
Греческія древности, праздники, обычаи, повѣрья, суевѣрія. I - 7, 24, 60—64.
Гречишница (Св. Акилина). I—239. IV—77.
Григорій Богословъ, Св. IV - 4, 5.
Григорій Вел., Св. I—241. III—66, 171.
Григорій Св. Назіанзинъ, писат. III - 17, 69.
Григорій Турскій, писат. III—66.
Гриммъ Як., писат. IV—125.
Гробки. I—170. III—46.
Громница, Марія, въ Вилен. Губ. I—96.
Громница, праздникъ. I—159.
Громъ первый. III—16.

Груновій, писат. въ XVI вѣкѣ. I—107.
Гудцы и прегудницы. I—66.
Гули, гулаки (Houli, huli, holaca), св. игры, Индѣйц. I — 59. III — 56.
Гулючки, игры. I—59, 230.
Гулянье въ Вербную субботу, см. *Вербная суббота*.
Гулянья, при монастыряхъ, въ Москвѣ. IV—191, 192.
Гурко (Gurko), бож. Литов. I—95.
Гюпри, писат. I—230.

Д.

Давыдовъ И. И., Профес. I - II. IV - 199.
Дажбъ, Дажба. I—11, 96. II—59, 60. IV - 189.
Даждъ-богъ, Дажьбогъ. I—10, 18, 96, 119, 165. III—154. IV—77. 189.
Данилъ Прошасьевъ, Св. III—179, 194, 195.
Дашуба, бож. I—119.
Двинская грамота Ц. I. В. I—163.
Дебольскій М. III—65. IV—18, 108.
Девятая пятница. I—48, 188.
Девятины. I—65, 67, 111.
Декабрская вольность, праздн. у Римл. II—12.
Деревамъ, дубамъ, дубравамъ поклоненіе. I — 16, 80, 97, 136, 137, 235, 236. IV - 189.
Деревенскія свадьбы. IV—132—154.
Джамы Литов. См. *Блины*.
Дивъ, Дива (Divus, Diva). I—66, 165.
Димитрій Донскій В. К. IV—115, 116.
Димитрій Ростовскій и Туптала, Св. I — 11, 39, 169. II - 28. III — 186, 187, 202. IV—6.
Димитрій Самозванецъ. III—189, 190.
Діевъ М. Я. I—III, 187, 228. II—49, 50, 130. III—106, 155, 203. IV—12, 55, 57, 94, 131, 146, 154, 193, 197, 199.
Діонисовъ праздникъ. II—14.
Длугошъ, Польск. Истор. I—29, 117-120, 128, 137. III—9, 100. IV—21.
Дмитріева, или Дмитріевская, суббота, и Родительская (Дѣдовая). I—49, 109, 215. IV — 115, 116, 117.
Дни солнца, праздн. у Римл. II— 6.
Днѣпровская Русалка. IV—6, 7.
Добровскій, писат. IV—91.
Дожинки. I—31, 157, 176. IV — 85.
Долгій праздн., Литов. I — 112.

Долгорукихъ Князей церковь въ Новгородѣ. III — 205.
Домовой, домовые. I—12, 65, 81, 91, 97, 158, IV—51.
Донъ Ивановичь и Дунай, припѣвы пѣсень и игры. I—58, 219. II—64. III—40 - 45.
Досѣпки. I—176.
Досѣвки. I—31, 157, 176, IV—85.
Драконъ, драконы. III—65 - 68, 71.
Дубрава заповѣдная. I — 14, 15.
Дубравій, Богем. Истор. I—140, 141.
Дубыня. I—119.
Дунайскіе Славяне. I—9.
Духовъ день. I—141, 171, 174, 184. Еще см. *Троицынъ день.*
Дѣдины, дѣды. I—49, 109. IV—110, 111, 113, 116.
Дѣдушка водяной. I—80. IV—11.
——— домовой. I—12.
Дюканжъ, писат. IV—15, 16, 25.

Е.

Еверсъ, Истор. I—152, 153.
Евсевій, Св. III—67.
Егорьевъ (Св. Георгія) день. I—18, 48, 49, 64, 75, 83, 92, 95, 143, 144, 175, 205. III—65 - 80. IV-196. Еще см. *Юрьевъ день* и *Пѣсни Егорьевскаго окликанья.*
Edda Saemundina. I—68.
Екатерина II, Импер. Росс. I—41, 44. II—125. IV—115.
Екатерининъ день у Финн. I—92.
Елеазарь, Игум. IV—56.
Елегіи, думы, Рускія, см. *Пѣсни.*
Елисавета Петровна, Имп. Росс. I — 41. II — 58, 125. III—61, 200, 201, 206.
Еллинскія древности, праздники и проч. См. *Греческія.*
Еортологія Руск. и Литовск. I—5, 93—118, 130, 140.
Епохи праздниковъ I—53.
Ерилово. IV—52.
Еропъ. IV—61.
Ефимьевскій лѣтописецъ. IV—63.
Евтеній, Митроп. Кіев. I-I, 27, 186, 228. III—198, 204. IV—58, 115.

Ж.

Жалѣи, жальники. I—35, 36, 154. III—181, 182.
Жгальцо Иванъ, нищій. III—179, 194.

Желѣзомъ испытаніе, см. *Испытаніе.*
Желябужскій, писат. II—58.
Женское лѣто. IV—62.
Жертвоприношеніе Римлянъ. I—71.
Живъ, живъ курилка, игра Руск. I—62.
Жированіе (жарты, жартовать). II-63. III—24. IV - 191.
Житейскіе праздники. I—52, 45.
Жмудь, народъ. I—94, 246. III—139.
Жмурки (слѣпа баба), игра. I—149, 230. II—63.
Жуковскій В. А., писат. II—84.

З.

Забавы народныя, см. *Народныя.*
Завиваніе и развиваніе вѣниковъ, см. *Семикъ* и *Троицынъ день.*
Завѣйница, танецъ, пляска. I—156.
Загадки святочныя. II—53, 54.
Загадываніе, см. *Гаданія.*
Задушные люди. IV—112.
Зажинокъ, Литовск. праздн. I—106.
Закликаніе, зазываніе весны. I—47, 49, 170, 220. III—6, 11, 14, 54.
Заклинаніе мороза. I—180.
Замореная зима у Чеховъ. III—8.
Западно - Европейская епоха (отъ Петра I до нашихъ временъ) праздниковъ. I—53.
Запашки. I — 163.
Заповѣдныя, завѣтныя деревья. I - 80. III—112.
Заповѣдныя записки. I—205.
Заповѣдныя рощи, поклоненіе имъ. I—80, 136.
Запрягальникъ (Св. Іеремія). I—18, 239. III—92.
Заревница (Св. Ѳекла). I—201, 239. IV—77, 85.
Заручейская криница, родникъ, см. *Криница.*
Засѣвки, засѣвъ. I—51, 178.
Заяцъ въ полѣ. I—97, 98.
Звонъ въ ушахъ (ухозвонъ). I—70. IV—190.
Звѣзды, хожденіе со звѣздою. I—166, 187.
Зеленачка, или ярь, весна. III—12.
Зеленыя святки, зеленая недѣля. См. *Троицынъ день.*
Зема, Земенникъ (Земленикъ), Земина, Литовск. праздн. I-108, 109. IV—76.
Зеркало, гаданіе. II— 50.

Зимнянки. I—12. III—12.
Злота-баба, Малоросс. I—165.
Злыдни. I—97.
Змѣи. I—166.
Зничь. I—12, 97, 147, 235. IV—25, 42.
Золотая баба, у Обдорц. и Корел. I—96, 242. III—27.
Зотовъ-Папа. II—13.

И.

Иванчинъ-Писаревъ Н. Д., писат. III-32, 162. IV-191.
Иванъ Купало, Ивановъ день и ночь, Ивановскіе огни. I—8, 13, 36, 79, 81, 84, 89, 90, 92, 103, 104, 105, 124, 125, 141, 142, 155, 161, 168, 174, 175, 178, 191, 240. III — 86, 98, 112. IV—15, 15, 18 — 21, 26—44. Еще см. *Купало* и *Пѣсни Купальскія.*
Иванъ-да-Марья, поговорка, цвѣтъ, травка (растеніе). I-173. IV—10, 39, 40.
Иванъ озеро. III—40.
Игорева пѣснь. III—115, 154. IV—53.
Игра, игры, игрушки. I—8, 9, 25, 50, 58, 59, 62, 63, 73, 149, 180, 189, 205, 213, 219, 226—230. II—2, 10, 14, 15, 16, 63, 64, 127, 132, 133. III—15, 24, 27, 29—47, 54, 105, 111. Еще см. *Красная горка, праздн., Троицынъ день* и *Хороводы.*
Игра пальцами. I—227, 228.
Играть въ горѣлки, въ хороводы. I—179, 180.
Игрища, игры межу (межю) селы (т. е. между полей). I—22, 23, 206. III—35. IV—119.
Игрища. I—8, 23, 24, 33, 38, 54, 117, 140, 148, 155, 162, 179, 180, 185, 186, 191, 192, 228, 230, 236. II-36, 37, 59, 126. III-24, 54. IV—11, 51—61, 64, 121.
Игры поганскія и бѣсовскія. I—8.
Идоламъ поклоненіе. I—35.
Идолопоклонство и жертвоприношеніе, св. дубамъ, дубравамъ, липамъ, источникамъ, кладезямъ, озерамъ, рѣкамъ, нимфамъ, горамъ. I-14, 15, 16, 23, 39, 56, 58, 71, 78, 80, 97, 136, 137, 141, 235. III—111, 112, 113. IV—4, 5, 22, 189. Еще см. *Горамъ* и *Деревамъ поклоненіе.*
Ижорцы и Ижорки, народъ. I—90. IV—54.
Изгнаніе зимы и смерти. I — 28, 49, 77, 83, 120, 142. III—6, 11, 16.
Изгнаніе коровьей смерти. См. *Коровья смерть.*
Изгнаніе или провожаніе Русалокъ. IV—10, 11.

Изурочить, сглазить. I—70, 88.
Иконы. I—18.
Иліада. I—31, 62, 65.
Ильги, долгій праздн. Липовск. I—111.
Ильинъ день. I—160, 162, 189.
Илья, Св., Пророкъ. I—17. III—155.
Иллирійскіе Славяне. I—133.
Имена двойныя (при рожденіи и крещеніи). I—212, 213.
Именины (тезоименитство, празднество. I—211, 215.
Именинный пирогъ. I—213.
Индра у Индѣйц. I—59.
Иродіонъ, Еписк. III—209.
Иродотъ. III—111. IV—122.
Иродъ, избіеніе младенцевъ. II—22, 23.
Иръ. III—2.
Исаія, Св., Пророкъ. II—9, 58.
Исландцы. I—30.
Испытаніе огнемъ, водою, желѣзомъ. I—62, 87.
Истребленіе идоловъ въ Силезіи и Польшѣ. II—131.
Итальянскіе маскерады. I—41.

І.

Іаковъ Черноризецъ. IV—121.
Іеронимъ. II—9.
Іоакимъ, Патр. I—37. II—36. III—70. IV—101.
Іоаннъ Алексѣевичъ, Царь Руск. III—170. IV—101.
Іоаннъ, Арх. Новогор. III—192, 193.
Іоаннъ III и. I—35.
Іоаннъ IV й. I—8.
Іоаннъ Васильевичъ Царь и В. К. I — 37, 211. II — 56. III—164, 194. IV—103, 104, 115.
Іоаннъ Екз. Болгарскій. IV - 190.
Іоаннъ Златоустъ, Св. II—8. III—171, 181.
Іоаннъ Креститель, Св. I—18.
Іоаннъ Митропол. I—195. IV—5, 121.
Іолійскіе, или Юльскіе праздники. I—72, 81. II—16, 17, 18, 20, 21, 27.
Іолійскія игры, Сканд. I—51.
Іорданское купаніе святошниковъ. II—62. IV—43.
Іоркской церкви опись. II—12, 13.
Іорнандъ, писат. I—146.
Іосафъ, Патр. III—169.

Іосифъ Патр. III—165 - 169.
Іудеи. I—32.

К.

Кадлубко, писат. I—211.
„Какъ камень въ воду,“ поговорка. I—129.
Календы Январскія. См. *Январскія Календы.*
Каменныя бабы. I—143. IV—70, 71.
Камни чудные. I — 187. III — 157, 158. Еще см. *Баши, или Башь и Башиха.*
Камнямъ жертвоприношеніе и поклоненіе. I — 80, 97, 255. IV—69 - 74.
Канонъ, празд. I—176.
Канне, писат. I—68.
Капища, капище. I—7, 15, 16, 22, 241, 242.
Капустница. IV—77.
Капустницы, рубленіе и сѣченіе капусты. I-88, 89, 203.
Каравай, коровай свадебный. I-69. IV-123. Еще см. *Свадьба.*
Карамзинъ Н. М., Исторіогр. I-I, 14. II-23, 24, 50, 139, 140, 142, 209, 211, 250. III-7, 47, 48, 113, 179, 208. IV-20, 60.
Карачуницкій погостъ, въ Шелонск. пят. I—139.
Карачунъ и Корочунъ. I—12, 49.
Каремъ, Францисканецъ. III—172.
Карлъ Аквинскій. I—146.
Карлъ Великій. I—26. III—113, 171. IV—26.
Карнавалъ. II—116, 119, 125. Еще см. *Масляница.*
Карпато-Россы. I—13, 143. IV—17, 37, 194.
Катанье съ горъ и по улицамъ. II—117, 121, 133.
Качели, колыски. I—229. III—13. IV—68.
Кашкадамова Т. К. II—98, 133. IV—84.
Кащей. I—119.
Квиритовъ молитвы. I—66.
Кельхенъ, истор. I—202. IV—88.
Кеппенъ, писат. I—23, 36.
Керечунь-вечеръ, Святки у Карпато-Росс. I—138. II—12, 30.
Кермаши. I—162. III-73. IV—191.
Кикимора, Кикиморы. I — 12, 119. III — 10. Еще см. *Постынь.*
Киннамъ, писат. III—172.
Киреевскій П. В., писат. II —69. III—77.
Кириллъ Арх. I—182.
Кириллъ Митр. I—24, 228.
Кирша Даниловъ. IV—85.
Кихель Самуилъ, писат. III—197, 198.

Кіевская вѣдьма, поговорка. IV—6.
Кіевская лѣтопись. I—228. III—49.
Кіевъ. I — 10, 11, 16, 53, 114, 192, 194, 252. III — 19, 51, 77, 86, 116, 179. IV—92, 95.
Клады. I—162. IV—37.
Кластъ на зубокъ, каша. I—210.
Клеммъ, писат. IV—27.
Клечальная суббота, седьмица. I - 173. III - 99. IV - 7.
Кликаніе, окликаніе весны. I - 57, 179. III - 12, 13, 16. Еще см. *Встрѣча весны.*
Кликаніе мертвыхъ. I - 56. Еще см. *Оклички.*
Клуверій, писат. I - 80.
Ключь, праздникъ. I - 186.
Кляпва богами. I - 87.
Князь и Княгиня, новобрачные. III - 6.
Князь-солнце и Княгиня-луна или мѣсяцъ. III - 6.
Коби, кобники бѣсовскіе. I - 8, 90. II - 54.
Кодинъ, писат. I - 73. II - 15.
Козловскій Князь А. Д., писат. III - 106. IV - 131.
Козу играть. II - 10.
Кокуй, и кукуй, сел. въ Новгор. Губ. I - 90, 178, 179. III - 90. IV - 26.
Коккуй, праздн. IV- 26.
Колдовство, колдованье. I - 57, 88, 90. II - 28, 39.
Колдуны. I - 91. III - 86.
Колдуньи. IV - 53, 54.
Коледу пѣть, пропѣть, въ Яросл. II - 133, 134.
Колларъ, писат. III - 67.
Коллинсъ Сам. Англич. III - 196.
Коло, колесо. I - 45, 63. II - 28, 60. III - 88. IV - 44. Еще см. *Хороводы.*
Colobizce (кладбище?) селен. IV-110.
Колодезь и кладенцы, студенцы. I - 16, 56.
Колосяница (Св. Ѳеодосія). I - 18, 239. IV - 77.
Коляда, каледа, коледа, колядки (каланды, каланты, календы, коленды). I — 11, 30, 31, 45, 49, 54, 62, 114, 119, 127, 138, 139, 141, 155, 159, 165, 166, 167, 177, 187, 238. II — 2 - 5, 8, 10, 23 - 29, 54, 55, 58 - 61, 103, 106 - 109, 134, 136. III—108. IV—18, 190, 198. Еще см. *Пѣсни Колядскія и Виноградье.*
Колядованье, колядовать, коледовщики. I—61, 62, 139, 140, 141, 167. II—24, 25, 27, 28, 30, 38, 60, 134, 135.

Комедіи лубошныя въ Москвѣ. II - 126.
Коневецъ, остр. I - 15.
Константинъ Багрянородный, писат. I - 139, 199. II—14.
———— Великій. I - 17, 239.
———— Князь Благовѣрный. I - 34.
———— Мономахъ, Импер. III - 172.
———— Муромскій Кн. I - 137.
———— Порфирородный. I - 73.
Конпарини, писат. II - 122.
Конь-камень. I - 15. IV - 70.
Конюковки, см. *Всесвятское заговѣнье.*
Кормчая. I - 8, 17, 23, 38, 54, 67, 200, 229. II - 36. III - 99, 127. IV - 15, 117, 121, 190.
Корниловичъ А., писат. I - 210.
Короводы, см. *Хороводы.*
Коровья смерть. I - 14, 16, 50, 51, 204. III - 156.
Корочуновъ камень. I - 15, 139. IV - 70.
Корочунъ, крачунъ, карачунъ. I - 139. II - 50.
Коссовичъ, пис. IV - 17.
Кострома, дѣвка, миѳъ, игра, припѣвъ пѣсни. I - 184, 234. III - 116, 134, 135, 140. Еще см. *Погребен. Костромы.*
Кохановскій Иванъ, Польск. пис. I - 124, 126. IV - 29.
Крандъ, Саксон. I - 52, 140. II - 23.
Красивая Меча, рѣка. I - 15.
Красивыя госпожи у Грековъ. IV - 3, 4.
Красная весна. I - 47, 55. III - 1, 18, 24. Еще см. *Весна.*
Красная горка, праздн., игры и пѣсни. I - 47, 51, 55, 179. III - 15 - 46, 53, 131. IV - 118.
Красная горка, сопка и мѣстечко. III - 22.
Красница, въ Галичѣ. III - 22.
Красногорская крѣпость, острогъ, III - 22.
Красногорскіе монастыри. III - 21.
Красногорскія пустыни. III - 21.
Красное-Колядино. IV - 190.
Красное лѣто, солнце. I - 55. III - 24.
Красной-Колядинъ. III - 22.
Красный звонъ, церковный, и церковь въ Москвѣ. III - 23, 24.
Красный Русальный прудъ въ Москвѣ. III - 128. IV - 13.
Красный (прекрасный) цвѣтъ, краса, красный лѣсъ, хлѣбъ.- Красные холмы (или пупы, пупыши), пруды, урочища, города, сёла, дворы, ворота, окно, поля, дѣти, дѣвицы, дни, жизнь, смерть, рѣчи, бѣсѣда и проч. I-55. III-22, 23, 24.

Красныя (красивыя) горки, горы, пригорки, урочища; торги и ярмарки. III—20— 23.
Крейцеръ, писат. IV — 107.
Крестный ходъ на житно, въ Малор. III—73, 74.
Крестовая гора, въ Иркутск. III—51.
Крещеніе кукушекъ. I—183. III—96, 98. IV—10.
Крещенская, постная Коледа, водокрещи. II— 29, 62.
Кривичи. I—26.
Криница Заручейская, или Сухомлинская, родникъ, ручьи. I - 64, 171, 172. IV - 3.
Криницы, дѣвицы. I - 172. Еще см. *Русалки.*
Кродо. I - 50, 135. II - 127. III - 160.
Кромеръ, истор. Пол. I - 13. IV - 21.
Кудесники и ворожеи. I - 33, 34, 36, 90. II - 34.
Кудесы. I - 8, 177. II - 34.
Куковинка, или Новинское, урочище въ Москвѣ. II - 126. III - 60, 61.
Кукуева гора. I - 90.
Кукуева, Кокуева слоб. и руч. въ Москвѣ. I - 90. IV - 41.
Кукушка. II - 93—96. Еще см. *Праздникъ Кукушекъ.*
Кукушкинъ день, въ Норвегіи. III - 96.
Кулачный бой. I - 230. II - 117, 126.
Кума. III - 97, 98.
Кума въ Семикъ, игра. III - 103.
Кумиры. I - 7, 19. IV - 70.
Кунигованіе, обрядъ Литов. I - 116.
Куничное и Куница (куны и кунигованіе) вѣнечная, свадебн. I - 116, 207, 208. IV - 124, 125, 154.
Купаленка, цвѣтокъ. IV - 59.
Купало и Купальница. I - 11—14, 18, 19, 30, 40, 45, 48, 51, 54, 55, 59, 68, 73, 84, 103, 104, 105, 119, 124, 138, 141, 142, 147, 154, 155, 159, 162, 165, 166, 168, 169, 170, 178, 179, 219, 220, 224, 235, 238, 240, 242. II - 60. IV - 18—50, 61, 66, 68. Еще см. *Пѣсни Купальскія.*
Купальскіе огни, Купальскія пѣсни, ликованія, праздники, лекарственныя (хорошія) травы и (лютыя) коренья.
Купальница, см. *Аериппина.*

Купальница ярмарка. I - 15, 242. IV - 40, 41.
Купанье. I - 40, 58. III - 13. IV - 19, 40, 43, 194.
Курбскій Кн. II - 141.
Курганы, насыпи. I - 128, 129, 236.
Кури. I - 13.
Курко, богъ Прусс. I-109.
Курокликъ. IV - 190.
Кусту и солнцу поклоненіе. I - 35. IV - 25.
Кутеповъ І., Протоіер., писат. I - 170.
Кутья, каша. I - 115. II - 29. IV - 117.
Куща, праздн. Іуд. I - 85.

Л.

Лаврентій Лудійскій, писат. I - 72.
Ладо, Ладъ (Лада, Диди-Ладо). I 11, 12, 13, 18, 19, 30, 46, 66, 95, 96, 104, 119, 134, 151, 156, 165, 219, 235. III 6, 14, 27, 112, 116, 140. IV-21, 22, 42, 68, 128.
Ладовичино, уроч. I - 14.
Лажечниковъ И. И., писат. I - II.
Лазарево Воскресенье, см. *Вербная Суббота.*
Лалымники, Колядники. I—155.
Лапичинъ (свѣтлый) понедѣльникъ. IV - 195.
Ларвы (Larva). I - 68.
Ласицкій, пис. I - 106.
Латинскіе (праздники, суевѣрія). I - 7.
Латона, Лета (Letho), Летница, богиня, лѣто. I - 142, III - 2.
Лашкевичъ, С. И., III - 73. IV - 199,
Лебедевъ П. С., писат. IV - 199.
Левъ Калойскій, писат. III - 54. IV - 4.
Ледо. I - 13. IV - 21.
Лелевель, писат. III - 9.
Лело. I - 165.
Ленехинъ И., писат. I - 189, 202. IV - 87.
Лербергъ, А. Х. писат. I—56.
Летты. I - 13.
Лиго, бож. I - 84. IV - 21.
Лизунъ. I - 12.
Линде, Словарь. I - 126. II - 27. III - 75.
Линденброгъ, писат. IV - 27.
Липамъ поклоненіе, см. *Идолопоклонство.*
Липранди, писат. III - 72.
Липсій, писат. I - 71.

Липва и Литовцы. I - 13, 37, 94, 124. IV - 51, 110, 111, 124, 125.
Литовскіе празднества и обряды I - 99 - 118.
Литье воска и олова въ воду. I - 61, II - 23, 40, 44.
Личины, маски, наличники, обличья и проч. I - 57, II - 31, 32, 33, 63, 64. IV - 193.
Лобное мѣсто въ Москвѣ. III - 162, 165, 169.
Лобойко И. Н., Проф. I-II, III, 96, 156. III-10. IV-199.
Лошадь выводить изъ конюшни. II - 43.
Лука, Архіеп. XII вѣка. II - 31.
Лукіанъ, писат. II - 139.
Луковъ день. I - 180.
Лукоморье. III - 79.
Луціанъ, писат. I - 67.
Лысая гора въ Кіевѣ. I - 79, 84, 92, 174, 175. III - 51, 86. IV - 34.
Льняница. IV - 77.
Лѣсамъ дремучимъ поклоненіе, см. *Идолопоклонство.*
Лѣто, назв. года у Слав. I - 81.
Лѣтопроводца день (Св. Симеона). I - 43, 49, 239. IV - 92, 93. Еще см. *Семенъ день.*
Лѣшій, лѣшіе. I - 12, 165. IV - 12, 13.

М.

Мавки, Русалки на Украйнѣ. I - 96, 165, 172, 173, 174. IV - 4, 10. Еще см. *Русалки.*
Маврикій, писат. III - 29.
Маги, огнепоклонники, у Перс. I - 59.
Магія. I - 57.
Магна Св. погостъ, Сакс. I - 52, 140. II - 23.
Май мѣсяцъ. I - 43, 69, 161. III - 2, 81-98.
Майскій праздникъ. I - 75, 83, 145.
——— ——— источниковъ, въ Богеміи. III - 87.
Макаріевская Минея. I - 11. III - 154. IV - 20.
Макарій, Новгор. Арх. I - 36. II - 34.
Макаровъ М. Н., писат. I—I, 47. IV - 7, 61.
Макробій, писат. III - 82.
Максимовичъ М. А., писат. I-166, 173. II-69. IV-9, 38, 50.
Малиновскій. II - 84.
Малороссія. I - 164 - 176. IV - 30, 58.
Мара. III - 10, 11. IV-194.

Марана (Marana), Марена, Малоросс., Богем. и Силез. I-142, 165, 170. III - 8-11. IV - 32, 76, 77.
Маргостье. I - 183.
Маржана. I - 28, 121, 122. III - 8, 9.
Маржеретъ, писат. XVII вѣка. II - 135.
Маркевичъ, писат. I - 167
Марко Св. гробокопатель. III - 179.
Марковъ, писат. III - 175.
Маршинъ, писат. IV - 29.
Мартовское пиво. I - 121. III - 5.
Мартъ (Маротъ) мѣсяцъ. I - 46, 114, 121, 142. III - 2-11, 88.
Марьина роща. III - 100, 101, 102, 200, 207, 208.
Маскарады, и Маски. I - 41, 44. IV-195. Еще см. *Личины, Москолюдство* и *Окрутники*.
Масляница, честная, широкая, госпожа. I - 36, 37, 41, 49, 50, 51, 68, 86, 93, 113, 114, 127, 176, 234. II - 10, 62, 115-138. III - 8, 100, 160. IV - 151, 153, 197.
Материнская ночь (Moedre-nicht) Англо-Саксовъ. I - 31. II-17.
Мать земля. I - 96. IV - 76.
Мая, богиня, мать Меркурія. I - 85, 124. III - 88, 89, 110.
Медвѣжье ушко, цвѣтъ. IV - 39.
Межибожье. I - 136, 156. III - 27.
Мейдингеръ, писат. I - 65.
Мейербергъ Баронъ. I - 212.
Менкенъ, писат. I - 146.
Мертвенныя молитвословія. III - 185.
Мертвое воскресенье (Todsonntag) предъ наступл. Велик. Поста. I - 28.
Мертвыхъ сожиганіе. I - 58.
Метаніе жребія. I - 63.
Метелица, пляска, танецъ. I - 156.
Мечиславъ. III - 8.
Миллеръ, истор. I - 226.
Миндовга крещеніе въ XIII в. I - 97.
Мисаилъ, Митроп. Бѣлогор. I - 25. II - 31.
Митусъ, словутный пѣвецъ. I - 218.
Михайловская Братчина. I - 162.
Михайловъ день (Св. Архистр. Михаила). I - 76, 83, 127, 143, 144.
Михаилъ Кн. Черниговскій. IV - 25.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, Царь Росс. III - 168. IV - 99, 103.
Мичуринъ, писат. III - 190, 199.

Миѳологія Славяно-Русская, Литовская, Украинская, Финская. I - 9, 13, 89, 93, 130, 165, 230, 235. III - 92.
Младенцы некрещеные. I - 173. III - 98. IV-3, 7, 10, 14.
Могилки. III - 47.
Мокошъ или Макошъ. I - 10, 11, 119.
Молить каравай. I - 185.
Мольбища. I - 191.
Монс, писат. IV - 76.
Монро В., писат. IV - 2.
Мордаки. I - 149, 150.
Морошкинъ Ѳ. *Л.* Професс. I-I, 79, 87, 135. II-43. IV-199.
Morusi, бож. Чеховъ. I - 136.
Моръ и чума въ Москвѣ и др. мѣст. III - 192-195, 208.
Моряны. I - 12. IV - 4.
Москва (Московщина). I - 35, 188, 195, 232, 245. II - 29, 64. III-21, 49, 99, 100, 102, 103, 107, 128, 140, 160—170, 179, 193, 195, 199, 200, 201, 206. IV - 40, 41, 60, 63, 74, 97, 103, 105, 124.
Москолюдство. I - 229. II - 31.
Муравьевъ А. Н., писат. II - 8.
Муравьиное масло. IV - 38, 39.
Муромъ. I - 34.
Мухлинскій, писат. I - 110. IV - 111.
Мѣсяцословы Скандинав., сравненіе. I - 77.
Мѣховита, писат. IV - 21.
Мѣховскій М., писат. I - 118.
Мѣшко (Мечиславъ). I - 121, 122, 123.
Мясниковъ М. Н., писат. II - 26, 45. III - 155. IV - 82.
Мясопустъ, см. *Масляница*.

Н.

Nabo, Nibu, Санскритск. I - 58.
Навечерія (на канунѣ Богоявленія, Іоанна Предтечи и Рожд. Хрістова). I - 36, 37, 52, 140. II - 23. IV - 15, 35, 36, 37.
Наливки. I - 29, 36. IV - 51.
Наливки, уроч. въ Москвѣ. IV - 63.
Намѣстничество. I - 41.
Нантскій Соборъ. II - 33.
Нарбуттъ, писат. I - 115, 230. IV - 5, 22.
Народныя, простонародныя забавы, пиры, обряды, празднества, утѣшенія. I - 39, 44, 49, 194—198, 215, 227, Еще см. *Праздники простонародные*.

Нарушевичъ, Истор. Польс. I - 13, 121. II - 109. III - 8.
Наряжанье. III - 2, 30.
Наской и Навій день. III - 47.
Nèba, Арабск., I - 58.
Nebo, Халдейск. I - 58.
Небо. I - 58.
Невиданный, необыкн. маскерадъ и санное катанье. II-122-125.
Нейгебауеръ, писат. IV - 64.
Немнянки, см. *Русалки.*
Несторъ, лѣтоп. Рус. I-6, 23, 33, 148, 206, 230. III-19, 34. IV - 4, 20, 92.
Нефедьевъ Н. И. II - 35.
Николинъ день. I - 160.
Никольская Братчина. I - 162.
Никольщины. I - 50. IV - 80, 83.
Никоновъ, лѣтопис. I - 212. II-140.
Никонъ, Патр. III - 201.
Новгородскій лѣтописецъ. III - 191, 192, 194.
Новгородцы. I - 8, 88, 228. II - 33, 34.
Новгородъ (Новгородье). I - 16, 33, 55, 88, 188, 192, 196, 198, 211, 227, 232, 245. II - 33, 34, 64. III - 21, 97, 158, 179, 191—194, 205. IV - 83, 103.
Новиковъ Н. И., писат. II - 126.
Новомѣсячія, Литов. I - 99.
Новоселье. I - 215.
Новый годъ и Новолѣтія. I - 45, 47, 114, 115, 126, 155, 166, 168. II - 4, 9, 25, 58, 110. III - 87. IV - 91, 92, 97—102, 105.
Номоканонъ. I - 8, 23, 52, 68, 154, 200, 223, 229. II - 32. III - 116, 127.
Ночь предъ Рождеств. Хрістов. въ Англіи и др. мѣст. II - 18, 19, 20, 22, 23, 24, 28.
Нѣмецкіе станы или столы. I - 43. III - 90, 91. Еще см. *Первое Мая* и *Первомайское гулянье.*
Нѣмецкія (божества и суевѣрія). I - 150, 151.
Нѣмцевичъ, Польск. писат. I - 125.

О.

Обаяніе. II - 39.
Обжинки. I - 31, 45, 49, 163.
Обжорныя пятница и суббота. I - 188.
Обливаніе водою въ праздники. I - 25, 40, 69. IV - 42.

Облупа, гулянье. IV - 66.
Обманы, см. *Первое Апрѣля.*
Обозъ, околкъ, въ Сыропустное воскресенье. II - 129.
Оболенскій Кн. М. А. I-I, 198, 206, 245. III-35. IV-120, 199.
Оборки, праздн. I - 176.
Оборотни. I - 136, 154, 158. II - 61.
Обрядъ. I - 5.
Обрядъ вербнаго шествія, или хожденія Патріарха, на ослятѣ, см. *Вербная суббота.*
Обрядъ Пещнаго дѣйствія I - 188.
Общество братьевъ милосердія, во Флоренціи. III - 179.
Обычаи старые. I - 35, 56.
Обѣдная, праздн. III - 72.
Овидій, писат. III - 85. IV - 24.
Овинъ и снопъ-именинникъ. IV - 83, 84, 189.
Овинные имянины. I - 49.
Овсень или Усень. I - 47. II - 40, 103. Еще см. *Авсень.*
Овсяница (Св. Напалія). IV - 77, 88.
Огню поклоненіе и черезъ огонь перепрыгиваніе. IV - 25, 26, 37, 41, 43. Еще см. *Ивановы ночь и огни.*
Огонь, живой, лѣсной, Царь-огонь, лекарствен. I-179. IV-34.
Одинъ, Датск. I - 10, 72, 76, 80, 87. II - 16. III - 69, 84.
Одиссея. I - 51.
Оккапирмосъ, богъ Литов. I - 114, 115.
Окладины. I - 163.
Оклички (кликаніе, окликаніе мертвыхъ). I - 36, 214. III-7, 13, 16, 50, 54. IV-191. Еще см. *Радуница.*
Окрутники, окручанье. I - 177. II - 51, 53. Еще см. *Святки* и *Личины.*
Оладьи. II - 117, 121.
Олай Велик. I - 28.
Олеарій, писат. III - 162, 165, 172. IV - 64, 124.
Оловъ, Св. Олова день у Финновъ. I - 92.
Ольга В. Кн. I - 26.
Омовенія. I - 58. IV - 23.
Онокентавры у Грековъ. II - 62.
Опахиванье, см. *Коровья смерть.*
Опашка, земледѣльческ. праздн. IV - 82, 83, 95.
Опричники. I - 57. II - 56.
Орда. I - 34.
Осенины, Дѣды. I - 49, 109, 157, 163. IV - 110, 113, 116.
Осенянки. I - 12. III - 12.
Осенняя Родительская. IV-106—117.

Ὀβία. I - 27.
Оспожинки, см. *Госпожинки.*
Осыпаніе, обсыпаніе или обсѣваніе новобрачныхъ хмѣлемъ и деньгами. I - 207. II - 103, 108, 109, 110. IV - 122.
Отмица, похищеніе дѣвицъ. I - 148. III - 34.
Очищеніе огнемъ и водой. I - 58. IV - 22, 23, 24, 37, 41—44. Еще, см. *Ивановы ночь и огонь.*

П.

Паганіи у Грековъ. II - 61.
Палеологовъ домъ. I - 35.
Палеса (Pales). I - 68.
Паликопъ, праздн. I - 156, 159, 175.
Палій, Св. Пантелеймонъ, Малоросс. I - 68, 156, 175.
Палиліи, Римск. праздн. I - 68. IV - 25.
Паломники. III - 163, 167, 174.
Памва-Берында, писат. I - 27, 148. II - 39.
Памфилъ, Преподобн. Игуменъ. I - 56, 224.
Панихиды (Канунъ). I - 67, 214, 215. III - 50, 52, 63, 183. IV - 114—117.
Папа Григорій великій, въ 600 году. II - 115.
—— Иннокентій III й. I - 240. II - 12.
———— XI й. II - 119.
—— Сильверстъ. III - 66.
Папоротъ (папоротникъ, кочедыжникъ), цвѣтъ. I - 175. IV - 37, 38. Еще см. *Ивановъ день* и *Купало.*
Параскевы Св. день, въ Булгар. I - 144.
Парастасъ (*παράσαβις*). I - 146.
Паргиноты. I - 27.
Пасиковъ день. I - 180.
Пастырскія посланія Святителей Росс., см. *Грамоты.*
Патерикъ Печерскій. I - 229, 236. II - 31. III - 49.
Паутинное лѣто, *(Бабьино лито).* I - 175.
Пахимеръ, писат. III - 171.
Пахоміевская поляна въ Нерехтѣ. III - 107, 202.
Пепельная середа II - 116.
Первое Апрѣля. I-43, 59, 75, 83, 99. III-16, 55—61. IV-196.
Первое Марта. I - 27.
Первое Мая. I—83, 84, 123, 135. III - 14, 16, 74, 81-92.
Первое Сентября, см. *Новолѣтіе* и *Семенъ день.*
Первое Января. I - 81, 178. II - 58.

Первомайское гулянье. I - 43, 48, 64, 81-92.
Первый день въ году, у Литов. I - 99.
Пергруба, Литов. богиня. I - 99, 100, 101.
Переряживанье. II - 32, 36, 61, 63.
Перунина пустыня. I - 14.
Перунова рѣнь, уроч. I - 14.
Перуново, Піоруново, уроч. I - 14, 157.
Перуновъ, уроч. I - 14.
Перунъ и Перкунъ, божество. I - 10, 11, 14, 18, 55, 59, 61, 72, 76, 79, 87, 88, 89, 95, 96, 98, 101, 111, 119, 133, 152, 154, 192, 227, 235. II - 41, 59. III - 20, 115, 116, 155. IV - 17, 42, 194.
Перунъ, уроч. I - 14.
Петровки и Петровъ день. Петраки, Петрово говѣйно, праздникъ, гуланки, гулянья, хороводы и проч. I - 29, 152, 184, 186, 208, 220. III - 131, 140. IV-7, 17, 62-68, 71, 72.
———— постъ. IV - 51, 60, 63, 65.
Петровскіе дань и торги. IV - 63.
Петровскій Н., писат. II - 133.
Петроній, писат. I - 71.
Петръ I й, Импер. I-1, 8, 33, 38, 39, 43, 44, 197, 209. II-13, 36, 57, 58, 122, 124. III-60, 91, 161, 170, 171. IV-34, 95, 102, 126, 191.
Петръ Могила, Митроп. III - 51.
Пиво варить, игра. IV - 96.
Пирогъ медовый (пряникъ). I - 32. IV - 76.
Пирь козла, торж. IV - 111, 113.
Пиры, огнепоклонники у Перс. I - 59.
Пиры монахамъ. I - 195.
—— пиршества. I - 197.
—— празднества, угощенія народныя, см. *Народныя.*
Плакуши. I - 67.
Плано-Карпини, писат. IV - 125, 152.
Плетень, игра. III - 39, 40.
Плишкинъ П., писат. III - 28.
Плутархъ. III - 83.
Пляски. I - 227.
Побратимы и посестримы. I - 150.
Побѣдище, гора. I - 178. IV - 34.
Поганскіе обычаи. I - 8, 33, 55, 78, 94, 200. II - 3.
Поганый хлѣбъ. II - 137.
Погода. I - 19. IV - 77.

Погодинъ М. П., писат. I-II. IV - 199.
Погостъ, погосты. I - 35, 52, 191, 198, 199. III - 209. IV - 117.
Погребеніе Костромы, гульбище. I - 183. III - 135. IV - 60.
———— Лады, гульбище. I - 183. III - 135. IV - 60.
———— Ярилы, гульбище. I - 183. IV - 55, 58, 60.
Поденьшикъ, Журналъ. II - 137.
Подслушиваніе подъ окнами домовъ и церквей, и на перекресткахъ. I - 41. II - 42, 48, 49.
Пожинки, см. *Госпожинки*.
Позвистъ, Посвистъ или Похвистъ. I - 11, 119.
Позоры, позорища, празднествъ и игрищъ. I - 192, 236.
Поклоненіе стихіямъ царственнымъ (огню и водѣ). I - 56, 58, 235.
Покровская суббота. IV - 115.
Полевой, духъ. I - 12.
Полевой Н. А., писат. I-II, 25, 152, 219, 228. III - 100. IV - 95, 97.
Полелѣ. I - 165.
Полканъ. I - 119.
Полонина (Альпа) Карпато-Русс. I - 145.
Полосканье рѣчевъ. II - 137.
Полтеники, см. *Оборотни*.
Польскія божества. I - 118.
Польскія жертвы. II - 63.
Польша и Поляки. I - 33, 118. IV - 29.
Полукрестъ, игра. I - 189.
Поляна, Семикъ въ Вологдѣ. I - 180. III - 107, 204.
Поминки и похороны, Дѣдины, Осенины. I - 109, 163, 171, 214, 225. II - 120, 121. III - 50, 51. IV - 106—118.
Поморяне. I - 152.
Помочи, сиротская и вдовья, обычай и пиршество. I - 201, 202. IV - 87, 88. Еще см. *Толока*.
Понголъ Великій, Перунъ-Понголъ. I-59. II-4,29,61. IV-193.
Порусы или Пруссы. I - 79.
Посидѣлки. I - 50. IV - 95.
Пословицы. I - 41.
Послѣдній день жатвы, Литов. праздн. I - 107.
„Послѣ дождичка въ четвергъ“ поговорка. I - 75.
Посошковъ, писат. I - 39.
Постриги и посажденіе на коня, обряды. I - 210, 211.
Постѣнь. I - 12, 65, 92, 97. III - 10. Еще см. *Кикимора*.
Потребникъ мірской. I - 55, 158, 163. II - 44, 49, 163. IV - 5, 55, 97, 100.

Потримпъ и Пиколо. I - 79.
Похоронные, погребальные обряды. I - 67, 109, 110, 111, 145, 214, 215, 225. IV - 106.
Похороны мухъ. IV - 96.
Починальники. I - 160.
Правда Русская. I - 198.
Праздники: весенніе и лѣтніе, осенніе и зимніе. I - 45, 46, 48, 49, 138, 190, 191. III-1—176, 211—214.
———— древніе и новые, съ жертвоприношеніями. I-21.
———— заимствованные и отечественные. I - 53.
———— земледѣльческіе. I - 31, 47, 200, 201. II - 103, 109. III - 65, 70. IV - 75—90.
———— житейскіе. I - 32, 45.
———— иподіаконскіе. II - 11, 12.
———— Малороссійскіе. I - 166.
———— неподвижные и подвижные. I - 51.
———— обѣтные, чрезвычайные и заповѣдные. I - 51, 203, 204. IV - 83.
———— Пастушескіе. I - 47, 203. III - 65, 70, 72. Еще см. *праздники* и *дни Св. Власія, Георгія* и *Флора и Лавра*.
———— приходскіе. I - 50, 189.
———— простонародные, городскіе и сельскіе. I - 20, 190, 198. III - 69, 74, 80, 89, 90, 92, 98, 99, 108. IV - 64, 65, 97. Еще см. *Народные пиры* и проч.
———— священные. IV - 75.
———— скотоводцевъ, см. *Власьевъ праздникъ* и *Пастушескіе*.
———— церковные. I-20, 52, 159, 229. II-7. III-69, 80.
———— школьные, учащихся. III - 89, 90, 92.
Праздникъ, праздники и обряды вообще: разсужденіе и изслѣдованіе объ нихъ. I-1-24, 30, 176, 230—244.
Праздникъ Всѣхъ душъ. IV—107, 116.
———— Вѣнковъ, у Нѣмцевъ. I - 84. III - 110.
———— Дураковъ, фашоевъ въ 8 стол. I - 82. II-11, 12, 13.
———— Кукушекъ. III - 93 - 98.
———— Кн. Меншикова и Потемкина. I - 44.
———— Паствины, Славян. III - 99.
———— Росы (Rassa) Литов. I-104, 105. IV-37, 38.
———— Солнца. I - 50.
———— Трехъ Царей (Королей) I — 82, 85, 127, 139, 178. II—25, 56, 116.

Празники, Волынск. и Подол. I - 156.
Праотцы, поминки и праздники. IV - 111.
Призоръ очесъ. I - 70, 88.
Прикладины. I - 157. IV - 113.
Припекало. IV - 61.
Приурочивания сельскихъ игръ и праздниковъ. I-193. IV-78.
Причитанія (вытье, голошеніе и проч.). I-63, 111, 160, 225, 226. III - 53, 54. IV - 117, 129, 130, 148, 191.
Пріапъ. IV - 61.
Прово, или Прове, Варг. богъ. I - 88, 119, 134, 145.
Проводная недѣля. I - 160.
Проводы. I - 156, 171. III - 47, 51.
Проводы честной Масляницы. II - 128.
Провожаніе весны и зимы. I - 50, 123. III-15. IV - 11, 65.
Провожанье и прощанье, масляничное. II - 135.
Прокопій, Византійск. историкъ VI в. I - 9, 133. II - 17, 61.
Прокопій Кесарійскій. IV - 4.
Прокопьевъ день. I - 189.
Прологъ. I - 52, 229. II - 31. IV - 112.
Пролѣтіе, пролѣтній мѣсяцъ. I - 46, 142. III - 2.
Пролѣть, весна. III - 2.
Прометеево бѣганье. I - 62.
Пронъ, Проне, Славян. I - 133, 134.
Прососѣяніе, игра. III - 27, 29, 111. IV - 119.
Прощальное, прощеное, послѣднее, воскресенье. I-181. II-128, 135, 136, 137.
Прощаніе съ умершими родственниками и знакомыми. II-135, 136. IV - 118, 144.
Пряженцы. II - 117.
Псковъ. I - 35, 36, 198. III - 192, 193, 197. IV - 35, 103.
Птицеволхованіе. I—61, 70. II—23, 39. III - 93.
Пугало. IV - 20.
Пѣсни и пѣснопѣнія обрядовыя и миѳическія. I - 216 - 220, 223, 226. II - 64.
Пѣсни: Авсеневыя. II - 104 - 108, 111 - 114.
——— Весеннія. I - 220. III - 30—47. IV-194.
——— Вьюнишника. III - 211—214.
——— Дьявольскія. I - 226.
——— Егорьевскаго окликанья. IV - 196.
——— Загадочныя. I - 221. II - 101, 102.
——— Заклинательныя. I - 221.
——— Колядскія и Виноградье. I - 220. II - 65 - 69, 134.
——— Круговыя. II - 88—101.

Пѣсни Купальскія. I - 220. IV - 31, 32, 45 - 50.
——— Ладовыя. I - 220. III - 30-35. IV - 21.
——— Народныя и простонародныя. I-218, 222, 223. II-120.
——— Посыпальныя. I - 167.
——— Похоронныя. I - 225.
——— Радуницкія. IV - 195, 196.
——— Разныхъ игръ. III - 30-47. IV - 67.
——— Русалокъ, вѣдьмъ и солнцевыхъ дѣвъ. I - 221.
——— Русальныя. I - 220. IV - 8.
——— Свадебныя (эпиталамы). I - 224. II - 40, 41, 101, 102. IV - 128, 129, 132-142, 146, 154, (Костромскія) 155-166 (и Осташковскія), 167-188.
——— Святочныя (подблюдныя). I - 220. II - 40, 41, 70—88, 141, 142.
——— Семицкія. I - 220. III - 105, 117-126. IV-197, 198.
——— Троицкія. I - 220. III - 135, 136, 137, 141-153.
——— Хороводныя. I - 220. (см. *Хороводы*).
——— Чародѣйныя. I - 221.
——— Языческія. I - 223.
Пѣтухъ, симв. Сканд. и Самар. I - 79. II - 51. IV - 34.
Пятидесятница (или Св. Седмь седминъ). I - 120. III-100, 106, 133, 157, 178, 185. IV - 15, 16, 86.
Пятница девятая, см. *Девятая пятница*.
Пятница и Св. Параскевы день. I - 39, 45, 48, 51, 188, 235. IV - 118.
Пятницы, временныя и обѣтныя. I - 48, 205.
——— — торговыя (десять). I - 242.

Р.

Рагута, Литов. праздн. I - 113.
Радигастъ. I - 134.
Радимичи. I - 26.
Радовица, озеро. III - 50.
Радовицкій монастырь. III - 50.
Радонежскій Сергій, Препод. III - 50.
Радонежъ, Радонецъ, городокъ. III - 50.
Radonice, уроч. III - 50.
Радуница, Радунецъ, Радоница, Радавница, Радованица. I - 8, 19, 20, 27, 36, 47, 51, 67, 110, 145, 160, 170, 181, 182, 214. III - 7, 16, 28, 47 - 54, 127. IV - 115, 195.
Еще см. *Окличкы* и *Пѣсни Радуницкія*.
Радуница, урочище. III - 50.
Разгары. I - 161.

Раздериха, гора въ Вяткѣ. III - 63.
Разрывъ-трава. I - 88, IV - 38.
Разыгрываніе навозныхъ толоковъ. I - 162.
Раичъ І., писат. I - 229.
Рарашекъ, Украин. I - 166.
Ратерій, Еписк. Верон. I - 226.
Регламентъ Духовный. I - 8, 39, 48. IV - 10, 189.
Реза, писат. IV - 21.
Рейфа Словарь. II - 38. III - 3.
Рейцъ, Проф. I - 79, 87, 135.
Ренваль, писат. IV - 26.
Ретра. I - 80, 91, 132, 151.
Римляне. I - 26.
Римскіе праздники. I - 65 - 72.
Рога дѣлать, приставить. II - 10.
Рогнѣда, Полоцкая, невѣста В. К. Владиміра Іго. I - 209. IV - 123.
Родины, или рожденіе младенца. I - 205, 210, 211, 212.
Родительскія (Parentalia) I - 27, 49, 55, 61, 64, 67, 109, 145, 171, 214, 215. II-120. III-8, 47, 48, 50. IV-106-118.
Рожденіе Миѳры у Персовъ, празд. II - 4, 7. IV - 91, 192.
——— Непобѣдимаго, Свѣта міру, Солнца правды, смертію смерть поправшаго, высок. праздн. II-7. IV - 192.
Рожественскій постъ. I - 139. II - 30.
Рожественскія святки и праздники, см. *Святки.*
Розенкампфъ Баронъ, писат. II - 6. III - 100. IV - 15.
Розыскъ Св. Димитрія. I - 39.
Россія, бѣлая, черная, красная, великая, малая. I - 6, 157, 158. II - 110. III-13, 50, 127, 133, 140. IV-113, 114. Еще см. *Русь.*
Ростовъ, ярмарка и камень Волоса. III - 157, 158.
Роща Русалокъ. IV - 6.
Руса, рѣка и русло. IV - 6.
Русалка, воевода. IV - 6.
Русалки, Мавки. I - 12, 34, 81, 96, 119, 136, 154, 158, 162, 166, 172, 173, 174, 192. III-98, 128, 140. IV-1-17.
Русалки, и Русалья, Русальная или Русальская недѣля, Русальныя ѣедмицы, Русалье или Русальное лѣто. I - 8, 19, 28, 36, 48, 54, 55, 141, 161, 171, 184, 230. III - 98, 100, 104, 127, 128, 134, 140. IV - 1 - 17.
Русальное заговѣнье. IV - 10.
Русиловки, урочища, и Русловы луѣтоши. IV - 6.

Русская Правда, см. *Правда Русская.*
Руссы. I - 76, 78, 152.
Русый цвѣтъ. I - 55.
Русь красная (червонная), черная и бѣлая. I - 55, 152 - 165, 233. II - 110. IV - 16. Еще см. *Россія.*
Рѣкамъ благоговѣніе и рѣкъ почитаніе. I - 56, 58. Еще см. *Идолопоклонство.*
Рѣпинъ Князь. II - 36.
Рюгенъ, Ругенъ, столица Славянскаго язычества и торговли, пріютъ Руси; островъ. I-18, 56, 78, 132, 134, 135, 151, 242. II - 43.

С.

Сабанной праздникъ Татар. IV - 85.
Сабеизмъ Гебровъ и Парсовъ. I - 58.
Сабининъ, Протоіерей. III - 158, 159.
Савазіи у Грековъ. II - 61.
Савинъ городокъ. I - 183.
Саги Исландскія. I - 124.
Саксонъ, писат. Датск. I - 31. IV - 120.
Салійскія пѣсни. I - 14, 66.
Самогиція, Самогитяне, Литва. I - 94, 111, 112, 117.
Самойловъ Н. С., писат. III - 134.
Сахаровъ, И. П., писат. I-I, 221, 230, 236. II-43, 54, 84. III - 32. IV - 8, 96, 130, 131.
Свадебные обряды Литов. и Слав. I - 116, 149.
Свадьба, сватьба, играть свадьбу, свадебная недѣля, пиръ, обряды, пѣсни и проч. (Сватанье, помолвка, благословеніе св. иконами; рукобитье, сговоръ, дѣвишникъ, вѣнчаніе, Княжій пиръ, Княженецкій столъ; Князь и Княгиня, Тысяцкіе, Бояре, сваты, свахи, дружка и подруги; встрѣча жениха, свадебный поѣздъ, *вѣнечная куница*, гостинцы, подарки, величанія, калымъ (цѣна) за невѣсту; пропой, *осыпаніе хмѣлемъ*, гаданія, примѣты и предосторожности отъ порчи и колдовства, знахари, причитанія, *посидѣлки*, продажа косы, ключи отъ сундука; *каравай*, разуваніе молодаго, удареніе плетью, вскрываніе новобрачныхъ, баня, постиланіе ржаныхъ сноповъ вмѣсто постели, сажаніе молодыхъ на мѣху, окручиваніе молодой, битье посуды и проч.) I - 69, 116, 163, 179, 205—209, 215. II - 62, 115. III - 5, 6, 18, 25, 27, 28, 83, 84, 85. IV - 107, 114, 118 - 154. Еще см. *Пѣсни свадебныя.*

Свадьба Папы и шута Шанскаго. IV - 127.
Свайстиксъ, богъ свѣта, Литов. I - 101.
Свентоянскій огонь. IV - 26.
Свистопляска, праздн. I-182. III - 16, 62, 63, 64. IV-191.
Свитезянки, см. *Русалки.*
Свѣтлая седмица Пасхи (Святая недѣля). I - 40, 160. III-48.
Свѣтовидъ, Святовидъ I-18, 32, 135, 145, 242. II - 43. III - 69, 99. IV - 76.
Свѣчи, гаданія. II - 40.
Святая земля, см. *Самогиція.*
Святая недѣля. I - 93, 160, 179. III - 45. IV - 10.
Святки, святые вечера, святочныя игры, маскированія. I—5, 28, 37, 39, 41, 47, 49, 51, 72, 82, 114, 138, 140, 166, 177, 178, 207, 229, 236, 240. II - 1-65, 103. III-99, 108, 132, 141. IV-43. Еще см. *Васильевы вечера* и *Пѣсни святочныя.*
Св. Сумеона Столпника церковь. IV - 105.
Св. Сунодъ. I - 39 IV - 42.
Сглазить, изурочить. I - 70, 88.
Седмеричное число. III - 115.
Седмица. I - 98.
Секмине, Литов. I - 101.
Sema или Semina I - 79. II - 109.
Семарглъ. I - 10.
Семенъ, Семинъ, Семеинъ, Св. Сумеона Столпника (Лѣтопроводца) день, Семинская, Семенская недѣля. I - 43, 45, 49, 51, 108, 143, 175, 180, 239. IV - 91—105. Еще см. *Лѣтопроводца день.*
Семики, пустошь, Семиково, уроч. и Семицы. III - 114.
Семикъ слобода. III - 114.
Семикъ (честный), Сеймикъ, Семицкій четвергъ. I - 28, 29, 30, 41, 48, 50, 51, 62, 74, 84, 136, 170, 180, 256, 239. II - 117. III-11, 16, 54, 84, 99—116, 127, 128, 134, 182, 185, 184, 200, 205, 204, 205. IV-7, 17, 197. Еще см. *Пѣсни Семицкія.*
Сенковскій О. И., писат. III - 115.
Сентябрь мѣсяцъ. I - 43. IV - 91-105.
Сербы. I - 141.
Сива. I - 131, 134. II - 109. III - 9. IV - 77.
Симонъ Буссакъ, писат. III - 111.
Скавыка, гора. III - 90.
Скаканіе на доскахъ. III - 15.
Скандинавія. I - 26. IV - 54.

Склабовскій, писат. IV - 44.
Скоморохи. I - 28, 36, 214.
Скудельницы (кладбища), см. *Убогіе домы.*
Скураты (Scurra). I - 68. II - 31. Еще см. *Личины.*
Славленье Христа. II - 2, 50, 54—58.
Славяне. I - 21, 53, 78, 150, 151.
Славяно-Руссы. I - 21. II - 15, 23, 38. IV - 43.
Славянская Хроника. IV - 110.
Славянское пиршество въ честь мертвыхъ. IV - 109.
Словари Бернолака, Юнгманна и Вука Стефановича. II - 25.
Словарь Росс. Академіи. II - 140.
Слово о полку Игоревѣ. I - 165.
Слѣпа баба, игры, см. *Жмурки.*
Слѣпороды. III - 62.
Смерть. I - 205.
Смѣхъ (Risus), бож. у Римл. III - 57.
Сновидѣнія, гаданіе. II - 51, 52.
Снятіе съ нашести куръ. II - 42, 43.
Собачій лай. II - 44, 48.
Соботки, Собутки, празд. I - 104, 117, 124, 125, 178, IV - 19, 28, 29, 30.
Сожиганіе мертвыхъ. I - 26, 58.
Сожигать масляницу или соломеннаго мужика; обрядъ. II-130, 136.
Солнце играетъ (караулитъ солнце). I-30, 31, 220. III-16. IV - 66, 67.
Соломона Словарь IX вѣка. I - 131.
Солошины, см. *Всесвятское заговѣнье.*
Солоноворотъ (Св. Спиридонъ). I - 239.
Соль просыпанная. I - 70.
Сорокоустъ, 40 дней. I - 63.
Софійскій временникъ. III - 193, 199.
Сорочины. I - 67, 111.
Спасъ, празд. I - 162.
Спиридонъ, Арх. Новгород. III - 191.
Спожинки, Спожинцы, см. *Госпожинки.*
Спрашиваніе объ имени. I - 41. II - 42.
Спрыгъ-трава. I - 88.
Срезневскій, писат. I - 103, 163.
Сродство Славяно-Русс. съ Греками, Римлянами и проч. I-57, 65.
Сроки. I - 45. IV - 63, 97, 103, 104.
Ссыпчины. I - 50. IV - 95.
Стадо Господне, обряды, игрища, танцы. I - 117, 155, 179.

Стадо, празд. I - 29, 120. III - 90, 111, 114. IV-37, 190.
Станило, труженикъ. III - 179.
Стародубскій полкъ. I - 48.
Статутъ Маріи Терезіи. I - 143.
Степенная книга. I - 227.
Стефана св. день. I - 93, 246.
Стефанъ, Митр. Рязан. III - 181.
Стихіямъ царственнымъ первенствующимъ поклоненіе, см. *Поклоненіе стихіямъ.*
Стоглавъ. I - 8, 28, 29, 36, 37, 52, 54, 66, 147, 182, 224. II - 23, 30, 34, 39, 42, 127. III - 7, 13, 49, 54. IV-15, 20, 35, 43, 51, 60, 65, 120.
Страва (Strava, Strova). I-25, 26, 110, 128, 145, 146, 171. III - 48, 108, 184. IV - 110.
Страховъ П. И., Професс. IV - 131.
Стрибогъ, Стриба. I - 10, 119, 165. III - 154.
Строевъ, П. М., писат. I - 11.
Струковъ, писат. IV - 84.
Стрыйковскій или Стриковскій, писат. I - 100, 108, 227, 229. II - 28.
Студенецъ, озеро, въ Рюгенѣ. I - 56.
Студенцы. I - 15, 56.
Субботки, Святки. I - 177. II - 34, 35.
Суворовъ С. П., писат. IV - 131, 198.
Судебные акты древніе. I - 37.
Судебный поединокъ. I - 87.
Судный срокъ. IV - 103, 104.
Судъ Божій и Государевъ (Царевъ). I - 43, 86, 87. IV - 103, 104, 105, 128.
„Суженой ряженой." I - 73. II - 17, 49 - 52.
Сумъ, Истор. I - 245.
Сухомлинская Криница, см. *Криница.*
Сходбища, сходбище, гулянье, игры. I - 183. III - 37, 38, 39.
Сыльный богъ. I-165.
Сырная недѣля, см. *Масляница.*
Сѣвана, Сѣванна. I - 66. II - 109. IV - 11.
Сѣменникъ, бож. I - 109. IV - 96.
Сѣяніе проса, игра, см. *Прососѣяніе.*
Сунопсисъ. I - 168, 229. IV - 20.

Т.

Тавръ. I - 61.
Такать, ладить. I - 88.

Татары. I - 33, 34, 35, 235. IV - 25, 71, 74, 85, 125, 146, 152.
Татищевъ Истор. I - 12, 211. IV - 6, 41, 104.
Таусень, Говсень, Бауцень, см. *Авсень.*
Тацитъ, писат. I - 85, 86, 132.
Телецъ, созвѣздіе. IV - 53.
Телоніи, Греч. IV - 3, 7.
Терема царскіе, боярскіе и купеческіе. II - 141, 142.
Терзаніе. I - 27.
Терновскій, П. М., Професс. I-II. III-130, 191. IV-199.
Тертулліанъ, писат. I - 25. II - 8. IV - 126.
Тимковскій Р. Ѳ., писат. I - 68, 206, 229.
Тихомировъ Д. П., писат. III - 133. IV - 11.
Тихонъ I, Еписк. Ворон. I - 12. IV - 59.
Тіассъ. I - 74.
Товій и Товитъ. I - 178, 195.
Толока, толоки, праздникъ. I-31, 107, 163, 176, 202. IV-88, 189.
Толпище. I - 179.
Торговыя пятницы, см. *Пятницы торговыя.*
Торгъ. I - 4, 5, 45, 241, 242.
Торжество, торжества. I - 4, 5, 19.
Торжище. I - 9.
Торъ. I - 10, 19, 72, 74, 75, 76, 87, 92, 124. II - 16. III - 69, 115.
Травень, см. *Май.*
Требища. I - 9, 191.
Требники. I - 200. III - 128.
Требы класть. I - 136.
Treglau, гора въ Краинѣ. I - 136.
Тредьяковскій, писат. I - 221—223.
Треодіонъ. III - 169.
Тресвятскій садъ въ Твери. IV - 57.
Третины. I - 67, 111.
Трехъ Царей (Королей) праздникъ, см. *Праздникъ Трехъ Царей.*
Триглавъ, глав. бож. I - 135, 136.
Три Горы, въ Москвѣ. IV - 41.
Три ключа, въ Спарицѣ. IV - 66.
Тризна. I - 22, 25, 27, 55, 86, 128, 146, 147, 148, 192. III - 7, 48, 54, 101, 108, 184. IV - 109, 110, 114.
Тризнище (три-Знича). I - 9, 147, 148.
Тризнищный огонь. I - 147.

Trojeglav, городъ въ Славоніи. I - 136.
Троицкая лѣтопись. III - 49.
Троицкія игры въ Англіи. I - 85.
Троицынъ и Духовъ день, Троицкая недѣля, Троицкая вселенная суббота; Троицкія игры, игрища, пѣсни. I - 28, 36, 84, 141, 161, 171, 174, 183, 184, 185, 214, 219. II - 1. III - 54, 85, 103, 106, 108, 110, 127—141, 204. IV - 3, 7, 8, 10, 13, 14, 57, 104, 115. Еще см. *Пѣсни Троицкія.*
Труждающіеся. III - 178.
Труженики-гробокопатели. III - 179, 194, 195.
Туговы горы. I - 236.
Тужилка по масляницѣ. II - 137.
Туманскій, писат. IV - 105.
Тунманъ, писат. I - 131, 133.
Turan. I - 61.
Турень Докторъ. IV - 2.
Турова божница. I - 22. III - 116.
Турово капище. III - 216.
Туровское село. III - 216. IV - 55.
Туръ. II - 14, 61, 74, 75, 76, 92, 124, 141, 165, 219, 234. III - 113, 116, 140, 159. IV - 52, 53, 128.
Туръбидъ и Туръбернъ, имена Руссовъ. I - 76.
Турыгино, уроч. III - 116.
Тучевъ камень. I - 15. IV - 70, 74.
Тюлпа. I - 29, 120. Еще см. *Семикъ.*
Тюрингенъ. IV - 26.
Тюрпень, Истор. II - 52.
Тяжеловъ А. И., писат. I - 51. IV - 91.

У.

Убогіе домы. I - 28, 58. III - 50, 101, 102, 108, 114, 177—210. IV - 115, 116, 196.
Убожедомка, см. *Божедомка.*
Увозки. I - 163.
Угады (ougadhy). I - 59. II - 4, 61.
Удѣльная система. I - 35.
Уклады (вклады) на города. I - 148.
Украйна. IV - 31.
Упиня, бог. IV - 38.
Упура-Пайрамъ, праздн. IV - 86.
Усопшія Радованицы (Ѳоминъ вторникъ). IV - 195.

Успеніе, Успенщина. IV - 80.
Успенскій Гавр., писат. I - 12, 210. II - 59. III - 169. IV - 130, 154.
Уставъ церковный. I - 67.
Устряловъ, писат. III - 164.
Усыпальницы. III - 182, 185.
Уточка, игрище. IV - 11.
Утренники. III - 5.

Ф.

Фанны, игры. II - 63.
Февраль мѣсяцъ. I - 49, 179. III - 7.
Филаретъ, Митрополитъ. III - 109, 115, 130, 158, 189.
Филаретъ, Патріархъ. I - 163. III - 188, 189. IV - 97, 104.
Финнскія божества. I - 91.
Финнскія племена. I - 89, 90, 91, 151.
Финнскія празднества и обряды. I - 92. IV - 34.
Финны, колдуны и чародѣи. II - 34.
Фіёргунъ (Fiörgyn) Сканд. I - 10.
Флетчеръ, писат. III - 196.
Флора и Лавра Св. праздникъ. I - 203. III - 157.
Фотій, Митр. IV - 121.
Фризъ Я., писат. II - 66.
Фряги. I - 77.

Х.

Хавтурей (chau, *ховъ*-смерть) Липов. I - 109. IV - 108, 110.
Халдеи. II - 39.
Хворосты, см. *Блины.*
Χελιδόνισμα. I - 50.
Хлѣба собираніе у Славянъ. I - 145.
Хлѣвники, домовые. I - 158.
Ходаковскій, писат. I - 117, 148, 178. III - 75. IV - 28.
Хожденіе съ вертепомъ и звѣздою. II - 29, 54, 55. IV - 191.
Холки. I - 50, 188.
Хоматинъ Дмитрій, писат. I - 54. IV - 15.
Хороводы, короводы, игры. I—9, 52, 63, 93, 117, 149, 180, 184. III - 6, 15, 18, 24, 25, 29—47, 88, 151, 152, 146. IV - 11, 56, 65.
Хороненіе золота. II - 41, 60.
Хоронить мухъ. I - 187.

Хорсъ, Корса, Корша. I - 10, 11, 119, 139. II - 30.
Хрістосываніе съ умершими. III - 48, 49, 51.

Ц.

Царица-водица. I - 31, 235. IV - 22.
Царскій И. Н. IV - 199.
Царскій обѣдъ. I - 195.
Царскія финиковыя вѣтви. III - 165.
Царь-бобъ и Царь-горохъ. I - 82.
Царь-городъ, пѣсня. III - 45, 46.
Царь-огонь. I - 31, 235. IV - 22, 54.
Цвѣтень, см. *Май*.
Цвѣтная пасха. I - 84.
Церера. I - 61, 62. III - 9.
Цесарь. I - 132.
Цибелинъ, Римс. праздн. III - 3.
Цицеронъ. IV - 25.
Цѣловникъ. I-181. Еще см. *Прощальное воскресенье*.

Ч.

Чарованіе. II - 39.
Чародѣйство. I - 37.
Чародѣяніе надъ корчагами. II - 30.
Чембулатка Черемисс. I - 15.
Червенная, червонная, или красная, твердая Русь, см. *Русь*.
Черемисы. IV - 85.
Черная Русь. I - 154, 155.
Черная смерть, и Чума, см. *Моръ*.
Чернобогъ, черный Богъ. I - 10, 119, 135, 152, 165, 235.
Чернобыльникъ, трава. IV - 39.
Черные или злые дни. I - 70. IV - 106.
Черный праздникъ. II - 23.
Черный цвѣтъ, символ. I - 55.
Чертово Беремище. IV - 34.
Чёртъ (чаровникъ), чортъ, черти. I - 19. II - 39. IV-11, 12.
Чесотка зубовъ. I - 70.
Четьи-Минеи. I - 11, 37, 169. II - 8, 28. III - 154. IV-20, 24, 92.
Чехи. I - 118, 122, 140, 141, 152. IV - 92.
Чешская пѣсня. I - 148.
Чинъ лѣтопровожденія. I - 188.
Чиханіе. I - 70.

Чудеса, см. *Чудесы*:
Чудь, см. *Финны*.
Чурбаны. I - 19.
Чуръ („чуръ меня"), богъ предѣловъ. I - 12, 19, 119. II - 30.
Чучелы и куклы соломенныя и проч. I - 69. IV - 11, 33, 55, 65, 85. II - 130, 136.

Ш.

Шаманы Татарскіе. I - 91.
Шатъ, рѣка. III - 40.
Шаффарикъ, писат. I - 214. III - 128.
Шверинъ. I - 151.
Шевыревъ С. П., Профес. I - II. III - 78. IV - 199.
Шереметевскій П. В., писат. II - 102. III - 207. IV - 199.
Шествіе на ослятѣ, обрядъ, см. *Вербная суббота*.
Шишковъ А. С., писат. I - 44. IV - 93, 94.
Шлецеръ А., писат. I - 1, 198.
Штёкманъ, писат. I - 135.
Штелинъ, писат. III - 125.
Штетинъ. I - 135, 136, 148, 151.
Шуйскій В. И., Вел. Кн. III - 158.

Щ.

Щедрованіе. I - 166.
Щекавица, Щекавича, Скавица, см. *Лысая гора*.
Щекатова Словарь. III - 22.

Ю.

Ювеналъ, писат. I - 67.
Юль, Скандинав. II - 27.
Юльскіе праздники и игры, см. *Іолійскіе*.
Юровая, праздн. I - 203.
Юрьева гора. III - 68.
Юрьевъ день, весенній и осенній. I - 45, 49, 127, 145, 144, 156, 160, 171, 175, 176, 179. III - 16, 65—81, 90, 176, IV - 196. Еще см. *Егорьевъ день*.
Юрьевъ день и оброкъ. III - 80.
Юрьевъ-Ливонскій и Юрьевъ-Польскій. III - 77.
Юстиніанъ, писат. въ VI в. II - 7.

Я.

Явленія тѣней и душъ умершихъ. IV-106, 107, 108, 112, 113.
Яга-баба. I - 12. IV - 33.
Языковъ Д. И., писат. I - 86.

Языческая (дохристіанская) епоха праздниковъ. I - 33.
Языческіе браки. I - 206.
Язычники Русскіе. I - 137.
Яица Пасхальныя, красныя. I - 75. III - 28, 52. 53.
Яма (уата), Индѣйск. I - 59.
Январскія каланды. I - 67. II - 6—10.
Январь мѣсяцъ. I - 43, 47, 138. IV - 95.
Яновъ огонь. IV - 26.
Янъ Камизиръ, Король Польскій. III - 176.
Янъ и Яна, Римск. I - 14.
Янъ, Янусовъ праздн., см. *Январскія Каланды* и *Коляда*.
Ярило, Ярунъ, Яръ, Яровидъ. I - 12, 13, 29, 48, 50, 51, 177, 179, 180, 185, 254. III - 15, 116, 154. IV - 20, 21. 51—61.
Ярило, игрище и празднество. I - 185, 186. IV - 51—61.
Ярило, торги и ярмарки. I - 15, 179. IV - 52, 57, 60, 61.
Яриловичи, уроч. IV - 52.
Ярилово гулянье, поле и роща. IV - 52.
Ярмарка на красной горкѣ. III - 22, 23.
— — Купальница, см. *Купальница ярмарка*.
— — Ростовская, см. *Ростовская ярмарка*.
Ярмарки, торги, торжки. I - 48, 241. III—5. IV - 63.
Ярославлевъ дворъ. I - 228. III - 97.
Ярославовъ родникъ, см. *Криница*.
Яруны, воевод. IV - 61.
Яръ-Туръ. IV - 55.
Яръ, яровое, ярый. III - 1, 2, 3.
Ярь и Зеленачка, весна. III - 12.

Ѳ.

Ѳеклы Заревницы день, см. *Заревница*.
Ѳеогноста Митроп. Св. Мощи. III - 195.
Ѳеодосіево Уложеніе. I - 62. III - 109.
Ѳеодосій, Новгор. Архіепис. I - 36.
Ѳеодоръ, Боляринъ. IV - 25.
Ѳеодоръ, Царевичъ. IV - 105.
Ѳеодоръ, Новгор. Еписк. I - 53, 54.
Ѳоминъ понедѣльникъ, вторникъ, воскресенье, Ѳомина недѣля. I - 48, 110, 181. III - 14, 17, 23, 28, 29, 47, 49—53. IV - 195.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ВЫПУСКА.

		Стран.
1.	Русалки и Русалія	1— 17
2.	Купало и Купальница	18— 44
	Купальскія пѣсни	45— 50
3.	Ярило.	51— 61
4.	Петровки	62— 68
5.	Башъ и Башиха	69— 74
6.	Земледѣльческіе праздники	75— 90
7.	Семенъ день.....	91—105
8.	Осенняя Родительская.....	106—117
9.	Свадьбы	118—131

Дополнительныя статьи.

1.	Деревенскія свадьбы	132—154
2.	Свадебныя пѣсни въ Костромской Губерніи	155—166
3.	Пѣсни свадебныя Осташковскія	167—188
	Дополненія и поправки	189—198

260

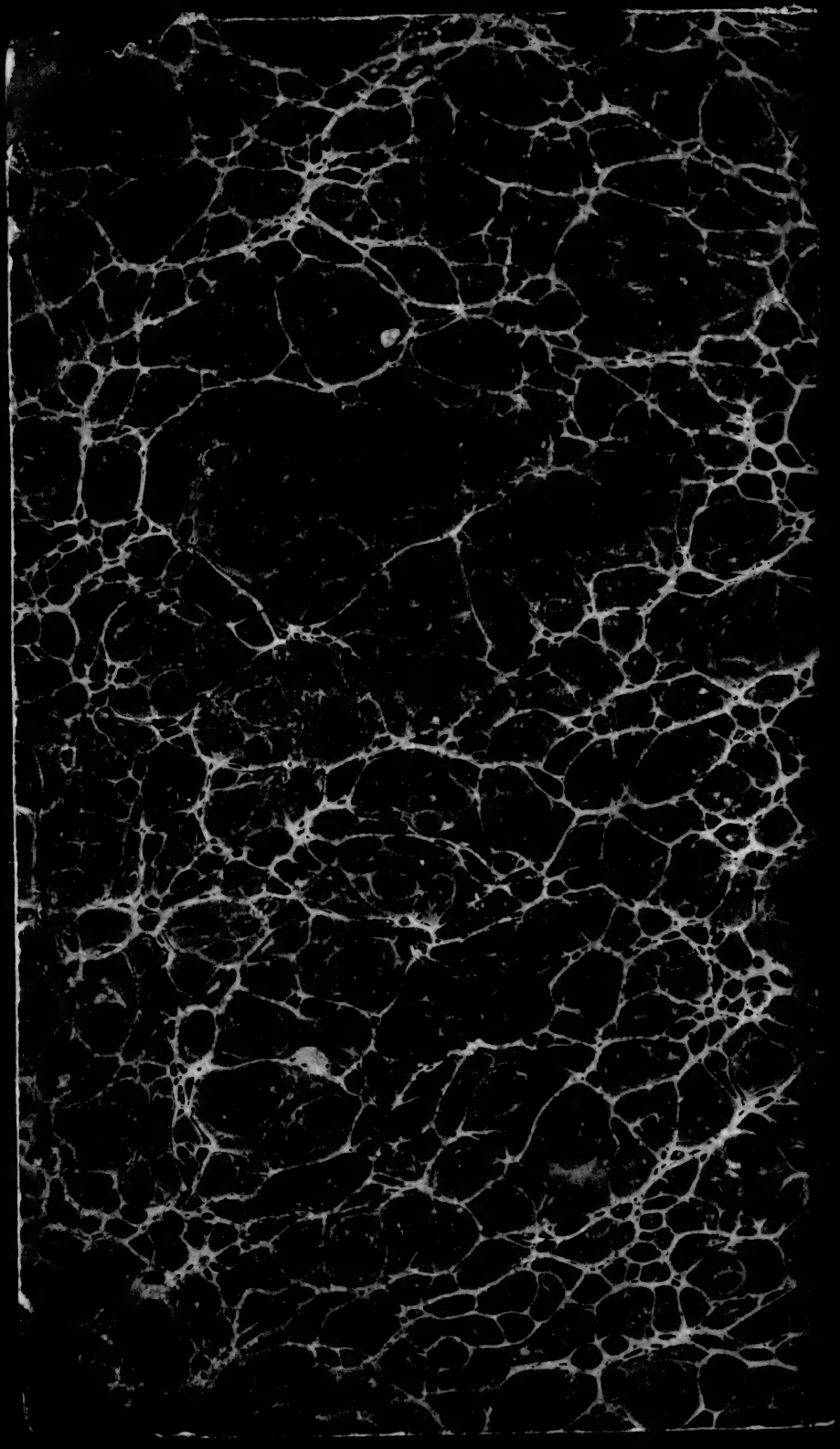
COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
1010678824

947.01 Sn263
v.4

947.01 Sn263
v.4

Snegirev

Ruskie prostonarodnye prazdniki...

NOV 15 1951 O. Tarantini
Room 320

JAN 26 1949